

**ЯКУТСКИЕ
МИФЫ
•
САХА
ӨС-НОМОХТОРО**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

ЯКУТСКИЕ МИФЫ

●

САХА ӨС-НОМОХТОРО

Издание подготовил
лауреат Государственной премии России
в области науки и техники *Н.А. Алексеев*

Ответственные редакторы
доктор филологических наук *В.В. Илларионов*
доктор исторических наук *Р.И. Бравина*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2004

УДК 398
ББК 82.3(2)
Я49

Рецензенты

доктор филологических наук *Н.Н. Широбокова*
доктор исторических наук *И.Н. Гемуев*

Автор вступительной статьи и примечаний *Н.А. Алексеев*

Автор иллюстраций *Р.И. Бравина*

Утверждено к печати Ученым советом
Института филологии СО РАН

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Совета по грантам Президента Российской Федерации
по государственной поддержке ведущих научных школ № НШ-2289.2003.6,
Института гуманитарных исследований
Академии наук Республики Саха (Якутия),
Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова
и Президиума СО РАН*

Я49 Якутские мифы = Саха өс-номохторо / Сост. Н.А. Алексеев. — Новосибирск: Наука, 2004. — 451 с.
ISBN 5—02—029724—0.

Сборник — первый опыт издания якутских мифов. Состоит из 196 записей, 118 из которых были введены в 1985 г. в научный оборот впервые.

Тексты мифов даны на языке оригинала и в русском переводе. Каждый текст паспортизирован. В очерке «Якутская мифология» и Примечаниях разъясняются религиозные термины и архаичные выражения, непонятные современному читателю.

Для фольклористов, этнографов, краеведов.

УДК 398
ББК 82.3(2)

ТП—03—II—№ 168

ISBN 5—02—029724—0

- © Российская академия наук, 2004
- © Институт филологии СО РАН, 2004
- © Составление, вступительная статья, примечания. Н.А. Алексеев, 2004
- © Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2004

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Исследование традиционных религиозных верований народов Сибири имеет научное и практическое значение — оно необходимо для выяснения корней религий, этапов их формирования, освещения особенностей взаимодействия различных культов.

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен в основном в соответствии с принципами публикации образцов устного народного творчества якутов, разработанными еще Г.У. Эргисом [ИПРЯ, ч. 1, с. 7—8], поэтому книга составлена только из паспортизированных записей и снабжена очерком якутской мифологии*. Уже изданные тексты мифов даны без особых изменений, переводы неопубликованных записей сделаны составителем. Главное внимание в переводах на русский язык, так же как у Г.У. Эргиса, уделено возможно точной передаче их содержания. Не переведены собственные имена героев и названия местностей, в паспортах сохранены географические обозначения, принятые во времена записей материалов. Названия архивов даны так, как они назывались во время работы в них составителя.

Сборник подготовлен в основном из полных вариантов мифов. Фрагменты их и изложения отдельных сюжетов помещены в тех случаях, когда подробные записи вообще отсутствуют. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем исследователи занялись поисками полных текстов. Составитель считал возможным включить в сборник и мифы, опубликованные на русском языке Г.В. Ксенофонтовым.

В ряде случаев в записях сохранены комментарии самих сказителей, отражающие отношение их к мифам, степени и полноте сохранности данного вида произведений. Они необходимы отчасти для показа процесса преодоления якутами суеверий.

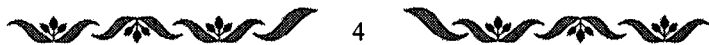
Мифы «приводятся, как правило, в одном, наиболее типичном варианте и только в некоторых случаях — в двух или в трех

* Первый вариант сборника был подготовлен в 1985 г. как отчет о работе в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, к настоящей публикации рукопись отредактирована и уточнена.

Дух-хозяйка белой ночи

вариантах, когда все они представляют особый интерес» [ИПРЯ, ч. 1, с. 8].

В книге 196 записей, отобранных из Архива ЯФ СО АН СССР (ныне рукописный фонд ЯНЦ СО РАН), Архива ИВ СССР (ЛО), сборников «Исторические предания и рассказы якутов» [ИПРЯ, ч. 1, 2] и «Якутские сказки», составленных Г.У. Эргисом; книги С.И. Боло «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» [1938], трудов Г.В. Ксенофонтова «Легенды и рассказы о шаманах» [1928] и «Эллэйада» [1977]. Из 196 текстов 118 были введены в 1985 г. в научный оборот впервые. Из 76 опубликованных мифов 7 переведены мною (тексты из книги С.И. Боло). Часть мифов включена в том «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В соответствии с традиционным религиозным мировоззрением якутов мифы классифицированы на шесть групп: 1) о птицах, животных, рыбах и пресмыкающихся; 2) о небесных телах, атмосферных явлениях и об обитателях Верхнего мира; 3) о сверхъестественных существах, обитающих в Среднем мире; 4) о духах Нижнего мира; 5) о первопредках, главах родов и предназначении людей; 6) о шаманах.

В примечаниях разъяснены якутские религиозные термины и архаичные образные выражения, непонятные современному читателю. В подготовке сборника — отборе материалов из печатных источников принимала участие Т.А. Антонова. Составитель также благодарен за помощь работникам рукописного фонда ЯНЦ СО РАН А.Л. Новгородовой и Л.Ф. Рожиной.

ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифология каждого народа представляет собой один из способов осознания мира. Основным признаком всех мифов как элементарных, так и весьма сложных произведений мировых религий стало то, что они дают религиозное, т.е. исходящее из признания сверхъестественных миров и их обитателей, или иррациональное (верное, но недоступное пока разуму) объяснение явлений природы и жизни человека.

Мифология — это живой, меняющийся элемент человеческого сознания. Начав формироваться на самом раннем этапе истории человечества, мифология прошла вместе с ним весь долгий исторический путь, поэтому у каждого этноса есть архаичные и поздние мифы, при этом древние предания не оставались неизменными. В процессе развития культуры этноса они менялись, получали иногда новый смысл, соответствующий повысившемуся уровню знаний народа, его политическому статусу. Однако основная функция мифа — объяснить и санкционировать существующий в обществе и мире порядок — всегда сохранялась [Мифы народов мира, т. 1, с. 14].

Мифологические представления передавались и закреплялись среди этноса через произведения устного народного творчества, которые самим народом признавались частью преданий и рассказов о прошлом. Такое отношение к мифам было свойственно и якутам. Соответственно состав якутских мифов определен исходя из изложенного выше понимания мифологии.

Анализ собранных текстов показывает, что заметное место в якутской мифологии занимают мифы о птицах и животных. Среди них встречаются тотемические, шаманистические мифы и весьма архаичные произведения, очеловечивающие своих героев, приписывающие им магические свойства и способность находить предметы, обладающие волшебным даром.

Так, о магических способностях птиц повествует, например, миф о кукушке, которой не нравится быстрый рост трав, но ее кукование, наоборот, ускоряет рост зелени (текст № 33). Он весь-

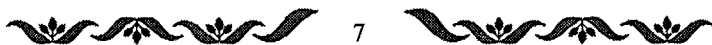

ма близок к тувинскому мифу «Бурая кукушка, имеющая лошадиную голову», записанному нами в Дзун-Хемчикском районе Тувинской АССР во время экспедиции 1983 г. (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 581, л. 62—63). По мифу считалось, что в древние времена, пока в Туве обитала такая кукушка, все вокруг оставалось вечно зеленым. После того, как она улетела из Тувы, травы и деревья стали блекнуть на зиму. И только ель, сосна и кедр оставались зелеными потому, что на них любила садиться бурая кукушка. Тувинцы, как и якуты, связывали появление зелени с мифической птицей и пренебрежительно относились к реальным кукушкам. В якутском мифе говорится, что кукушкам не нравится рост трав, а в тувинском — они считаются обманщицами. Последние, прибыв в теплую южную страну, лгут бурой кукушке, говорят, что в Туве не осталось деревьев, на которые она могла бы сесть. Возможно, оба мифа сложились у общих предков якутов и тувинцев.

Согласно якутским мифам, ряд птиц обладает даром проклинать людей, причинивших им вред. Причем таким свойством обладали не только тотемные птицы (мифические предки или покровители определенных якутских родов) — орел, ворон, лебедь, ястреб, но и нетотемные — журавль, черная лысуха (тексты № 5, 7, 11, 20, 40, 42). Поверье о проклятии журавля схоже с проклятием тотемных птиц. Они вредят при убийстве или пренебрежении табу, связанным с ними. Черная лысуха мстит лишь в случае, когда из ее гнезда украдут до 40 яиц. Несомненно, последний миф регламентирует отношение охотников к лысуге, запрещает разорение гнезд. Отметим, что вера в умение некоторых птиц проклинать людей, имеет общетюркскую основу [Алексеев, 1980, с. 109].

У якутов существуют мифы о том, что от орла, скопы и дятла можно получить предметы, обладающие магическими свойствами. Орел, по якутским верованиям, был способен одарить человека, вызволившего его из беды, камнем счастья (№ 8). Из гнезда скопы, согласно мифам, можно будто бы извлечь волшебный кусочек глины с перышками, дарующий человеку богатство, плодовитость и пр. (№ 30).

С помощью дятла якобы доставали богатырскую траву (№ 49). Аналогичные мифы бытовали и у других тюркоязычных этносов Сибири. У тувинцев камень счастья приносил своим почитателям лебедь (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 581, л. 1). Качинцы (хакасы) верили, что камень счастья можно найти в гнезде у

ворона (Рукописный фонд МКМ, оп. 1а, д. 61, л. 19 об.) [Алексеев, 1980, с. 50]. Якутское поверье о богатырской траве близко к хакасским представлениям о чудодейственной траве, мгновенно исцеляющей раны (Там же, л. 32—32 об.) [Там же, с. 51].

К комплексу магических воззрений якутов относились и мифы о том, что тушки животных или их фрагменты могут служить амулетами, приносящими удачу в промысле. Так, в качестве амулета использовали тушку кукушки, рыжей белки, уши и лапы совы и т.п. (№ 24, 50). Такие же амулеты встречались у охотников и других тюркоязычных народов [Алексеев, 1978а, с. 203]. Таким образом, якуты не утратили архаичные мифы, во многом унаследованные от этносов, принявших участие в формировании тюркоязычных народов Сибири.

Данные якутской мифологии показывают, что якуты отчасти сохранили древнее по происхождению очеловечивание птиц [Штернберг, 1936, с. 429]. В мифах утверждается, что птицы, как и люди, делятся на отдельные роды или племена, имеют своего главу и т.п. Фактически птицы, согласно якутским религиозным верованиям, приравнивались к людям.

Ярким примером, свидетельствующим о приписывании птицам отношений, свойственных человеческому обществу, является миф о собрании птиц (№ 1). Он состоит из следующих текстов: мифа, объясняющего, почему ряд птиц остается зимовать в Якутии, о поисках теплой страны для зимовки перелетных птиц, количестве птенцов у различных видов птиц. В них отражены взаимоотношения людей, входивших в раннеклассовое общество. Г.У. Эргис полагал, что данные образы мифа «аллегорически отражают старинное якутское общество, нравы и привычки их типичных представителей. Тут и драчливый самонадеянный тойон-журавль, несправедливый и плутоватый беркут-“барыллы”, и скромные птицы — рядовые члены общества. Птичье собрание напоминает наследную сходку дореволюционного времени» [ЯС, т. 1, с. 14]. Г.У. Эргис был прав, говоря об отражении в мифе взаимоотношений, свойственных якутскому этносу, но эти отношения уходят своими корнями в историю южных предков якутов.

Сравнительное изучение мифологии тюркоязычных народов Сибири позволило установить, что мифы о собрании птиц, об избрании ими «царя» (птиц), о конфликте между журавлем и перепелкой, об отождествлении птиц с людьми были известны общим предкам сибирских тюрков [Алексеев, 1978б].

Наряду с произведениями, в которых птицам приписывались человеческие свойства, у якутов существовали и мифы о превращении людей в птиц. Г.У. Эргис отметил у якутов лишь один — миф о парне-табунщике, укравшем и съевшем жеребенка, осужденном стать коршуном и летать, издавая «один и тот же крик, напоминающий ржанье жеребенка, и питаться падалью» [1974, с. 150].

Типологически близкие мифы обнаружены в архиве ЯФ СО РАН. Так, в тексте о коршуне говорится, что эта птица раньше была невестой, едущей с приданым и подарками к своему будущему мужу. По пути у нее потерялась вареная конская голова от туши, данной для угощения родственников мужа. За такое оскорбление ее проклинали «стать коршуном, постоянно ржущим поконски» (№ 29). К данному сюжету близок миф о чайке, также «бывшей» девушкой, просватанной за парня из Верхнего мира. Когда свадебный поезд прибыл к родителям мужа, оказалось, что исчез целый кусок якутского масла, который являлся частью подарков невесты. Возмущенные грозные обитатели Верхнего мира проклинали девушку, превратили ее в белую, как якутское масло, чайку и велели всю жизнь искать то масло (№ 38). В число мифов о превращении человека в птицу относятся также тексты об обращении в кроншнепа и кулика плода девушки, забеременевшей слишком рано (№ 43, 45). Таким образом, эта группа мифов не просто объясняла особенности поведения птиц, но и регламентировала жизнь коллектива. Попутно с объяснением происхождения указанных птиц слушателям внушались и нормы обычного права: недопустимость воровства, небрежности в исполнении свадебных обрядов и т.п. Провинившиеся якобы могли навеки превратиться в птиц.

Кроме того, обычные этиологические мифы тоже отчасти имели воспитательную функцию, требовали соблюдения традиционных норм поведения (№ 15, 34, 36, 46).

К мифам, отождествляющим птиц и людей, относились якутские тотемические легенды, повествующие о том, что предком родов являлась та или иная птица. Материалы по верованиям якутов свидетельствуют о бытовании у них вплоть до начала XX в. многих элементов тотемизма. Они относились к тотему как к старшему родственнику, поэтому жены соблюдали обычай избегания; убийство тотемного вида птиц приравнивалось к убийству человека, найдя мертвую тотемную птицу или случайно убив ее, со-

вершали обряд погребения (об этом подробнее см.: [Эргис, 1974, с. 145—146; Алексеев, 1975, с. 36—39; 1980, с. 110—112]). Хотя сообщений о якутском тотемизме было зафиксировано довольно много, но тексты тотемических мифов мало вводились в научный оборот. Это позволило Г.У. Эргису даже поддержать мысль о том, что «у якутов и у других сибирских народов тотемизм не получил развития» [Эргис, 1974, с. 146] со ссылкой на [Максимов, 1922; Золотарев, 1934; Зеленин, 1936; Семенов, 1966]. Образцы мифов, выявленные в АЯФ СО АН СССР, показывают, что тотемические поверья и обряды не только были хорошо развиты, но и продолжали эволюционировать. У якутов до начала XX в. существовали мифы, как объясняющие причину почитания той или иной птицы, так и регламентирующие поведение верующих при встречах с тотемом.

Одной из характерных черт якутского мифотворчества являлось наличие взаимосвязанных циклов мифов о главных тотемах. Например, один из циклов об орле состоял из предания о том, почему он стал тотемом данного рода; мифа об исчезновении целого материнского рода из-за того, что член этого рода убил орла; описания правил погребения умершего орла (№ 5). Среди мифов о вороне имеется текст, в первой части которого повествуется о причинах, по которым ворон стал тотемом, во второй — о приглашении членов рода, поклоняющихся ворону, для лечения болезни (№ 17). В мифе о тотеме ястребе описывается случай, благодаря которому он стал божеством, запреты, связанные с ним, и правила поведения людей при встрече с ястребом (№ 27).

Сохранение тотемических верований подтверждается и тем, что якутские мифы о птицах-тотемах не древнего, а явно позднего происхождения. Они, как правило, связываются с появлением предков данного рода в определенной местности Якутии, например как у северных якутов в совсем не давнее время.

В поздних якутских мифах птиц начинали почитать после того, как они якобы спасали предка рода от гибели. А.А. Попов опубликовал предание о том, как якутов очень давно разбросало сильным ветром, они потеряли огонь, который каждому роду в отдельности принесли разные птицы. «К числу этих птиц относились: лебедь, ястреб и орел» [Попов, 1949, с. 281]. Отметим, что в АЯФ СО АН СССР не найдено мифов о принесении огня этими птицами, но обнаружен целый ряд текстов о доставке вороном погибающему предку огнива с трутницей (№ 17—20, 22).

Обеспечение огнем — не единственная причина обожествления птиц якутами. Согласно мифам, орла стали почитать после того, как он добыл для предка, умирающего от голода, глухаря (№ 4) или гуся (№ 5). Ястреба, по одному мифу, причислили к числу покровителей за «указание» умирающим от голода родоначальникам племени места, где лежал погибший лось (№ 27). По другому — ястреб добывал для гибнущего предка уток (№ 25). А туматы начали поклоняться чайке после того, как их предки спаслись от гибели в море, найдя землю по маршруту полета чаек (№ 39).

Интересно, что здесь мы имеем образцы новых вариантов обожествления птиц. Речь идет уже не о прямом кровном родстве людей и птиц, а почитаемым птицам приписывается какое-либо благодеяние. Несомненно, изменение ранней трактовки тотемических мифов обусловлено поздним их формированием. Они, видимо, сложились уже после того, как люди поняли суть кровнородственных уз. Данное изменение, возможно, произошло на территории современной Якутии (№ 17, 19, 25 и др.), но оно не стало только якутским явлением. Аналогичный по сути миф был записан нами от тувинцев в с. Баян-Тала Сут-Хольского района Тувинской АССР. В нем объясняется, что члены рода Куулар (лебеди), считающие своим тотемом лебедя, обосновались здесь потому, что когда прибыли в данную землю их предки, над ними пролетели лебеди и спустили им камень счастья (*эртине*). Старики признали это знаменем, предвещающим счастливую жизнь (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 581, л. 1—2).

Таким образом, очевидно, тотемические мифы народов Сибири не оставались неизменными и не исчезли полностью. В новых местах, новых условиях тотемизм получал иную мифологическую трактовку и возникали поздние варианты тотемических мифов, где обожествление птиц обосновывалось их сверхъестественной помощью людям.

Анализ якутских мифов о птицах показывает, что, с одной стороны, архаичные поверья о них органично вплетались в круг представлений промыслового культа, культа духов-покровителей рода (племени) и шаманизма, с другой — возникали новые мифы о птицах, основанные на сложных анимистических воззрениях различных форм религии.

Выше уже указывалось на использование охотниками тушек птиц или их частей в качестве амулетов. Наряду с этим у якутов

Родина и солнцеподобное божество Джэсэгэй Тойон, покровитель конного скота

существовал миф, по которому кроншнеп признавался родным младшим братом духа-хозяина леса Баай Байаная (№ 44).

Согласно мифологическим воззрениям, относящимся к культу духов-покровителей рода и племени, часть обитателей земли или созданы сверхъестественными существами Верхнего мира, или являются пришельцами оттуда. Так, в одном мифе о коршуне он назван младшим братом божества Джёсёгёй айыы (№ 29). Орел же признавался одним из главных божеств айыы. От него якобы произошли все орлы. А юсальцы считали орла в черных пятнах, бывшего их тотемом, потомком божества айыы, создателя серых жеребцов с черными пятнами на лопатках и людей (№ 3). В одном из мифов говорится, что лебедь и ворон являлись олицетворением божеств айыы (№ 14), а ястреб признавался имеющим даже более высокое, чем орел, происхождение (№ 26). Как известно, выше божества айыы Горбоносого орел хана был лишь Юрюнг Айыы тойон — глава божеств айыы [Алексеев, 1975, с. 190].

К комплексу представлений культа родовых и племенных духов-покровителей также относятся: признание орла старшим сыном Улуу Тойона — главы злых духов (абаасы) Верхнего мира (№ 2); вера в наказание за убийство орла (№ 5); поверье в родство ворона с Улуу тойоном — в одном мифе он его внук (№ 16), в другом — младший сын его самого или подчиненного ему божества Хара сылгы (№ 23), в третьем — сын божества Ала Суорун тойона, тоже входящего в группу сверхъестественных существ, возглавляемую Улуу Тойоном (№ 18).

Не удивительно, что у якутов одна и та же птица связывалась то с айыы, то с абаасы Верхнего мира: орел и ворон были тотемами как той части предков якутов, которая поклонялась божествам айыы, так и другой группы праякутов, связывавшей свое происхождение и благополучие с божеством Улуу тойоном.

Шаманизм у якутов также оказал определенное влияние на тотемизм. Правда, в ряде тотемических мифов о птицах говорится лишь о неспособности шаманов излечить от болезни, причиной которой был гнев тотемов (№ 5, 26), или шаманы только участвовали в обряде погребения умершего тотема (№ 2). Наряду с этим есть тексты, свидетельствующие о вовлечении тотемических верований в круг воззрений шаманизма.

Например, по одному мифу в ястреба воплотилась юёр (блуждающий дух) (№ 28). Среди якутских мифов об орле имеется текст, утверждающий, что от преследования орла может оградить только

хоринский шаман, видимо, из того рода хоринцев, чьим тотемом был орел (№ 9). В мифе о добывании из гнезда скопы кусочка глины, приносящего счастье, рассказывается о необходимости проведения шаманского камлания перед тем, как срубить дерево, на котором находилось гнездо (№ 30). Лебедь по одному из мифов стал считаться божеством-покровителем после того, как шаман его головой закрыл выход из Нижнего мира (№ 12). Как видим, шаманизм у якутов не просто сосуществовал с тотемизмом, но по-своему приспособлялся к нему.

У якутов имеются также мифы, утверждающие, что гагара, ворон, кукушка, чайки (крачка и мартын) — это шаманские духи (№ 32, 37, 38 и др.). Причисление ворона к числу шаманских духов, в общем, понятно. Он являлся тотемом ряда якутских родов и мог стать духом-покровителем их шаманов. Кроме того, он вошел в число шаманских духов благодаря дару предвещать несчастья. Кукушку, видимо, отнесли к шаманским духам из-за нестандартности ее поведения — в отличие от других птиц она сама не высиживает птенцов.

Сложнее интерпретировать признание духами гагары, чайки и мартына. На мой взгляд, возможны два варианта объяснения: 1) их ныряние в воду воспринималось как посещение Нижнего мира, и позже это верование было использовано шаманами; 2) шаманы утверждали, будто они ныряют в Нижний мир, приняв облик гагары или чайки, поэтому и самих птиц стали причислять к шаманским духам. К сожалению, материалы по якутской мифологии не дают возможности отдать предпочтение одному из приведенных объяснений.

Мифы о диких зверях так же, как и мифы о птицах, носят магический, аниматический, тотемистический и анимистический характер. У якутов, как и у других сибирских народов, были распространены различные амулеты, обеспечивающие якобы удачу в промысле и благополучие в быту. Так, в качестве амулета использовались шкуры рыжей белки (№ 50), летяги (№ 64), медвежьи лапы, кончики носов пушных зверей и т.п. [Алексеев, 1975, с. 42; 1980, с. 97]. В одном якутском мифе говорится об использовании шкуры медведя в качестве *сана* — волшебного предмета, изменяющего погоду, а также утверждается, что при разделке медведя можно обнаружить между шкурой и тушей жидкость, способную вызвать сильный ветер (№ 57).

Ряд якутских поверий регламентирует отношение людей к промысловым зверям. В них обосновывается необходимость бережливого отношения к ресурсам тайги. Например, имеются тексты, по которым запрещается убивать без надобности больших зверей (№ 51), осуждающие издевательское отношение к убитым зверям. Так, в мифе о судьбе маятов рассказывается, что они погибли от голода из-за того, что ради потехи сняли шкуру с живого дикого оленя и отпустили его оголенным (№ 52). Кроме того, считалось недопустимым убивать слишком много медведей (№ 56).

Наряду с мифами, повествующими о магических свойствах зверей, у якутов сохранились этиологические мифы, объясняющие некоторые особенности внешнего облика диких животных, например горностая и ласки (№ 61, 62).

В прошлом якуты, судя по мифам, допускали возможность превращения женщины в медведя (№ 55), зверям приписывалась способность понимать человеческую речь, поступать так же, как и человек (№ 59). Например, есть предание, в котором речь идет о благородстве льва, оплатившего черно-бурой лисицей за лечение его раны (№ 63). Данный текст, возможно, является наложением новых знаний, полученных от образованных людей XVII—XIX вв., на древние представления о способности зверей вступать в контакт с человеком. В целом же в основе мифов, приравнивающих зверей к людям, лежит общесибирский культ умирающего и воскресающего зверя и евразийско-американский пласт медвежьего культа [Алексеев, 1975, с. 43—51; 1980, с. 125].

К числу якутских тотемов-зверей относились медведь, волк, бурундук, белка и горноста́й [Алексеев, 1975, с. 39—40]. К сожалению, пока удалось найти только тексты о волке и медведе. Волка считали своим божеством-покровителем якуты Бетюнского наслега Намского района. В их мифе волк стал божеством, поскольку по преданию бетюнцы спаслись от голодной смерти, обнаружив волчьи припасы (№ 58). Это тоже поздняя трансформация тотемического мифа, как и в текстах об орле, вороне, ястребе и др. Мифы о том, что медведь был тотемом, записаны от якутов из урюнейского рода, живущих в Момском районе (№ 53, 54). Этот род по происхождению — эвенский [Там же].

В нескольких якутских мифах говорится о создании рыб и пресмыкающихся или об их сверхъестественных свойствах. Так, сохраняется общетюркский миф о сотворении рыб и гадов главой

Нижнего мира (текст № 65, [Анохин, 1924; Катанов, 1907; Хлопина, 1978, с. 72]).

В мифе о лисе и налиме дано наивное объяснение причин, по которым у налима большие печень и голова (№ 60). Очевидно, из мифологии древних южно-азиатских народов заимствован якутский текст о змее-страже золотого клада (№ 68). На первый взгляд должны бы иметь позднее происхождение мифы об использовании картежниками костей лягушки как магического средства (№ 66, 67), так как игра в карты якутами перенята, видно, от русских, но ряд деталей позволяет предположить, что мифы, возможно, более древнего происхождения. В обоих текстах упоминается о «способности» костей лягушки притягивать и отталкивать не только удачу в картах, но и женщину и богатство.

Судя по имеющимся материалам, в якутских мифах о домашних животных весьма архаичные поверья сосуществовали с более поздними, возникшими на различных этапах истории якутского этноса и его предков. Например, у якутов имелись роды, считавшие своими божествами собаку и коня. Признание их сверхъестественными покровителями также связывалось с помощью людям, попавшим в критическую ситуацию. Род Ыйылас за спасение их предка, прибывшего в современное место обитания, почитал собаку, которая принесла ему огниво с трутницей в тот момент, когда он замерзал и находился при смерти (№ 72). Юсальцы обожествляли темно-сивого жеребца после того, как их предок спасся от голода, использовав в качестве пищи немного крови, нацеженной из вены живого жеребца такой масти (№ 76).

Обычно древними по происхождению считаются циклы мифов о сотворении мира. К ним относятся якутские мифы о собаке и медведе, собаке и хлебном колосе. Но они скорее всего заимствованы у русских. В текстах о собаке и медведе говорится о том, что благодаря мудрости собаки медведь не имеет такого же большого пальца, как человек. Когда медведь попросил у Бога большой палец, собака потребовала себе ружье. Бог отказал обоим (№ 69). В мифе о собаке и хлебном колосе утверждается, что люди едят собачью долю хлеба (№ 71).

К древнетюркскому пласту верований якутов принадлежит миф о собаке, отпустившей злых духов (№ 70). Аналогичные поверья существовали, например, у алтайцев [Алексеев, 1980, с. 101]. Также от южных предков унаследованы мифы о возможности наход-

Дух-хозяйка земли Аан Алахчын

дения в коне счастья его владельца и об использовании покойниками для езды коней, пожертвованных им при похоронах (тексты № 74, 75, 77, [Алексеев, 1980, с. 219—221]). Возможно, только на территории Якутии сложился миф о споре между быком и жеребцом, итогом которого стала столь долгая зима (№ 73).

Как известно, солнце, луна, звезды и различные атмосферные явления очень рано привлекли внимание аборигенов Сибири. Часть древних поверий о небе и так называемом Верхнем мире, сложившихся еще у предков, сохранялись якутами до начала XX в. Повсеместно был распространен миф о происхождении пятен на луне (№ 78, 79). Они являются изображением обиженной хозяйками сиротки-работницы, которую пожалела и взяла к себе луна. Этот миф «встречается почти у всех тюркских и монгольских народов» [Эргис, 1974, с. 133]. Отметим, что в нем отчетливо выражено требование гуманного отношения к сиротам. Особенно хорошо данный аспект выражен в записи В.М. Ионова: «Если заставить плакать сироту, то его плач проходит насквозь через девять небес и становится слышен Айыы Тойону. Тогда Айыы Тойон накажет человека, обидевшего сироту» (№ 78).

По мифологическим представлениям якутов, считалось, что часть звезд — Венера, Плеяды, Малая Медведица — насылают на землю зимнюю стужу [Кулаковский, 1979, с. 14; Эргис, 1974, с. 134—135]. Однако у В.М. Ионова встречается вариант мифа о звездах, где холод производит Венера, а противодействуют ей и побеждают Плеяды (№ 80).

В прошлом якуты объясняли гром и молнию как действие сверхъестественных существ. По мифу, записанному В.М. Ионовым, их производит чудовище, имеющее вид совершенно голого жеребенка (№ 81). По другим данным, громом и молнией преследовало злых духов светлое божество Сюэ Тойон (Топор господин) [Припузов, 1884, с. 61]. Согласно мифам, под лиственницей, в которую ударила молния, люди могли найти «топор грома», служащий амулетом и обеспечивающий счастье (№ 82, 83). Сверхъестественные свойства получала и сама лиственница, пораженная молнией: лучины из нее употреблялись для отпугивания огнем злых духов (№ 84).

Божества Верхнего мира, по верованиям якутов, выражали свою волю различными знаменами и действиями. Например, люди, которым суждено умереть, слышали в небесах хоровое пе-

ние (№ 88, 89). Боги войны и брани «могли» по просьбе человека, которому покровительствовали, окропить его противников кровавым дождем. В таком случае якобы он побеждал в битве (№ 87).

Отмечу, что, по мифологическим воззрениям якутов, люди тоже могли оказывать влияние на атмосферные явления или повредить звезды, к примеру, дождь, снег и ветер можно было вызвать при помощи волшебного камня *сана* (№ 85, 86). Представление о существовании такого камня восходит к ранним культурным контактам древних тюрков с ираноязычными этносами [Алексеев, 1980, с. 58; Малов, 1947, с. 152]. В мифах о шаманах говорится, что они якобы почти разбивали Малую Медведицу, пытались разрубить топором крепь, на которой держится Венера и т.п. [Эргис, 1974, с. 134—135].

Наряду с наделением сверхъестественными свойствами неба, небесных тел и атмосферных явлений якуты верили в существование так называемого Верхнего мира, находящегося в небесах, над видимым небом. Там, по якутским представлениям, жили отдельными родами и племенами божества *айыы* и грозные духи *абаасы*, главным из *айыы* признавался Юрюнг айыы тойон (Белый айыы господин), а верхние *абаасы* подчинялись Улуу тойону (Великому господину). Эти мифические существа будто бы вели в Верхнем мире такой же образ жизни, как и люди на земле, оказывали значительное влияние на ход земной жизни (подробнее об *айыы* и *абаасы* Верхнего мира см.: [Алексеев, 1969; 1975, с. 77—103, 111—114; 1984, с. 25—30; Эргис, 1974, с. 124—131]).

Описание Верхнего мира, характеристика сверхъестественных существ, живущих там, давались главным образом жрецами и шаманами в ходе исполнения обрядов, связанных с почитанием божеств *айыы* и духов *абаасы*. Якуты верили, что подробные «знания» об *айыы* и верхних *абаасы* были известны лишь шаманам и жрецам, которые излагали их рядовым верующим в своих молитвах и заклинаниях, являющихся образцами произведений обрядовой поэзии. В ходе их исполнения объяснялось, какую часть Верхнего мира в данном случае предстоит «посетить», кто там живет и пр.

В связи с тем, что якуты не имели обряда, посвященного одновременно всем обитателям Верхнего мира, в произведениях якутской обрядовой поэзии нет его обобщенного, цельного описания. В сущности, каждый исполнитель мог вносить те или иные изменения в общеизвестные воззрения об обитателях Верхнего мира.

Образцы заклинаний и молитв в честь якутских божеств и духов включены в сборник «Обрядовая поэзия саха (якутов)», изданный в рамках серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В мифах дается характеристика сверхъестественных существ Верхнего мира. Так, в одном из них возникновение трех самостоятельных миров — Верхнего, Среднего и Нижнего — объясняется тем, что предки людей и скота переселились из Среднего мира в Верхний и Нижний, спасаясь от «огненной войны» (№ 90).

По верованиям якутов, в Верхний мир вела единственная дорога, шедшая от земли до места, где находятся «вольные» облака (№ 91), а дальше в каждую часть Верхнего мира, населенного тем ли иным родом *айыы* и *абаасы*, вела якобы своя отдельная дорога. По ней могли «путешествовать» лишь шаманы и обитатели Верхнего мира. Представление о существовании лишь одного пути туда имеет, очевидно, древнее происхождение. Подобное поверье зафиксировано у алтайцев, эвенков и кетов [Алексеенко, 1976; Анохин, 1924; Василевич, 1969]. Вместе с тем указанный миф у якутов претерпел изменение. Они считали, что духом-хозяйкой прохода в Верхний мир стала после смерти какая-то шаманка или сумасшедшая. Несомненно, здесь существует трансформация шаманами старинного мифа, приспособление его к шаманскому мировоззрению.

У якутов имелись мифы, согласно которым жители Верхнего мира надолго поселялись в Среднем мире или кратковременно посещали его. Так, в одном из текстов повествуется, что 100 лет тому назад более 10 лет будто бы жили на территории нынешнего Нахарского наслега Амгинского района три небесные девицы. Они никого не беспокоили, жили уединенно. В отличие от настоящих земных существ ни они сами, ни их единственная корова не оставляли видимого следа на земле. Девицы покинули землю из-за того, что охотник, случайно посетивший их жилище, самовольно воспользовался огнем из их очага. Несмотря на то, что, по мифу, небесные девицы появились всего один век тому назад, были одеты в шелк и занимались неизвестным якутам в древности рукоделием — шитьем по шелку, само произведение явно древнего происхождения. Главное его назначение — воспитание уважительного отношения к неизвестным людям, утверждение необходимости строгого соблюдения табу, запрещающего трогать огонь чужого рода (№ 92).

В ряде мифов утверждается божественное происхождение глав родов и шаманов, их родственные связи с обитателями Верхнего мира. Причем якутская знать вела свою генеалогию не только от божеств *айыы*, но и от *абаасы* Верхнего мира. Образцом мифа о родственной связи князей и шаманов с самим Юрюнг Айыы тойоном является миф о Быйаа. В первой части рассказывается о рождении Быйангнаах Быйаа от связи старухи с сыном Юрюнг Айыы. Во второй — описано получение Быйой камня счастья от орла. В результате этого он разбогател и был счастлив, а его потомки стали наследственными князьями и шаманами (№ 93). Таким образом, цель мифа — доказать законность, «предопределенность» свыше права потомков Быйаа, якобы находящихся в родстве с Юрюнг Айыы тойоном, занимать должность князца или быть шаманом. В данном случае используется не только почитание главного общеплеменного божества *айыы*, но и привлечен тотемический миф об орле, способном одарить своих «потомков» камнем счастья (об этом см. выше). Аналогичную цель преследовал и миф об интимной связи дочери древнего богача и богатыря Идэлыги-Боотура с сыном верхних *абаасы*, «имеющих конный скот вороной масти». У нее рождается сын, ставший впоследствии предком людей (№ 94).

Якуты верили, что контакты с грозными существами Верхнего мира не всегда оказывались безопасными. Например, в одном мифе намцев повествуется о превращении красивой дочери князца XVII в., согласившейся выйти замуж за внука Улуу тойона, в злого духа, насылающего людям глазные болезни. Поводом для такого несчастья послужило то, что ее родители не отправили в Верхний мир положенное приданое (№ 95). Миф носит назидательный характер, требует неуклонного соблюдения норм обычного права, вместе с тем в нем высмеиваются нескромность и чванство. Народ всегда считал, что нельзя быть заносчивым, хвастливым. В частности, грешно считать себя самой красивой в мире, как это делала героиня мифа.

В якутских мифах, как и в греческих, говорится о состязаниях людей с детьми верховных божеств. По верованиям якутов, сыновья *айыы* и *абаасы* Верхнего мира прибывали помериться силой и ловкостью с земными богатырями в тех случаях, когда они достигали зенита славы. Духи Верхнего мира «состязались» также со знаменитыми якутскими певцами и сказителями. Если человек проигрывал в единоборстве, то погибал (№ 96). Часто люди якобы одерживали победу в «борьбе» с духами. Например, получело-

век-полуабаасы Аба Уол Дьоххо всегда брал верх в соперничестве с парнями Верхнего мира. Он даже отомстил духам, убившим его сына, при этом ему удалось спастись от преследователей при помощи своей жены-шаманки (№ 97). Возможно, последнее — результат включения поверий культа духов-покровителей племени в шаманизм.

В ряде якутских мифов обосновывается возможность получения от божеств айыы детей, парня-табунщика, охотничьей собаки (№ 98—101). Интересно, что, по мифу об испрашивании волшебной собаки, потомки Омогой бая (одного из главных первопредков якутов) получили «разрешение» иметь скот, но им запрещено молиться Юрюнг Айыы тойону и владеть белым жеребцом. Их высшим покровителем был «назначен» Хотой-айыы — предок-создатель орла (№ 100). Возможно, в тексте своеобразно отражена полиэтничность предков якутов.

Наряду с вышеизложенным, в якутских мифах указывается на недопустимость чрезмерных претензий к божествам. Так, Кутуйах Баай умер от голода после того, как шаманы по его требованию привели к нему косаря из Верхнего мира (№ 102).

Якуты отчасти сохраняли веру в существование суда небесных божеств, могущих справедливо разобраться в конфликте земных людей (№ 103).

Особо следует отметить, что мифологические представления якутов о Верхнем мире не ограничивались южным наследием их предков. В число божеств включались также сверхъестественные существа, образы которых сложились в ходе освоения бассейнов Лены, Вилюя, Алдана и др. Первой из них, видимо, была красивая дочь Омогоя, на которой не женился главный предок якутов — Эллэй. В одном мифе рассказывается, что она увлеклась парнем абаасы и вместе с ним вознеслась в Верхний мир (№ 104). По другому варианту, она удавилась с горя и стыда после отказа Эллэя и впоследствии стала сильным юёр. Шаманы с ее помощью собирали и отправляли в Верхний мир его обитателей, спустившихся в Средний мир. Любопытно, что, согласно мифу, в конце XIX в. шаманы дали ей «отставку», передав «функции» другому юёрю (№ 105, 126). В число духов Верхнего мира включали после смерти сумасшедших и самоубийц (№ 106, 107).

По религиозным верованиям якутов, на земле помимо людей, животных, рыб, пресмыкающихся и других реальных обитателей находились будто бы разные виды сверхъестественных су-

ществ. Большая часть духов Среднего мира признавалась локальной, связанной с каким-либо конкретным географическим объектом или покровительствующей определенному роду.

Анимистические воззрения якутов о духах-хозяевах озер, рек, гор и т.п. сформировались еще у их южных предков. От них же унаследованы представления о божествах-владыках всей тайги, земли и духах-хозяевах территории, принадлежащей роду, племени, этнической или локальной группе людей [Алексеев, 1980, с. 59—61, 92 и след.]. Одним из наиболее почитаемых якутами божеств Среднего мира являлся дух-хозяин тайги Баай Байанай [Ионов, 1916]. В его характеристике сохранились многие исконно тюркские черты. Он также щедр к охотникам, которым покровительствует, как это описывается в мифах тюркоязычных народов Южной Сибири ([Эргис, 1974, с. 119], текст № 109).

Якутский миф об игре в карты между Байанаем и хозяйкой воды Кюренг баай госпожой идентичен алтайскому — об аналогичной привычке духов-хозяев гор (№ 110, [Алексеев, 1980, с. 230]). К числу прямых совпадений относится и предание о возможности встречи с дочерью духа-хозяина леса, получении от нее огромной удачи в охоте и смерти в случае несоблюдения в тайне связи с ней (№ 111). Такие же мифы бытовали у южных алтайцев и шорцев [Алексеев, 1980, с. 230; Эргис, 1974, с. 119]. Якутский вариант мифа, включенный в данный сборник, интересен тем, что в нем отразилось приспособление старинных религиозных верований к новому для этноса региону. Охотник появляется в ранее неизвестной ему тайге, вступает в любовные отношения с дочерью местного *байаная* и рождается *байанай*, который получает его имя — Сын кангаласца. Подразумевается, что он будет покровительствовать охотникам из этого племени (№ 111).

В мифе таким образом отразилось стремление закрепить неизвестное ранее охотничье угодье за указанным племенем. Кроме того, в нем осуждается пренебрежение к традиционному правилу артельного промысла — равномерному разделу между участниками охоты всей добычи независимо от размера личной добычи членов артели. Герои уговариваются не делиться добычей, каждый берет себе то, что упромыслил. Дочь Байаная приходит на помощь обиженному члену группы. Несомненно, миф защищает исконные правила охоты.

Хотя у якутов образы Байаная, его братьев и дочерей сохранили многие черты, сложившиеся у их южных предков, но пред-

ставления о них, естественно, трансформировались. Эти сверхъестественные существа у якутов превратились из хозяев тайги и гор в духов охоты. Согласно мифам, Байанай и его братья одевались как тунгусы, считались более благосклонными к охотникам эвенкам и эвенам [Алексеев, 1980, с. 225—226; Ионов, 1916]. Последнее, видимо, связано с тем, что территория Якутии до якутов осваивалась тунгусоязычными родами, а тунгусы были более искусными охотниками, чем скотоводы якуты.

Религиозные представления якутов, связанные с охотой, дополнились поверьями, возникшими в результате наложения на них поверий погребального культа. По якутским воззрениям, люди, умершие неестественной смертью, превращались в злых духов *юёр*, блуждая по земле, насылая на живых болезни и разные несчастья [Алексеев, 1980, с. 164—168]. В отличие от большинства *юёров* дух Чаадая Боллоха — человека, владевшего лишь одной собакой и умершего от голода после ее кражи, согласно мифу, стал заниматься отпугиванием зверей и рыб от орудий охоты и рыболовства (№ 112). Защитить же от его козней мог только шаман, т.е. на эту часть промыслового культа распространялось еще и влияние шаманизма, бывшего ведущей традиционной формой религии якутов.

Древнетюркские представления о защите людей местными духами-хозяевами, такими как дух-хозяйка родовой территории, сверхъестественные хозяева горы, озера, около которых живет человек, дух-хозяин огня и т.п. продолжали сохраняться у якутов ([Алексеев, 1975, с. 65—77; Приклонский, 1890, с. 170; Серошевский, 1896, с. 665—666], тексты № 113—115). Например, в цикле мифов о духе-хозяйке большого озера «Харыйалаах» утверждается запрет хвалиться размером своей добычи, высмеивается жадный, чванливый человек, наказанный за пренебрежение к обычаям народа и непочтительное отношение к духу-хозяйке озера (№ 113).

В ряде мифов, записанных в XIX—XX вв., прослеживается определенная эволюция старинных поверий о духах-покровителях. Так, в одном из мифов духу-хозяйке места приписывается способность побеждать шамана, защищая человека, живущего на ее территории (№ 114). В другом мифе, повествующем об образе жизни дочери Улуу Тойона, поселившейся в Среднем мире и ставшей здесь духом-покровительницей хлеба, говорится о возможности избавления от ее присутствия при помощи шамана (№ 117, 118).

Несомненно, в последних мифах отражается сложный процесс включения представлений и обрядов культа духов-покровителей рода и семьи в шаманизм.

Своеобразное изменение у якутов претерпела антропоморфизация деревьев. Очеловечивание деревьев существовало у общих предков тюркоязычных народов Сибири, а в поздний период истории сибирских тюрков оно получило развитие. Так, у тюрков Южной Сибири сформировалось поверье о существовании шаманов среди деревьев. Роль шаманов приписывалась деревьям, которые имели сросшуюся верхушку [Алексеев, 1980, с. 94]. У якутов подобное представление отсутствовало. Но у них считалось, что в аналогичных деревьях может находиться *кут* (жизненная суть) детей, кроме того, существует возможность получения ребенка от такого дерева (№ 119, 120). Поздним наслоением, очевидно, является мотив о возможности повторного «рождения» шаманки с помощью такого дерева (№ 120).

Наряду с древними поверьями в комплекс анимистических представлений якутов, связанных со Средним миром, входили и тексты о сверхъестественных существах, якобы возникавших после смерти людей. Часть из них представлялась в образе духов, вселенных в *онгоны* (вместилища для духов). Их «помещали» в специальные антропоморфные изображения или коробки, на лицевой стороне которых рисовали силуэты людей или человеческий лик. *Онгоны* содержались в красном углу, почитались как сверхъестественные покровители данной семьи (№ 122). Наряду с этим, как отмечалось выше, якуты верили в превращение самоубийц, сумасшедших и т.п. в злых духов *юёр*. О наиболее могущественных из них были сложены мифы.

В.М. Ионов записал от одного информатора две разные версии становления *юёрем* князя Бахсытского наслег. По первой — он сошел с ума, погнавшись за злым духом, убежавшим от него, принимая разные облики: лисицы, колонка, огненного шара и всадника. Князь 9 лет оставался сумасшедшим, затем исчез бесследно и стал духом *юёр*. Это — общепризнанный у якутов путь «превращения» человека в духа, блуждающего по Среднему миру. Бахсытский князь, по второй версии, сошел с ума после того, как он обидел потомка шамана. Умерший шаман «защитил» своего сына, «наказал» князя, и тот впал в безумие, а после смерти превратился в *юёря* (№ 123). Вторая версия, очевидно, является

шаманской трактовкой мотива становления *юёрем*, итогом включения элементов погребального культа в шаманизм.

Весьма трагичен миф о духе-хозяйке Алтана, которая не умерла в раннем детстве лишь потому, что отец сумел «спрятать» ее от злых духов, воспользовавшись одним из способов «подмены» новорожденной. Затем родители нарушили ряд табу. Они возгордились, сочли невозможным найти в своем улусе жениха, равного ей. Сватовство и свадьбу провели слишком роскошно. Свадебный поезд выехал в день, который считался запретным для свадеб — 9-й день января, когда луна находилась в ущербе. По верованиям якутов, в этот день вступали в брак лишь духи *абаасы*. За все грехи понесла наказание невеста. Она заболела каким-то хроническим психическим недугом, время от времени впадая в безумие. После смерти женщина «превратилась» в *юёря*. В заключение говорится, что невесты, которым покупали часть украшений со свадебного наряда духа-хозяйки Алтана, тоже сходили с ума (№ 125). Видимо, основное назначение данного мифа — подтвердить необходимость строгого соблюдения общепринятых обычаев.

Одной из самых почитаемых центральными якутами *юёрев* являлась Болугурская *айыы*. Она была шаманкой, когда ее выдали замуж за нелюбимого человека, 3 года «не показывалась» на глаза свекру. Вероятно, она обладала даром гипноза и воспользовалась им. Как ни следили за ней, она повесилась и «стала» *юёрем*. Шаманы «передали» ей функции, которые раньше у них «выполнял» дух дочери Омогоя. Она будто бы помогала собирать и прогонять мелких духов (№ 105, 126). Помимо этих трех наиболее известных *юёрев*, по представлениям якутов, имелось и много других аналогичных духов. В сущности, у якутов состав духов Среднего мира регулярно пополнялся новыми сверхъестественными существами, которыми «становилась» часть покойников.

Представления о ряде сверхъестественных обитателей Среднего мира возникли у якутов в результате этнокультурных контактов с другими этносами. От аборигенов севера Якутии переняты, видимо, представления о *сучунаа* — таинственном, громадном, человекоподобном существе, встреча с которым может привести к несчастью (текст № 127, [Гурвич, 1975]).

После присоединения Якутии в XVII в. к Русскому государству появились якутские поверья о духе оспы, «соседках» и *скюлюкюнах*. В мифах рассказывалось, что дух оспы ходит по Якутии в образе русской женщины. Семья, которую она «посещала», забо-

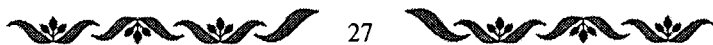
левала оспой, спасались лишь те, кто сумел спрятаться от нее. В сущности, мифы об оспе предостерегали якутов, учили их, что от этой заразы можно спастись путем изоляции больных (№ 128, 130). Отметим, что, согласно одному из мифов, оспа не смогла добраться до Оймякона (полюса холода) — «поморозила» ноги (№ 129).

Очень близки к поверьям о «соседке» у русских мифы о случаях поселения вместе с людьми невидимых существ. Они не причиняли болезней и зла, если их не трогать. В одном случае, это якобы была «семья» духов, с которыми хозяева даже обменивались продуктами. В других случаях — невидимый мужчина, «сожительствующий» со взрослой девицей; видимая только дочь «девочка», ее ровесница, ставшая ей подругой и т.д. (№ 131, 132). Также от русских заимствованы представления о *сюллюкюнах*, очень богатых существах, обитающих под водой, появляющихся на земле под Новый год. По мифам, от *сюллюкюнов* можно было получить богатство, они считались способными предсказывать судьбу, поэтому под Новый год якуты устраивали разные виды гаданий ([Кулаковский, 1979, с. 44, 82], тексты № 133—136).

В целом материалы по якутской мифологии свидетельствуют о том, что в комплекс представлений о духах Среднего мира входят весьма архаичные по происхождению поверья о духах-хозяевах отдельных предметов, местностей, рек гор и озер, образы сверхъестественных существ, возникших в результате фантастического объяснения производственной деятельности людей и их общественной жизни, а также элементы мифологии этносов, с которыми якуты находились в этнокультурных контактах.

По верованиям якутов, на жителей Среднего мира постоянно нападали обитатели мифического Нижнего мира, находящегося якобы под землей [Алексеев, 1984, с. 49—52]. Якуты считали недопустимым для обычных людей даже произносить вслух что-нибудь о существах из этого страшного мира. Они признавались вездесущими, способными незримо находиться на земле и причинять вред людям. С ними могли справиться только шаманы, которые, посещая во время камланий все миры, подробно «знали» зловещий Нижний мир, «ведали» деяния его обитателей. Кроме того, Нижний мир описывался в *олонхо* (героическом эпосе).

Практически воззрения об этом мире являлись результатом мифотворчества шаманов и сказителей. Шаманская трактовка признавалась их профессиональной «тайной», но сами шаманы щедро

делились ею во время камланий. Они рассказывали о Нижнем мире и его жителях в гимнах и заклинаниях, исполнявшихся во время мистерий и обрядов. Возможно, каждый шаман, создавая эти произведения обрядовой поэзии, дополнял общеизвестные представления о Нижнем мире новыми деталями. Нередко подобные заклинания являлись высокохудожественными поэтическими текстами. В связи с тем, что обрядовой поэзии посвящена специальная работа, в данный сборник включены лишь несколько образцов текстов обрядовой поэзии, где дано описание сверхъестественных существ, живущих в нем. В первом — шаман, видимо, в начале камлания живописно охарактеризовал Нижний мир и главных его владык, подчеркнул, что именно туда отправлялись люди после своей смерти. В конце рассказа указал на возможность шаманов «вернуть» из того мира *кут* (души) людей, болевших самыми тяжкими недугами (№ 137).

По материалам о шаманизме якутов известно, что каждый род духов, *абаасы* «занимал» определенную часть подземной страны [Алексеев, 1975, с. 114], поэтому в каждом камлании шаманы в меру своего таланта описывали духов, причинявших болезнь, и ту часть Нижнего мира, в которой они «проживали». В качестве примеров в сборнике помещены записи В.М. Ионова о духах, причиняющих болезни и смерть роженицам, маленьким детям и знахарям (№ 138—141). Сопоставление их показывает, что шаманы при камлании сообщали присутствующим, в какую часть Нижнего мира они собрались «спуститься», с какими грозными *абаасы* в этот раз им предстояло «встретиться». Такие красочные описания мифического подземного мира и его обитателей подчеркивали могущество шаманов. В сущности, они являлись авторами якутских представлений о Нижнем мире.

Несмотря на страх, который внушали верующим «обитатели» Нижнего мира, якуты допускали возможность посещения подземной страны обычными людьми (№ 142). Там они обнаруживали антропоморфных существ, имеющих страшный облик, но ведущих такой же образ жизни, как и якуты на земле. Человек в Нижнем мире становился невидимым и неслышимым для рядовых его обитателей. Последние заболели, если живой человек из Среднего мира прикасался к ним, т.е. люди в этой стране становились злыми духами, причиняющими болезни. Незваного гостя с земли мог будто бы возвратить назад только шаман Нижнего мира (№ 142).

Данный миф, видимо, сформировался в то время, когда мифический подземный мир не был уподоблен христианскому аду.

Возможно, что мифы о Нижнем мире, как наименее благоустроенном месте, где жили враждебные людям сверхъестественные существа, сложились у древних тюрков. Об этом свидетельствуют мифы о посещении человеком подземных жителей, которые до деталей совпадали с преданиями у сагайцев и тофаларов [Алексеев, 1984, с. 64; Катанов, 1891, с. 88; Катанов, 1907, с. 276—279].

В ходе формирования якутского этноса были созданы мифы о первопредках и главах родов. В этих произведениях утверждалось, что люди переселялись в новые края и осваивали их только благодаря воле божеств-покровителей. В мифе об Омогое, якобы положившем начало скотоводческому освоению территории Якутии, говорится, что еще на южной его прародине шаман «увидел» духа-хозяйку Туймаады — места, где нынче стоит г. Якутск. Она «призывала» к себе поселенцев, «обещала» им счастье и благоденствие. Омогой «послушался» ее и переселился на Лену [ИПРЯ, ч. 1, с. 55—57].

Согласно историческим преданиям, позже к Омогою прибыл одинокий герой Эллэй, который стал главным из первопредков якутов. В мифах утверждается, что еще на южной прародине он отличался мудростью, а, прибыв к Омогою, учредил праздник *ысах*, изобрел все виды якутской деревянной посуды. Его сын был первым белым шаманом, а один из сыновей являлся кузнецом и т.д. Ему и его потомкам покровительствовали божества *айыы*. В сущности, Эллэй и его сыновья, по верованиям якутов, считались культурными героями ([Там же, с. 65], тексты № 143—146). Здесь отразился процесс этногенеза якутов: роды, ведущие свое начало от Эллэя, были, видимо, пионерами северного типа скотоводства, сформировавшегося окончательно на современной территории Якутии.

Изучение мифов показывает, что идеи, свойственные мифам о первопредках, — их богоизбранность, переселение на новые земли по воле божеств — повторялись в поздних мифах, освещающих распространение якутов на ранее им неизвестной территории. Например, в мифе о появлении якутов на Вилюе повествуется, как провидец «разглядел» счастливую жизнь тех, кто поселится в бассейне данной реки (№ 147). Это — повтор указанного выше шаманского «предсказания» о Туймааде. В мифе о предках

бетюнцев подчеркивается — они победили своих врагов из-за благосклонности древней богини войны (№ 148). Позднее происхождение имел миф о получении внуком Тыгына от Юрюнг-Айыы и Айыысыт детей, якобы имеющих предназначение управлять людьми (№ 149).

Необходимо отметить, что у якутов сохранялись и весьма архаичные поверья об их родоначальниках. Выше показано бытование у них до начала XX в. ряда тотемических мифов. К ним близок текст о почитании кангаласцами дерева с ветловидной кроной (№ 150), которое они считали своим предком, видимо, потому что *кут* их первопредка был «получен» от такого дерева. В основе данного мифа лежало древнее очеловечивание объектов окружающего мира. Также архаичное происхождение имели мифы о рождении богатырей, имеющих ступни из гладкого камня и сплошь покрытых непроницаемой, роговой оболочкой (№ 151, 152). У них, подобно греческому Ахиллесеу, имелось лишь одно уязвимое место. Якутского богатыря можно было поразить только через левую подмышку, оставшуюся незащищенной. Иногда смерть якутских силачей якобы могла быть спрятана в их коленной чашечке (№ 153).

Якуты продолжали верить в то, что судьбы людей предопределяли духи-хозяева зелени и трав, называвшиеся Эрэкэ-Дьэрэкэ. Они «записывали» в книгу, каким будет новорожденный, сколько лет проживет и как умрет. Их предсказание будто бы обязательно исполнялось, человек не мог изменить его (№ 154, 156, 157). Эрэкэ-Дьэрэкэ «могли» одарить новорожденных разными судьбами: иначе представлялось будущее искусных кузнецов, певцов и силачей. По якутским поверьям, они не могли стать богачами, так как полагали, что божества *айыы* оделяли человека только одним видом счастья — или талантом, или богатством (№ 155).

У якутов имелись весьма разнообразные мифы о шаманах. Их можно классифицировать на следующие группы: а) превращение в шамана; б) чудесные свойства шаманов и их способности воздействовать на духов и людей; в) борьба между шаманами; г) победа простых людей в борьбе с шаманами; д) судьба шаманов после смерти.

В мифах о становлении шаманов утверждалось, что они являлись избранниками духов, которые «воспитывали» их в гнездах, находящихся на особом мифическом дереве ([Ксенофонтов, 1928, с. 27], № 158, 159). Превращение в шамана, по поверьям якутов,

было длительным. Человек, заболевший «шаманской болезнью», временами сходил с ума, у него случались обмороки и т.п. Он страдал в течение нескольких лет. Мучения кандидата в шаманы в мифах интерпретировались как подтверждение того, что его *кут* похищена духами для «воспитания». Срок «обучения» будто бы определяли духи. По окончании его человек «получал» необычные свойства — умение видеть прошлое и будущее, обнаруживать присутствие сверхъестественных существ, вступать с ними в контакт, посещать места обитания духов и божеств, быть посредником между ними и людьми ([Алексеев, 1975, с. 128—187], № 161—164).

В мифах утверждалось, что шаманы могли предсказать будущее человека, подсказать пути достижения счастья. По верованиям якутов, шаманы могли предсказать человеку — благополучно он будет жить или нет. Это чаще всего совершалось при камлании. Случаи удачного предсказания оформлялись в виде мифов и получали широкое распространение. Например, в мифе о шамане Семене говорится, что он предупредил другого шамана о рождении у него ребенка, могущего стать злым шаманом, и посоветовал пораньше избавиться от него. Еще шаман Семен предсказал чудеса, которые произведет сам после смерти — переместит свое надгробное сооружение, заставит снова расцвести дерево, опаленное пожаром. Такие «деяния» шамана должны были предвещать счастье его потомкам (№ 172).

Во многих случаях шаманы предрекали несчастья. Так, шаман Кээрэкээн во сне «узнал» о поражении своего войска в предстоящем бою (№ 182). А в мифе о том, как якуты заняли местожительство тунгусов, указано, что шаман последних будто бы «увидел» невозможность сопротивления пришельцам и посоветовал сородичам покинуть землю без боя. Поэтому, мол, тунгусы покинули устье Вилюя и ушли в Янские горы (№ 171).

Якуты верили в то, что шаманы могли «увидеть» и уже прошедшие события. Например, в тексте о посещении Хара Тюэном Якутии повествуется о раскрытии бурятскими шаманами преступления его людей — преднамеренного убийства своего хозяина (№ 168).

По якутским мифам, шаманы, подобно духам, могли перемещаться по воздуху, превратившись в вихрь, незримо проникать в дома сквозь стены, из-под камелька и т.п. Эти «похождения» считались небезопасными для шамана. Простой смертный мог ранить его, метнув в вихрь ножом, а дух-хозяин огня поражал непрошен-

ного гостя горячим угольком, и шаман умирал (№ 169, 173). В мифах утверждалось, что шаманы могли принимать облик зверей и птиц, например, показываться в виде медведей, собак, летать, став орлом, соколом, вороном и т.п. (№ 169, 179, 184 и др.). Они также перемещали с места на место различные предметы (№ 170), навели на противников мираж (№ 176), вмещали в себя духов, что якобы приводило к внезапному утяжелению собственного веса шамана (№ 177) и т.д. В целом мифы о сверхъестественных свойствах самих шаманов укрепляли их авторитет, подтверждая отличие от простых людей, подчеркивая их способность воздействовать на духов и божеств.

По верованиям якутов, шаманам помогали многочисленные духи-помощники, приходившие по их просьбам в различных обликах — зверей, птиц, антропоморфных существ и т.п. В ряде мифов рассказывалось о действиях этих сверхъестественных существ. Например, в одном мифе повествуется о кровожадности духов-помощников шаманки Матрены, которые даже «съели», т.е. убили ее племянников (№ 174, 175).

Якутские шаманы якобы владели рядом волшебных предметов. К ним относилось дерево, «предназначенное духами» для шаманского бубна, от него осторожно отщепляли необходимый для обечайки кусок, а само дерево должно было продолжать расти. Если оно засыхало, то шаман, которому принадлежало это дерево, будто бы умирал (№ 166). По якутским поверьям, шаманы устанавливали сверхъестественные самострелы на путях своих противников-шаманов и духов. Такие невидимые орудия имели якобы громадный размер — их тетива тянулась от вершины одной горы до вершины другой (№ 172, 178, 180). К числу волшебных предметов шаманов относились костюм, бубен и различные изображения духов, изготовлявшиеся при проведении обрядов. В якутских мифах говорится, что их делали по велению духов. Железные привески для костюма и бубна будто бы могли выковать только кузнецы, имеющие сильных духов-покровителей [Алексеев, 1975, с. 143—156]. Иногда в мифах утверждалось, что часть атрибутов шаман получал от своего духа-покровителя. Например, парню Сабырыкы дух, призвавший его в шаманы, прислал через ворона с наполовину белой головой рукоятку бубна со всеми металлическими привесками (№ 163).

Якутские мифы о шаманах убеждали верующих в том, что благодаря своим сверхъестественным свойствам, обладанию вол-

шебными предметами и духами-помощниками они могли защищать людей от козней злых духов. Шаманы якобы посещали места, где жили *абаасы* и забирали у них похищенные человеческие *кут*. Например, шаман мог камлать к духам, силой отнять *кут* своего пациента и возвратиться в Средний мир (№ 161). Перипетии борьбы шамана с духами в основном освещались им во время камлания, где подробно описывались миры, которые он посещал, духи, помогавшие или противостоящие ему, препятствия, «встречавшиеся» на его пути, и т.д. «Результаты» камлания часто оформлялись в виде мифа, повествующего о победе шамана над духами. В отдельных случаях шаманы одолевали духов без камлания. Например, в мифе о шамане Суор Уоле рассказывается, что он, превратившись в иголку, присутствовал при разговоре семи сестер-духов оспы. Затем он «подстерег» прибывшую к нему старшую из сестриц и, «заклучив» в бутылку, бросил в озеро (№ 179).

По мифам, якутские шаманы не только защищали людей от духов, но и сами могли причинять несчастья, болезни и смерть тем, кто им не понравился или обидел их. Они якобы были способны волшебством забрать приглянувшегося коня, навести мор на скот, наслать на своих врагов духов Верхнего и Подземного миров (№ 164, 165, 185—187, 189). Например, в одном мифе указывается, как три шаманки уничтожили всех хоринцев, напавших на них, обратившись к помощи небесных и нижних духов (№ 181). В цикле мифов о шамане Кээрэкээне рассказывается, что он отомстил своим врагам, подослав к ним дочь духа раздора и кровожадности Илбиса. Она «распространила» ложные слухи среди обидчиков Кээрэкээна, они стали враждовать между собой и перебили друг друга (№ 182).

Необходимо отметить, что шаманы все же не считались всемогущими. По мифам, они не могли причинять вред тем из людей, у которых были сильные духи-покровители (№ 165). В ряде текстов отмечены случаи, когда обычный человек вступал в борьбу с шаманом и одерживал победу (№ 191). Кроме того, по верованиям якутов, имелись способы защиты от козней шаманов и даже магического убийства их. Например, шаман умирал, если во время камлания незаметно привязать к его костюму полоску материи с одежды беременной женщины (№ 190). Подобные поверья являлись отражением оптимизма народа, допускавшего наличие разных сверхъестественных существ, верившего в чудесные свойства шаманов, но не полностью подчинявшегося им.

Шаманы часто преследовали друг друга и иногда убивали своих соперников каким-либо сверхъестественным способом. То они «гонялись» один за другим, превратившись в различных птиц, то бодались, «став» порозами и т.д. (№ 163, 184, 188). Вражда шаманов имела, конечно, вполне земные причины: более «сильный» из них чаще приглашался для совершения обрядов, поэтому они постоянно соперничали. Появление нового шамана или смерть одного из них приводили к уменьшению или увеличению количества лиц, пользующихся услугами шаманов. Материальное благополучие нового шамана зависело от того, как быстро он получит признание верующих. Этим и объяснялось то, что молодые шаманы, подобно Сабырыкы, сразу начинали «нападать» на шаманов, действовавших в районе их жительства (№ 163).

Важное место в якутской мифологии занимали тексты о «действиях» умерших шаманов. Их смерть сопровождалась разными чудесами. Так, из-за того, что умерла шаманка Матрена, якобы случилась страшная буря, валившая деревья, в день «ее смерти» подохла одна корова, а в день похорон от вихря погиб один конь» (№ 193). Шаман Кээрэкээн будто бы предсказал, что перед смертью, приняв облик гагары, нырнет в реку и проплывет 30 км. В том месте, где она «вынырнет», найдут его тело. Кроме того, он предупредил, что на его могиле «вырастут три лиственницы с вершинами в виде помела». Если бездетная женщина от них испросит ребенка, то сам шаман якобы родится во второй раз. В мифе говорится, что предсказания шамана сбылись, только не указано, просила ли какая-нибудь женщина от тех лиственниц ребенка (№ 183).

В ряде текстов утверждается, будто бы наиболее могущественные шаманы не умирали, а улетали в Верхний мир. Первым шаманом, «отправившимся» на небо, считался сын Эллэя. Он исчез бесследно, и это было принято как знак, что он поднялся в мир своих духов-покровителей. В Верхний мир переселялись, по мифам, и другие шаманы, например, шаман — предок якутов Хоптогинского наслега Амгинского района (№ 195).

По верованиям якутов, умершие шаманы часто вмешивались в жизнь людей. Те из шаманов, которые ушли из жизни обиженными, становились духами и мстили в основном своим сородичам, причиняли им разные болезни и несчастья (№ 192). Иногда покойные шаманы «приходили» к своим потомкам с просьбой: поправить разрушенную могилу или перезахоронить их (№ 194). В

некоторых случаях умершие шаманы якобы защищали своих потомков, как это происходит в мифе о превращении в *юэря* Бахсытского князца (№ 123).

По якутским мифам, «великие» шаманы продолжали камлать и после смерти: иногда будто бы гудели их бубны в тех местах, где они были похоронены. Якуты также верили в способность шаманов «путешествовать» после смерти во времени. Например, в мифе «Холбо» говорится, как покойные шаманка и ее дочь регулярно возвращались на рубеже годов в свою юрту и жили до восхода солнца, утром же они исчезали, пропадали и все предметы, которые принадлежали им (№ 196). Таким образом, мифы о «действиях» умерших шаманов подтверждали их могущество и наличие у них сверхъестественных свойств, подкрепляли веру в способность живых шаманов регулировать по возможности отношения людей с божествами и духами.

Мифы о шаманах убеждали верующих в избранничестве их духами, обладании свойствами, «присущими» сверхъестественным существам, и способности воздействовать на духов. В этих текстах, в сущности, обосновывалось право шаманов руководить религиозной жизнью народа.

Изучение шаманских мифов показывает, что они еще не стали единой, стройной системой общих религиозных якутских воззрений. В каждой локальной группе якутов имелись свои мифы о различных сторонах деятельности шаманов, героями которых были местные шаманы. Практически каждый шаман считался главным действующим лицом хотя бы одного мифа, о них складывались целые циклы, включающие в себя все виды мифов о шаманах (№ 163—165, 182, 183, 194).

Итак, в якутских мифах излагались правила поведения людей в обществе и порядок проведения обрядов. Сложилась следующая структура первичного мифа: во вводной части объясняется его возникновение, затем излагается перечень обрядов и действий, которые необходимо совершать в этом случае, в конце указывается наказание, которое ждет человека, не выполнившего правил, диктуемых мифом.

Мифы, где объясняются действия, совершавшиеся нарушителями табу, изложенных в первичных мифах, можно считать более поздними, вторичными. В них рассказывается о нарушении, совершенном героем, затем излагаются правила проведения обрядов, направленных на умиротворение «рассерженных» тотемов, духов и

Обряд испрашивания души ребенка у богини Айыысыт

т.п. Фактически «освящалось» усложнение, расширение системы религиозных обрядов. Заметим, что мифы не оставались неизменными. Порой менялось объяснение причины почитания божества или духа, старый миф получал дополнительные функции, вытекающие из эволюции верований. Характерной чертой якутской мифологии являлось сосуществование произведений, возникших на разных этапах истории этноса. Новые мифы не отрицали старые, а приспособлялись к ним, лишь отодвигая их на второй план. Так, почитание тотемов сохранялось, но было введено понятие о том, что в отдельных наиболее важных случаях на них успешно воздействовали шаманы.

В целом якутская мифология охватывает все стороны жизни народа. Она дает религиозную интерпретацию взаимодействия людей с окружающим миром, отношений в человеческом обществе, утверждает законность сложившегося у якутов социально-экономического уклада. Согласно мифам, жизнь на земле зависела от воли различных духов и божеств. Комплекс представлений о сверхъестественных обитателях Верхнего и Среднего миров якуты унаследовали в основном от той части их предков, которые переселились на Лену с юга. Многие элементы якутской мифологии аналогичны религиозным воззрениям других тюркоязычных этносов.

Более поздним пластом якутских верований, видимо, являются шаманские мифы. Судя по имеющимся материалам, шаманизм к приходу русских стал ведущей формой религии, он отчасти подчинил себе другие культы. Шаманы стали совершать часть обрядов погребального, промыслового культов, культа духов-покровителей рода. Процесс включения этих форм религии в шаманизм отразился в мифологии.

В связи с тем, что традиционные религиозные якутские воззрения не были канонизированы, в каждой локальной группе сохранялись определенные, типичные только для них поверья. Героями даже общих по содержанию мифов считались местные божества. Их знатоками соответственно признавались шаманы местных жителей. В некоторых случаях специфика локальных верований обуславливалась включением в состав предков представителей различных этносов, поэтому детальное изучение якутской мифологии может пролить свет на этническую историю якутов и народов, с которыми они вступали в этнокультурные контакты.

Особо следует подчеркнуть, что в прозаических мифах часто излагались воззрения, признававшиеся членами только определенных родов или локальных групп. У людей из других родов и регионов существовали другие такие же духи, т.е. не все включенные в сборник мифы были общеякутскими. Часть их считалась тайной, известной лишь шаманам и жрецам культа духов-покровителей рода и племени. Эти «секретные» сведения излагались в заклинаниях и гимнах во время проведения обрядов. В них тоже имелись варианты, распространенные лишь в отдельных регионах.

САХА ӨС-НОМОХТОРО

ХАМСЫЫР-ХАРАМАЙ ТУЪУНАН

1. Көтөрдөр мунныхтара

I

Былыргы бириэмэбэ ити араас уһуктаах тумустаах көтөрдөр атын сиргэ баран кыстыыры билбэт буоланнар бука бары бу дойдуга кыстыыллара үһү. Бу дойду тымныыта хаара бэрт буолан тонгон өлө сыһаллара, өлөллөрө да үһү. Бу дойду тымныыта, хаара бэрт буолан, олонорон да көрөллөрө, саһылы кытта бииргэ кыстыыллара да үһү. Саһыллара, били этимсэх баһайы буолан: кыайарын-хоторун барытын сиэн баратара дииллэр. Онтон ыксаан бары от-мас төрдүн айыы муннаналлар да тулуйбаттар эбит.

Биирдэ сүбэлэхэ түһэн, көтөр аймах¹ бийхэ олоччу мунныхтыыллар, ол мунныхтаан сүбэлэхэн: «Дьэ бу саһыл баар эрэйэ суохтук олонор үчүгэй итии дьиэлээх. Арай кини өйдөөбүн-мэйиилээбин иннигэр, туора харах саалаах сахха² кинини булан бултаһар, арай кинини дьиэтиттэн муннаран бэйэтин суох онгорбут киһи, кини дьиэтин дьиэ онгостуо этэ, сылааһа, киэнэ да алыс ээ. Ким барыай, хайабыт саталлаах буолуой?» — диэн буоллар.

Маныха ньокоокуй:

— Мин барыам этэ, мин кинини муннарыам этэ, эниги арай миэхэ ити элбэх сангабытыттан билэр гына үөрэтэргит буоллар, — диэн этэр.

— Э-э, дьэ үөрэтэн-үөрэтэн, бэссэн-бэссэн! — дэсигэн сөбүлэхэн, көтөрдөр, ыксаабыт дьон быһыытынан, ньокоокуйу энин сангаба үөрэтэллэр. Ол үөрэнэн ньокоокуй энин араас дьиибэ сангалаах буола түһэр да, дьэ саһылга барар.

Кээлтигэр сиэри үрдүгэр түһэр. Ньокоокуй араастаан сангара-сангара саһыл иннигэр киирэр, ситтэрбэт эрэ гына ити түһэ-түһэ көтөн, куотан иһэр. Саһыл: «Туох буолар баһайыный, саната баһас тобо элбэбэй?» — дии-дии холдьоҕон иһэр. Биирдэ өйдөнөн кээлтэ, саһыл ханна кээлтин билбэтэх, ыраатан хаалбыт, дэлби харгыйбыт, утаппыт. Ньокоокуйа суох буолан хаалбыт үһү. Дьэ саһыл хайдах гынай, биитэр көтөрү-ньокоокуйу хантан булан ситэн ылыай, абатыйбытын иһин хаалар. Ыксаан, суолун ирдэнэн төннөр

да оччо ыраах, оччо эрийэ-буруйа буолар, олох сырата-сылбата быстар. Наһыыла-наһыыла суолун устун эрийэ-буруйа үктээн, саһыл уйатыгар кэлбит.

Ол кээлтэ, дьэ көтөр бииһин ууһа бары кини уйатыгар мусту-буттар үһү. Кини кээлтин көрөн баран, бары үрүө-таара көтөллөр, саһыл мүччү-хаччы харбаһан эрэ хаалар. Көтөрдөр көтөн суох буолан хаалаллар. Саһыл дьыэтигэр көтөрдөр дэлби ииктээн-саахтаан олорон бааттар. Кыһыйбытын-абарбытын иһин туох кэлиэй.

Көтөрдөр эмиэ дьыэлэрэ суох буолан, тымныыга тулуйбакка, өлөллөрө буолар. Ыксаан, бары тойоннуун-хотуннуун, кинээс-тиин-чаччыналыын бука бары мустан эмиэ сүбэлэхэллэр³.

— Аны ким өйдөөх-мэйиилээх буолуон сөбүй? Арай бу туруйа буолуоххун сөп, арай эн саһыл өйүн-мэйиитин тургутуһан көр. Туох эмэ тахсаарай, хайа, баҕар, сөбүлэнэн барыбытын кыстатар, олордор киһи буолаарай? — диэн дьүүллээн, туруйаны онгороллор.

Дьэ туруйа сөбүлэнэн саһылга барар. Саһыл да буоллар, туруйаттан толлон сииргэ соруммат. Бииргэ олороллор. Ол олорон туруйа саһылтан ыйытар:

— Дьэ эн, саһыл, төһө элбэх санаалаах-мэйиилээх киһигиний? — диэн.

— Мин буоллаҕа дии, элбэх санаалаах-мэйиилээх, кэлбит-барбыт түөрт уон түөрт санаалаахпын, — диир саһыл.

— Дьэ оччоҕо, билигин сотору эйиэхэ туох кэлэрин билэбин дуо? — диэн ыйытар туруйа.

— Миэхэ туох кэлиэй, туох да кэлэрэ биллибэт, — диир саһыл.

— Онтон эн кутганар кыыллааххын дуо? — диэн ыйытар туруйа.

— Эчи суох, арай кутгуур саалаах сахха, туора харах баар буолуо этэ да, онтон да куотар санаалаах буолабын! — диир саһыл.

— Хайдах? — диир туруйа.

— Туора харах кэллэбинэ, уйабын-хорооммун дөссө кэнэтэн, түгэбинэн эбии хастан саһыам буоллаҕа дии, — диэн этэр саһыл.

— Уйабын кэнэтэн, хороонгун хастан эн туора харахтан куотуон суоҕа. Син биир туора харах үрдүгүнэн дьөлө хаһан, эйигин булан өлөрүөбэ, — диир туруйа.

— Чэ оччоҕо эн, туруйа, санааҕар туора харахтан хайдах куотуохха сөбүй? — диэн ыйытар саһыл.

— Ээ! Тугу түөрт уон түөрт санаалаахпын диэбиккиний? Билигин туора харахтар кэлэллэр. Эн бу мин улаҕабар сыт, мин дьыэ ааныгар сытыым. Туора харахтар хаһан да бу саһылы кытта туруйа сыттаҕа диэхтэрэ суоҕа. Миигин хостоон таһаарыахтара. Мин өлбүт

буолан хаалыам, оччоҕо миигин көрө-истэ, дьиибэргии турдахтарына, эн кытаатан ойуоххунан ойон көрөөр. Дьэ туора харахтар ону да билиэхтэрэ, биллэллэр эрэ, — эн биһи өллөхпүтүнэ оттон маҕылаах этин сиэхпит⁴, тилиннэхпитинэ бииргэ олоруохпут, биир киһи буолуохпут. Кытаатан өйдүө! — диэн туруйа саһылын сүбэлиир. Оруннардын атастаһан, туруйа аанҥа, саһыл улабаҕа сыталлар.

Арай ол сыттаахтарына биирдэ тыас-уус, айдаан, саҥа-инэ бөҕө буола түһэллэр да, туора харахтар кэлэннэр бокуойа суох уйаны арыян, өлбүт буолан кубулунан сытар туруйаны хостуу тардан таһаараллар.

— Хайа кыылый? Туруйа дии, өлбүтэ үйэ буолбут. Туох буолан кэлэн симилиннэбэй, иирдэбэ дуу? Саһыл суох буоллаҕа дии, — дэһэ-дэһэ, туруйаларын сахсыһа-сахсыһа көрөллөр, быраҕан кэбиһэллэр. Ах баран, көрөн тураллар. Саһыл ыксаан куолутунан бастаан хороонун түгэбинэн хастан көрүнэн иһэн, өй булунан ылан, мүччү ойон, ойуур диэки ыстанар. Туора харахтар манна соһуйан, кэнниттэн биирдэ-иккитэ эрэ хардыылаан көрөллөр. Ол икки ардыгар туруйа көтөн тилигирии түһэр да, тэлээр гынан хаалар. Дьон, туора харахтаах, соһуйан буолуо суоҕа дуо, онно охто сыһаллар. Дьэ саһыл куотан хаалар, туруйа көтөн хаалар. Туора харахтар мэлийэн ааһан хаалаллар.

Хойут туруйа саһылы көрсөн ыйытар:

— Хайа, саһыал, мин хайдах өйдөөх-санаалаах эбиппиний? — диэн.

— Ээ дьэ! Эн баар эбиккин үгүс элбэби саныыр киһи, бииргэ олоруох, — диир саһыл.

— Дьэ кырдык, — диэн туруйа өр кэмнэ дылы саһылы кытта бииргэ олоорто үһү. Саһыл ол да буоллар атын көтөрдөрү кыстаппат арай сиирин эрэ толкуйдуур, саныыр.

II

Көтөрдөр олорон хаххаланар дьиэлэрэ суох буолан, эмиэ өлөлөрө кэлэр. Саһылга барыахтарын саһыл илэ-бодо тутан сиирэ сүрэ бэрт. Онон биир кэмнэ уһуктаах тумустаах, хаптаҕай тумустаах аймах бары, көтөр биис бүттүн, үтүөлүүн-мөкүлүүн мунһустан улахан айдааннаах мунһах онгороллор. Бу мунһахха куба — кулуба, хаас — хандыдаат, киргил — кинээс, чаччыгыныар — чаччына, барыллыа — тойон буоланнар бары баар буолаллар⁵.

— Дьэ аймахтар, бу бары биһи көтөр биистэрэ биһиги эрэ кыстыыр сирбит, хахаланар сирбит дьээбит суох буолан, бу дайдыбыт тымныытыгар тоҥон тулуйбат буоллубут. Хайдах даҕаны олорор, тыыннаах буолар ааста. Биир эмэ сытыы-хотуу, сөптөөх киһитэ булан сир көрдөтө, буллара атаарыабын, дэсигһэллэр. Дьүүл-лэһэн-дьүүл-лэһэн, хабдыны онгортон атаараллар.

Хабды барар да сотору кэлэр:

— Дьэ кыстыыр үчүгэй сири булан кэллим, — диэн кэлэр. Ону көтөрдөр баран көрөллөр да, көрбүттэрэ: талахтаах сири булан, ол быһыгар хаарга хастан угуйар, сытар, кыстыыр сири булбут эбит. Манна хайдах да сатаан кыстаабат көтөрдөр элбэх буоллулар.

Эмиэ куолуларынан мунньустан, кыстыыр сири көрдөтөр киһи була сатаан, аны мас кыылын улары:

— Эн аны баран көр, — диэн уураахтыгылар.

Мас кыыла баран баран, эмиэ сотору тийиэн кэлэр да:

— Э-э дьэ буллум, киһи кыстыыр сири, — диэн кэлэр.

Көтөрдөр бассыһан эмиэ көрөллөр. Көрбүттэрэ — титириктээх алыыны булан, онно кыстыыр гына онгостубут эбит үһү. Бу сиргэ улартан атын туох да көтөрө сатаан кыстыа суох үһү.

Онон көтөрдөр куолуларынан бары мустан сүбэлэһэн эмиэ дьүүлүнэн аны:

— Бу саныйахтаах-илтэлээх, сылаас таҥастаах киһи бэрдэ, көтөр дьэллигэ, ат бөҕө, кус быһый киһи, эн кыстыыр сирдэ көрдүү, олох ыраата барыаххын сөп эн, хаххан бааргын, — диэн хахханы уураахтаан барарга онгороллор.

Хаххан сөбүлэнэр, дьэ этэр:

— Мин барабын. Дьэ бэрт ыраах күн аннын диэки барыахтаахпын. Өллөхпүнэ, үс сылынан үөрүм ытаан ааһыа буоллаҕа⁶. Этэнгэ сылдьан эргийэрдээх буоллахпына, аны үс сылынан эргийиэм буоллаҕа, — диэн хаххан сапсыйан бара турар.

Хаххан баатта, көтөрдөр санааларыгар, уһаабыта олус буолар. Кэтэһэ сатыылар, олох кэлбэт. Көтөрдөр: «Бу кэлэн туох буолла дуу, туохха эрэ ылларда дуу?» — дэсигһэн ыксааннар, бары ынтырсаң, эмиэ муста түһэн, мэкчиргэни: «Эгэ бу ойун киһи буоллабын, ойуннаа, көр-бил. Тобо бу айылаах бачча уһаата»⁷, — диэн, биир баайтаһын чэнгэрэкээни баайан биэрэн, ойуумсуталлар. Мэкчиргэ көтөрдөр ортолоругар киирэн олорон ойумсуйар. Биир баайтаһын чэнгэрэкээн сордоох баалан турар. Көтөрдөр, уһуктаах тумустаах, хаптабай тумустаах аймах бийин уустара бары баар бу-

олтар. Манна дьэ тойонноро — барыллыа, кулубалара — куба, хандытааттара — хаас, кинээстэрэ — киргил, чаччыналара — чаччыгыныар — бука барылара баар аҕай буолуохтара суох дуо, бааллар аҕай буоллаҕа дии. Били мэкчиргэлэрэ ингин-ингинник сангара-сангара, ойумсуйа турар. Хонобор да быһыылаах, кэдэгэр да быһыылаах, избэгэр да быһыылаах, уһун да моойдоох, үрдүк да атахтаах, ынабар да быһыылаах, лөкөгөр да мэйиилээх көтөрдөр бары батыспат гына төгүрүйэн олороллор. Арай балар истэригэр биир ити билигин хаан төбөлөөх чычып чыычаах өбүгэтэ чыычаах баара, кырата бэрт буолан, атын көтөрдөртөн мэхэйдэтэн көрө сатыыр да көрбөт. Ол иһин абатыгар кулубалара куба иннигэр олорон көрөөрү сыллар. Ону куба хонйон олорон: «Кини иннигэр бу кыра бэйэтэ тоҕо эмиэ киирдэ, дөксө кини уһуктаах тумустаах, саатар хаптаҕай тумустаах буолбат», — диэн айдаара түһээт, тымтан тонсуйбутун кэннэ кини буолуо дуо, мэйиитин хаана диэн ыһылла түһэр. Ытыыр-сонгуур, дьэ айдаан буола түһэр. Көтөрдөр да аймана түһэллэр. Ойууннара ойуумсуйара тохтуур. Чэнэрэкээни баайан туралларын ыта охсоллор.

Көтөрдөр үрдүктээх-намыһах тойотторо, арахсыһан, наар-наар буола, уһуктаах икки хаптаҕай икки тумустаахтара арахсыһан, наар-наар буола түһэллэр. Этиһэн, мэккиэр, ытааһын-сонгоһун бөҕө буола түһэллэр. Этиһэн, мэккиэр кубалаах хаас хаптаҕай тумустаах туспа суол биир аймах, киргиллээх чаччыгыныар уһуктаах тумустаабы кытта туспа биир суол аймах буоланнар мэккиһэллэр. Маныаха биирдэрэ: «Куба моонньо уһун, атаҕа үрдүк, кини бэйэтэ улахан, улаҕаҕа да туран көрүүн сөп этэ. Чычыбы, кыра муннаабы атаҕастаан, уһуктаах тумустаах диэн баттаан, ити айыылаах онордо», — диэн буолар. Биирдэстэрэ буоллар: «Кини чычып, кыра кусаҕан үөдэн буолан баран дуоһунастаах, сололоох кулуба тойоммут иннин быһа хаамара сатамат баара, кини кусаҕана», — диэн буолар.

Ол гынан өр мэккиһэн баран хайалара да сөбүлэспэккэ тойонноругар барыллыаҕа үнсэллэр: «Бу манныкка ким буруйдааҕый, үтүө тойоммут дьүүллээ», — диэн. Ону барыллыа:

— Төһөтүн да иһин куба төрүт уус, оннообор саха кини үнэрсүктэр алҕанар айыыта буоллаҕа дии. Кини билбэт буолан сыһан этиэ дуо.

— Чэ, эн бу кулуба да буолларгын эн куба буруйдааххын, уһуктаах тумустаахтар диэ суохтааххын этэ. Көтөр аймах биир айылгылаах буолаллар, ону кыра кусаҕан диэн саныа-баттыа суох этинг.

Көтөр дуусата биир буолар. Унуоѳунан кыра, бөѳөтүнэн мөкү да буоллар көрүѳөбүн баѳалаахха көрдөрүѳөх баар этэ. Ол кэннэ хаан таһааран баттаабыккын, — диэн буолар.

Манан эмиэ уһуктаах тумустаахтар: «Хор оннук ээ, оннук ээ!» — дэсирһэн аймалѳаннара ааһа түһэр.

Маныха куба аймаѳа сөпсөѳөбөккө, аны көтөр ыраахтааѳыта Өксөкү кыыл диэн баарыгар аасыһан үнсэллэр. Өксөкү үнсээччилэри биэс тылы этиппэккэ, биир саһаны саһарпакка эрэ сэмэлээн баран хаптаѳай тумустаах көтөр аймах бастаахтарыгар буруй-гутугар диэн биирдии ый сыл ахсың хаайыыга сылдыар гына анаабыт⁸.

Онтон ыла уу көтөрдөрө бастыңнара биирдии ыйга көппөт буола саарар буолтара үһү. Ол куба тэһэ тонсуйбутунан чычыпчычычаах мэйиитэ кыһыл хааннаах буолта үһү.

III

Дьэ ити итинэн ааһар. Ол үлүгэр буолан баран көтөрдөр мустуохтара дуо, эмиэ суну-саны буолан от-мас төрдүн аайы тонгон өлүмээри эрэ били хахханнара эргийэрин кэтэһэн олороллор. Үс сыл буолаат хаххан дьэ кэлэр. Хаххан уойбута-топпута сүрдээх, түүтэ-өһө көммүтэ да бэрт. Бука үчүгэйдик сылдыан бу буолта буолуо диэн буолар. Көтөрдөр бары мустан олорон хаххантан хайдах сиргэ бара сылдыбытын ыйыталлар.

— Дьэ бу үс сыл тухары баран сүппүтүм усталаах туоратыгар бэрт эрэһи, тонгууну-хатыыны көрдүм, мин киһи буолан эргийдим. Бу биһи дайдыбыт, сирбит диэн баара дуо, уонунан оччо тымныы, уонунан оччо хачаал, куһаѳан сир эбит. Ол кэннэ бэрт ыраах сир эбит, — диэн олох ыраастык мэлдьэһэр.

— Дьэ оччоѳо биһи өлөр-быстар, көтөр аймах киһи буолбат ыйаахтаах дьон буоллахпыт, — дэһэллэр.

Ону сорохторо:

— Хайдах оннук буолуой, доѳоор, кэм ханна эмэ тыыммыт уһуур сирдээх инибит, — дэһэллэр.

Тарѳаһаллар. Хаххан көтөрдөр баартарын кэннэ:

— Эмээхсиэн, дьэ мин бэрт ыраах сиргэ баран, биир киэн байѳалы туораан күн аннын диэккиттэн үтүө астаах-танастаах, оттоох-мастаах, кыһына суох итии салгыннаах, киһилээх-сүөһүлээх, көтөрдөөх сири Кыдат⁹ дайдытын булан кэллим. Киһи айаныгар уһаабат сирэ. Аһа-таһаһа бэрдинэн сэниэ ыла түһэн кэлээри бачча утайдым. Биһи кимиэхэ да эппэккэ бэйэбит барыахпыт.

Хата дьэ оѳолорун бойбохолорун сыта-тура биллэрбэккэ онгортоо. Сөп диэ.

— Ээх, санарыма, аргый, истиэхтэрэ. Бэйэ эрэ туох санарар? — диэн киирдэ-табыста эмээхсинэ.

Арай бу кэпсии олорбутун аллара атабын анныттан саһа сытан үнкүрүмэ (үгүрүө) иһиллии сытар эбит үһү. Соѳотохто «чаас!» диэбитинэн ойон тахсар да «һуу» диэн эрэ көтөн хаалар. Хаххан соһуйан көрүөбүнэн көрөн баран тиэрэ баран түһэр. Үнкүрүмэ «һуу-һаа» диэн, «чаас-чаас» санаран этинэн, аймахтарыгар көтөрдөргө баран: «Хаххан оннук үтүө сири, Кыдат сири күн анныттан булбут үһү. Эмээхсинин сыта олоро онгостон биллэрбэккэ сыпгынан хаалыах, үтүө итии сир диэтэ», — диэн кэпсиир.

Көтөрдөр:

— Дьэ түөкүн хаххан, дьэллик дьэллигэ тардан албыннаабыт буоллаба, — диэн хахханы ынгыттаран ылан ыйыталлар.

— Эчи суох, үнкүрүмэ иирэрэ буолуо, албыннаан этэр. Аны мин бэйэм өссө өлө сыһан кэлбитим үрдүнэн албыннаабыт ааттанарым дьэ бэрт сүрдээх суол, — диэн кылбаччы мэлдьэһэр.

Үнкүрүмэ ону айахха анһа олорор. Көтөрдөр дьүүллэһэн хахханы хаайан кэбиһэллэр. Ол кэннэ икки киһини — хара мэйии хоптону уонна мохсоѳолу булан уураахтаан Кыдакка атаараллар. Ол кэннэ бэйэлэрэ кэтэһэн олороллор. Биир ый буолаат хара мэйии хопто эргийэн кэлэ охсор:

— Дьэ буллум, Кыдат сирэ баар эбит үтүө дойду. Көтөр арааһа, киһи энинэ, сүөһү элбэҕэ, от-мас үчүгэйэ-кэрэтэ ол дойдуга үөскээбит сирэ эбит. Биир эрэ киэн байбал баар эбит, ону эрэ чиэрэстиир киһи үтүө сиргэ-уокка тийэр дойдута эбит, — диэн кэлэр.

— Хайа мохсоѳолун? — диэн буолар.

— Э-э, мохсоѳол түргэнник эрэ көтөрүнэн, кини халыйара бэрт буолан хойутаан утайар, — диир.

Ус хонон баран мохсоѳол да кэлэр.

— Дьэ утайдым, — диир, — үтүө дойду-сир Кыдат баар эбит, — диэн син биир сэхэргиир.

Дьэ көтөрдөр:

— Бу хаххан үчүгэй сири булан баран, албыннаан бэйэтэ эрэ бараары кэпсиэбэтэх эбит, — диэн. Бука бары мустан олорон уураахтаан, онно дэлби сынһаллар. Ол кырбаан ким тумустаах тумсунан, ким тынғырахтаах тынғырабынан түһэллэр, эттииллэр. Төбөтүн хаптаччы охсоллор, көхсүн «һуу!» дии олорор гына дьөлө тингилэхтииллэр, икки харабын быччаччы тахсыар диэри кыр-

быллар, түүтүн кырымахтаах буолуор диэри үргүүллэр. Ол кэннэ бэйэтин саастаах үйэтигэр бу дайдыттан барбат гына харааллаан кэбиһэллэр.

IV

Ол олорон мунһабынан көтөрдөр аны оҕолорун туһунан кэпсэтэн уураах таһаараллар. Маныаха ким төһөлүү оҕолоох буолуохтаабын диэн буолар.

Ол үллэстэн: «Үнкүрүмэбэ түөрт оҕо сөп, кини кырата да бэрт, онтон ордугу кыайыа суоҕа», — диэн түөрт оҕону аныыллар. Ону үнкүрүмэ: «Мин төһө эмэ үтүөлээбим үрдүнэн түөрт эрэ оҕону биэрэбит?! Миигиннээбэр кыра баҕайы чаачынайга уон оҕону биэрдэххит. Аны мин хаһан даҕаны барыам суоҕа, энигиттэн араһабын, ол кэриэтэ саха киһи дьэбиннээх батаһыгар супту түһэн өллөбүм!» — диэн. Ити онтон ыла кини манна хаалан көтө-көтө эмискэ тыһаан түһэр буолта үһү.

Онтон хабдыга элбэх оҕону биэрэллэр. Хаас этэр: «Хабды барыан сөп», — диир.

Ону хабды:

— Эн хаас, Кыдакка баран эргийэргэр саас төһө бөтүөннэнэн кэлэбин, көрүөхпүт. Барбаппын, — диэн барбатах.

Ол тэнэ байҕалы кыайан туоруо суох буолан хаалбыт көтөр элбэх. Буучугурас, чөкөөнүй: «Кыайан көтүө суохпүт» диэн хаалбыттара үһү.

Ньокоокуй «үгүс көтөр сангатын ылан элбэх сангабынан туһанан бу да дойдуга хаалан олороо инибин» — диэн хаалбыт.

Мас кыыла маһыгар хаалбыт, чычып эрэйдээх олоҕуттан уларыйбатах.

Уоннаабылар Кыдакка баран кыстыыр буолтар.

Орто Халыма оройуона. Миискэ Таркин сэхэнин истибит Николай Алексеевич Винокуров тылыттан. С.И. Боло суруйбута, бэс ыйын 29 күнэ, 1940, с. Орто Халыма [ЯС, т. 1, с. 72—78].

2. Тойон кыыл¹

Тойон кыыл көтөрдөргө барыларыгар баһылык. Кини кэпсээн быһыытынан көтөрдөр тангаралара, улахан Улуу тойон² бастын уола. Тойон кыыл биир бастын алдыатыһлаах сиэмэхтэртэн биирдэстэрэ — бараан, сылгы, ынах, ыт ону аһан киһи оҕотун кытта илдэ баран сиир, алдыаххай инсэлээх народ хаһаайыстыбатыгар

алдырхай ночнооту онгорор көтөр, кини наһаа күүстээх, тордуох-таах тумустаах, үһүн сытыгы тынгырахтаах. Былыр бэрт кырдыбыт тойоннор дьылбаланаары гыннахтарына сатыылаан сиргэ түһэн өлөллөрө үһү. Ону ойуун кырдан, малааһыннаан, туоска суулаан, ытыгылаатыбыт ааттаан туох да сылдыбат, түүтүн туох да тэпсибэт сиригэр ыйыыллара үһү. Кини унуобун илдэ сылдыр киһини туох да тыыппат буолар диллэр.

Мэнэ-Хангалас оройуона I Наахара нэх., М.Г. Наумовской уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйуулары. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 13 об.

3. Дьабыл тойон

Дьуһааллар таңаралара дьабыл тойон. Кинини өлөрбөттөр. Атын тойону (ала тойону, эриэн тойону) син өлөрөллөр. Дьуһаал нэһилиэктэрин кийииттэрэ дьабыл атыыр этин сиэбэттэр. Дьабыл атыыр сылгы, дьабыл тойон уонна киһи биир сиртэн, биир айыыттан айыллыбыттара үһү былыр.

Верхоянской оройуона, Элгэт нэх., 59 саастаах Михаил Горохов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, тохсунньу 18 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 130—131.

5. Тойон кыыл хангаластар¹ таңаралара*

Былыр Хангалас төрдө киһи кыргыстан күрээн иһэн быстаран, аһа суох буолан, өлөөрү сыгар үһү — сааскы бириэмэбэ, хоргуйан. Онно туох да булту, сир аһын булумуна өлөрө буолан сыттабына, хаастар тийээн кээлтэригэр хантан да кэлбитэ биллибэккэ тойон кыыл кэлэн биир хааһы тэбэн түһэрэн биэрэр бии киһиэхэ. Ону ылан сиэн, онон уобуран, өлбөккө бултаан аһырыгар тийэр. Онон Хангалас төрдүгэр тойон кыыл таңара буолта үһү, быстаран өлөөрү сыттабына. Былыр мин оҕо эрдэхпинэ, кырдыаҕас эмээхситтэр тойон кыылы дэн кэриэтэ көрдөхтөрүнэ: «Таңарабыт Тойон кыыл сылдыр», — диллэрэ. Онтон утумнаан кырдыаҕас дьон, ол курдук хааһы тэбэн биэрэн биһи төрдүлэрбитигэр таңара буолта үһү диэн кэпсээн бараллара — тойон кыыл туһунан, өлөрөрү буойаллар этэ, буулуо диэн.

Былыр биир баай төрүт ыалга — мин ыалбар, биир ала хотой кэлэн сайын от саҕана дьыэ таһыгар кэлэн кулуну тутан сиэбит.

* Нумерация якутских текстов имеет пропуски в связи с включением в данную книгу мифов, записанных на русском языке.

Ону тутан сиэн эрдэбинэ, дьэилээх киһи тоһобоннон көхсүн үнтү кырбаан өлөрөн баран, киллэрэн: «Мин кулуммун сиэбитинг курдук эйиигин да сиибин!» — диэн эттиэн-эллиэн сиэн кэбиһэллэр кэргэтгэриниин. Бу киһи сотору собус гынан баран ыалдыар — ойууну кыырдарар. Онуоха ойууна Хара Суоруну киллэрэн баран этитэр: «Тобус үйэ туххары ыччаккыттан иэстиэм, көхсүн аҕай, ийэн ууһун эһиэм, аҕан ууһун аһыам!» — диэн көрдөһүүнү ылымматах. Онуоха туран, бу бэт улахан халын ийэ ууһа дьон быстан хааллылар, бары сэллик буолан. Арай биир тыла суох киһи ордо сылдыар. Ону тойон кыыл буулаан эһиннилэр бу дьон дииллэрэ.

Атын да нэһилиэк дьоннорун (хоро нэх.) буулуур. Хас дэлэгэй тойону дэнгэ өлөрдөхтөрүнэ, өлөрбүт киһи көтөҕөн тыаҕа таһаарыахтаах уонна тобус тиити биир сиргэ собус туралларын эргийэр уонна ол тобус тииттэн биирдэригэр төрдүгэр иин хаһан баран, тиити икки илиитинэн ууран кууһан олорон, үргүөхтээх бии иин иһигэр. Уонна сүһүөхтэринэн атабын кынаттын бысталаан баран барытын түүлэри, сыһаабын ыыран баран, көмөн кэбиһэр бу иингэ. Көмөн баран кэннинэн хааман барар ыраахха дылы. Бу тобус тиит эһиилигэр хатан хаалыахтаах. Ол онуоха тиити буулуур үһү бу хотой.

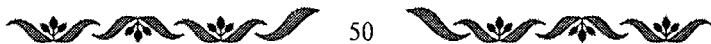
Сорох ардыгар биир тиити кууһан олорон, күөс кэтэрдэн баһыгар, иингэ көмөн кэбиһэллэр уонна тааһынан батталлар. Көмөлөрүгэр: «Үйэттэн үйэ туххары саха бараан баарын туххары эргийэйэйбин, таасты тимир!» — диэн алгыыллар. Бу курдук гыннахтарына, буулаабат.

Сунтаар оройуона, Ханалас нэх., 78 саастаах Гаврил Андреевич Ефимов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ыам ыйын 29 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 55—56 об.

6. Баатылы төрдө¹

Буустаах нэһилиэк сиригэр былыр нуучча бу дойдуну даһаны, Дьокуускайы да була иликтэринэ, Баатылы диэн киһи кэлбит. Бу Баатылы төрдө тойон кыыл эбитэ үһү. Кинини Баатылылар өлөрбөттөр, бэркэ ытыктыыллар. Баатылы дьахталлара тойону үөһэнэн эргийэ сылдыарын көрдөхтөрүнэ, сарыы таналай диэн соннорун кэтэллэрэ үһү, кийииттээн. Бу биһиги Баатылы төрүттээхпит.

Илья Никифорович Горохов диэн, 82 саастаах, Дьааны оройуонун Суордаах нэһилиэгин киһитин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ахсынньы 28 күнэ 1939 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 63].

7. Хотойго унгоох тутуу

Хотой кэлэн дьиз таһыгар өллөбүнэ ол унгоубун тутгараары-ытыгылатаары өлөр соруйан.

Кини өллөбүнэ дьиз таһыгар сүөһү өлөрөн, айаҕар сүрэби уоптаран, мооньугар кыһыл хаалтыс баайан баран, барытын суулуу баайытлар талабынан уонна тыаҕа таһааран салаалаах самаҕар, собуруу диэки бастаан, кыбытан кэбиһэллэр. Инньэ гымматахта-рына буулуур, ол ийэ кута¹ эстэр.

В.Н. Кривошапкин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 26.

8. Тойон дьоло

Былыр Лэприэн диэн Үөһээ Бүлүү киһитэ баара үһү. Ол киһи биир тыһаҕастаах, биир ынахтаах эрэ, олобунан бэрт дьадангы киһи эбитэ үһү.

Бу киһи киэнэ биирдэ тыһаҕаһа сүтэн хаалар, ону көрдүөн-көрдүөн биир сиргэ тийэн көрбүтэ: ити курдук толоон ортоугар ала дьүһүннээх Тойон кыыл тыһаҕаһын охторон сэмнэхтээбит үһү.

Ол сэмнэбин үрдүгэр олорон эрэ, сии олорор эбит үһү.

Маны көрөөт Лэприэн маһы сулбу тардан ылан: «Дьэ, мин кинини — бу айыылаах сизэбити баһын дэлби сынньан өлөрдө-бүм», — диэн сүүрэн тийэр. Онуоха Тойоно атабынан куотан тэскилиир, маны киһи экирэтэн ситэ баттыыр. Онуоха Тойоно эргиллэ түһэн киһи курдук бокулуоннуур. Ону көрөн киһи: «Бэйэ, үчүгэй кыыл быһыылаах, тоҕо эрэ көрдөһөр курдук бокулуон-нуур», — диэн өлөрбөккө эрэ төннөн кэлэр. Ол кэлэн тыһаҕаһын сэмнэбин арангас мас онорон үрдүгэр аргылаан биэрэр. Онтон дьизитигэр төннөн кэлэр. Ол кэлэн баран, үс хонон баран, киэһэ тахсан киирэ турбутугар үөһээтэн, дьизетин үрдүнэн Тойон кэлэн эргийбит. Ол эргийэ турдагына, соботохто иннигэр туох эрэ тыастаах кэлэн түспүтүн ылан көөттө, кубаҕай өгнөөх өрүс чайын курдук таас эбит үһү.

Бу тааһы ылан дьонно көрдөрөр: «Бу туох дьиибэтэй, аны таас түстэ, Тойон эргийбитэ», — диэн. Ону дьон эрэ, түүллээх-биттээх эрэ бары: «Э-э, дьэ, бу соруйан Тойон дьоллоох таһа, маны уура сырыт, сүтэримэ, бу аата “Тойон дьоло” диэн ааттанар», — диэн этэллэр. Ол тааһы Лэприэн сүтэрбэккэ, өрбөххө суулаан, уура сылдыар. Ол «Тойон дьоло» тааһын ылан Лэприэн кэнники олус байбыт, ыччаттаах буолбут, үйэтэ уһаабыт.

Саха майгытынан Тойон өлбүтүн кэннэ, өлбүтүн буллахтарына, онно оннугар аранастаан унуох туталлар.

Тойон түүтүн тэпсибэт бабайы. Тойону өлөрбүт киһи Тойонтон буулаган араас сытыган өлүү буолан, Тойону хайдах өлөрдүн да, ол курдук кэбилэнэн өлүөхтээххин.

Тойон таба тубутун тутан өлөрөн сиир. Сорох ардыгар кыра таба үрдүгэр түһэн баран аңаар атабынан сүүрдэн иһэн маска хатанан буутун хайа таттаран өлөр. Ону «булка сылдыан өлбүт» диэн буолар. «Көтөр Тойоно Тойон кыыл, көтөр ыраахтаабыта өксөкү» — диэн хоһоон буолара.

Бүлүү оройуона Үгүлээт нэх., кырдыбаас дьахтартан истибитим. 50 саастаах Алексеев Борис тылыттан¹. Кулун тутар 24 күнэ 1938 с. Күбэйингдэ диэн сир. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 8—10.

9. Хотой кыыл

Биэс уон сыллаахха Таандыры диэн Сылан нэһилиэгин Чурапчы оройуонун сиригэр, күһүн дыра сағана, алаас тумулугар, ыал дьиэтин таһыгар, үрдүк тииккэ, хотой кыыл кэлэн түһэн хас да хонор. Бу кыыл арыт түүн кэлэн сүөһү үрдүгэр түһээри (кыра тамыйах эгин) гынар үһү, уонна дьиэ таһыгар түһэр үһү. Олохтоох ыал бу соруян буллаба, буулаары гыннаба, диэн бэккэ куттанан, ойууннары булан кыырдараллар. Бу үс ойуун кыайбатыбыт диэн төттөрү бараллар. Кыыллара бу тухары барбат. Онтон биир икки хараба суох кырдыбаас, хороттон, уоттан төрүттээх ойууну булан ажалаллар. Онуоха ойуун кэлэн: «Дьэ, ханна баарый? Миигин сирдээн таһаарын», — диэн, алаас тумулугар олорор хотойго сирдэтэн тахсар. Ол тахсан тиит анныгар өрө хатыһан туран дьалыһыйан хоролуу сангарар. Онуоха биирдэрэ эмиэ сангарарга дылы гынар, тонхоннуур. Онтон ойуун: «Чэ, үчүгэй буоссу быһыта, чэ киириэбин», — диэн киирэн биир кыра сүөһүнү өлөттөрөр, ол хаанын, сүрэбин, быарын биэрэр, тиит төрдүгэр ууран, тойон кыылга уонна кыырап тиит төрдүгэр. Дьэ кыыран бүтэн баран этэр: «Чэ, табыллыа буолла — эргийбэккэ барыа буоллабына, күн диэки өттүнэн эргийэ көтөн барыа, оттон ханас түгүнэри өттүнэн эргийдэбинэ оччо гынан баран эргийиэхтээх».

Хотой кыыллара түгүнэри ханас өттүнэн эргийэн барбыт. Ол бу былырыын ойуун эппит кэмэ туолбут дьылыгар кэлэн эмиэ

түхэн ааспыт, «Таандыража» бу кыыл. Ол хоро төрүттээх ойуун буолан алгыһа тийдэбэ үһү, кэнники ойуун кыырыбытыгар.

Чурапчы оройуона, Сылан нэх., 60 саастаах, Петр Макаров тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, бэс ыйа 14 күнэ 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 25—25 об.

10. Кубаны өлөрүү

Куба диэн көтөр самай улахана, кини суору бобуодьулуур сангалаах. Наахаралар ытыктыыр көтөрдөрө. Былыр Ыйылас Наахаратыгар Куба ойуун диэн ааттаах ойуун олорон ааспыта, ол бэрт былдыһарга албынтан өлбүт, ити өлүөн иннинэ Наахаралар тустарыгар наһаа көмөлөөх уонна туһалаах киһи эбитэ үһү. Онон халлаан хангыл көтөрүн кубаны тангара онгостон үгэр буолан, хаһан да ыппаттар, ким эрэ өлөрдөбүнэ улахан малааһын онгороллор уонна уңуобун ытыгылаан аранастыыллар. Ол курдук куба сэдэрэбинэн, дэнг курдук түһэн ааһарынан Наахаралар өлөрбүттэрэ суох. Ол курдук улахан көтөр өлөрө сэттээх-сэлээннээх, айыы буолар диэн өлөрбөттөр.

Мэнэ-Хангалас оройуона I Наахара нэх., М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттерин суруйбуттарыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 9 об. — 10.

11. Куба

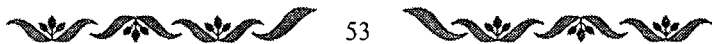
Кубаны (ойуннуу — тараҕай) өлөрдөхтөрүнэ буулуур. Ийэ ууһа быстар иирээн булар. Холобур Чубукаан офонньор биир кубаны өлөрөн, онон сыттаан быстыбыттара үһү.

А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 72.

12. Куба төрүт

Былыр бу Сэһэн Бологурга баар этэ, Куба төрүттээх ийэ ууһа. Бу дьон кубаны өлөрбөттөр. Былыр түнүнэс өлүүлээх эбиттэрэ үһү, төрүттэрэ. Инньэ гынан ойуун кыырдаран куба моонньоох баһынан оҕо өлүүтүн суолун бүөлээбит, куһаҕан абааһы күөрэйбэт гына (холобур нэтээгэ тириитин курдук). Өбүгэбит куба дэһэллэрэ, бу ийэ ууһа.

Чурапчы оройуона, Бологур нэх., 80 саастаах, Т. Константинов тылыттан, А.А. Саввин суруйбута, 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 43.

13. Куба тангара

«Куба тангаралаах Уорџалар» диэн сахалар. Куулу баһыгар Оротук диэн үрэххэ олороллоро. Сордонноохтон 43 кестөөх¹ сиргэ олохтоох этилэр. Уорџал диэн аҕа ууһа бэрт аҕыйах 4—5 буруо Сиипсэптэр диэн этилэр. Мин өбүгэлэрим — Абырыас диэн, онтон Баһырџас диэн төрүөбүтэ үһү. Кинилэр сүрүбэ суох саха саҕанаабы дьон буоллахтара. Баһырџастаан түөрт уол төрөөбүт — Хананай Уоһук, Абааһы Уйбаан, Чиэкэ Борукуопай, Бухатыыр оҕонньор (Ньараҕа үөскээбит). Мин аҕам Дьөгүөр диэн ол Уоһук диэнтэн төрүөбүт. Эһэм Уоһук Сиипсэп 130 сааһыгар мин төрүү иликпинэ өлбүт. Мин аймахтарым былыргы саха саҕана куба тангаралаах буоланнар кийииттиир буолаллара². Кийииттэр көрдөхтөрүнэ тангалай диэн таҕаһы кэтэн кэбиһэллэрэ үһү. Тангалайдара суох кэмнэригэр көрдөхтөрүнэ, бугул анныгар киирэн, саһаллара үһү. Кубаны харыстаан «үрүн кыыл» диэн ааттыыллара үһү. Сүрэх кэлбититтэн ыла кубаны сиир буолтара үһү диэн аҕам сэхэн онгосторо. Кини мин түөрт уонча саастаах эрдэхпинэ өлбүтэ. 120 сааһын туолбута. Миэрэ кээлтигэр кийииттэр хоргуйан өлөөрү олороннор, бастаан буутуттан эрэ сизэбиттэра үһү диэн буолара.

Н.Е. Сивцев (хос аата Ньылбаан) диэн, 95 саастаах, Өймөкөөн оройуонун Сордонноох нэһилиэгин киһитин тылыттан С.И. Боло суруйбута, тохсунньу 19 күнэ 1940 с., Орто Балаҕан диэн сиргэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 54—55].

14. Куба уонна суор кэлиитэ

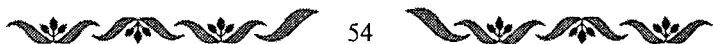
Былыр Айыы тойону алгыыллара үһү, сайын. Онно кэлэн куба эргийдэбинэ таҕарабыт диэн этэллэрэ, суор эргийдэбинэ — суору таҕа рабыт диэн этэллэрэ. Дьэ кэнники ол кыыллары таҕара гыналлар.

Бүлүү оройуона, Тоҕус нэһилиэгэ, 85 саастаах, А.П. Еремеев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 38.

15. Куоџас суор икки

Бэрт былыр куоџас суор курдук хап-хара эбитэ үһү. Куоџастаах суор, атын көтөрдөр эриэннэригэр бабаран, бэйэ бэйэлэрин өгнөрүн кырааскалаан, ойуулаан биэрээри онгостубуттар.

Суор куоџаһы араас дьэрэкээн ойуулаан, оһуордаан биэрбит. Куоџас өрүскэ киирэн дьүһүнүн көрүнэн баран, суору ойуулуон

бағарбатах, ууга умсан хаалбыт. Албыннаабытын өйдөөн суор куоҕаһы самыытын ыыра охсон кэбиспит.

Онон суор уруккутун курдук харата харатынан хаалбыт, оттон куоҕас, эриэн түүлээх буолан баран, самыыта хаптаччы онон, атаҕа тиэрэ буолан хаалбыт.

Орджоникидзе оройуона, Эргис нэх., Прасковья Ксенофонтовна Ефремова тылыттан Г.У. Эргис суруйбута, от ыйа, 1930 с., Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 91].

16. Суору өлөрүү

Суор ыас хара, саха сириҥ кытаанах уловиятыгар кыстыыр наһаа инсэлээх, алдыахай ночооту онгорооччу, көтөрдөртөн биір-дэрэ буолар. Суор ордук аһатан булчуттары ночооттуур, онтон тор-бонноотобуна тыыннаах ырыган сүөһү хараһын тэһэ уулаан сиір, көлөттүбүт сүөһүнү дьөлүтэ тонсуйан өлөрөр, айа, сохсо, чаак-каан, хапкаан, туһах уонна да атын бултаабыт буттары ирдээн сылдьан сиір алдыатыылаах көтөр. Суору алдыахайы онорорун үрдүнэн улахан «Улуу тойон сиэнэ», онно тийиэн үнсэн кунан оҕус уйан турбат айыытыгар барыахпыт, буулуо, диэн адьас үөхсүбэттэрэ уонна өлөрбөттөрө. Хаадьаа инсэтигэр сэмнэҕи сиэри сохсоҕо, айаҕа өллөбүнэ, куобаҕы уорбут дэтэн куобах түүтүн уоп-таран баран, түүтүн киһи тэпсиэ диэн туоһунан суулаан тиіккэ, киһи, сүөһү сылдьыбат сиригэр, ыйыыллара, ол аата «Ытыгы-лаатахтара» — диэн буолара. Ол кэнниттэн сэрэнии, сэрбэнии бөҕө буолар, буулаабатар ханнык диэн.

Мэнэ-Хангалас оройуона, I Наахара нэх., М.Г. Наумовскай уон-на П.Т. Степанов оҕо саастарыгар истибиттэрин суруйбуттарыт-тан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 10.

17. Суор таңара

Дьабыл нэһилиэккэ Мэнэ улууһугар баар этэ Хоро аҕатын ууһа диэн. Онно былыр бу дойдуга арбаа Хоро Хангаластан биір киһи олохсуйаары сир көрө өрүһү¹ үрүн оҕуһунан харбаан тахсан, кэрийэн киіртэ үһү, өрүс илин энээрин. Ол тахса сылдьан илин бу Таатта сириҥ диэки атаһын тоһутан сиргэ хорғуйан тонгон өлөөрү сыттабына, биір суор үөһэттэн кылыктаах хататы түһэрэн биэр-бит. Онон уот оттунан тыыннаах ордон хаалбыт бу киһи. Онтон ол суор таңара буолар биһи төрүппүтүгэр, биһи кырдыаҕастарбыт бөккэ ытыктыыллар этэ суору².

«Кэбис, ити суору тытыманг, ити биһи тангарабыт, биһи төрдүбүт өлөөрү сыттабына, өрүһүйбүтэ үһү былыр», — дииллэр олохтоох дыбыллар.

«Хоролор тангалара суор», — диэн үөбэллэрэ үһү биһи дьоммутун, хоролору. Хоролор буоллабына, этэллэр этэ: «Дыбыллар эрэйдээхтэр үөбэллэр, ити биһи эһэбит ээ, суор биһиэнэ тангарабыт», — диэн биһиэхэ.

Дьон уунах буоллахтарына уот иччититтэн хоро төрүттээх дьон сагаллар хататынан чокууру, уунахтаах сир үрдүгэр. Онно бу хоро төрүттээх дьон хататтара эмтээх буолуохтаах. Ол эмтээбин төрдө диэн буолар, үөһэттэн суор кыалыктаах хататы түһэрэн биэрбиттэн. Билигин даҕаны биһи хоролору ыңыран уунахтаах дьон сахтараллар. Онно саҕа-саҕа албыллар бу курдук диэн:

Имиттэн имэ дьуотту³,
хороттан хоро дьуотту,
хоро сиэнэ мин саҕан эрэбин,
күндүл-сандыл,
күндүл-сандыл,
күн саҕаан,
ый саҕаан,
күн саҕаан,
ый саҕаан!

Уота үрдүгэр тохтор гына саҕыахтаахтар, оччоҕо эмэ тийэр. Сагалларыгар уокка ас биэрэллэр.

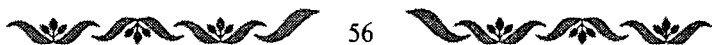
Бу хоро сирин дьонун илдьэ кыһын тахсар өрүстэн, сир көрөн баран бу Чаачыкый илин өттүнээҕи толоонго тохтуур. Хоролор урут ололорло үһү бу билигин куорат⁴ олобор. Бу куорат олорор сирэ былыргы ытык аата «Күөрээйи» диэн эбитэ үһү.

Чурапчы оройуона, Алагар нэх., 75 саастаах Иванов Федор Иванович тылыттан. А.А. Саввин суруйбута алтынны 23 күнэ 1936 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 68.

18. Тотем¹

Хоро тангарата суор. Суор Ала суорун тойон² уола эбитэ үһү. Кини инсэтэ бэт, көрбүтүн эрэ барытын сии сылдыарын иһин бу дойдуга түһэрбиттэр, буруйдаан.

Былыр биир дыахтар күһүөрү кыһын сиргэ төрүөн баран тоҥон өлөөрү олордобуна, суор аҕалан кыалыктаах хататы түһэрэн биэрэр. Ону ылан уот оттон бу дыахтар ирэн, өлбөккө дьэтин булар.

Бу дьахтар оџото хоро төрдө киһи буолан, хоролору кини үөскэтэр. Кинилэр: «тойон эһэбит, билбэтэби билэр, көрбөтөбү көрөр» — дииллэрэ. Уокка ас биэрдэхтэринэ, суорга эмиэ ас биэрэллэр этэ. Кинини «тангарабыт» уонна «эһэбит» — дииллэрэ. Ол соруйан: «үчүгэй киһини-сүөһүнү үөскэтэр оноруулаах киһи төрүүбэ» — диэн, ону билэн, ажалан кыалыктаах хататы түһэрбитэ буолуо, дииллэрэ.

Хатас нэх., Куорат оройуона, 80 саастаах Карамзин Егор Павлович тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, алтынны ый 31 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 109—109 об.

19. Суор тангаралаах хоролор

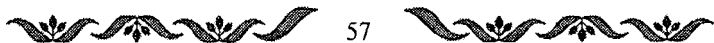
II Моорукка Хоро ийэтин ууһа диэн баар. Ол сэрии саџана өрүстэн тэскилээн биир киһи тахсан Күндүл диэн Куоллара үрэххэ баар күөл тумул булгунньахха сытар үһү. Уот оттуон кыалыктаах хататын хоммут сиригэр умнан кээспит. Аһылыга суох буолан, уота суох буолан хоргуйан өлөөрү сытар, бу хоро. Онуоха икки суор үөһэттэн көрөн ааһан истэхтэринэ, хаһытыан көрдөһөр: «Тойон эһээм, өлөр күн буолла, кыалыктаах хатаппын ол ааттаах сиргэ умнан кээспиппин, ону ажалан кулу!» — диир. Суор сотору соџус буолан баран, бии кыалыктаах хататын ажалан түһэрэн биэрэр. Онон өрүһүллэр бу хоро. Кылаттар Бэрис Үрүүнкүн диэн киһиттэн дьэ хоро аџатын ууһа үөдүйэр. Суору: «Тангарабыт суор, кини баар буолан биһи төрдүбүт тыыннаах оппута үһү, хоргуйан тонгон өлүөх киһи, онон тыыппат буолун», — дииллэр эбит.

Биир хоро киһитэ, саатын тыынын ыаратаары¹, суору өлөрөн, ол хаанынан соторо. Ону оџонньордор бэккэ кыһыраллара, мөгөллөрө, тангарабытын өлөрбүт диэн.

Мэнэ улууһа, II Моорук нэх., Евсей Окороков тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, бэс ыйа 24 күнэ 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 49—49 об.

20. Суор тангара

Мин төрүүбүт нэһилиэгим Хоро нэһилиэгэ Сунтаар улууһа. Хороџо суору төрдүбүт уонна тангарабыт дииллэр этэ. Кинини өлөрбөттөр, тыыппаттар, мундуйдаабаттар. Үөһэнэн кэлэн аастаџына, саамай бастаан сүктэн кэлбит киниит (Хоро киниитэ) үчүгэй тангаһын таннан баран үгэн хаалар үһү. Ол үгэрэ диэн буолар быар куустан баран тонхолдьуталыыр, сүгүрүйэр. Инньэ гымма-тахтарына тугу да аанньа ахтыбатах киниит көрдүк саныылар.

Былыр Хоро төрдө өлөөрү сыттабына, сиргэ хоргуйан тонгон, суор кыалыктаах хататы түһэртэ үһү, үөһэттэн. Онон уот оттон киһи буолта үһү, суор таңара буолан. Уонна былыр суор үрдүлэринэн кэлэн көтөн аастабына, ыалы булаары гыннахпыт, эбэтэр булка-аска түбэхээри гыннахпыт дэһэллэрэ үһү, кыһалжалаах бириэмэлэригэр, быстарбыт күннэригэр былыргы хоро төрүттэрэ.

Суор уйатын алдыаттаха буулуур. Суору тойон эһэбит, төрдүбүт дэһэллэр хоролор. Хоролортон атын нэһилиэктэр суору аанһа ахтыбаттар. «Суор таңаралаах хоролор баҕайылар!» — диэн үөхсэллэр туора нэһилиэк дьоно, хоролору кыһырдаары.

Суор түүтүн тэбистэрбэттэр кимиэхэ даҕаны.

79 саастаах Наталья Михайловна Александрова тылыттан. Мэгдэк оройуона, Кугдаар нэһилиэгэ (билигин Ньурба улууһа). А.А. Саввин суруйбута, муус устар 2 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 50—50 об.

21. Хоролор уонна суор

Халлаанынан суор аастабына этэллэр балыксыттар:

«Тойон эһэ салын баас, салын бас!» — диэн.

Онно ингнэс гыннабына этэллэр: «О-о, салын бас ингнэс гынна!» — дэһэллэр. Онон балык кэллэбинэ: «Ол иһин баспыта тойон эһэ», — дэһэллэр.

Кэбээйи оройуона, Сиитэ нэх. олохтоохторуттан А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 40.

22. Суор бултка көмөтө

Хоро нэх. Үөһэ-Бүлүү оройуона сахаларын таңаралара суор. Өлөөрү быстан сылдьан төрүттэрэ суор саңатын хоту баран тайабы булан сизбитэ үһү Онон таңара буолта үһү.

Бүлүү оройуона, Ороһу нэх., 78 саастаах Тимофеев Федор Николаевич тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 9 күнэ, 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 52.

23. Хара сылгылаах¹ уола

Суор Хара сылгылаах оччугуй уола, кэпсээнгэ аата «Ылгын эрбийэ»², ойуун да тойугар. Отто дойдуга моһоллоо диэн аныыр.

А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 74 об.

24. Тынгырахтаах көтөрдөр

Тынгырахтаах көтөрдөргө урут ахтыбыттан ураты мохсобол (хардаачы), чыычаахсыт <...>, хаххан <...>, мэкчиргэ <...> уонна да атын кулгаахтаах, улардьыт курдуктар киирэллэр. Кинилэри сиэмэхтэрин иһин уонна тынгырахтаахтарын иһин мэнээх өлөрбөттөр. Быһата ханнык эрэ тыын, кинилэри буулаан смирин курдук ойдүүлэр. Онон өлөрүмэн, айыылаах сэттээх-сэлээннээх буолуохтаах диэн кэпсииллэрэ <...>. Кэпсээннэр баарынан кулбаахтаах (куобах кыырдын) атабын быһан илдэ сылдыар кибини, куобах олох турбакка эрэ күүтэр буолар эбит. Онон куобах күүппэт буолабына, өлөрөн илдэ сылдыын дииллэр. Ардыгар баһын быһан илдэ сылдыаллар.

Мэнэ-Хангалас оройуона I Наахара нэх., М.Г. Наумовской уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттара, ахсынны 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 14.

25. Кырбый көмөгүнэн

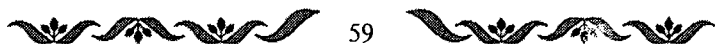
Мэйин нэһилиэк Сунтаар оройуонун танарата кырбый. Онно кырбый күһү бултаан биэрэн, ол уйатын булан, ол күһүн сиэннэр быстара сытан баран, онон танара онгостубуттара буолуо дэһэллэр күһү — бадах курдук.

Сунтаар оройуона, Хангалас нэх., 78 саастаах Гаврил Андреевич Ефимов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ыам ыйа 29 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 56 об. — 57.

26. Кырбый тангара

Кинини өлөрбөттөр. Киһи иннинэ быһа көтөн аастабына тонхонноон сүгүрүйэллэр. Кийииттэр бас сыгыннаах буоллахтарына бэргэһэлэрин кэтэллэр, төбөлөрүн хаххалыылар уонна кийиит дьахтар кинини одуулаһыа, көрүө суохтаах. Ол сэттээх, кини (тангара) куһаҕаны саныыр. Сахалыы ыарыталлар¹, оччоҕо ойууну кыырдаллар. Онно ойуун этэр: «Бу танарабыт буулаабыт, тангарабыт көнсүөлээбит», — диир. Оҕо-уруу ыттабына-бултаатабына, өлбөтөр даҕаны бу кыыл буулуур. Кырбый Тойон кыыллааһар төрдө-суолтата улахан. Оҕону буойаллар, бултаппаттар.

Абый оройуона, I Энэ нэх., А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 69, л. 62.

27. Кырбый тагара

Былыр Энэ диэн биир эмээхсиннээх, биир оноҕостоох сааланан оонньуур буолбут уол оҕолоох, туга да суох, бултаан аһаан олорор оҕонньор баар үһү.

Ааттаахтык биирдэ быстарбыттар, харгыйан өлөллөрүгэр тийибиттэр, булт көстүмүнэ. Ону оҕонньор биирдэ эмээхсинин: «Киэһэ уолгун өлөрөн буһаран уураар, син өлөрбүт буолла, мин кэлэrim биллибэт!» — диир. Эмээхсин оҕотун харыһыйан өлөрбөт. Оҕонньор киэһэ кэлэн баран кыһаммат бу уолгун буһаран уурбатаххын диэн. Сассыныгар эмиэ этэн барар: «Дьэ буһаран уураар, кэлэр биллибэт», — диир.

Ол күн оҕо буор колума¹ иһигэр олордобуна, биир туох эрэ көтөр кэлэн колума чуораатыгар түһэр. Уол ол олорор көтөрү мас саатынан ытар. Онно ол көтөрө туох эрэ түүнү түһэрэн кэбиһэн баран көтөн барар. Ол түүтэ колума иһигэр түһэр. Ону ылан ийэтэ көрбүтэ — тайах түүтэ буолар. Уол көтөрүн эскирэтэн барар. Уол көтөрү батыһан иһэр. Көтөрө бадараанга тайах батыллан сытар сиригэр тиэрдэр. Эмээхсин ийэтигэр кэлэн этэр. Ийэтэ баран уолунун көрбүтэ — кырдык тайах өлө сытар эбит. Эмээхсин тайах иһин хостоон таһааран буһарар. Уол тахсан, аһаан баран, таһыддьа оноҕоһунан оонньоу сьыддьар. Арай онно аҕата иһэр. Уолун көрөн оҕонньор кылана түһэр: «Эмиэ өлөрбөтөх!» — диэн. Уонна уол куттанан дьыэбэ түһэн эрдэбинэ, кураахтаах саатынан ыппыта, ох кэлэн дьыэ ойоҕоһугар чорос гына түһэр. Эмээхсин: «Кэлэн оҕонньор уолун өлөрүү, бокуойа суох», — диэн, буһарбыт иһиттэн хоторон, көтөбөн баран эригэр утары көрсүһэ тахсар. «Бу курдук астанныбыт, тохтоо — аргый», — диэн. Оҕонньор тотон баран, дьэ эттии киирэллэр тайахтарын.

Киирэн эттээбиттэригэр көтөрдөрө кырбый эбит, аттыларыгар тииккэ олорор. Эмээхсин: «Дуусабытын өрүһүйдэ бу көтөр, айыы диэн ааттыахпыт дуу, хайтабый?» — диэн ыйытар оҕонньоруттан. «Айыы дииргэ сөбө суох, айыы диэн син баар, тагара диэххэ сөп, биһигини өрүһүйдэ үрүн тыыммытын», — диир. Дьэ ол гынан баран сүгүрүйбүттэр кырбыйдарыгар, албаабыттар уонна көтөрдөрө албаан бүппүттэрин кэннэ дьэ барбыт. Онтон ол уол оҕо бүтүн Энэ нэһилиэгин ууһаппыт. Ол тайабы булбатыннар, ол тайабы кырбый булларбатын, ол дьон үһүөн өлөллөр, эбэтэр сииллэр да. Энэ нэһилиэгин кини ууһаппыт. Икки Энэ нэһилиэгин дьоно суох буолаллар. Онтон ыла дьэ тагарабыт диэн ааттаабыттар эңгэлэр бу кырбыйы.

Энэ кийииттэрэ тангалайдаах сонноро суох сылдьан сиргэ кыр-быйы көрдөхтөрүнэ, аппаза түһэн сахалара үһү, кийииттээн. Кыр-быйы эр да киһи, тииккэ түһэн олордобуна, көтүппэттэр, улахан-нык сангарбаттар, ботугураһан кэпсэтэллэр, аатын ааттаабаттар, өлөрбөттөр. Кинини өлөрдөххө-сүтэрдэххэ буулуур. Буулаатабына, хараба да суох буолар, илиитин атабын быһыта сиэтэр, оҕото урууга да өлөр.

Кини тииккэ олорор буоллабына сүгүрүйэллэр-үгэллэр, уонна алгыыллара үһү, көрдөһөн.

Верхоянской оройуон, I Эгинскэй нэх., 78 саастаах Дмитрий Семенович Бурцев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 11 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 121—123.

28. Кырбый уонна Арышыана

I Энэ нэһилиэгин Дьяаны оройуонун сахалара тангарабыт дииллэр кырбыйы. Кинини буулуур диэн өлөрбөттөр тыыппаттар. Арышыана диэн улахан үөр буолбут дьахтар баар эбит, төрдө Энэ кыһа. Кинилэр үс аҕас балыс эбиттэр. Бу Аграпиэнананы кытта сибээстииллэр кырбыйы. Кырбый дьиэ таһыгар кэлэн түстэбинэ одулууллар этэ, куһаҕанна түстэбэ буолуо диэн.

Верхоянской оройуона, II Энэ нэх., 64 саастаах Лаврентий Афанасьевич Новгородов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, тохсунньу 10 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 134.

29. Элиэни

Элиэ народ кэпсээнинэн буоллабына, бэрт былыр дьахтар этэ. Кини эргэ сүктэн барарыгар олох аттаах эбитэ үһү, оччоҕо буһар ат этэ кэһиилэниэхтээбин кэһиилэммит буолан баран, тойонун ааһа тийэн көрбүтэ атын баһа суох буолбут. Онон оччотооҕу сокуон быһыытынан саат, суут буолбут, ол сааттан тэптэрэн сылгылыы киистии сылдьар элиэ буол диэн анаабыттар. «Онтон сорох кэпсээнинэн буоллабына сылгылыы сангарар сылгы тангарата, улуу Дьөһөгөй кыра уола», — диэн быһаараллар. Ол быһыытынан өлөрөрү кырдыабастар бопсоллор. <...> Былыр өрүү эргийэ сылдьарын, ити сүтэрбит сылгытын баһын көрдүүргэ ананан, ону булаары көрдүү сатыыр — диэн өйдүүлэрэ.

М.Г. Наумовской уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибит-терин суруйбуттарыттан. Мэнэ-Хангалас оройуона I Наахара нэх., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11 об.

30. Балыктыма¹ түүлээх буора

Уйатын түгэбэр балыктымаба түүлээх буор баар буолар үһү. Биэстээх хаччы саба, төгүрүк гынан баран хаптабай. Атын киһиэхэ биллэриэ суохтааххын.

Чачыга Ньээмэ Нукулай диэн киһи быраатынаан ойуун кыырданнар, Таатта ойуунун, балыктыма уйатын кэрдэн ылбыттар. Дьандакаан диэн сиртэн. Онно ол түүнү булбуттар диэн буолар. Бу дьон бэрт дьадангы дьон. Бэккэ байаллар.

Бу түү эриллибит курдук төгүрүк түү буолар үһү. Ылбыт дьон бэккэ байыахтаахтар.

А.А. Саввин хомурунньугуттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 53.

31. Кыталык таңгара

Мэнэ-Хангалас Чымайыкы нэһилиэгин дьонун былыргы таңгаралара кыталык эбитэ үһү. Онон кинилэр кыталыгы ыппаттар, өлөрбөттөр.

Чурапчы оройуона, Хадаар нэһ., 64 саастаах Роман Заболоцкай тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 11 күнэ 1939 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 114.

32. Кэбэ

Ойуун быһаарытынан уонна уйаттан малпытынан кэбэ абааны анал, чаас көтөрө буолар, хайтах суор, куоҕас курдук кэбэни ыңыраар уонна кэбэлии саңгарар, кукууктуур. Итилэри тас өттүнэн тыңырахтаах, быһата сиэмэх аймах көтөрө. Кэбэ саас олбуорга уонна дьэе таһыгар баар хаппыт, хаппатах тииккэ олорон саңгардабына, соруйан туох эрэ куһаҕан тыын имнэнэн буулаатаба диэн өйдөнүллэр. Онон аанньа олорбот буоллахпыт буоллаба буолуо диэн өйгө санааба киирэр.

Онтон саас эрдэ саңгардабына куһаҕан сайын буолар, от бурдук татым буолуохтаах, ол курдук Бөгүрүөп¹ кэнниттэн дөксө да салбаан этэр, саңгарар буоллабына, биллэр куһаҕан дьылынан аабыллар. Ол да курдук таңгараба айыы онорон, бүтүн үйэтин тухары айыыларын хараларын сыаналаан туран дьон сэргэ куттанар өлөрбөт кыыла буолбут. Арай дьэиэбэ, хотонго төрөөбүт сылгы чыычаабын уйатын булан сыммытын сиэн баран сыммыттаан биэрбитин бил-

лэхтэринэ, биллибэтинэн ыланнар хампы барабаллар. Ол курдук олбуорга кэлэн этгэбинэ, ытан өлөрөн баран, көтөр түүтүн айабар кэбиһэллэр.

М.Г. Наумовской уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибит-тэрин суруйбуттарыттан. Мэнгэ-Ханалас оройуона I Наахара нэх. Суруллубута ахсынньы ый 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 652, л. 13.

34. Кэбэ уйа туттубат буолбута

Тангара ыйаафын быһыытынан, бу дойдуга көтөр кынаттаах Балаҕачыанайап¹ иннинэ уйа туттуо суохтаах, сымыыт баттыа суохтаах эбит. Былыр кэбэ уйа туттан, уон икки сымыыты сымыыттыра уонна сайыны быһа ыллаан тахсара үһү. Оччоҕо кини тангара ыйаафын кэһэ илик эбит.

Биир сыл кэбэ наһаа эрдэ кэлбит. Харалдык санардыы тахсан эрдэбинэ, уйа онгостон, сымыыт баттаан сыттабына, Былаҕачыанайап тангара кэлбит. Кэбэ сымыыттаабытын көрөн тахсан, халлаанга улахан тангараҕа тыллаабыт. Тангаралар мунһахтаан ураах таһаарбыттар: «Бу Балаҕачыанайап диэн чыычаах уйа туттубат тангарата буолуохтаах этэ. Бу тангара кэлэр күнүгэр, кэбэ уйа туттан, сымыыт баттаан сыппыт. Ол буруйун иннигэр кини аны уйа диэни билбэтин, иккиэйэх эрэ сымыыты атын чыычаах уйатыгар сымыыттаан биэрэр буоллун, сааскы Ньюкуолунтан² Бөтүрүөпкэ диэри сангарар буоллун, онтон атын кэмгэ тыла кэтэбинэн чороччу тартын», — диэн.

Ыксыбын диэн кэбэ уйатыттан, элбэх оҕотуттан маппыта үһү. Сылгы, ынах чыычааҕар сымыыттаан биэрэр буолбут. Бөтүрүөптэн ыла кэбэ этэрэ уурайбыт.

Ороджоникидзевской оройуон, Нөмүгү нэх., 70 саастаах Гаврил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдыах ыйа 1934 с. [ЯС, т. 1, с. 96—97].

35. Тураах хара дьүһүннэммитэ

Бэрт былыр тураах көтөр муус манган дьүһүннээбэ үһү. Кини ханнык да көтөр кынаттаахтан күһүн саамай хойут барар буолан баран, ким хайа иннинэ тийэр үһү. Оттон саас буоллабына собуруу дойдуга ханнык да көтөр кэннинэ хаалан баран, бу дойдуга хаар хайдыан иннинэ, ханнык да көтөр иннинэ кэлэр эбит.

Ол ааһан иһэн киһиргэһин киһиргэс, көтөр биистэрин суустуу испит: «Хайа бу эрэ иһэбит дуу? Бытаангыт тугун сүрэй! Миигин ингэсэлээх диигит да, хата, бэйэбит ингсэрэн онно-манна ускул-тэскил сырыттыгыт эни», — дии-дии, ааһа турбут.

Ити кэлэн, саас көтөр кынаттаах кэлиитэ ийэ тиит төргүү мутугар олорон эрэн:

— Дорооболорун, көтөр кынаттаах биистэрэ¹. Бу тоҕо бытаарахтаатыгыт? Икки атах уурбут кэһиитин мин сиэтим. Эһиги маттыгыт. Дойдум барахсан быйыл миигин ордук үчүгэйдик көрүстэ, уойдум-тогтум, — диэбит.

Дэ атын көтөрдөр кыһыйы бөҕөнү кыһыйбыттар. Тугу барытын манньалыах буолан, хайдах кимтэн-хайаттан хойутаан баран, түргэтиир биричиинэтин ыйыта сатаабыттар да, олох эппэтэх, мантан akkaастаан кэбиспит. Онтон мунһустан дьүүллэһэн баран, тураабы тутан ылбыттар уонна:

— Дэ эн хайдах түргэнник тийэргин кэпсээ. Кэпсээбэт буоллаххына, эйигин хайдах баҕарар накаастыахпыт, син биир этит-тэриэхпит, — диэбиттэр.

Тураах моонньоох баһын суруммут:

— Олох этиэм суоҕа, ол кэриэтэ, эрэйдээбэккэ эрэ, манан быһан кэбиһин, — диэбит.

Көтөрдөр тураабы кутааба бырахпыттар да, манан түүтүн уот сиэн хараардан кэбиспит. Уонна эмиэ ыйыппыттар да, тураахтара олох akkaастаан кэбиспит.

Дэ көтөрдөр тураах иннин кыайан ылбатахтар, хайдах быһыылаах түргэнник көтөрүн чааһынан тугу да истибэтэхтэр. Оттон тураах дьүһүнэ эрэ кубулуйан харааран хаалбыт, уонна туох да буолбатах. Син биир уруккутун курдук күһүн хойутаан, саас эрдэлээн, көтөр кынаттаабы суустуу сылдыбыт.

Мэнэ-Ханалас оройуона, II Нахаара нэһилиэгэ, Михаил Григорьевич Наумовскай суруйбута, 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 92—93].

36. Куоҕас

Арай туран, биирдэ көтөрдөр мунһахтаабыттар. Олохторундһаахтарын, оболорун-урууларын тустарынан отур-ботур кэпсэтии буолбут.

Көтөрдөр тойонноро, тойон көтөр¹, мунһустубут кустарга, хаастарга, кубаларга, онтон да атын көтөрдөргө сыммыт үллэрэн киирэн барбыт.

Аан-бастаан саамай улаханнара куба бастакы уочаракка турбут. Тойон көтөр туран эппит:

— Бу кубаҕа икки сымыыт сөп буолуо, кэлэн ыл! — диэбит.

Куба эрэйдээх, мыыммыт быһыынан баһын санныыччы туттан тийэн, тойон көтөргө:

— Мангай эрэ дуо? — диэбит.

— Ирээтин итиччэ, дом! — диэтэ тойон көтөр.

Иккис уочарат куоҕаска түбэстэ.

— Бу куоҕас Киристиэһи ороспуойдарга этэн биэрбитин иһин, икки сымыыт².

Куоҕас кубатааҕар дьөрсө кинэ-наара алдыанна, ойон туран хаһытаан хайа барда:

— Итикээн дуо? Итикээн дуо? Мин оччоҕо өллүм!

— Ирээтин итиччэ, дом! — диэтэ тойон көтөр.

Үһүс уочарат курупааскыга түбэстэ.

— Бу курупааскы саамай үчүгэй көтөрүм, уонна тымныы дойдулаах, онон уон икки сымыыты биэрэбин, кэлэн ыл! — диэтэ.

Курупааскы үөрэн хараҕа уоттанна, уонна ингнэн охтон түһэ-түһэ тарымтайдаан тийэн, сымыытын ылла.

Куоҕас курупааскы элбэх сымыыты ылбытыттан дьөрсө кыһыы бөҕөнү кыһыйда, аба бөҕөнү абарда. Ойон турда, охтоох алаҥаа-тын сулбу таһыйан таһаарда, хаһыы-ыһыы бөҕөнү туруорда:

— Сэрэнин! Сиэхситэр! Того миигин атаҕастыгыт? Оччоҕо ким хоппут элбэх, ким хотторбут аҕыйах сымыыты ыллын! — диэтэ да мустубут көтөрдөр ортолорунан оҕун тардан кэбистэ. Оноҕос сырылаабытынан тойон көтөр дабыдалын быһыгар хоросгына ингэ түстэ. Тойон көтөр:

— Айа! Ким ытта, тутан биэринг кинини! — диэн хаһытаата.

Мустубут көтөрдөр айманан, көтүөлэхэн бардылар. Куоҕас өрө көтөн тарыпынайан тахсан, ытан эрдэҕинэ, оноҕос тийэн иэрчэ-ҕин уңуоҕун үлтү көттө. Куоҕас эрэйдээх сарылаабытынан сиргэ түстэ. Көтөрдөр куоҕаһы тойонноругар илтилэр.

Тойон көтөр:

— Иирдин дуо, баранаак! Аны итинник быһыыланыаҥ дуо? — дии-дии үнтү сынньан барбыт.

Онтон ыла куоҕас икки сымыыттаах, уонна үйэлээх-сааһын тухары маадыаҕар атахтаах, хонууга хаампат, уу көтөрө буолта үһү.

Өлөөн оройуона Марфа Степановна Григорьева, үөрэнээччитэ Григорьев Иннокентий суруйбута, 1943 с. Оленек бөһүөлөбү [ЯС, т. 1, с. 89—90].

37. Далан куоѳас

Далан куоѳас ойуунга туттуллар, ойуун аллараа өлөр өлүү уутун туорууругар далан куоѳас буолан умсан туоруур. Далан куоѳаһы абааһыларын кытта кыыларыгар ынгыраар, ол иһин абааһырѳаан, айыырѳаан сиэбэттэрэ үһү. Билигин даѳаны эдэр төрүүр саастаах дьахталлар сиэбэттэр. Ол сиэбэттэрэ диэн, оѳолоро куоѳас курдук тиэрэ атахтаах буолбатын наадатыгар, куоѳас курдук оѳо эрдэбинэ хахаара олорботун, тумса уһуктаабын, түүтэ кытаанабын, абааһы көтөрүн быһыытынан сиэ суохтаах...

Ити курдук далан куоѳас аймахтарынан ааѳан, туотаайыны, ньаат диэн көтөрдөрү, эмиэ, куоѳастан куттанар курдук куттанан, сиэбэттэр. Этэ, түүтэ, атахтара, тумустара биирин, атаѳа аһаѳастарын иһин.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдыан истибит-тэрин суруйбутуган. Мэнгэ-Хангалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 110 об.

38. Хопто, тыыраахы

Хопто уонна тыыраахы буолан ойуун абааһыга туттар уонна абааһытын киллэрэригэр ааттаан ынгыраар көтөрдөрө буолаллар.

Дөксө хопто туһунан маннык дойѳох билигин сылдыар. Былыр-былыр хаһан эрэ хопто кыыс дьахтар этэ. Ол эргэ сүктүбүт үөһээ дойду уолугар, онтон сүктэр кийиит хайаан даѳаны хайах кэһиилээх буолуохтаах үһү. Хопто тойонун аахха сүктэн тийиэн баран көрүммүтэ, хайаѳа суох буолбут. Онтон тойоно аах саатан, абаран-сатаран орто дойдуга харах абааһыта буол диэн анаабыттар, дьүһүнүн хайах [чохоон] курдук үрүн өлбөөкү дьүһүннээн, сааһын тухары ити хаалларбыт хайабын көрдүүр «хайаах» диэн, хайабын ыйыта сылдыар гына сангалаан, онтон ыла өрүү орто дойдуга хайабын ыйыта: «Хайаах-хайаах», — диэн тыллаах хопто көтөр буолан хаалта үһү. Ол хайабын субу бүгүнгэ дылы булбута биллибэт.

Онтон тыыраахы ити хопто бииргэ төрөөбүт балта диэн быһаараллар. Онон ойууттар кыыралларыгар абааһыга туттар көтөрдөрө айыылаах, сэттээх, сэлээннээх буолар диэн өйдүүллэр.

Ордук эдэр дьахталлар, кыргыттар сиэ суохтаахтар, атаѳа аһаѳас уонна оѳолоннохторуна оѳолоро, хоптолуу, тыыраахылыы саһара барбатын наадатыгар. Иккиһинэн, тобус өлүү суолун бүөлүүр абааһы

көтөрдөрүн быһыытынан; үсүһүнэн, сэттээх, сэлээннээх буолан буулуурун иһин.

Билигин даҕаны ити көтөрдөрү буһуурбаан сиэбэттэр, хамхаадьяа дэн өлөрөн сииллэр. Дьининэн буоллабына урукку курдук айыырбаан буолбатах, хайдах эрэ сиэниллибэт, сии эрэ үөрэм-мэтэбиттэн диэххэ сөптөөх, онтон биир эмэ сиэбитин иһин ити этиллэр айыыга түбэспит, дьингнээх олоххо хоптолуу сангара сылдьар оҕо төрөөбүтэ эмиэ биллибэт. Ол да буоллар нэһилиэнньэ кырдыаҕас аранатыгар, ити үөһэ этиллэр дейбөх кэпсээн буолан тарбанан эрэ хаалбытынан, номоххо сылдьар. Билигини кэмнэ итэҕэйэр бэрт аҕыйах.

Мэнгэ-Хангалас оройуона I Наахара нэх. М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан, ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11—11 об.

39. Туматтар таңаралара манган тыһраахы

Тумат нэһилиэгин Усть-Яна районун сахаларын таңаралара манган тыһраахы. Былыр туматтар муоранан айаннаан иһэннэр, манган тыһраахы көтүүтүттэн, айанныырыттан сирдэтэн, сирин булбуттара үһү. Онон сылтаан, таңара гыммыттар манган тыһраахыны. Кинини өлөрбөттөр, этин сиэбэттэр, бэркэ ытыктыылар.

Усть-Яна оройуона, Тумат нэх. 47 саастаах Иван Иванович Томскай тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, от ыйа 3 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 81.

40. Туруйа туһунан

Туруйа бэйэтин быһыытынан улахан көтөр, кини ууга түспэт, толоонго, бадарааннаах-дулгалаах маардарга уйаланан сылдьар, даҕаны, күлгэрини булан аһыыр. Дьон туруйаны кырыыстаах диэн ааттыылар. Доҕорун өлөттөрдөбүнэ, тобус сыл тухтары дьөлө хаһан кыраан барар диэн өйдүүлэр. Ол да буоллар былыр даҕаны, билигин да өлөрөн сии тураллар, онон туруйа кырыырыттан куттаны нэһилиэнньэ кырдыаҕас да арангаларыгар сүтэ баран ээр, онтон өдөргө олох даҕаны сабыдыаллаабат буолбут.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан Мэнгэ-Хангалас оройуона I Наахара нэх., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12—12 об.

41. Бoжopгoнo

Бoжopгoнo диэн син биир бapaax курдук кутаҕа сылдыар хатан чыбыгырас сангалаах кыра көтөр. Кини бэрт кыратык сүрдээх куһаҥан баҕайытык кылгас сиргэ көтөн дьаабыланар. Бoжopгoнo туһунан народка кэпсээн баар. Былыр тойон талыыга туруйаны дуоһунаска угарга бырайыак киллэрбиттэрин бoжopгoнo бырачыастаабыт, онно эбии даҕатан, үөхпүт, ол иһин өһүргэнэн туруйа бoжopгoнoну үнтү эттээн кэбиспит, быһата суккуруур тыына эрэ хаалан сытан үнсүбүт Тойон кыылга. Онуоха саллар сааһын туххары собуруу дойдуга саас кэлэригэр, күһүн барарыгар сүгэ сырыт диэн уураах таһааран, ол күнтэн бу күннэ дылы, сүгэ сылдыар диэн ааттыыллар. Саас, эбэтэр күһүн туруйаны күөрэтэн түһэрдэххэ, бoжopгoнo кытта түсүһэн кэлэр дииллэр. Онтон дөксө эбэн иэччэх ыарыы буолбат наадатыгар, сорох куһаҥан онуоҕа суох бүтүннүү мөкү эттээбин иһин, айыырбаан сиэбэттэр, хаһан эрэ өлөрбүттэр кырдык онуоҕа суох буолар диэн билинэллэр. Бoжopгoнoну айыырбаабатах иһин билигин сиэммэт, онтон ким эмэ сиэбит да буоллабына бoжopгoнo курдук быһыта сиэтэн, онуох ыарыы буолбута биллибэт.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан Мэнэ-Хангалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынныы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12.

42. Ураанайынан

Хомустаах алластарга таптаан сыммыттыыр, ыас хара дьүһүннээх, тумса тураахтыы, аһаҕас атахтаах, тумсун үрдүнэн, олох сүүһэр, үрүң эргэ саппыйаан курдук эт үүнэ сылдыар. «Ураанай» диэн ааттаах кус баар. Ити кус хомус ланхатыгар сыммыттыыр, ону булбут дьон биирдии сыммыты уйатыгар хаалларан баран хомуйан ылан иһэллэр. Ол аайы түөрт уон сыммыт буолуор диэри хомуйан ылан баран тохтууллар. Ити аһсаан иһинэн тохтооботоххо, түөрт уон биирин хаҕа суох көхсүн өһөбүнэн кыраан сыммыттаан баран хаалар үһү. Итинник кырыыска табыллыбат наадатыгар эрдэттэн сэрэнэн тохтууллар. Маннык бултаан аһааһыны былыр эрэ ыталлара. Билигин соло суоҕар, уонна буолан күөллэр уолууларыгар тэптэрэн ураанайдар даҕаны сыммыттаабат буолан тураллар, хаа-дьаа сыммыттаабытын да иһин, ити курдук ылар дьарыктаныы суох буолан турар. Онон биир сайын ураанай оччо сыммыты сыммыттыыра уонна кыраан, кыабын таһынан бардабына көх-

сүн өһөбүн түһэрэр диэн, тыл эрэ номоҕор кэпсэлгэ сылдьар, сүтэн эрэр итэбэл буолар.

М.Г. Наумовской уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибит-тэрин суруйбуттарыттан Мэнэ-Хангалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынны 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12 об.

43. Кураҕаччы төрдө

Кураҕаччы диэн уһун тумустаах, ыас арабас, дыкти үчүгэй ойуулаах кынаттаах, кутуруктаах, саас андыны кытары кэлэр, көтөр баар. Ол көтөрү былыр, тонгус кыһын хата көппүтүттэн, уол оҕо буолан көппүтэ үһү. Ону сэхэн буолара — былыр тонгус кыһа хат сылдьан тыаба мас кэрдэ тахсыбыт үһү. Онно титирик төбөтө тостон, кыыс төбөтүгэр кэлэн түһэр, маныха: «Һо, татат!» — диэн баран олоро түһэр. Онтон соһуйан хата мэлийэн (көтөн) хаалар. Ол дьэ, ити уол оҕо бэйэтэ кураҕаччы көтөр буолан көтөр. Сангата: «Оноҕоһум — саам, хотоһут — тиэ, ытым-ытым!» — диэн буолар. Ол аата, ол илимин хотоһоһун, ытын, оноһоһун ааттыыр буоллаҕа үһү, диэн хоһоон буолара. Онон дөксө хат дьахтар соһуйдабына «хата көтөр» диэн соһуппат буолаллара.

И.Г. Игнатъев тылытаан С.И. Боло суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 16—16 об.

44. Кураҕаччы (ардах барааба)

Саас бэрт хойут кэлэр, күһүн эрдэ барар, холууб саҕа улахан, хатан сангалаах, ардах эрэ кэлиэ буоллар быһа сангарсар, кураҕаччы (ардах барааба) диэн көтөр баар. Ити бараах манна саха сиригэр төрүүр, сымыыттыыр. Кини баардаммыт бурдук сиригэр таптаан түһэн аһыыр, сылдьар. Бу көтөрү хара тыа бэринньэн баһылыга Баай барыылаах бииргэ төрөөбүт иниитэ Кураҕаччы сүүрүгү, бу кини диэн ааттыллар, ону барыылаахха өскө сааска барбат наадатыгар, кини бииргэ төрөөбүт инитин өлөрүөхпүт дуо, дииллэр. Ити кураҕаччыны өлөрбүт киһи сааһын туххары хара тыа булдуттан малыйыахтаах, итинник ыар өһөс, кытаанар өскө сааска барбат наадатыгар айыырбаан өлөрбөттөр.

Билигин даҕаны эдэр, кырдыбаас даҕаны булчуттар ытыктыыллар, өлөрбөттөр. Арай кыра оҕолор, олох эдэр ыччаттар эрэ ытан өлөрөллөр. Онон билигин даҕаны итини итэбэйэллэр уонна ытыктыыллар. Кураҕаччы наһаа сытыытык түргэнник көтөр, бары кыһыл-

лары, көтөрдөрү ситэн куотар. Ол иһин баай барыылаахтан көрдө-
һөргө: «Курун хара тһа иччитэ, Кураҕаччы сүүрүк аттаах тойон
эһэм, тосхойон кулу» — дииллэр. Кураҕаччы онон бүтүн саха но-
руотун булчуттарыгар киэнник биллибит көтөрүнэн, барыылааһы-
нан буолар.

М.Г. Наумовской уонна П.Т. Степанов кһа сһлдһан истибит-
тэрин суруйбуттарыттан Мэнгэ-Хангалас оройуона I Нааһара нһ.,
ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652,
л. 14 об.

45. Чөкчөнгөнү өлөрбөттөр

Ити хара чөкчөнгө диэн «өбүс-чөчөөк, тоойуу-төбүт!»¹ — диэн
сангалаах баар. Ол көтөр былыр сэттэлээх кһыс оһо хат буолбутут-
тан көтөн чөкчөнгө буолта үһү диэн буолар.

Ол биирдэ, былыр-былыр, сэттэлээх кһыс оһо хат буолан
иһэ биллэн кэлбит. Маныаһа оччоһо буолара — бу курдук кһраты-
гар хат буолбут кһыс, ойбонһо киирэн түстэһинэ, «хата көтөр»
үһү, диэн баарын истэр буоллаһа. Кһыс киирэн ойбонһо түһэр,
күөрэйэн таһсар, таһсыһыта хата суох буолан хаалар. Дһэ ол сэттэ-
лээх кһыс хата хара чөкчөнгө буолан көппүтэ үһү, онон кини:
«өбүс-чөчөөк, тоойуу-төбүт!» — диэн сангалаах буолбут. Онон бы-
лыр сэттиргээн өлөрбөт буолаллара үһү. Кһыс хара чөкчөнгө буолан
көтөн, өбүстэн маппытын абатыгар оһордук этэн ытыһара үһү.

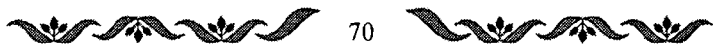
Игнатһев Спиридон Герасимович, 54 с. Иккис Күүлээр Бүлүү
оройуона, муус устар 9 күнэ 1938 с. Архив ЯФ СО АН СССР,
ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 15 об. — 16.

46. Бочугурас

Бочугурас былыр сүрдээх улаһан көтөр эбитэ үһү. Кини туох-
тан да куттаммат, ханна таптааһыт сиригэр түһэн аһыһр эбит.
Тоттоһуна көтөн тирилээн хаалар эбит.

Арай таһара¹ оһонһор күлүк сирин булан, утуйан тарайа сһт-
таһына, аттыгар аһаан баран бочугурас көтөн тигинээбит. Онтон
улаһаннык соһуйан, таһара оһонһор уһуутаан-уолуйан уһуктубут.
Уордайан туран, таһара бочугураһы буруйдааһыт, кини түөһүн
этин ылан атын көтөрдөргө үллэрэн биэрбит. Онтон ыла бочугурас
оччоон хаалһыт. Атын көтөрдөр түөстэригэр үрүн эттээх буолбуттар.

Орджоникидзе оройуона, Хачыкаат нһ., 56 саастаах Анна Ива-
новна Никифорова тылыттан, Г.У. Эргис суруйбута. Сэтинньи
1936 с. Хачыкаат сирэ, Курун [ЯС, т. 1, с. 95].

47. Хабыйакаан

Бэрт былыр хабыйакаан¹, син атын көтөрдөр курдук, собуруу дойдуга баран кыстыра эбитэ үһү. Ол гынан баран көтөрүнэн мөлтөх буолан, ити баран түһэн сынньанар, ол баран түһэн сынньанар буолан, добор көтөрдөрүн тутан кэбиһэрэ үһү. Онтун абааһы көрөн, кинини биир күһүн собуруу ильдэ барбатахтар. Хабыйахаан манна кыстаабыт.

Сааһыгар көтөрдөр кэлэн көрбүттэрэ, хата, хабыйахааннара түүтэ-өнгө тупсубут, тыс этэрбэс кэппит, мэктиэтигэр хараба кытарыар диэри уойбут-топпут. Дөбөттөрүн көрсөн баран эппит:

Хап хап хаап!
Хата, эһиги миигин
Хаалларан барбыккыт да,
Хата мин ханаччы уйдум буолбаат!

Онтон ыла хабыйахаан куруук бу дойдуга кыстыыр буолбут.

Орджоникидзе оройуона, Хачыкаат нэх., 56 саастаах Анна Ивановна Никифорова тылыттан, Г.У. Эргис суруйбута, сэтинньи 1935 с., Курун [ЯС, т. 1, с. 95].

48. Куртуйахтаах сордонг

Куртуйах¹ икки сордонг икки ох саанан сэриилэспиттэр. Куртуйаба буоллабына үөһэттэн ытыгалаан сордону көхсүгэ түһэрэр эбит. Биирдэрэ алларааттан ытан, оҕо баран куртуйабы атахха табар эбит.

Ол иһин ыппыт охторо билингэ диэри биирдэстэригэр сиһигэр, биирдэстэригэр атабар хатана сылдыар эбит.

Орджоникидзе оройуона, Хачыкаат нэх., 56 саастаах Анна Ивановна Никифорова тылыттан, Г.У. Эргис суруйбута, сэтинньи 1935 с., Курун [ЯС, т. 1, с. 96].

49. Тонгсоҕой уонна күүстээх от¹

Саас, сарсыарда, тонгоруулаах сарсыарда, тонгсоҕой төрөөбүт кубалаанын булан баран, ону ыксары хараҕалаан кэбиһэллэр уонна аллараа, харалаах тэллэби тэлгизэн баран, чугас саһа сытыхтаах. Онно тонгсоҕой кэлэн тонгсуйа сатаан баран кыайбакка гынан баран, баран хаалыхтаах уонна сотору кэлээт бүөтүн төлө анньан кэбиһэр, оту аллараа ыһыктан кэбиһэр. Ону, кэтээн сытар киһи

буоллабына, айаҕар ыстаан ыйыстан кэбиһэр, оччоҕо наһаа күүс-тээх киһи буолуохтаах. Онтон, кыайан итиннэ сөп буолбат күүс-тээх киһи буоллабына, тириитэ дэлбэритэ баран өлүөхтээх.

Мэнэ-Ханалас оройуона иккис Наахара нэһилиэгэ М.Г. Наумовскай тылыттан П.Т. Степанов суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

50. Эһэкээн¹

Кырдыҕас булчуттар тыаҕа бултуу тахсан иһэн кугас тиинги, ол эбэтэр кукаакыны көрдөхтөрүнэ өлөрөр этилэр. Ол эһэкээн үһү.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгин олохтооҕо, 60-тан тахсыбыт Никита Алексеевич Парфенов тылыттан Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 4 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 54.

52. Майааттар

Майааттар диэн Өлөөнгө сирдэммиттэр. Кыыл куолутун киһилээбэт дьон. Ол сии сылдьаннар, ньөөкү¹ оностубуттар, кыайымыналар.

«Бу Өлөөн, Өлөөн диэн аатырдаллар! Биир да тоҕойугар биир да киһи сытыа суох!» — дииллэр.

Оттон ол арааһынай үнкүүлэрэ, саналара үгүс буоллаҕа дии, тот дьон. Этиэбин диэн сиргэ онно үнкүүлүүр сирдэрэ үһү. Ол дэлэгэй үчүгэй сир буолуо. Кинилэр саналарынан ааттаммыт сир үһү: «Эппитэхтиир сирбит Этиэбинниир буоллун даа!» — диэбиттэр.

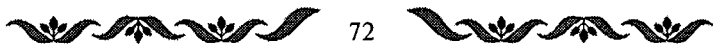
Ол дьон кыылы дэлби сии сылдьар дьон буоллаҕа дии. Ол сылдьан, биир кыылы туппуттар. Тириитин хастаабыттар, тымырын быспакка тыстыыны баҕастыыны түөрэтин хастаан ылбыттар. Ол гынан баран сыгынньахтаан ыппыттар, барарыттан иттэннэри-умсаннары түһэ-түһэ күлсэллэрэ үһү. Онтон биир кыылы эмиэ туппуттар, икки харабын тэһэн баран ыталлар, күлээри.

Онтон кыыллара сиэппэт буолан хаалбыта. Бу киһилэр тутайар тирээттэрэ буолар, хоргуйаллар.

Хоргуйаннар ньөөкүлэригэр барарга быһаарыналлар. Ньөөкүлэригэр тийбиттэрэ, ньөөкүлэрэ буоллабына ынтах² бара турар, туох иһин ситтэрбэт. Тутайар тирээттэригэр ытыалы сатыыллар. Ытыалаан да өлбөт, мас буоллаҕа дии.

Өлөөн күөлүн биир тоҕойугар бары тутайан өлбүттэр.

Онтон орпуттара эбитээ, атына эбитэ, ол майааттар эбитээ, нууччалар эбитээ манна кэлэн бу дойду киһитин кэйбиттэрэ. Биир

киhini куоттарбытгара. Бу киһи бу эбэттэн³ арабыах санаата суоҕа. Бу эбэни үс төгүл эргийбит. Ол иһэн сыччаҕа буолан Буордаабы ойбута. Ол ойон түһүүтүгэр атабын суон ингиирин быһа ыппыттар. «Аан дойду иччитэ диэн суох буолар эбит дии, кинилэри ылбата!» — диэн өлбүт бу киһи.

Онтон туран, төһө буолан баран⁴ Очуоһунан⁵ Майааттар унуор туораабыттар. Унуор туоруохча буолан иһэн, үөскэ сэлэи муоһугар кэтиллэ түспүттэр. «Хайа кылаат көстүбүт дии!» — диэн буолар. Дьэ хаһан бараллар кылааты ылаары. Оттолуу хаһан истэхтэринэ, хаан тахсыбыт. Дьэ кэрдэллэр аллараа киирэн баран. Онтон туура тардаары, бука бары сингэнэн түһэллэр. Онтон кыайан күөрэйбэтэхтэрэ.

М.И. Өспөк, 64 саастаах, Красноярскэй край, Эвенкийскэй национальной округ. Илимпыйскэй оройуона «Ленин суолунан» колхоз чилиэнин тылыттан. Суруйда Н.В. Емельянов, муус ус-тар 6 күнэ 1959 с. Дьэһиэй бөһүөлөгэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 77—78].

53. Эһэ төрүт

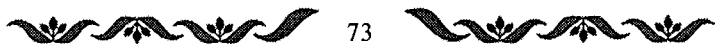
Былыр Үрүңгэй нэһилиэгэр¹ Муома районыгар биир ыал икки кыыстаахтар эбит. Былыр кыыстарын сириллэрэ үһү. Биир кыыстарын сизбиттэрин кэннэ, биир кыыстара: «Миигин син сизхтэрэ» — диэн туран тыаҕа мээнэ баран хаалар, куттанан. Ону эһэ тутан ылан арбаҕар бииргэ олордор, уонна ойох гынар. Бу дьахтары эһэ, кыһын аһырын оннугар, ытыһын салатар үһү. Сайын буоллабына бултаан аһатар.

Биирдэ бу дьахтар судьда суола сылдыбытын ирдээн тийиһин, эһэ арбаҕыттан булбут, дьахтары уонна эһэни. Эһэни өлөрөн баран балтын илдэ кэлэр. Балта этэ түү буолбут үһү. Бу дьахтартан түүлээх оҕо төрүүр. Онтон ыла Үрүңгэй нэһилиэгин дьоно эһэни ытыктыыр. Эһэ этин Үрүңгэй нэһилиэгин дьоно сизэбэттэр, тириитин тэллэхтэммэттэр.

Абый района, Абый нэһ., 50 саастаах Афанасий Иванович Слепцов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, кулун тутар 30 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 91—91 об.

54. Эһэ буулааһына

Муомаҕа Үрүңгэй диэн нэһилиэк таһарата эһэ. Кини этин дьахталлар сизэбэттэр үһү. Биир айан киһитэ түүн биир ыалга эһэ этин күөстэнэн сизэн барбыт, уонна миинин салыыччаҕар ордорон баран оһох тумсугар ыһаан кэбиһэр. Ону дьиэлээх дьахтар туран

албас бу салыырчаха илиитин батареи биэрэн баран умньаммы-тын айагар укупут, амсайбыт. Ол дыахтар өлбүтэ үһү. Ол курдук биир Муома кырдыаҕаһа кэпсээбитэ.

Верхоянской район, Яна нэх., 98 саастаах Николай Игнатъевич Николаев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, кулун тутар 1 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 120.

55. Эһэ

Былыр эһэ симэхтээх таҥастаах, сааһын туххары эргэ барбатах дыахтар эбитэ үһү. Кини биирдэ этэр: «Мээнэ барбыт, сылдыбыт киһи, дыэ хайдах буолар эбит. Мин арай мээнэ барыһыбын», — диэн симэхтиин мээнэ барбыт. Бу сылдьан кини түү үүнэн эһэ буолан хаалбыт. Бу сылдьан киһини сиир буолбут, абааһытыйбыт. Ону киһини өлөрбүттэр.

Дыахтар эһэни тыаҕа көрүстэбинэ, куттаннаҕына, эмийин таһааран көрдөрөр. Оччоҕо киһини эһэ сизбэт, баран хаалар.

Эһэни сүллэххэ, үкчү дыахтар курдук. Эмийэ, синньигэс да биилиттэн аллараа өттө.

Эһэни бу Дьяаныга «эбэ» диэн ааттыллар, дыахтар аймах. Эр дьон «эһэ», «тыа кыыла» — диэн ааттыллар. Дьяаны дыахталлара эһэ этин букатын сизбэттэр. Сорох эмээхситтэр, дыахталлар дыиэлэрин иһигэр эһэ этин буһаттарбаттар даҕаны. Аны дэн кэриэтэ биир эмэ дыахтар сизтэбинэ улахан одуу, сии, сэмэ буолар. Эһэни сииллэригэр эр дьон хаабырҕаан баран сииллэр.

Верхоянской оройуон, Суордаах нэх., 92 саастаах Анастасия Сидоровна Слепцова тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ахсынны 27 күнэ 1939 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 9.

56. Булчут уонна эһэлэр

Мин төрдүм-ууһум Наахара диэн баар эбит. Ол киһи биир миэтирэлээх. Кини икки сүүс сааһын туолбут. Оҕонньору туох даҕаны атаҕастаабыта суох. Бэйэтэ ааттаах булчут. Кини тийһэ суох буолар, тайахтанан бакалла сылдьар. Хаар ланкынах буолан эрдэбинэ оҕонньорго икки эһэ кыыллар сүүрэн киирэллэр. Биирдэрэ туорай кугас, биирдэрэ хатыр маҕан.

«Мин икки сүүсчэ эһэни сизбит киһибин. Батыһам суоҕа аба эбит. Бу эһиги миигин сиэри гынабыт дуо?» — диир. Онтон тайаҕын быраҕан баран, саҕаларыттан тутан илдьи сынньан өлөрөр.

Икки эһэтин иннигэр-кэннигэр быраҕан сүгэн кэлэр, тайахтанан баран.

«Эмээхсиэн, бу икки эһэни өлөрдүм. Самантан биирдэ эрэ сиirim буолуо. Бу төргүүм буолуо, онон өлөбүн», — диир.

«Ээ оттон тобо өлөрбүккүнүй, уһуон этэ», — диэн хоруйдуур эмээхсинэ. Сассыныгар оҕонньоро өлөн хаалар.

Үөһээ Бүлүү оройуона, Маңаас нэһилиэгэ, 80 саастаах Герасимов Егор Герасимович тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны 17 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 137—139.

57. Сата¹ ууга

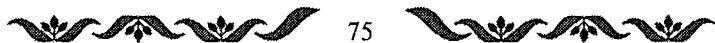
Сата ууга диэн өлбүт сүөһү эбэтэр эһэ этин икки тириитин икки ардыгар үөс курдук тирии оҕотугар уу үөскүүр. Ол ууну ойбо ыһан ыланнар илдэ сылдьаллар. Хаһан сөрүүннэ наада буоллахтарына ыһтан кэбиһэллэр. Оччоҕо сата түһэн тыал-силлиэ буолар. Холобур: тыаһыттар кириилэригэр (бэс ыйыгар) олус итиитэ бэрт буолан 7—9 хонукка сатаны ыһтан кэбиһэллэр. Оччоҕо ити хонук устата бэрт тыал түһэр. Ону олохтоохтор булчуттар истэхтэрэ, булчут силиэтэ дэһэллэрэ. (Ити сата уутун тыалы кытта тыал, силлиэни кытта силлиэ буол диэн бараннар салгынгна тоҕо ыһаллар үһү.) Эбэтэр сата сорох эһэ тириитигэр эмиэ баар буолар. Кыһын күрдэбинэн бурдук көтүтэр кэмнэ тыала суох уу-чуумпу буоллаҕына эһэ тириитин эриэн талаҕынан таһыйа-таһыйа: «Хара эһэ тириитэ киэн буурба буол, үрүн эһэ тириитэ үһун силлиэ тур, маңан эһэ тириитэ маңан холорук буол», — дии таһыйдахтарына сата турара үһү.

Мэнэ-Хангалас оройуона, I Наахара нэһилиэгэ 63 саастаах үөрэбэ суох Гавриил Иванович Ильин тылыттан П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45—45 об.

58. Бөрө таңара¹

Былыр Бөтүн нэһилиэгэ Нам оройуонун дьонун үөбүллэрэ: «Иччитэх иини сэттэтэ эргийбит бөрө таңаралаах бөрө бөтүннэр», — диэн. Ол кинилэргэ таңара буолта үһү манньыттан. Төрүттэрэ Бөтүннэр өрүс арытыгар тыалга хааттаран хоргуйан өлөөрү сытан бөрө хаһааһын булаллар — араас сыманы, үөрэ отун таспытын булан — онон аһаан тыыннаах ордон хаалтар. Онон бөрөнү таңара онгостубуттара үһү, кини абыраата дэһэн.

Кэбээйи оройуона, II Ситтэ нэһилиэгэ, 49 саастаах Петр Федотович Саввин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 46—46 об.

60. Саһылы кытта сынгаан¹

Саһыл сынгаанныын ыал олорбуттар, биирдэрэ тыаба, биирдэрэ ууга.

Сынгаан:

— Мин саһылы кытта сырсыам, — диир.

Саһыл:

— Мин да сырсыам, — диир.

Кыыллар сууттара туран:

— Сырсын ээт, — диир.

Дьэ сырсаллар: биирдэрэ уунан, биирдэрэ тыанан. Сырсаннар сүүрэн-сүүрэн, төһөнү эмэ күөлү эргийэн иһэн, саһыл дьэ үөгүлүүр:

— Сынгаан, ханна бааргыный?

Иннигэр тумуһахха сынгаан:

— Ооп! — диир.

Саһыл эппиэт сүүрэр. Сүүрбэлээн иһэн эмиэ үөгүлүүр:

— Сынгаан ханнабыный?

Иннигэр тумуһахха:

— Ооп! — диир.

Саһыл сылайан тутайар ирээтэ буолар. Өлүмээри арыгычча иһэн, олорон хорос гына түһэр.

— Сынгаан! — диир.

Эмиэ иннигэр тумуһахха:

— Ооп! — диир.

Онтон дьэ, саһыл: «Сынгаан түөкүннүрэр», — диэн, суукка үнсэ барар.

Бу үнсүбүттэрэ туран, суут бил балыкка:

— Дьонгун мус! — диир.

Бил ыңыртаан, тумулга, сордон хаар, сынгаан хаар, алыһардар эгиннэр мунньустубуттар.

Сууттарыгар:

— Дьэ мунньуһуннубут, — диэн буолар.

Саһылы көрбүттэрэ: эт да, сиин да суох, тутайан унуобу кытта тириитэ илбэспит (оччо буолуор диэри бэйэтэ да тобо сырсыбыта эбитэ буолла).

Сууттара туран:

— Наака, саһыл кырдыга буолуо ээт, — диир. Онтон туран:

— Баччалаах балыктан биир эмэ билэрэ буолуо ээт, — диир.

Сордон:

— Мин сангарыхпын көнүллээн, — диир.

— Чэ, сангар ээт, — диэн буолар.

— Сыанаан сыанааттары сырсыан инникээнинэ тумуһахха уураттаабыта, ол гынан баран бэйэтэ сыппыта.

— Оччоҕо сууттуохха, — дииллэр.

Бары сыанааны сууттуурга куоластыылар. Дьэ таһыйан имитэллэр. Таһыйан имиппиттэригэр туран, кутуруга хаптаччы барар, этэ суох буолар, баһын диэки этэ хаалар.

Сыанаан сангарар:

— Кэнэбэски үйэбэ киһи-сүөһү үөскээтэбинэ, миигиттэн сиир эти хантан да булуохтара суоҕа. Туобунан аһахтарай дьон, туобунан туһаныхтарай?

Сууттара сангарар уураахтыыр:

— Кырдык да гынар сыанаан. Бил, эн эттээххин, эн быарын эмиэ үчүгэй, сыа-арыы буолан тахсар, — диир суут. Онон эн быаргын сыанаанга биэриэх тустааххын, ол гынан баран сыанаан быарын ылыахтааххын.

Суут эппитин кэннэ олоруохтара дуо, атастаспыттара.

Дьэ онтон бэттэх сыанаан саллабар бастаммыт, улахан быардаммыт.

Красноярской кыраай, Эвенки национальной округа. Дьэһиэй бөһүөлөк олохтооҕо Мартен Иванович Өспөк диэн 64 саастаах сахаттан, Н.В. Емельянов суруйбута, кулун тутар, 1959 с. Дьэһиэй бөһүөлөгэ [ЯС, т. 1, с. 50—51].

61. Кырынаас кутуругун төбөтө хара буолбута

Билинги кыыллар, үөһүнэр-көйүүрдэр бары бэйэлэринэн буолбут кэмнэрэ этэ. Ахсаан өттүнэн бары да аҕыйахтара эбитэ үһү. Ити кэмнэ билинги кырынаас алаас чаалай харатынғы кугас өһөөх дьүһүннээбэ.

Өйдөөбөтөх өттүттэн чысхааннаах, кырыктаах кыһын кэлбит. Арай тыа ортотугар Куобах Бөтөбөтө оҕонньор мас балаһаннанан олорорун бары кыыл билэрэ. Оҕонньор иһэр оргуйбут уута холумтаныттан хаһан да тахсыбата үһү.

Кырынаас тонон өлөрө кэлэн, үөлэскэ тахсан иттэ олорон, утуктаан нуурайан барбыт. Оҕонньор таһыттан киирээри аанын саппыт тыаһыгар соһуйан, мүччү туттан, ураа устун сурулаан оргуйа олорор ууга кэлэн чоп гына түспүт. Абытайа бэрдиттэн марылыыр

санганы истэн, Куобах Бөтөбөтө офонньор кэлэн сулбу тардан таһаарбыта: сьп-сыгынньах этгээх кырынаас суккуруур тыына эрэ орпут. Соботох офонньор добор гынаары, быһа көрөр-истэр, харайар. Үөн-үөн курдук, сотору бэтгэхтээн тиллэн кэлэр. Били харатынғы кугас (чаалай) дьүһүнэ ханна да суох буолан, уларыйан хаалар. Хата кыппаба суох үп-үрүн түү хойуу бабайытык тахсан, үүт манган дьүһүннэнэр.

Офонньордоох кырынаас дьукаахтаһан өр собус олорбохтуулар. Кырынаас бэлэми офонньор булдуттан асаһар. Биридэ офонньор наһаа харыстыыр кыра хаһаас арыылаабын дьааһыгын аһан көрбүтэ, хайы үйэбэ тиис суола кирэн чугаһаппыт үһү. Куобах Бөтөбөтө офонньор иһигэр туора муостаах киирэр¹, хааһы курдук үлтү бутуллан хаалар. Өйдүү биэрэн бултуу барбыта буолан, баран мас оннугар саһан турар. Кырынаас ол-бу диэки чолооруннаан баран, дьааһык иһигэр кыра орпут арыытын киирэн кирэн барар.

Офонньор тыһаа суох үөттүрэбин илиитигэр тутан, хампы охсор санаанан иһэрин кырынаас обургу, сэргэхтэн сэргэх, билэ охсон куотан истэбинэ, хаһыра түһэн баран сырбаппытын, аһаран биэрэн, кутуругун төбөтүн таптаран эрэ хаалар. Офонньор эрэйдээх: «Бэйии-бэйи, хара баранаак! Муус манганы син бэлиэтэтим ээ», — диэн хаалбыт. Кырынаас кутуругун төбөтүгэр офонньор охсубута бааһыран дуу, хороу сыстан дуу, хара түүлэммитэ билигин да сотуллубакка сылдыар. Онтон ыла кырынааһы бэлиэлээх диэн ааттаабыттара.

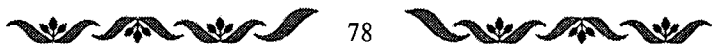
Мэнэ-Хангалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгэ М.Г. Наумовскай суруйбута, 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 65].

62. Мунгур кутуруга суох буолта

Мунгур кырынаас бийһин ууһа. Хаһан эрэ кини бэрт субуххай түүлээх кутуруктааба. Тоһоҕо үрдүгэр тобууста дугуйбут¹ диэххэ дылы, сүгүн оробор тохтуу түспэт, наһаа сытыы, киирбит-тахсыбыт кыыл этэ.

Ити курдук сылдьан булчут чааһааныгар, оонньуу онгостобун диэн, кутуругун төрдүттэн хаптарбыт. Тардыан ыарыыта бэрт. Ол олордобуна булчут көхсүн тыһаа кыыкынаан, атабын тыһаа сардырбаан, субу барыннаан тийэн кэлбит. Тардан көрбүт абытайа бэрт буолан бэрт буолан, өлбүт буолан кубулуммут.

Булчут (хас албаһы билиэй) чааһаанын ылан ууран баран, итэн эрдэбинэ мунгура ыстаммыт. Офонньор экиирэтэн иһэн ата-

бынан үктээбит. Кутуруга били быһа ытыттарбыт сиринэн быстан оҕонньорго хаалбыт.

Онтон ыла мунур кутуруга кылгаан хаалбыт.

Мэнэ-Хангалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгэ М.Г. Нау-
мовской суруйбута, 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 66—67].

63. Үтүөнү үтүөнэн боруостааһын

Бэрт былыр илин тыаҕа икки оҕолоох, дьахтардаах биир быс-
тар дьаданы тонус олорбут. Тонус кэргэттэрин ураһаларыгар хаал-
латтаан баран хас да хоно, ыраата булгуу барбыт. Дьахтар икки
кыра оҕотунаан ханнык эмэ эт сыыстаахтарын сиэн аһаан баран-
нар сыппыттар. Дьэ ити түүн бэрт үчүгэйдик хоммуттар, тугу да
билбэтэхтэр, көрбөтөхтөр. Сассыннытыгар чункуйбут, кыһынны
күнү барыы сатаан оҕолорун көтөбөн баран ураһатын иһигэр бүк
түһэн олорбут. Арай күн орто кэлтэйдээн эрдэбинэ ураһатын аанын
аһан мастыы тахсаары гыммыта, тэлгэхэтин иһигэр сүрдээх ула-
хан сиэллээх, илин өтгө сохсобор, кэлин өтгө сылбыгыр, уһун
болчуохтаах кутуруктаах кыыл бөбө сытар эбит. Дьахтар куттанан
ураһатын иһигэр нымис гынан хаалбыт. Тон күөс холобурдаах
буолан баран ааны сэгэтэн көрбүтэ буукса чугаһаан кэлэн сыппыт.
Онтон эмиэ өр соҕус буолан баран аппатан көрүөх буолта били
кыыла аанна туора сытан кэбиспит. Дьахтар куттаныы бөбөнү
куттanan икки оҕотун хооньугар уктан баран туох да аһыра суох
олорбут. Күн кизһэрбит, түүн буолбут. Арай били кыыла эйэбэс
баҕайытык кырдыгыныы, кырдыгыныы ааны аппатан, тирии
ураһаны сэгэтэн илин ханас атаһын тобугунан иһирдэ аспыт.
Арай дьахтар имик-самык уотугар өйдөөн көрбүтэ илин атаһын
тобугун үөһэ өттүнэн айа ырбата хатана сылдьарын көрбүт. Дьах-
тар уотун дуомун сырдатан ааныгар тийэн көрбүтэ кырдык ырба
хатана сылдьар эбит. Атаҕа болзоччу иһэн хаалбыт. Дьахтар хап-
сабар ырбаны аргыый аҕай сулбу тардан ылбыт уонна үүтүнэн
сүлүһүнэн дэлби оборон кэбиспит. Кыыла буоллабына биһирээбит
курдук буукса иһирдэ уган биэрбит. Дьэ бүтэрэн баран дьахтар
сүрдээх үчүгэй баҕайытык өрө-таннары имэрийэн биэрбит. Кыыла
хап-сабар атаһын сулбу тардан ылбыт да тус илин диэки бара
турбут. Били булчут киһи үс күн олох малыһан төннөн истэбинэ
дьиэтин таһыгар били дьахтарга отоһулаппыт кыыла толбонноох,
түөһүгэр күннээх хара саһылы тутан биэрбит. Булчут үөрүүтүгэр
атаҕа сири билбэт буолбут, дьиэтигэр сүүрэн киирэн ойобор бы-

рахпыт. Онтон иккиэн уоскуйан баран хайдах буолтун, быһаарсан кэпсэппитэрэ били дьахтарга отоһулаппыт кыыллара анаан аҕалан хара саһылы ууран биэрбит.

Ити аата кыыл ыраахтаабыта сэпкэ дэн табыллан баран онтон быһааммыт үтүөтүн, өнөтүн хара саһылынан боруостаатаҕа үһү, диэн буолар.

Мэнэ-Ханалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 74 саастаах, үөрэбэ суох, кырдыаҕас булчут Илья Иннокентьевич Платонов тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 23—24.

64. Кынаттаах кутуйах

Абааһы үрүмэччитин¹ (тирии кынатын) кыһыл көмүс курдук ойуулаабын булан өлөрөн баран эчиким диэн ааттаан соннорун саҕатыгар тиктэрэллэр. Хаартыга сүүйтэрээри гыннахтарына сытыы баҕайытык иһиирэн чупчулуйаллар, оччоҕо хайаан даҕаны сүүйүөхтээхтэр үһү. Уураар хаартылары табыллыахтаах, мунура суох үбү сүүйүөхтээхтэр үһү.

Мэнэ-Ханалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгин олохтооҕо Михаил Григорьевич Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

65. Балык, үөн

Тойон танара аан дойдуну айан баран, орто дойдуга киһини, сүөһүнү онорбут, атын да тынар тыыннаабы онорбут.

Ону үтүктэн Сатана оҕонньор, сир аннынан сылдьан, эмиэ уу балыгын, сир сидьин үөнүн онорбут.

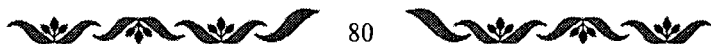
Ону көрөн, танара ууну илиитинэн кириэстии охсубута, балык баһыгар кириэстии унгох үөскээбит. Онтон ыла киһи балыгы сиир буолбут.

Сатана оҕонньор туран сидьин үөннэри буорунан көмөн кистээн кэбиспит. Ол иһин киһи үөнтэн сиргэнэр буолбут.

Орджоникидзе оройуона, Нөмүгү нэһилиэгэ, 70 саастаах Гавриил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдыах ыһа, 1934 с., Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 102].

66. Аптаах баҕа унгоуҕа

Бэрт дэн курдук утарыта сыстыһа сылдьар бағалар баар буолаллар үһү. Ол бағаларга күн өттүнэн күөйэ хааман кэлэн ытыска олордон аҕалан тууйаска уган баран хаппахтаан кэбиһэллэр уонна

тууяаһы быһабынан тобулута үүттүүлэр, олох сиидэ курдук онгороллор. Дьэ ол онорон баран улахан чөмөөхтөөх кымырдабас уйатыгар угаллар. Дьэ били сиидэ курдук хайабаһынан кымырдабастар киирэннэр били баҕаны сииллэр, онно баҕата олус куһаҕаннык хаһыытыахтаах. Дьэ ол хаһыытын истимээри укпут киһи кулгааҕын бүөлэниэбинэн бүөлэнэн мунҕ кыраайынан сүүрэр. Арай ол иһэн баҕа хаһыытын иһиттэбинэ эбэтэр өлөр, эбэтэр иирээн буолар. Били укпут киһи өр буолан баран 7 эбэтэр 9 хонон баран тууяаһын аһан көрбүтэ биир тордуох курдук, биир атырдыах курдук ып-ыраас унуохтар хаалыталыыллар. Ол унуохтары ылан тэрэпиискэбэ суулаан илдэ сылдыллар. Ол тордуок курдугунан тардылаатахха киһи тугу барытын абылыр, онтон атырдыах курдугунан астахха ол абылааһын өһүллэр. Итинник аптаах баҕа унуобунан былыр дэн курдук дьон туһаналлара үһү диэн кэпсээн буолар.

Ильин Гаврил Иванович кэпсээнинэн, 63 саастаах үөрэбэ суох, бастакы Наахара нэһилиэгэ, Мэнэ-Хаҕалас оройуона. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45 об.

67. Баҕа аптаах унуохтара

Манньыгы хаартыһыттар эрэ онгостоллор, кинилэр дьону элбэхтик сүүйэн байар наадатыгар. Икки бастаах дуу, үс бастаах дуу баҕаны тутан аҕалан кымырдабас уйатыгар аҕалан уган биэрэн баран куоталлар. Баҕа өлөр хаһыытын истибэт наадатыгар, хаһыыны иһиттэххэ тугу да истибэт таас дьүлэй буолаллар үһү, диэн. Хойут хас да хонон баран кымырдабастар сиэн бүтэрдэхтэрэ буолуо диэтэхтэринэ кэлэн онуобун көрдөөн булан «тордуохтаах уонна атырдыах курдук салаалаах онуобу булан ылан» илдэ сылдыллар. Итинник онуобунан дьахтары, баайы, хаартыга тордуохтаах өттүнэн тардан ыллахтарына дьахтар абыланан батыһа сылдыахтаах, хаартыга сүүйөөхтөөх, баай иниэхтөөх. Онтон салаалаах өртүнэн антах анһан кэбистэххинэ дьахтар араһар, баай баранар, хаартыга сүүтэрэллэр. Итини толору дьоллоох уол оҕо үрэх бастарыттан булар дииллэр. Ити, онуобу ким да билбэтинэн, бэрт кистэлэнинэн кубараанньык саамай түгүбэр илдэ сылдыахтаахтар, икки атахтаах ким да билиэ, сэрэйиэ суохтаах уонна алдыаммат гына онгоһуллан угуллуохтаах.

Мэнэ-Хаҕалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгэ Михаил Григорьевич Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

68. Эриэн үөн уонна кыһыл көмүс

Дьон кэпсээнинэн, бу дойдуга Бастакы Тылгыны нэһилиэгэр Тыһылык диэн күөл арытыгар, уонча сыллаахха икки тыһылаах атыыр эриэн үөн баара үһү.

Ону экспедиция дьоно кэлэ сылдьан эппиттэр үһү: «Атыыра абыс метр үһүннаах, тобус метр дирингнээх сиргэ сытар», — диэн. Онно хаһан тийбит киһи кинилэртэн кыһыл көмүс баар сириҥ быйытыа этэ.

Олор билигин баалара буолуо.

Үөһээ-Бүлүү оройуона, Мангаас нэһилиэгэ 77 саастаах Павел Львович Львов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны 17 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 23.

69. Ыт уонна эһэ

Таңара аан бастаан ыты онорбут. Онтон эһэни онорбут. Ыты буоллабына, мөлтөх гынан баран, өйдөөх гына онорбут, оттон эһэни буоллабына, күүстээх гынан баран, өйүнэн мөлтөх гына онорбут.

Эһэ төһө да күүстээбин иннигэр, кыайбата, саллара элбэх эбит. Тугу барытын туппугун туура-хайа тутуох киһи, эрбэбэ суох буолан сарбыллыбыт. Онтон кэлэн биир кэмнэ таңараттан кэлэн эрбэх¹ көрдөөбүт.

Итиннэ мииннэрбитинэн ыт таңараттан: «Эн эһэбэ эрбэх биэрэр буоллахына, миэхэ саата ажал», — диэбит. Таңара толкуйдаан баран: «Эһэ эрбэхтэннэбинэ, аан дойдуну алдьатыһы, ыт сааланнабына хамсыыры-харамайы эһииһи», — диэн эһэбэ эрбэх да биэрбэтэх, ыкка саа да биэрбэтэх.

Мэнэ-Ханалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 84 саастаах Тихон Егорович Кириллин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, алтынны 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 105—106].

70. Суостаах ыт уонна оҕо абааһыта

Иринньэх оҕолоох ыал, биир эмэ суостаах, улаханлык ньиргийэн үрэр ыты иитэллэр, ол оҕо доҕоро диэн буолар, дьиэбэ оҕо чугаһыгар сытыара, утута үөрэтэллэр, ол курдук сытар, утуйар ыт. Ити «кыра-дьараар» диэн улахан күүһэ суох кыра абааһы, ити кыра оҕо сүрэхтэнэ илигинэ өлбүт буоллабына ол, или кыра ойуун, удабан кыра ханнык абааһыны аҕалан сыһыарбыт буоллартарына ол буолар. «Кыра-дьараар» улахан киһини ыарытыннарар

күүнэ суох, сэттэни аллараа саастаах оҕоҕо кини майаачылаһар, ыарытыннарар, оонньуур, күллэрэр, иирдэр уо.д.а. онгорор. Күүстээх оҕону өлөрбөтөбүн да иһин, кинини чыычыс гынар, киниэхэ ойуун, удаҕан, мэнэрик уонна ама-да буоллар сүрдээх-кэптээх адырга көрүнгээх киһи, ол курдук уоттаах харахтаах, сытыы тыллаах киһи, дьараар абааһыга, эмиэ тойон, — дииллэр.

П.Т. Степанов суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4 об.

71. Ыт өлүүтэ

Былыр бурдук куолаһа наһаа үһүн, бурдук отун хара сириттэн төбөтүгэр диэри туораах эбитэ үһү. Ону баара биир топпут дьахтар алдыаппыт, оҕотун эмэхэтин бурдук куолаһынан соппут.

Ону көрөн таңара сүрдээхтик кыһыран, дьонго биэрбит үтүөтүн төттөрү ылаары онгостубут. Ыт туран көрдөспүт: «Саатар мин өлүүбүн хааллар», — диэн ытаабыт, сонгообут. Таңара ыт көрдөһүүтүн ылынан, бурдук отун төбөтүгэр аҕыйах сиэмэни хаалларбыт.

Онон биһиги билигин ыт өлүүтүн сиибит.

Орджоникидзевак оройуона, Нөмүгү нэһилгэ 70 саастаах Гавриил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдыах ыйа 1934 с. Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 106].

72. Таңара буолбут тыһы ыт

Ороһу нэһилиэгин Ыйылас аҕатын ууһа таңаралара тыһы ыт. Ол Ыйылас төрдө Чаара өрүстэн иһэн быстаран тонгон өлөөрү сырыттабына, бии ыты батыһыннаран иһэрэ кыалыктаах хататы ытыран аҕалбыт, кыргыска өлбүт киһи киэнин. Онон уот оттон абыраммыт, бу Ыйылас аҕатын ууһун төрдө. Билингэ диэри үөхсэллэр ыт таңаралаах ыйыластар диэн. Бу ыт таңара буолан өрөһүллүбүт киһи аата Нокоочук. Кини кэриэс этэр: «Ыт таңара буолта өлөөрү сырыттаһына, онон ыраатар күннээх буоллаххытына ыккытын үрэ хааллараайаккытэй», — диэн. Ыта суох былыр төрүт ханна да барбаттар үһү, бу ыйыластар. Билигин да үчүгэйдик туталлар, кэргэннэрин курдук.

Үөһээ-Бүлүү оройуона, Ороһу нэһилиэгэ 78 саастаах Федор Николаевич Тимофеев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 9 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 2, д. 69, л. 52—52 об.

73. Атыыр уонна атыыр обус (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта)

Аан дойдуну айан баран, таңара киһиттэн ыйыппыт: «Кыһыны уһун гынабын дуу, сайыны уһун онгоробун дуу?» — диэн. Онно киһи эппит: «Ити мин доботторбуттан, атыыртан уонна атыыр обустан ыйыт. Кинилэр тугу дииллэринэн буоллун», — диэн.

Таңара атыыртан ыйыппыт: «Эн кыһын уһун буолуон бабарабын дуу, сайын уһун бабарабын дуу?»

Онно атыыр эппит: «Сайын уһун буоллун, кыһын мин туйабым туура тоноро бэрт».

Онтон таңара атыыр обустан ыйыппыт: «Эн туох диигин, кыһыны уһун гынабын дуу, сайыны уһатабын дуу?» Атыыр обус эппит: «Эн кыһыны уһат, миэнэ сайын куйааска муннум сыгыйар», — диэбит.

Дэ таңара кыһыны уһун онгорбут, сайыны кылгас гыммыт.

Онтон кыһыран атыыр туран атыыр обуһу муннуга тэппит — илин тиһин көтүрү тэппит. Атыыр обус атыыры ойбоһоско кэйбит — үөһүн дьөлө аспыт. Дэ онтон ыла сылгы сүөһү үөһэ суох буолбут, ынах сүөһү илин тиһэ суох буолбут.

Орджоникидзе оройуона, Нөмүгү нэһилиэгэ, 70 саастаах Гаврил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдыах ыйа 1934 с. Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 107].

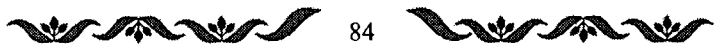
76. Дьуһаал таңарата¹

Дьуһаал таңарата толбонноох курбуһахтаах, күөх борон атыыр эбитэ үһү. Оннук дьүһүннээх атыыр сылгыны, кийииттэр иннин быһа барбаттар үһү. Былыр улахан сут буолбутугар, Дьуһаал төрдө киһи саас быстары сағана, толбонноох курбуһахтаах, күөх ньилбэхтэрдээх күөх борон атыыр сылгыны таңалайын ханнаан, ону астаан аһаан, тыыннаах ордон ытыктыыр буолара үһү оннук дьүһүннээх атыыры.

Верхоянской района, Буустаах Дьуһаал, 60 саастаах Христофор Горохов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, кулун тутар 8 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 92

77. Хоолдьуга

[Киһини көмуугэ] аты сииллэр, обуһу сизэбэттэр. Бағар быа да түспэтэх ата буолар, көлүллэр да ат буолар. Тыһы сүөһүнү сизэбэттэр. Бу көлөгүнэн кэритиитигэр¹ эрэ сылдыар. Бу аты өлөрүөхтэрин

иннинэ ынгыырдаан баран өлбүт киһини көрдөрөллөр. Уонна күн диэки көрдөрөн туран үөстүүлэр. Үөстээн өлөрөллөр.

Көмөн кэлэн баран өлбүттээхтэр малааһынныыллар. Ас буолар. Бу ас өлбүт киһи аһа, туокка мантан уокка бэссибэккин.

Яковлев-Круппа тылыттан. Олунньу ый 2 күнэ 1941 с.

ХАЛЛААН ЭТТИКТЭРИН УОННА ҮӨҕЭЭ ДОЙДУ ОЛОХТООХТОРУН ТУҔУНАН

78. Тулаайах уол оҕо уонна ый

Ый иһигэр кестөр хараны сахалар бу курдук этэллэр. Былыр биир тулаайах оҕо биир баай ыалга хамначыкка олорбут. Хотуна эппит: «Уута бас». Онно уол биедэрэлээх маһын ылан уу баһа барбыт. Уутун баһан иһэн биир титириккэ өйөнөн туран тулаайаһын туһунан санаан ытыы турдаһына ый түһэн бэйэтигэр илдэ тахсыбыт.

Тулаайах оҕону ытатар аһыы. Тулаайах оҕону ытаттахха ытыыр саната тобус халлаанга тобулу тахсан Айыы тойонго иһиллэр. Онно Айыы тойон ытаппыт киһини буйдуоҕа.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 208.

79. Ый кыһа¹

Биир ыалга тулаайах кыыс иитилибит үһү. Ол кыһы дьэ-лээх дьахтар күһүнгү тымныы киэһэбэ уу бастара ыппыт. Ыйдаһа киэһэ уолдыабыт. Кыыс тонгон мунгатыйбыт: «Бу сордоно сылдыһам кэриэтин күнү кытта күн, ыйы кытта ый буолан хаалларбыан», — диэн.

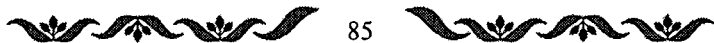
Кыыс далаһатыгар киирэн туран мунгатыйбытын күн, ый уонна сир истибиттэр.

Онтон күн эппит: «Сир-сир эйигин атаҕастыыр, миэхэ тахсан хаал», — диэн.

Онно хардаран сир этэр: «Күһүнгэ-күһүнгэ тахсыма, буһан өлөн хаалыан. Ийэ сиргэр — миэхэ хаал», — диэн.

Ый этэр: «Сиргэ-сиргэ хаалыма, син биир аас-туор олохтоноун, миэхэ олоҕ», — диэн.

Кыыс толкуйдааммыт: «Күһүнгэ табыстаһпына, тыннахтыы буһан өлүөм, оттон сиргэ сордоно сылдыһам, айылаһын ыйга тахсыһыбын», — диэн. Ол кэнниттэн, кыыс эппит:

— «Ый-ый, чэ таһаар, эйиэхэ тахсарга бағалаахпын», — диэн. Ону истэн ый буурбанан эргиттэрэн кыыһы таһаарбыта үһү.

Онтон ыла ыйга кыыс оргуһуохтаах ыаһаһын сүкпүтүнэн ту-
рар иччи буолта үһү.

Сунтаар оройуона иккис Бордон нэһилиэгэ, 59 саастаах, Татьяна Григорьевна Николаева тылыттан. И.Я. Николаев суруйбута, 1947 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 789, л. 30—30 об.

83. Этинг сүгэтэ

«Этинг сүгэтэ» — диэн баар дииллэрэ, дьоннор мастан булабыт дииллэрэ, онно этэллэрэ «ыһыы» диэн сэп курдук этэллэрэ, эбэтэр хотуур сытылыгыр «абаан» диэн сэп баар буолара, ол тостубутун курдук кыра-хара дьүһүннээх-өҥнөөх, сүгэлии куормалаах «хара-таас» — дииллэрэ. Ол сүгэни дьоллоох, үчүгэйдик сылдыахтаах киһи булар эбитэ үһү. Барыга бары ымыы, эмп буолар үһү.

Мэнгэ-Хаңалас оройуона, П.Т. Степанов уонна М.Г. Наумовскай суруйуулар, ахсынны 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

84. Аччы

Ойуун дуу, ама киһи дуу этинг түспүт маһын тыран баран холбуу баайан уотка сиэтэр уонна онон аччылыгыр (далбаатыгыр), оччоҕо куһаҕан тыын (абааһы) куттанан баран хаалар. Биитэр хан-ныбыт абааһы аспыт киһитин, хотонун, мунҕатын, ыалдыбыт ньирийи аччылыылар, итиннэ уота умайа сылдыахтаах. Ол аччылаабыт тымтыктарын тоһоһонун киһи сылдыыбат, тэпсибэт сиригэр уураллар, үксүн дьиэ чаампытын үрдүгэр. Ол аччы өрүү кэлэ бара сылдыар айан абааһыларыгар куттуур суостаах харабыл буолуохтаах.

Иккис Наахара нэһилиэгэ, Мэнгэ-Хаңалас оройуона, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

86. Сата¹

«Сата» диэн баар буолар үһү үксүн: сүөһүгэ, сылгыга, кини туох эрэ кыра, харангатык күөх, сымбыт анаарын саға. Мээчик курдук унуоҕа чэпчэки үһү, үчүгэйдик одуулаан көрдөххө киһи сирэйин курдук сирэй, харахтаах буолар үһү. Ону халлаанга көрдөххө, или күнгэ көрдөрдөххө, или ууга уктаһа, халлаан сатарар-тымныйар, тыалланар, буурбаланар буолара үһү уонна сорох ар-

дыгар киһиэхэ эмиэ баар дииллэрэ. «Саталаах киһи» ууга баһын уктабына (күөлгэ, үрэххэ, өрүскэ) халлаан эмиэ сатарар, дииллэрэ; ол туохтан оннук буолалларын саха кэпсээччилэрэ кыайан быһаарбаттар этэ, урут даһаны, билигин даһаны, таах ити курдук сатарар, тыалланар эрэ диэн кэпсииллэр.

Иккис Наахара нэһилиэгэ, Мэнэ-Хангалас оройуона, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

88. Дьаангы ырыата

Былыргы саха майгытыгар дьаангы ырыата диэн баара үһү. Ол буолара — үөһэ халлаан оройунан бэт элбэх киһи ырыата ыллаан туойан аһахтаах. Дьаангы ырыата өлөргө, алдьанарга — өлөр ыал диэкки тойугулаан аһахтаах.

Чурапчы оройуона Одьулуун нэһ., 68 саастаах Иван Никитович Дьячковскай тылыттан. С.И. Боло суруйбута, 1934 с. [Боло, 1938, с. 146].

89. Тыаллар

Айыы тыала илин диэккиттэн кэлэр. Итинтэн туох да куһаҕан кэлбэт.

Куһаҕан тыал да, салгын да, арбааттан кэлэр.

Хотуттан абыйах куһаҕан тыал кэлэр. Кини икки миэтирдээх (үрдүгэ. — *Н. А.*), сэдэх буолар. Киһи курдук көрүҥнээх.

Арбааттан балтараа миэтир үрдүктээх кэлэр. Кини тобугуттан эрэ үрдүгэ көстөр. Киһи курдук көрүҥнээх.

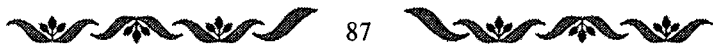
Собурууттан олох абыйахтык аһара күүстээх куһаҕан тыал кэлэр. Кини дьэнкир маска-отко ингиэктээх. Биэс да алта миэтир үөһэ өттүнэн кэлэр.

Илинтэн икки ангаар, үс сыл буола-буола, сыл ангаарыгар дуу, сыл туоларыгар дуу, куһаҕан тыал кэлэр.

Сунтаар оройуона, Күндэйэ нэһ., 60 таһа саастаах, Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 27.

90. Үс дойду үөскээбитэ

Бэрт былыр билигин киһи-сүөһү төрүттэрэ бу орто дойдуга «Айыы сиригэр» олорор эрдэхтэринэ, «Уотунан кулаһан кыргыһан баранар» кэлбит. Ол кэлэн харамай бүтүннүү уотунан кулаһан

кыргынан, киһи-сүөһү онно баранара кэлэн, үрүө-тараа буолан, сорох үөһээ тахсыбыт, ол тахсыбыттар «Үөһээ абааһы» үөһээ дойду дьоно буолтар. Сорох аллараа түспүтэ, ол түспүттэр «Аллараа абааһы» аллараа дойду дьоно буолтар. Сорох орто дойдуга хаалан «Харах-Хаан» диэн Тойонноох, Сир-Сабыйа баай Хотун ойохтоох тойонноох буолан олорбуттар.

Бүлүү оройуона Күүлэт нэх., 54 саастаах Спиридон Герасимович Игнагьев тылыттан. Суруллубута муус устар 9 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 19, л. 14—14 об.

91. Үөһээ тахсар аартык

Үөһээ тахсарга төрдө биир. Онтон сылгы айы тус туспа суол.

Үөһээ тахсар төрдүн аартыгын иччитэ Субан былыт иччитэ Ытык Дугуйдаан диэн. Кини былыргыта удабан дуу, иирээки дуу.

Үөһээ, аллараа түһэн кэргэннэмэккэ өлбүт кыыс абааһы буолар. Уонна эрдэ, сааһын ситэ илигинэ, хомолтолоохтук, дэнгнэ өлбүт киһи абааһы буолар. Ол сааһа туоллабына сүтэн хаалар. Былыргы ойууннар абааһыларга холбоотохторуна сүппэт.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэх., 60 тахса саастаах, Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 564, с. 31—32.

92. Халлаан кыргытара

Былыр, сүүсчэкэ сыллаахха Амма Наахара сиригэр Тоҕой диэн алааска үс үрүн солко тагастаах, былааттаах, эгэл-тэбил унуохтаах кыргыттар эмискэ баҕайы биир сарсыарда күн тахсыта баар буолбуттар. Кинилэр кырдал сиргэ тохтообуттар, атастарын төбөтүнэн дэгиннэнэн, илиилэрин төбөтүнэн сиэттиһэн, көтүүлэригэр сөп түбэһиннэрэн «оһуокай-эһиэкэй» диэн ыллыы-ыллыы оонньуу сылдыбыттар. Онтон ити сир туһунан туруук хайаба, үөһээ кэтэбэр, балабан онгостоннор уонча сыл олорбуттар. Кинилэр биир кутуруга суох кугас ынахтаахтара биллэр. Ол ынастарын икки көстөөх сиргэ, ыарба болуогурба идьэн уулталлара үһү. Сарсыарда айы биир дьахтар ойбону тэһэ киирэр үһү, да суола олох көстүбэт үһү. Ол курдук ынах уулуу киирбит, тахсыбыт суола букатын биллибэт үһү. Дьэ, ити курдук туох да куһаҕаны даҕаны, үчүгэйи даҕаны онгорбокколор олорбуттар.

Арай биирдэ булчут киһи хайаны тэллэбинэн, кэннинэн эргийэн ити кыргыттар балабаннарыгар тахсыбыт. Балабантан бур-

бур буруо тахсар үхү. Дьиэ иһигэр көтөн түспүтэ үс дьахтар үрүн көмүс иньньэнэн, мачык солко сабынан чараас ийһи иистэнэ олороллор үхү. Таһыттан киирбит киһи: «Кэпсээннит», — диэбит. Онно ким да хайыһан көрбөккө эрэ кэмниэ кэнэбэс биир дьахтар: «Суох», — эрэ диэбит. Киһи турбахтаан баран тахсан бара турбут.

Дьэ, добоор, дьизбэр бардарбын диэн бара сатаабыта сордон-сордонон били балаҕанга тийэн кэлбит. Дьэ кыһыйы бөбөнү кыһыйан даҕаны, саатырҕаан даҕаны кыргыттар балаҕаннарыгар киирбэккэ дьизэтин диэки бара турбут. Ол бардар баран сол да дьизэтин булбакка эмиз били балаҕаныгар төннөн кэлбит. «Бээ, бу туох ааттаах кыһалҕатай добоор, киирэн кэпсэтэн көрүөххэ», — диэн балаҕан иһигэр көтөн түспүт.

Ол киирбитэ — били маабын «суох» диэн кэпсэппит дьахтара күлэн мичээрдийи, мичээрдийи: «Бу тобо төннөн кэллин?» — диэбит, ону туран били булчут киһи хайтах төннөн кэлэ турбутун сиһилии кэпсээн биэрбит. Ону истэн баран дьахтар эппит: «Дьэ, оччоҕо ити үс тиингиттэн биирин аҕал (кугаһын), — диэбит. — Оччоҕо үчүгэйдик тийиэн», — диэбит. Булчут биир кугас тииннээҕин сулбу тардан ылан биэрбит. Уонна хамсатыгар табах уурунан, уматаары уокка чугаһаабыт. Ону туран били дьахтар: «Кэбис биһиги уоппутуттан ылыма, бэйэн уоккунан умат», — диэн тоһоҕолоон буйбут. Ону туран: «Бээ эһиги даҕаны миигин дьиибэлээтигит, мин даҕаны дьиибэлэлэн көрүөм», — диэн, истибэккэ тымтык чоочоотунан кинилэр уоттарыттан умаппыт. Ити тымтык умайарын кытары: «Кэбис бу дойдуга сатаан олордуо суоххут, барыһыкпыт», — диэн бараннар, дьизэлэрин үс экиннин элэс гыннаран суйдаан бараннар, мэлис гынан хаалбыттар.

Булчут дьизэтигэр төннөн киирбит. Бэрт хойукка диэри ол хайа үрдүгэр балаҕан аҕаар экинэ турбута үхү. Билигин маҕаналарын оруннара баар үхү. Дьэ ити курдук дьиибэ дьон буолалларынан «халлаан кыргыттар» диэн ааттыылар.

Мэнэ-Хаҕалас оройуона Чыамайкы нэһилиэгэ, 49 саастаах, Гавриил Афанасьевич Иванов тылыттан. Суруйбута П.Т. Степанов, бэс ыйа 26 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 33—34.

95. Харах абааһыга буолбута

Нам оройуонугар иккис Бөтүнгэ, Чакы ийэтин ууһугар кинээс аҕаттан хааһа суох хатыр маҕан дьахтар төрөөн-үөскээн олорбута үхү. Кини бэйэлээх албан аата аан дойдуга тарҕаабыт, улуу

суража улуус-улуус аайы тэнийбит. Ол дойдуга холоонноожо кэстүбэтэх, ийэ сиргэ тэнгээжэ түбэспэтэх. Агаардасты аатырбыт, собото-бун сурабырбыт.

Бу кэм нуучча омук саха сиригэр кэлэн, үс бүгүеүх баттала сабардаан иһиитин саҕана эбитэ буолуо диэн сабаҕаланар. Кини бэйэлээби албан ааттаан, ириэнэх суолун солоон, үөһэ дойдуттан Улуу тойон сиэнэ ойох ыла түспүтэ үһү. Ирина хотун итиннэ амырах санааламмыт, холбоһууга холоонноожо түбэспит. Күтүөт оҕо күнүс кэстүбэтэ, хаһан оһох уота умуллан имик-симик буолуута дьыэжэ бүк түһэр бэкир хара киһи эбитэ үһү дииллэр. Бу холооннообун хоонньоһор боду болдьоҕо, кэм кэрдиитэ тохсунһуу ый 9 эргэтигэр, үөһэ дойдуттан өнөйөн, үс хонукка хоонньоһпута үһү. Онтон барар болдьохторугар, сарсыарда бадыа бүдүөжэ аттамыттар. Икки атахтаах ат суола, баараҕай чаллах тиити локлу тарадан силлестэри буордары илдьэ, үөһэ кетүтэн илдьэ барбыттара үһү. Соботох кыыс хотуннарыгар энньэтэ сэтиитэ маннык диэн, ойуунунан кетөхтөрбөтөхтөрүн иһин, өһөөннөр икки көрөр хараһын тэһэн, сир халлаан икки ардыгар кый бырах ыһпыттар үһү. Итинтэн ыла Ирина хотун харах таарымтата, одуруун, торохуома абааһыта буолбут. Ол иһин харах ыарыытыгар кыыраар ойууттар дохсун үөр гынан бохсуруйаллара, албан аатын ааттаан атаҕар үгэллэрэ, айаһын араас дьүһүннээх энньэнэн-сэтииннэн бүөлүүлэрэ эбитэ. Ити иннинэ харах ыарыыта суоҕа диэн этэллэр.

Мэнэ-Хангалас оройуона, иккис Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай дьонтон истибитин суруйбута. Бэс ыйа 27 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 32.

96. Үөһээ дойду уолун кытта сыссыалаһы

Эдьигээн (куоратыгар) былыргы кулуба баар эбит. Мухтуяҕа эмиэ кулуба баар үһү. Кинилэр табаарыстаспыттар. Эдьигээн кулубата сыл аайы Мухтуяҕа атыһытты тиийэр. Онно доборуттан ыйытар: «Хайа, биір оҕолоох этин дии, ханна барда?»

Мухтуя кулубата эппит: «Онтум миигин кытта тустар күүстээх киһи суох диэн мууһуран сыппыта үс ый буолла!»

Онуоха Эдьигээн киһитэ этэр: «Хайа бу кини төһө күүстээх киһиний? Мин эмиэ куһаҕан уоллаах киһибин. Кинилэри туһунанан көрүөх».

«Тыый хайыай, боруобалыахха!»

Ол кэнниттэн сакылаатһан кээһэллэр — мөһөөктүү хаччыга, уоннуу баайтаһын биэ, биир хара саһыл. Онуоха Мухтуя киһитэ кулун тутар эргэтигэр Эдьигээннэ тийийэх буолар, сакылаатын илдьэ.

Эдьигээн кулубата дыэтигэр эргиллэн кэлэн этэр: «Тоойуом, кытаанах хааннаах хабылаба киирдим. Мухтуя кулубатыныын сакылааттастым. Ол хайдах буолуой?» Ону уола ыйытар: «Аһаа, ол тирмир киһи дуу, эт киһи дуу?»

«Э-э, туох диэн ыйыттаный, эт киһи буоллаҕа».

«Чэ, оччобуна сакылааттаспытын сөп. Мин күүспүн ким да билбэт. Тустан көрүөхпүт».

Били Мухтуя кулубата сакылаатын илдьэ, уонна көрөөрү, сүүһүнэн кэмнээх киһи киирбиттэр, Эдьигээннэ. Эдьигээн кулубата ымсы соғус киһи эбит. Кини: «Миэхэ тобуһугар диэри быаны көрбөтөх атыырдаахпын. Ону агардаһан дьонго сиэтиэх, 50 солкуобайда аһал», — диэбит. Мухтуя киһитэ сөбүлэспит. Аты дьоннор кыайан туппатахтар. Онуоха Эдьигээн кулубата улун соруйбут: «Ноххо, тахсан тут!»

Дыэ ортотугар биирдэ үктэнэн тахсан, бөрө сонноох киһи элэс ғынан хаалбыт. Мухтуя кулубатын уола түннүгүнэн көрбүтэ, били киһитигэр үүрэн аһалбыттарын, атын баһын быһа тардан кээһэр. Дьэ онно били мууһурбут бэйэтэ мууһулар. Ол кэнниттэн Мухтуя кулубатын уола аһатын имнэнэн таһырдыа тахсаллар. Онно этэр: «Мин дойдубар эрдэхпинэ, син күүстээхпин дэнэр этим. Ол ғынан баран, мин салынным, маннаабы киһиттэн. Тулуһуом суох, аккаастан, аһын».

Киэһээ кырдыаҕастар биир иһит арыгыны иһэллэр. Мухтуя кулубата этэр: «Ноххо, тахсаннын табаарыскын кытта ис». Биир иһит арыгытын иһэн кээһэр, Эдьигээн уола.

Дьэ, бу абааһыга кэлбиппит, дии саныылар Мухтуя дыно. Онон кырдыаҕас көрдөһөр: «Уолун тулутуо суох. Эн кыайыылаабынан буол, тустуута суох, сакылааты ыл», — диэн. Ону Эдьигээн кулубата сөбүлэхэр: «Чэ, буоллун!» — диир.

Били атыырдарын этэ бүтэр. Сассыарда бэрт эрдэ туран тэриллэн бараллар.

Дьэ, били Мухтуя кулубатын уола атын түөрт мас үрдүнэн тардар. Ону дьон сэргээн көрөллөр. Ат хайдах ыстаныай, ыстаммат. Онно уол этэр: «Хайа бу мин атым да хаампат дии», — диэн баран атын түөрт мас күрүө үрдүнэн бырабан кээһэр.

Эдъигээн кулубатын уола атын үс дьүөрбэ күөл ынараатыгар иитэр эбит. Онон баран иһэн кини бэбэһээ буурдаабытгаах. Онтун ким эрэ куоппут. Наһаа сөбөр. Онтон иккис сарсыарда тиййэр. Арай биир хара бэкир киһи турар: «Тый, туох улахан киһитэй, миигиннээбэр улахан дии».

Ол көрсөн этэр: «Мин буурбун хоттунг, онон үс хонон баран, хараҥа буолан эрдэбинэ кэлээр. Тустуохпут».

Уол мууһугулар, дьэтин муостатын тосту үктээн турар. Дьоно сөбөллөр. «Дьэ, мин үс хонук тустар киһибин булдум. Онон үс хос түнэ сонно, ыстаанна тигин», — диэн баран хонугар киирэн хаалар.

Хайа, хайдах кэтиэх баҕайытай дии саныллар, да тигэллэр.

Үс хонук уол аһаабат. Төрдүс түүнүгэр им сүтүүтэ Мухтуя кулубатын уолун ааттаан кэлэр дьонугар: «Ийэм, аҕам, аангытын, түннүккүтүн аһаайабыт, бүөлэнээрин».

Тахсыбытын кэннэ тиэргэннэ икки оҕус харсыбытын курдук тыас иһиллэр. Олох тохтооботтор.

Түүн ортотун саҕана ойобо ааны аһар. Тыас-уус тохтуу түһэр уонна уол нэһиилэ киирэр: «Ийэм сиэтин кэнникитин, инникитин аҕам баайга ымсыыран сиэтин. Били сакылааттаспыт ааккар үөһээ дойду абааһытын уолун түһэрэн сиэттин», — диир. Онтон хонугар аттанан барар.

Үөһээ Бүлүү оройуона, Маҥаас нэһилиэгэ, 80 саастаах Герасимов Егор Герасимович тылыттан. Н.А.Алексеев суруйбута, алтынньы 17 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 130—137.

97. Үөһээ абааһыттан төрөөбүт Аба Уол Дьоххо үөһээ абааһылары кытта сыссалаһыылара

Мэнэ Моорук төрдө Аба Уол Дьоххо диэн, үөһээ абааһы уола айыы дьахтарын тутуһан төрөппүт киһилэрэ баара. Ол киһи үөһээ абааһы уолун кытта охсуһара, тустара, сыссара, туруйа хара атынан сырыһыннарара, ол гынан хайа да оонньуугулар абааһы уолун тулуппат этэ. Кини тобус ойохтоох, онтон биир ойобо удаһан дьахтар, олоҕо Киис Тиирбит диэн Суола үрэх сүнньэ.

Киниэхэ биир тобус саастаах оҕолообо эмискэ ылдьан өлбүтүн тумулга таһааран көмөр, ол көмөн баран: «Бу кини, мин оҕом, абааһы баар буолан өллөбө, тахсан кэтэһэн сииллэригэр түбэһэн өлөрүстэбим», — диэн тахсан оҕотун көммүт тумулулар, кураахтаах саатын аһаабыллаан кэтэһэн олорон көөттө.

Эмискэ тобус элэмэс аттаах сүдү дьон баар буолан тумул үрдэ туолбут, уот оттон, күөс күөстэнэн олороллоро эбитэ үһү. Оттологургар биир олус суон сүдү киэптээх олойон олорор тойоннорун курдук киһилээхтэрин көрөн, Аба Уол Дьоххо саатынан хара быарын сыаллаан онгойор уолугун үүтүн устун ытан саайар, онно били дьоно суох буолан харабыттан сүтэн хаалаллар.

Кэннэки туту да булбакка гынан баран, удабан ойобун көрүүтүнэн үөһэ дьонун баһылыктарын обунан табан эмсэбэлэтэн ытар. Бэлиэтин хааннаах оҕо утары тииккэ хатанан турарын булан, онон кыйайбыт-хоппут курдук санаан киирэр.

Онтон балабан дьэитин чарапчытыгар киэһэ харанаба бабана күлүгэр биир абааһы сөрүөстэн турарын көрөн, баттабар илэ бэйэтинэн икки илиитинэн түһэн хаһы-ыһы, кый-хай мөхсүү буолар. Онно балабан иһиттэн саар ыаһаһы убатан тымтык уста уота онгостон дьоннор тахсаллар, онно били абааһы суох буолан хаалар. Аба Уол Дьоххо, арай, баттабын куйахалары кытта хаппаах курдук эргиччи тууран, хасты тардан илиитигэр илдэ хаалтын көрөр. Ол баттабы Аба Уол Дьоххо өлүөр дылы түннүгэр ууран олоотто үһү.

Аба Уол Дьоххо туруйа хара атын миинэн олорор алааһын хара эмпэрэ сыырын анныгар сүүрдэн истэбинэ, биир кугас элэмэс аттаах мунур тиит курдук суор хара киһи кини кэнниттэн мииннэрэ экирэттэн иһэрин көрөн, Аба Уол Дьоххо төгүрүйэ сүүрдэр, суолтан туораан быһа ойуппут. Онуоха били экирэтэн иһэр киһитэ эмпэрэ аннынан суол устун төгүрүйэ сүүрдэн куоттарар. Айыы киһитэ быһалаан куотан дьэитигэр киирэн удабан ойобун хоонньутар түспүт¹.

Мэнэ-Хангалас оройуона Тарабай нэһилиэгэ, 55 саастаах Прасковья Константиновна Егорова тылыттан. С.И. Боло суруйбута, бэс ыйа 19 күнэ 1933 с. [Боло, 1938, с. 149].

98. Сүлэ Тархан¹

Ырыа Быркынаа уола, Наалабай. Наалабайтан Сүлэ Тархан диэн төрүүр. Сүүдүрүүннээх Сүлэ Тархан² ааттаах киһи, үс сүүс сылгылааба үһү. Кини Сүлэ нэһилиэк төрдө, кини олоҕо Ньурба арбаа өттүгэр эбит. Бу Сүлэ Тархан ойохтоох бэйэтэ алта уоннуу саастарын туолуохтарыг дылы оболоммотохтор. Дьэ оҕо аҕалтарар мөккүөрүгэр Айыыһыкка кыырдарбыттар, бэрт элбэх ойууну. Ону бу Айыыһыттар akkaастаан иһэллэр эбит: «Кинилэргэ оҕо барбат, барар анала суох», — диэн. Биридэ хоту дойдуттан (Хотугу улуус-

тан) сылдыар икки улахан ойуун кэлэллэр. Бу дьону Айыыһыкка киллэрэн оҕо көрдөһүммүнэрэн кыырдарар. Бастаан бу ойууттар аан дойду иччитигэр киирэллэр, ону: «Кинилэргэ оҕо барар анала суох», — диэн akkaастыыр. Онтон хара тыа иччитигэр тахсан көрдүүлэр ойууттар. Ону эмиэ akkaастаабыт. Уу иччитэ Уукаан оҕонньорго киирэн көрдүбүттэрин биэрбэтэх. Ол кэнниттэн Кытай Махсыын диэн уус төрдүттэн көрдөһөллөр да, эмиэ akkaастыыр: «Кинилэргэ оҕо биэрэр ыйаах-анал суох, барын!» — диэн.

Ойууттар кыыра сатаан баран: «Оҕону кыайан ылбатыбыт, оҕону эйиэхэ биэрбэттэр», — диэн этэллэр.

Сүлэ Тархан батыйатын сулбу тардан ылан баран ойон турар кыыһыран: «Эниги бу икки түүннээх күн кыыран баран кураанаха кыырдыгыт: сымыйанан, түөкүннээн кыырабыт, хайдах бары айыылар akkaастыыллар? Искитин тэлгизэм, экиитин-хаангытын ый ыйаба, күн күдэнэ оноруом»³, — диир. Ону ойууттар этэллэр: «Кэбис, аргый иннэ диэмэ. Аны биир сиргэ бараммыт биир төгүллээн көрдөһөн көрүөхпүт», — диэн көрдөһөллөр.

Ойууттар кыыран ньиргиттэн сүүлэр этин төрдүгэр тийэллэр. Онно кыыран бүтүүлэригэр үөһэттэн оҕонньордоох эмээхсингэ чабылбан уотун курдук уоттар кэлэн түһэн ингэллэр (эр биир биирдии уот). Онуоха оҕонньордоох эмээхсин унуталаабыттар-таллаарбыттар, көлөһүн-балаһын алла-алла. Дьэ туран этэллэр ойууттар: «Бу устар былыт, сүүлэр этин төрдүттэн аҕалан икки оҕо кутун инэрдибит. Онтон биирдэрэ үүннүтэ-ынгырдыта буолуохтаах». Ону оҕонньор: «Туох манньаны көрдүүгүт?» — диэн ыйыппыт ойууттартан. Онуоха били ойууттар этэллэр: «Бу оҕолор биэстэрин-алталарын туолар дьылларыгар кэлэн соболонмутун ылаахтаахпыт, билигин тугу да көрдүбөппит», — дэһэллэр.

Дьэ бу мантан үөскүүлэр, бу Сүлэ Тархантан Унуку Боотур уонна эмиэ биир уол. Бу оҕолор биэстэрин-алталарын туолбуттары кэннэ бу ойууттар дьэ ылаллар манньаларын.

Биирдэ кугдаардар⁴ кэлэн сылгыларын барытын үүрбүттэригэр Унуку Боотур бараары гыммытын аҕата ыппатах: «Кэбис, тукаам, уоһун уодьаҕай, хараһын хааннаах, киинин хата илик. Бу кугдаардар сүрдээх дьон, киһи гынахтара суоҕа, сылгы тыынын тыыннаыма», — диэн. Аҕатыттан көнүлэ суох күүһүнэн баран, Унуку Боотур, Кугдаар сириттэн били сылгытын үүрэн иппиттэрин кэннэ, бэрт элбэх сылгыны быһа кыйдаан аҕалбыта үһү. Бу кыйдырыгар чабылбан ала аттаах чабылбан ала санҕыйахтаах тийиэн (куруук таһнар таһаһа), сылгыны быһа көтөн баран үс төгүл

үгүрэлээбит. Онно сылгылар сүүрэн тигинэспиттэр этин' этэрин курдук. Ол баран кугдаардар иппиттэринээбэр наһаа элбэх сылгыны ағалар.

Сүлэ Тархан Дьокуускай куоракка киирэ сылдьан тугу эрэ ыараханы көтөбөн алдынан өлбүтэ үһү. Ону уола Унуку Боотур сүгэн тахсан баран эппитэ үһү: «Бу аҕа унуоҕа баар эбит ыарахан», — диэн.

Унуку Боотур Дьокуускайга өлбүгэ харчытын тардан киллэрэр идэлээх эбит. Оччоҕо өлбүгэни бухатыыр киһи киллэрэрэ үһү.

Мэгэдьэк оройуонун Таркаайы нэһилиэгэ, 83 саастаах Иван Николаев (хос аата Уҕалды) тылыттан. А.А. Саввин суруйбуга, муус устар 16 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 242—243].

99. Яков оҕонньор

Яков оҕонньор кини хас да бииргэ төрөөбүттэрин кытта Чангылаах уонна да атыттар буолан, бэрт эдэр оҕо саастарыгар, халлаан туспатынан эттэххэ, собуруу диэккиттэн кэлэн, киһи-сүөһү сылдьыбат түн ойуур быыһа сиргэ, Сутуруоха күөлүн булан олорбуттар. Кини да, атын да төрөөбүттэрэ барыта ойуун үһүлэр. Кини утуу-субуу үс ойоҕу ылан олорбут. Сизэрэ суох элбэх сылгы сүөһүнү ииппит. Маны сизэбэр оччоҕо сағана балык уонна тыа кыыла сизэрэ суох хойуу эбит, ол иһин сүөһүтэ кыаттарыбына сир үрдүнэн ыһыллыбыт. Ону кини өссө да үксэтиэн баҕарар. Ол иһин хас эмэ түүнү-күнү мэлдьи ойууннаан сүөһү айыытыттан сылгыһыт уолу көрдөөн ылбыт, ол көрдөөбүтэ ортоку дыахтарыттан төрөөбүт. Ону аҕабыт, саакса суох бириэмэтигэр бэйэтэ Мыркы диэн ааттаабыт¹. Бу уола төрүүрүн кытта сүөһүтэ олус үөскээбит, уонна бу уола улаатаат наар сылгыга ананан үлэлээбит. Ол киһиттэн туспа бэлиэтэ диэн икки дыбадьытын туһугар уһун тиистээх үһү. Ол тиһинэн сылгыны атыыр курдук ытыран уонна күөйэн аҕалар үһү.

Биир сылга сут буолбут. Онуоха, сүөһүтэ өлөн-охтон баранаары гыммытыгар, ойууннаан кулун тутар ый сағана сылам итиитин² түһэрэн, хаары уулларан, хара сирин таһааран, өң дьылы өргитэн кээспит.

Уонна Яков оҕонньор сүөһүтэ-аһа, үөскээн-тотон, байан-тайан чөлгийэ сайдан олорор бириэмэтигэр сайынҥы күөх от тахсыбытын кэннэ ыһыах онгорор эбитэ үһү. Онно араас аһы астаан, кымыһы элбэҕи онгорон уонна туом туонан, алгыс алҕанан баран,

ыһыах ыһара үһү. Дьону-сэргэни барытын ыңыран оонньуу, үгэ-бичик араас көрдөөх-нардаах атаарар эбитэ үһү.

Ол Яков оҕонньор бириэмэтигэр Ураһалаах икки Таас икки ардыгар үс күөл тиһитэ турар үһү. Ол күөллэри көрдөөн, байбал иччитэ үс төгүл суруйбут. Ону бултанар күөллэрбит диэн кини Яков, Чанкылаах, Эбиит уонна Киирэ барыта түөрт ойуун буолан ыппакка олорубуттар. Онтон кыһын буола илигинэ, сити тыа хаба ортотунан тоҕо тардан, аан дойду иччитэ көһөрөн эрдэбинэ, ойуунун икки ыаҕаһынан баспыта, ол икки көлүйэ буолан хаалбыттар. Ол аата Арҕаа Алаас диэн аатырар, оттон ол тоҕо барбыт сиэн аата Кэнис Сиэн диэн аатырар.

Биирдэ, оччоҕо ыраахтааҕылаан олорор ыраахтааҕыга Яков оҕонньор биир хара саһылы биир кэрэмэһинэн тэллэхтээн, биир кэрэмэһинэн сыттыктаан, биир кыһыл саһылынан тэбиэхтээн баран баһыылка ыппыт, онуоха күн судаар ыраахтааҕы Яков оҕонньорго биир тиин истээх кыһыл сукуна сонуну, силээпэ бэргэһэни, тарбах үтүлүгү, торуосканы, саппыкыны ыппыт³. Баллары кытта суруйбут: «Үс киһини өлөрөрө көңүл, оттон төрдүс киһини өлөрдөбүнэ, миэхэ суруйан баран сууттаарын», — диэбит үһү. Онон ол оҕонньор саллар сааһын тухтары баайдык-тоттук олорубута үһү. Уолун уола Төкүнүк оҕонньор атыһыттарга иэскэ киирэн, кыһаллан ону (ол таҕастарын) биэрбитэ эбитэ үһү. Арай саппыкыта хаалбытын, бэһис киһитин үйэтигэр ону «Кыһыл Маяк» артыал члена Бережнев Егор Николаевич ылбыт.

Анна Герасимовна Слепцова, 106 саастаах. Абый нэһилиэгэ, Абый оройуона олохтоох тылыттан. И.Н. Плошкин суруйбута, кулун тутар 4 күнэ 1945 с., Ураһалаах [ИПРЯ, ч. 2, с. 60].

101. Хомпорой айыттан бултка туһанар ыты ылыы

Омоҕой баай уола Дайбаахы Хара диэн Хомпорой айыттан эбии баай көрдөһөр. Онтон аныгыһан [төһөнөн], үөһэттэн киниэхэ түөрт атаҕа баһырбастаах, моойторуктаах, кутуругун быһаҕаһа үрүң [хоболоох] ыты түһэрэн, бултаан аһыыр гына айан түһэрэллэр, онон кини «хара дьаангыга» тахсан кэрийэ сылдьан, бултаан [тыа, уу булдун, кыылы, көтөрү] иитиллэн үөскүүр. Онон Дайбаахы Хараттан Дьааны уһун сорҕото ууһаабыт.

Чурапчы оройуона Бахсы нэһ., 72 саастаах Петр Филиппович Слепцов тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйа 19 күнэ 1934 с. [Боло, 1938, с. 45].

102. Кутуйах Баай

I

Кутуйах Баай диэн түөрт дуу, биэс дуу үйэтээби биир Хаты-
ды¹ баайа үөскээн олорбуга үһү².

Ойууннары таһыйа-таһыйа үөһэттэн отчут түһэттэрэ сатыыр
обит. Маны биир да ойуун кыайан түһэрбэт. Онтон дьэ көстүбүт,
сорохтор Мас Сирэй Талыыта, сорохтор Хатырык ойуун дииллэр.
Ойууну үөһэ дойдуга кыырдарар. Онно тахсан: «Хотуурдаах Хоной
уол, Кыраабыллаах Кынай кыыс кириэх буолаллар», — диэн
түспүт ойуун.

— Уолга тобус иһит кымыһын бэлэмниэнг үһү, уонна охсор
киэнг хочотуна бэлэмнээн тоһуйуонг үһү. Үс хонон баран бу киһи
көнниттэн кыыс от мунньоу үһү, тобус тунгуй биэ кымыһын
мунньоу үһү, — диир ойуун.

— Дьэ, бэлэмнэниэм, киэрэллэригэр баар буолуо, — диир
Кутуйах Баай.

Бастыг дьон окко киирбиттэрин кэннэ, сүүнэ бабайы киһи
хотуурун сүкпүтүнэн сылдьан дьоннору көрсөн: «Кутуйах баайга
от охсо киирдим», — диир.

Кэлэн, бэлэмнэнэн турар тобус сир иһит кымыһын иһэн кээһэр:
«Хочонг ханна баарый?» — диир. Биир сүүнэ киэнг хочо баарын
ыйан биэртэрин, киһилэрэ киирэн охсон, холорук сөрөөн эрэрин
курдук, өрө тунайдаан барар. Күн түөттүүр ынах сағана отун бүтэ-
рэн, Амма кытылыгар арыы тииттэр баалларын суулларан эрэрэ
иһиллэр. Кутуйах Баай: «Дьэ, бу туох үлүгэрэй, мастары бараата,
киһигин тохтот», — диир. Ойуун: «Тохтотторор буоллаххына, сэлэ-
т» була тат», — диир. Сэлэ булан биэрэллэр. Ойуун бу сэлэнэн
киирэн били киһини тииткэ сөрүү көтөр. Дьэ, онно Хоной соһуйан,
тиити үрүг аһын быһа көтөн, кыһыл аһыгар тиэрдэн баран: «Оо,
маталах-маталах!» — диир. Дьэ ол иһин Амма төрдүгэр Маталах
хочото диэн аатырбыт хочо баар. Ол быһыта кэппит харыйатын
тонүргэһэ сагардынгга дылы баара үһү. Кини охсубутуттан ыла
ол хочо токур хотуур түспэт гына үүммэт буолбут.

Үс хонон баран кыраабыллаах Кынай кыһа түһэр. Күн тах-
хытын сағана киирэн кэлэр. Били тобус сир иһит кымыһы
түһүлгэттэн иһэн барар. Ойууна мунньар отун: «Ол баар!» — диэн
ыйан биэрэр. Аһаан баран кыыс били киһи охсубут оттору-маста-
ры холоругунан сөрөөн биир сиргэ чөмөхтөөн — эрийэн кэбиһэр.

Бу оттон Кутуйах баай сүөһүтэ сиэн, сутаан өлбүтэ үһү.

II

Кутуйах Баай уус ууһу таһыйар идэлээх эбит: «Быһаһастаах хааны быһа түһэн кэбинэр сытыы быһахта онгорун», — диэн, ону кыйайан онгорбокко таһыллалар үһү.

Били ойуун ууһу сүбэлиир: «Мин таһаһым туох тимиригтэн бука барытыгтан аалан ыл». Уус ойуун таһаһын муодарас тимиригтэн аалан ылы-ыла тордуйаҕа мунһан иһэр. «Тоҕус үнүү төбөтүн тоһутанһын, ону холбоо, тоҕус батыһа уһугуттан холбоо уонна дьэ, барыларын холбоонһун уһаар. Бэйэн туттар сэпкиттэн эмиэ холбоо, — диир. — Тоҕус үүттээх чуолһанна онорон баранһын, онно уһааран таһааран кут. Аалан баранһын хаанһа хатарар», — диир. Уус ол сүбэни барытын толорон туран онгорор, хаанһа хатарар, буруустаан буруустаан баран идьэн биэрэр.

Кутуйах Баай киһи харытын курдук кур оҕус мунгурун буһаран, мас тэриэккэбэ хоторон таһааран баран: «Дьэ, аҕал эрэ үтүө бэйэлээх быһаһын, ууран көрүөхпүтүн», — диир. Уус быһаһын идьэн биэтгин, хааны үрдүгэр уураар. Быһах тэлиэккэлээх хааны уураарын кытта быһа түһэн кэбинэр. «Быһа түһэр быһах дьэ түбэстэ, дьэ бу аата үтүө уус», — диир.

Кутуйах Баай өлбүтүн туһунан араастык кэпсииллэр: сорох быһах хааны быһа түспүтүгэр сылаас хаан сирэйигэр тибиирбитигэр, быһахтаах илиитинэн соттоору хабарһатын быһа соттон кээстэ үһү, соробор үөһэ сөнөргөтүгэр аспыта хабарһатын быһа соттон кээстэ үһү, соробор бытыгын хоруна туран быһа тардыммыт (гына) кэпсииллэр.

Онон Кутуйах Баай өлүүтүн төрдө быһах илбиһиттэн өлбүтэ үһү диэн кэпсииллэр.

Амма оройуона Соморсун нэһилиэгэ, Иван Саввич Скрыбкин тылыгтан. Е.И. Говоров суруйбута, муус устар 1940 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 150—151].

103. Бугуйас, Быгык Хантаха, Кутаахаан (Дьылҕа хаан суута)

Бугуйас¹ Күтүр эмээхсин отто уола эбитэ үһү. Бугуйас сэттэ уоллааҕа. Кинилэр ааттара Оххон, Бүлгэс, Чолур, Чыппа, Хаска, Хаанһас², Кутаахаан диэн эбиттэрэ үһү. Бугуйас элбэх сылгыынах сүөһүлээбэ үһү. Ол сүөһүлэриттэн Бадыам³ обонньор Быгык Хантаха диэн уолунаан күүстэринэн үүрэн бараллара үһү. Онтон

сылтаан Бугуйастар уонна Бадьямнар бэрт өр өстөһөн олорбуттар. Ол кэмнэ Бадьям оҕонньор кырдьан-бодоорон барбыт, оттон кини уола Быгык Хантаха уорарын-халыбырын тохтоппотох.

Онтон Бугуйас оҕонньор, Бадьямнары кытары эйэлэһээри мһыха онорбут, онно Быгык Хантаханы ыңырбыт. Ыһыха Эрбэһин диэн сир арбаа баһыгар буолбут. Быгык Хантаха ыһыха үүткэрэ аты миинэн кэлбит. Итинник аты оччотообуга өстөөхтөрүн кытары эйэлэһээри гыннахтарына миинэллэрэ үһү, оттон кыргыска хаан тураҕас аттаах буолаллара үһү. Ыһыха сир-дайды көбөрөн, хамныыр-харамай үксээн турдабына, бэрт үчүгэйдик саҕаламмыт. Бу Бугуйас икки, Быгык Хантаха икки эйэлэспиттэр. Ол эйэлэһиилэригэр Бугуйас уонна Быгык Хантаха тарбахтарын хаанын ылан хонуу ортотугар турар мас сатанахха ыйаммыт кур сылгы төбөтүгэр аҕаабыттар, итиэннэ: «Бэйэ бэйэбитигэр эргийдэхпитинэ иэччэпит эргийдин, хайыстахпытына хаалдыкпыт хайыннын!» — диэн бигэ тылларын бэрсибиттэр.

Дэ ити эйэлэһии буолбутуттан дьон бары бэркэ-үөрэн көтөн, аһаан-сиэн, оонньоон-көрүлээн дьиэлэригэр тарҕаспыттар. Быгык Хантаха дьиэтигэр баран иһэн, Бугуйас оҕонньордооххо сэлэбэ⁴ баайыллан турар сылгыларын көрө түһээт, батыйатын сулбу тарадан ылбыт да, тобус кулуннаах биэни барыларын бастарын быһыта сынньан кэбиспит, арай кырдыаҕас атыыр, быатын быһан, күрүөнү үрдүнэн түһэн, кистээн барылата-барылата, куотан хаалбыт. Онтон Быгык Хантаха симиир иһиттэри кымыстарын тобута кэйэ-кэйэ, түгэхтэрин тобулута анньыталаан баран, төнүргэстэргэ умсарыта кэтэрдитэлээн кэбиспит. Маны көрөөт Бугуйастар, Быгык Хантаха албыннаан эйэлэспитэ буолбутун билэннэр, алыс хомойбуттар, кыһыйбыттар.

Күһүөрү сайын Бугуйас оҕонньор тураҕас ыстааныгар диэри сыгынньахтанан баран уолаттарын кыргыска угуйан: «Аанай-туонай⁵ абам эбит! Аанай буоллабына, Быгык Хантаха аанайа буоллун! Туонай буоллабына, Быгык Хантаха туонайа буоллун!» — дии-дии дөлүһүн хатыытыгар төкүнүйбүт. Онтон ыла Бугуйас уолаттара Кутаахаан уонна Чыппа буоланнар Быгык Хантаханы кытары охсуһарга сүбэлэспиттэр.

Күһүн күөл мууһа тонгуутун сағана, Кутаахаан биир күн бэйэтин быһабын буруустаан-буруустаан баран: «Быгык Хантаха быардаах-сүрэбин бысталыам буоллар өһөх хаан табыс эрэ!» — диэбитинэн дьиэ оттоку бағанатын аспыт, онтукатыгар хаан тахсыбатах, ону көрөн быһабын быраған кэбиспит. Онтон ағатын быһабын

ылан буруустаан-буруустаан баран, бастакы эппитин курдук этээт, били бағанатын анһан саайбыт да хаан тахсыбатах, ол иһин аһатын быһабын киэр илгэн кэбиспит. Бу кэнниттэн ийэтин быһабын көрдөөн ылан буруустаан-буруустаан баран, эмиз урукку эппитин курдук этээт, бағанатын аспыт онуоха бағанаттан өһөх хаан сүүрэн түспүт. Дьэ, Кутаахаан, «һэ» дии түһээт, ити ийэтин быһабын атаһар уктан кэбиспит. Ону көрөн олорон Бугуйас оһонһор эмээхсинигэр эппит: «Эмээхсиэн, бар эрэ били ампаарга баар сылгы этин киллэрэн буһар эрэ. Бу киһи сырыыга бараары гыммыт быһыылаах. Сырыттаһына сырһата, өллөбүнэ көнсүүтэ буоллун. Ол иһин даһаны иккилээх оһо эрдэбинэ, көтөбөн олордохпунна, тобукпун быһа түһэрэ», — диэбит. Эмээхсин тахсан эти киллэрэн уолугар буһаран биэрбит. Ону Кутаахаан били буруустаабыт быһыччатынан хас да гына бысталаабыт уонна биир кырбаһы ылан: «Эһэм, аһас», — диэн баран уотугар бырахпыт, онтуката мастан тэйэн холумтанһа «пэлк» гына түспүт, Онуоха Кутаахаан: «Чэ, оччоһо Быгык Хантаха быардаах сүрэжин сиэр», — диэн баран ылан бэйэтэ сиэн кэбиспит. Онтон буһарыллыбыт эти барытын соһотобун сиэн баран утуйбут. Сарсыарда халлаан сырдыыта туран, быһыччатын ылан, дэгэпчилэммит сүгэ уга үөһэ кирээкэһэ хатан турарын ханһас көнтөс илиитин сизэбин иһинэн уктан, урукку кэпсэтии быһыытынан, убайыгар Чыппаһа барбыт.

Чыппа ол сарсыарда Кутаахаан эрдэ кэлиэхтээбин билэр буолан, кыргыска миинэр хаан тураһас атын киэһэ сэргэһэ баайан кэбиспит, сэбин-сэбиргэлин бэлэмнээбит уонна утуйбут. Утуйа сыттаһына түүн ойоһо туран, эрим кыргыска өлөөрү гыннаһа диэн, атын баһын быатын бүтэйдии уһулу тардан ытан кэбиспит.

Кутаахаан, Чыппаһа тийэн кэлээт, уһугуннараары күүлэтин маһанатын тонһуйбут. Онуоха Чыппа «һук» диэбитинэн уһуктаат, ох саатын уонна батыйатын үрдүгэр түһээт, таһырдыа ойон тахсыбыт. Ол тахсаат атыгар ыстаммыт, онтуката баһын быатын төлө тардан баран хаалбыт (ойоһо ыппытын билбэтэх). Онон Чыппа бассыбакка хаалбыт.

Кутаахаан соһотобун сатыы Оттуур Эбэ диэки бара турбут. Ол баран сарсыарда эрдэ Быгык Хантаха хамначчыттарын дьизэлэригэр киирэн кэлбит. Ол киирэн күрдьэбинэн уоту баһан ылан дьонһо ыспыт. Онон дьон: «Абытай-халаһай», — дэһэ-дэһэ сыссыахаласпыттар. Онуоха Кутаахаан: «Абытай буоллар, Быгык Хантаха абытайа буоллун! Халаһай буоллар, Бытык Хантаха халаһайа буол-

лун!» — диэбит. Ол икки ардыгар биир оѳонньор ыт киирэр-тахсар кюоллараанынан сыыллан тахсан, Кутаахаан кэлбитин атын дьиэбэ олорор Быгык Хантахаҕа тыллаабыт. Ону истээт Быгык Хантаха ойон туран батыйатын сулбу тардан ылбыт уонна: «Кутаахаан баҕайы атыыр оѳус илин бэлбээкэйин сыҕайыгар дылы буолан баран, кими кыайаары кэллэбэй» — диэт таһырдыа ыстаммыт. Ол икки ардыгар Кутаахаан Быгык Хантаха дьиэтин таһыгар кэлэн, хангас харытын төбөтүн оройугар ууран баран, үрдүгэр буору кутта-кутта кутура олорбут. Быгык Хантаха тахсаат батыйатынан Кутаахааны төбөтүн оройунан хайа охсордуу сырбаппыт. Онуоха батыйата били Кутаахаан хангас илиитин сиэбин иһинэн уктубут хаппыт сүгэтин угар түбэһэн абырытынан тосту баран хаалбыт. Онтон Кутаахаан урут буруустаабыт ийэтин быһаҕын уҥа илиитин сиэбиттэн түһэрэн, Быгык Хантаханы иһин хайа тардан кэбиспит. Быгык Хантаха иһин көтөхпүтүнэн, кэннинэн сүүрэн иһэн, үс үүт бүтэйи таарыйбакка эрэ үрдүнэн түспүт. Онтон Кутаахаан быһаҕын араарбакка эрэ эмиэ бүтэйи үрдүнэн ыстаммыт. Быгык Хантаха, ол курдук кэннинэн сүүрбүтүнэн, сыыр быарыгар биир тиит турарын үстэ эргийбит, онтон Кутаахаан ол тоххору быһаҕын Быгык Хантаха иһиттэн араарбакка эрэ, сырсан испит. Онтон Быгык Хантаха сэниэтэ быстан тиэрэ баран түспүт. Кутаахаан Быгык Хантаханы миинэн олорон кутура-кутура быһаҕынан сүрэхтээх быарын булкуйа олорбут. Ол олордоѳуна Быгык Хантаха дьоно охсаанан ытыалаабыттар, онно Кутааханы табаллар үһү да, кыайан өлөрбөттөр үһү. Онтон охторо бүтэн хаалбыт. Ол тоххору Кутаахаан барбакка кутура-кутура Быгык Хантаха быардаах-сүрэбин быһаҕынан булкуйа олорбут. Хайыыр да сирдэрэ суох буолан, биир киһи ойбонтон тоҥ анньыыны таһааран, Кутаахааны көхсүн хараҕын тобулу анньан кэбиспит. Кутаахаан Быгык Хантаха үрдүгэр өлөн түспүт. Ити курдук Кутаахаан, Быгык Хантаханы кытта бииргэ үөһэ Дьылҕа Тойонго⁶ тахсан үнсээри, соруйан олорон биэрэн өлөртөрбүтэ үһү.

Бугуйас оѳонньор, бу алдьархай тахсыбытын истэн, сыарҕалаах оѳустанан баран, уолун өлүгүн тиэйэн кэлбит. Ол иннигэр Бадыамнар киһилэрин өлүгүн ылан барбыттар. Бугуйас оѳонньордоох Кутаахааны «Хоспохтоох» диэн сир халдыаайытыгар аранастаабыттар⁷ уонна, Дьылҕа Тойонго үнсүһүннэрээри, айыы ойуунун кыырдарбыттар. Айыы ойууна кыыран үөһэ Дьылҕа Тойонго Кутаахаан уонна Быгык Хантаха салгын куттарын үнсүһүннэрэ

таһаарбыт. Онуоха айыы ойууна этиитинэн, Дьылҕа Тойон оһох ханас өттүгэр сытар ынах саҕа сымара тааһы, онтон оһох уҥа өттүгэр үүттээх үрүн тааһы бырахтарбыт уонна дьүүллээбит: «Биир буруйдаахтара оһох ханас өттүнэн кэлэн сымара тааска өһөх хаанынан хотуолоуоҕа, оттон биир буруйа суохтара оһох уҥа өттүнэн кэлэн үүттээх тааска үрүн күүгэнинэн хотуолоуоҕа», — диэн. Онтон айыы ойууна көрүүлэнэн баран эппит: «Быгык Хантаха оһох ханас өттүнэн кэлэн сымара тааска өһөх хаанынан хотуолаата, Кутаахаан оһох уҥа өттүнэн кэлэн үүттээх тааска үрүн күүгэнинэн хотуолаата», — диэн. Онон бу кыргызска Быгык Хантаха буруйдаах буолбут, Кутаахаан буруйа суох буолбут. Ону кэлэн истэн олорор икки хараҕа суох буолбут Бадьям оҕонньор алыс кыгыһырбыт уонна: «Кини баҕас, төһө да ойуун буоллар, мин уолбун буруйдаах онгорон көрүүлэннэҕэ үһү», — диэн баран айыы ойуунун тайагынан охсоору талбааты-талбааты, экирэтэн оһоҕу тула сырсыбыт. Онтон айыы ойууна хотонно киирэн куотан хаалбыт. Бугуйас оҕонньор уола буруйа суоҕун истэн үөрбүт.

Кутаахааны аранҕа суулбутун кэннэ, сүүстэн эрэ тахса сыллааҕыта, бу «Хоспохтоох» сайылык тулатыгар олорор ыаллар чардаакка⁸ ылан уурбуттар, онно билингэ диэри сытар.

Уус-Алдан оройуона I Өспөх нэһилиэгэ, Семен Васильевич Березкин тылыттан. И.Г. Березкин суруйбута, атырдьах ыйын 10 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 169—172].

105. Омоҕой баай кыыһа үөр абааһы буолуута¹

Брааскай омук Омоҕой баай диэн мааны кыыһа Ньыкаа Даххан (сорох Ньыкаа Харахсын диэн ааттыыр) Эллэй Боотур сирэн ойох ылбата, миигиттэн ордорон кейгө куһаҕан кыыһы ойох ылла диэн аҕаһыгар Лэкэ Чангый диэнтэ күнүүлээн, тахсан кыыс кэрэ биэ моонньугар быаланан соһуллан өлөр. Ону аҕата-ийэтэ дьүһүттэрэн, үөрүн түктүйэлэтэн ильдэ олорбуттар.

Ол кыыс кэннэки күүстээх үөр буолан, харах ыарыы абааһыта буолан хаалан саха ойуунун-удаһанын уоһугар киирэн көтөбүлэрэ.

Былыр кининнэн бары намыһах үөрү-сүүрүгү дьөрбөлөөн көтөхтөрөллөрө. 50—60-с сыллар анараа өттүлэригэр туой Омоҕой Баай кыыһын киллэрэн алгыыллара. Кинини араастаан бититтэрэн, өрө бөбөлдүтэн, кээгэлдытэн үтүктэн битийэллэрэ. Ол би-

тийиилэригэр: «Бэтиэйэҕим, уһуойаҕым! Аалынкайым!»² дэттэрэн аһараллара. Кэнники кинини хаалларан ити браатскай кыыһын хотугу Тайахтаах хотуну киллэрэн үөрү-сүрү дьөрбөлөөн ытатан-сонотон, сорум-мунүм, эрэйим-буруйум, аныыым-харам дэттэрэн атаарар буолтара. Онон Омоҕой Баай кыыһа Ньыкаа Даххан үөрүн кэннэки брааскай омук Тайахтаах хотун үөрүнэн солбуйан ааттыыр буолтара.

Таатта оройуона Дьүлэй нэһилиэгэ, 82 саастаах Егор Миневич Егоров тылыттан. Суруллубута алтынньы ый 12 күнэ 1933 с. [Боло, 1938, с. 145].

106. Куорсун үүнүү

«Чонхох» — диэн сиргэ билинни «Куйбышев» колхоз олоҕор I Мэлдьэхси нэһилиэгэр «Мэлдьэхси хотуна» — диэн ааттанааччы дьахтар иирбитин өр дьылга көрбүттэр, истибиттэр. Ити дьахтар хойут кынат үүнэн үөһэ көппүтэ үһү, диэн кэпсииллэр. Кинини хаһан да ааттаабаттара, куттаналлара уонна ытыктыыллара үһү.

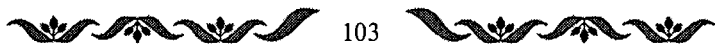
Ити аата, урукку итэбэли эрэнэр эрдэхтэринэ дьабыныгар көттөҕө диэн быһа сэрэйэллэрэ дииллэр. Онтон ыла ойуун эрэ тойугар киирэр дохсун үөр буолбут.

М.Г. Наумовскай дьонтон истиитинэн суруйбута, бэс ыйын 15 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 35 об.

ОРТО ДОЙДУГА «ОЛОХТООХ» ИЧЧИЛЭР, ҮӨРДЭР УОННА АБААҕЫЛАР ТУСТАРЫНАН

108. Аан дойду үөскээбитэ

Былыр бастаан сирин бүтүннүү уу эрдэбинэ, муора эрдэбинэ Күн эрэ баара үһү. Онтон күнтэн сойон-сойон, хатаран-хатаран ууттан буор үөскээбит. Ол буор уһугар тийэн сир буолбут. Олор сойууларын сағана ууга бары харамай бийхин ууһа олорчу үөскүүр. Ол курдук сир буолан турдагына биридэ «Аҕыс таталҕалаах Ала холорук» эмискэ түһэн сиртэн буор быһа ыстанан тахсан үөһэ «ый» буолан хаалбыт. Кулун көхсө сөлөрүйэр, куба баһа тиэриллэр, сордон тахсан туһахха иннэр, куобах тууга киирэн хаалар, Луук мас тоһута барар холобурдаах [...] ¹ Ала холорук түһэр. Дьэ ол кэнниттэн Буортан оноһуллубут «Буор куттаах», салгынтан айыл-

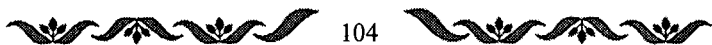
лыбыт «салгын кутгаах», ийэлэнэн төрүүр «ийэ кутгаах» киһи үөскүүр. Үөскээбитэ үһү диэн. Эһэм, эбэм былыр сэхэн онгостолоро. Оччоҕо туой «Былыргы үйэбэ» диэн туойаллара.

Игнатьев Спиридон Герасимович, 54 с., Иккис Күүлэт (Таһа-бар) нэһиэлэгэ, Бүлүү оройуона, муус устар 9 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 14 об. — 15.

109. Байанай уонна Иэйиэхсит

Былыргы өбүгэлэр кэпсээннэринэн Баай Байанай уонна Эдьээн Иэйиэхсит буоланнар убайды-быраатты эбиттэр. Кинилэртэн убайынан Байанай Барыылаах эбит. Баай дуол өттүнэн ордук дэлэй элбэх, уонна араас эгэлгэ баайдаабынан Эдьээн Иэйиэхсит эбит. Кини туох баар ыраахтаах сүөһү аймабын, оту маһы, күөх торҕону айааччы эбит. Ол гынан баран кини сүрдээх кэччэгэй эбит. Наар кэмнээн, кыратык баһан биэрэр эбит. Оттон кини убайа Байанай эбэтэр Барыылаах баайын чааһынан быраатынааһар аһыйах буолан баран, сүрдээх биэринньэн, төлөккөй, балбааччы соҕус буолар эбит. Ол да буоллар баай Барыылаах сүрдээбин кытаатан хаалар, төһө эмэ сордоммутун-муннаммытын үрдүнэн тугу даһаны кыайан бултаабаккын, суолгар туох даһаны тосхойбот. Оччоҕо туран маһынан эбэтэр туоһунан кыыл онороһун. Ол кыылгын үөмэн, үөмэн кэлэн ытабын, ол ытан баран табаннан кэлэн ыннырдан ильдэбин. Уот оттон баран баһын быһан, онтон эми кырийан, эбэтэр эми тутан ол уокка быраһабын, ас кутабын, үөрбүт, көппүт курдук туттабын уонна алгыыгын:

Байдам тутуу
Барыла кэскил
Баай Барыылаах
Тойон эһэкээм,
Баай хара тһам
Маанылаах бултуттан
Баһан кулу даа,
Ураа муостаабыттан
Уккуйан кулу даа.
Хойутун хойут да
Бу курдук
Буоһалыыр буол,
Адаар муостааххынан
Айхаллыыр буол,
Үтүө дьүһүннээххиттэн

Өллөйдүүр буол,
Уруй,
Уруй,
Уруй!
Дэһэллэр.

Уонна дьэ бултаа инибин диэн бөбө собустук санаан Баай хара тыатыгар тахсаллар.

Амма оройуона, Ляги Наахарата, Төгүлгэ төрдө, Гавриил Владимирович Антипин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 27.

110. Тыа уонна уу иччилэрэ

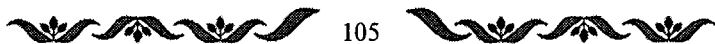
Тыа иччитэ баай Барыылаах уонна уу иччитэ Күрэнг баай хотун буоланнар үстүү сыл буола, буола баайдарын аахсаллар үһү. Ол аахсыыларыгар хаартылыыр буолаллар үһү. Онно хайалара кыайтарар да баайдара оччуур, эстэр үһү. Оттон ким сүүйбүт, ол баайа ханыыр буолар үһү.

Мэнгэ-Хангалас оройуонун, иккис Наахара нэһ., 65 саастаах үөрэбэ суох Егор Федорович Кириллин тылыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 22.

111. Байанай кыһын көссүбүт

Былыргы ааспыт үйэлэргэ хас да сахалар холбоһоннор, аргыстаһаннар илин муора кытытыгар биир кыһын устатыгар түүлээхтии, саһыллыы тахсыбыттар. Ол дьону кытары, биир Хангалас кинитэ¹, сүрдээх бэрт сытыы хоодуот эдэр уол кини, тахсыспыт. Бу булчуттар бииргэ аргыстаһан тахсан баран, бары биир сиргэ тохтоон отууламмыттар уонна бултарын тус туспа бултуурга онгостубуттар. Ким төһөнү бултуур да, барыта бэйэтин туһатыгар буолар буолбут². Дьэ, ол курдук кинилэр бултаан испиттэр. Били Хангалас уола, эмиэ туспа бултуур буолан баран, урут бултуу үөрэммэтэх буолан, буллу хоппокко сылдыбыт, онон доботторун кыттыгас бултуобун диирин доботторо кинини кытыарбаттар. Ол курдук кини, буллу хоппокко бэккэ санаарбаан санньыйан сылдыбыт.

Биир сассыарда туран саламаат³ онорбут, ол саламаатыгар арыылаан уокка кутан биэрэн баран, уотун иннигэр, тобуктаан олорон Байанай алгыһын албаабыт. (Онно кини, туох тылынан албаабытын манна сэһэнньит билбэт.) Ол курдук албаан, саламаатын сиэн баран, бэйэтэ эмиэ куолутунан бултуу тахсыбыт.

Кини тыаҕа тахсан, бултуур сэптэрин көрүтэлээтэ, санга сэп да уурталаата, ол курдук сырыттаҕына, арай биир үрүйэҕэ көрбүтэ, биир сүрдээх олус үчүгэй, эдэр, кыыс-оҕо дьахтар кини диэки утары хааман иһэр эбит. Маны көрөн уол олус соһуйда, дьиибэргээтэ даҕаны. Манна чугаһынан, ханна ыал баар быһыыта биллибэт этэ, бу былаана биллибэт киэн тайҕа оттоугар, манньк дьахтар хантан кэлбит бэйэтэй диэн санаата. Утарыта хаамсан кэлэнэр көссө түстүлэр. Чугаһыттан көрбүтэ, кимтэн да барытыттан ордук үчүгэй кырасыабай дьахтар эбит, эдэрэ да бэт, танныбыт таҕаһа барыта араас суол хара тыа күндү түүлээбиттэн онгоһуллубут олус мааны таҕастаах дьахтар эбит. Кинилэр көссөн баран, бэт үчүгэйдик киһи кэпсэтэр куолутунан кэпсэттилэр. Уол буоллаҕына, дьахтары, төрдүн уһун ханна олорорун, хантан кэлбитин ыйытта да, дьахтар киниэхэ үчүгэйдик кэпсээбэтэ. Быһатын эрэ бу дойдуга бултуу сылдыар дьахтарбын диэтэ. Эн соһуйума, куттаныма, мин абааһы буолбатахпын диэтэ.

Онно уол, эдэр уолан киһи быһыытынан, бу дьахтарга олус баҕарда, сүрүҕэ толугураччы мөбүстэ, уңуоҕа хамсаата. Дьахтары хам кууһан ылан уураан-сыллаан таптаан барда. Онно дьахтара даҕаны, эмиэ кинини таптыыр быһыытыйда. Онон кинилэр наҕылайан толору таптастылар. Онтон арахсалларыгар дьахтар эттэ: «Миигин көссүбүккүн-биссибиккин икки атахтаахха кимиэхэ да этэйэйбин, этгэххинэ, хайаан да мин истиэм-билиэм, оччоβο хоргутаайаһын, бэйэбиттэн хоргутаар», — диэтэ. Ону истэн баран уол кимиэхэ да этиэ суох буолла уонна кинилэр өрүү күн аайы даҕаны манна көссүөх буоллулар. Ол курдук кэпсэтэн тарҕастылар.

Онтон ыла уол хас күн аайы ол көссүбүт сиригэр дьахтарын көссөр таптаһар буолла. Уонна хайа баҕарар булка уурбут сэбитгэр, айатыгар, чааккааныгар, туһаҕар, ингинигэр барытыгар араас суол булгар түбэхэр, өлөр буолбуттар. Биир да сэбэ кураанах турбат буолбут. Доҕотторо бултаабыттарын аҕыйах хонук иһигэр ситэн ылбыт. Доҕотторо бары, ордук санаан сөҕөн барбыттар. Дьэ киһи сотору даҕаны бултуурга үөрэнэр эбит диэн буолбут: «Чэ, кыттыһах диир этин, дьэ кыттыс», — диэн ааттаабыттарын иһин, кини буолбат, кыттыспат.

Ол курдук кини, кыһын устатын тухары, били дьахтарын кыпары өрүүтүн таптаста, уонна булта буоллаҕына кэпсииртэн кэрэгэй элбэби, араас суол хара тыа күндү түүлээбин ахсаана дьаабыта биллибэти бултаата. Саас буллуттан уурайан дойдутугар киирэрэ буолла. Дьахтарын букатын ойох ылан ильдэ киирэрдии

санаан сьлдыбыта. Дьахтара туран эттэ: «Мин көннөрү дьахтар буолбатахпын, мин хара тыа Байанайын кыһабын, онон эн, уоккар арыылаах саламаат кутан баран, тобуктаан олорон араас элэ-была тылгын этэн, албаабьккын истэн аһыммытым уонна бэйэн үчүгэй дьүһүнүнүн, эдэр уолан бэйэбин көрөммүн, бабаран таптаатым. Ол оннугар эйиэхэ, хара тыа араас күндү түүлээбин төһөнү бабараргынан биэрдим. Уонна эйигиттэн хат буолан хааллым, уол оҕо төрөөтөгүнэ Ханалас сиэнэ, байанай буолуоҕа. Аны эн миигин көссүөм диэн саараайабын, көссөрбүт манан бүтэр уонна эн миигин кытары биссибиккин икки атахтаахха иһитиннэрэр буолаайабын, иһитиннэрдэргин эрэ, миигиттэн хоргутаайабын, бэйэбиттэн хоргутаар, ону бигэтик өйдөө». Итигирдик кэпсэтэн баран, бырастыылаһан арабыстылар.

Уол, дойдутугар киирэн, түүлээх бөбөнү атыылаан, көннө, көрүлээтэ. Байанай кыһа эппитин курдук, кимиэхэ да кэпсээбэтэ, кэмэ суох элбэх үптэннэ, астанна, ол да буоллар ойох ылбата, хаһаайыстыба оностубата, өрүүтүн санаата эрэ Байанай кыһыгар буолла.

Нөнгүө дьылыгар эрдэттэн оностон, элбэх астанан, арыгыланан, үчүгэй аттанан, хас да киһини добор аргыс булунаан, былырынны курдук эмиэ бултуу табыста. Ол тахсан былырынны тохтообут сиригэр тохтоотулар, эмиэ тус туһунан бултаан бардылар. Уол буоллабына, эмиэ куолутунан, уотутар ас биэрэ, тобуктаан олорон алгыы сатаан кэбистэ. Былырын көссүбүт сиригэр, күн айы уол, ытыы-ытыы ынгыра сатаан кэбистэ, Байанай кыһа олох кэлбэтэ.

Уол бултуур булла, уруккутун курдук эмиэ олус бэрт буолла. Онно кини санаата табыллыбата. Байанай кыһын бэйэтин көссүбэттэттэн кэмэ суох санааргыыр санныйар буолла. Мэктиэтигэр саһарбат, кэпсэппэт буолла доботторун кытары. Аһы да аһаабат, түүн да уута кэлбэт буолла. Онтон доботторо: «Ыарытабын дуу тугуй? Хайдах буоллун? — диэн. — Тоҕо аһаабаккыны? Тоҕо саһарбат-инэрбэт буоллун? Биитэр туохтан санаарбыгыгын?» — диэн, олуйан-моһуйан ыйытар буоллулар. Онно кини туохтан бу курдук буолбутун олох кэпсээбэккэ сырытта.

Арай биир күн, булчуттар бары өрөөтүлэр, бу өрөбүл күн элбэби астанан аһаатылар, элбэх арыгыны да истилэр, бары итирдилэр, дьэ онно элбэх араас кэпсэтиилэр табыстылар. Ол кэпсэтиилэр быыстарыгар, эмиэ уолтан араастаан олуйан моһуйан ыйыттылар. Бу сырыыга уол итирик буолла, Байанай кыһа этиппэтин

кини умнан кэбистэ, былырыын хайдах Байанай кыһынын көссү-бүтүн, кинини кытары таптаспытын, хайдах бултуйбутун, уонна Байанай кыһа кэнники арахсарыгар тугу эппитин сангарбытын барытын түөрэ доботторугар кэпсээн биэрдэ. Кэпсээн бүтэрэн баран: «Маны икки атахха, олох кэпсээйэбин диэбитэ, ону ити ити-рэммин кэпсээтим», — диэтэ.

Итигирдик кэпсээн бүтэрэрин кытта, эмискэччи, туут хайы-нар тыаһа, буулдыа тыаһын курдук сытыытык, иһиирэ түстэ да булчуттар олорор сирдэринэн кэлэн кыһыыран ааста да били кэпсээбит уолбут, сонун устан бырахпыт курдук, түнгэстэ түстэ да өлөн хаалла.

Онтон бэттэх, илин баһыгар, ол киһиттэн үөскээн хаалбыт, Хангалас сиэнэ байанай баар үһү диэн, сэһэн баара үһү.

А.С. Порядин суруйбута, ахсынньы ый 20 күнэ 1939 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 376, л. 54—60.

112. Чаадай Боллох

Кини харгыс, Байанай суолугар, эбэтэр булт сэбин аттыгар сытан, буллу булчукка ыппакка төттөрү үүрэр идэлээх. Кини санаата куһаҕан, өһөс, иннинэн кэлбэт-барбат. Киниэхэ булчут уокка ас биэрдэбинэ, Байанайы кытта ахтан аһатар. Бу Чаадай туһунан манньык кэпсээн баар. Кинилэр биир дойдуга төрүөбүттэрэ, үөскээбиттэрэ үһү. Иккиэ буолан, убай-быраат буолан. Ийэлэрэ, аҕалара ханныга да биллибэт. Убайын аата Дьаранаас, быраата Чаадай диэннэр эбит. Дьаранаас биир оҕустаах эбит. Чаадай биир ыттаах эбит. Ытын аата «Хардас» диэн. Буоппа сүөһүлэрэ суох. Биирдэ хоно сыттахарына, түүнүн түөкүттэр кэлэннэр, ыттаах оҕустарын уоран барбыттар. Бу дьоннор түөкүннэри кыайан сиппэтэхтэр. Кылгаабыттар, дьүдэйбиттэр, манан сыттаан. Мантан биир Холомуку диэн үрэхтэрин быспыттар. Бу быстан бараннар, этиһэн, өлөрсө сылдьан, балыктарын ханыннанан бараннар кэбиспиттэр. Бэйэлэрэ иккиэн ойууттар эбит. Дьаранаас ойууна улахана да оччугуйа да биллибэт. Чаадай үөһээ үс кэрдиигэ¹ барар, аллараа үс кэрдиигэ барар кыра ойуун эбит. Бу дьоннор хоргуйан өлөр күннэрэ кэлбит. Кыайан турбат буолан икки дайдыга сыппыттар. Бу сытан кэпсэппиттэр. Дьаранаас этэр:

«Оҕуһум баара буоллар өлүө суох этим. Обуспун киһи уоран ылан өллүм. Онон үөр буоламмын, обуспун сиэтэ сылдьаммын,

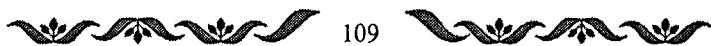
төрөтөр оёону, үһүгэр тириэппэккэ аһылык онгостуом!» — диэбит. Онтон Чаадай этэр:

«Ыппын киһи уоран ылан өллүм, өлөн баран үөр буолан ыппын сизэтэ сылдыһам, хара тыа суолугар, айаба, чааркаанга харгыс буолуом. Устар далаба илимнэ, мөрөһөбө харгыс буолуом. Хара тыа суолун туора сытыам, аан дайды иччитин суолун туора сытыам!» — диэн. Инньэ диэн баран иккиэн өлөн хаалбыттар. Онтон ыла үөр буолбуттар, Чаадай буоллабына харгыс буолбут. Дьаранаас буоллабына оҕо сөдүөкэтэ буолбут.

Кини киһиэхэ булчукка өстөнөр арыт. Оччоҕо буулуур. Ол буулаатабына, туох да буллу бултаппат. Онуоха этэллэр: «О-о, дыэ ити киһи тугу да бултаабата. Харгыһа бултаабыт!» — диэн. Кини өстөнөрүн төрдө буолар: кини аатын ааттаан уотка ас биэрбэтэххинэ, Байанайы аһатаргар, эбэтэр аанньа ахтымына үөбэ, хомура сырыттаахына. Өр буулаатабына, Байанай суолугар айа тардан кэбиһэр буллу аҕалымаары. Айатын аата: «7 сиринэн салбааһыннаах, эриэн сэбэһэ кириэстээх, титирик маахчаар айа» — диэн. Далай суолугар илим үтэр, уу буллун аҕалымаары. Ол илим аата «биэс таастыганнаах, 5 хоробостоох, борон тэрээх илим» — диэн. Бу буулаатабына ойуун кыырдараллар. Ол кыырдаран кыһыл кулгаах төрүттээх, кыһыл тамыктаах, сугуун күөрт атыыр ыты бэрик биэрэллэр. Чаадай үс кэрдииттэн үөһэ да тахсыбат, аллара да түспэт. Кини орто дойдуга сылдыар. Ойуун кыыран Чаадайы киллэрэр уонна ыты ылан: «Миэнэ хууй, хууй, хууй!» — дии-дии миинэ сылдьан тугу эрэ үргүтэр курдук: «Бу ыты куһаҕаннык ааттаайабыт, охсоойобут, мөҕөйөбүт, ыппын эһиэхэ туттарабын. Бултаатаахына, отуугут сайынны күн тахсытытын диэки өттүгэр баайа сытыарангыт мин ааппын ааттаангыт алгыыр буолун! Ол кэннэ бултаабыт булкут аһын үтүөтүттэн аһатар буолун. Ыппын аанньа ахтыбатаххытына хара тыабытын буллун хадьыратыам, устар далайгыт буллун ундуолуом», — диэн.

Бу ыты маанылаан мөкпөккө, сыспакка, үчүгэйдик аһатан илдэ сылдыаллар. Бу ыты харыстаан «атыырбыт» дииллэр дьиэлээхтэр. Бултаатаатарына, Чаадай эппитин курдук отуу (отуу уота) сайынны күн тахсытытын диэки өттүгэр баайан сытыаран булт, балык үтүөтүн өлүөрү, сыттабына сизэтэллэр. Ойуун Чаадайы киллэрлэбинэ куруук икки илиитинэн сапсына сылдыар уонна үргүтэр киһи быһыытынан «хуу! хуу! хуу!» — диэн иһэр бокуойа суох.

Абый оройуона диэн сир. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 22 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 106—108.

113. Тылын сэтэтигэр¹

Урукунан Илин-Хангалас улууһа II Наахара нэһилиэтин, Тохтоһут аҕатын ууһун сиригэр, билингнинэн буоллабына Мэнэ-Хангалас оройуона II Наахара нэһилиэтин «Кыһыл-Сарданга» колхоз киинигэр «Харыйалаах» диэн улахан сис күөлэ баар. Бу Харыйалаахха чугастаабы ыала биир дуу икки дуу ынахтаах Хообдьоорон оҕонньор олорбута. Балыга аакка киирбит үтүө балыктааба. Биирдэ ити үөһээ этиллибит оҕонньор кэргэнинээн туу көрө киирбиттэр. Оҕонньор инники, эмээксинэ кэннигэр олорбут, абыйах тууттан бэрт элбэх балыгы ылбыттар. Бэһис тууларын бэрт ыараханнык көтөбөн ылан сэрэнэн таһаарбыта сүрдээх улахан собо киирбит, өрүс балыгын курдук сиэри таһынан улахан буолан баран быһыыта, хатырыга олох үүт биир соболуу. Төннөн тахсан иһэн кытыы 10-ча саһаан хаалбытын кэннэ: «Дьэ добоор, эбэбит барахсан соруйан сүргэтэ көтөбүллэн далайын маанылаах оҕотунан бэлэхтээтэ», — диэбитин истэн баран эмэхсин: «Көрдөр да көрдөр», — диэн быһа хаайбыт, онуоха бэри бэккиһээн, икки илиитигэр марайа туора көтөбөн улахан диэн бэйэлээх балыгы туппутунан эргиллэн истэбинэ, балыга мөхсөн мас тыыга туора биллэбэ түһэн, мөхсөн баран ууга чоп гынан хаалбыт. Кытыыга тахсан иккиэн ытаан-ытаан баран кэмниэ кэнэбэс, хомнуо хойут туран дьиэлэригэр тахсыбыттар.

Ити куоттарбыт, хомолтолоох балыктарын туһунан дьон аайы кэпсээн онгостубуттар. Ити сурах үллэн-үксээн аһаара холобурдаах саллайан Якутскай куораты таба тайанар. Бардам санаалаах Кычкин баай итини төбөтүн оройунан истэр. Хас да сыл буолан баран бэрт эрдэттэн бэлэми ыттар, күһүн магнайгы хаар түһэрин аҕай кытта 7 аарыма оҕуска өйүө, мунха тиэйтэрэн бэйэтэ тройка атынан «Харыйалаахха» тахсар. Тахсыбыт кэмэ «Бокуруоп» таһара үс хонук ааспытын кэннэ тийээн кэлэллэр.

«Харыйалаахха» мунха буоларын туһунан чугас-ыраах барыта истэр, ааттаах балыгын абатыгар икки атахтаах эймэннэс буолар. Үлэлээн хамнаан мунха түһэр сиригэр онгоруу, түһэри буолар. Итиннэ малааһын онгоруо диэн күүппүттэрэ суох буолар, онуоха олохтоох кырдыарбаһастара: «Малааһыннаан эбэ иччитин аһатыах баара», — дииллэр. Ону истэн Кычкин баай бардама дэлэтэ дуо, тири-тириитэ тийбэт буола туолбут ый курдук кытара үллэн туран ууга түспүт киһи курдук уһуура-уһуура сангаран бөгүөхтээн барар: «Эбэ буола-буола, итгэ барыта эбэ, аал уотунан айах туппата диэн уутун үөнүн хайа дьуоҕатыгар угуо буоллаҕай, хайаабытын да иһин тиэрэ бастаран таһаараа инибин, төбөтүн сиигинэн хайа сүүр-

дүөм, ортотунан туора быһа бысталыам, баҕатын, чохутун да сүлгэ далайыгар хаалларыам суоҕа, тонмут мууһун көтөхтөрөн тыаҕа таһааран ыстарыам». Уонна да үгүс киһи туттубат быдыар тылынан үгүстүк төбөтүнэн ыалдыбыт киһи курдук, лахсыһа лабанхалыы сылдыбыт. Ити тыллар барыллара бултуу сылдыар дьон кулбааҕар туора турар дорбоонноох буолтар. Аатырбыт мунҕа айгыстан тахсан испит. Баар дьон төһө эрэ кэлэр диэн чардаатка чугаһаабыттар. Тахсан эрэр үтүмэҕи ылан соһон эрдэхтэринэ, илиилэрэ биирдэ уот тымта түспүт, мунҕа кэннин диэки биллибэт буола дьылыс гынан хаалбыт. Ити кэмнэ уута 3—7 саһаан дириннээбэ үһү, сатыылаабыт анды биирдэ да умсубакка тахсан биэрэрэ дииллэр.

Барбыт мунҕаны тылын сэтэтигэр эбэ иччитэ ыллаҕа диэн кырдыбаастар кистиһи саба сибигинэспиттэр. Кычкин баай: «Инньэ буоллаҕай, оннооҕор тимир инньэ ууттан көстөр, булуллуо буоллаҕа», — диэн эбэн эппит. Тахсыбыт ас бараныар дылы көрдөөбүттэр, Миитэрэйэп, Мэхээлэйэп таңаралар ааһыталаан барбыттар, көлүйэр сэттэ оҕус эттэрэ эбии бүппүттэр. Сэттэ оҕус баһыттан атыннара бараныхтарыгар дылы инньэ буолбатах көстөр мунҕалара көстөн биэрбэтэх. Баһын тойон Кычкин бэйэтэ илдьириппит. Мунҕатын буллараары соруйан оргуйбат гына өрөрө үһү. Дьоннор ачыктаан анаарыйан барбыттар, хамначчыттар уһуна бэрдиттэн саллан оҕустар бастара бүтэ охсуохтарыгар баҕараллара. Ити иһин: «Бүппэт да Кычкин оҕуһун баһа», — диэн өс хоһоонун айбыттар. Ыйы чугаһатар хонукка көрдөммүт сүппүт мунҕа кыайан көстүбэтэх. Ити курдук былыргы бардам баайдар харанга инсэлэригэр, айахха кииччэ тылларыгар эбэ иччитэ өһүргэнэн илдэ барбыта буолуо. Тыл сэтэлээх буолар диэн, былыргы аан кырдыбаастар кэпсиир буолаллара.

Хас да сыл буолан баран балыксыттар уонна сааһыттар тылларынан мунҕа сэмсэ-сэмсэ буола, буола кытыыга тахсыталаабыта үһү. Хойут балыктаан туспа улахан балыгы ылбыт киһи биллибэт, балыга күн бүгүнүгэр дылы сиэтэ турар. Мэнгэ улууһун бардам баайа Кычкин абалаах саталаах тылын иһин, туора уобар биир да мундута суох мунҕатын сэттэ көлүйэн тахсыбыт оҕуһун бүтүннүү сүтэрэн, тахсыбыт сирин диэки бэйэтин эрэ тыынын тэскилэппитэ үһү. Итэбэл быһыытынан буоллаҕына, уһаты-туора саңарыллыа суохтаах, ханнык даҕаны тыл иччилээх буолар дииллэр.

Мэнгэ-Хангалас оройуона, II Наахара нэһ., 65 саастаах, Егор Федорович Кириллин тылыттан. Суруйбута М.Г. Наумовскай, алтынны 10 күнэ 1945 с., м. Хочо үрөбэ. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 21—21 об.

114. Аан дойду иччитэ¹

Куолаһын ойуун диэн баар эбит. Бөтүгн нэһилиэгэ ол сағана Найахы нэһилиэгэ Дүпсүн улууһугар үөскээн олорубут Ньөлөөк Ылдьаа диэн сэниэ собус киһи. Бу ойуун бу Ылдьааттан сыл аайы тахсан сылгынан, ынабынан, атынан: «Нэһилиэк тардыта», — дии-дии ылар эбит. Сылга түөттүү баайтаһыны ылар эбит: «Нэһилиэк сэдэрсээннийэтэ», — дии-дии. Биирдэ тийбитин абатыһан, кыһыйан Ылдьаа akkaастыыр. Онуоха ойуун олус кыһыһар, сиэх-аһах буолар уонна хоно сытар үһү. Этиһэллэр, манан сыттаан түүн Ылдьаа дьонун (сайын үһү) атын сиргэ көһөрөн кэбиһэр, ойуун угуһа сыттабына. «Кэниэрийэ» — диэн биир улуу сир баар үһү бу Ылдьаа олоһун таһыгар. Сассыарда онно киирэн биир тумулугар бу сир аатын ааттаан үнсэр: «Бу курдук Куолаһын ойуун сииригэр-эһэригэр тиэттэ, көмүскээ, харыһый!» — диэн.

Онуоха сассыарда ойуун, туран баран кырыыс бөбөнү кыраан, тыл бөбөнү этэн баран барар. Биир доһордоох сылдыар үһү. Тарҕана диэн сир сағатыгар киирэн иһэллэр үһү. Ойуун атын миинэн баран, бастатан баран иһэр үһү, кэнниттэн баран испит доһор киһитэ. Соһотохто үөһэ туох эрэ тыаһа күүгүнээбит да ойууну аттары бэйэлэри хаптачы түспүт. Онуоха ата бастаан кэннинэн чохчойон өрө туран баран өлөн түспүт. Ол аан дойдутун Кэңкэрийэтин иччитэ өлөрдөбө үһү ойууну, Ылдьааны көмүскэһэн.

Нам оройуона Түбэ нэһилиэгэр үөскээбит, 73 саастаах Александра Ильина тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, Абый с., кун тутар 26 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 115.

115. Дойду иччилэрин сырыыта

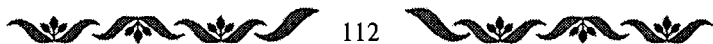
Саас от-мас көбөрөрүн сағана, ынах төрүүрүн сағана, дойду иччилэрэ холорук буолан сылдыбаллар. Холорук түспүт кэмигэр оһолору тиэргэнгэ таһаарбаттар.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

116. Уу оһуһун¹ кыһырыыта

Уу оһуһа кыһырдабына күөл уутун көһөрөр үһү. Начаас, көрүөх бэтэрээ өттүгэр.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 215.

117. Улуу тойон ылгын кыһа

Хотон иччитэ — Улуу тойон ылгын кыһа бу Бобугай эбэ. Буулаабыт сиригэр, улаханлык буулуохтаах (оболору сүрүбэ суох онгорор, сүөһүнү ыарытар).

Сайын тиэргэнгэ, титииккэ таптыыр сүөһүтүн күлүгэр эриллэн сылдьар. Киһи оботун (таптыыр буоллабына) күлүгэр эриллэн сылдьар. Ого ыалдыбат, киниэхэ абааһылары чугаһаппат.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

118. Ынахсыт

Былыргыттан ыла санардыынна дылы, саха норуотугар, онно манна сорох ыалларга баар диэн буолара «Ынахсыт» диэн. Бу ынахсыт баара киһи харабар көстүбэт дириллэр, уонна баарынан баар дириллэр. Кини чаччы абааһы буолбат үһү, биитэр чаччы айыы буолбат дириллэр. Ону дьэилээхтэр бэккэ ытыктыыллар үһү. Ынахсыт диэн, аатын ааттыахтарын кэрэйэн, куруутун «хангас-диэкки» дириллэр, өссө ону ааһан Ньаады-Дархан диэн ааттыыллара үһү. Оннообор туора ыаллара, чугас олохтоохтор ынахсыт диэбэттэр, ол ыал хангас диэкиллээхтэр, биитэр Ньаадылаахтар диэн кэпсэтэллэр.

Ынахсытка туспа анаан, аһыыр иһит бэлэмнииллэр, былыргылы туойтан оноһуллубут күөс түгэбин. Ол күөс түгэбэр арыы, биитэр саламаат кутан биэрэллэр, чохтоох уоту урут кутан баран ол үрдүгэр. Ол курдук дьоһуннаах аһатыыллара буолар эбит, күһүн маннайгы сүөһү хотонго кириитигэр, кыһын санга дьыл саһана. Саас сайылыкка кириигэ титииккэ эриэн ситиини сээкэй тэрэпиискэни, туоһунан симээн баран, титииккэ үөһэ ботолуогар субуруччу тардан баайан кэбиһэллэр, уонна биир күөс түгэбэр чохтоох уоту кутан баран онно арыы кутан биэрэллэр. Ол биэрэр астарын уна илиилэринэн куппаттар, хангас илиилэринэн таһынан кутан биэрэллэр үһү. Онно кыратык алгыыллар: «Ньаады-Дархан хотун, махтааттаах маанын, күүтүүлээх күүтүүн, аһаан-сиэн тур», — диэн.

Ынахсыт сүрдээх өһүргэс үһү, холобур: ыал дьахтара дуу, биитэр эр киһи дуу, хотонго биитэр титииккэ киридэбинэ, ас биэрэр кэмгэ биэрбэтэххэ, атын ыалтан дьоһуннаах кэһии тутуу кэллэбинэ, онтон уокка биитэр кини иһитигэр кутан биэрбэтэххэ, оннообор хотон иһигэр уоттаах күлү куттааха, уонна хотон иһигэр киһи кыһыран улаханлык санардабына, биитэр этистэбинэ,

олортон барытыттан кини кыһыһар өһүргэнэн диэн буолар, ол өһүргэнэбинэ, эмискэччи сүөһү ыарытар, биитэр өлөр үһү.

Кини дьиэлээхтэригэр биир суол туһалыырдаах үһү. Кини баар ыалыгар хаһан даһаны, тамыйах абааһыта киирбэт чугаһаабат үһү, онон сүөһү төрүүбэ кэлэн, ол ыал байаллар үһү. Ынахсыт хотон муннугар, биитэр күкүр баһыгар уйа дьиэ онгостор диэн буолар. Онон отунан, сүөһү түүтүнэн уонна дьиэлээхтэр баттахтарыттан кытары үргээн, оннуктарын холбоон улахан кус уйатын саға гына онгостор үһү. Ону олох ким да тыыппат даһаны, тыыттарбат даһаны үһү.

Ол ыккардыгар сорох ыаллар кинини сөбүлээбэттэр диэн буолар, биитэр салбаллар. Онон ынахсыты араарарга, үчүгэй алгыстаах ойууну булан аһалан, кыырдаран атын ыалга ытталлар үһү. Онон киниэхэ манһа бэрик биэрэллэр, туоһар да атын бэлиэтэ суох, бүтэй хара түөттээх бургунас ынабы биэрэллэр. Ол ынабы ойуун, син абааһыга биэрэрин курдук албаан, арбаан, үөтэн өлөт-төрөр. Ону кутун сүрүн ынахсыт ылан, чаастанан сиэтэн атын ыалга барар үһү. Этин буоллабына, син кэрэх этин курдук, ойуун бэйэтэ соһотоһун илдээн сиир.

Мэнэ-Хаһалас оройуона, Чалбаа н.э., 85 саастаах, уруккута ойуун Семен Иванович Брызгалов тылыттан. А.С. Порядин суруйбута, 1941 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 373, л. 6—7.

119. Орук¹ оһото

Сорох орукка туох да суох. Ол оһо кута орукка сытан: «Миэхэ ким да кыһаммат, ылбат, оһо буолуом этэ», — дии-дии ытаан сыгыныгы сытар буолар үһү. Сүөһү кута орукка баар буоллар ойуун хайаан да ылыа этэ, ынахсыт да тардытыгар ахтыа этилэр. Лааһаһар ойуун этэрэ үһү: «Ити Булгунһахтаах арбаа баһыгар турар орукка кыыс оһо кута баар эбит, итиннэ көрдөспүт киһи оһото суох дьахтар оһолонуо этэ», — диирэ.

Оһото суох дьахтар оһолоох орук төрдүгэр харалаах аас тэллэби тэлгээн, үс ыаһас арыыллаах суораты тардан, баран тыл туомун этэн көрдөстөһүнэ, ол суоратка муостаах оһууй оһус түстэбинэ дьахтар хамыйаһынан баһан ылан сиэн кэбинэр. Оччоһо өлбөт оһо төрүүр. Ол оһо урдуһа кэнники тыал һуус буоллабына тардыас буолар уонна куоһанһы оһорор буолар үһү.

В.Н. Кривошапкин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, 18.02.1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 71—71 об.

120. Сыбааньнай оруга

Өлөрүгэр эппитэ үһү: «Мин уңуоҕум таһыгар орук тахсыа, онно сааһын туххары төрүөбэтэх дьахтар, харалаах аас тэллэх үрдүгэр тобус иһирэкэ (кыра ыабыйалар) арылыах суорат тардан баран, иттэни сыттабына үөһэттэн түһүөбэ ообуй, сизэтэбинэ хат буолан оҕо төрүө. Оччоҕо кыыс төрүөтэбинэ, мин иккиһин төрүөм. Ол кыыс удаҕан буолуо» — диэн.

80 саастаах Матрена Попова тылыттан. А.А. Саввин суруйбуга, 13.01.1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 64.

121. Оҕо абааһыта

Оҕо абааһыта бары абааһылартан улахан суостаах буолар, наһаа улахан киһи дуу, биитэр түүлгэ биккэ биллэринэн ыт, куоска буолан кубулунан көстөр. Онон араас албастаах, куотар кубулбаттаах буолар, диэн өйдүүлэр. Ити абааһы чугаһаабатын диэн ситии быстараллар¹, уордаран ылаллар (ким да билбэтинэн) уларытан уолу кыыс, кыыһы уол онороллор, оҕо иитэллэр, оҕолоох сиргэ иитиэххэ биэрэллэр, араас абааһы куттанар ымыылаах сэлтэри: быһаҕы, үөт тирэби, сүгэни уонна хабаҕы, эһэ баппаҕайын уо. д. а. ыйыыллар, оҕолоругар өлүүлээбинэн аабынааччылар итинниги онороллор. Онтон өлүүтэ суохтар тугу да баайбаттар, итинниги биһирээбэттэр. Оҕо абааһыта улаханан иһин итинтэн ингнэр куттанар диэн санаа хаалбыт.

Мэнгэ-Хаҥалас оройуонун иккис Наахара нэх., М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбуга, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 15.

122. Кыыс таңара

Биһиги дойдуга баара иһиллибэт. Бу Өлүөхүмэҕэ элбэх кини. Оннук кыыс таңараны онорбут ыал баар буоллахтарына, онно сылдыбыт эргин дьоно дьаарбайбыт-күүлэйдээбит дьон, бу кыыс таңараҕа бэлэх биэрэллэр хайаан даҕаны. Сорох элбэби, сорох аҕыһаҕы, кыайалларынан биэрэллэр — түүлээх, хаччы. Бу кыыс таңара бэккэ киһи санаатын эрийэр дьиэлээхтэргэ. Ылсыа суох ылсан, таптыа суох таптаан, сыстыа суох сыстар бу кыыс таңаралаах ыалга. Онон быһата бу ыал байаллар, тупсаллар. Кыыс таңараҕа бириэмэннэн оонһууга, малааһынна арыгы тардаллар. Онуоха кэн-

ники таһааран уокка кутан бараннар, иһэллэр бу арыгыны дьиэ-лээхтэр. Ыарыйдахтарына-сүттэхтэринэ киирэн бу кыыс тангараба үнгээлэр үһү, көрдөһөллөр үһү. Кинини эмэгэт онгоруон саһылга солондобо суулуулар.

Былыр Кананаба (не очень разборчиво. — *Н. А.*) өлбүт дыахтар илиитин ыт ытыра сылдыарын булан ыланнар кыыс тангара онготоро үһү.

Өлүөхүмэ Маарыйа Васильевна диэнгэ баара үһү кыыс тангара, былыргыта баай Сантайга баара үһү. Кыыс тангаралаах киһи өллөбүнэ ханнык эмэ аймабар биэрэллэр үһү, үчүгэй кыайар киһиэхэ.

Мэгэдьэк оройуона, Кугдаар нэх., 79 с. Наталья Михайловна Александрова тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, 04.04.1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 51—51 об.

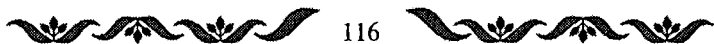
123. Бахсы айыытын кэпсээнэ

Бахсы нэһилиэгэр Дьэллэмэй диэн киһи баара үһү. Бу киһи эр ортотугар диэри кинээһинэн сылдыбыта үһү. Бу сылдьан биирдэ атынан айан суолун устун испит. Бу истэбинэ иннигэр биир кыһыл саһыл утары сүүрэн иһэрин көрсө түспүт. Маны көрөн баран, хайырбастаах кымныытынан охсон ылаары кыммытын, саһыл туора көтөн биэрбит. Онтон кини бу саһылы экирэтэн барбыт. Бу баран истэбинэ саһыла солондо буолан хаалбыт. Маны эмиэ экирэтэн испит. Бу истэбинэ солондото уот буолан барбыт. Ону эмиэ экирэтэн испит. Ол уота аттаах киһи буолбут. Маны экирэтэн испит. Дьэ субу курдук үс түүннээх күн тухтары экирэтэ сылдыбыт.

Бу сырыттаха дьонноро суолун суоллааннар булбуттар. Бу буллахтарына урукку өйө сүтэн иирбит киһини булбуттар. Ол дьылтан тобус сылы мэлдьи иирэн баран сүтэн хаалта үһү.

Сорох дьон кэпсээнигэр оол курдук кинээһинэн сылдьан, өлбүт ойуун уолуттан дойдутун былдьаан ылан, отучча киһинэн күүлэй-дэппит¹. Бу күүлэйдэтэ турдабына, дойдутун былдьаппыт абатын унуоҕар сүүрэн баран, хаһыыты-хаһыыты ытаабыт. Оол кэннэ абатын унуоҕун маһынан тонсуйа-тонсуйа субугурдук диэбит:

Абакаам!
Син хараххын симэргин кытта
Миигин харахтаах кынчарыйда,
Тыллаах эттэ,
Илиилээх оуста,
Атахтаах тэптэ!
Мааны бэйэлээх алааспытын

Дьэллэмэй кинээс былдыаан ылан,
Отут киһилээх киирэн
Төбөтүнэн хайа,
Ортотунан быһа тэлэккэлээн эрэр.
Ону көрүмүнэбин
Мааны бэйэлээх харабын уота
Ханна таннары сатыылаан хааллабай?
Ону истибинэбин
Мааны бэйэлээх истэр чуор кулгаабын
Үүтэ хайаан бүөлэнэн хааллабай?
Эн сабачча чугас баарын үрдүнэн,
Мин халыг тириим хайыгталанан,
Дьэнкир бүлтэһим тосутталанан,
Хара хааным тахсан,
Мааны бэйэлээх алааспытын былдыатаммыт,
Хаарга ххааман хааллахпыт бу дуо,
Аҕакаам?

Бу диирин кытта, чардаатын иһиттэн, буорун үрдүттэн эмискэ хара холорук өрө көтөн тахсыбыт. Бу тахсарын кытта тус арбааттан сүрдээх силлиэлээх этингнээх хара былыт көтөн тахсыбыт. Бу кэлэн сүрдээх муустаах хара самыыр түспүт. Бу күүлэйдэтэ турар сиргэ. Оол кэннэ охсубут отторун барытын сискэ ытыйан таһаарбыт, ууга ытыйан түһэрбит. Бу охсо турар дьону умсарыта сөрүөн түһэрбит. Дьэллэмэй кинээс бэйэтэ отууга баара үһү. Оол отуутун тиэрэ охсон кэбиспит, бэйэтин чабылбан уота танастары сэптэри култуччу салаабыт. Онтон уган сытарын булбуттар. Бу уган тиллээт бэйэтин этин сиэммитинэн барбыт. Онтон уоту ыспыт, оол кэннэ быаны ылан монгон өлөөрү гыммыт. Дьэ онтон иирбитин билэннэр туппуттар. Дьэ, субу курдук тобус төгүрүк дьылы мэлдьи өйө суох иирэ сылдьан, монгон өлбүтэ үһү.

Оол өлөн баран, киһи харабыттан сүппэт сүрдээх үөр буолбут. Ол киһи харабар көһүннэбинэ, урукку өлүөр эрдэбинэ танныбыт танаһын таннан, мииммит атын миинэн көстөр үһү. Оол кэннэ кини кымньытын тыһа, атын туйабын тыһа иһилиннэр эрэ ыарыгар, бээтэр иирэр үһү. Ол иирбит киһи урут иирэн тугу онгорбутун барытын онгорор үһү.

Онтон ойуунна, мэнэриkkэ киирдэбинэ, син уоту ыһаллар, маска холонолор, сэргэ төбөтүгэр тахсан тураллар, сир-баттах сыссаллар, эттэрин сизтэллэр. Оол кэннэ Дьэллэмэй кинээс тардыаһын иһин тардыас буолаллар үһү. Хангас илииннээн охсоллор².

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 9—14.

124. Бахсы тойоно Дьэллээни¹ кинээс

Бахсы тойоно диэн, төрүккү баай аҕалаах, эһэлээх буолан, кини даҕаны олох баай киһи эбитэ үһү. Бахсы сириҥ сабардаан олорбут киһи. Былыр кыыс энньэтигэр барбыт Дибилиттэ диэн күөллээх алаас Курбуһах нэһиэлэгэр баарын², суг дьылга тийээн хомуһун ходуйан баран, уон көлөнөн обуһунан, уон киһилээх күүһүнэн тиэйээри онгостор. Тиэйэ турдагына онно олохтоох Мундулаах Угудуй ойуун уола кэлэн: «Тоҕо мин дойдубун тыгтыгыт? Хомуспун ылыман, төннүн», — диир. Ону: «Дөксө кэлэн тыл быраһа турабын», — диэн Бахсы тойоно уолу туттаран онно таһыттарар. Уол таһыллан, ытаан-сонгоон, харабын уутунан суунар. Ол алаас үрдүгэр икки ойуун унуоҕа баар эбит: Мундулаах Угудуй уонна Өксөкүлээх Баргыһа. Уол олор унуохтарын миинэн олорон, таһыйа-таһыйа, ытыыр-сонуур: «Бахсы тойоно — кинээһэ кэлэн баттаан — үктээн туран, дойдубутун — сирбитин ылан, былдыаан эрэр, истин-көрүг, көмүскээн, харыһыйын», — диэн. Онуоха эмискэ холорук түһэн, Бахсы буобура намыаскалаах хара саһыл бэргэһэтин өрө ытыйан таһааран, отторун, хомустарын тиэйтэрбэккэ тыал болуона буолар. Бахсы дьоно нэһиилэ бэйэлэрэ эрэ куоталлар.

Бахсы тойоно суолга ыалдьан охтор. Дьэллээни онтон сылтаан ирээки буолан тоҕус сылы быһа сылдьар. Куруутун кэлгиэбэ, холуоккаҕа сытыараллар, сымасыт мас кэтэрдэн олордоллор. Икки тиит икки ардыгар быаҕа баайан холуоккаҕа кэлгийбиттэр, онно өлөр. Сайын ону олоҕор, Мүөлүгэр эбэ халдыайытыгар, көмөллөр. Үрдүгэр маһынан унуох эргийбиттэр.

Бахсы тойонун ойуун — удаҕан үөргэ киллэрэн, аатын ааттаан «Айыы», «Суордаах Дьэллэни» диэн алгыһыллар. Кини кэбилэнэн өлбүтүн үтүктэллэр. Хаһыы-ыһыы, мас — от охсуоланаллар.

Чурапчы оройуона Бахсы нэһилиэгэ Петр Филиппович Слепцов, 72 саастаах, тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйын 19 күнэ 1934 с., Күннүк [ИПРЯ, ч. 2, с. 277].

125. Алтан хотуна

Былыр Илин Хангалас улуухугар Хаптаҕай нэһилиэгэр саллар сааһын туххары сүллүүкүүн баайын байан улуус кулубата буолан Хаччылаах Хайааны Сүөдэр олорбута үһү. Бу киһи сүөһүтүн ахсаанын бэйэтэ да билбэтэ үһү. Итирдэбинэ: «Бу икки Ытык Хайа икки ардыгар кыһыл көмүс манньаппын кэккэлэттэхпинэ ти-

ийнэ этэ» — диирэ үһү. Бу кулуба Халлаан Мотуруона диэн ойохтоох эбит.

Оболоругар бу дьон сүрдээх өлүүлээхтэр эбит. Туой абыһгар-тобуһугар тийэй-тийэй оболоро өлөн иһэр эбит. Оччотообута кырды-абастар: «Бу, эһи обобутугар өлүүлээх дьон буоллугут, ханна эмэ хорботон иитин», — дииллэр эбит. Ону иһинэн Хаччылаах Хайааны Сүөдэр икки өлбүт уоллаах кыыс оҕону, дьахтарым төрөөтө-бүнэ обобун хорботуом диэн, булууска уган сыппыт. Ойоҕо хат эбит. Эрэ оннук өлбүт оболору ууран сытарын кини билбэт эбит, тойон бэйэтэ эрэ билэрэ үһү. Дьэ дьахтар талыгыта киирэн үс хонугу мэлдьи сыппыт. Ол гынан дьэ төрөөбүт. Ол төрөөбүт оҕону хангас диэккинэн, хотону иһинэн, хотон саах эһэр түннүгүнэн таһааран ыалга хоргоппуттар. Ол оҕо оннугар, тойон кигиитинэн, баабыскаһыттар өлбүт кыыс оҕону суулаан кээстэр. Дьахтар өйдөм-мүтүн, кэнгээбитин кэннэ, үс хонуктаах ородьунатын күн бу оҕону көмөн кээһэллэр¹. Дьахтар мантан антах төрөөбөтөх.

Оҕо сэттэтэ буолуор диэри бу дьахтар оҕолообун билбэтэх. Нэһилиэннэ да билбэтэ үһү. Сэттэтигэр дылы бу оҕону атын ыалга саһыаран, күннээх таңараҕа көрдөрбөккө, чуулаанга оҕолообуттар. Сэттэтигэр Хайааны Сүөдэр бэйэтэ бабаран харахтаабыта үһү. Онно көөттө чугас эркин ханна да көрбөтөх туохтан да ордук ыраас хааннаах, ыраас үчүгэй кыыс оҕо эбит. Онтон кэлэн дьэ ойоҕор кэпсээн, обобутун аҕалыаха, оҕону кытта булкуйан обобутун иитиэххэ диэн ойоҕунаан сүбэлэхэн, кини саастыгыта хас да оҕону сыанатын кэрэйбэккэ атыылаһан, оболорун аҕалан бу оболорун барытын иитэн олорбуттар. Оболоро улам тупсан, улаатан испит. Ол иһин: «Дьэ бу биһи обобутугар сөп оҕо чугаһынан ханна да суох, онон сөптөөх түбэстэбинэ нэһилиэк чизэрэс улуус унуор бэриллээ», — диэн саныылар эбит.

Бу курдук олорон оҕонньор куоракка киирбит. Куоракка киирэ сылдьан Мэнэ улуунун бэрдин Лөкөй Модун² диэн киһини көрсүбүт. Бэрт өр кэпсэппиттэр. Онно билтэ бу Лөкөй Модун эмиэ биир эрэ төрөөбүт уол оҕолоох эбит. Кини буоллабына эмиэ кыыс оҕолоохпун диэн кэпсээбит. Дьэ онтон бу дьон оҕо оболорун көрү-һүннэриэх буолан сөбүлэспиттэр.

Онтон икки сыл буолан баран кыыс тобуһугар уол уонугар дьэ кэпсэтии буолбут. Бу кэпсэтиигэ Илин Хангалас ааттаахтара Мэнэ бэттэрэ бары сылдьыбыттар. Икки тойон ньынкыл манган ураҕаһы өрө анһа-анһа «ураа» хаһынан көссүбүттэр. Мэнэ бэрдэ Лөкөй Модун дьиэлээх тойону, хотону көссөрүгэр, илии тутуһарыгар уна

илиитинэн тойонго уу саарбанан, ханас илиитинэн хотунга хара саарбанан илии тутуспут. Дьэ бу курдук икки улуус ааттаахтара үс хонугу мэлдьи туос баанан, түхэх кэбиһэн олорон кэпсэппиттэр. Оччоҕо харчы сулуу диэн суоҕа үһү, курун кэпсэтии диэн буолбут. Манна хайа-хайаларыттан ырыаһыттар ыллаабыттар, олонхоһуттар олонхолообуттар, бөтөстөр мөккүспүттэр. Онно Мэнэ дьоно соччо самнан биэрбэтэхтэр, мунгутаан Илин Ханаластар тэнгнэхэллэрэ үһү. Ол иһин Ханалас баайа Хаччылаах Хайааны: «Дьэ уруурбаһыахха сөп дьону кытта уруурбаспыппын», — диэбит үһү.

Ханаластар кыыстарын уонугар кылгас сүктүү диэн дьэ олобун тахсан көрөн киирдин диэн сүгүннэрбиттэр. Ол тахсарыгар үс симэхтээх аттаах икки кыыс — дьахтар добуһуоллаах эбитэ үһү. Ол тахсан түһүлгэбэ үс тиин сэргэбэ аттарын баайбыттарын көрдөхө, аттара орто дойдуга суох үчүгэй сэптээх-сэбиргэллээх, үчүгэй аттар эбит. Бу аттар үһүөн атын-атын дьүһүннээх аттар буолтар.

Бу тахсан үс хонукка уруу түһээттэрэ үһү. Манна олонхоһут эмиэ олонхолообут, ырыаһыт эмиэ ыллаабыт, бөҕөс эмиэ мөккүспүт, онно ырыаһытынан, олонхоһугунан Мэнэ кыайбыта үһү. Харта хапсыытыгар³ Ханалас кыайбыта үһү. Үс хонон баран кыыстарын илдэ бааттар. Кыыс ата уонна икки добуһуол кыыс хаалбыт.

Онтон уон биэс сааһыгар кыыс букатын сүктэн тахсыбыт. Сүктүүтэ тохсунньу ый тохсус эргэтигэр буолбут. Кыыс эрин дойдугар биир хаамы аттаах, биир көтөл аттаах, биир олох аттаах сүктүбүт. Сэтиитэ сэттэ эбитэ үһү. Ону таһынан үс кыыс дьахтары этэрбэс устааччынан, икки уолу энньэ кулутунан, онон барыта маннайгылыын сэттэ киһини аҕатыттан, ийэтиттэн анатан тахсыбыт. Кыыстара бу сүктэн тахсарыгар Ханаластар дүнгүр, ходобой, холбууччуттар диэн үс сүүс аттаах киһи тахсыбыта үһү. Бу тахсыларыгар сүрдээх сүүнэ буурба эбитэ үһү. Онон кэлиэх буолбут хонуктары үс хонук хойутаан кээлтэрэ үһү.

Лөкөй Модун буоллабына тоһуурдьуттары кытары дьэтиттэн үс биэрэстэ кэлэн үс хонугу мэлдьи кэтэспит. Дьэ үһүс күнэ ааһан төрдүс күнүгэр тоһуурдьуттар дьэбэ олодохторуна арай таһырдыа сыты баҕайы туйахтаах аттар чыбыгырайан кээлтэр. Ону истэн: «Барын эрэ, ноһолоор, көрүн эрэ, кэллилэр дуу, хайдаһый?» — диэбит тойонноро Лөкөй Модун. Онно уолаттар таххан көөртөрө туох да суох эбит. Тойонноругар киирэн эппиттэр, онно: «Дьэ бүгүн кэлэр буоллахтара, айыыта-танарата эргийдэбинэ», — диэн тахсан бары ньынкыл ураҕастарын өрө анһа-анһа «ураа» хаһытаабыттар.

Дьэ, кырдык, утаакы буолан баран айгыратан-аарыгырдан тийһэн кэлбиттэр. Уоллаах кыһы сыарбаттан түһэрэн, тоһуурдьут сэргэтин түнүүрэттэри, ходоҕойдору, оруолдьуттары батаһыннар-бытынан күнү батыһа үстэ эргийэ хаамтарбыттар сиэтэ сылдьан. Манна көрдөххө уон биэстээх буолан баран үтүө симэхтээх, үтүө сэбэрэлээх кыыс дьахтар эбит. Бу эргитэ сылдьан кыыс киэнэ хаана күөх сукуна курдук көбөрө өлөн тахсыбыта үһү. Дьэ мантан ыла дьахтар соргута суһуктуйбута үһү.

Дьэ манна тоһуур сэргэтигэр сиэл ыйаан, ас аһаан «ураа» хаһытаабыттар.

Мантан ыла кыыс үүс манан олох атын миинэн барыахтаах эбит. Атыгар идьэн мииннэрэн көрөөрү гыммыттара дьахтардара акка иннибэт буолбут. Онон сыарбаҕа олордон, били олохтоох ат судургу хааман дьэ түһүлгэлэригэр тийибиттэр. Сэттэ мажаналаах кийииккэ диэн сэргэ анһылыбытыгар сэттэ сэтии аты баайбыттар. Онтон дьахтар үс атын үс томторболоох сэргэҕэ баайбыттар. Дьахтары өйөөн аҕалан эрин кытары кэккэлэһиннэрбиттэр. Манна бу сэргэлэри күн өттүнэн күөйэ хааман кэлэн испиттэр. Бу сырыттахарына бу түһүлгэ үрдүнэн үөһэ аарыктаах чуораан, ол кэнниттэн сүрдээх хатан ырыа дуораһыйан ааспыта үһү. Ону бу мустубут дьон айыһыт өрөгөй былдыаттаҕа диэбиттэр. Онтон ыла бу дьахтар дьүүлэ-дьаабыта суох иирэн баарта үһү. Онтон тобус хонуктаах дьонуордаах уруу буолуох буолан баран үс эрэ хонукка буолбут. Үс хонон баран Хангаластар төннүбүттэр.

Дьэ ол кыһыны быһа тойоно аах аан дойду ойуунун бары аҕалан кыырдары сатаабыттар. Дьахтар тиин кэрэ атыырын ытык ыспыттар. Сайыныгар үтүөрэн киһилии сылдыбыт. Онтон от-мас ситэн эрдэбинэ, Бөтүрүөп сағана Бүтэйдээх танаратын дьизитигэр киллэрэн бэргэһэлээбиттэр. Ол бэргэһэлэнэ туран дьахтар үс төгүл унпуга үһү. Нөнгүө күнүгэр бэргэһэлэммит малааһына диэн улахан түһүлгэ түһэрбиттэр. Онно кыыс аҕата: «Тутуман, хабыман, хаайыман, ыгыман, оҕом бэйэтэ көнүлүнэн сырыттын, туох ороскуоту таһаарар ону бэйэм төлүөм. Оҕом оҕо курдук оҕо этэ, киһи курдук киһи этэ, ол кэлэн бу айылаах буолла», — дии-дии ытаабыта үһү. Онтон бу дьахтар көнүл сылдыбыта үһү да, улахан ороскуоту таһаарбатах эбит.

Бу дьахтар уон биэс сыл иирбитэ үһү. Онно дьахтар син көнөн сайылыырдаах, кыстыырдаах эбит. Иирбитигэр да үтүөрбүтүгэр да ураанхай утары көрбөтөх. Иирдэбинэ кыһын буоллаҕына таннан кэлбит таһаһын дэлби таннан, симэнэн баран ханна ич-

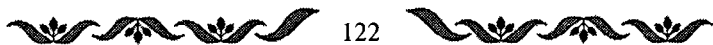

читэх дьибэ, ханна тумуска тийээрэ үһү. Манна энньэ уолаттара, кыргытара көлөбө ас тийэ сылдьан аһаталлара, көрөллөрө эбитэ үһү. Сылаас аһы аһабата эбитэ үһү, барыта тон эти сүгэнэн эттэпэккэ эрэ анньынан көйдөрөн сиир эбит. Оччоβο хоккуйарга дылы гынара үһү. Биирдэ эмэ көнньүөрбүт, киһитийбит күнүгэр сирэйин сууйдахтарына, баттабын тараахтарына буукса бэргиирэ үһү. Онон биирдэ да сирэйин сууйбакка, баттабын тараабакка сылдыбыттар. Ол да буоллар кимнээбэр ыраас сирэйдээбэ, кимнээбэр саастаах баттахтааба үһү. Бу курдук сырыттабына ыраахтан дьон тонхойон, сүгүрүйэн: «Күн эдьийбит көмүс таңарабыт, тохтоо болбой, айыы-кэйи», — диэн көрдөһө-көрдөһө, алгыы-алгыы аһаллара үһү. Дьахтар бу сылдыарын былааныгар:

Хаччылаах Хайааны Сүөдэр
Кыһа буоламмын,
Халлаан Мотуруона
Обото буоламмын,
Лөкөй Модун
Ылгын кийиитинэн ытыктанаммын,
Сулууда Мөлбөстүүр
Сурахтаах кийиитинэн сурабыраммын,
Түүнүкү Көстөкүүн
дүрбүөннээх кийиитэ буоламмын,
Халаабыс Өлөксөй
Ханыылаах доборо аатыраммын,
Ат мунунан
алтаннанаммын,
Көлө мунунан
көмүстэнэммин —

эҥин диэн тойуктааба үһү. Манта сүрдээх хатан, чуор эбитэ үһү. Сайын буоллабына сайынҥы солко, хаарыс таңаһын толору таннан, симэбин кэтэн, күөх солко былаат дэлбиирдэнэн сылдыара үһү. Бу таңаһын-сабын ханан да алдыаппатах, киттиппэтэх эбит. Сайын тобус-уон хонукка киһи харабар көстүбэккэ сүтэн хаалар үһү. Манна Алтан былаанын тухары көрдүүлэрэ үһү да булбаттара үһү. Бу курдук сайын наһаа баппатабына, ханна булбут сирдэригэр хаайыы онгорон хаайаллар эбит. Ол хаайыытыгар бэккэ гыннабына уонча эрэ хоноро үһү, хаайыытын алдытан баран хаалар эбит.

Кыһын да, сайын да манан барыам диэбит сиринэн аан холорук ытыллан аһара үһү. Онон оччотообу дьон: «Хотуммут манан кэлээри гыннаба», — диэн куттаналлар эбит.

Бу курдук сылдьан Тураахтаах үрэжин өрө сүүрэн тахсыбыт. Онно дойдулаах-сирдээх Хахыр диэн ойуун олорбут. Онно тийиэн: «Бу орто дойдуга олох-олорон, оҥо төрөтөн сатаан киһи буолан сылдьарбыттан аастым», — диэн атын көнтөһүн булгу көрдөөн ылан, бу үрэх халдыаайытыгар тахсан аарыма суон тиит күн диэки мутугар моннон өлөн хаалбыт. Ол монноору туран үс төгүл суордуу хаһытаабыт үһү. Маны истэн, өллөбө диэн бу ойуун куттанан Тайҕаҕа⁴ күрээбитэ үһү.

Хотуннарын сүтэрэн кэбинэн хас да күн бүтүн Алтан бүтүннүү көрдөөбүт. Бу Тураахтаах үрэжинэн икки төгүл сылдыбыттар да иккиэннэригэр булбатахтар, онтон үһүс сырыыларыгар хотун бэйэтэ суордуу хаһытаан булларбыта үһү. Манна өлөрдүү ыйаммакка, көнтөһүн моонньугар эрэ иилэн кээспит, уонна биир да сиринэн ымыйбатах эбитэ үһү. Онно көрдөххө хотуннара саамай кыыс оҥо хаанын киллэрэн өлбүт курдуга үһү. Ордук тупсубут, киэркэйбит сурахтааҕа. Өлөрүгэр отут биир саастаах курдук этэллэрэ.

Хотуну булан баран бэрт судургу ол өлбүт сиригэр көмпүттэр. Унуоҕун ампаардаабыттар этэ. Тугу таньыннаран көмпүттэрэ биллибэт. Бу ампаарыгар өрт уота кэлэн көрөрө үһү да, сизбэт сурахтааҕа. Кэнники бу уонча сыллаабыта өрт буолан ол унуоҕун сизбитэ. Ол да буоллар биллэр, томтойо сытар. Бу унуоҕун аннынан ыллаан-туойан аастахха холорук түһэр, ол киһи ыалдьар хайыыр сурахтааҕа. Онон Тураахтаах үрэжинэн барар киһи им-дьим ааһар буолара.

Бу дыахтар киһилии дьиэбэ төрөөбүтэ үс эбит, үһүөн кыыстар. Барыта алтата хат буолбут, онтон үһүгэр хат буолан баран кыһын үстүү хонукка киһи кыайан булбат гына сүтэн хаала сылдыбыт. Онно бу куһаҥан оҥону төрөөтөбө дииллэр үһү. Бу үс кыһа үс улууска эргэ сүктэн баран, иирбэккэ сылдьан, бары моннон өлбүттэр.

Бу хотун сүрдээх тэримньилээх, симэхтээх ат сэптээбэ үһү. Ону тойоно аах сүктэр кыыстаахха, тэримньи гыныхпыт этэ диэн көрдөһөллөр да, тутун эмэ атыылаан испиттэр. Ол сэбинэн тэринэн барбыт кыыс хайдах да киһи буолбата үһү. Үксэ иирэр эбит. Онно ойуун, удаһан кыырдахтарын аайы: «Дьэ бу Алтан хотунун сэбин-сэбиргэлин ылбыттар, ол иэстэбилэ эбит», — диэн төнүттэрэллэр үһү. Төнүннэрдэххэ оччотообу итэҕэйэр эрдэххэ кырдык үтүөрдэллэр эбит.

Алтан хотуна бэйэтэ буоллабына өлөн баран илэ абааһы буолан барбыт. Кини кэлэрин сүрдээх чуораан аарык тыаһынан истэл-

лэрэ үһү. Онтон кыһын буоллабына тингинэс-тангынас тыас ортотугар чуораан тыаһыра үһү. Уонна куруутун ырыалаах буолара үһү.

Бу абытайх сыллаахха дылы Алтан нэһилиэгэр, кини курдук Алаппыйа диэн ааттаах кийиит сүктэн кэллэбинэ, аатын уларытан Акааса, Аалтыс диэн аралдытан ааттыыллара. Билигин да кырдыбаас өтгүлэрэ Алтан айыытын Алаппыйа диэбэттэрэ буолуо, хотун да диэбэттэр, айыы диэн ааттыыллар.

Мэнэ-Хангалас оройуона Тарабай, нэһилиэк М.Н. Яковлев-Куруппа, уруккута ойуун тылыттан. Х.И. Константинов суруйбута, кулун тутар 1 күнэ 1941 с., Якутской [ИПРЯ, ч. 2, с. 281—285].

126. Болугур айыыта

I

Болугур нэһилиэгин олохтоох баайа Омуоруйа Нээстэр¹ диэн үс ойохтоох, тобус уоллаах, биир кыыстаах, сүдү баай олоотто үһү. Кини олобо — Сутуруолаах диэн алаас. Кини ойобо — Чакыр нэһилиэгэ Уоҕалаах Логлойо кинээс кыһа. Ол хотунтан биир кыыс төрүөн бэккэ маанытык көмүскэ-алтанна, бэдэргэ, буобураҕа сууланан² үөскээбит.

Кини үөскүөбүттэн, кэпсииллэрин курдук, араас дьиибэни барытын онорбут. Болугур алаастарын кэрийэ сылдьан, оҕолору мунһан, ас тардан, сир-симэбинэн симэнэн оонньуур, ыллыыр-туойар.

Кэнники улаатан киһи быһыытын туппутун кэннэ Омуоруйа баай кыһын чугастаабы Аччабар-Хатылы нэһилиэгин кинээһэ Бабырынна Баай уола Куһабаллай Киргиэлэй диэннэ ойох биэрэн, элбэх киһилээх аттаах-көтөллөөх, сүөһүлээх, эннэ дойдулаах сүктэн барбыт. Ол кэмнэ кини бэрт абыйах саастаах кыыс эбитэ үһү.

Ол баран, эрин сөбүлээминэ иирээн буолан, киһи харабар сөбө көстүмүнэ эрэ сылдыбыт. Тойоно Бабырынна көрөөрү гыннабына, туой симэхтээх эрэ этэрбэһэ көстөн хаалар, эбэтэр турбутунан эдэр хаххыйах буолан хаалар. Онон өрүү көстүбэт. Эрэ Куһабаллай таптаары гыннабына, туой араас кыыл, үнүү-батас буолан кубулунан, айыыга кирибэккэ кыһынан, сылдыбыт. Куруутун манабылга сылдыар үһү.

Урут иккитэ быаланан турарын быатын сүөрэн тохтооллор. Кэнники эмиэ үсүһүн ыйанан турарын ыалдыт оҕонньор көрөн тыллаан, тойоно Бабырынна тахсан быатын быһан, сонно өлөн суулан хаалар. Саха итэҕэлигэр ыйанан турар быатын быһы тыны быһар кэриэтэ буолар. Онон өлөн аймааһын буолар.

Кыыс унгоубун дойдугугар, төрөөбүт алааһыгар Дьабыраыма диэн алаас арбаа тумулугар, илдьэн көмөллөр. Былыргылыы таҥаһын, симэбин, оонньурун, көмүс эмэгэттэрин сонно түктүйэлииллэр. Оччоҕо ат сиэн көмөллөр, кэрэх туруоран, ырыа-тойук бөҕө буолар. Кини тыыннааһар син таҥастаах, симэхтээх (ойуун таҥастаах), Хаста да таайа Кыпчытыын ууһу-ойууну ыалдыбытын өрүһүйэр. Эригэр баран үс эрэ сүл буолар уонна өлөр.

II

Өлбутун кэннэ чугас эргиннээби нэһиликтэр, улуустар даҕаны туой «Болугур айыыта», «хотуна», «аҕаспыт», «эдьийбит» диэн ааттаан, ытыктыллар. Ойуун-удаһан тойугар илэ киллэрбит курдук кырдыаһас аатын ааттаан «Сыҥалаабыт Лыгый» диэн туойаллар. Айыы онгостоллор, алгыыллар, көрдөһөллөр. Ойуун, мэнэрик тылыгар киирэн араас түүлээби, солкону, кириэстээх манньыаты, кыһыл саһылы, бэдэр, буобура сыһыны, быаны, көлөөскөнү көрдөтөр. Ытаты-сонотуу буолар: «Сорум-мунум, абам-эрэйим», — дэтэллэр. Кини бары быстах үөрдэри дьарыйталаан илдьэр, аҕалар. Аарыктаах, чуорааннаах аттаах, буобура бууттаах сонноох, илин-кэлин кээһэрдээх, бөҕөхтөөх, нуоҕайдаах муостаах бэргэһэлээх курдук дьүһүннүүлэр.

Кинини илэ көрсүбүт бэрт элбэх. Биирдэ биир киһинэн: «Унгохпун уот сиэбит, эргийдиннэр», — диэн аймахтарыгар Байбалларга илдьитти сылдыбыта эмиэ баар. Ону эргийбэтэхтэр³.

Былыр кырдыаһас ойууттар кини аатын бу курдук алгыыллара:

Логлойо удьуора,
Кыпчытын ытыга,
Омуруйа Нээстээр кыһа,
Уот айах Кууданса,
Күтүр Күлүрчэ,
Хатырык Бабырынна,
Килбиэннээх кийиитэ,
Куһаһанныр Киргизэлэ
Хотун ойоҕо,
Сыҥалаабыт — Лыгый,
Суостаах улусха,
Бардам баһыстаан,
Көмүс эмэгэт
Хотун эдьийбит...

Чурапчы оройуона Мугудай нэһилиэгэ, 70 саастаах Прокопий Моисеевич Оконешников тылыттан. С.И. Боло суруйбута, олунньу 7 күнэ 1935 с., Дьокуускай [ИПРЯ, ч. 2, с. 278—279].

127. Сучунаа

Арай биирдэ оџонньордоох эмээхсин көһөн кэлэн, хоммуттар. Кинилэр көһө сылдыар ыаллар эбит. Биир сарсыарда оџонньор табалана хаһыга тахсыбыт. Ол тахсан табаларын булбут. Табаларыттан биир буура¹ суох, ол иһин дьэ суолларын хайа сылдыбыт. Ол сылдыан көрбүтэ, миэтэрэ агаарын саџа уллунгахтаах суол табатын сиэтэн баран бара турбут. Ону киһи абалана түспүт да, суолун батан испит. Арай көрбүтэ тиит саџа уһуннаах киһи² табатын сиэтэн бара турар эбит.

Онтон киһи кини иннигэр түһэн баран, саанан ытарга соруммут. Ол гынан баран ойџос өттүнэн иннигэр түспүт. Ону билэн табаны ортотунан быһа охсубут. Киһи сыгынахха саһан олорон ыппыт. Ол ыппытыгар кылана түһэн баран үөһэ киэнг халлаанга ыстаммыт. Онтон түһэн баран, олорон эрэн халдыгырыы-халдыгырыы хабарџатын быһаџынан ыйыммыт. Киһи кэлэр да быһаџынан хабарџатын быһа сотон кээһэр. Хаана хас да хаамыылаах сиргэ алгыырбыт. Киһиэхэ эмиэ тиийбит. Киһи: «Хата бэрт быһаџы булуннум», — диир, да кынчаалын ылар да дьиэтигэр барар. Ол тиийэн ойџор эппит: «Сучунааттан табам иһин быһах ыллым», — диэн үөрбүт-көппүт курдук кэпсээбит. Онтон сотору буолан баран үс хонугу мэлдьи иирэн баран, ойохтуун-эрдиин өлөн хаалбыттар.

Өлөөн оройуона Өлөөн нэһилиэгэ, Чкалов аатынан колхоз чилиэнэ, 70 саастаах Христина Николаева тылыттан кини уола А.А. Николаев суруйбута, 1944 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 116].

128. Буоспа

Саханы ордук кыайбыт өлөрбүт ыарыы — буоспа¹ диэн. Саамай кэнники улаханлык кыайбыт буоспаџа 1873—1874 сыллаахха саха олус хотторо өлбүт. Онно дьиэнэн бүтүннүү, ийэ ууһунан, аџа ууһунан өлбүттэр.

Ыаллар бары буоспаттан саһан ыраах тыа быһыгар балаџан онгостуталаабыттар. Ыттарын өлөттөөн кэбиспиттэр, мастарын дьиэџэ киллэрэн мастаналлар, таһырдыа саһассыбаттар, оту-маһы түүн тизэйллэр, оннообор маџырыыр сүһүнү таһаарбаттар. Ол барыта манныктан буолар: буоспа «хотун» диэн биитэр «эбэ» диэн нуучча дьахтара буолан туран күнүһү быһа иһилиир. Онно ыт үрэрин, киһи сүһү саһатын, сүгэ тыаһын, сыарџа тыаһын иһит-тэбинэ, ыал баарын билэн тиийэн кэлэр диэн буолар. Ол кутталыттан оннук саһыы буолар эбит.

Ыалдыбыттаах ыалга дьээ иһигэр сырдыгы киллэрбэттэр, түн-нүгү сабыталаан кэбиһэллэр. Ыалдыбыт киһиэхэ уоту көрдөрбөт-төр. Ол кырдык ыалдыбыт киһи сырдыгы көрдөбүнэ уонна кы-һылы көрдөбүнэ бэргиир, өлөр диэн буолар. Остуолга хаатты, хо-куукка уураллар уонна баар буоллабына арыгы уураллар. Ыалды-ыбыттаах ыалга киһи олох сылдыбат, дьээ таһыгар чугас да кэлбэттэр. Дьээлээхтэр дьээлэриттэн ыраах тэйиччи тыаба мас аннь-ыталыылар: саамай уһуннара дьээ тойоно, онтон кылгана хотун, онтон кылгастара оболоро. Ол мастартан хайа киһи ыалдыар да, ол киһи сааһыгар түбэхэр маһы ингнэри анньан кэбиһэллэр, оттон бэргээн өлөөрү гыннаба били маһы сытыаран кэбиһэллэр, оттон өллөбүнэ тосту үктүүлэр. Бу мастары күннэтэ айы чугас ыалла-ра, аймахтара кэлэн көрө тураллар, хас киһи хайдах ыалдыалла-рын, биитэр өлбүттэрин онтон билэллэр. Ыалдыбатыах ыалтан кэ-лэр киһи ыалдыбыт ыал киһитин төһөбө да сирэй көссүбэт. Си-рэй көрүстэбинэ, эбэни сирэй көрсүбүт курдук саныыр.

Киһи өлөрүн кытта, өлбүттээх ыал тыаба анньыллан турар маһы үктээн кэбиспиттэрин ыаллара кэлэн көрөн баран, хантан эрэ киибэһи булан аҕалаллар. Киибэс диэн өрүү өлбүтү кэрийэн унуобун көтөбөр киһи аата. Киибэс кэлэн, өлбүт киһи сүөһүнү хоолдугаланар буоллабына, ону таһырдыа ыраах илдьэн өлөрөн сиир-аһыыр, өлбүт киһи иинин хаһар. Ол иингэ өлбүт киһи ай-махтара тас мас онорон биэрэллэр. Үлэтэ бүтэрин кытта, киибэс өлбүт киһини ис маһа суох дьулурба маһыгар кэлгийэн баран со-ботобун соһон таһаарар. Дьулурба диэн икки уһун ураҕас кэннигэр туора биттэхтэрдээх, онно ууран кэлгийэр киһини, иннигэр буу-лаба ууран биттэбиттэн киибэс көтөбөн түөһүнэн үтүрүйэн тардар. Ол таһааран иинигэр дүлүн курдук үнкүрүтэн түһэрэн көмөр. Төһө киһи өлбүтүн барытын киибэс көмөр. Ол оннугар киибэскэ манһа биэрэллэр кыра сүөһүнэн, биитэр ынабынан.

А.С. Порядин суруйбута, Мэнэ-Хангалас оройуона Моорук нэһи-лиэгэ, бэс ыйа 1937 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 294—295].

129. Өймөкөөнгө буоспа сылдыбатаба

Манна саха ыала элбээбитин кэннэ, бу Өймөкөөнгө буоспа абааһыта ындыһыты кытта мэнгэстээн Дьокуускайтан кэлэн ис-пит. Тарын үрэххэ кэлэн тарынна түһэн атабын үлүтэн: «Бу үрэх олус тымныта, чысхаана бэрт, Чысхаан аатырыан аатырбыт эбит. Аны мин бу дайдыга эргийиэм суоҕа», — диэн төннүбүтэ үһү.

Хата истэр туххары, буоспа¹ өлүү бу дайдыга турбута былыр дабаны, сэнэнгэ дабаны биллибэт этэ.

Павел Владимирович Винокуров (хос аата Хаскар) диэн, 73 саастаах, Өймөкөөн оройуонун Сордонгоох нэһилиэгин тылыттан. С.И. Боло суруйбута, тохсунньу 23 күнэ 1940 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 296].

130. Хаба кинээһэ

Куораттан чутас¹ үс көстөөх сиргэ Хаба кинээһэ диэн омул кинээһэ олоотто үһү. Ол киһи куоракка киирэн истэбинэ үс нуучча кыыһа буолан салгын иччитэ көстүбүтэ үһү. Ол биир хара саһыллаах истэбинэ көрдүбүттэрэ үһү. Ону: «Нуучча кыргыттарын аайы саһыллары бултаабатабым, куоракка киллэрэн иһэбин», — диэбит. «Хара суолланым диэн хара саһылланнабын», — диэбит-тэр уонна түөкөйдээн дьиэтигэр сирдэппиттэр. Ураһатыгар чугаһаан баран сүтэн хаалтар.

Онтон ол Хаба кинээс ус хонук иһигэр ончу сабыллыбыта үһү. Ол сирэ Хаба унуохтаах диэн ааттанар.

Биһиги нэһилиэги буоспа таарыйбатаба.

Евдокия Федоровна Слепцова (Омукаан диэн), 87 саастаах, уруккута I Байды нэһилиэгэ, билиннитэ Крест-Майорга Абый оройуонугар олохтоох эмээхсин тылыттан. Г.М. Васильев суруйбута, атырдыах ыйын 7 күнэ 1944 с., Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 301].

131. Абааһы чуккаахтаспыта

Аҕыйах сыллаахха, советскай власть буолуон эрэ иннигэр, Илин-Хангалугас улууһугар Айалаах Хаптаҕайыгар Александров Николайдаах диэн ыалга абааһы бэрт өр чуккаахтаспыта эбитэ үһү. Бу ыал дьахтардаах эр киһи чугаахтаахтара, бэйэлэрэ сокуоннай сааһын сиппит ииппит кыыстарыныын үс-түүрт кэргэн. Олохторун илгэтэ орто бааһынай. Бэрт үчүгэйдик үүт түгэнник олороннор дьиэлээх оҕонньор күһүн мунха саҕана отор дьиэтигэр сылдьан ааспыттара. Ити күнтэн ыла туох да куһаҕан буолбатаба буолан баран, оһох кэннигэр сытар кыыстара түүнү быһа утуйбакка быһа мөхсөр, күлэр-салар, сыһыгырыыр идэлэммитэ.

Ити иһин кыыс мөбүллэр уонна таһыллар этэ буолан баран, олох тугу да эппэтэ үһү. Арай чуккаах дьахтар албыннаан ыйытытыгар: «Бүтүннүү түү курдук эр киһи миигин булла, ону кыт-

та оонньуубун кэпсэтэбин», — диирэ. Итини дьахтар дьонноругар кэпсээн биэрбитэ.

Онтон кыыспыт иирдэбэ диэн сэрибиэй кэбистэрэн, абааһы имнэммит дэппиттэр. Онтон ыла ойуун кыырдан көрбүттэр — истибэтэх, хата кэнниттэн чуккаах абааһылары тус дьиэлээхтэри дьиибэлиир идэни булбут. Ынахтарын быатын сүөрэн, арыт туох да сүөрбэт гына ыйыллары баайан испит. Хаһан кыыс саах күрдээр буоллабына, кэлэн кыыска көстөрө уонна көмөлөһөрө үһү, быһата киһи курдук сангарара, тугу аһыыра, ханна сылдыра биллибэтэ диллэр.

Аҕабыт киирэн ыллаатабына, хотон иһигэр туран аҕабыты үтүктэн ыллыыра уонна: «Киэр буол эйигинтэн эрэ куттампын» диирэ, — диллэр.

Ити курдук биэс алта сыл быһа сордообута үһү, ол туххары баайдара бараныабынан быһа ойуун кыырдары, аҕабыт ыллата саҕабыттар. Хата, кэнникинэн абааһылары кыһыран астарын араас бөҕүнэн толорор, бэйэлэрин быраҕаттыыр идэлэммитэ. Онтон чуккаахтарын олох тыыппата үһү. Ити сыллар быластарыгар кыһын кытта түүн айдаарарын, абылаһарын-мэнгэлэхэрин, күлсэрин тохтоппотох.

Кыыска кэпсээн: «Мин ыраах сиртэн тулаайах буолан манна кэлбитим, сааспын ситтэхпинэ ойууна, аҕабыта да суох бэйэм оннубун булуом, дойдубар барыам этэ, онно тийбэккэ хонуулары кыараан миигин абааһы көрөн үөбэллэр, мөҕөллөр, кырыыллар, ол иһин мин даҕаны кыһырар хааннаах, тардар тымырдаах буоламмын таар мунурбар түһэн, истэ сатаан баран соруйан муокастыбын, аны тыыппат буолахтарына, мин да тытыһыам суоҕа. Онтон эйигин илдэ барыахпын баҕарабын буолан баран сатаан айаннаахпыт суоҕа. Онон эн бу манна хаалыан, аны миигин сураабыттарың да иһин сурабым иһиллиэ суоҕа», — диирэ үһү.

Кыыс олох куттаммат, олох атас онгостубут, маҕана төрдүнэн тахсара киирэрэ эбитэ үһү диллэр. Хойут дьиэлээхтэр даҕаны таар мунурдарыгар киирэн күрэхтэспэт, үөхпэт-мөхпөт буолтар. Дьуккаахтара хас да сыл бииргэ олорон бараннар көспүттэр. Дьининэн итини чугас ыалларыттан наһаа кистэтэрэ үһү дьиэлээх Александров. Ол гынан баран кини иннинэ истибиттэр.

Олоро сатаан баран биэс алта сыл буолан баран саас хаардаахха атын сиргэ көспүттэр. Онон кыыска эппит: «Дьэ, быраһаай, аны эн биһиги көрсүөхпүт суоҕа, эһиги миигиттэн күрэнэн көһөргүтүн барытын мин билэбин. Ол гынан баран мин барыстарбын син бассыам этэ буолан баран, барарым-кэлэrim бу кэллэ. Манна

да абыях хоно түхээ инибин, эн абадын иччитэх дьэйтэн батыһан бачча тыннаах буоллабым, эһиги үчүгэйдик олорун», — диэн баран сүтэн хаалбыт. Кырдык эппитин курдук, онтон суох буол-бута үһү.

Үс сыл буолан баран ол иппит кыыстара ыалдьан өлбүт, Александров кэргэнэ, оҕото өлөн, онтон ыла эстэргэ барбыт. Билигин ити абааһы чуккаахтаспыт дьэитин абааһырбаан ким да оло-бот, хойут дөксө уоттаабыттара үһү. Абааһы барабын диэбит хонугуттан ыла хотон хоту муннугунан дьөллөн хаалбыт. Онно араас кус, куобах түүтэ, быһата кутуйах уйатын курдук муспута көстө сытара, онтон баарыгар ол көстүбэтэх уонна онтон тахсыбата эбитэ үһү.

Былыргы кэнэн үйэбэ итини «дэриэтинньик» диэн ааттыыл-лара. Ханна да итинниктэр бааллара барыта кистэлэн буолара буолан баран, бэрт ырааха дылы кистээн кэпсэтиллэрэ дириллэр. Онтон ити чугаһыгар атын ыалга этиммэт этэ. Итинник буулаатабына ойуун, абабыт кыайан абыраабат этэ диэн мин кыра эрдэһинэ кэпсэтэллэрэ, ону истэrim, ол кырдыгынын сымыйатын тугу би-лиэхпиний, ол эрээри олох онно суоҕунан этиэхтэрин сатамат.

Мэнгэ-Хангалас иккис Тылыма нэһилиэгэ, орто үөрэхтээх 34 саастаах учуутал Яковлев Еремей Максимович санаторияба 1944 с. от ыйыгар кэпсээбитэ, кыра эрдэһинэ оҕонньотторгон истэр үһү. М.Г. Наумовской суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 31—31 об.

132. Дьуккаахтаһы

Бөрөгүмүөт (переворот)¹ иннигэр аҕай Ыйылас Наахаратыгар Чороопполор диэн ааттаах ыалга көстүбэт дьуккаахтаспыт. Кини кыыс эбитэ үһү, бастаан кыра эбитэ үһү. Орубуна кини үөлээн-нээбэ кыыс оҕо, ол Чороопполорго баара үһү. Ол көстүбэт кыыс күн дьонугар олох көстүбэтэ үһү, арай ол кыыска эрэ көстөрө үһү. Күнү быһа иккиэн тэбис тэнгэ оонньуу бөбөнү оонньуулар, көр бөбөнү көрүлүүллэр. Ол кыыс этиитинэн били көстүбэт кыыс күн кугас баттахтаах, муус маҕан эттээх кыыс курдук көнө унуохтаах син биир кыыс оҕо курдук үһү. Маннайгы бириэмэбэ бу көстүбэт кыыс тугу да дьиибэлээбэтэ, куһаҕаны онорбото үһү. Ону ол ула-хан диэн, Чороопполор бу абааһы (дэриэтинньик) сөрүөһүннэбэ диэннэр ойуун бөбөнү кыырдарбыттар, абабыт бөбөнү ыллап-пыттар гынан баран хайалара да тугу да онорботохтор. Биирдэ биир абабыт кэлэн хотон иһигэр мэлиимэн аахпыт, ол ааба ту-

ран көрдөгүнэ кестүбэт кыыс бу кэлэн турар үһү. Ону баран аҕа-быыт хаһытаабытынан баттабар түһүөх буолбута, били дьиэлээх кыыһы баттабыттан соһон сарылата сылдьар эбит. Дьэ ити курдук туох да кыайбатах. Ол оннугар хата буукса эбии сытайан кыыһыраар буолбут. Аны туран ас үрдүтүн алдьатар, ынах быатын баайар, сорофор кыыһырадына ол-бу мөкүнэн тамнааттыыр идэлэммит. Ити да буоллар били оонһуур кыыһын кытары оонһуу сылдьыбыт. Онно этэр эбит: «Миигин тобо абааһы көрөллөрүй сатаан санааппын, мин кинилэргэ туох да куһаҕаны онгорбоппун, син биир билигин барыам суоҕа, сылым ситтэбинэ барыам, хата ол оннугар кыыһырдар буоллахтарына мин да аахсар, моһуоктаһар буолоум», — диэбит.

Прокопий Иосифович Романов, 59 саастаах, Мэнэ-Хаггалаас оройуона, Чыамайкы нэһилиэгин олохтообун тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, бэс ыйын 27 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 29—29 об.

133. Сүллүүкүнгэ¹ кирири

Бэрт былыр, кыһын сүллүүкүн тахсыытын сағана, күн дьааһыан эрдэбинэ, биир кырдыа барбыт баабыскаһыт идэлээх эмээхсин хотон кэннигэр тахсан киирэ олорбут. Арай ол олордобуна арҕаа диэкиттэн биир уу долгунун курдук күөх толбонноох дьүһүннээх аттаах, балык хатырыгын курдук дьүһүннээх сонноох, кыра соҕус угуохтаах эдэр киһи айаннатан кэлэн иһэн, эмээхсини сыарҕаа быраҕан баран мэлиһ гынан хаалбыт.

Эмээхсин арай биридэ өйдөөн көрбүтэ — бадык-будук дойдуга киирбит эбит. Дьэ таһыгар тохтотон баран, тиэйэн киллэрбит тойоно: «Мин эйигин үчүгэй баабыскаһыт диэбиттэрин иһин кыһалҕалаах буоламмын киллэрдим, ойоҕум олус күчүмэҕэйдик олоорооччу, наадабын бүтэттэрэн баран таһааран биэриэм», — диэбит. Эмээхсин дьэ иһигэр көтөн түспүтэ, ханас диэки биир дьахтар талыыта киирэн өрө мөксө сытар эбит.

Уруккаттан идэ онгостунан хаалбыт эмээхсин, дьахтар ыксаабытын көрөн, бэйэтин идэтинэн хап сабар дьахтары баабыскалаан киирэн барбыт. Дьахтар бэрт үчүгэйдик быһаһаммыт, хонугун хонуор диэри эмээхсин кинилэргэ олорбут. Дьэ ас-үөл, уйгу-быйан бөҕө үһү. Онно көрдөгүнэ син ынах, сылгы сүөһүлээхтэр, көтөр кынаттаахтар, сүүрэр атахтаахтар үһү. Олор дьүһүннэрэ уу долгунун курдук кылабачыгас күөх дьүһүннээхтэр үһү.

Алта хонон баран эр киһи суоҕуна дьахтар сүбэлээбит: «Дьэ, эн барарын кэллэ, хамнаскар мин эрим бэрт элбэх харчыны биэриэбэ, ону ылаайабын, ол оннугар муохта, бөхтө-сыыста көрдөө, ол үп-ас бөбө буолуо», — диэбит. Сассынҥытыгар дьиэлээх тойон эмээхсингэ эппит: «Дьэ, эмээхсиэн, эйигин бүгүн төрөөбүт дойдугар таһаарабын, биһиги уу иччитэ сүллүүкүттэр диэн буолабыт. Күн-хаан тирээн эйигин аҕалан туһанныбыт, ол быһыытынан бу көлөһүңгэр, эрэйгэр», — диэн көтөх мунунан кумаабы харчыны биэрбит уонна биир балык хатырыгын курдук сону биэрбит. Ону туран эмээхсин харчытын ылбатах: «Мин бөх-сыыс киһитэбин, бөхтө-сыыста аҕал», — диэбит. Уонна эппит: «Бу тахсаргын кытта барыта харчы буолуо, ону сэттэ хонук иһигэр туттан бүтэрдэххинэ сатанар. Онно кыайбатаххына сол да бөх-сыыс буолуоҕа», — диэбит.

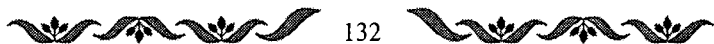
Эмээхсин таһырдыа тахсан сыарҕаба олорон ээрэ баара үһү, да биирдэ өйдөөн көрбүтэ били тахсан киирэ олорор сиригэр баар буолбут. Эмээхсин ырбаахытын тэллэбин мунунан харчыны көтөбөн дьиэбэ киирбит. Били тойон сүбэлээбитин курдук сэттэ хонук устата тутта сатаабыттар да, сорьотун кыайбатахтар, онтукалара муох буолан хаалбыт. Ол да буоллар, бэрт элбэби туһаммыттар. Дьэ ити курдук сүллүүкүн баайын баайданан күннээн олорбуттар.

Хас да сыл буолан баран чугастаабы ыалларыгар уруу буолбут. Эмээхсин онно барбыт. Ол баран дьону кэрийэ көрбүтэ арай кини тойоно бу сылдыар эбит. Мустубут дьон ол киһини олох аахайбаттар, киһи баара да курдук санамматтар эбит. Эмээхсин кинини тобулу көрө сылдыбыт дьон быһыһынан таһырдыа тахсыбытын көрөн, эмээхсин батыһан тахсыбыт. Ол тахсан: «Эн миигин билэбин дуо, мин эйигин билэбин», — диэбит. Били киһи сүрдээбин соһуйбут: «Эн хайа хараххынан миигин көрдүн», — диэбит. Анараа киһи сөмүйэтин силимэтээн баран хаттаһатын саба баттаабыт да эмээхсин ханас хараба суох буолан хаалбыт. Онтон ылата кинини олох көрбөтөх.

Мэнгэ-Ханалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 63 саастаах, уруккута ойуун Гавриил Иванович Ильин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, сэтинньи ый 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 14—14 об.

134. Сүллүүкүттэр

Сүллүүкүн тахсыбытын кэннэ киэһэ уу баһыллара сатамат. Народ кэлсээнинэн буоллабына былыр ханна эрэ, ким эрэ диэн ааттаах киһи сүллүүкүн оҕотун кытта бииргэ уугун баһан таһаар-

быт. Дьиэлээхтэртэн ким даҕаны билбэтэх. Түүн ууйбуттарын кэн-нэ таһырдыа тонмут этэрбэстээх дьахтар ытыыр үһү. Өр истэ са-таан баран көрбүттэрэ хааһа суох хатыр манган дьахтар кэлэн: «Оҕо-бун аҕалын», — дии-дии ытаан өй мэйдээби тулуптатах. Онтон туран били киэһэ баспыт ыаҕастаах ууларын көрбүттэрэ туох эрэ кытара сылдыарын көрөн баран уулары таһааран тэлгэһэҕэ тоҕо ыһан кэбиспиттэр онтон ыла дьахтар ытаабат буолбут. Онон ити курдук кэпсээн ыраатан бары сири саба сүүрбүт. Ити кэпсээнтэн сиэрдээн киэһэ харанҕа күөлгэ киирэн, ойбонтон уу баһан таһаары сатала суох буоларын быһыытынан олох баспат буолтара үһү дииллэр.

Сүллүүкүттэр бараммат баайдаах, бүппэт үптээх аллараа, ууга олохтоох, хааһа суох, хатыр маҕан дьонно, кинилэр наһаа дьыл-баһыттар, өлөрү-сүтэри, байары-тайары барытын ыйан кэпсээн биэрэр дьонно диэн саха өйдүүр.

Мэнэ-Ханалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, М.Г. Нау-мовской тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, ахсынны 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 7 об.

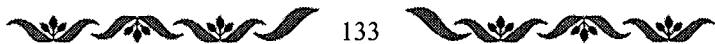
135. Сүллүүкүнтэн дьылҕаны быһааттары

Сүллүүкүн саҕана дьылҕаны быһааттарарга ким да билбэти-нэн олбуор ааныгар, сэргэ тулатыгар хаары бурдук сиидэтигэр кутан сиидэлииллэр. Ону сарсыарда эрдэ туран көрдөхтөрүнэ туох эмэ суола баар буолуохтаах үһү. Холобур, оҕолоох буолуох буол-лаҕына оҕо суола, сылгылаах буолуох буоллаҕына сылгы суола, ынахтаах буолуох буоллаҕына ынах суола, өлүөх киһи буоллаҕына төбөтө суох киһи көхсүн суола уо. д. а. баар буолалларыттан сыана-лаан тойонноон таһаарыахтаахтар. Ити аата дьылҕабын быһааттар-лаҕын диэн буолар.

Мэнэ-Ханалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, М.Г. Нау-мовской тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, ахсынны 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 8 об.

136. Сүллүүкүнү иһиллээһин

Сүллүүкүүттэр бары даҕаны ааҕа алыс дьылҕаһыт уонна бөлү-һүөх дьонно диэн саха өйдүүр. Онон итинник кэпсииллэрин ис-тиэхтэрин баҕараллар. Ол иһин сэргэ төрдүгэр, эргэ иччилээх аат-таах балаҕанга, айан суолугар, киһи онуобар, иччилээх тумул-ларга, олбуор ааныгар, ойбонно хас да киһи буолан суорҕан

ылан ити сирдэртэн биирдэстэригэр иһиллии барыахтаахтар. Онно маннай кэлэн улаханнык охсуохтаах, биитэр ойбооско анньахтаах, ону тулуйдахха эрэ киһи истэр, ону тулуйбатаххына өлүөхтээхин диэн өйдүүллэр. Итинник иһиллээһини ханнык баҕарар дьоннор ытталлар уонна онно тугу эмэ эттилэр диэн кэпсээн онгостоллор. Оҕолор өртүлэригэр дьибэлээһин үгүс буолаллар, онон ону итэбэйэн да кэпсээччи аҕыйаҕа суох буолара чачы суол. Дьыгнээх аһаҕас эттээх ичээн, көрбүөччү дьоннор сэттэ хонукка сууммакка, сэттэ хонукка киһини кытта кэпсэппэккэ, ити устатыгар тангара диэннэ үнпэккэ, айыыны буруйу онгорбокко, дьахтарга наадаларын толуммакка сылдьан баран соботоҕун саамай аарыктаах айан суолутар ким да билбэтинэн кэннинэн хааман тахсан, кэннинэн айаннаан тийэн олоруохтаах. Ити иһилиир киһи туох да ымыыта суох, быһаҕа, хатата, үөт-тирэбэ суох буолуох тустаах. Ымыылаах киһи тугу даҕаны истиэ суохтаах, ол иһин ымыыны ылары наадата суоҕунан ааҕаллар. Тугу эмэни истибитин барытын сүллүүкүн ааспытын кэннэ кэпсиэхтээх. Итинник иһиллээччи дьоннор бэрт эрдэттэн онгостунуулаах бэлэмнээх буолуох тустаахтар. Итинник көрбүөччү ичээн дьоннор дьиэлэригэр даҕаны сытан туох ханнык буоларын барытын билэ-көрө олоруохтаахтар. Сорох итинник дьоннору аһаҕас эттээхтэр¹ диэн ааттыыллар.

Билигин манньк идэнэн иһиллээһин барбат, уопсай элбэх буолан иһиллээһин билигин да баар буолан баран туһалааҕы истибиттэрэ биллибэт.

Мэнэ-Хангалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, ахсынньы 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 8—8 об.

АЛЛАРААНҒЫ ДОЙДУ АБААҕЫЛАРЫН ТУҕУНАН

137. Аллараангы абааһы бийин ууһа

Былыргы ойууттар билэллэринэн, былыргы дьоннор да саныыларынан бу дойду аллараа өттүгэр эмиэ дойду баарын саныыллара үһү. Арай ол дойдуга сүүрбэ ордуга сэттэ биис ууһа абааһылар, олороллорун саныыллара үһү. Олор эмиэ тус туспа биис ууһун айы биирдии тойонноох-хотуннаах, уоллаах-кыыстаах, буоланнар тус туспа ааттаах дойдуга олороллоро үһү. Олортон бастын

улаханнара бэт ыраах олорооччулара Луо Хаан тойон, Луоџа Хаан хотун, Буор төсүүлэй уол, Хаан мангалай кыыс диэн эбиттэрэ үһү. Абыс ордуга абыс алдыархайдаах аартык арыллан тахсыбыт дойдута, тоџус уон ордуга тоџус сордоох өлүү суола чөмөрүйэн түспүт, үс бүүрүктээх дьөлөккөй үөдэн түгэбэ дойдулаах дьон диэн былыргы ойууттар туойаллара үһү.

Оол бэтэрээ өттүгэр өлбүт төрдө, тойон киһи тостон түһэр дойдута, хотун дьахтар хонностон киирэр кирбиитэ, күн төрүөн көппүт көмүс хайата, ый төрүөн көппүт ытык хайата, күн ый уота көмүс алтан аалыытын курдук унньулуйа ууллан тохтор дойдутугар олохтоох Көмнөхтөөх Күө хаан тойон, киһи хоолдьуга куланын хомуйааччы Дьулурџа хара уол, Хотун дьахтар өлүннүк амнах таҥаһын сахсыйааччы, тын иһилиир Тысы тыгылай кыыс диэннэр былыргы ойууттар үтүө тойон киһи ыарыттабына, хотун дьахтар ыарыттабына тойук туойан кыыраллара үһү.

Сайынны күн кириитинэн үс төгүл үс олоххо¹ улуу ойуун бытырыысынан сабаабытын курдук, күрдьэбэс тараах атыыр оџуһу таһаараллар үһү. Оол кэннэ эмиэ өлбүт төрдө диэн кыыраллара үһү, былыргы ойууттар илин диэкинэн анал дьиэбэ биллирик муннугунан үс тоџус үс олоххо аллараа дойдуга. Онно бардахтарына илдьэллэрэ үһү үс түөрт хаардаах хара мангаас оџус сүөһүнү, оол кэннэ субугурдук туойаллара үһү:

Үөскээбит эрэ
Үөлэнгэ түһэр дойдута,
Тойон киһи долгуннаах
Хатын дьахтар халџаһалаах,
Уолан киһи урусхаллаах
Кыыс дьахтар кыдьымахтаах.
Үлүскэннээх өлүү уута
Өрө үллэ турар дойдута,
Өлбүт саара үс хаппахтаах түүнүктээх үөдэн түгэбэ
Таҥнары чөмөрүйэн түспүт дойдута.
Абыс хаппахтаах Хараҥа хаайы
Мунутуур мунг, таар хотун дойдулаах
Бараа хаан тойон,
Бараахы Хаан хотун
Үөскүүрү үөтэлэппэт
Кэнчээрилэри кэбиннэрэр
Абыс атахтаах наай хара сыарџалаах,
Сүүһүн хаба ортогугар

Соботох мобулдьюор муостаах,
Өлүү дуолан хара атыр обуса келөлөөх,
Барыйа хара уол,
Өсөх ухахтааччы,
Хаан хабааччы,
Хара Бараахы кыыс...

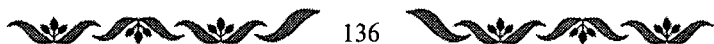
Онон былыргы дьон, былыргы ойууттар санылларынан өл-
бүт киһи кута-сүрэ ол дойдуга киирэр, өлө ыарыппыт киһи ку-
тун-сүрүн онтон кетөбөн таһаараллара үһү ойууттар.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 2—4.

138. Төрүүр дьахтар өлүүтүн төрдө

Дьахтар төрүүрүгэр ыарыттабына ойуутугар кыыраллара үһү.
Ханна тособотун¹ сааттарар да, оол төрдүнэн хотулуу арбаа диэки
аллараа дойдуга. Онно ильдэрэ үһү сүүһүгэр күн тыкпытын курдук
туора туоһахталаах, тараах гуйахтаах, дьэнкир муостаах, күөх чоу-
бур, үс-түөрт хаардаах атыр обуһу. Онно субугурдук диэн туойал-
лара:

Иэйэхсит уйата² ингнэстэн түһэр дойдута
Айыыһыт уйата самнан киирэр аартыга,
Аҕам дьахтар кута-сүрэ
Аймаһыйан түһэр аартыга,
Эдэр дьахтар кута-сүрэ
Эймэнэн киирэр сирэ,
Сэттэ силбиктээх дибдийэ хаан аартык
Таннары айдааран түспүт дойдута,
Кудумнуулаах уоһан дьөлөрү түгэбэ дойдулаах
Уокаан аангаан Арсан дуолай, буор мангалай тойон,
Муннаах буор бохсуула хотун,
Аҕам дьахтар хаанынан аһылыктанар
Оҕо дьахтар субайынан суунабалыыр Хаан дапсылы уол.
Аҕам дьахтар
Хабычаһын хаана аһылыктаах,
Эдэр дьахтар
Эмийин кэрэтэ эмсэхтээх
Тымыр баттыыр
Тыын иһилиир
Тыһы Кырдай кыыс — диэннэр туойан туран кыыраллара.

Онон былыргы дьоннор, ойууттар ол саныылларынан төрүүбүн диэн өлөр дьахтар кута-сүрэ оол дойдуга киирэрин курдук өйдүүлэрэ үһү.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 4—5.

139. Оҕо өлүүтүн төрдө

Оҕотугар өлүүлээх киһи былыр ойууну кыырдардабына ойуун барара, уот иннинэн тус хоту аллараа дойдуга. Онно субугурдук диэн туойан киирэрэ үһү:

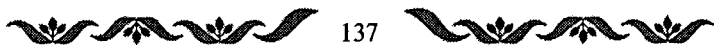
Хара тоҕой ыала,
Бухар дьолуо улууһа,
Бургуйа харса дьоно
Төрүүр оҕо төлкөтүн
Түгнэри тардар буолбуккут үһү.
Кэлэр ыччат кэскилин
Ингнэри ытыйар буолбуккут үһү.
Хара тоҕой ыала буолбут
Хааннаах айах
Хаан Бадалай тойон,
Хаан Бабылҕах хотун
Харгыйа хара уол,
Хаан хадьыалама кыыс.

Оол ыалга тоҕус олох кынан тийэрэ. Бухаар дьолуо улууһа буолбут Бургуйа харса тойон, Бургуйа харса хотун, Буос буҕайдаан уол, Буос бэсирик кыыс, оол ыалга икки тоҕус олох кынан тийэрэ. Оол анараа өттүнээҕи нуучча киһи чугуун күөһүн айабын курдук чөлөркөй аартыктаах, үлүгэрдээх өлүү өһүн бадылбаҕа дойдулаах Дуолан Харса тойон, Дуолаты Харса Хотун, Бэсирик атаах уол, Бэсирик атаах кыыс. Кинилэргэ үс тоҕус олоххо кыыраллара. Өлүүтүн суолун үлүгэнинэн бүөлүүллэрэ үһү (нэттэги).

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 217.

140. Харса

Харса диэн абааһы орто дойдуга үөскүүр оҕо уйатын¹ алдьатан сии олорор дьон. Аллараа Харса² — анараа Харса /.../³ Кудулу Харса диэн ортоку — Үөһэн Харса, бэтэрээнни Ылгын Харса

аартыгын ойун нэтээгинэн бүлээн кыыраар, онтон Харса уола /...кыыһа/ куттанар, сааһын туххары кэлбэт, онон оҕо үөскээн тыыннаах буолан хаалар. Харса уола уолу сиир, Харса кыыһа кыыһы сиир. Харса — кутуйах курдук оробун устун сылдыар дьон.

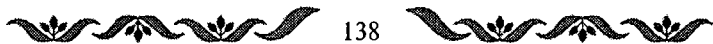
В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 217.

141. Отоһут төрдө

Отоһуттар ыарыйдахтарына ойууттар кыыраллара. Оттоку түн-нүк туһунан аллараа икки тобус олоххо, сүүһүгэр күн тыкпытын курдук туора туоһахталаах тиин, өрөбөтүн курдук үрүн өрөбөлөөх, луобалаах кутуруктаах, түөрт хатын, тоһоҕо курдук үрүн атахтардаах, ньэнкир туйахтаах муостаах күрүн кугас үс-түөрт хаардаах оҕус сүөһүннэн. Онно бардахтарына субугурдук диэн туойан киирэллэрэ үһү:

Тобус баас өлүү ирингэтэ хаана
Таһнары саккырыы тохто турар,
Кунан оҕус куолайын
Таһнары туппут курдук
Хаан дьолоуо аартык
Таһнары аймаһыйан түспүт дойдута,
Хардан эһэ тириитин
Хардарыта тамнаабыт курдук
Хаан бадалай дайдылаах
Адабалаах Ала буурай тойон;
Адабалаах Адылгы Буурай Хотун
Хаан аһаатыкы уол
Хаан хадьыалана кыыс
Тобус тордуйа хаанынан уһунуохтаангыт
Хандалы тыы саҕа
Хааннаах хара биһиги
Таһнары бигиэн ииппит уолгутун
Тоҕо төттөрү ылаары кынныгыт.
Илин өртүбэр үрбэлээх
Кэлин өртүбэр сэтиилээх
Тийиэн кэллим.
Тыын оннугар тыыннаабы
Күн оннугар күннээби аҕаллым — диирэ үһү.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 7—8.

142. Абааһыга кирии

Былыыр былыр, ханна эрэ үрэх баһыгар, үрүйэлээх-үрэхтээх үрдүк хайа үрдүгэр биир эвенки булчут туут хайыһарын миинэн чокуурунай бинитэкэтин сүгэн тиингии тахсыбыта. Бу кыһын будулбан тымныы кэмэ этэ.

Бэргэн ытааччы сарсыарда харанаттан киэһэ им сүтүөр дылы бултаан-алтаан, бүтүн сүгэһэр мунгунан сүгэ сырыттабына арай үрдүк өкөр тииккэ кугас тиинг өрө таннары куһуура сылдыбытыһыттан өлөрөн түһэрэр.

Булдун ылбакка эрэ ханна тийээн кэлбиттэн, ханан дьиилирин мунаара-мунаахсыһа сылдьан баран, ылыах буолбута. Эмпэрэ сыырга сытар буолан үктээбит хаара сыһайан куотан испит, тайабынан хаһырса сатаабыт. Ити курдук экирэтэн иһэн биирдэ ханна да барбыта биллибэтэх, саалыын саадахтыын тус-туспа баран, туох да тутуул кыайан биэрбэккэ, кулгааға куугунаан аллараа диэкки курулаан бадыа-бүдүө барбатах балык миинин курдук халлааннаах, кэдэрги кииннээх, көстүбэт күннээх чиески дойдуга тийээн тиэрэ нарайбытынан кэлэн торбос үтүлүк курдук тос гына түһэр.

Өр дуу, өтөр дуу буолта биллибэт, куттаммыта дөйбүтэ ааһан, өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ үрүн түүнүк ыспыт үллэннэс үөннээх, өрбөх кэбиһиилээх отко сытарын билинэр.

Ханна да барарын кыайан тобулбакка хараара мунаан сыттабына, аһаар харахтаах, аһаар илиилээх, аһаар атахтаах сырайын хабыллар хаба ортотугар үөлэс саға айахтаах, собоох курдук хаамтабына салыбырдыы сылдьар муруннаах, икки чабырбайыттан лөглү ойон тахсыбыт харыс кэрингэ уһун муостаах, бары этэ бар түү киһи кутуруга суох куһас эбириэн кунаннаах, долокуна хатыытын курдук түүлээх, чэс алтан харахтаах аһыс ойбоһо ардьаннаан көстөр, алтахтаан хаамар атыыр оһуһун булгутан баран, от тиэйэн барар.

Сүүһүн хабыллар хаба ортотунан куйуур ойбонун саға ирингэлээх эт бэргэ харабынан эрилис-бурулус көрүтэлиир, киһи баарын барыллаан билбэт мадьайа-мадьайа батары тордуохтуур, оччойоччойо ууран тиэйэр. Ити аайы булчуту сиирэ-халты тардыталыыр, кыл тыынынан куотан биэрэн иһэр. Отун орубуна аһаарын тиэйэр, бүппүт киһи быһыытынан тобус киһи тоноһонун онуоһа, сэттэ киһи сиһин сүлгүөбэ кэннин диэки хайыһан көрбөккө эрэ иһин-иһигэр кинкир-кинкир ырыалаах оһуһун миимитинэн барар-барбат икки ардынан айанныыр.

Булчут бу абааһы дойдугугар киирбиппин диэн билэн, сулана сордоно сатыыр: кимнээх буолан кимэ быһыһай, ханныктаах буолан ханныга харыстыай, саатар саата саадаҕа, хайыһара, бултаабыт бултара барыта ханна хаалбыта биллибэт, хайыһан эргиллэн көрө сатыыр, дьоло диэн өтүгэр бааммыт отойоро [быһаҕа] баарын билэн мунура суох үөрэр. Син биир диир, аны кэлэн айыым сиригэр эргиллибэт аны абааһы буолар киһи буоллабым дии саныыр да абааһы уолун экирэтэн тийэн сыарҕатыгар кэннитигэр хатаастар. Сотору миигин сии охсоллоро буоллар үчүгэй буолуо этэ, — диэн иһигэр биир мүччүрүйбэт санааны саныыр.

Киһитэ кэнсик буруонан өтүөхтүү сытар иннэри балаҕанна киирэн таһаһын-сабын ыйыыр, оҕуһа ото булгутуллубакка тэлгэһэ тардыллар. Күрүө хаһаа чугаһынан көстүбэт. Суккуруур тыыннара, харахтарын уута эрэ хаалбыт иэбэнни сылдыар тоҕус толбон сүөһү, кутаар өлүү былдыабыт тоҕус толунһабынан үктэммит толугурдаах торбостоохтор.

Өрбөх курдук өрүннүгү аһан киирбитин дьиэлээхтэр баарды ҕымматахтар. Дьиэ иччилэрэ барыта соботох сойуо харахтаахтар. Онолуйа сытар оҕонньор, энэлийэ сылдыар эмээхсин, уһа ханас илбирдээбит хамначчыттар барыта тоҕуска тийэ туоппалыһаллар. Арай булчут хараҕар хатанар харанга хаппахчы хаайыылаах, түүнүктээх түрүмэ чуулааннаах кырасыабай диэн кыыстаахтар.

Хас да хонор, ити былааныгар кини баарын билбэттэр, аһара диэни буһарбат дьаллыктаах сиикэйдии симэһиннэри ыйыстар дьон эбит, өлөр кыһалҕаттан булчут аһаһар, ону да билбэттэр.

Киһи идэ булан түүн эрэ буоллар кырасыабай кыыстарыгар кыһанар, эппэккэ эрэ эмэрийиэх буолбута иэдээн-куудаан, ыһыһаһы, ынчык-бөтүөх буолар, ойун аҕалан кыырдаллар, олох туһалаабат, онтон улуу удаһаны аҕалаллар, уоһугар киирбэт. Үһүс төгүлүн аар саарга ааттамматах аҕыс уонуттан тахсыбыт аранас баттаах аҕа баһылык ойууннара тоҕус түүннээх күн тохтоло суох кыыраар, киһи ыксыыр, билэн сиэри ҕыннахтара диэн хотонунан дьиэнэн куота сатыыр, барытыгар хара барык ойууна баар буолар.

Кэтэбэриин биллэриктэн булан тутан ылар, тыыппытым диэн ээбин этитэр уонна үөһэ диэки үрэн кэбиспитэ били хаһан эрэ бултуу сылдьан тиинги кыайан ылбакка аллараа дойдуга түспүт сирэ буолан биэрэр. Иккитэ төрөөбүт саҕа саныыр. Ыһыллыбыт малын барытын хомуйан манан дьиэм баара буолуо диэн айаннаан иһэр, ити туххары аччыктаабытын билбэтэҕэ, иһэ сиһин үөһүгэр сыстан сор-мун бөһөнөн дьиэтигэр тийэн кэлэр.

Ити сүппүтүтгэн ылата дьонноро булт диэни бултаабакка быһа көрдүү сылдыбыттар. Булчут ханна хайдах сылдыбын туохха хан-ныкка түбэспитин бука барытын баһыттан атабар диэри кэпсээн биэрбитэ үһү.

Онон: «Абааһыларга түбэстэххэ туох эмэ моһуоһу онгорор буолаарын, оччоҕо кинилэр энигитини эмиэ мин курдук бэрт түргэнник, этиэх-эбириийиэх бэтэрээ өртүгэр, таһааран биэриэхтэрэ».

Мэнэ-Хангалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, 67 саастаах Гермоген Давыдович Григорьев тылыттан. М.Г. Наумовской суруйбута, атырдыах ыйын 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 30—30 об.

ТӨРҮТ ӨБҮГЭЛЭР УОННА КИҢИ ДЬЫЛБАТЫН ТУҢУНАН

143. Хаан Дьарылык уонна Эллэй

Былыр Эллэй Боотур аҕатыныын Татаар Тайма оҕонньордуун бас бэринэ сылдыбыт ыраахтааҕыта Хаан Дьарылык диэн баара эбитэ үһү.

Хаан Дьарылык Сир ийэ Сибэтиэй Маарыйа диэни ойох ылаары гынар. Ол кыыска тийэр үчүгэй аан дойду үрдүгэр суох эбитэ үһү. Ол кыыс ханна баарын арай Эллэй Боотур билэрэ буолуо дириллэр дьоннор.

Үндүлүүн өрүс баһыгар Үллэр күөл диэн баара үһү. Татаар Тайма уолунуун Эллэй Боотурдуун онно олорор үһү. Хаан Дьарылык Эллэй Боотуру ынгыртаран ылар. Эллэй аҕатын хааһаха уган илдэ кэлэр. Хаан Дьарылык Эллэйгэ: «Сир ийэ Сибэтиэй Маарыйаны булан кул», — диир.

Эллэй үс сыллааҕы аһылыгын тэринэр, уунан устарга хараап онгостор, хааһахтаах аҕатын ылар. Хаан Дьарылык сэриитин кытта бииргэ барсар. Устан иһэн, биир халлаанҥа тийэр, үрдүк хайа анныгар тийэн кэллэр. Көрбүттэрэ — ууга ким да көрүөхтэ көрбөтөх үчүгэй дьахтарын күлүгэ көстөр. Хаан Дьарылык: «Дьэ мин аналлаах дьахтарым ити баар эбит, түһэн таһаара охсун!» — бирикээстээн сэриитин дьонун утуу-субуу ууга түһэртээн истэ. Дьоннор түһэллэр да күөрэйбэттэр, дьахтары да таһаарбаттар. Эллэй аҕатыттан сүбэ ыйытар, онуоха аҕата этэр: «Ити икки көс үрдүктээх¹ таас хайа үрдүгэр олорор дьахтар күлүгэр дьонун түһэрэн бүтэрэн эрэр. Мин эйиэхэ уһун быа биэрэбин, эн тимир

бадаарда онгохун. Хаан эйиигин түс диэбэ, оччобо этээр: “Эн ол үөһээ хайа үрдүгэр олорор дьахтар күлүгэр дьонгун түһэрэн бүтэрдин. Түспэппин”, — диэн. Оччобо хайаба тахсарга бирикээстиэбэ. Оноуха этээр: “Тахсытын тахсыам, ол гынан баран, мин эмиэ тэбэр сүрэхтээхпин, онон дьахтары, бука, эйиэхэ түһэриэм суоба. Былдыатыаххын бабарбатаххына сэптэ онгохун, бэйэн табыс”, — диэн».

Бу ыккардыгар Хаан Дьарылык сэриитэ бүтэн хаалар. Эллэйи: «Түс!» — диир. Эллэй аята сүбэлээбитин курдук этэр уонна тимир бадаар онгостор. Хаан Дьарылык хайа үрдүгэр бэйэтэ тахсар. Тахсыбыта, кырдык даҕаны биир үтүөкэлээх дьахтар баттабын тараана олорор. Хаан сүүрэн тийэн дьахтары сабардыыр. Арай тимир кыабакы быата соботохто «кылыр» гына түһэр да, соботохто барыта сүтэн хаалар.

Татаар Тайма уолуттан ыйытар: «Сүттэ дуо?». «Сүттэ, — диир уола. — Ити хааһаха ас үөл баар, аһыаха. Аһаан баран күрүөхпүт».

Хааһахтаах аһы ылан аһыыллар. Аһыы олорон оҕонньор кэпсиир: «Мантан хоту, тымныы сиргэ таас хайа баар үһү, онно өрүс баар буолуохтаах. Онно чынха хоту диэки мас киилин батыһан бардаххына тийиэн».

Эллэй аҕатын хааһабар уган кэбиһэр уонна кинини сүкпүтүнэн барар. Ол баран Өлүөнө өрүс баһын булар. Бу өрүс устун таннары устар. Ол иһэн биир элбэх бултаах баай арыыны булар. Онно балаһан туттан олороллор. Бу олороннор, аята уолугар сүгэ олугун өрүс устун ыталаа диэн сүбэлиир. Татаар Тайма, өлөрө кэлэн, уолугар кэриэс тылын этэр. «Мантан таннары устан истэххинэ үс кыыстаах баай оҕонньорго тийиэн. Ол оҕонньордоох куһаһан кыыстарын ойох ылаар. Миигин манна көмөн кээс», — диэн.

Эллэй өрүһү таннары устар. Онтон биир сиргэ тыаба тахсан утуяа сыттабына, Онобой баай сылгыһыта көрөн оҕонньордоох эмээхсингэ кэпсиир. Оҕонньордоох эмээхсин иккиэн тахсан Эллэйи дьыэлэригэр киллэрэллэр.

Эллэй Онобой баайга сылгыһыт буолар. Кини күүһэ-уоҕа сүрдээх, кыайыылаах хоһуун үлэһит. Кини өр үлэлиир. Биирдэ Эллэй кыһыран сылгыларын атахтарыттан таннары соһон ыла-ыла остоолбо бүтэй иһигэр бырабалыыр. Онобой эмээхсинэ куттанан көрдөһөр уонна: «Үс кыыспыттан талан ыл», — диир. Оноуха Эллэй куһаһан кыыстарын талан ылар. Икки үчүгэй кыыс абаланан хайдах буолуохтарын булбаттар. Оттон оҕонньордоох эмээхсин кэлэйэннэр, кыыстаах күтүөттэригэр тыһабаастаах ынабы кытта тыйдаах биэни эрэ биэрбиттэр.

Эллэй туспа ыал буолан олорор. Кини сайын дьиэтин таһыгар түптэ бөбөнү онгорор, онно Оноҕой сылгыта, сүөһүтэ кэлэн мунньустар. Эллэйдээх ол мунньустар ынахтары ыан иһэллэр. Ойоҕо кыллаах иһиттэри тигэр. Түптэбэ мунньустар биэлэри ыан сайын киэн ыһыах тэрийэллэр. Ыһыах буолар сиригэр чэчир анһаллар, сэргэ туруораллар, ас тэрийэллэр, кымыс бэлэмнииллэр. Бу ыһыахтарыгар оҕонньордоох эмээхсини уонна дьоннорун-сэргэлэрин барытын ыңыраллар. Оноҕой Баай эмээхсининин улаханнык сөбүлүүллэр уонна оҕонньор этэр: «Куһаҕанга да дьол баар буолар эбит, куһаҕаны атаҕастаабат буолун», — диэн. Оҕонньордоох эмээхсин үөрүүлэригэр ыһыахха үнкүүлээбиттэр. Онно былыт тахсан кэлбит уонна ол былыттан үс аңаар быластаах исэгэй түспүт үһү.

Бүлүү оройуонун Хабын нэһилиэгин Данил Лукин диэн кинитин тылыттан. Д.П. Афанасьев суруйбута 1944 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 84—85].

147. Орхон Болодой, Хара Түмэн

Бэрт былыр бу Бүлүүнү саха кинитэ була илигинэ (ураанхай була илигинэ), собурууттан саамай бастаан булбут Хара Түмэн диэн эбит. Ол Хара Түмэн сир көрдүү олорон, олохсуйан үөскүүр дойдуну билэ бу Бүлүү өрүһүн (үрэҕин) таннары икки буолан кэлбиттэр. Ол кинини кытта бииргэ кэлсибит түүллээх-биттээх, ойуун аңаардаах Орхон Болодой диэн. Ол кэлэннэр үс Бүлүү төрдүгэр тохтоон хоноллор. Ол хонон туран бараннар Орхон Болодой сэхэргиир: «Бу үрэх диэкиттэн бэрт сылаас итии салгын билиннэ, онон кэнэбэс бэрт баай-тог, киһи-сүөһү үөскүүр бэрт дьоллоох олохсуйар үрэбэ буолуо. Бэрт бүтэй дойду эбит, онон бу сир аата Сьа Бүлүү, Бүтэй Бүлүү диэн буоллун», — диэн этэн ааспыт.

Ол этиитинэн бу Бүлүү аата «Бүтэй Бүлүү», «Сьа Бүлүү» диэн ааттанар, билиннэ дылы ырыаҕа-хоһоонҕо киирэр.

Үөһээ-Бүлүү оройуона Ороһу нэһилиэгэ, 69 саастаах Василий Степанович Дмитриев тылыттан. С.И. Боло суруйбута, бэс ыйын 17 күнэ 1938 с., Куорамыкы [ИПРЯ, ч. 1, с. 87].

148. Бөрө саҕа соргулаах Бөрө Бөтүгнэр

Бэрт былыр аймах хаан, хас да ини-бии быраат Бөрө Бөтүгнэр¹ диэн дьон олоортор. Олортон ааттара биллэр — Маһарах, Тизтэйбит Боотур кини оҕото Тиин (Киис) Саҕынньах диэн тобус саастаах оҕо Үгэнэй Мэччиик, Бэрт Хара уонна Холлоҕос

диэн, балыстара Тыаһааны удабан диэн удабаннара дьахтар бааллара үһү. Бу дьон былыргы олохторо Соморсуун Арыылааҕа диэн сиргэ эбит. Кинилэри кытта ыаллаһан олорбут бу билигин Бөтүг олорор сиригэр Балабаннаах диэн алааһынан барыта кини сэттэ уонча киһилээх биир аймах, туспа дьон Наахаралар² диэн-нэр олоортор.

Бөтүгнэр ол Наахараларга биир кыыстарын былыр үйэҕэ ойох биэрэн, ол кыыстарыттан төрөөн хаалбыт биир Бөдьөкө диэн сиэн-нэрэ киһи баара үһү. Онон ийэ уруутунан Бөтүгнэр Наахаралары кытта уруурбаһаллара үһү.

Обурдук олорон наахаралар бөтүгнэр саамай маанылаан илдьэ сылдьар үчүгэйкээн диэн дьүһүннээх Холлобос диэн кыыс дьахтары уонна эмиэ маанылаан илдьэ сылдьар бөҕө мөссүөннээх ситтэбинэ ситэ силгэлээх бухатыыр киһи буолуох көрүгнээх Тиин Саньыннаах диэн тобус саастаах уол оҕону иккиэннэрин биирдэ, биһиэхэ аҕалын диэн көрдүүлэр. Маны Бөтүгнэр биэрбэттэр. Онтон сылтаан иирсэллэр, өстөһөллөр.

Ол гынан биирдэ саамай бэртэрэ, бөҕөстөрө Тизтэйбит Боотур суоҕар Бөтүгнэргэ Наахаралар сэрии кыргыс дьоно буолан тийэйллэр.

Маныха бөтүгнэр, иһэллэрин билээннэр, биир сиргэ тоһуйан олорон, наахаралартан биир бастаан иһэр туоһахталаах хаан тураҕас аттаах киһи үгүүтүн өрө туппутунан сиэллэрин иһэрин көрөн ытан саайбыттара, охторо баран аты туоһахтатынан дьөлө түһэн, киһини соботохто ытан суулларан түһэрэллэр. Маныха Наахаралар үөс биэрбэккэ тоҕо анһан киирэллэр да, Бөтүгнэр ыксаан куотан аҕыс муннуктаах ампаар дьиэлэригэр³ киирэн хатанан кэбиһэллэр. Онуоха Наахаралар: «Чэ, тыыннаах хаалыаххыт буоллар, оҕобутун Тиин Саньыннааҕы таһааран кулун», — диэн оҕону көрдүүлэр. Маныха ийэтэ: «Оҕобун өлөрүөхтэрэ суоҕа», — диэн куттанан оҕотун таһырдыа анһан биэрэр. Онуоха тула өттүттэн үгүүнэн түһэллэр, ону оҕо ыстанан аһаран биэрэн мүччү охсон, куотан мэээнэ сүүрэр. Ону Наахаралар оҕо кэнниттэн ытыалаан тобус саастаах оҕо кыаһаан курдук хатыылар. Ол гынан куота сылдьар оҕо барахсан ол олорор эбэтин үстэ эргийэн баран кэлэн ампаарын таһыгар охтубут. Ону онно үгүү-батас аһылыга гыммыттар⁴.

Онтон Наахаралар Бөтүгнэр дьиэлэрин тас өттүттэн уоттаан барбыттар. Маныха уот ампаары оттолуу сиэн эрдэбинэ, үрдүгэр биир улахан тиити суулларан түһэрэн самнары баттаппыттар. Онуо-

ха Бөтүгнэр буруожа уокка тумнаста сыһан ыксаан дьиэлэрин иһигэр баар ииннэригэр подпольдыажа киирэн биэрэллэр. Наахаралар хонолор. Бөтүгнэри барыларын өлөрдүбүт, быстыбыт, оностоллор, кинилэр саһан иингэ киирэн сыталларын өрүү билбэтэхтэр.

Сарсыарда туран Наахаралар умайбыт дьиэ үрдүгэр туора түһэ сытар тиити үрдүнэн хаамаллар, ол хаама сылдьан биир киһи күлүү-элэк онгостон: «Оо, дьэ бу хаарыан таайдарбыт күллүү көтөн, уоттуу умуллан өллөхтөрө тобо бэрдэй-дөбөнөй оҕолоор?» — дии-дии ыллаабыт. Ону аллараттан, иин подполдыа хаппабын аһаҕаһынан көрөн Бөтүгнэртэн биир киһи өрө ытан таһаарар да, киһи өлөн күлгэ «күс» гына түһэр. Онтон соһуйан Наахаралар: «Аны өлөн баран абааһылара⁵ илэ сүүрэн киһини былдыаары гыныаҕа. Кэбис, бөрө саҕа соргулара буоллун!» — дэсигэн баран бары куттанан төннөллөр.

Кинилэр кэннилэриттэн аҕай сотору дьонноро иинтэн тахсан аймалаһан эрдэхтэринэ, Тиэтэйбит Боотур киирэн кэлэр. Ол кэлэн Наахаралар сэриилээн бартарын билэн-көрөн абаланар. Ол гынан Тиэтэйбит Боотур дьонун ыгыран, сэрии кыргыс дьоно буолан, эккирэтэн кэлэн, Наахаралар олохторугар Сыһаһа, Балаҕаннаах диэн алаастарынан эккирэтиһэ сылдьан кыргыһаллар. Улахан өлөрсүү бу Балаҕаннаах алааска буолбут. Сыһаһаҕа олорор дьону бу Балаҕаннаахха үүрэн киллэрэннэр ордорбокко кэриэтэ кыргаллар. Онтон оппуттара куотаннар Хотуйа диэн үрэҕинэн өрө тахсаллар.

Маныха Бөтүгнэр тохтоон биир сиргэ олорон удаҕаннарын кырдаран, илбиһи түһэттэрэллэр. Онно Тыһааны удаҕан Тиэтэйбит Боотурга илбис ингэрэн, алҕаан барар. Онуоха Тиэтэйбит Боотур үлүһүйэн, өрө бабыгыры түһэн баран, туох да сэбэ-сэбиргэлэ суох сыгынныах бэйэтинэн Наахаралар суолларын устун мээһэ сүүрэр. Ону Бөтүгнэр эккирэтэн, атынан ситэн ылан үрдүгэр обуур быа быраҕан биир тииккэ сөрүү көтөллөр. Маныха били илбиһи ингэртэрбит киһи аанһа буолуо дуо, быһа мөҕүнэн, сылгылыы, үөр атырыныны мөхсөн тиити хатырыктыы үрүн аһын быһа түһэн, кыһыл этигэр тиэрдэн тохтуур. Дьэ онуоха үгүс киһи хам тутан туруоран куйах кэтэрдэн, үгүү-батас туттаран баран төлөрүтэн ытан кэбиһэллэр. Ол ышпыттарыгар Тиэтэйбит Боотур үрэҕи өрө сүүрэн тийэн, үрэх баһыгар Харыйалаах диэнгэ Наахаралар хонон угуя сыттаһара тийэн, аһар уһугуттан өлөртөөн, кырган барар.

Наахаралартан арай биир ойуун киһи баара: «Манна хонорбут сатаныа суох», — диэн көрүүлэнэн оҕолордуун кэргэнниин туораан, дьонноруттан арабан, сискэ тахсан, саһан хоммут. Маны дьоно күлүү гына хаалтар. Ол эрэ ойууну Бөтүгнэр булан өлөр-бөтөхтөр. Дьонун өлөртөөн кыайан мэлиппитин кэннэ Тизтэйбит дьоно тийбиттэр. Ол тийбиттэрэ, арай, киһилэрэ икки киһи куотан күөлгэ киирэн умсубуттарын көрдөөн, күөлү эргийэ сылдьар эбит. Ол кэннэ биир киһи үрэх сөкүтүгэр киирэн саһан хаалбыт. Маны тийээннэр Бөтүгнэр охторо бараныар диэри көрдөөн ытыалы сатыыллар да булбаттар. Ол гынан охторо баранан ыксаан, бары биир сиргэ мустан туран, үс оҕу булан ыланнар удабаннарыгар тыл этитэн албатан баран, Тизтэйбит Боотур үөһээ халлаан оройун диэки ытыалаан кэбиһэр. Мантыкалара эргийэн түһүүлэригэр икки киһини ууттан булан мэйиилэрин тэһэ түһэн өлөртүүллэр, сөкүгэ сытар биир киһини ох кэлэн такымын ингиирин быһа түһэн кэбиһэр да, киһи онно сытан саһан хаалар. Уоннаабылларын олорчу өлөртөөн кыайан-хотон Бөтүгнэр төннөллөр.

Дьэ ол саһан, күрээп хаалбыт ойуунтан, хойут үөскээннэр «Наахара Ойуун ууһа» дьон баар буолтар, оттон ол такымын ингиирин быһа түһэртэрбит киһиттэн «Такыр ууһа⁶ Наахаралар» диэн үөскээн баар буолтар.

Тизтэйбит Боотур илбиһин Тьаһааны удабан төттөрү өбөрүйэн ылан, киһи киһинэн онгорон кэбиспит.

Онон хойут хоһоонно тулар «Бөрө саҕа соргулаах Бөрө Бөтүгнэрэ» диэн ааттанан үөскээн олоортор. Кинилэр былыргы Наахаралар олохторунан олохсуйан, ол билигин Хотуйа үрэбинэн, Сыһаһанан, Балаһаннаабынан, Чапчылһанынан эргийэ олохтоммуттар.

Былыр Бөтүг биэс аҕа уустааҕа: Маһарах, Кэһньэ, Ураанай, Күөттэм, Чорду диэннэр этэ. Олор хойут Ботуруускай улууһа, үс улуус — Ботуруускай, Таатта, Амма буолан — арахсыыларыгар: Бөтүг, Ураанай, Кэһньэ диэн үс нэһилиэк буолтара. 1931 сыл ыла хат эргийэн биир Бөтүг диэн нэһилиэк буолан олоробут.

Өссө бу дойдуга, ол былыргы «Кыргыс сэргэтэ»⁷ диэн икки ытарбалы муостаах сэргэ иэбэйэн турарын мин сол Сыһаһа диэн алааска көрөрүм, аны суулан, эмэбирэн түспүт. Ол кэннэ Тизтэйбит кыргыбыт сиригэр, Хотуйа баһыгар, Харыйалаахха бу хойут өлбүт киһи унуоҕун, төбөтүн, сототун унуохтарын, ол кэннэ охтору даһаны мээлэ булан көрөллөрө. Бу саһардыыһа диэри Балаһаннаах алаас үрдүнэн Амма сыһын кэриччи сиргэ-буорга махта киһи унуохтара буолара. Кырдьаһастар этэр буолаллара, бу дойду-

га Балажаннаах алааска ордук хаан тохтубут сирэ диэн ахтан номох-хоһоон онгостор буолаллара.

Амма оройуонун Бетүн нэһилиэгэ, 74 саастаах Анна Николаевна Нестерева-Сутакова тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдыах ыйын 20 күнэ 1933 с., Балажаннаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 199—201].

150. Орук мас төрүттээх

Ханалас төрдө оруктаах мас. Ону ытыктаан күрүөлүүллэрэ, алдыаппатара үһү. Былыр оруктаах мас төрдүгэр харалаах ыас тэллэх үрдүгэр сэттэ чабычач арыылаах суораты тардан онно ообуй обус түстэбинэ ону обото суох дьахтар сизэтэбинэ обо төрүүр, өлбөт обо.

Ообуй обус түспэтэбинэ бу дьахтар хайа да күн обото суох буолсу дииллэрэ үһү. Биһи Хадаарга оругу ытыгылаабаттар.

А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 1, оп. 12, л. 69, л. 74.

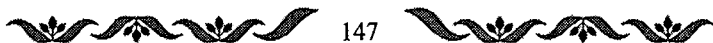
151. Таас Уллунах

Арбаа өрүскэ олохтоох Дыгын Тойон диэн баара үһү. Кини бэрт элбэх сэриилээх, баайдаах, оччотообу сахаба ыраахтаабы, баһылык кэриэтэ буолбут киһи эбит. Дыгын бэрт үгүс буйун дьоннообо үһү. Киниттэн бэйэтиттэн төрүөбүт биир Таас Уллуннаах диэн, уллунаба килэгир таас, ойобосторо тилэ муос, бухатыыр, буйун буолуох обо баара. Бу оботун: «Миигиттэн ордук киһи, буйун үөскээри гынна, бэйэбиттэн ордук үөскүөбэр сатамат»¹, — диэн үс аан дойдуну² бухатыырдарын ыныттаран ылан өлөттөрө сатыыр да, ким да кини оботун, Таас Уллунабы кыайан өлөрөр буйун киһи түбэспэт. Ол өлөрбөтөхтөрүн Дыгын бэйэтэ, обо түүн угуя сыттабына, уоран тайыынан түһэн өлөрөн кэбиһэр. Обордук кэптээх тойон эбит Тыгын.

Амма оройуона. Бетүн нэһилиэгэ, 102 саастаах колхозтаах тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдыах ыйын 16 күнэ 1938 с., Молуода [ИПРЯ, ч. 1, с. 126].

152. Муос уол¹

Тыгынна Чаллаайы Бөбө диэн уолтан ураты Муос уол диэн бүтүннүү бэйэтэ муос бүрүөлээх уол баара үһү. Кини ханас хоннобун анныгар эрэ биэстээх харчы саба аһаһас эттээбэ үһү. Тыгын

бу уолуттан, кини улааттабына миигиннээбэр ордук бухатыыр ки-
ни буолуо диэн, кыбыстар эбит. Биирдэ эмээхсиниттэн ыйытар:
«Уолун сиикэй эттээбин билэбин дуо?» — диэн. Эмээхсин оҕоннь-
оро туох санаалаабын билбэт, онон этэн биэрэр.

Тыгын алаас кытытыгыгар киирэн Муос Уолугар баһын быт-
тата олорбут. Уол тугу да күүппэккэ аҕатын баттабын быһыһтан
быттыгы турбут. Аҕата буолааччы быттыгы турар уолу аллараттан
хангас хоннобун анныгар батыйанан саайбыт. Уол эрэйдээх аҕатын
батыйатын тосту охсон кээспит уонна үс көстөөх сиргэ тийэн
охтубут.

Бүлүү оройуона Хабын нэһилиэгэ Данил Лукин тылыттан.
Д.П. Афанасьев суруйбута, 1944 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 125—126].

153. Кытыгырас Хаптаҕай Баатыр өлүүтэ

Арбаҕас Эччэккэй диэн омук эрин бэрдэ баар эбит. Ону кытта
бэйэлэрин бэтэрин биссээри, Хаптаҕай Баатыр күрэстэхэр: сым-
сан, ыстангалаһан, сымал ытыһан. Онно барытыгар тэн буолан иһэл-
лэр. Бу туран мөккүһэн, Ат Хайа диэн Торуой Энэ сиригэр баар
үрдүк хайаттан хайыһарынан сирэйинэн түһэллэр. Онно Хаптаҕай
Баатыр хайаттан халыйан Олдьоону диэн үрэҕи үрдүнэн көтөн,
үнуоргу сыырын үрдүгэр баран, тура түһэр. Тонуга Олдьоону үрдү-
нэн ыстанан тахсытыгар, унуоргу сыырыгар баран хайыһарын
тоһутар. Ону сахата: «Мин кыайдым. Эн миэхэ тийбэт эр эбик-
кин», — диир.

Хаптаҕай Баатыр ааттаах кытыгырас, хайыһардыт киһи, хан-
нык да табаны, тайабы куоттарбат киһи. Ат Хайаттан биир тайабы
туруоран экирэтэр. Тайабын сиппэт туура. Күнүскү ынахтан түөт-
түүргү ынахха дылы экирэтэн баран өйдөөн көрбүтэ: өрөбүтүгэр
үс субурга атахтаах халлаан мэк тубут кыыла эбит. Ону билэн,
тохтоон хаалбыт. Өйдөөн көрбүтэ, Дулабы Алыы диэн Дулабалаах
баһыгар Моой үрэххэ тийбит. Ат Хайа икки Дулаба Алыы икки
арда биэс алта көс. Дьэ төннөр дойдутугар. Хаптаҕай Баатыр бу
курдук кытыгырас киһи.

Хаптаҕай Баатыр кырдьан баран, тайабынан сылдьан, дьиз
таһыгар кыра оҕолору үөрэтэн, талах оноһоһунан ытыалата ооннь-
уур үһү. Онобосторо эриэн талах оноһос. Бу сылдьан биир тобус
саастаах оҕо албас тобутун уутугар түһэрэр. Онтон сылтаан өлөр.
Онуоха өлөөрү сытан, этэр үһү: «Мин өлөр тыным итиннэ баар

этэ. Ону мин кэмим кэлэн, ити оџо табан өлөрдөџө. Ити оџо миигин соруйан өлөрбөтө», — диэн.

Дьяангы оройуона бастакы Энгэ нэһилиэгэ, 65 саастаах Михаил Егорович Рожин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 12 күнэ 1940 с. Аһар диэн сир [ИПРЯ, ч. 2, с. 71].

154. Онгоһуу¹

Арай биир ыалга хоноһо хоммут. Бу ыалга дьахтар төрөөбүт. Төрөөбүтэ үс хоммут. Маны хоноһо кыһын да билбэт, уолун да билбэт. Тайҕалаан испит. Кини суол ааныгар сыппыт. Ол сыттабына түүн үөһэ холобурдаахха күөх өгнөөх таҕастаах оџолор² көтөн түспүттэр, таһыттан. Кииртэр да остуолга баран кумаабы тэлгэтэн бааттар. «Дьэ бу кыһы суруйуобун, дьэ хайдах суруйабыт? — дэһэн баран, — дьэ, өлбөт үөстээх, үһүн үйэлээх, быаҕа да өлбөт буоллун, быһах да хоппот буоллун. Туохха оџо-уруу төрөпшөтүн, сүүнэ эримсэх буоллун. Ол гынан баран кэнэбэс бу суол ааныгар сытар киһи ылыахтын», — диэн суруйан баран тахсан баран хааллылар. Киһи маны истэн кыһыда: «Бу сүүрбэччэлээх киһи бу 3 хонуктаах кыһы ылыам үһү, хайдах быһах хоппот, быа кыайбат киһитэ буолуой, дьэ мин ону көрдөбүм», — диэн ийэтэ-аџата утуйа сыттабына уоран быһабынан тиирэн иһин хайа баттаан кээстэ. Ол гынан баран тахсан баран хаалар. Дьэ сассыарда ийэтэ аџата көөттөрө иһэ хайдан хаалбыт, оһоџоһо алдьамматах, ылан уган баран тараһатын тигэн кээстэр.

Онтон арааһа сүүрбэччэ сыл буолан баран бу киһи арай эмиэ манан эргийэн кэлэр, көнүү бөџөнү көнөн. Бу ыаллара үчүгэй ыаллар эбит. Бу кэлэн көөртө — бу ыалга туох да сүрдээх үчүгэй, этиргэн кыыс баарын хараџар хатаата. Бу дьон кинини билбэттэр, кини да билбэт киһи буолла. Дьэ бу кыыска баџаран барда. Манна үс хас хонно. Онтон арыгы тардан олорон: «Дьэ оџонньоор бу кыыскыт киһиэхэ бара илик буоллабына ыйытыахпын баџарабын», — диэн буолла. Оџонньор: «Ээ онтон оџо сөбүлүүрү билиэ буоллаџа дии», — диэтэ. Кыыстан ыйыталлар, кыыс сөбүлээтэ. Бэргэхэлэннилэр. Онтон хоонньоһо сытан ойобун эмэриссэн, томоруссан көрбүтэ арай тараһатыгар ыччык-быччык баас онно баар. Онно туран: «Хайдах доџоор бу таалын онно дуу тугуй?» — диэн ыйытар. «Былыр төрөөбүтүм үс хонтун кэннэ биир киһи хоммута үһү, ол хоно сытан испин быһабынан хайа баттаан барта үһү —

диир. — Ону бу тигэн оһоппуттар». Бу киһи дьэ бабат диир. «О-о, Одун хаан оһоһуута, Чыгыс хаан ыйааҕа да буолар эбит»³, — диэн иһигэр санаатаҕа үһү. Бу да гыннар ойох гыммыта үһү. Бу дьахтар сүрдээх содур эбитэ үһү. Ону оһоһуута буоллаҕа диэн эрэ хаһан да мөхпөтөх, күнүүлээбэтэх үһү. Онон бөбө оһоһуулаабы туох да кыайбат эбит. Киһи төрүүрүгэр төлкөлөнөн, оһоһуллан төрүүр эбит, оһоһууну туох да кыайбат эбит диэн кэпсириллэр үһү.

Мэнэ-Хангалас оройуона ойуун Яковлев-Куруппа тылыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, л. 536, л. 3—6.

155. Уустар дьаданҕы буолтара

Мас ууһа оһорбут. Кини уоллаах кыыс оһолоох, ойохтоох эбит. Күн тура-тура уһанан сордонор үһү, да, тэбис-тэнг, куруук кини тииммэт-түгэммэт, быстыбыт буолар үһү. Арай биридэ уус уһана турдаҕына, таһара тийэн кэлбит. Ол кэлэн ыйыппыт: «Уус, бу туохха маннык күүскэ үлэлигин?» — диэн. Ону ууһа эппит: «Мин көлөһүнүм чизпэрин ууга кутабын, биир чизпэрин иэс биэрэбин. Аһаарын эрэ ойохпунан бэйэм сиибин. Онон кыл мүччү тэбис-тэнг эрэ оһоробун». Ол аата буолар: ууга кутабын диэн, көлөһүнүм чизпэрин кыһа сиэн баран эргэ барара. Онтон атын чизпэрин уола сиир. Хойут кини аһатын иитиэх кэриннээх.

Ону истэн туран таһара: «Эн, уус, сааһын тухары тус иннигэр эрэ мөхсөр буолаар», — диэн баран былаҕастабыы оһсон кэбиспит. Онтон ыла уустар байбат буолтар.

Мэнэ-Хангалас оройуона иккис Наахара нэһилиэгэ П.Т. Степанов суруйбута, аһсынныы 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 284—285].

156. Өлбүт киһини кэритии¹

Быһыр биир булчут киһи илин тыаҕа бултуу таһсыбыт. Ол таһсан бэрт үчүгэйдик бултаан баран төннөн испит. Айан киһитэ тардыллан бытааран хаалбыт, харана буолбут, киһи табаларын аһатарыгар боттуоналаах (табыгастаах) сири көрө испит. Ол истэбинэ арай суол кытытыгар иччитэх өтөххө, сэргэбэ уон ат бааллан турар үһү, түннүгүнэн көрдөххө дьиз иһэ сап-сандаһас сырдык, дьон элэннэс үһүлэр. Айанныт үөрэн, хата манна хоһон бардабым диэн, табаларын тэлгэһэбэ тохтотон баран, сэргэбэ бааллан турар аттары эргим-ургум көрбүтэ, били киһи нэһилиэк кинээһигэр баар «Үрдук сиэр» симэниэбинэн симэнэн баран наһыйан ту-

рар эбит. Киһи дьэ бу хайдаһый, биһиги кинээспит атыһыттарын атаараары истэбэ дуу, диэбитинэн тиэтэйэ-саарайа собус дьиэбэ көтөн түспүт. Онно көрбүтэ уонча киһи баар үһү. Оһобу икки чанчыгынан уоту оттубуттар, сүрдээх улахан солууру уокка уурбуттар үһү. Дьону кэриччи көрөн уҥа орон диэкки көрбүтэ — бастын остуолга кини кинээһин ойбо кизргэниэбинэн кизргэнэн барап олорор үһү. Айанныт аттыгар тийэн: «Дорообо», — диэбит да анараангыта тугу да санарбатах, хайыһан да көрбөтөх. Бу хайдах баһайыный диэн эргим-ургум сирийэн көрбүтэ дьоно, бары даһаны уодас-саадас курдук үһүлэр. Тугу даһаны боччумнааһы кэпсэтии суох үһү. Хайдах эрэ нһай-нһамалас санга иһиллэр үһү. Айанныт муна-тэнэ олордоһуна сүр түргэн үлүгэрдик аттар туйахтарыны тыаһа хабылла түспүт, уот умуллан хаалбыт, тымта ытыс таһынар ыас харана буола түспүт. Айанныт соһуйбут, туох абыгар түбэстим диэн өрө тарбачыһа түспүт. Өйдөнөн кэлэн бэйэтэ харбыалаһан уот оттон ол түүн хоммут. Сассынгытыгар кэлэн дойдутугар киирбит. Онно кэлэн истибитэ — кинээһин ойбо били кини иччитэх дьиэбэ хоннобун түүн өлбүт. «Үрдүк сиэр» диэн атын хоолдубуга сиэбиттэр. Дьэ ити аата өлбүт киһи кэритиитигэр түбэспит.

Мэнэ-Хангалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 63 саастаах Гаврил Иванович Ильин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, сэттинньи ый 1941 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 13—13 об.

ОЙУУННАР ТУСТАРЫНАН

158. Ойуун төрүүр маһа

Ойуун үөскүүр уйалара «Эрбиэн чэгийэ былытка» — онно турар мас. Онно бэрт элбэх уйа баар ғына этэллэр. Айыыттан төрүттээх ойуун уйата саамай үөһээ өттүгэр баар ғына этэллэр. Үс тобус сэттэ олохтоох¹ ыраах дойду, ол. Ол былыкка айыы ойууна манна илин диэки баар буолуохтаах, абааһы ойуунун уйата ол былыт арбаа өттүгэр буолуохтаах. Ойуун буолар киһи күнүн сириҥ онно оҕолуулар, тобус сылтан кэли. Кыра ойуун уйата аллара буолар. Ол уйаба сымыт көрдүк көтөр кынаттаах көрдүк дьүһүннээх абааһы баттыыр: кырбый, тойон, мохсоһол, кэбэ. Киһи үс куттаах, иккитэ ийэ кут, салгын кут, [үсүһэ. — Н.А.] [буор] кута, бу уйаба оҕолонор, сүрэ-кэбэ². Ийэ кута диэн киһи этигэр, хааныгар баар кут, барбат ол ойуун үөскүүр сиригэр. Ойуун игитиллэн улаата эрэ

сытар сирэ, бу уйа. Этгэнэр ол өлүүтүн уугугар. Кинини ол иирди-бит ойуун үөрэ <...> ильдэн оболотор ойуун төрдүгэр. Удабан син ол быллыкка баар үөскүүр иитиллэр уйата, хата аартыга, барар быллыта ураты.

Дьяангы оройуона иккис Энгэ нэһилиэгэ, 71 саастаах, уруккута ойуун Дмитрий Софронович Слепцов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олуньу 11 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 224—227.

159. Айыы ойууна айдарыта

Кини Элэгэй Ийэхситтэн, Онобой баай тойонтон оноруулаах. Кини абааһы ойуунун курдук өр буллараан ыалдыбат. Син кыратык ыалдыр. Кини түүллээх-биттээх буолуохтаах. Кини оло-рор сиригэр сайын сылгы кистиир буолуохтаах. Булт да сиригэр, киһи бултуур сиригэр, сылгы суох сиригэр, күн тахсыытын сабана. Ону доботторо, булчуттар истэллэр.

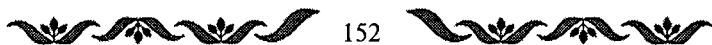
Ол күн ойуун буолар киһи улаханлык санныйан хаана-сиинэ кубулуйан сылдыр. Ону доборо «Хайдах буоллун?» — диэн ыйыт-табына, [этэр]: «Үөһэ аарык чуораан, кыаһаан тыаһа аймыыллар, кулгаахпар-төбөбөр чуугунуур. Мэйиим-санаам буоллабына 7 бас-таах 9 мутуктаах хаккыйах маска (курдук)».

Ол олорон өйдөнөр: «Орто аан дойдуга аналлаах эбит буолла-бым ойуунунан» — диэн. Бу манна олорон баран орто дойдуга төрүүр ийэтин-абатын көрдүүр, мохсобол кыыл буолан. Төбөтүн өрөйүгэр инэр. Ол инэн оҕо буолан төрүүр.

Абый оройуонун Уолбут нэһилиэгэ А.А. Саввин суруйбута, муус устар 4 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 100.

161. Тулуурдаах ойуун

Былыр хаһан эрэ Тулуурдаах ойуун диэн баара үһү. Кини маннайгы ойуун буоларыгар, ойуунун абааһыта, биитэр кута алла-раа дойдуга киирэн оҕолонор, иитиллэр ыаллаах үһү. Ол ыал кини-ни иитэн, оҕолоон улаатыннараан ойуунга уһуйан, этин хаанын кытаатыннараан баран кэнники: «Дьэ сөп, өтүө ойуун буоллун, отто дойдуга тахсангын, иччигэр холбос» — диэн таһаарбыттара; ол иитилибит абааһы, биитэр кута, киниэхэ тахсан инэн хол-боһон, онон ааттаах ойуун буолбут.

Ол оюлууур ыалын дыно биир кырдыаҕас эмээхсин баар үһү. Биир эдэр кыыс баар үһү, биир сүүнэ улахан атыыр оҕус баар үһү. Ол оҕустуун үс кэргэннэр, уонна Тулуурдаах ойуун абааһытыннын төрдүүлэр. Эмээхсиннэрэ бүтүн аан дойду ааттаах ойууннарын киэннэрэ ийэлэрэ, кинилэри барыларын ол курдук ииппит, оҕолообут, уһуйталаабыт, улаатыннаттаабыт, ааттаах ойуун оноттообут эмээхсин үһү. Кыыс буоллабына, эмээхсин киэнэ кыыһа, сырыыга сылдыааччы, барыга бары көмөлөһөөччү уонна аһылык булааччы. Оҕустара дыиэлэрин аттытыгар куруутун сытар. Бу оҕус сыраанынан, били иитэр оюлууур ойууннарын абааһытын, биитэр кутун сүрүн, онон уунуохтуулар, хотоллор уонна ол оҕус түүтүгэр тимир биһиккэ уйа онорон, онно сытыаран иитэр үһүлэр, онон кэнники ол курдук иитилибит ойуун хааннаах (оҕус абааһылаах) ойуун буолуохтаах үһү. Тулуурдаах-ойуун кута-сүрэ ол курдук оҕолоно, иитиллэ, хаһан эрэ ситэн-хотон барбаран, бу тимир биһигиттэн туран, отто дойдуга күн сиригэр тахсан, Тулуурдаах ойуунга этигэр-хааныгар ингэн-холбоһон, күн диэки өттүн икки атахтаах быһа хаампат, ааттаах улуу ойуун буолаары онгостон сытан, көрө билэ сыттабына, арай биирдэ эмээхсиннэрэ кыыһын соруйбут:

«Хотуок! Мин амтаннаах минньигэһи амсайбатабым бэт өр буолла, эн отто дойдуга, күн сиригэр тахсангыһын, туох эмэ минньигэс амтаннаахта булан киллэр эрэ, бэккэ аастыбыт, туордубут, эмиэ сэниэтэ ылыһааха сөп», — диэбит.

«Чэ, бэт сөпкө эттин, мин бэйэм даһаны минньигэһи амсайаһыптын баһаран сылдыабын, дыэ бардабым», — диэбит.

Ол курдук кыыс баран хаалбыт да өр буолбатах, сотору соһус тийэһэн кэлбит, үөрбүт-көппүт киһи быһыытынан:

«Дыэ ийэкээм! Күн сиригэр тахсаммын, биир бэт баай өтүө ыалга сырыттым, онно олус мааны үчүгэй дыахтар кыыстаахтар эбит. Ону соһутан, куттаан, кутун ыстаннаран ытыспар түһэрэн ылым, ара амсайан көрүөхпүн бэккэ баһаран баран, эйиһин мөбүө диэн амсайбатым», — диэбит.

«Чэ, оҕокком, үчүгэйдик сылдыбыккын, аһала оҕус, урут мин амсайабын», — диэбит эмээхсин. Онно кыыс, хоонньун хаһан, сүрдээх үчүгэй сып-сырдык хурустаал таас дыэнкир дыһүһүннээх төгүрүгү ылан биэрбит. Ону ылан эмээхсин төгүрүччү салаабыт. Ол салаабыт сирэ, хаһан тылын даһайбыта ол даһайбытынан харааран хаалбыт. Онтон кыыс ылан салаабыт, онно эмиэ тылын даһайбыт онно харааран хаалбыт. Ол курдук кинилэр, өр буола-

буола ылан, иккиэн уласса салыыллар. Ол салаатахтарын аайы, салаабыт сирдэрэ харааран иһэр.

«Бэккэ да аһан туоран олороммут олус минньигэр ас көстөн, олус даһаны абыранным, олус да уойдум тоттум, билигин даһаны өр аһыһыбыт», — диэн эмээхсин махтана олордобуна, арай эмискэччи балаһаннарын аһыс баһаналара айгырыы түстүлэр. Үрүт потолога үрэллэ сыста, истиэнэлэрэ дьыгийэ түстүлэр. Ол кэнниттэн, улуу ойуун үс төгүл дьааһыйара иһилиннэ. Ону истээччитин эмээхсин:

«Оо! Били улахан уол обургу дьааһыйар сангата иһилиннэ, дьэ хотуок аһаабыппыт, сизбиппит сыччах буолара кэллэ, ыла обус, били минньигэспитин кистии тат», — диэбит.

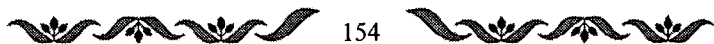
«Ийэкээм оҕотоо! Дьэ өлүү алдыахай! Ханна кистиэххэ сөбүй? Түргэнник этэ тат», — диэбит.

«Ити обус муннун үүтүгэр анһан кэбис». Кыыс туран, бэт түргэнник, били улахан аһаара хараарбыт төгүрүгүн ылан, дьэ оттоугар сытар оһуһун муннун үүтүн устун анһан кээспит уонна тугу да билбэтэх-көрбөтөх курдук буолан баран олорбуттар.

Ол ыккардыгар сүрдээх кэптээх улуу ойуун дүңүрүн тыаһа таннары тибилыйэн иһэр тыаһа уонна кыыраар танһаһын тыаһа таннары нириһийэн улам чугаһаан, субу дьизэлэрин ааныгар тийэн кэлбит, халһаннарын аһан баран, туран эрэн арааһынай алгыһынан алһаан ааттаһан туран эмээхсинтэн көрдөөбүт, били кыыс киллэрбит дьахтар кутун. Эмээхсин буоллаһына кылбаччы мэлдьэһэн кээспит: «Адыас ол дьахтар кутун биһиги киллэрбэтэспит», — диэн. Онтон ойуун тобуктаан олорон алһаабыт, көрдөспүт аһал да аһал диэн. Онно эмээхсин дьөксө ордук кытаанахтык мэлдьэспит: «Биһиги ол дьахтар кутун ончу киллэрбэтэспит, биһигини тыытыма, хантан кэлбиккиний да бара тур», — диэбит.

Онтон ойуун, умса түһэн сытан алһаабыт көрдөспүт:

«Күн күбэй хотун ийэкээм, бу дьахтар киһи киэнэ кута-сүрэ, бу эн диэтэх эмээхсин, сэттэ биттэхтээх силбиктээх ааттыккынан таннары симэлийэн түспүтүн, тимир күөрт ыт буоламмын, сылаас сытын сытырһаан, ириэнэх суолун ирдээн, тонмут суолунан тордоон, сэттэ биттэхтээх силбиктээх суолгун силэйэн, аһыс хараһалаах аартыккын арыһан, тобус тоһойдоох дорбоонноох оспуоскун тобулан, айан айаннаан, албан оккуйан, дьуон дьаһадыһан, атыыр обус буолан таннары энгизттэн, айдааран, айгыстан түһэн кэллим, үүс-киис тириитин курдук мөлбөйөн көрүөххүн, сыалыһар балык быарын курдук сылаанньыһан көрүөххүн, туппуккун

мүччүрүтэн көрүөххүн, харбаабыккын халтарытан көрүөххүн, ытыр-быккын ыһыктан көрүөххүн, ылбыккын төннөрөн көрүөххүн. Ааттаһар бөбө ахсааннаах, көрдөһөр бөбө күттүөннээх. Сииккэ сиэллэримэ, хаарга хаамтарыма, кумабы ытыстарыма, ууну суурайтарыма, сыыһаба сырытыннарыма, сымыйаны этитимэ. Саха ураанхайга саатка ытыма, күн дьонугар күлүүгэ биэримэ, эрдэ турар элэгэ кыныма, хойут утуйар хоһооно онорума. Күн күбэй хотун ийэм», — диэбит.

«Суох диэн соботох тыл, ылбатабым диэн ыраас тыл, билбэппин диэн биир тыл, киэр буола оҕус, айыы дьуорту ойууна, үс уһуктаах түөрт кырыылаах хааннаах үөрбэнэн, ситии саба сиһиһ үөһүн быһа бырабыам, икки харахпар көстүмэ, икки кулгаахпар иһиллимэ, төбөм оройугар уһураама, сүннүм үтүгэр сүгүрүйүмэ, киэр буола тат!» — диэбит эмээхсин. Ойуун ойон турбут, балаһаннарын иһигэр ыстанан киирбит.

«Эн көрдөһүүбүн көдьүүстээбэтин, ааттаһыбын ааньяабырдаабатын, ытык тылбын ылымматын, кэриэс тылбын кэбиһэрдээбэтин. Ол буоллабына, биэрдэргин да ылыам, биэрбэтэргин да ылыам, иэнгин хастыам, энэлэйгин этитиэм, аал уоккун үрдүгэр оттуом, үрүн күннүн үрдүгэр эргитиэм, үрдүк өһүбүн үрдүгэр сууларыам, ууга да укпут буоллаххына таһааттаран ылыам, сымара таас куттахар да түһэрбит буоллаххына кулгутан ылыам. Мас курдук батары аҕал, муос курдук булгуччу аҕал!» — диэбит ойуун.

Итигирдик этэн баран ойуун эмээхсини ыарба курдук тимир ытылла баттабыттан, илиитигэр эрийэ баттаан ылла да үс салаалаах тимир пуруут кымньынан таһыйан куһурбаппытынан барбыт. Онно эмээхсин син ыалдьар этгээх эмээхсин эбит, хаһы бөбөнү кыламмыт: «Ылбатахпын суоҕу балыйдын, айыта суоҕу айыылаатын, буруйа суоҕу буруйдаатын, кэбис түксү таһыйыма уурай», — диэн этэн мэлдьэһэ сатаан кээспит. Ойуун уурайахтааҕар дьөксө ордук күүскэ таһыйбыт.

«Бэйи тохтоо болҕой! Ити кыыс билэрэ буолуо, онтон ыйыт», — диэбит эмээхсин.

Онтон ойуун, эмээхсини ыһыктан кээспит, кыһы харбаан ылан таһыйан барбыт. Кыыс эмиэ мэлдьэһэ сатаабыт. Ойуун ону истибэккэ таһыйбытын кубулуппатах. Онтон кыыс даһаны тулуйбатах: «Бэйэ тохтоо эрэ! Ити биһиккэ сытар уол билэрэ буолуо», — диэбит. Ойуун уолу таһыйаары кэлэн туппахтаан көрбүтэ, уол сымара таас буолан хаалбыт. Бу тааһы кытары сатаан кэпэтиэ

да таһыйа да суох буолан ойуун кыһы хат иккиһин таһыйбыт. Онтон кыс тулуйбатах эппит:

«Түксү! Миигин таһыйыма, ити оҕус билэрэ буолуо, онтон ыйыт», — диэбит. Ойуун баран оҕуһу таһыйбыт, онно оҕус кыһаммакка сытарын курдук сыппыт. Онтон тимир пуруут кымньыытын оҕуһу муннун үүтүн устун аспыт, онно оҕус улаханлык тыбырбытыгар, били тулата хараарбыт төгүрүк (дыахтар кута) мүчү ыстанан түһэн истэбинэ ойуун ытыһыгар түһэрэн ылбыт.

«Көр да бу! Сараһын улууһа, сах нэһилиэгэ, сарыы тангалай, сарыы сирэй, салбаныкы дуксуй эмээхсин обургу, арҕаһыттан тэһииннээх айыы улуһун атабаһаан, көхсүттэн тэһииннээх күндьонун күөмчүлээн, көр бу салгын кутун саппабырдан, буор кутун болоодутан, ийэ кутун эймэнитэн, сырдык сыатыгар сыһаабыран, эмньик этин эмэн, улай хаанын оборон, бэлэстэрин мэнэгэһин мэнэритэн, уолуктарын оботун убарытан, сымара таас куттаһарын сыһаабырдан, инэрэ далай истэригэр инэрэн сиэн-аһаан тамтарынан таһсарынан олонорнон, туттарбытынан туран балыһа, көрдөрбүтүнэн туран мэлдьэһэ олололор, аанай-туонай абаккаларыан көрөллөөр көрбөттөр. Онтон аны кэлэр кэмнэргэ, үөскүүр үйэлэргэ, эмиэ даһаны көхсүттэн тэһииннээх күндьонун күрүөһүлээн киллэрэн, арҕаһыттан тэһииннээх айыы аймаһын аралдытан килэрэн, бу дьүһүнүн дьүһүлүүр, манньик кэбилиир күннүт көһүннэбинэ, миигиттэн хоргутаайабыт, бэйэбититтэн хоргутаарын, дьизэлэри дьизэһитиэм, уоттары ондолутоом, элэй балай тутуоһум, эбэдэһин дуоһун ыһыаһым, күдэнгэ көтүтүөм, туманна туойуом», — диэн баран ойуун, төттөрү кыыран ньиргийэн баран хаалбыт.

Ойуун барбытын кэннэ эмээхсин, кэмсинэн, кэбиринэн кэптуонан эппит:

«Көр ити, уолан баранар уулаах, охтон бүтэр мастаах, орохсуйар от кырыстаах, орто туруу дьаһыл дойду дьонуттан, арҕаһыттан тэһииннээх айыы Дьөһөгөй аймаһыттан, ааттаах улуу ойууттар буоллунар диэн, былыр-былыргыттан, Дьылба хаантан ыйаахтаах, Улуу тойонтон оноруулаах, отут салаалаах, улуу ойуун куттаах сүрдэрин төрөтөн ыламын, таһнары чампарыктаан, түһнэри үүдэһиннээх, Одунтан онгоһуулаах отут сиринэн бүгүйэх, окуотокуо сорболоох, сэттэ уон дьиикэй дэриэтинньик баттаһынан сэлбийэн хатыллыбыт ап-чарахай быанан кэлгийэн, иннэстигэс иилээх тимир биһиккэ сытыараммын, ингэл-тангал бигээн, өлүү

луоһай оҕуһун сыраанынан уунуохтаан, өлбөт үөстээх быстыбат тыыннаах, эмтэрийбэт тимир эттээх, уйадылбат укулаат унуохтаах, сэттэ уон дьылэр дьибилгэннээх, абыс уон аһаарыйар ап хомуһуннаах, тоҕус уон кулан дьэллик кубулуһаттаах, арбах бастаах атыыр ойууттары айдым эминэ тугуй. Балартан биридэстэрэ эмэлэрэ, тэргэн дьыл ыпсытыгар, тэбиэн ый эргэтигэр, көр бу биһигини оҕолоон киһи онгорбут ийэбит эрэйдээх, ачыктаан аһан-туоран олортобо диэн, мун саатар биир эмэ өтүөтэ бараммыт, үйэтэ чугаһаабыт, оҕонньору эмээксини киллэрэн мэниэ бэлэспэр туора быраһан мэнэгэйбин мэнэриппиттэрэ суох. Ол кэриэтин ити, сыл баһыгар биридэ булан, сылаас тыыннаабы, сымнаһас эттээби амсырдыахпыт диэн ананан олортохпутуна, бэккэ маанылаан иппит улахан уолум чолобор, ир суолун ирдээн, тон суолун тордоон киирэн халын тириибин хайытта, хара хааммын тохто, тараах иэннээтэ, кулугур кулгаахтаата. Ол буоллабына, кэлэр кэмнэргэ үөскүүр күннэргэ көхсүттэн тэһиннээх күн дьонугар, оҕолоон улуу ойууну онгорон таһаарарым уурайдын, иитэн иччилээх ойууну тэрийэн таһаарарым эһиннин. Аал уоппар андаһайдабым буоллун, иэримэ дьэибэр эбээһинэстэннэбим буоллун», — диэбит.

Итигирдик андаһайан баран, Тулуурдаах ойуун кутун-сүрүн, биитэр абаһытын сытар биһигиттэн сүөрэ баттаан ылан, үөһө отто дойду диэки өрө үрэн кээспит. Ононо кыыс эппит:

«Көр бу уол хата таас буолан кубулуһан бэккэ тулуһа сатаата. Бу уолга туттарымынабыт хаарыан минньигэспитин былдыаттыбыт. Эн күн сиригэр тахсан иччигэр этигэр-хааныгар холбоһон инэн улуу ойуун буолар күннэр Тулуурдаах ойуун диэн албан аатыраар, дьонун сураһыраар», — диэбит.

Тулуурдаах ойуун итигирдик сэхэргээбит уонна эбэн эппит: «Ити кэпсээбитим курдук, улахан ааттаах улуу ойууну онгорон иитэн таһаарар эмээксин, ол курдук уурайан андаһайан турар. Ононо аны мантан антах, бу отто дойдуга урукку курдук улахан ааттаах хомуһуннаах ойуун үөскүө суоҕа. Ханлык эмэ мэнэрик, бохсурбанньыт, аһахтарын баһатыгар ойууннуур албын ойууттар үөскүөхтэрэ. Ол төрүт сиргэ иитилибит улахан дьыннээх ойуун саамай кэнникилэрэ миигинэн бүтэр», — диэбит.

Дьокуускай куорат. Тулагы нэһилиэгэ, 60 саастаах Иван Федоров тылыттан. А.С. Порядин суруйбута 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 13—28.

162. Аар Саарга аатгамматах Сабаатта уола Ньоборулла ойуун буолуута

Сабаатта уола Ньоборулла ойуун диэн тобус сааһыттан ылата окко-маска умньаммат удьбаа мэнэрик¹ буолбута үһү. Ньоборулла аҕата оччотооһу кэмнэ сүрдээх мааны баай, кыанар киһи эбитэ үһү. Ол курдук абаҕата эмиэ дьонно биллэр мааны киһи эбит. Онон Ньоборулланы аҕалаах абаҕата үрүн харабын үөһэ көрдөрбөккө, ойуун буоларын олох сөбүлээминэ саба баттаан, икки төгүрүк сылы мэлдьи ыалдьан мэнэрийэн сылдьыта үһү. Сорох кэмнэргэ дьонноро сөбүлээбэт буоланнар хара тыаба сискэ тахсан чугдаара үһү.

Биирдэ Ньоборулла ойуун ынахсыттар дьиэлэригэр сүүрэн табыста, да мэнэрийэн ыһан-тобон барда. Сиргэ баран түстэ да орон анныгар киирэ-киирэ, тахса-тахса мөбүстэ да, киһи түһэн да көрбөтөх куһаҕан, кэтэбинэн чааскы айабын саҕа былчайа сытыйбыт харахтаах, уолугунан анайа сытыйбыт айахтаах, төттөрү сүргүөхтээх, тагнары ханьыылаах өлүү Луоҕа балыга² буолан мөхсөн лаһыйа сытта.

Бу да буоллар киһилии мэнэрийэн часкыйа-часкыйа тилигирэччи мөхсө сырытта уонна эттэ ынахсыттарга: «Барын эрэ, үтүө абаҕалаах аҕабын ыһыран киирин эрэ, бу айылаах буола сытар үтүө дьүһүммүн көрдүннэр», — диэбитигэр ынахсыттар тахсан эттилэр: «Дьэ, оробут хайдах эрэ буолла быһыылаах, көрөртөн сүрдэнэ. Эһигини ыһыттарар, тахсан көрүөххүт үһү», — диэтилэр.

Аҕалаах абаҕата эттилэр: «Тый, ол хайдах буолбут үһү?» — дэһистилэр уонна иккиэн батысыһан тахсан ынахсыт дьэстигэр көтөн түһэн уолларын диэкки көрө түһэн баран кэннилэринэн чугуруннаһа турдулар.

Балык лаһыгыраччы мөксө-мөксө эттэ: «Үтүө абаҕалаах аҕам бу айылаах буола сытар үтүө дьүһүммүн көрүн. Күн анныгар суох күөх накааһы көрө сытабын. Ийэ сиргэ иһиллибэтэх иитэ суох издээннэ түбэһэн эрэй бөбөнү энгээрдэһэн эмсэх буола сытабын», — дии-дии, хаһыыты-хаһыыты хаанынан ытаамахтаата.

Мань көрөн туран аҕалаах абаҕата эттилэр: «Оок-сизэ оҕолоор! Ама даҕаны ойуун удаҕан буолар айыылаабын-сууттаабын иннигэр икки атахтаах инчэбэй эттээх маннык күн эрэйигэр түбэһэ сытара сүрдээх суол, добоор. Дьэ, кутукаам, биһи бу айылаах буоларгын билбэтэхпит, дьэ, көмүһүөм хайа хайдах эмэ гынан киһи сахаураанхай быһыытын быһыыланан урукку чөлгөр түһэр сирдээх-

хиэн. Киһи буолуох сирдээх буоллахына, киһи буолан көр уонна эн ойуун буолуохтааҕар туох да буол, туокка бу маннык сир сидьингэ эрэ буолума», — дэһистилэр.

Уол часкыйа-часкыйа хаанынан ытыыра уурайда, арыычча уҕарыйда. Маны көрөн туран аҕалаах абаҕата: «Дьэ, кутукаам, буолуох киһи буолбут эбиккин, дьэ, итэҕэйдибит», — дэһинэн бараннар тахсан бардылар.

Онтон ыла уол чугас ыалларыгар кыра ыарыыларга сылдьар буолбута үһү. Ол да буоллар оҕобут аата алдьаныа дэтэн кистэтэллэрэ эбитэ үһү.

Мэнэ-Хангалас оройуона, «Хаар балаҕан» олохтооҕо Инноксиптий Иванович Бурнашев тылыттан. П.П. Захаров суруйбута, ахсынньы 18 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, л. 543, л. 22—23.

163. Сабырыкы ойуун туһунан сэхэн

Билингинэн Мэнэ-Хангалас оройуона Майя диэн сир халдьайытыгар Дагдарыйа Бүтүр диэн үс сүүс сүөһүлээх бэт баай киһи олорбута үһү. Дагдарыйа үгүс хамначчыттардааҕа үһү. Киһи ынахсытара туспа дьиэбэ олороллоро үһү. Бу ынахсыттары кытта уон иккитин туолан үһүгэр баран эрэр Сөдүөт диэн уол сүөсүһүттэри кытта бииргэ олорбута үһү. Бу уол мэнэрийэн биир да түүн симмэт буолбут. Ынахсыттары да утуппакка эрэйдээбит. Ол иһин ынахсыттар тахса-тахса тойонноругар уолу үңсэллэр эбит. Онтон кыһыран Дагдарыйа Сөдүөтү кыра уолу дэлби кырбаабыт. Аны дьэ мэнэрийэн көрөөр эрэ диэбит. Сөдүөт ол күнтэн үс түүннээх күн тохтообокко мэнэрийбит.

Онтон кыһыран сүөсүһүттэр уолу дэлби сыннар, мөҕөр, атаҕастыыр буолбуттар. Арыт түүн күһүңгү ый быыһа харанҕа тымны түүннэргэ таһырдыа анһан хоннорор буолбуттар. Сөдүөт онно уурайбакка эргиччи чугдаарар буолбут. Биир түүн күһүңгү ый быыһа харанҕа дьон бары утуйан хаалтарын кэннэ биир кырдыаҕас ынахсыт эмээхсин үөнүргээн, кулахыта бэрдиттэн, утуйумуна сыттабына арай аллараа ыраах сир түгэбин диэкки ойуун дүңгүрүн тыаһа ньирилээн-тинийэн тахсан иһэрэ иһилибит. Эмээхсин унуох унуоҕа босхо барда, эт этэ тымныйталаата. Хайдах да тулуйан сыппата. Сулбу ойон туран барыларын уһугуннартаабыт. Уһуктубут дьон бары иһиллээбиттэрэ олох сир түгэбиттэн дьиэлэрин анһынан өрө тахсан иһэр тыас быһыылаах буолбут. Биир үлэ-

нит уол тойонноругар тыллы сүүрбүт. Дагдарыйа куттанан киир-бэтэх уонна сүбэлээбит. Уоккутун, оһоххутун тобус толору отгун, дьиэбитин сып-сырдык гынан олорун, оччоҕо тахсыа суоҕа диэбит. Уол сүүрэн кэлэн тойонноро эппитин курдук тобус толору оттубут. Уонна бары оһох кэннигэр мунһустубуттар. Арай уҥа диэкки соботох Сабырыкы уол утуяа сытар үһү. Дүнгүрдэрин тыаһа олох дьиэлэрин анныгар тахсан кэлбит үһү. Дьон тугу да өйдөөбөт гына кутгаммыттар, харахтара уҥа диэккиттэн арахпатах. Бу олордокторуна саа эстэрин курдук тыас дэлби ыстаммыт уонна күөх буруу унаарыс гына түспүт да, киһи тулуйбат куһаҕан сыта дьон муннуларыгар-айахтарыгар саба биэрбит.

Арай уотгарын диэкки көөттөрө дүнгүр аҥаара дүнгүрдээх, былаайах аҥаара былаайахтаах киһи эрбэбин саҕа дьэс эмэгэт¹ тахсан эскирээн холоруктуу турар үһү. Бу туран киһи истэр гына ойууннуу кугулар үһү. Онно иһиттэхтэринэ этэр үһү: «Дьэ мин обургу ый уота алтан биһилэх аалыытын курдук саккырыы тохтон тийэр сириттэн, күн уота көмүс биһилэх тонуутун курдук күккүрүү тохтон тийэр сириттэн, өлөр Өлүү Күб хара ойуунуттан өрө кыыран айаннаан табыстым. Атара кутурук айыы Сабарыкы ойуун одун уолбар эрэллээх илдьиккэ, суорумнью сорука табыстым. Дьэ нокоо, тобус хомуһуннаах кулан аарык хоболоох, сэттэ эмэбэттээх энгэли хаан быарыгын аны үс хонон баран баай Дагдарыйа обургу бастын сэргэтин төрдүгэр түһүөҕэ. Ону суон сулуулаах, субай хааннаах, бэлиэ бэриктээх, улахан остуоллаах, атах кэбиһэрдээх, айахха угардаах, аналлаах амырыын алгыстаах, туһааннаах дьорохой тойуктаах тутуон үһү, диэн өлүү Күб ойуун үгэр тангараҥ, үрдүк айыын илдьиттиир», — диэт, саа эстэрин курдук тыас тыаһаата да ойуун мэлис гынан хаалбыт. Тыаһа тахсыбыт сиринэн аллараа диэкки тингийэн түһэн бара турбут үһү.

Бу быһыы буолбутун сассыарда туран сүөсүһүттэр тойонноругар эппиттэр. Баай Дагдарыйа: «Туох үлүгэрэй оннук, сымыйанан этэргит буолуо, мин изйиситтээх изримэ дэлэй тиэргэммэр, айыһыттаах аарыма аан тулаһабар оннук быттаахтар быгыһаахтарын, дыабыннар дыарбайаахтарын сагаммат, хараххыт иирбитэ буолуо, киэр барын, кэбэлийин дьиэбитигэр», — диэтэ. Үлэһиттэр саапыт хорбут дьон курдук дьиэлэригэр төннөн кэллилэр. Уоллара кэм да утуяа сытар үһү. Ким да утары көрөн уһугуннарбакка Сабырыкы ойуун ол курдук үс түүннээх күн утуйан баран үһүс күнэ туолуута халлаан сагардыы сырдаан эрдэбинэ уһуктубут. Иккитэүстэ дьааһыйан баран, оһобун тобус толору оттон баран уотун

иннигэр аргыннахтаан баран, буутуйалаабыт атыр оѳус курдук муннунан буугуначчы тына олорбут. Ынахсыттар бары унуктан баран уолларын иннинэн быһа хаамыхтарын² куттанан оһох кэнинэн оѳолоох күс курдук субуруһан тахсан, таххан киирбиттэрэ үһү. Төннөн киирэллэригэр Сабырыкы уот диэки хайыспыт үһү. Онно көөттөрө уолларын сүүһүн хаба оттоото биэстээх хаччы саѳа хара мэннэнэн хаалбыт үһү, ханас имэ биэстээх харчы саѳа күөх мэннэммит үһү. Уһа имэ эмиэ биэстээх харчы саѳа кыһыл мэннэнэн хаалбыт үһү. Дьэ көрөртөн көрө сүөргү ынырык дьүһүннэммит үһү, хаана-сиинэ алдьаммыт, айабын атан саѳарбат буолан хаалбыт. Маны көрөөт саамай дьорѳоотторо тойонноругар кэпси сүүрбүттэр. Тийэн саһа туран олорор Дагдарыйа Бүөтүргэ кэпсээбиттэр. Оѳонһор: «Дьэ бээ! Эһи эппикки кырдьыгын сымыйатын билиэхпит, били эппит малгыт бу сарсыарда түһүөхтээх этэ», — диэбит. «Отгон онно түспэтэбинэ сэрэһин, сымыйанан кэпсиригитин ууратыам», — диэбит.

Дагдарыйа аһаан бүтэн баран тахсан тэлгэһэтин тула хаама чуннуу сырыттабына куһаһан баѳайы сыттаах, киһи сүрэбин өлөхсүтэр салгын хотуттан салгыйбыт. «Туох мөкү сытай», — диэн хоту диэки көөттө, хара маһаас суор суур-саар дайбаан кэлэн, сэргэтин үстэ-түөртэ эргийэн баран, сүрдээх куһаһаннык хааѳырѳаан саһарбыт. Дагдарыйа эт этэ атыйталаабыт, уллуһабыттан төбөтүн оройугар дылы этэ аһыллан дьырылаабыт. Уһуох уһуоѳа босхо барбыт, салыбыры-салыбыры биир сиргэ тэпсэнни турбут. Суора кэлбит сирин диэки төттөрү көтөн күпсүйбүт. Дагдарыйа дьэитигэр киирээри истэбинэ, кураан этинин курдук тыас тыаһа баччалаабыт. Уонна хоболоох кулан аарык тыаһа таһнары кыгыһаан бастакы сэргэтин төрдүгэр аарыгыран түстэ. Маны көрөөт Дагдарыйа ыраахтан өһөйөн көөттө, сабыччанга аалылыбытынан хас да хоболоох төбөтүгэр куоѳастаах, эмэгэттээх³ күтүр баѳайы быарык түһэн килбэйэ сытар эбит. Маны көрөөт Дагдарыйа уолугар Сөдүөккэ киирдэ уонна улун көөттө, уола хараѳа сырайа уоттаммыт, хаана-сиинэ өлбүт үһү уонна эппит: «Баай Дагдарыйа обургу, сүлүһүммүн сүргүтэн илбиспин иэнигитиэхпин, харыбын хааннаахпын биир эмэ толугурдаах торбоскуттан тосхой эрэ», — диэбит.

Дагдарыйа: «Тыый тукаам, ол эйигиттэн харыстыам дуо, сөп түбэхэр дьүһүннээѳин баар буоллаѳына наадаѳар тутуннаѳын дии», — диэбит. «Уонна тукаам, ити мин бастын сэргэм төрдүгэр, эн малларын түстүлэр быһыылаах, баран ылан көрүөххүн хайтах буолуой», — диэтэ. Уол: «Бэйэм билиэм ыларбын ылбаппын», — диэтэ.

Офонньор куттаммыт курдук тахсан баран хаалбыт.

Уол аа-дьуо баран үс төгүл эргийэ хааман баран сөһүргэстээн олорон кутуран албаан баран ылбыта үһү.

Онтон киэһэ офонньор уолугар анал дьүһүннээх сүөһү тириитинэн сүрдээх этигэн гына бүрүттэрэ охсон биэрбит. Уол дьүһүннээх сүөһүтүн өлөттөрөн, ойуун төрдө Өлүү күб ойуунугар диэн, үстүүннээх күн хоту кыырбыта үһү.

Бу кэмнэ Дагдарыйа ойоҕо ыалдьан бэт буолбутугар уолун ынырыан таҥаһа-саба суох диэн, Амма баһыттан аатырдар ойууннарын ыныттаран киллэттэрбит. Бу ойуун саҥа аһыы олордобуна Сабырыкы уол сүүрэн тахсыбыт уонна бастыҥ остуолга аһыы олорор ойууну: «Бу Амма баһын ааттаах ойууна эн дуо?» — диэбит. Ону анараангыта утары көрбөхтөөн баран. «Тукаам тугу даа аатырыамый, оттон таах мээнэ сылдыбын», — диэбит. Уол дьэитигэр тахсыбыт. Киэһэ буолан ойуун олобор олорбут. Уол эмиэ сүүрэн тахсыбыт да ойууну иннинэн ханас оһох чанчыгар тийэн икки илиитин быластаан аҥаар атабын холумтанга ууран турбут. Маны көрөөт олорор ойуун бокуойа суох албаан барбыт. Уол харабын түн-танг көрө-көрө, үөһүн таттара-таттара хабырыммыт уонна чакыйа түһэн баран сири тингилэхтээбитигэр ойуун чиккэс гына түспүт, муннунан-айабынан хаана бараат өлөн хаалбыт. Дьэилээх офонньор куттанан уолун сэмэлээбэтэх. Өлбүт ойуун таҥаһын Сабырыкы көрдөөн ылбыт. Ойууну Дагдарыйа кэһиилээн-тутуулаан дойдутутар тиэттэрбит.

Мантан ыла икки сыл буолан баран Сабырыкы ойуун, үчүгэй ойууттары булан күссээри, Амма үрэжин баһынан кыыраар таҥаһын, дүнгүрүн ыҥырдан ыҥыыр атынан айаннаабыт. Онно сорох ыалга кыыра-кыыра баран испит. Ол курдук биир ыалга хоно кээлтэ, бэт элбэх кэргэннээх ыал эбит да, бары билбэтилер Сөдүөтү: «Тукаам, тугу гына сылдыар оҕобун?» — диэбиттэригэр. «Үлэлээн аһыы сылдыар оҕобун», — диэтэ. Дьэиэҕэ киирээри атын ындыытыттан дүнгүрүн таҥаһын кистээн киирдэ.

Бары аһаан сиэн бүтэн бараннар, оҕолор дьахталлар уонна эр дьоннор бары таннан бардылар. Сөдүөт: «Бу ханна барабыт», — диэтэ. «Э-э, мантан чугас аар-саарга ааттамматах эбэбит эмээхсин кыыраар, онно барабыт», — диэтилер.

Сөдүөт: «Бу миигин хаалларыман, ааттаах удабаны баран көрүүххэ наада», — диэтэ.

Дьэилээхтэр: «Тукаам мээнэ сагарыма, истиэбэ», — дэһистилэр.

Сөдүөт: «Аата тугун сүрэй добоор, бачча ыраахтан иһиттэбэй. Иһиттэбинэ иһиттин добор, миигин туту гыныа буоллабай, олох соботох киһибин», — диэбит.

Дьиэлээхтэр: «Кэбис! кэбис! Тукаам, мээнэ сагарыма», — диэбиттэр. Ол курдук баран хаалтар.

Биир сүрдээх улахан ампаар дьиэлээх баай баҕайы ыалга кэлэн кииттэр. Дьиэ иһэ тобус толору киһилээх үһү. Сөдүөт киирэн суол ааныгар турбут. Кэлбит дьон остуолу тула олорон аһаан бааттар. Кини дьонноро эмиэ. Кинини ким да аанһа ахтан ыңырбатах, аанһа сыстан туран хаалбыт. Ол көрдөбүнэ бастын остуолга хаар-манган баттахтаах, сүрдээх уоттаах харахтаах эмээхсин аһыһии, арыгыһы олорор үһү. Дьон бары сиэн бүппүттэр. Таһырдыа тахсан киирэн бааттар. Сөдүөт уол эмиэ тахсан киирбит.

Удабан олобор олорон айгыстан барбыт. Сөдүөт таһырдыа сылдьан удабан кыылларын⁴ дэлби төттөрү хайыһыннартаан кээспит. Удабан олобор олороот эппит: «Көр эрэ, бу хайа чолобор көтөрбүн-сүүрэрбин таннары хайыһыннартаата, тахсан көннөртүү охсун», — диэн көннөттөрбүт.

Сага удабан албаан эрдэбинэ, Сөдүөт сулбу ойон туран удабаны иннинэн уокка баран эрдэбинэ дьон уолу тутан ылбыттар уонна туох буолбут уолуй эмээхсин иннинэн барар диэн дэлби мөкпүттэр. Уол: «Бэйи добор, табах тардыа суохпун дии, эһигини эмээхсиннээхтэр диэн», — дии-дии кэлэн олорбут.

Олороотун кытта удабан көрүүлэнэн уолу билэн, кэмсинэн кэбиринэн дыанкыдыйан барбыт. «Дьэ мангай аллаах ойуун эбит, ир суолгун ирдээтэбим, тонг суолгун тордоотобум», — дии-дии олобуттан туран эрдэбин, Сөдүөт уол үтүлүктээх бэргэхэтин ылбыт да таһырдыа ыстаммыт. Уол хоммут ыалын диэкки сүүрэн тэбэ турбут. Хоммут ыалыгар кэлэн бэрэмэдэйи көтөбөн дьиэбэ киирэн, уот оттон, дүгүүрүн таннаһын ылан, куурдан барбыт. Ылаа офонньор, эмээхсин, бары олус соһуйбуттар. «Тыый тукаам, туох-туох буоллун, хайдах дьаабыланнын?» — диэбиттэр.

Сөдүөт уол: «Олох саҕассыман, чыып да диэмэн, аангытын-үүккүтүн, түннүккүтүн-үөлэскитин бүөлүү тардын. Күн-ый быата туллара, күһэнэ быата быстара⁵ буолла. Биир эмэ иннэ үүтүн саҕа хайабаһы ордордоргут эрэ бэйэбититтэн бэйэбит сэрэнээрин», — диэтэ.

Дьиэлээхтэр эрэйдээхтэр тыын быстарынан туох да үүтү-ааны ордорбокко бүтүнүү бүөлээбиттэр үһү. Утаакы буолбатах, аан дууспан хара холлорук тигинээн кэлбит үһү да, сырбан эһэ саҕата

часкыйталаабыт⁶. Мань истээт, уол кыыра таҥаһын кэтэ охсубут, дүнгүрүн охсубутунан барбыт үһү. Дьэилээхтэр иһиттэхтэринэ икки эһэ сангата, дьаабыта суох кылана-кылана, часкыйа-часкыйа, хоту диэки түһэ турбуттар үһү.

Ол курдук силлиэ-боллоо бөбө буолбут үһү. Икки дьээнэн икки атахтаах быкпакка хааттарыы бөбө буолбут. Үс хонуга туолан халлаан лаппа сырдаабытын кэннэ, күн эрэ тахсыан иннинэ, Хаас атах удабан часкыйа түһээт умса баран түспүт да, муннунан-айабынан хаана тобо түһэн өлөн хаалбыт үһү. Эмээхсин өлбүтүн эрэ кэннэ Сөдүөт уол дьэ тохтоон, уоскуйан, ол түүн ыалыгар хонон, сынньанан эрэ баран, дьөксө үөһээ ааһан кыыран кутуран үб-ас бөбөнү хомуйан киирбитэ үһү.

Сөдүөт хойут кырдьан баран ардах түһээри гыннабына кыһыл талабы ылан былыты кириэстии охсуталаан кэбистэбинэ ардах түспэккэ былыт түөрт аҥыы быстан хаалара үһү. Олус курааннаатабына куоҕастыы сангаран баран баһын моонньугар дылы ууга уган баран илгистэн кэбистэбинэ босхо былыт өрө сүүрэн тахсан ыаҕастаах уунан кутара үһү⁷ диэн кэпсээнгэ иһиллэр.

Онтон ыла аарсаарга ааттаммат ааттаах ойуун буолан олорбута үһү.

Мэнэ-Ханалас оройуона Дьобдоҥо нэһилиэгин олохтообо Петр Платонович Захаров кырдыаҕастартан истибитин суруйбута, ахсынныы 7—12 күннэрэ 1940. АЯФ АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 13—19 об.

164. Аадья ойуун

I

Сэттэ уонча сыллаахха бэйэтэ ааттаах уус уонна ойуун Аадья диэн баара үһү. Кырдыаҕас баҕайы ойуун буолан баран олобун тухары уонна кыырбыт.

Ол кэмгэ Байбал Мордовской диэн баай олорбут. Онно иитилибит Аадья уол эрдэбинэ. Ол сылдьан кутулар-мэнэрийэр үһү. Ол иһин кинини Байбал таһыттарар: «Аны мэнэрийиэн дуу? Аны кыырыан дуу?» — дии-дии.

Харабын уута хаанынан ытаабыт, уол ол таһыллыбытыгар. Ол эрэри аккааһын биэрбэт үһү, уонна муостаҕа дьэнкир балык хатырыга ыһыллыбыт. Дьэ онтон Байбал уурайар, бу абааһы эбит диэн.

Сассыныгар киэһэ уон биэс биэлээх атыырдааҕа бары сыһыыга өлө сыталлар үһү. Дьэ онтон бу уолу тыыппат буолбут. Бу абааһы диэн.

II

Николай Михайлович Габышев (Ньюкууска диэн) баара бу илин дэриэбинэбэ, Куочай анараа баһыгар. Ол туох баар кэргэн-нэрэ, эмээхсинэ, үлэһиттэрэ мэнэрийэр, иирэр-кутурар буолан хаалтар. Ол иһин Аадья ойууну ыныттаран ылаллар. Көрдөспүттэр, саңаран кулу диэн.

«Дьэ оҕолоор, атын сиртэн айдарыылаах киһи кэлэн муохастыы сытар эбит. Ону остуолла туруоран кинини үтэйдэххэ табыллыһык».

Кыыран баран Аадья этэр: «Хочо улууһа Ииттэкээн нэһилиэгэ монгон өлбүт Өлөннөй диэн киһи аҕаһа нэриэтинньик буолан кэлэн сытар. Көрдөһүүбүн ылынна, оччо хонон баран үтүө буолуоххут», — диэбит.

Көрдөспүтүгэр үтүөрэн хаалбыттар¹.

Ньурба оройуонун Сүлэ нэһилиэгин олохтоохторун тыллартан, Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны ый 28 күнэ 1962 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 571, л. 29 об.

165. Дойомпо ойуун

Дойомпо диэн ойуун аата Хабырылла, оҕо эрдэбинээҕи хос аата Быккы диэн. Кини бу Уолба нэһилиэк, кыра куһаҕан ыалтан төрөөбүт. Уончалаах сылдьан кизэһэ аайы хотонго киирэн сүтэн хаалар үһү. Ону дьонноро тымтык уматан уолларын көрдүүллэр үһү да, сүтэн хаалар үһү. Кини бу курдук хас да сылга муодаланар. Онтон улаатан баран ойуун буолбут. Кини үөһээттэн туттарыылаах ойуун буолбут, онон киниэхэ анал диэн үөһээттэн икки ыт абааһылаах¹ үһү. Ылалга баран кыыран-ойууннаан баран манньатын мыыннабына, ааны таххан иһэн охтон олоро түһэр үһү, оччоҕо биир бастын киһи эбэтэр сүөһү өлөр үһү.

Сылын ахсын тохсунньу ый тобус кизэһитигэр төрүүр үһү². Ол төрүү таххарыгар убаһа сонун, дүңүрүн ылар үһү уонна атаҕар кээнчэлээх эрэ. Төрүүр сирэ диэн буолар Уолба нэһилиэгин иһигэр хоту сайылыкка булгуннаах баар, ол булгуннаах төбөтүн оройугар кыра күөллээх, онно тахсан төрүүр үһү. Кини киининэн төрүүр үһү. Киниттэн сордонг балык төрүүр эбит. Ол төрөөтөбүнэ, ол булгуннаах төбөтүнээҕи күөллгэ түһэрэр үһү. Ол түһэн туох буолара биллибэт. Онон ол түүнү быһа төрөөн бүтэн баран сарсыарда халлаан сырдыыта дьэһитигэр кэлэр үһү.

Дойомпо ойуун үс оџолоох эбит: биирэ кыыс Балбаара диэн, оттон икки уолаттара биирэ Өндөрөй, иккиһэ Маппый диэннэр үһү. Биир бэйэтин кытары илдэ сылдьар кутуруксут³ Кирилэ диэн кутуруксут уоллаах үһү. Бу уола хас ыалга бардын да, батыһа сылдьар үһү.

Ыалга куһаҕаннык аһаатаҕына эмиэ сиир-аһыыр үһү. Кирилэ диэн уолун кигэн: «Сиикэй эт сиэхпит», — дэттэбинэ, ол ыалтан биир бастыг сүөһү өлөр үһү. Үчүгэйдик тото аһаан таххар ыалын дэлби албаан барар үһү. Арыт мээнэ ыалга киирэн этэр үһү: «Дьэ анаабыккытын аҕалын», — диэтэбинэ дьахталлар, эмээхситтэр ыаҕас мунгунан сүөгэи уонна иккилии арыыны биэрэллэр үһү. Онно дьэ үөрэн барар үһү. Куораттан кэлбит киһиэхэ хайаан да барар үһү. Онно элбэхтик арыгы иһэттэххэ үөрэр үһү, оттон кыратык арыгыны иһэппит киһини эмиэ муодалыыр үһү.

Арай биирдэ Лэгиэнтэй оџонньор куораттан тахсыбыт. Онно Дойомпо тийибитигэр биир часкы арыгыны биэрбит. Ону иһэн баран эмиэ көрдөөбүтүгэр Лэгиэнтэй: «Арыгым суох», — диэбит. Ол иһин сассыныгар холорук буолан кэлэн, биир баар эрэ кыыс оџолооџун кутун ылан сиэн кэбиспит. Онтон оџо төбөгүнэн түһэн ыалдьан хаалар. Дойомпоџо барбыт. Ону Дойомпо: «Кыайыа суохпун», — диэн батан кээспит. Онтон Лэгиэнтэй били оџотун ииппит аҕатыгар Маппыйга баран эппит: «Оџом бэрт буолла, Дойомпоџо баран көрдөспүппүн батан кээстэ», — диэбит. Онуоха Маппый ол түүн быһа Дойомпоџо барбыт. Тонсуйан киирбит да: «Оџонньор оџо ыалдьан бэрт буолбут, онон баран дьалбыһан көр», — диэбитин эмиэ: «Кыаттарыа суоџа», — диэн батан кээспит. Онтон Маппый эппит: «Барар да буолларгын илдьиэм, барбат да буолларгын илдьиэм. Эбэтэр танаскын түнүрдэри үлтү тэпсэн баран уокка кутан таххыам, эбэтэр барыах!» — диэбит. Онтон куттанан Дойомпо барсыбыт. Ол тийибитигэр ыалдьар кыыс оџо хаһытыгы түспүт: «Дойомпону харахпар көрдөрүмэн!» — диэбит. Онтон таһаараа атын дьиэџэ таһааран кыырдарбыттар. Ол кыыран иһэн: «Кыаттарыа суох», — диэбит батан уурайан хаалбыт да, дьиэтигэр төннүбүт. Ол түүн оџо өлөн хаалбыт.

Биирдэ баай Хабырылла диэн киһи эмиэ туохтан эрэ кыыһыран баран, били Хабырылла ойууну охторон сытыаран дэлби сирэйин кырбаабыт, муннун хаанын таһаара сатаабыт да, хаана тахсыбатах. Онтон саанан баран баран хаалбыт. Ол баран үс сыл тулары били баайы сии сатаабыт да, кыайбатах. Баай кута күн дьи-

үгигэр куотан хаалар үхү. Оттон сылгыларын сиэри бардагына, аны атыыр киллэрбэт үхү. Онтон ынах сүөһүтүн сиэри бардагына, атыыр обуһа киллэрбэт үхү. Онно эппитэ үхү Дойомпо: «Бу баай Хабырылла ситэ ыйахтаах, бөбө оноһуулаах киһи буолар эбит!» — диэн. Ол да буоллар баай Хабырылла биир кыыстаабын үс сыл эккирэтэн сиэбитэ үхү.

Онтон кэнники биир Маарсан диэн аҕабыт таңара дьиэтигэр ойууну аҕалан бокулуоннапыт: «Аны ойууннаама!» — дии-дии. Онтон кыыһыран Дойомпо аҕабыты сиэри кутун көрдүү сатаабыт да булбатах. Кэнники аартык айаҕар биир улахан харыйа мас баарын көрөн баран ойуун эппит: «Аны бу харыйаҕа баар буолаарай кута?» — диэн баран этин буолан били харыйаны үлтү түспүт. Онтон аҕабыт соҕотохто сонно өлөн түспүт үхү.

Онтон кэнники Баттайа Дьаакып диэн биир баай киһи Ытык Күөлгэ ураһанан олоҕорбут. Бу Баттайа ойууну аанньа ахтыбат, аһаппат-сиэппэт, аһыннарбат үхү. Онтон Дойомпо абаланан бу баайы сиэри гынар да, хайдах да киирэн сиэбэт. Биир күн улуу тунах туман күн буолар. Киһи барыта ураһа таһыгар ону-маны улэлии сылдыбыттар. Иһиттэхтэринэ туман быһыгар арҕаа диэ-киттэн оҕус мөнүрүү-мөнүрүү кэлэр. Дойомпо абааһыта оҕус буолан ураһаны аһаар муһунан сиэлийэн таһааран тиэрэ аспыт. Ол аһаарытын кытары холорук буолан ураһаны көтүтэн илдьэ бара турбут. Арай онно хаалбыт үс алтан таңара уонна оһох маһыгар сэттэ ыаҕастаах сүөгэй. Уоннаабы бары дьэ малын таһааһын Таатта куулатыгар онно-манна ыһан кээспит. Баттайа баайы өһүөннээн сиппитэ итинник үхү.

Онтон кырдьан бүдүк буолбутун кэннэ, нэһилиэгин дьоно Уолбаттан хоту Аччай уңуоҕа диэн сиргэ илдьэн кээһиэххэ диэннэр Дойомпоҕо баран эппиттэр: «Кинээһин Омуос Слепцов илдьиттиир: эн хоту баран уңуобун хаалара сатанар. Барар да буолларгың, барбат да буолларгың илдьээри кэллибит. Онон туох диигин, тылгың эт!» — диэбиттэригэр. Дойомпо эппит: «Оттон хайыамый, тэннэһиэм дуо, бардаҕым дии. Ол эрэри Омуос Слепцов кинээс мин курдук хаһан эрэ бүдүк буолан, мин сорум курдук сордонуо буолуо дуо!» — диэн кыраабыт уонна тиэллэн барбыт.

Ол баран Дойомпо өлөрө буолан, адьас чугаһаан сыппыт. Кини үйэтин тухары илдьэ сылдыбыт суон баҕайы тайах мастааҕа үхү, бу тайабын төбөтө өксөкү⁴ курдук ойуулааҕа үхү, ону аһынан кыһыл таңас, сизл баайыылааҕа үхү. Онтукайын биир киэһэ

оронун кытыгыгар уот диэки өттүгэр туруору уурбута эбитэ үһү. Ол түүн улахан таас тыаһа тосту ыстаммытыгар, дьон туран көр-бүттэрэ, били тайах маһа хабыллар хаба ортотунан тосту ыстам-мыт уонна Дойомполоро өлөн хаалбыт үһү. Кинини Аччай унуоҕа диэн сиргэ көмпүттэр.

Дойомпо 80—90 сааһыгар өлбүт, кини өлбүтэ сэттэ уон сыл буоллаҕа буолуо.

Гаврил Иннокентьевич Егоров, 90 саастаах Таатта оройуонун Уолба нэһилиэгин тылыттан. В.Н. Дмитриев суруйбута, муус ус-тар 1 күнэ 1941 с., Уолба сэлиэнньэтэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 255—260].

166. Дүнгүр маһа

Ойуунна анал дүнгүр буолар маһа үүнэр. Хас да салаалаах буолар. Онтон ханнык салаата анаммытын ойуун бэйэтэ билэр.

Бу мас ойуун устатыгар хатыа суохтаах. Ол иһин анаммыт салаатын икки өттүн куоһаан баран кыһанан хайытан ылаллар, дүнгүр онгороллоругар.

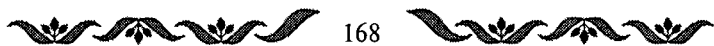
Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгин 60-н тахса саастаах Ни-кита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 45.

167. Омоҕой Баай, Эллэй Боотур¹

Собуруу бурээт омук сиригэр Омоҕой Баай диэн, киһи оло-рубут. Биир олохтоох ойуун Омоҕой Баайга кыыран, үс үөстээх Өлүөнэ өрүһү² куба кыыл буолан таннаран Бүлүү төрдүгэр тийиэн, көрүү көрөн³ эппит:

«Өлүөнэ өрүс кэнээн тийиитигэр икки Ытык Хайа баар эбит. Собуруу Ытык Хайа⁴ сылгы сүөһү төрдө буолааччы. Хоту ытык Хайа ынах сүөһү төрдө буолааччы буолан үөскээбиттэрэ. Собуруу Ытык Хайа арыый аллараа өттүгэр үс үтүө харыйалар үөскээн тураллар. Онон оҕонньордоох эмээхсин: “Дойду иэйэхситтэрэбит⁵, кэлбити аһатар-тэрийэр бэриилээх буолан турабыт” — диэн уруй-дуу тураллар. — Онон эн мин көрөр сирбэр тийдэххинэ дьолу-соргуну көрсүөн, кэнэбэһин ууһуон-тэнийиэн этэ», — диэн.

Мань ылынан Омоҕой Баай ойохтоох, икки кыыстаах, уонна кэргэн⁶ уолаттардаах буолан, олобуттан көһөн айанныыр. Хайдах эрэ албас Бүлүү өрүһүн төбөтүн булан, ол устун болуотунан тан-

нары устар. Бүлүү төрдүгэр кэлэн, тохтоон баран, Омобой Баай бэйэтэ соботобун дүлүгү миинэн Өлүөнэни туораан, илин энгээр, үрдүк хайатын, дыангытын, үрдүгэр, тахсан дойду былаанын көөртө үһү. Ол көрөн: «Тобо эрэ хоту өттүттэн тымныы салгыннар биллэллэр, киһи-сүөһү үөскээбэт, дыоло-соргута тохтубут, дойду быһыылаах. Собуруу, өрө, диэкиттэн итии сылаас салгын охсуллар, бука үтүө сир манан буолуо», — диэбит. Онтон болуоттарын бэчимэлээн Өлүөнэ өрүһү өрө өксөнөн, билингни Киллэм хонугар кэлэллэр.

Дэ кырдык, били бурээт ойууна эппитин курдук, илэ-бодо иэйэхситтээх, чаччы-баччы айыһыттаах⁷, офонньордоох эмээхсин буолан үс харыйаба уруйдуу тураллар үһү. Омобойдоох манна туос ураһа⁸ туруоран түһэллэр. Сарсыныгар Хоту Ытык Хайаба бараннар ыгырыа эриэн дүһүннээх, уулаах үс саастаах бургунасынабы аҕалаллар. Онтон сарсыныгар Собуруу Ытык Хайаба тийэн, үс харыйаны булан, онтон түөрт саастаах, чонкуруун сиэллээх, кутуруктаах, уулаах биэни хайа ханас хооньуттан булан аҕалаллар. Манна олохсуйан бултаан-алтаан, кыыллаан, саһыллаан, били сүөһүлэрин үөскэтэннэр, ыал буолан олороллор.

Үс сыл буолан баран, улуу тунах саҕана⁹, арай биирдэ Омобой уолаттара көөртөрө: иккис сүһүөх сайынны уунан өрүс өрөтүттэн кус, кыыл түүтэ, мас сыһа устан ааһаллар¹⁰. Ону көрөн тахсаннар Омобойго тыллыбыллар. Маныха Омобой сорудахтыыр: «Кэтэһин!» — диэн. Ньиргитэр уонна Доргутар диэн икки уол буоланнар Собуруу Ытык Хайаба тийэ бараллар. Ол тийбиттэрэ, олох сыгыннах киһи олорор үһү.

Ону көрөөт уолаттар үөмэллэр, маныха киһилэрэ билэн: «Бу Омобой уолаттарабыт дуо? Мин эниги турбуккут кэннэ сыл аҕаара буолан баран, энигини эккирэтэн, икки аҕаар сыл хонугар айаннаан бу кэлэн олоробун», — диэн билэр киһи курдук, өссө: «Мин Элэй Боотур диэн буолабын», — диир. Кэпсэтэн, билсэн, бары Омобойдооххо тийэн кэлэллэр. Дэ ол кэлэн Элэй Омобойго үс сыл тухары кэргэн (хамныыр) уол курдук буолан олорор. Олус бөбө-таба киэптээх-таһаалаах, үлэтигэр үс киһи тутуута тутуулаах буолан Омобойго хайбатан сылдыар.

Омобой Баай икки улахан эргэ тахса илик кыргыттардаах, улахана Дэкэй Дэпсэ¹¹, кырата Ньыкы Даххан¹² диэннэр эбит. Иккиэн бу Элэйгэ ойох барыахтарын бэркэ бабарар буолан бараллар.

Биир сарсыярда туран Омобой эмээхсинэ чороонноох¹³ кымы-
һы айах туттаран туран Эллэйтэн: «Биһиги кыргыттарбытыттан
биир үчүгэйн анал ойох ылан, киһи-сүөһү төрдө буолууй. Биһиги
эйиэхэ ити Ньыкы Дахханы аныыбыт», — диэн Эллэйтэн көрдөһөр.

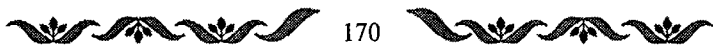
Эмээхсин биэрбит кымыһын Эллэй ылан иһэн баран тугу да
эппэккэ истэн эрэ кэбиһэр. Бултуур-алтыыр, аҕалара да олус, тут-
туута да бэрт. Икки кыыс туой арҕаа диэки тахсан киирэр идэ-
лээхтэрэ. Ону Эллэй үлэлии сылдьан саһан көөртө: икки кыыстан
көйгө кыыс Дэкэй Дэпсэ иигэ үрүн күүгэн буолан күөс курдук
чөмчөйө олорон хаалта, оттон кыра кыыс Ньыкы Даххан иигэ уу
курдук сиргэ күүгэнэ суох ингэн-сүтэн хаалбыта үһү. Ону тойон-
ноон: «Бу көйгө кыыс хойуккутун төрүөхтээх, ыччаттаах, буолуо,
мааны кыыс уһуо-тэнийиэ суоҕа, сотору үйэлээх буолуо»¹⁴, —
диэн саныы сырыппыт.

Омобой Баай биирдэ Эллэйи ыңыран ылан ыйытар: «Хайа,
бу биһиги оҕолорбуттан хайаларын ойох ылан оҕо-уруу төрдө-
ууһа буолабын?» — диэн. Ону Эллэй: «Ити көйгө, куһаҕан кыһы
Дэкэй Дэпсэни ойох ылабын», — диэбит. Маныха Омобой Баай,
көйгө кыһы ойох ыларын иһин өһөөн, сөбүлээминэ, чаастарын
баайдарыттан биир кутуруга, муоһа суох куочай кугас ынаҕы¹⁵ би-
эрэр, уонна «Дьэ бара охсун, икки харахпытыгар көстүмэн, ханна
саныыгыт да, атын сиргэ баран араан тыа буолун»¹⁶, — диэн кы-
раан-таныйан туран холдьоҕор.

Эллэйдээх иккиэйэбин, оччотооҕу Киэн Иэнээйи хонуутугар,
билинҕи Сахсарыга¹⁷ кэлэн олохсуйан, ураһа туруорунан, сылгы
сэлэтэ онорон, түптэлээн ыал буолан бараллар. Сылгы иһитэ тэ-
ринэн, сылгыларын тутан ыан, кымыс онороллор.

Аҕыйах сылынан байан-тайан, оҕолонон-урууланан бараллар.
Муспут кымыстарынан биир сайын кулун кымыһа¹⁸ онорон,
аймахтарын Омобойдооҕу ыңыран, ыһыах ыһаллар. Ыңырыыга
эмээхсини кытта кэргэн уолаттар сылдыбыттар. Омобой мааны
кыһынаан кэлбэтэхтэр.

Эллэй ыһыаҕар чороонноох, сиэллээх айағы өрө тутан, ата-
бынан сөһүргэстээн туран алгыыр. Кини айыылары, аан дойду
иччитин алҕаан (ааттатаалаан) айах туттарар (аһатар-сиэтэр). Ма-
ныха Илин халлаан улаҕатыттан тахсан сүүмэх сылгы кыла күн
тахсыытыттан күнү батыһа эргийэ көтөн ааспыт. Ол икки ардыгар
ыһыах ортотугар Омобой хамначчыт кыһа кэлэн тыллыыр:
«Мааны кыыс Ньыкы Даххан кулун баһын быатынан быаланан
биэбэ состоро сылдьар, бара охсуобун!» — диэн. Маны бары баар

дьон баран көөртөрө, Ньыкы Даххан биэбэ бас быатынан состорон өлбүт үһү, онон өлбүтүгэр тийээн хаалаллар.

Эллэй дьэ онтон ыла киһи-сүөһү, саха төрдө буолар гына ууһуур-тэнийэр, байар-тайар. Билинги саха биэс улууһа, Хаҥалас, Мэнэ, Боотурускай, Бороҕой, Нам — Эллэй Боотур оҕолоруттан үөскээбитэ үһү.

Мэнэ-Ханалас оройуона I Нөөрүктээйи нэһилиэгэ, 40 саастаах Николай Саввич Оконешиников тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйын 15 күнэ 1933 с. Улуу Сыһыы [ИПРЯ, ч. 1, с. 55—57].

168. Оноҕой Баай, Хара Түмэн

Бэрт былыр бу саха дойдутугар, уруккута тонус олоҕор, собуруу монгуол омуктан күрэнэн кэлэн Оноҕой Баай диэн икки уоллаах, икки кыыстаах, ойохтоох, кэргэн дьоннордоох киһи Саргылаах Сахсарыга олоҕурбут. Кини сылгы-ынах баайдаах эбит. Кини саҕана мас, туос иһит, түнэ, сарыы, сылгы-ынах таҥас, муос, тимир охтоох кураахтаах саа, оту оттуур, бүтэй-хаһаа, түптэ оноруу-туруоруу суох, ыһыах ыһыы, баҕах анныы, түһүлгэ оноруу диэн эмиэ суох. Чанкыр сылгы-ынах үүтэ, булт, балык аһы аһыыр кэм эбит.

Оноҕой ол курдук кэлэн Лиэнэбэ байан-тайан олордобуна, собуруу браатскай омук сириттэн киһи олоруох сирин уотун көрдүөн, була, көрө икки киһилээх Хара Түмэн диэн кэлбит. Бүлүү баһынан быһан Бүлүүгэ түһэн тыаларын, маардарын сытырбаан: «Сыаната биллибэт сыа-сым сыттаах Сыа Бүлүү, Бүтэй Бүлүү», — диэн ааттан, алын үс Бүлүү төрдүнэн Лиэнэбэ түһэн, өрө сытырбаан, «манньык үтүө түбүбэ биир эмэ киһи кэлэн олоҕурбута буолуо», — диэн билэн, өксөйөн иһэн, Саргылаах Сахсары эбэ хотунтан Оноҕой Баайы булан, онно сылдьан маанылатан ааһаллар. Хара Түмэн Оноҕой Баайга аһыыр-сиир, сынньанар. Ол сылдьыларыгар аһыы олорон Хара Түмэн угуруктуур. Онтон бэркэ кыбыстар. Ол сылдьан ааһан, дойдуларыгар чугаһаан иһэн: «Бу тойоммут тыаһыттан сааппыта буолуо, саатыттан биһигини өлөрүө», — диэннэр, сүбэлэһэн икки доҕор киһитэ Хара Түмэни өлөрөн кэбиһэллэр. Ол өлөрөн дойдуларыгар тийибиттэрин браатскай омук улуу ойууттара көрүү көрөн, бу Хара Түмэни бэйэлэрэ соруйан өлөрбүттэр диэн, улуу тойонноругар дьүүлэтэн, ол икки киһини буруйдаппытара үһү.

Ол Хара Түмэни өлөрбүт сирдэрэ билигин Өлүөхүмэ куораттан иккис дьаам үөһэ Элиэнэ сүннүүгэр баар. Ол дьаам аата Хара Түмэн диэн ааттанар диэн сэхэн буолара.

Үөһээ-Бүлүү оройуона Ороһу нэһилиэгэ, 78 саастаах Федор Николаевич Тимофеев тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйын 10 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 87—88].

169. Бордуолаах удабан

Бэрт былыр саха сағана дойдуттан бу дойдуга бырайан Бордуолаах Удабан диэн¹ кэлбит. Кэпсээн буолара — дайдыга олон удабан билинги Тарын Үрэх үрдүк очуостарын, хайаларын көрүү көрөн, мин онно баран олоруохпар сөп эбит диэн кээлтэ үһү. Кини биир кырдыаҥас оҕонньордооҕо үһү. Ол аата биллибэт.

Аара кэлэн иһэн, оҕонньор харгыйан охтон-ыран хаалтыгар, Бордуолаах удабан хаарынан көбүөрдээн², онон албастан аһатан, салааскаҕа тардан айаннаабыт. Ол айаннаан кэлэн, билиги Төрүт диэн [сиргэ] (Өймөкөөнтөн 180 км сир) тохтоон олохсуйбут. Онно олон, үөскээн Билинги Тарын үрэх нэһилиэгин үөскэппит. Киниттэн биллэринэн, билиги Кырбаһаанкыннар диэн үөскээн ололор. Сэхэннэ буолара ол Бордуолаах удабантан Онтыйор диэн, Онтыйортон Уоһук диэн, онтон аатырар баай Ньюкулай Кырбыһаанкын диэн төрөөн сүүһүн туолан өлбүтэ. Ньюкулай үс бырааттар. Иккитин Уйбаан уонна Охоноһой диэн ааттыыллар. Уйбаантан Ньюкулай, Ньюкулайтан Махсыын, онтон билигин кыра уол оҕо баар. Онон Бордуолаах удабантан сэттис киһи үйэтэ буолла. Удабан, оҕонньоруттан кыһыран, сэргэ төрдүгэр тахсан, эһэ буолан, ардыгыныны сытар буолара үһү. Ону оҕонньоро тахсан, ааттаан, кэтэбиттэн имэрийэн, киллэрдэбинэ эрэ, киһитийэрэ үһү. «Эһи оннук баһайы удьуордаах буолангыт кэрбэтэ сыттаһхыт», — диэн саҥа-хоһоон буолара³. Кини удьуора бары босхон, баас буолан өлөллөрө, өлөллөр даҕаны.

Бордуолаах удабан өлөрүгэр кэриэс этэн: «Дууһам тахсарыгар сытар оронум сөбүргэнэтин үрдүгэр үс хонукка тимир чөкчөнө кыһлым⁴ тахсан илэ көстөн олоруоҕа. Онтон куттанымаарын», — диэн эппитэ үһү. Ол кырдык үс хонукка дылы көстүбүтэ үһү диэн буолара.

Бордуолаах удабан унуоҕа ол Ньюкулай Кырбыһаанкын баай олоҕор булгуннаһа сытар. Удьуоруттан киһи-сүөһү өлүө эрэ буоллар, киһээ-сарсыарда дүнгүрэ бүрдүгүнүү сытар диэн буолара.

Тарын үрэхтэри былыр: «Харахаан, Бордуолаах сағаттан он-нуккут-манныккыт», — диэн үөхсүү туой буолара. Онон төрүттэ-ригэр Хара хаан диэн эмиэ баарын курдук. Тарын үрэхтэри урукку олоххо Бордуолаахтар диэн аат биэрэллэрэ.

Лев Семенович Белолоубская, 65 саастаах бастакы Бороҕон нэһилиэгэ, Өймөкөөн оройуона тылыттан. С.И. Боло суруйбута тохсунньу 4 күнүгэр 1940 с., Кулун күрүөтэ диэн сиргэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 47—49].

170. Хара сабыл омуктар

Саха төрүттэрэ Өлүөнэ өрүһү була иликтэринэ, бу дойдуга «хара сабыл»¹ диэн туспа хааннаах омуктар олоорто. Кинилэр сүөһүнү дуол ииппэтэх, туой бултаан, балыктаан иитинэн оло-руттара эбитэ диэн буолар. Бэйэтэ аҕыйах ахсааннаах, соччо үөс-кээн тэнийбэтэх, ууһаабатах омук, эбитэ үһү.

Саха төрүттэрэ Омоҕой Баай, Эллэй Боотур бу дойдуга кэ-лиилэригэр хара сабыллар олохтоох омуктар эбиттэр. Олор кэлбит сахалары кытта соччо туруктаһар, утарылаһар күүстэрэ суоҕа.

Кинилэр саха уустарын кытта холбоһон, былааһан, бу кэнни-ки кэмнэ диэри, удьуор-кэдьиэр бэрт аҕыйах ахсааннаах дьон көһө сылдьан булдунаан иитиллэн олоортор. Оннук удьуордары оччотооҕу сахалар «тыал буолбуттар»² диэн ааттаабыттар. Тыал буолбуттар өтөхтөрө улуус, нэһилиэк сирдэригэр дэн баара иһиллэрэ. Кинилэр төрүөхтэрэ Бороҕон, Мэнгэ улуустарынан олоро сылдьыбыттара диэн буолар этэ. Сахалар кинилэри абааһы көрөллөрө. Тытыахта-рын куттаналлара, туой: «Олохтоох омуктар, тыый, хара сабыллар удьуордара, тыал буолбуттар», — диэн сапсыйан кэбиһэлэрэ.

«Тыал буолбуттара» араас дьиибэлээх, аптаах, ойууннаах, уда-баннаах буолаллара. Саха ойууна, удабана кинилэри хотон утарбат этилэр, олохтоох төрүкү дьон-аймах буоллахтара диэн.

Былыр кыргыз үйэтин сағана бастакы Өлтөх сиригэр, Балык-таах эбэ диэн күөллээх алааска, «тыал буолбуттар» диэн тоҕус уоллаах биир удабан эмээхсин олорут. Ол удабан кэлбит барбыт айанныт дьон ындыыларын, астарын көтүтэн ылан аһаан оло-рут. Ол «нэрээт ындыытын сағана»³ эбитэ үһү. Ити бириэмэҕэ Дьокуускай куорат олохтоммут кэмэ этэ. Түһэрии быһыытынан бурдугу илин дойдуга ыңгырдаллара. Ындыһыттар аһалларын сағана, кинилэри көрөн, удабан оҕолоро дьиз таһыттан киирэн, ийэлэрин эмискэ соһутан бүөргэ анһаллара. Ийэлэрэ: «Уо, та-

тат!» — диэн соһуйан уһуугу түстэр эрэ, балаһанын үрдүгэр хайа эмэ ааһан иһэр айанныгыттар ындыларыттан хааһахтаах бурдук кэлэн түһэрэ. Ол курдук кэлэри-барары айан суолугар туора олон, быһа олорбут. Онтон да атын араас куһаһаны-дьиибэни онгороро бэрт элбэх эбитэ үһү. Ону өрүү куттанан: «Төрдө-ууһа улахан, былыргы олохтоох хара сабыл удьуора», — диэн, киирэн тохтоон, иэстээбэттэрэ үһү.

Ол удаһан бэйэтэ туой алааһыгар Балыктаах эбэ күөлүгэр киирэн, сайын илимнээн сиир идэлээх эбит. Арай биирдэ илимнии сылдьан инньэлигин түһэрэн кэбиспит, онон кини түһэрбит ойбоно билигин «Инньэлик түспүт көлүйэтэ» диэн ааттанар. Ол сири-нэн кыһын тонмот.

Сити курдук удаһан тобус уолаттарыныын олодохторуна, биирдэ Таатта сириттэн кыргыз дьоно⁴ кэлэннэр, бокуойа суох ытыгалаан барбыттар. Онтон олорор балаһаннарыгар киирэн көөттөрө, биир да киһи суох буолан хаалбыт үһү. Ону: «Бу кубулуна араас мас, от, сэп буолтара буолуо, оннук сурахтаах этилэр», — диэн балаһан иһигэр баар туох сыһаһалары⁵, сиппиирдэри, күрдь-эхтэри, үтэһэлэри, олоччу батыһанан быһыта охсутаалаан, «кыайдыбыт, быстыбыт, көгүттүбүт» — диэн туран туох баар олохторун, дьиэлэрин олоρχу уоттаан күллэри көгүппүттэр.

Арай, саамай кыра уоллара куотан илин Лаамы⁶ диэн дойдуга күрээн тахсар. Онтон ыла били удаһан алдыатыһыла суох буолан, олох көппүт. Ол курдук «тыал буолбуттары» ирдээн кыргыз дьоно эһэргэ, аччатарга баартар.

Хойутуу собус били Лаамыга күрээбит, куоппут уол эргийэн кэлэн эмиэ Өлтөккө олон ууһуур. Киниттэн удьуор үөскээн, 50-ча сыллаабыта Бөхсүлүйэ Лөгөнтөй кырдыабыс-кырдыаҕас оҕонньор баарын көрөрүм. Оччоҕо туой: «Ити оҕонньор төрүт-уус, хара сабыл омук удьуора, былыргы тыал буолбуттар төрүөхтэрэ, кини сүрдээх сиэмэх, куһаһан ырахан тыллаах, уоттаах харахтаах ойуун, кырыдаһын ахсын кини хараһын уота биллэр буолар, сүгүн кыырбат киһи», — диэн сэһэн, куттал буолара.

Ол оҕонньору, мин абаһам, Хаһыстай диэн ойуун⁷ киһи баара абаһы көрөң, өлүүтүн уутун⁸ тоҕо аспытыттан, кини мөлтөөн-ахсаан кэннэки өлбүтэ. Бөхсүлүйэ олох оҕото-уруута суоҕа. Кини өлбүтүн кэннэ «тыал буолбут» удьуора сыта да суох буола биһиги дойдуга эстибитэ.

Ол удаһан олорбут өтөхтөрүн, билигин «тобус өтөх» диэн ааттанар. Мин ол өтөбү көрөрүм, онно бэрт элбэх өтөх оннуларын

омоолоро бааллара, иин, балажан торумнара кестөрө, кырдык тобус балажанна олоорто буолуо диэн хоһоон буолар.

Мин бу, «хара сабыл», «тыял буолбуттар», кинилэр удьуордарын төрөөбүт эһэм Танараһыт Куобарап сиһилии сэхэргиирин истэрим. Оччобо уон үс, уон түөрт саастаах кыыс этим.

Ус Алдан оройуона иккис Өлтөх нэһилиэгэ, 61 саастаах Софья Николаевна Татаринова тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдыах ыйын 17 күнэ 1936 с., Якутской [ИПРЯ, ч. 1, с. 91—92].

171. Тонус олобун саха кэлэн ылбыта

Бүлүү төрдүгэр Кэбээйи¹ диэн нэһилиэк сиригэр бэрт былыр, бу дойдуга саха диэн суох эрдэбинэ, тобус ураһалаах тонустар ололорбуттар. Биир Батакан диэн ойууннаах эбиттэр. Ол тонустар тордох дьизэлээх², тирии таҕастаах, таба сүөһүлээх, булду бултаан аһаан-сиэн, иитинэн олоортор. Ол курдук олордохторуна Бүлүү өрүһүнэн аһсаана биллибэт сахалар кэлэннэр, икки ураһа тонусу кырган өлөрөн кыайаллара кэлэр. Онуоха сэттэ ураһа тонус били Батакан диэн ойууннуун куотан көһөн тахсан, Сарана диэн сир таһыгар ойуурга тохтоон, ойууннарын кыырдаран, көрүү көрдөрөллөр³. Ойуун кыыран көрүү көрөн этэр: «Утарылаһан кыайар кыах, төлкө суох — көстүбэт, бу дойдуттан олох тэйдэххэ сөп буолууһу, сатаммат кэлбит», — диэн. Онон тонустар бары хоту Дьаангы систэрин булан, Дьаангыга олохсуйаллар.

Сахалар тонустан кыайан ылбыт саҥа олохторугар Кэбээйи, Тыяйа диэн сирдэринэн олохсуйаллар. Олортон Кэбээйи нэһилиэккэ билигин Кыргызтаах аҕатын ууһа диэн сахалар бааллар. Мин бэйэм кыргызтаах ууһабын.

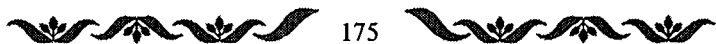
Нам оройуона Кэбээйи нэһилиэгэ, 22 саастаах Анисим Никитич Кобяков тылыттан. С.И. Боло суруйбута, муус устар 3 күнэ 1925 с. Куонта-Кэриэһэ.

172. Сэмэн ойуун

Маймаҕа нэһилиэгэр Сэмэн ойуун диэн улахан ойуун үөскээбит.

Илин үс тиһэ ордьоборун иһин кыра оҕолор күлүү-элэк онгостубуттарыгар, иҥиир сабынан туһахтаан тууран кээспит, ол иһин сүллүүрү (ыарыыны ылар ньымата) суох буолбут.

Биирдэ Хоту хаанһараллар, Түүкэттэр диэн ыалларга (Хотугу Маймаҕа) сылдьан баран, Сиэллээх ойуун (Маймаҕа ойууна) оҕо

эрдэбинэ мэнгэстэ сылдьан: «Кэнэбэс кырыйдахына кэпсээн онгостор», — диэн сэһэн сэһэргээбитэ: «Мин айыы ойууна буолар киһи хаалбытым. Эйигиттэн биир куһаҥан оҕо төрүүһүк, сизэмэх ойуун буолууһук. Ону эрдэ өлөрөн кэбиһээр.

Бу арҕаа быраантан Дьонкума хайатыгар дылы, өрүс илин өттө, Көбөкөн нэһилиэгин сирэ ойуун кылыыта¹ баар.

Мин өлбүтүм кэннэ, уңуобум ампаарын үс сылынан тоҕо тэбэн кэбиһиэбим, ол тэбэммин бу арҕаа уһун кырдал үрдүгэр таһаардахпына бэйэм кутум (эмэгэтим) халлаанга барыаба, оччоҕо Маймаҕа үөскүө-үүнүө, онтон турар сиригэр үрэлиннэбинэ — Маймаҕа киһитэ-сүөһүтэ бараныаба, бу дайдыга сатыылыабым.

Көмүллүбүт сирбэр баспынан икки сыл буолан баран тиит үүнүбэ, ол тиит өт уота сизэбитин кэннэ күөх салааланан кэллэбинэ — киһи сүөһү үөскүөбэ».

Кырдык кини кэпсээбитин курдук Сиэллээх ойуунтан куһаҥан уол төрөөбүт, ону аҕата өлөрөн кэбиспит.

Өлбүтүн кэннэ үс сыл буолан баран уңуобун ампаара үрэллэн, арҕаа үрэххэ тахсан хаалбыт.

Кини эппитин курдук икки сылынан төбөтүнэн тиит үүммүт, ону Состокуоп Дарыбыан диэн киһи сир солууругар өт уотун ытан сизэтэн киэспитин кэннэ мутуга көбөрөн кэлбит.

Нам оройуона, 57 саастаах Петр Петрович Кутуков тылыттан. С.И. Охлопков суруйбута, атырдыах ыйа 2 күнэ 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 1—3.

173. Ойууттар сырыыллара

Ойуун аптаах, илэчийэн киирэр буоллабына аан кэтэбинэн уонна өһүө баһынан киирэр. Тахсарыгар холумтан аннынан тахсар, куһаҥаны онгороору гыннабына. Онно үчүгэй дьоллоох ыал буоллабына оһохтон чох ыстанар. Ол ойуун таптардабына өлөр.

Өһүө баһынан киирбит кыаттарбат. Өһүө баһыгар киирбит, өһүө баһыгар олорор чөкчөнгөнү кытта кыттыһар.

Үөһээ өттүгэр элбэхтик сылдыбыт, күүстээх ойуун киирэр өһүө баһынан.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгэ 60-тан тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 29.

176. Дьэргэлгэн түһэри

Уруккута Бүлүү төрдө, Кэбээйи нэһилиэк төрдө буолбут Дьэргэлгэннээх ойуун диэн баарыгар Хангалас Тыгын баай бэт элбэх сэриилээх, сэриилии Кэбээйи сиригэр тахсыбытыгар ойуун киһи кыайан көрөн ытыаласпат гына дьэргэлгэн түһэрэр. Тыгын Баай кыайан көрөн кыргыспакка төннөн дойдулуур.

Нам оройуона, Кэбээйи нэх., 22 саастаах Анисим Никифорович Кобяков тылыттан. С.И. Боло суруйбута [Боло, 1938, с. 157].

177. Ойуун ыйааһынын ыаратыты

Ойуун киһи кутун көтөхтөбүнэ ыарыыр. Оччоβο кинини икки да үс да киһи кыайан көтөхпөттөр. Мин даҕаны мунугаан сылдьан 64 киилэ этим. Онно таҕаһым эбилиннин даҕаны. Чэ, сүүс киилэ буолара буолуо. Ону кыайан көтөхпөт этилэр.

Ону көтөбүөххэ сөп ханнык эмэ таҕаһын алдьатан баран. Холбура ыстаанын буутун кытытын, ол эбэтэр бэлэньэккин.

Ону билэр дьон көтөбүг диэтэххинэ ойон туран таҕаһы хайа тардарга бараллара.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгэ 60-н тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан, Н.А. Алексеев суруйбута, алтынны ый 5 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 56.

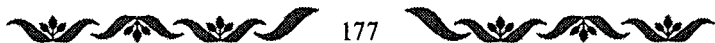
178. Ойуун айата

Улахан сиэмэх төрүттээх ойуун айалаах буолар. Ойуун айатын сир-дойду, алаас-үрэх тумулун икки ардыгар, эбэтэр икки хайа икки ардыгар иитэр буолара үһү.

Кини айатын кылыгылаах, кэнтиктээх, сулустаах, систээх, син булт айатын курдук сэхэргииллэр. Ойуун айата туой үөһэннэн буолара үһү. Холобур, үөһэнэн айаннаан, эбэтэр ойууну сылгылаан, экирэтэн иһэр ойуун, удаҕан кэлэн киирэн биэрэн, кылыгытын таарыйан эһиэхтээх.

Ол гынан баран, айаны иппит ойуунтан үрдүк сүһүөхтэх улуу ойуун эрэ айаны эһиэхтээх. Ол эһэн, эбэтэр таптаран онно умсуохтаах, өлүөхтээх, эбэтэр эһэн куотуохтаах, куотан иппит ойууну куттуохтаах.

Билигин саха улуустарыгар туой итиилээх ойуун айалаах тумулар, хайалар бааллара сэхэн-номох буолар.

Ол айалартан билигин былыргы абааһылаах улуу ойууттан ордук, үрдүк сүһүөхтээх уйалаах ойуун үөскээбэккэ, эһилибэккэ иитиллээх тураллара баар диэн буолар.

Холобур, Сэһэн Болугур нэһилиэк сиригэр, Таатта үрэх алааһыгар Туһахтаах диэн алаас оттоку билиитигэр икки тумулга ойуун айата иитиллэн турар, ол кэннэ эмиэ бу нэһилиэккэ Амма үрэх сүһүнүгэр Мындабаайы Буор хайата диэн сиртэн Амма үрэби туора, үрэби үрдүнэн илин энээр Хардааччылаах хайа диэнгэ дылы эмиэ ойуун айата иитиллэн турар диэн буолар. Ойуун айата эстэрэ бэт өлүүлээх буолара үһү, ойуун эрэ өлбөт, кини таһынаабы дьоно эмиэ табыллыахтаахтар.

Амма улууһа I Бологур нэһилиэгэ 58 саастаах Иван Никитович Дьячковскай тылыттан. С.И. Боло суруйбута, муус устар 19 күнэ 1926 с. [Боло, 1938, с. 160].

179. Суор Уола

Сүүс биэс уон сыл анараа өттүгэр Мастаах улуунугар Суор Уола диэн ойуун кизнэ атамаана үөскээн сылдыбыт. Оччотообута анаардастыы аатыран, соботобун сурабыран, өлбүтү өрөһүйэр киһи буолан олорбут. Дьоннор ыарыйдахтарына кыырдабына биирдии атынан, оһуһунан ылара эбитэ үһү. Кини төрөөбүт аҕата Суор диэн эмиэ аар саарга ааттаматах ойуун эбитэ үһү.

Суор уола киһини сиэри гыннабына уон биэс хонукка айыы аһын аһабата уонна үс хонукка киһи харабыттан сүтэрэ эбитэ үһү. Ойууну кытта хатыстабына аан дойду отун-маһын алдьаталлара эбитэ үһү, оттон халлааны буоллабына хара буурбанан ыһыахталлара эбитэ үһү. Ол курдук тонус атамаан ойууттарын кытта бэрт былдьаһан хатыһара эбитэ үһү.

Кини бэйэтэ этэрэ эбитэ үһү: «Мин сиртэн-халлаантан онгоһуулаах, Хара Суорун тойонтон хааннаах, айыы танараттан айдарылаах, сибиэн дойдутуттан сирдэтиллээх, орто дойдуга соботобун үөскээн-төрөөн айдарыллан кэлбитим. Бу мин олорор нэһилиэнньэбэр мин баарбына ыалдьар долуй суох буолуохтаах. Баар эбит буоллабына мин диэтэх киһи кырыылаах харахпынан көрдөхпүнэ, кыраны бабас кыйдыыр, улаханы даһаны уолутар киһибин», — диэн.

Ол курдук аатыран-суолуран олордобуна буоспа диэн сүрдээх ыарыы кэлбит. Кинилэр сэттэ аҕыс-балыс эбиттэрэ үһү. Ол кэлэн-нэр Мастаах улуунугар мустан Мастаах күөл ортотугар илии илии-

лэриттэн тугуһан үнкүүлээн дьэртэһиппитгэр. Ону Суор уола истибит. Истээт, сырайа кыа хаан буолбукка дылы буолан баран, сүр үлүгэрдик ойон турбут да, таңараба кириэс охсунан баран түптэ буолан, халлаанга көтөн хаалбыт. Ол кэлэн нуучча ингнэтэ буолан мас хайабаһыгар кыбыллан турбут. Ол туран көрдөбүнэ сэттэ кыталык кыргыттар сизттиһэн баран ыллаан, үнкүүлээн күөрэлдьитэллэр эбит. Ол курдук өр бабайы ыллаан лынкынаһан баран араһасаллара кэлбит. Суор Уола иһиттэбинэ ибир-сибир кэпсэтэллэр үһү. Ол кэпсэтэллэрин эгэлгэтэ диэн маннык: ханнык сиргэ баралларын тус-туспа чаастаспыттар. Сорохтор Үөһээ Бүлүүгэ, сорохтор Ньурбаба, сорохторо Өлөөнгө, сорохторо Эдьигээнгэ барар буола чаастаһан баран, арай Мастаах улууһугар ким да хаалбат: «Эн хаал, мин хаал», — диэн бэйэ бэйэлэрин халбарытына сатыылар. Онно сорохторо этэллэр үһү: «Суор Уола — Хара Суорун тойонтон хааннаах, аан дойдуттан айдарыылаах, сибиэт дойдуттан сирдэтиилээх аар саарга ааттамматах ойуун баар. Синбиир биһиги хааллахпытына сатаабата чаччы. Онон биир самай албастаахпытын талан кээһиэбин. Арай кинини албаһынан өлөрөн баран киһи Мастаах улууһугар көңүллүк дьаабылыах этэ. Онон билигин биир сүүмэрдээхпитин талан хаалларыабын», — диэн самай оччугуй балтылара тыа баһын үмүр гына түһүөр диэри сангаран сатарыппыт. Ол кэнниттэн сүбэлэһэн самай улахан аҕастарын хааларга талаллар. Ол гынан баран Суор Уолун тугунан албастаан өлөрөллөрүн кэпсэппитгэр. Ол кэпсэтэллэрэ: «Суор Уола хайаан да булгу саламаат дуу, хааһы дуу сизбэ. Эн онуоха уот буолан хааһыларыгар түс. Оччоҕо ол хааһыны сизбит дьон өлүөхтээхтэр. Син биир Суор Уола хааһыттан сизбэ, оччоҕо кини тэппэккэ барыахтаах. Ол кэннэ эйиигин буойар-хаайар суох буолуохтаах, оччоҕо Мастаах улууһун көңүллүк айбардыах тустааххын», — диэн бараннар, сыллаһан, угураһан баран, күдэн буолан унаарыс гынан хаалбыттар.

Ити курдук сүбэлэспиттэрин Суор Уола тылыттан тылыгар түһэрэн истэр. Ол гынан баран өйүгэр улаханлык сааммыт. «Бэйи, хотуй оҕобун кус хараһын харахтыам, кус унуоҕун унуохтуом!» — диэн баран ингнэ буолан турбут бэйэтэ тиити төргүү мутугунан киһи буолан баран, дүңүрүн үс төгүл охсон линкинэтэр уонна сүр түргэнник дьиэтин диэки унньулус гынан хаалар. Дьиэтигэр кэлэн кэргэттэригэр этэр: «Самай улахан солуурга тобус-толору кутан саламаат онорун, сизэхпин-аһыахпын улаханлык баҕардым», — диир. Дьонноро аҕалара эппитин курдук биир улахан

бабайы солуурга тобус-толору саламаат онгорбуттар. Ол гынан баран биир тутум халыгнаах гына үрдүнэн арыы куппугтар. Саламааттарын сиэри таһаараары гынан эрдэхтеринэ, күтүр бабайы киһи харабын саба уот саламааттарын үрдүгэр кэлэн түһэр. Ону Суор Уола ойон турар да ол уоту сулбу тардан ылар уонна бытыылкаба түһэрэр. Бэрт кытаанах хаппабынан хаппахтаан баран, үс хос тимир буочуку уһаакка били бытыылкатын уган баран, күөлгэ киирэн ойбон алларан ууга тимирдэн кээһэр. Буочукатын бынанан кэлгийэн баран быатын уһугун ойбонун кытыытыгар маска баайан кээһэр. Уонна этэр: «Эн миигин өлөрүөм диэбитин буолан баран, хата мин эйигин харанга хандалыга хаайан баран ууга тимиртим. Алыс бэйэбин бэртик санаммат буол!» Ол кэнниттэн өстөөбүн кыайбыт киһи быһыытынан Суор Уола дьиэтигэр баран хаалар.

Буоспа ыарыыта сири-дойдуну барытын сабар да, арай Мастаах улууһугар туох да ыарыы суох. Ону Мастаах улууһун дьоно буоспаны Суор Уола туппута буолуо диэн таайаллар үһү.

Онтон эмиэ уруккуларын үңкүүлээбиттэрин курдук үңкүүлүүлэрин истэр. Ол истэн били алларбыт ойбонугар сүүрэн киирэр. Үс хос буочукатын үлтү охсон баран били бытыылкатын ылар уонна күөл кытыытыгар сүүрэн тахсар. Бытыылка бүөтүн төлө тардарын кытта, онно баар уот күөх төлөн буолан көтөн хаалар. Суор Уола бытыылкатын хампы бырабан баран, көрүөх бэтэрээ өттүгэр нуучча иннэтэ буолан уруккутун курдук Мастаах күөл кытыытыгар маска кыбыллан хаалар. Ол гынан истибитэ: «Биһиги диэтэх дьон улахан аҕаспытын ааттаах ойуун Суор Уола туттаба буолуо, онон кэлбэтэбэ буолуо», — диэн ибир-сибир кэпсэтэллэр үһү. Ол сырыттаһтарына кус уңуобун уңуохтаммыт, хохту харахтаммыт аҕастара кэлэр. Аҕастарыттан Суор Уола хайдах гыммытын ыйытан билэллэр. Ол курдук үңкүүлээн тарҕаспыттар. Суор Уола сүр түргэнник дүңгүрүн үс төгүл охсон баран халлаанга хара буурҕаны түһэрэн дьиэтигэр айанныы турбут. Ол баран кини хайдах буоспаны кыайбытын бар дьонугар кэпсээбит.

Суор Уола ыарыытын ылдыар. Өлөрүгэр маннык кэриэһин эппит: «Мин диэтэх Хара Суор Тойонтон хааннаах, аан дойдуттан анабыллаах, сибиэн дойдутуттан сирдэтиилээх киһибин. Онон мин боростуой киһи курдук көмүллэн хааларым сатаммат. Миигин бу курдук тэрийин: биир бэчээтинэй ииннэ хаһын. Ол гынан баран баһым илиим сир үрдүгэр тахса сытыахтаах. Мин ийэ маспын ол курдук онгоруохтааххыт. Илиибэр былаайахпын туттаран баран дүңгүрбүн охсо олорор гыныахтааххыт. Миигин ол курдук гымма-

тыгыт да, мин сатамат киhibин. Мин өлбүппүн аһыйан үс түүн-нээх күн ытаһыахтааххыт», — диир. Ол гынан баран сирэйэ-хараба кубулуйан, өккөөрөн баран соботохто хабабын тугэбиттэн тыынан кээспит да, намыл гынар анныгар барбыт... Өлбүтүн кэннэ кини хайдах эппитин курдук онгорбуттар¹.

Егор Васильев тылыттан (сааһа 80). Үгүлээт оосулатын сэттис кылааһын үөрэнээччитэ С.Е. Васильев суруйбута. Бүлүү оройуона Тылгыны нэһилиэгэ, кулун тутар 22 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 297—299].

180. Саргыл ойуун

Бэрт былыр Засиэбэрэскэй тутуллуон иннинэ буоспа турбут. Онуоха Саргыл ойуун бары аймабын барытын ойууннаан саһыарбыт. Бэйэтэ Ойуһардаах диэн сиргэ буоспа обуһун кытта хассыам диэн онгостор.

Буоспа иччитин Ойуһардаах диэн сиргэ көссөр. Ол көссүһэн хассан, тэҥнэспиттэр бастаан. Оттон иккиһин буоспа иччитэ хасыбатах. Төһнүбүт.

Уонна Саргыл ойуун Кэлээдин тааһыгар буоспа иччитигэр айа тардар¹, кэнтигэ Ыҥыыр Тааска. «Бу айаны эстэбинэ буоспа иччитэ эрэ эһиэбэ этэ да, кини толлуоҕа. Оттон миигиттэн ордук ойуун сир-халлаан уларыыйар диэри үөскүө суоҕа», — диэбитэ үһү.

Туртангыһы ойуун ол айаны көрөрө үһү.

Григорий Солдатов тылыттан. Г.М. Васильев суруйбута, атырдыах ыйын 9 күнэ 1944 с., Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 300].

182. Кээрэкээн

I

Мунҕхалаах Кээрэкээн¹ диэн ойуун, былыр нуучча кэлиэн иннинэ аҕай, Өлүөнэ өрүс арҕаа энээригэр олон: «Кутум-сүрүм² тохтообот буолла, бу дойду дьоло-соргута тохторо чугаһаабыт», — диэн биэлээх атыырын илин мыраантан тыа диэки кыйдаан кэбиһэр. «Сылгым тохтообут сиригэр мин тахсан олохсуйуом», — диэбитинэн сылгытын батыһан тахсар. Таатта үрэбэр тохтоон, тохтообут сирин «Тохтобул буоллун» диэн ааттаан олобулар.

Ол хойут кини ааттаабытынан билигин Ойуун Ууһа Дьохсоһон нэһилиэгэ Тохтобул диэн киэн, үгүс ыал олохтоох киин үтүө сир баар.

Кээрэкээн ойуун бу Таатта сиригэр тахсан билиги Дьохсофон, Амма нэһилиэктэрин дойдуларынан олобуурарга барар. Ол курдук олорон биир кэмнэ Кээрэкээн ойуун Бахсыгыр офонньорго³ илдьит ытар: «Дьэ бу дойдуга олохтоох уус дьон баар үһүгүт. Бахсыгыр баай миэхэ кэлэн, мин этэрбэспин имитэр дуу, эбэтэр добун көнүл олохтоох баатыраттары туруорар дуу? Онно барытыгар бэлэммин, кэннибинэн кэхтибэккэ, иннибинэн турабын», — диэн. Ол курдук илдьиттээн баран Кээрэкээн ойуун үс бастын боотурдарын: «Мэнэ Бэрт Бээчээн, Курбууах Ыттаах ойуун уола Күөртэ, Саһыл Өндүөс Бөбө диэннэри тумус сэрии дьонунан бэлэмниир. Бу балартан ураты, чугастаабы аймабыттан Тыараһа Иргилэ уонна Инэрчэ диэннэри, ити кэннэ бэйэтин бөбөс уола Кэнис Боотур диэн булуталаан бары аймабын, дьонун бөбөс боотур, кыргыһар дьону ынгырталаан бэлэмниир.

Ол курдук илдьиттэһэн бэйэлэрэ буоллабына толору мунньустан баран, бото болдьох, кэтэ кэрдии, харыска суоран, кэптэрин туонан түөрт кыргыс дьоно буолан, саас Таатта үрэбин уутун сүннүүнэн сол Тохтобул диэн киэн алаас сир булгуннабар бары сэриитиниин Кээрэкээн ойуун тоһуйан олорор.

Кээрэкээн ойуун дуулаба кэтэр уола Кэнис Боотур кэтээн сытар. Кэнис Боотур дуулаба куйабын төнүргэскэ кэтэрдэн, сыал онгостон ытыалаан көрөр да хайа таптаабыт үрдүгэр түһэрэр. Ол кэннэ араас аттары үнүүнэн анньыталаан ыла-ыла тиити үрдүнэн нөҥүө бырабааттаан күүһүн-уобун холоноор. Ол да буоллар, Кэнис Боотур дуулаба куйаба кыайтарарын биттэнэр. Аба баһылыктара, тойонноро Кээрэкээн ойуун тобус хонугу быһа уһуктубакка утуйа сытан кэтэхэр. Ол сытан Кээрэкээн ойуун эмискэ үлүгэр соһуйан уһукта биэрэр да, сангалаах-тыллаах уһуктар: «О-о! бу Байаантайдар⁴ кыайаллара кэллэ. Эн Кэнис Боотур дуулаба куйаххын сыал онгостон ытыалаангын куккун-сүргүн тохтун, дуулабан хаанынан ытаата. Бахсыгыр баайдаах биир үтүө ойууну булуннулар, ол кэннэ сарсын сарсыарда күн ойуута бу дойдуга хааннаах уллунахтарынан үктэннилэр!» — диэн сунхаран, айдааран-айманан уһуктар. Ити курдук Кээрэкээн ойуун бары дьонунуун кэтэхэн, кыргыс дьоно Байаантайдар кэлэллэрин тоһуйан олороллор.

II

Ол кэмнэ Байаантай дьоно Аан Чаачай Ойуун аймаба Кэ-дирги Кээдэй уолаттара үһүө буолан, Дэлгэхэ диэн биилэрэ киһи тойонноох Модьукаан Бөбө, Тиһикээн Бөбө буоланнар Өймөкөөн-

төн⁵ киирэллэр. Билингги Буойа диэн үрэххэ иһэннэр, аймахтара Байаантай ууһа Бахсыгыр офонньордообу, кини бары дьонун-бобөстөрүн, баатырдарын уонна инитэ Саһыл Бытык диэни уолаттарыныын Мадьыгы Төрөнөй, Бахчыгыр Баатыр, Күөрэн Атах диэннэрдиин иһэллэрин көрсүһэ түһэллэр. Ол көрсүһэннэр, бастаан билсиспэккэ маннайгы омурнарыгар Мадьыгы Төрөнөй Дэлгэхэни түнэ сонун тэллэбиттэн хабаан ылан, аңаар илиитинэн сырбаппыта: түнэ сонун быһа охсон, мүччү туттаран, Дэлгэхэ тый аттаабынан Таатта үрэбин уутун биирдэ ойутан хаалар. Онтон Мадьыгы Төрөнөй Суонда Араҥаба диэн аттаабынан үрэх уутун үрдүнэн ойутан көрөр да кыайан ойугумуна хаалар. Ол да буоллар ох саа кыабын иһиттэн Дэлгэхэ куоппатах. Дьонно да тураллар. Онон этэнкэстээн турдабына өрүһүйэн Мадьыгыр Төрөнөй: «Бу төбөтүнэн харахтаабы манна умса ытан, куйабы хааннаан барыахха баар!» — диэн абатыһан кыланар да, кураахтаах ох саатын түүлээх, куйах ытар уостаах оҕунан анаабыллаан барар. Ол икки ардыгар баһылыктара-тойонноро буолбут Бахсыгыр офонньор: «Үрүҥ күнтэн сүтэринг кэллэ, кимтэн кииннээх, хантан хааннаах киһигиний, кэпкиҥ туона оҕус!» — диэн хаһытаан тохтотор. Дэлгэхэ тый атын эргилиннэ баттыгыр да утары хайыһыннаран туран, кэбин туонар, ол гынан этэр: «Төрдүм ууһум Байаантай Саһыл Бытык диэн баара, ол ойоҕо Саһыл Мөндүкээн диэн дьахтартан төрөөбүт, Өймөкөөн ууһа Аан Чаачай ойуун уола Кэдэрги Кээлэй диэн баар, олоҕо оҕолоро бу үс уолбут, аҕабыт баар, аймах-чабыр дьоммут Бахсыгыр офонньор диэн буолуо этэ!» — диэн толору кэпсиэн, кэбин туонан биэрэр. Онуоха Бахсыгыр офонньордоох өйдүөн истибиттэрэ бэйэлэрин дьонно эбиттэр, манан «Бай, бэйэбит урууларбыт-аймахтарбыт эбиккит, биһи эмиэ ол Байаантайдар буолабыт, Бахсыгыр дьонобут!» — диэн билсирэн: «Кэбис эйэ буоллун!» — дэсирэн Дэлгэхэни: «Уһаа-тэний, тэлгэнэн Дэлгэхэ ууһа буол диэн!» — диэн албаан-албаан ыталлар.

Ол Дэлгэхэлээх Кээрэкээн Ойуун тахсан алта баатырдаах буолан мустан тоһуһа сыталларын сиһилии кэпсииллэр, кинилэр тоһуйбуттара аҕыс хонно диэн буолар.

Онтон били Өймөкөөн ууһа дьон, Дэлгэхэлээх, кыргыстан сэрэнэн дьаадыһан Баайаба үрэбинэн тахсан Тулаайах алаас диэн сиргэ тийэн саһан, бүгэн хонолор.

Бахсыгыр офонньордоох буоллактарына ити кэмгэ Мойуона диэн алааска тийэн Ытык тиит диэн үтүө баарабай мас-тиит баарыгар түһүнэн, ол төрдүгэр хонолор. Сарсыарда эрдэ туран,

Мадьагы Төрөнөйү сэттэ тииккэ кэлгийэн бынан сөрүү көтөн туруоран, дуулажа куйабы кэтэрдэн, бары таннар, туттар сэбин туруору туттаран, илбис таттаран баран ытан кэбиһэллэр да, киһилэрэ сэриилэхэр сирдэрин диэки сүүрү турар. Маныаха бары туран күн уоттана ойуутугар Тохтобул алаас үс хара тииттээх булгуннабар Кээрэкээн ойуунна киһилэрин кэнниттэн тийэн кэллэллэр. Дьэ икки өттүттэн сэрии, кыргыһы буолар. Бу дойдуга хаан тохтор, үтүгэн үрэллэр, сах сарайар, күн туллар, күһэнэ быата быстар, бото болдьох, кэтэ кэрдии кэмэ-күнэ туһайар⁶.

Кээрэкээн ойуун бастын баатыра, дуулажа кэтэр уола Кэҥис Боотур кыргыс дьонун кэтэхэ сытан, утары киниэхэ иһэр киһини (бөбөһү), Мадьыгы Төрөнөйү, көрөөт ингэччэлээх үнүүтүн өрө туспутунан утары сүүрэн кэлэр. Дуулажа куйажа алларанан арылла түспүтүнэн түбэһиннэрэн Мадьыгы Төрөлөй, кыһыл эт көстөрүнэн үнүүтүнэн биридэ түһэн, Кэҥис Боотуру биир анныынан сырдык тыынын быһар. Кэҥис Боотур биир анныыны тулуйбакка онно өлөн хаалар. Ол үлүгэр соһумар өлүүнү көрөн, кыаттарбыкка холонон, соргута самнан Кээрэкээн ойуун намыаскалаах бэргэхэтин моонньохтонон, сөсүргэстээн туран, иннилэригэр тохтоон үгэн-сүктэн тыл этэр: «Кыайдыгыт, тохтоон, эр сулуутуна⁷ куттаран ылан баран, тохтоон, болҕойун!» — диэн көрдөһөр. Ону ылынан Байаантай Бахсыгыр оҕонньордоох тохтооннор, кыайбыт суолларыгар атах соболонгун, эр сулуутун куттаран уон икки боһомону ылан уурайаллар.

Ол курдук кыайан-хотон илбистэрин өһүлэн, байаантайдар дойдуларын диэки бары төннөллөр.

Бу төннөн иһэн билингинэн Бэппэй диэн үрэбинэн өрө тахсан Кэйгэс үөс диэннэ тийэн, Мадьыгы Төрөнөйү кэмсинэн кылана түһэр. «Хор, баара мангайыкаан аллаах, бу Кээрэкээн ойуун бастын баатырын кытта тустан көрүмүнэ, сыһа төннөн иһэбин, абам эбит!» — диэн туойар. Маны истэн баһылыктара Бахсыгыр оҕонньор буойар: «Туох буолангың. Кэмсинимэ, сөбүн ааттарын суолларын ыллыбыт!» — диир. Онуоха Мадьыгы Төрөнөйү өрө охсунан, кураахтаах саатын сыһа утары тутан аҥаабыллаан Бахсыгыр оҕонньору ытан саайбыта, ох оҕонньор миинэн иһэр атын кэннинэн түһэн хангас харабынан курдаттаан ойон тахсар да, ат онно сирэйинэн умса хоруйа түһэр, өлөр.

Онтон өрүһүйэн Мадьыгы Төрөнөйү үгүүнэн оҕонньору дугдуруйар да, оҕонньор тэмтээкэйдээн охтон түһэр. Онуоха көөттөрө:

ангаар хайыгта тийэн тостон Бахсыгыр офонньор самыгтын унуоѳар хаалар. Ону дьоно көрөн буйан-хаайан тохтотоллор. Офонньор бааһын биилээжинэн кэнгээн, үгүү тимирин хостоон баран, сэрэмээт курунан хаана барарын бааһын саба баайан тохтотоллор. Ол курдук суолунан Мадьагы Төрөнөй илбиһэ тахсан «Оѳобут дьэ көннө, илбиһэ дьэ табыста», — диэн, сэрии дьоно бары дьэ дойдулуулар.

Ол сиртэн Бахсыгыр офонньор аймахтарын кытта буола кэпсэтэн арахан, бэйэтин олорор Дьарбанг Суут диэнгэ билигинэн бастакы Байаантай нэһилиэгин сиригэр барар. Оттон Өймөкөөн дьоно Саһыл Бытыктаах бары Алданы туораан Томпо үрэбэр тийэн, Суонда Арангаһа аты Мадьагы Төрөнөй миинэн истэҕинэ, эмискэ хаана саба түһэн, иннинэн-кэннинэн ииктээн сонно сиргэ, суол хаба ортотугар турбутунан өлөн хаалар. Ону онно унуоѳун тутан диэн, баһын унуоѳун биир үтүө тииккэ тагнарар ыйаан бараллар. Ол бас унуохтаах сир билигин Суонда Бастаах диэн ааттанар. Ол бас (төбө) унуоѳа, бу сангардыга диэри баарын, иккис Игидэй нэһилиэгин киһитэ Күйгэс Николай диэн биирдэ түбэһэн баран өттүгэр тутан мээрэйдэммитэ, кинини өттүгүн баһынан эбитэ үһү.

III

Ол курдук айаннаан, Саһыл Бытык уолаттара — Бахсыгыр Баатыр, Күдэн Атах, Мадьагы Төрөнөй бары дойдуларыгар — Өймөкөөнгө Сэттэ сирэй хайаба тийэн олороллор. Бахсыгыр офонньортон көмө буолбут маньаларын, атах соболонгун кэриэтэ, эр сулуутугар ылбыт 12 боһомо сылгыттан ылсыбыттара буолуо...

Кээрэкээн ойуун үтүө дуулаба-куйах кэтэр уола Кэнгис Боотур өлөн эр сулуутун кутан, саат-суут бөбө буолан, аар саарга аата алдынан, дьоло-соргута тохтон, уолун эрэнэн дьон-сэргэ, кыргыс булунан атын уус аймах-билэ дьон кэлэн түһүүлэрин кытта туруктаһыам дии санаабыта табыллыбатах. Ол табыллыбатах суола-дуулаба кэтэр уола, Кэнгис Боотур илбиһин ингэринэригэр, кэбин туонан туран, дуулаба куйабын устан маска кэтэрдэн баран, киһи онгорон, күнүн туура ытан, күһэнгэтин табан, куйаба хаанынан ытаан, кута-сүрэ тохтон, маннайгы аат былдыаһыылаах сэриигэ кыргыс дьоно — Байаантайдар, Өймөкөөн ууһа кыайан бааттар.

Кун туллубута, күһэнгэ быата быстыбыта, соргу самныбыта сайына туораан⁸ күһүнэ кэлиитигэр Кээрэкээн ойуун абатыһан,

иккиһин кыргыз дьонун мунньунан Иргизлэ уонна Ингэрсэ диэн баатырдарынан бары күүһүн холбоон туран, ол олорбут Тохтобул диэн сириттэн кыргыһа, ситиһэ, күөн көссө, хаан-хасса Өймөкөөн дойдутун диэки бараллар.

Баран иһэн айанныырын (сир) тэнг оттоугар тийэн тохтоон хонолор. Күһүңгү бириэмэ. Тохтообут сирдэригэр үс хонолор. Кээрэкээн ойуун ол тухары утуйан, үс хонон баран эмискэ алла-растан-айхаллаан ухуктаат, үс бастын обу ылан, убайа турар кутаа-уот үрдүнэн өрө тутан тураат: «Уус-һуус!» — дэтэлиир. Ол аайы торбос сүрэбин курдук, үс хааннаах сүрэх охтор төбөлөрүгэр кэлэн хатаммыттарын, уотугар сабыыр уонна, ол үс сүрэби ылан сабаан баран: «Дьэ кыайдыбыт, төннүбүң!» — диэн бары сэрии, кыргыз олобун Өймөкөөнгө тийбэккэ, дойдуларыгар төннөллөр.

Ол кэмгэ Өймөкөөн дойдуларыгар Сэттэ сирэй хайа диэнгэ, Мадьыгы Төрөнөйдөөх олохторугар биир, сарыы танастаах, ынах быата курдудуу эргэлээх харахтаах Илбис кыһа дьахтар буолан кубулуна тийэн, Саһыл Бытык үс ини-бии уолаттарыгар төттөрү-таары сылдьан: «Эйиэхэ ол ини-бии кыргыһа иһэр, бэлэмнэн!» — диэн сымыйа хобу тарбатан, онтон соһуйан үс уол бэйэ-бэйэлэрин кыргыһан бысталлар. Ол курдук Өймөкөөнгө олохтоох Байаантай Саһыл Бытык уолаттара — Бахсыгыр Баатыр, Күдэн атах, Мадьыны Төрөнөй буоланнар бары өлөллөр. Ол аата, Кээрэкээн ойуун илбис тардан, абааһытын ыгыран, ол сарыы танастаах дьахтар буолан тийэн, сымыйа хобу тарбатан, кыргыһыны туруоран, биир аймах-уруу хаан быһыннаҕа үһү.

Таатта оройуона, Дьүлэй нэһилиэгэ, 82 саастаах Егор Минович Егоров тылыттан. С.И. Боло суруйбута алтынны 10—12 күнэ 1933 с., Таалалаах. I—II чааһа см. [ИПРЯ, ч. 1, с. 211—214]; III чааһын көр [Боло, 1938, с. 88].

183. Дьохсоһон ууһа

Кээрэкээн ойуун Байаантай, Игидэй¹, Өймөкөөн дьоннорун кытта кыргыһан кыайан-хотон баран олобун Амма, Таатта үрэхтэринэн булар. Кини сылгы, ынах баайдаах. Бэйэтигэр ыкса дьоннооҕо. Тыраһа² Торбос бөтөнкөс диэн аҕалаах, Тыһаҕас Күскэс диэн ийэлээх Иргизлэ уонна Ингэрчэ диэн ини-бии икки киһи боотурдааҕа. Мэнгэ ууһа Бэрт Бээчээн диэн, Курбуһах ууһа Ыттаах

ойуун уола Күөртэ диэн, Саһыл Өндүөс Бөбө диэн уонна Кэнгис Боотур диэн бөбөстөрдөөх этэ.

Кээрэкээн ойуун соботох Дьохсофон³ диэн уоллаах этэ. Дьохсофон, абатын курдук, Амма, Таатта, үрэхтэринэн олорбута. Кини Былаах диэн ойохтооҕо.

Биирдэ абалара Кээрэкээн ойуун Амма үрэххэ киирэн Арыы Быһыт диэн дойдуга тоһоботтон тардыстан туран кэриэһин кэпсиир: «Мин ууга өлөбүн, онгоһуум оннук. Куоҕас буолан үс көс үөһээ өрө өксөйөн өлөн тахсыабым ол тахсыбыт туспунан Такыма хайатыгар таһааран көмөн, унуохпун тутаарын. Хойуут кэнэҕэс үс орук тиит үүнэн тахсыа. Онно харалаах аас тэлгэҕи тэлгээн, ас тардан аһыылаах суораты⁴ аһаатахтарына, ол тиитинэн ооҕуй оҕус ситимэ түһүөҕэ. Ону төрүөбэтэх тулаайах кыыс дьахтар ылан суоракка булаан сизэтэбинэ, удьуорбар иккиһин эргийэн түһүөбүм. Мин курдук киһи үөскүө этэ. Мин таас үрэххэ төрөөбүтүм. Таас үрэххэ унуоҕум хаалар оноруулаахпын», — диэн этэн баран, тардыстан туран тоһоботтунан соботохто Амма уугугар чоп гынан хаалар да, куоҕас буолан сүүрүгү өрө устан, үс көстөөх Такыма хайатыгар туһулаан өлөн тахсан кэлэр. Ону дьоно булан таһааран Такыма хайатын, адьас быарыгар көмөн, унуох туталлар.

Ол кини унуоҕуттан, урут икки оруктаах мас үүнэн хаппытыттан, билигин үһүс оруктаах мас үүнэн турар диэн буолар. Кини унуоҕун таһыттан холорук тахсар үһү диэн кэпсииллэрэ.

Кээрэкээн ойуун өлөн, унуох тутулан ааспыта өр буолар. Кини уола Дьохсофон диэн оҕонньор аатын ылан олорор кэмигэр, киниттэн түөрт уол оҕо төрүүн, ааттара-суоллара ааттаммытара.

Дьохсофон оҕонньор, Былаах эмэхсин биир кэмнэ Амма үрэхтэн Таатта үрэххэ көһөн тахсан истэхтэринэ, тоҕус саастаах уоллара иннилэригэр сүүрэн иһэн тохтоон: «Хоргуйдум, аһатын, да аһатын, аһаппат буоллаххытына, сүрдээхтик ырыам», — диэн ас көрдүүр, онуоха оҕонньордоох эмээхсин тохтоон ынахтарын эмтэрэн иһэрдэллэр, ол курдук Амматтан Тааттаҕа сэттэ көс сиргэ сэттэтэ тохтоон эмнэрэн тахсаллар. Бу түөкэйдээн-албыннаан аһаабытын иһин, аата «Түөкэй-Түөкүн Уохчай» буоллун диэн аат биэрэн тахсаллар. Иккис уоллара төбөтүттэн кутуругун төрдүгэр диэри сылгы курдук сизэллээх уол буолбут, ол иһин бу уол аата «Сизэллээх уол» буоллун диэн аатгыыллар. Үһүс уоллара түөртээбиттэн таас дьүлэй буолан төрүүр, ол иһин «Дьүлэй уол» буоллун диэн аат биэрэллэр. Төрдүс уоллара туой ойумсуйар, түүллээбимсий-

эр идэлээх уол төрүүр, ол иһин бу уол аата «Ойуун уол» диэн буоллун диэн ааттыыллар.

Ол курдук Дьохсоҕон оҕонньор түөрт уолуттан, уолаттар ааттарынан-ааттаах удьурдар: Түөкэй ууһа Дьохсоҕон, Сиэллээх ууһа Дьохсоҕон, Дьүлэй ууһа Дьохсоҕон уонна Ойуун ууһа Дьохсоҕон диэн уустар, нэһилиэктэр ууһаан-тэнийэн Амма, Таатта үрэхтэринэн олобурулар.

Кэнники Кээрэкээн уола Дьохсоҕон оҕонньор өлбүт, кини ойоҕо Былаах эмээхсин диэн тулаайах оҕолордуун хаалан олордоруна, Сонтой Баҕаччах диэн киһи биссэн Быккыаан Сүөһүйээн диэн уол оҕону төрөтөр. Ол оҕоттон билигин Түтүллэ аймах — Сивцевтар үөскээн олоролор.

Таатта оройуона, Дүлэй нэһилиэгэ, 82 саастаах Егор Минович Егоров тылыттан. С.И. Боло суруйбута, алтынны 10—11 күнэ 1936 с., Таалалаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 217—218].

184. Адаҕалаах ойуун уола

Адаҕалаах диэн Нам ойууна эбитэ үһү. Бу ойуун, былыргы быһыытынан, ойууттары кытта күрсэр идэлээбэ үһү¹.

Биирдэ үрэх баһын ойууна Киһиинчэ ойуун диэн наһаа улахан кыыл буолан кэлэн Ытык Хайа үрдүгэр түспүт. Ол түһэн баран өрүс унуоргу өттүтэн мындаалаан аһы олорбут, оннук уһун моойдоох эбит. Ону көрөн баран Адаҕалаах ойуун тимир атаранан бырахпыт. Анараангыта атара иһэрин көрөн өрө көппүт, онон кынатын биир куорсунун быһа бырахпыт. Киһиинчэ ойуун сүтэн хаалбыт.

Тоҕус хонон баран Адаҕалаах ойуун мыраанга оҕуһунан мастийэ тахсыбыт. Онно тус арбааттан олус будулҕан түспүт. Оҕуһун бурҕалдытыттан сүөрэ турдагына анараа ойуун тимир үөрбэнэн сиһин үөһүн быһа бырабан, оҕуһун кытта өлөрөр. Оҕонньор оҕуһун кытта үс хонукка сүтэр. Үс хонукка буурҕа буолар. Бүтүн нэһилиэгинэн көрдөөн оҕонньору булан киллэрэн көмөн кээспиттэр.

Кини уола, сокуоннай сааһын туола илик сана ойуун буолаары гыммыт уол баарын, аҕата үөрэтэрэ үһү. Бу уол абары бөбөнү абарар, кыырыах санаата олус кэлэр.

Биир киэһэ кыыраар. Үс тоҕус олоххо кыайан тийбэт, тахсыбат. Кырбый кыыл буолан алта олоххо эрэ тахсан орто дойдуну көрөр.

Көрүүтүн таба көрөр: абатын мас тиэйэ сырыттабына Киһиинчэ ойуун үөрбэнэн бырабан өлөрбүт эбит. Ити иннигэр кини абата ити ойууну үөрбэнэн бырабан куорсунун быһа бырахпыт эбит, ону эмиэ көрөр. Абарар. «Сокуоннай сааһым ситэ илик. Быйыл ситтэхпинэ батыһыам», — диир. Кулун тутар ыйга сааһа ситэн мохсобол буолан тахсан Киһиинчэ олобор тийэр. Киһиинчэ дьиэтигэр суох эбит. Ол тийэн дьиэтин унга өттүгэр үс салаалаах хатын төрдүгэр куоска буолан сыппыт.

Ол сытан көрбүтэ, далга икки мөбүрүөн сүөһү аһыы тураллар эбит. Онно тимир атараны бырабан куугунаппыт. Били бырабаатын кытта урабаастаах манган тагастаах дьон баар буолбуттар. Ити сүөһү айыыллара үһү. «Биһиги айыыбыт туспа, биһиги эйиэхэ туох да энчини онгорботохпут, эн айыын инньэ, тытыма. Биһиги олус элбэхтик үөскээри турабыт. Өстөөххүн батыс», — диэбиттэр.

Балай эмэ туох да биллибэтэх. Арай дьиэтиттэн биир хара ыт кинини үрбүтүнэн тахсыбыт. Ону атаранан бырабан өлөрөр. Дьиэбү ойуун эмээксинэ, удабан баара, кинини билэн ааны хатаабыт, кими да таһаарбатах. Ыт тахсан, оҕо ытын аһынан, кууһа түспүтүн эмиэ бырабан өлөрбүт. Онтон биир хат дьахтар тахсыбытын өлөрбүт. Ити кэнниттэн дьиэттэн киһи ончу биллибэт буолбут. Киһэ борук-сорук буолбутун кэннэ хотуттан улахан хара устан кэлэн иһэр эбит. Чугаһаабытыгар көрбүтэ: биир сыарба эти тиэйбит оҕонньор тийэн кэлбит. Ону кини эмиэ өлөрөр, оҕуһун эмиэ бырабан өлөрөр.

Ити кэнниттэн им сүтэн эрдэбинэ, дьэ сүүнэ бэйэлээх купкугас аттаах ойуун бэйэтэ иһэр эбит. Кини сыһытыгар киирээт, икки тэргэн курдук харабын уотун бырабан ойуун баарын билэр. Кэлэн сэргэ төрдүгэр атыттан түһэн эрдэбинэ, уол үөрбэнэн бырабар, ону ханас илиитинэн туора охсон кээһэр. Сэргэбэ атын баайан эрдэбинэ бырабар, ону эмиэ туора охсубут. Онтон дьиэбү киирээри аан быатын тутан эрдэбинэ бырахпыт, ону эмиэ туора охсон кээспит.

Дьиэтигэр киирэн: «Эмээхсиэн, бааргын дуу? Суоххун дуу? Сылгы миинин үрдүн уокка кута оҕус, ойуун дьоммутун бараабыт!» — диэбит. Эмээхсин ханас диэкиттэн кэлэн сылгы миинин үрдүн уокка кутар. Ол төлөнүн кытта мохсобол кыыл көтөн тахсар. Уол куотар. Тоҕус сылы мэлдьи экирэтэр, уол куота сылдыбыт. Ити тухары арааһынан бары сылдыбыттар: киһи биһилэбин икки сөмүйэтин ыккардынан тахсыбыттар, хорон от сүмэтин иһинэн эмиэ киирэн тахсыбыттар.

Ол гынан баран Баабыр ойуун уол сааһа ситэр. Тобус ойуун төрдүгэр киирэн саһар. Киһинчэ бу тийэн кэлэр. Онно үнсэллэр. Уол кэпсиир аҕабын уонна обуспун өлөрбүтэ диэн. Кинилэри ыйаан көрөллөр хайабыт ордук эбит диэннэр. Иккиэн тэбис тэн буолаллар. «Тэн ойууннар эбиккит», — дииллэр. «Аллараа Таам Таратыы диэн сир баар. Ол умайа турар уот байбал сир буолар, онно бэрт синныгэс тимир муоста баар. Онно эниги икки ааҕый оҕус буолан харсын, биир буруйдааххыт түһэн өлүө», — диэбиттэр үһү.

Аллараа түһэллэр, ааҕый оҕус буолан тимир муостаҕа харсаллар. Үс сылы мэлдьи харсаллар, хайалара даҕаны түһэн биэрбэт. Онтон иккиэн түбэхэллэр, Баабыр үрдүкү буола түһэр. Баабыр былыр кыра эрдэбинэ Бүлүү Алыһардаах² удаҕанна аҕыйах бириэмэбэ иитиллэ сылдыбыт үһү, онон киниттэн көрдөһөр: «Өлөр күнүм буолла, уот байбалга Киһинчэ ойууну кытта буһан эрэбин. Аһын, абыраа-быһһаа», — диир. Алыһардаах удаҕан халлаан холууба буолан көтөн налбайан кэлэн Баабыр ойууну кытаахтаан ылан, дайдытыгар аҕалан түһэрэн кээспит үһү.

Стручков Спиридон Яковлевичтан, 84 саастаах, Уус-Алдан оройуонун иккис Лөгөй нэһилиэгэ, тылыттан. С.О. Онопров суруйбута, от ыйын 1 күнэ 1945 с., Мүрү [ИПРЯ, ч. 2, с. 264—265].

185. Сабарта Өлөксөй уонна Болчуона ойуун

Сабарта Өлөксөй, Нэлэгэр баай удьуора, туох да, туох да, туох да наһаа баай киһи. Эбэ диэн сиргэ уонча хостоох дьэиэ бэрдин туттаран олорбут. Ол саҕана эрбии суоҕа үһү, уустар сүгэнэн суоран туппугтар. Муннуктара — уобулга түһэтгэри. Бу дьэени Дайдыттан, Дьокуускайтан киһилэри аҕалан туттарбыт.

Бу Сабарта баай сэттэ ойохтооҕо. Сэттэ ойохторо сэттэ тоҕойго олороллоро. Баайа диэн олус: Сартангы, Дулбалаабы үрдүнэн ынахсыттардаах. Эмиэ Нэлэгэр курдук кыйдыы байбыт. Сылгылары сэттэ киһинэн кыйдатара үһү. Наар кэрэ сылгыны кыйдатар эбит. Бу кыйдаммыт сылгыны ким да ылыа суохтаах.

Сабарта үс уолугар Дайдыттан үс дьахтары ойох ылан биэрэр. Баай бөбөнү ол дьахталлар энньэлэригэр илдьэ кэлэллэр. Сабарта бу үс кийиитин ааттарын алдьатан кыйдаан ытар.

Дьэ бу киһи, дьэ, маннык аатыран олорон хайаабыт...

Манна билигин Кэриир Киһитэ дэтэр ааттаммат ойуун олорбут.

Ойуун аата Болчуона Ньюкулай диэн үһү, бадаҕа. Бу ойуун эмээхсинэ Сабартаҕа аһы кэлбитигэр иэспэр диэн ааттаан хара

мангаас атын былдыаан ылбыт. Эмээхсин мас тайахтанан төннүбүт. Дьэитигэр кэлбитэ, эрэ киһи сэргэҕэ көхсүнэн өйөнөн, халлаанга хантайан, хаанынан ытыгы-ытыгы турар эбит. Оннук сэттэ күннээх түүн устатыгар бар кырыа буолан баран турбут.

Ойуун икки оҕолоох. Бу оҕолоро куттаналлар, аҕаларын киир диэн көрдөһөллөр. Аҕалара ону истиэх киһи буолуо дуо.

Бу кэнниттэн Сабарта олоҕор хаптаһын тонот түһэр. Тоҕус буюс бие өлөр.

Сабарта ыксаан бу ойуунга икки көтөл бэлэҕи биэрэн ааттаһар, хара мангаас атын төннөрөр.

Ойуун бэлэҕи төттөрү ытар. «Ылбытын ыллын», — диэн атын даҕаны илдэ хаалбат. Бу ойуун Сабарта баайы имиттэн быһар. Дьоно, оҕолоро, бэйэтэ — бары өлөллөр.

Сабарта баай хатына Кураанах Үрэйэ диэн дайдыга көмүһү көмөрө үһү. Сэттэ көбүөр кыһыл көмүс, аҕыс көбүөр үрүн көмүс харчыны көмпүт. Көбүөр диэн анах ыйыстарынан (куолайынан) оҕоһулар. Бу дьахтар өлөрүгэр: «Сэттэ көбүөр кыһыл көмүһүм, аҕыс көбүөр үрүн көмүһүм», — дии-дии сире тарыйа-тарыйа сытан өлбүт.

Бу дьахтар үүс сангыахтары, кыһыл көмүс кылдыбылары, араас кизгэллэриниин бүтүннүү көмпүттэр. Миинэр ата буоллун диэн үрүн көмүс ыңгырдаах аты баай тэрриллэри эмиэ көмпүттэр.

Уңуоҕа Кураанах Үрүйэ молдьоҕойугар баара үһү.

Дмитрий Николаевич Другин, 80 саастаах, Верхоянской оройуонун тылыттан. Н.В. Емельянов суруйбута, муус устар 9 күнэ 1956 с., «Уйбаан Сирэ» диэн учаастак, Верхоянской оройуон [ИПРЯ, ч. 2, с. 154].

189. Добун ойуун кубулбата

Добун ойуун кутуруксутунаан Саҕанньах Өндөрөйдүүн, улахан сут дьыл, Бороҕон улууһуттан бурдук атыылаһа бараллар. Кинилэр Бороҕон улууһуттан төннөн иһэн, Дүксүн улууһугар ыкса кизэ кэлэн, уоллаах кыыс оҕолоох биир эмээхсин дьахтар олорор дьэитигэр көтөн түһэллэр. Ол көтөн түспүттэригэр эмээхсин этэр: «Биһиги хоһоһону хоннорбоппут, дьыл кырыымчык. Хонор сирдэ булунун!» — диэн көнүүр. Онуоха Добун ойуун этэр: «Биһиги бэйэбититтэн аһаан хонуохпут, саатар оҕуспутун хотонҕор киллэр», — диэбит. «Чэ, бэйэбититтэн астаах буоллаххытына хонун, оҕускун хотонҕо киллэриэм», — диэн хардарбыт эмээхсин.

«Өндөрөй, обускун киллэрэн баай, утуйар тангаскын киллэр», — диэбитигэр, Өндөрөй обухун киллэрэн хотонго баайар, таарыйа утуйар тангастарын кыбынан киирэр. Ити киирбитигэр туран Добун этэр: «Өндөрөй, дьэ табыллыбатыбыт, холбут этиттэн хонук хонуктаныах, бууппут этиттэн бултанан хонор дьон буоллубут. Ити эт эттиир маһы ажал эрэ», — диир. Саҕаннах Өндөрөй эт эттири, сүгэни ажалан дьэ ортотугар ууар. Ол ууран баран, Саҕаннах Өндөрөй: «Дьэилээх эмээхсин эт буһарар иһиттэ уларыс эрэ», — диир. Онуоха эмээхсин, эттэрэ эмиэ биллибэт диэн иһигэр саны-саны, эргим-ургум көрө-көрө солуур ажалан биэрэр.

Добун ойуун аргый аҕай аҕаар атаҕын сыгыннахтанар. Ол гынан баран тураҕас сутуруотун устан баран, эт эттиир маска хааман кэлэн олорор. Ол олорон баран аҕаар буутун эт эттиир маска ууран биэрэн баран этэр: «Өндөрөй, чэ саманан быһа обус эрэ», — диэн баран суруйан биэрэр.

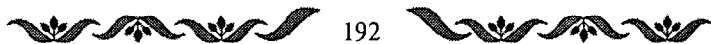
Өндөрөй эт эттиир сүгэни хабаҥан ылан, эттээн биллиргэтэр.

Онуоха тон баҕады эт ойута ыстанан дьэ унуор-мангаар баран түһүтэлиир. Ону көрөн туран, дьахтар: «Илэ абааһылар кэлэн хоммуттарын бостуой холдьохтобум», — диэн иһигэр курутуйа саныыр. Ойуун атаҕын таҕаһын кэлгинэн баран оронго сүдүннээн тийэн, туох да кэпсэтиитэ суох, сытан хаалар. Саҕаннах Өндөрөй этин буһаран таһаарар, ону сиэн баран утуйан хаалаллар. Сарсыарда түүн үөһэ ааһан эрдэбинэ туран баран хаалаллар. Эмээхсин хайа ааттаах дьон хонон ааспыттарын билиминэ хаалар. Нөнүө күнүгэр ыраах ыалга тийэн хонолор. Ол хоммуттарын кэннэ түүн үөһүн саҕана аттаах киһи кэлэр. Дьэ били хонон ааспыт ыалгар икки оҕо биирдэ өлөн эрэр үһү. Ону баран абырыан үһү диэн көрдөһөр. «Э-э, суох, сатаан абыраабат киһибин, барбаппын», — диэн батан кэбиһэр. Дьэилээх эмээхсин ампаарыттан ынаҕын буутун киллэрэн, эттээн сиэн барбыт үһүлэр.

Таатта оройуонун, Октябрьскай нэһилиэгэ, Егор Яковлевич Бытасытов тылыттан. И.С. Прохоров суруйбута, муус устар 3 күнэ 1941 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 50—51.

190. Ойууну муокастааһын

Ойууну муокастаары гыннаххына, саҕа төрөөбүт, ол эбэтэр хат дьахтар таҕаһыттан тугу эбит ажалан кыыра олорор киһи таҕаһыгар кэнники өттүнэн кэлэн баайыллар. Оччоҕо сонно ойуун

күһэнгэтэ сууллан түһүөн сөп. Ойуун буоллабына айабынан-муннунан хаана баран өлүөн сөп.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгэ, 60 тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А.Алексеев суруйбута, алтынны ый 4 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 54.

191. Биэстээх Бочоох Сынгааба суох ойууну кытта өстөһүүтэ

Биэстээх Бочоох үйэтигэр Хачыкаатка биир, аан-саарга аата ааттамматах¹, ааттаах ойуун Буотама үрэх төрдүгэр олорбут. Кини хайа дойдуга төрөөн, ойуун-удабан буолбутун ким даһаны билбэт, хантан кини кэлэн бу дойдуну буулаан олорбута эмиэ биллибэт. Тас көрүнгүттэн көрдөххө даһаны киһиттэн ураты дьүһүннээх күтүр үһү. Кини бэйэтэ мардьайбыт түөстээх, уй курдук ынайбыт истээх, маадаһар токур-бокур атахтаах, нүксүгүр сүгэһэрдээх көбүстээх, бүлгүйбүт сарыннаах, кылгас намыһах сүүстээх, хара хойуу хаастаах, манхайбыт уһун баттахтаах, туора былтаһар сирэйдээх, иннин диэки онһойбут уһун сынгаахтаах, туора-маары барбыт арсайбыт тиистээх, халын баллайбыт уостаах, бытыга суох эмээхсин курдук оһонһор киһи эбит. Икки сытыыкан, киһини уоттаабынан өтө көрөр, ыйаастыгас хара харахтаах эбит. Кыыраары олорон, дьааһыйан ыланнаатаабына, айаба кулгаабын төрдүгэр диэри аппайара үһү. Кыыран-кутуран күүстээх таһара ингэриннэбинэ, битийэн-таһыйан бардаабына, кырдыга даһаны, илэ абааһы киһи диэххэ сөптөөх эбит. Баһын олох чолоччу тартаран баран, икки харабын өрө үрүнгүнэн көрөн, албаан дьалыһытан, кутуран кулуһутан, илэ-бодо тыыннаах эһэни-бөрөнү аһалан көрдөрөөрү хаайдаабына, дьэ бар-дьон этэ салаһар, куйахата күүрэр, олус сүрдээх кэлтээх ынырык ойуун эбит.

Биэстээх Бочоох бу ойууну кытта туохтан өстөспүтүй? Дьаһаны киһи буолан, Биэстээх Бочоох кыһын куобаһа туһахтыыр, айалыыр идэлээх эбит. Ол туһахтарыгар өлбүт куобаһы кэрийэ сылдьан суор тонсуйар буолбут. Кини маны бу ойуун соруйан суору ытара буолуо дии саныыр эбит. Биэстээх Бочоох мантан кыйаханар буолан баран, ойууну кырбыырга эбэтэр өлөлөргө санаата суох эбит.

Биирдэ Биэстээх Бочоох туһабын, айатын кэрийэ тахсыбытын кэннэ, ойуун кинилэргэ сылдыбыт. Биэстээх Бочоох кийиитэ

ойуунга тугу даҕаны аһаппакка таһаарбыт. Ол баран иһэн ойуун биир ыалга сылдьан, Биэстээх Бочоох кэргэттэрэ аһаппатылар диэн уонна ол иһин субай хаан ортотугар кинилэри олордорум буолуо диэн сааммытын Биэстээх Бочоох истибит. Ол кэнниттэн сотору соҕус Биэстээх Бочоох уолун үстээх саастаах уол оҕото эмискэччи ыалдьан өлөн хаалбыт. Ойуунга урут даҕаны таала кырыыллана сылдьар киһи, Биэстээх Бочоох сиэним оҕону кини сиэтэҕэ диэн санаан, ойууну кытта күрэстэһэн барбыт.

Биирдэ ойуун биир ыалга кыыраары, ыңырыыга кэлэн олордоруна, Биэстээх Бочоох түбэхэ киирэн, ойуун сыһаабын унуобун сулбу тардан ылбыт. Ойуун бэйэтин сыһаабын оннугар торбос сыһаабын уктан кэбиспит. Онтон ылата кинини «Торбос сыһаахтаах» ойуун диэн ааттаабыттар. Арыт, кыыра олорон, кини эмискэ торбос мэңириирин курдук, мэңириир эрэ буолбут.

Биирдэ көрсө биэрэн баран, Биэстээх Бочоох ойуун хангас харабын туура тардан ылбыт. Ойуун бэйэтин харабын оннугар ыт харабын уктан кэбиспит. Онтон ылата икки аңыы харахтаах буолбут: уҥа хараҕа хара, хангас хараҕа саһархай дьүһүннээх буолбут, ол кэннэ ыалга сырыттабына, этэрбэс тигэ олодор дьахтарын уллунун кырадаһынын хангас хараҕа кыһастаһар буолбут. Ыалга кыырдабын аайы, ойуун Биэстээх Бочооҕу кыраан-таныйан эңсэлитэр, сиэри сирэйдэнэр, онолуйа туойар буолбут. Бэйэтин кыайбакка гынан баран, кэнчээри ыччатын кэнийэр буолбут.

Хата Биэстээх Бочоох обургу кини кырыһыгар баарды гыммат эбит: «Тарбыйахсыт, кини абааһылар миигин тугу гыннахтарай? Күүстээҕи абааһы кыайыа дуо, абааһыта кэллэҕинэ мин хампы тутан кэбиһиэҕим», — диир эбит. Биирдэ Биэстээх Бочоох ойууну арыыга көрсөн баран, баһын быһа тардан өлөрөн баран, өлүгүн уматан унуобун күлүн ууга силистээх маһынан ытыйан кэбиспит. Ол ойуун биирдэ тиллэн барар онгоруулаах киһи эбит, онон тиллэн кэлэн, хат кыырбытынан барбыт².

Ол эрээри: «Бу Биэстээх Бочоох миигин иккиһин өлөрдөбүнэ, хойутун-хойут, кэнэбэһин-кэнэбэс хат төрүөм-үөскүөм суоҕа», — диэн, ойуун Уһун күөл иһигэр саһан олорон, киһилии ыалдьан өлбүт. Кини Биэстээх Бочоохтон куттанан, бэйэтин уолугар: «Бу миигин Уһун күөл таһыгар, баҕана үүтүн курдук туруору иин хаһан баран, онно туруору көмөн кэбиһээр, ииним буорун сири кытта тэн гына тарбатын кэбиһээр», — диэн кэриэс этэн өлбүт. Уола аҕатын ол курдук көммүт, онон кини ханна көмүллэ сытарын ким даҕаны билбэт.

Онтон ылата Буотама ыаллара ынахтарын мэңирээн ыңыр-бат, «кэл-кэл» диэн ыңыраар буолбуттар уонна торбоһу торбос диэбэккэ «тамыйах», «ньирэй» дииллэр. «Торбос сынгаах», — диэн ойуун аатын ааттаабаттар, кинини абыннахтарына үрдүттэн «Дойду иччитэ» диэн ааттыылар.

Орджоникидзеvской оройуон Хачыкаат нэһилиэгэ С.Ф. Ксе-нофонов суруйууларыттан, 1954 с., Якутскай [ИПРЯ, ч. 2, с. 267—269].

192. Түмэти удабана

Былыр, Түмэти нэһилиэк сиригэр, дойдуга, Дэлгэрэ күөл атабар, Халлай кумахтааба диэн ходуһаба Түмэти удабана эмээхсин олорбут үһү. Ол эмээхсин дын чаччылаах аатын ким дабаны билигин өйдөөбөт. Дьонноро киниэхэ быыкаа чос дьиэни тутан биэрбиттэр, кини ол чос дьиэбэ соботоһун олорбут.

Биирдэ саас Тыыллыма киһитэ, Кыһылтай Хамалба уон икки ыңыыр аттаах киһи буолан кэлэннэр, бу удабаны уоттаабыттар. Дьиэ иһигэр хааттарбыт удабан, дүгүрүн ылан оһох үөлэһинэн үөһэ көппүтэ, үөлэһин үрдүн хаптаһынынан сабан баран биир киһи хам баттаан олорбут. Онтон буоллабына, удабан аллараа диэки сиргэ дьөлө киирэн иһэн, бабанатын силиситтэн ингэн хаалбыт. Кини олох илэ бэйэтинэн куотуохтаах эбит, ол онтуката саамматах. Дьонноро киниэхэ ол чос дьиэни туталларыгар, үүнэн турар харыйаны быһаннар бабана онгорбуттар. Онон кинини уот сиэн, арай сүрэ-кута куоппут.

Түмэтилэр ол Кыһылтай Хамалба кэлбитин билэннэр, түмсэннэр, Дьөгүдэл Бөбө диэн күүстээх киһи баһылыктаах сэриилэһэ кэлбиттэр. Ох саанан ытыалаһыга Тыыллымалар ол Дьөгүдэл Бөбөнү өлөрдүү бааһырдыбыттар, онон Түмэти дьонноро чугуйан биэрбиттэр.

Төһө эмэ элбэх сыл ааспыт...

Түмэтигэ ийри-кутуруу олус элбээбит. Мэнэрик дьахталлар, ирбит дьоннор уостарыгар киирэн, ол удабан эмээхсин аатыттан (кинини Кыһахаммыт диэн ааттыыр буолбуттар) бу курдук этэр эбиттэр:

«Бу мин дьоннорум куһабан туттууларыттан сор суолланым, суорума соруктаным. Кинилэр, киһи курдук, сулутур бабананы дьиэбэр туруорбуттара буоллар, мин обургу илэ бэйэбинэн Кыһылтай Хамалбаттан куотуом этэ уонна кинини ир суолун ирдиэм,

тор суолун тордуом, тымырдары-сыдыаннары сыйыям этэ, ылаан көрүөх этим», — диэн.

Ол курдук Түмэти дьонноро төһө эмэ өр сылларга мунгам-мыгтар. Онтон нэһилиэк кырдыбаастара, баһылыктара сүбэлэһэннэр, тобус ойууну ыгыран аҕалан, кыырдан, үөр буолбут удаҕаны¹ туттаран ылан баран, туос эмэгэткэ сүрүн-кутун ингэрэн бараннар, түү иһэгэйгэ суулаан, биир алаас халдыаайытыгар кумалааннаах тииккэ уган баран, тас өттүттэн хатырыктаах маһынан, олох туох даҕаны биллибэт гына онорон кэбиспиттэр.

Ол кэнниттэн дьон иирэрэ-кутурара тохтообут. Эмиэ төһө эмэ өр сыллар ааспыттар, онон дьоннор били үөр ханна, хайа тииккэ сыһыарыллыбытын умнан-төһөнөн барбыттар.

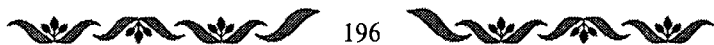
Биирдэ саас. Талгы ийэтин ууһун киһитэ Дьабадьы оҕонньор диэн дьиэтигтэн тыаҕа уокка оттор мас тийэ оҕуһунан тахсыбыт. Ол тахсан кини биир баай курун тиити булан быһа кэрдэн охторон түһэрэн, дүлүгнээн барбыт. Кини биир дүлүгүн иһиттэн түү иһэгэйи булан таһааран: «Бу тугуй?» — диэн, сүгэтин өнчөбүнэн үрэйэ охсубутугар, иһэгэй иһиттэн туос эмэгэт тахсыбыт. Мантан куттанан кини мэйиитэ хамсаан ыалдьан дьиэтигэр кирибит.

Ол кэнниттэн Түмэти дьонноро мээһэ өйдөрө хамсаан, иирэн ыалдьар буолбуттар. Кинилэр уостарыгар маннык диэн кириэр буолбут: «Бу мин бэйэлээби түөрт уон сыл устатыгар хараҥа хаайыыга хаайан кэбиспиттэрин баара, хата Дьабадьы оҕонньор барахсан таһааран, күн сириҥ көрдөрдө. Билигин мин сүгүнүнэн сүктүөм суоҕа, ол аайы албынҥа кириэн хат хараҥа хаайыыга кириэм эрэ суоҕа», — диір эбит.

Төһө эмэ сыллар ааспыттар, онтон кэнники нэһилиэк баһылыктара эмиэ тобус ойууну ыгыран аҕаланнар, Тилигириир Сөдүөт диэн оҕонньор ампаарын атыылаһаннар, ол ампаары Киэн Өһнүөс диэн алаас илин баһыгар көһөрөн илдьэн тутаннар, ол үөр буолбут удаҕан сүрүн-кутун чаччы дьахтар саҕа кээмэйдээх туос эмэгэткэ ингэрэннэр, сылгы-ынах иһиттээн, дьиэбэ туттар сэптээн, дьахтар кыһын-сайын таннар таһастааннар: «Бу биһиги эйигин, эдьийбитин, ыал араардыбыт, эн дьиэн-уотун бу манна, аныгы өттүгэр биһигини муннаама-сордоомо, тыытыма-ырытыма», — диэн алгыс бөбөнү албааннар, ол үөрү көһөрөн аҕалан туспут ампаардарыгар олохтообуттара үһү.

Ол кэнниттэн дьон иирэн ыалдьара эмиэ мөлтөөбүт.

Олохтоох дьоннор ол үөрү «Кыйахаммыт» диэн хаһан даҕаны ааттаабаттар, үрдүттэн «Ампаардаах» эбэтэр «Эмээхсин» диэн аат-

тыллар. Дойдугтан тыаҕа тахсарга икки аартык баар, онтон биир-дэрэ Ампаардаах аартыга диэн аатырар. Тилигириир Сөдүөт диэн оҕонньор алта уонча сыллаахха олорбут киһи эбит.

Орджоникидзе оройуона Хачыкаат нэһилиэгэ С.Ф. Ксенофонов суруйбута, 1954 с., Якутскай [ИПРЯ, ч. 2, с. 289—290].

194. Эргис ойуун

I

Биһиги төрдүбүт Эргис айыы ойууна эбитэ үһү¹. Кини ыһыахха уонна сир иччитигэр эрэ кыыраара үһү. Ойуун таҥаһа суох, төгүрүк дүнгүрдээбэ үһү. Балдыарга сылдыбат, быртабырыам диэн барбат үһү. Сайын ыһыахха дьэ иһигэр олорон аҕыс айыылары ахтан, Дьөһөгөй тойонтон көрдөһөн туран уокка кымыс үрдүн куттабына, Дьөһөгөй илэ-чахчы көстө кэлэрэ дииллэр. Бастаах-атахтаах манан эһэ тириитин саҕа аас маҕан былыт халлаан оройугар сулбу ыстанан тахсан баран, Эргистээх ураһаларын үрдүгэр кэлэн туорайдыы туран кэбиһэрэ үһү. Былыт ортотуттан үүт манан атыыр сылгы, нөрүөннээх түөһүгэр диэри быган баран тырылаччы кистиирэ уонна сүтэн хаалара үһү. Онно икки илии хаар түһэрэ үһү. Оччоҕо өҥ дьыл буолара үһү.

Эргис ойуун икки аас манан аты миинэрэ үһү. Куруук манан таҥаһы таҥна сылдыара үһү. Киниттэн оччотооҕу дьон бары кутталлара үһү. Кини иннин ким да быһа хаампата үһү.

Эргис оҕонньор тобус уоллааҕа үһү. Улахан уолун аата Саабырыкы, онтон Нөрүнгээн, онтон Түөкэй, онтон Күөрэгэй энин диэн эбиттэрэ үһү. Саамай оччугуй уола Аһыр Бөппөлөх диэн. Эргис кыһынҥы олоҕо Ойго, сайынҥыта Хараанайга эбит, ходуһата буоллабына Ынах Арытыгар.

Биирдэ Эргис ойуун Ынах арытыгар оттуу сылдьан Тииттээх күөлү мунхалаабыт. Онно тобус хоппо балык кэлбит. Ону көрөн баран ойуун эппитэ үһү: «Оо, быйыл өлөр дьылым буоллаҕа. Эбэм онньуубун биэрдэбэ», — диэбит. Кырдык даҕаны Тииттээх балыга былыр даҕаны, аны даҕаны мунхаҕа кэлбэт саннаах.

От үлэтэ бүппүтүн кэҥэ Эргис оҕонньор балаҕаныгар Хараанайга тахсан олорон: «Быйыл күһүн өлөбүн, онон оҕолорум олобун онордобум», — диэн үөһээнгилэргэ кыырбыт. Үс түүннээх күн бытыга, баттаҕа кырыаран хаалыар дьылы кыырбыта үһү. Ол кыыран-кыыран үөһэттэн үс сүүмэх үрүҥ кылы түһэрэр. Онтука-

тын: «Бу оччугуй оџом Аңыр Бөппөлөх анала», — диэн биэстээх оџотугар биэрбит. Ону улахан уолаттара күнүүлээннэр: «Бу аџабыт биһигини аанһа ахтыбат эбит буоллаџа. Кини быыкаа, акаары уолугар урут анал түһэрэр», — диэннэр, кыра оџоттон кылын албыннаан ылан баран биирдии кыл үллэстэн кэбиспиттэр. Аџалара ону билэн баран улаханлык кыыһырбыт уонна уолаттарын кыраабыт: «Уна өттүгүтүгэр тулаһаны туттарыам суоџа», — диэбит. Онон кырдык Эргистэр бэрт хойукка диэри сылгы сүһүлэрэ суох эбиттэрэ үһү.

Эргис ойуун уолаттарын барытын тус-туспа олохтообут. Саабырыкыны Кытылга олорпут. Нөрүгнэни Аларга, Түөкэйи Саадах Ыйаабыкка, сорохторун Сыһаһалаахха, Бэс Күөлүгэр эһин ана-талаабыт.

Бэйэтин Хатын Үрэһин баһыгар, Хара Атыыр сиһин тумулу-гар көмнөрөргө эппитэ үһү. Ол күһүн сир тонугута өлбүт. Ону хайдах көммүттэрэ биллибэт, ымныллан хаалбыт. «Өлбүтүм кэннэ, мин уңуохпун үстэ эргитээрин, оччоџо эрэ кутум-сурум дыабыны-гар² көтүө», — диэн кэриэс эппитэ үһү диэн баар.

II

Онтон хас киһи үйэтэ ааспытын, хаһын билбэтим. Билинни Лох сайылыгар биир дыаданы Эргис киһитэ кыстаан олорбута. Саас хаар көмүрүөтүэйэн, суол бидилгэх буолан эрдэһинэ, били киһиэхэ кэлэн сэргэни тонсуйбуттар. Оччоџо мааны киһи кыра ыалга кэлэн баран сэргэни дуу, баһананы дуу тонсуйдаһына, дыэлэхтэр тахсан тэһин тутан, аан аһан киллэрэн, олбох быраһан олордоллоро үһү. Ол курдук били киһи: «Бу ким бэйэлээх кэллэџэй?» — диэн сулбу ыстанан тахсыбыт. Көрбүтэ: биир аас манан аттаах, бөрө сагынньахтаах, эрдэһиннээх үүн тиэрбэһин курдук эрилкэй харахтаах оџонньор киһи кэлэн, атын сэргэџэ хорутан турар үһү. Ол оџонньор атыттан түспэккэ олорон, дорџоонноох куолаһынан эппит: «Но-хоо, мин тылбын өйдөөн иһит. Мин эргистэр диэн ыччаттардаах этим. Ол дыон көрөр харахтаах буоллахтарына көрдүгнэр, истэр кулгаахтаах буоллахтарына иһиттиннэр. Миигин самыыр уута сай-џаата, хаар уута халааннаата. Миигин кинилэр көрдүгнэр-харай-дыннар. Ону киирэн эргистэргэ тыллаа», — диэбит оџонньор, атын эргилиннэрэ тарпыт да, алаас куулатынан Хатын Үрэһин диэкки хаамтара турбут. Киһи ким да сылдыбытын билбэккэ хаалбыт. Дыэ-тигэр киирэн толкуйдаан көрбүтэ чугас манлык оџонньор суох эбит. «Эмиэ даһаны Эргистэри ыччаттарым диир, тоџо дыкти-

тэй?» — дии санаабыт били киһи. Тахсан суолун хайан көрбүтэ: оҕонньорун атын суола Хатын Үрэбэр киирэн баран, атын арҕаа салайан баран, биэстэ-алтата атыллатан баран суола сүтэн хаалбыт. Били киһи: «Эһэбит Эргис ойуун сырыттаҕа. Кырдьык аранҕаһа иэбэйбит сурахтааҕа», — диэн саныы биэрбит. Сарсыныгар кинээһигэр Чохооной Микииппэргэ³ киирэн тыллаабыт.

III

Эргистэр эһэлэрин унуоҕун иккиһин эргитэргэ тэриммиттэр. Ол тэриир манньк үһү: оҕонньор маһын оҕоруохтаах, унуоҕун көтөбүөхтээх үһү, бииллээх соннооҕу кытта билсиспэтэх, оноолоох соннооххо орооспотох тоҕус уолан киһи. Оҕонньор таҕаһын тигиэхтээх үһү: сиикэйи сиэбэтэх, сииккэ үктэммэтэх, сэттэ кыыс дьахтар. Кинини тоҕус үүт кэрэ кытыт сылгынан садаҕа быһан, тоҕус симиир кымыһынан унуоҕа көтөбүллүөхтээх үһү. Манна айыы ойууна албаан домноон көтөхсүөх тустаах үһү.

Эргистэр аҕыс үүт кэрэ кытыт сылгыны булбуттар, тохсуһун биир күөх элэмэс кытыты холбообуттар. Кинилэр ол дьыл сөптөөх сылгыны булбатахтара эбитэ дуу, кэччэммиттэрэ эбитэ дуу. Тоҕус уолан киһи баарын үрдүнэн Дьэпириэм чарчыына, дуоһунастаах киһи буолан баран, бардамнаан ойохтоох эрээри эһэтин унуоҕун көтөхсүбүт. Сэттэ ыраас кыыс кестүбүттэр. Айыы ойуунун унуоҕун айыы ойууна көтөбүөхтээх эбит да, ол бириэмэҕэ айыы ойууна эстибит, суох буолбут бириэмэ эбит, онон Эргис сиэнэ Солколоох диэн абааһы ойууна буолан баран сиэмэҕэ суох, кирэ-куора суох диэн, ол ойууну булбуттар. От-мас көбөрбүтүн кэннэ Эргистэр, дьэ тэринэн тахсыбыттар.

Оҕонньордорун унуоҕар чугаһаан аранҕаһа турар томторун аныгар тохтоон, Солколоох ойууннарын тангыннаран сангардыы албаан эрдэхтэринэ, оҕонньор аранҕаһыттан манган хабыйахааннар көтөн тахсыбыттар. Ону көрөн ойууннара тыла чороччу тардан, атаҕа кыпсыйан, тараччы уган хаалбыт. Эргистэр: «Тойон эһэбит унуоҕун эргитэргэ, Эргистэр тэриирбитин тугун эрэ сыһа тэриммит буоллахпыт», — диэн бэркэ куттаммыттар үһү.

Онно туран Бүөтүр Гермогенов диэн тыллаах-өстөөх бэрт сытыы эдэр киһи баара, бэргэһэтин устан моонньохтонон, аҕаар атаҕын сөһүргэстээн олорон албаабыт:

Тойон эһэбит,
Туох буоллаҕый?
Эргийэн көрдөххүнэ:

От урууларын буолуохпут.
Уордайбыккын уурат,
Кыһырбыккын кыйдаа!
Уорда намырый!
Алтан унуоххун
Аранасты кэллибит!
Көмүс унуоххун
Көтөбө кэллибит!
Биһиги көрдөһүүбүтүн
Истэ биһирээ:
Биһиги алгыспытын
Ылынан абыраа! — диэбит.

Оҕонньордору ол алгыһы ылынан, ойууннара тыын киллэрэн, албаан барбыт. Алгыы-алгыы томтору өрө кыыран тахсыбытын батыһан, эргистэр тахсаннар, санга аранас охсубуттар. Алта бағананы туруоран баран адарай тэлгэтэн, ол үрдүгэр, быыкаа саһыл холботун саба ампаар охсубуттар. Ол ампаар иһигэр суон дүлүнгү хорууда курдук хаһан хоруоп онорбуттарыгар оҕонньору укпуттар. Үүс кыыл тириитэ тэллэхтээбиттэр, саарба сыттыктаабыттар, бөрө суорбаннаабыттар. Онно көрдөхтөрүнэ оҕонньордору быыс арабас, бүүс бүтүн сытара үһү. Хоруобун халбанынан сабан баран, тоһоболоон баран, тула ыһаһан кэбиспиттэр. Хоруобун иһигэр быһаһын укпуттар. Хоруобун таһыгар ампаарын иһигэр, баһыгар дүңүрүн уурбуттар. Уһа өтүгэр саатын, охтоох кэһэбин, ханас өтүгэр батыһатын уурбуттар. Атаһар ыһыгырын уонна дьөлөбөс солуурчаһа сэттэ кириэстээх манһыаты укпуттара үһү. Ампаарын сабан баран үрдүн ат сарай боһуонунуу сарайдаабыттар.

Ол курдук оҕонньордорун кырамматын көтөбөн тутан, тоһус сылгыларын сиэн туран, тоһус кымыстарын иһэн туран ыһыах ыспыттар. Ойууннара оҕонньордорун кутун үһээ дабаппыт.

IV

Эргистэр өбүгэлэрин унуобун көтөбөллөрүгэр сыһа-халты быһыыламмыттара сэттээх-иэстэбиллээх буолбута үһү; түбэлтэтэ оннуга эбитэ дуу. Эһиилигэр сылгы дьана кэлбит. Били оҕонньор унуобун эргитэллэригэр тохсуһун биир күөх элэмэс кытыты холбообут сэттэригэр, эргистэр сылгылара өлөн хаалбыттара үһү. Инньэ дииллэрэ.

Ол нөһүө кыһыныгар ис дьана кэлбит. Онно били былырын, ойохтоох буолан баран, бардамнаан оҕонньор унуобун көтөхсүбүт Дьэпириэм тарсыына өлөн хаалбыта үһү.

Бүетүр Гермогенов, сытыы тыллаах буолан, албаан офонньор уорун намыраппытын иһин, көтөр-сүүрэр сагатын барытын истэр буолан хаалбыт. Онтон бэйэтэ акаарытыттан маппыта үһү. Ойох ылан баран кынаттарыгар Одунуга тахсан иһэн, Суон Үрэх ойбоһугар суор киһилии саңарбытын истибит. Ону кыннын ааха кэпсээн биэрбит. Онтон таас дьүлэй, киһи сыппаба, мөлтөбө буолан хаалбыт. Көтөр-сүүрэр сагатын истэр киһи ону кимиэхэ да кэпсиэ суохтаах үһү. Тугу истибитин арай өлөрүгэр саамай кыра оботугар кэпсээн өлүөхтээх үһү.

Хойукку дьону Эргис офонньор муокастаабат эбит. Ылаар⁴ Тайбаттан быстан кэлэн баран, итириктии сылдьан биирдэ эппит: «Эһэм офонньор саатын ылан булгаан аһыам этэ», — диэбит. Кини баһайы эппитин толорбут. Биир күн офонньор унуобар, арангаһын ампаарыгар киирэн саатын ылан көрө-көрө: «Ыларым дуу, ылбатым дуу? Ыллахпына сэттээх буолуо дуо?» — диэн толкуйдуу олорон утуйан хаалбыт. Биирдэ уһуктан кэлбитэ били олобутун курдук олорор үһү. Күн киэһэрэн, күлүктэр уһаан барбыттар эбит. Киһи этэ саласпыт. Онтон Ылаар саатын ууран баран, түһэн сайылыгар Аларга кэлбит. Онно дьоно ыйыппыттар: «Бу, икки хонугу мэлдьи ханна сүтэ сырыттын?» — диэбиттэр.

Онтон эмиэ көрүдьүөс тахсыбыта баар. Нөмүгүгэ Иирээки Ылдьаа диэн Суон Үрэххэ олохтоох балыынка киһи баара үһү. Ол киһи хаартылаан эстэн баран санаа булбут: «Бу Эргис офонньор сэттэ кириэстээх манньыаттаах сурахтааба. Балары ылан ууран олорон хаартылаабыт киһи икки илиилээххэ сүүтэриэ суоҕа этэ», — диэн. Биирдэ саас хаар суоллан эрдэбинэ Иирээки Ылдьаа Эргис ойуун арангаһыгар тийэн, хатаастан тахсан офонньор дьөлөбөс солуурчабыттан манньыатын ытыһан баран түһэн тумулу таннары Хатын Үрөбэр киирэн испит. Ол истэбинэ кэнниттэн тыас тыаһаабыт. Онно эргиллэн көрбүтэ: офонньор илэ бэйэтинэн тиити мутугунан холобурдаабынан, атаба сиргэ тийбэккэ көтөн иһэр үһү. Ону көрөн баран Ылдьаа: «Харыһыйдаргын ыл», — диэн баран харчытын кэннинэн илгэн баран сүүрэн хаалбыт үһү. Ол онон хаалбыт. Иирээки Ылдьаа туох да буолбатах.

V

Эргис офонньор унуобун тобус үйэ туолууттар үсүһүн эргитиэх тустаахтар үһү. Дьон аны айыыны-абааһыны, ойууну удаһаны билбэттэр. Ол үһүс эргитиитигэр офонньор унуобун сиргэ көмүөх тустаахтар. Онно эмиэ ойуун кыырдаран, икки аас манган сылгы-

ны, биир курун хара өнгүрүмэр атыр обуһу туттуох тустаахтар үһү. Ол курдук былыргылар дойбохтуур буолаллара.

Иван Гаврилович Петров, 64 саастаах, Эргис нэһилэгин Арбаа-Хангалас оройуонун киһитин тылыттан. Г.У. Гермогенов (Эргис) суруйбута, от ыйа 1930 с., Кытыл [ИПРЯ, ч. 2, с. 251—254].

195. Ойуун Уол

Амма, Хоптобо нэһилиэк өбүгэтэ буолбут Ойуун Уол диэн баара. Кини көмүс симэхтээх кыырап таҥастааба үһү.

Ол ойуун өлөрө чугаһаабытын билэн, өлүөн иннигэр (өлөрүгэр) иинин хастынар, кутаа отуннарар, онно кэтэтэр. Онуоха кутаа оттубут сирдэрин кэтээбит дьон сассыарда көөттөрө, сиргэ сылгы түөрт туйабын суола собуруу диэкки хайыһан үөһээ көтөн хаалбыта баар буолбут.

Онтон ойуун уол өлөөрү сытар сириттэн сүтэн хаалар, тыыннаабынан мэлийэр, ону оччобо «Дьабыныгар үөһээ көттөбө» диэн ааттыыллар <...>

Амма оройуона Хоптобо нэһилиэгэ, 70 саастаах Николай Николаевич Ефремов тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдыах ыйын 25 күнэ 1933 с. [Боло, 1938, с. 159].

196. Холбо

Былыр хаһан эрэ Мэнэ улууһун иһигэр, биир баай киһи олорубут, кини элбэх сылгылаах, ынахтаах, хас да киһи хамначыттаах. Олортон сылгыһыт киһитэ Уйбаан диэн, эдэр, сытыы хоодуот киһи эбит. Бу киһини күһүн сир харатыгар, уу тонгон эрдэбинэ тойоно соруйбут:

— Эн, Уйбаан, сылгыны сылгылаан, булаттаан биир бүтэйгэ барыларын мус, сылгы ууга өлөр кэмэ буолла уонна утатан даһаны ууга киирэн барыахтара, — диэбит.

— Чэ, сөп, бүгүн аппын баайан, онгорон баран, сассын сассыарда туран барыам, — диэбит Уйбаан.

Сассыарда эрдэ туран, Уйбаан атын ыңгырданан онгостон сылгы сылгылыы баран хаалбыт. Кини аһыыр ас, өйүө ингин ылымматах, биитэр киэһэ хайаан да эргийэн кэлэр курдук онгостон барбыт. Алаастан алааска киирэн испит, үрэхтэн үрэххэ түһэн испит да хантан даһаны сылгыны булбатах. Кини миинэн иһэр ата

бэт хаамыблаах, бэт айаннаах өгүө ат этэ, онон кини үрэхтэн үрэжи батыһан лаппа ыраах сиргэ тиййбит. Күн киэһэрэн барбыт, ол тухары кини сылгыны булбатах. Онтон кини аччыктаабыт уонна күн киирэрин кытары күһүңнү киэһэ тымныытыгар тонгон барбыт. Уйбаан санаан көрдөбүнэ, бу киэһэ дьиэтигэр адьас кыайан тийиэ суох, бу эргин чугас ыалы булан хонон баран, сассын күннүктээн бу үрэхтэр салааларын батыһан сылгылары көрдөөн, булаттаан бардахха сатаныа эбит. Онон бу үрэхтэн туораан алаастары буллахха, хайаан да ыаллар баар буолуохтара дии санаан, кини үрэхтэн тахсан ханнык эмэ ыллык устун тынанан баран испит. Ол ыккардыгар адьас күһүңнү ый быыһа ыас харанга буолан хаалбыт. Уйбаан таһаһа халтан этэ, кэмэ суох тонмут, ол үрдүгэр аччыктаабыт. Чугаһынан ханна да ыал баарын олох билбэт. Кини бу эргин хотон сылдыбыт да этэ, онон ханан алаастар баалларын ончу билбэт буолан, ата хайа диэки барар да ол хоту баран испитэ. Өр барда да ыал көстөн биэрбэтэ, кини ыксыы быһыытыйда.

Арай биирдэ эмискэччи, алаас баһыгар өгөххө киирэн кэллэ. Өтөх оттотугар ыал баара көһүннэ, балаһан дьиэ хас түннүгүн айынан оһох уотун сырдыга күндээрэн оһороллор эбит, турбанан оһох кыыма өрө ыһылла турар, дьиэ иһигэр дьон сылдыаллара түннүктэргэ элэнгнээн көстөллөр. Уйбаан бу ыалы көрөн баран туохтааһар да ордук үөрдэ. Дьэ, манна хонон баран сассын бу эргин сири-дойдуну барытын көрдөөн, сылгылары баар буоллахтарына булан, суох буоллахтарына суохтарын билэн барыам буоллаҕа диэн санаата, уонна балаһан иннигэр сэргэ баарыгар түһэн баайан баран, дьиэбэ киирбитэ, кэтэбэриин оронго биир аһамы саастаах үчүгэй мааны соһус сэнэх таһастаах хотун дьахтар оһорор эбит. Уонна биир сүрдээх кырасыабай үчүгэй эдэр кыыс оһо дьахтар хангас диэки сылдыар эбит. Уйбаан киирэн хонон кини быһыытынан уһа диэки оронго таһаһын устуталаан баран, ырбаахытынан уот кытытыгар иттэ кэллэ.

— Уйбаан, тугу иһиттин? — диэн кэпсэттэ эмээхсин.

— Суох, тугу да истибэтим. Эн тугу иһиттин? — диэн Уйбаан хардары кэпсэттэ. Ол гынан баран Уйбаан кыбыста санаата, көр бу миигин билэр буоллахтара, мин буоллабына билбэппин, бу хайа эмээхсин буоллаһай, эрэ суох огдообо буоллаһа дуу уонна бу кыһа буолара дуу, диэн иһигэр була сатаата да хайдах да тыла тахсан, эһиги кимнээххитий диэн ыйыппата.

— Бу хантан хойугаан иһэбин? — диэтэ эмээхсин.

— Сылгы көрдөөн, үрэхтэри кэрийэн сырыттым да, булбатым уонна киэһэ харангаҕа былдьатан устунан мунан хаалан баран, хата бу энигини булан абыранным, — диэтэ Уйбаан.

— Ок сиз! Уйбаан буолан барангың, дьэ бу нэһилиэгин иһигэр хайаан муннаңый?

— Ордук харангаҕа былдьатаммын муннум, онто суох чугас эргини билэр этим.

Итигирдик эмээхсин ону-маны ыйыталаһан инниннээн кэпсэттэ.

— Чэ, тукаам, бу хоноһо кэллэ дии, киэһэ аһылыкпытын аһаабыппыт дии, хоноһоҕор сылыбаарда өрө орус, — диэбитэ эмээхсин кыһыгар. Кыһа туран сылабаар өрбүт. Эмээхсин күлүүс тыла уонна кытыһа иһит тутан ампаартан тахсан буспут эмис сылгы этин киллэрбит. Ол ыккардыгар сылабаардарын остуолга аҕалан тардан, чааскы ууран, чэй кутан биэрбит кыыс. Уонна били буспут сылгы этин тэриэлкэҕэ ууран биэрбитин, Уйбаан бэт үөрүүнэн аһаабыт. Тардыллыбыт эти барытын сиэбит, чэйи даҕаны элбэҕи испит. Уйбаан топпут-хаммыт, ирбит-хорбут. Уонна эмээхситтэн ыйыппыт:

— Аппын ханна аһата түһэр сир баарый?

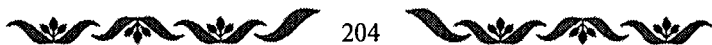
— Ити ампаар кэннигэр, остуолбо кыбыы баар, онно от баар буолуо, онно киллэрэн ытан кэбис үрдүттэн аһатын, — диэбит эмээхсин.

Уйбаан тахсан атын ыңгырын устан сиргэ бырахпыт уонна ампаар кэннигэр сиэтэн илдээн, баһын быатын устан ылан остуолбо үрдүгэр иилэ быраҕан баран кыбыы иһигэр атын ытан кээспит уонна дьизэҕэ киирбит.

— Уйбаан, эн утуйар таһаһың суох дуу, быһыыта, — диэн эмээхсин ыйыппыт.

— Утуйар таһаһым суох, — диэбит Уйбаан, — онтон эмээхсин ампаарыттан тахсан, эһэ тириитэ тэллэх, куобах суорҕан уонна сыттык киллэрэн уҥа оронго утуйар гына онорон биэрбит. Эмээхсин бэйэтэ кэтэҕириин оронугар утуйбут. Кыыс буоллабына хаҥас диэки чуулаан баарыгар онно киирэн утуйбут.

Уйбаан сылаас сымнаҕас таҥаска сытан баран ону, ману санаабыт. Көр бу харангаҕа былдьатан мунан бараммын, хата бу маннык үчүгэй ыалга түбэһэн хоннобум. Бу барахсаттар эмис сылгы этин сиэттэхтэрэ уонна бу маннык мааны таҥаска утуттаһара. Дьэ үчүгэй да хотун. Кини буоллабына мийгин билэр, мин буоллахпына кинини билбэппин, дьэ бэккиһээтим, хайдах саатар су-

рахтарын истибэтим эбитэй? Ити кыыһа барахсан дьэ үчүгэй кыыс эбит, итини баҕас ойох ылбыт киһи үчүгэй да буолуо эбит. Итигирдик санаамахтаан баран, сотору утуйан хаалбыт.

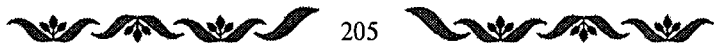
Сассыарда Уйбаан уһуктан кэлбитэ, халлаан илин өттө тутаччы сырдаабыт эбит. Арай кини чиккэччи тонгон хаалбыт, били бэбэһээ киэһэ эһэ тириитэ тэллэххэ, куобах суорҕанна, сылаас оронго сыппытын өйдүү биэрдэ, суорҕаным ханнаный диэх курдук, тонгон көһүйэн хаалбыт илиитинэн харбыалаан көрбүтэ туох да суох. Тэллэбим ханнаный, сыттыгым ханнаный диэн харбыалаан көрбүтэ, хайата да суох, тон сир үрдүгэр сытар эбит. Онтон дьиэ иһигэр хоммутун өйдүү биэрдэ, эмээхсин уонна кыыс баарын өйдөөтө, ол бу диэки көрбүтэ, арай былыргы үйэбэ үмүрүччү оһон эрэр эргэ өтөх саҕатыгар сытар эбит, өтөх саҕатыгар көтөҕөтө түспүт тииттэр кубарыһан тураллара көстөр:

— Бу хайдах хайдабый? Мин иирбит буоллабым дуу, биитэр бу түһүү сытабын дуу? Суох, мин иирбэтэххэ дьлыбын, син барыны бары өйдүүбүн уонна уһуктаҕаспын. Бу туох айылаах албаһыгар тубэстэмий?

Кини тура охсуон баҕарда, адьас кыайан туруо суох курдук тонмут, ол да буоллар илиитин, атабын дэлби имитэн, мөксөн, тылланнаан баран турда. Бэбэһээ киэһэ атын сэргэ төрдүгэр ыңгырын устан баран, ампаар кэннигэр остоолбо кыбыыга хаайбытын уонна үүнүн тэһиинин остоолбо үрдүгэр биллэбэ бырахпытын барытын өйдөөтө, ыңгыра таах сиргэ сытар эбит, ампаар да, кыбыы да ончу суохтар, үүнүн тэһиинин сиртэн булан ылла, ата буоллабына ол курдук өтөх аһаар саҕатыгар сирин кэрдиили турарын баран тутан ылла, ыңгырын аттыгар аҕалан атын ыңгырдыы туран арай өйдөөн көрбүтэ, кини утуйбут сирин аттыгар сүүнэ улахан суон бэс турар эбит, ол бэс үөһээ оттоугар улахан киһи хоруобун курдук быһыылаах туос «Холбо» ыйанан турар эбит. Ону көрөн баран, Уйбаан бэккэ куттанна:

— Тыый! Бу абааһы холболоһон турар буоллаҕа, манна кэлэммин мин бэбэһээ киэһэ иирбит буоллабым дии, санаата да, түргэнник атын миинэн, былыргы оһон хаалбыт суол омообун устун арҕаа диэки баран испит. Ол хоммут сириттэн биэс биэрэстэ бадахтаах сиргэ тиийэн, дьэ дьиннээх ыалы булан сылдыбыт, иттибит, аһаабыт. Ол ыалга кини хайдах быһыылаахтык сылдыбытын, хоммутун барытын кэпсээбит. Онно биир кырдыаҕас саастаах оһонньор баара ыйыппыт:

— Добоор! Эн онно улахан бэс баарын көрдүң дуо?

— Ээ, көрдүм, улахан суон бэс турар, — диэбит.

— Ити кэпсээбитин барыта кырдык буолуо. Ити өтөххө былыр биир ааттаах илэ абааһы удабан дьахтар олорбута үһү. Ол удабан биир алыс үчүгэй кыыстааба үһү, ол олороннор удабан эмискэччи өлөн хаалбытын, уңуобун ити туоһунан хоруоп онгоннор, онно уган баран ити суон бэскэ ыйаан холболоон кээспиттэр уонна ол кыыһа эмиэ сотору ийэтин кэнниттэн өлөн хаалбытын, эмиэ өтөбүн сабатыгар көммүттэрэ үһү. Дьэ, ол ийэлиикыыстыы икки, билигин сыл баһыгар атабар¹ итигирдик ыал буолан олороллор, онно ол эн курдук хойутаан мунан түүн кэлбит дьон хаһан эмэ түбэһэн сылдьар, хонор үһүлэр диэн кэпсээн баар буолар этэ, — диэбит оҕонньор.

Мэнэ-Ханалас оройуона Морук нэһилиэгэ, 66 саастаах Яков Федорович Зыков тылыттан. А.С. Порядин суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 2—12.

ЯКУТСКИЕ МИФЫ

МИФЫ О ПТИЦАХ, ЖИВОТНЫХ, РЫБАХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

1. Собрание птиц

I

В давние времена эти разные остроклювые птицы не знали других земель, где бы они зимовали, и поэтому, говорят, все они зимовали в этой стране. Так как эта страна была очень холодна и обильна снегом, они чуть не погибали, замерзнув, даже [некоторые из них] умирали. Дойдя до крайности и чуть не околевав от холода, они пробовали жить вместе с лисой в лисьей норе, на каменистом берегу реки, и даже, говорят, зимовали вместе с нею. Но, будучи большой любительницей мяса, лиса уничтожала тех из них, которых она могла победить-одолеть. Доведенные этим до крайности, они стали мучиться, прячась у корня каждой травки и дерева, но не выдерживали.

Однажды, посоветовавшись, устроили собрание всего птичьего племени¹. Так, собравшись-посоветовавшись, они решили: «Лиса живет, не зная горя, у нее хороший теплый дом. Только поперечноглазый якут² с ружьем, невзирая на ее ум и хитрости, находит и убивает ее. Если бы вдруг увести ее от дома и уничтожить, можно бы дом сделать своим, уж очень он теплый и просторный. Кто пойдет, кто же из вас будет ловким, способным на это?»

Тут кукша сказала:

— Я бы пошла, я бы ее так провела, что она заблудилась бы, если вы научите меня разным своим голосам.

— Э, научим-научим, поделимся-поделимся! — сказали, и, как люди, которым не терпится, птицы стали обучать кукшу разным голосам. Научившись у них, кукша овладела разными дивными голосами и отправилась к лисе.

Когда она явилась, лиса набросилась на нее, чтобы съесть. Кукша, издавая разные голоса, летела перед ней, то спускаясь на землю, то вновь взлетая, и все удалялась от нее. Лиса, приговаривая: «Что она делает, почему у ней так много голосов-речей?» — гналась за ней. Вдруг она опомнилась и не узнала, куда пришла. Забежала очень далеко, сильно проголодалась и хотела пить. А

кукша исчезла, говорят. Что же было делать лисе, где же найти и поймать кукшу? Как ни досадно ей, она остается ни с чем. Дойдя до изнеможения, она едва нашла свой след и повернулась обратно, идти было далеко и трудно, след петлял то в одну, то в другую сторону, сила и энергия ее истощились. Еле-еле, ступая вкривь и вкось по своим следам, лиса, наконец, вернулась к своей норе.

Пришла. Оказывается, все птичье племя собралось в ее норе. Увидев ее, все разлетелось в разные стороны. Лиса попыталась схватить их, но не поймала. Птицы улетели, скрылись с глаз. Пока птицы жили в лисьей норе, они в ней повсюду мочились, испражнялись. Хотя она и злилась-гневалась [теперь], но что делать ей?

Птицы снова оказались без жилища, им опять угрожает гибель от холода. Не вытерпев, собрались они со своими господами и господами, с князцами и старшинами и снова стали совещаться³.

— Теперь кто же еще у нас умный? Пожалуй, только ты, журавль. Попробуй ты испытать хитрость и ум лисы. Может быть что-нибудь получится. Может, согласившись, она пустит нас перезимовать, разрешит нам пожить у нее? — и они решили назначить на это дело журавля.

Журавль, согласившись, пошел к лисе. Даже лиса оробела и не решилась съесть его. Стали жить вместе. Живя так, журавль спросил у лисы:

— Ну, лиса, богатый ли ты умом-разумом зверь?

— Конечно, у меня много мыслей и ума. Я бывалая, знающая, у меня все сорок четыре мысли есть, — отвечает лиса.

— Ну, тогда, знаешь или нет, кто к тебе явится сейчас? — спросил журавль.

— Кто ко мне может прийти? Неизвестно, кто придет, — ответила лиса.

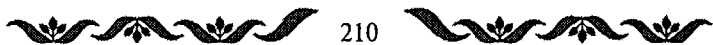
— Тогда [скажи мне], есть ли зверь, которого ты боишься? — спросил журавль.

— Совсем нет. Только, кажется, есть пугающий меня якут с ружьем, поперечноглазый. Но и от него есть уловка — убежать, — ответила лиса.

— А как?

— Если придет поперечноглазый, то я еще расширю свою нору, на дне ее дополнительно выкопаю яму и спрячусь, — ответила лиса.

— Расширив свое гнездо, выкопав яму, ты не спасешься от поперечноглазых. Все равно они прокопают нору сверху, найдут тебя и убьют, — сказал журавль.

— Ну, тогда, по твоему мнению, журавль, как можно спастись от поперечноглазых? — спросила лиса.

— Эй, к чему говорила, что у тебя сорок четыре мысли?! Сейчас придут поперечноглазые. Ты ложись сзади меня, а я лягу возле входа. Поперечноглазые никогда не подумают, чтобы журавль лежал вместе с лисой, они вытащат меня. Я притворюсь мертвым. Когда они будут осматривать-выслушивать меня, ты в это время постарайся как можно быстрее убежать от них. Поперечноглазые и это заметят. Если только они заметят, то мы пропадем и [не?] съедим давешнее мясо⁴, если оживем (останемся живы) — будем жить вместе, будем заодно. Постарайся это запомнить! — посоветовал журавль. Поменявшись местами, легли: журавль — у входа, а лиса — позади его.

Вдруг, когда они лежали так, раздался шум-треск, голоса-говор, и поперечноглазые стали без промедления рыть нору, вытащили журавля, притворившегося мертвым.

— Что за зверь? Это ведь журавль, он уже давно пропал. С чего это он забрался сюда, с ума сошел, что ли? Лисы здесь нет, — говоря так, встряхивая, рассматривали журавля, потом бросили его. Молча стояли и смотрели. Лиса, испугавшись, стала по обыкновению рыть на дне своей норы, но, одумавшись, выскочила из нее и умчалась в лес. Поперечноглазые, опешив от неожиданности, сделали за ней всего один-два шага. А между тем с шумом взлетел журавль и высоко вознесся в небо. Люди (поперечноглазые), испугавшись (это возможная вещь), чуть не попадали. Так лиса убежала, а журавль улетел. Поперечноглазые, оставшись ни с чем, ушли.

Позднее журавль, встретив лису, спросил:

— Ну, лиса, насколько умен и ловок я, оказывается?

— Э-э, ну! Ты и есть, оказывается, птица, очень много думающая. Давай вместе жить, — предложила лиса.

— Да, действительно, — сказал журавль лисе. Журавль долго жил вместе с лисой, говорят. Тем не менее лиса не давала другим птицам зимовать у нее, она только и думала, как бы съесть [их].

II

У птиц не было дома, где бы они могли укрыться. Опять наступило время погибать. Пошли, было, к лисе, да страшно, она прямо на виду хватала и съедала их. Поэтому однажды все птицы — и остроклювые, и плоскоклювые, все птичье племя с луч-

шими и худшими собрались и устроили бурное собрание. На этом собрании присутствовали все: голова-лебедь, кандидат-гусь, князец-дятел, *тойон*-беркут, старшина-дрозд⁵.

— Ну, соплеменники, у всего нашего птичьего племени нет земли, где бы мы зимовали, нет укрывающего нас дома, и мы замерзаем, не можем выдержать холода нашей зимы. Выжить и остаться живыми мы никак не сможем. Давай пошлем одного умного, проворного человека поискать и найти [лучшую] землю, — говорили они. Спорили-обсуждали и отправили куропатку.

Куропатка улетела, но вскоре вернувшись, сказала:

— Ну, нашла я хорошую землю, где можно перезимовать.

Полетели птицы туда и увидели: она нашла, оказывается, землю с тальником, где можно было не зарывшись в снег, лежать и спать. Птиц, не могущих перезимовать здесь, оказалось много.

Снова, по обыкновению, собравшись и поискав кого-нибудь, чтобы тот нашел землю для зимовки, они назначили лесную птицу глухаря.

— Теперь ты поищи, — сказали ему. Он улетел. Но скоро вернулся и сказал:

— Я нашел землю, где можно перезимовать.

Птицы полетели за ним посмотреть и увидели: оказывается, он нашел место с молодыми лиственницами и устроил там себе зимовку. Но в этом краю, оказалось, никто, кроме глухаря, не смог бы зимовать.

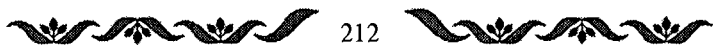
Поэтому птицы, снова собравшись, по обыкновению обсудив и решив, назначили филина.

— Ты с шубой-дохой, с теплой одеждой, лучшая птица-путешественница, сильна, как конь, быстра, как утка. Лучше всего тебе полететь далеко и поискать землю для зимовки, ты, филин, — подходящий человек, — и отправили его.

Филин согласился и сказал:

— Я отправляюсь, я должен полететь далеко-далеко под солнце. Если я погибну, то через три года пролетит мимо вас моя плачущая душа⁶. Если мне удастся благополучно странствовать, то вернусь через три года, — сказал филин и, помахав крыльями, улетел.

Птицам показалось, что филин улетел очень давно. Они его ждали с нетерпением, а он не прилетает. Птицы, сказав: «Что с ним, может быть, что-нибудь случилось?» — не вытерпев, собрали всех и, собравшись, сказали сове: «Ты являешься у нас пти-

цей-шаманом, пошамань и посмотри-узнай, почему он так долго задержался»⁷. И, привязав перед ней одну жирную мышь, заставили покамлать. Сова, сев в середине собравшихся птиц, начала шаманить. Одна [только] жирная несчастная мышь стояла привязанной. Птицы, остроклювые и плоскоклювые, все птичье племя собралось; здесь и *тойон*-беркут, и голова-лебедь, кандидат-гусь, князец-дятел, старшина-дрозд. Разве все они не должны были быть? Конечно, все были. Та сова, говоря-распевая по-разному, шаманила. Все — и высокие, и стройные, и с выгнутой спинкой, и с покривившейся фигурой, и длинношеие и длинноногие, и пузатые, и круглоголовые птицы — все расселись вокруг нес, даже не вмещались все. Среди них была птичка — предок нынешних птичек с кроваво-красной головой; она была очень маленькой. Другие птицы мешали ей, она пробовала смотреть, но не увидела ничего. Поэтому она с досады поползла и села перед лебедем-головой и пыталась смотреть. Тогда лебедь, [гордо] вытянувшись, сказал: «Зачем еще эта такая малышка оказалась передо мной; к тому же она с острым клювом, хотя бы имела плоский клюв», — и зашумев, рассердился и злобно клюнул. После этого разве не случится беда, брызнула у птички кровь из головы. Она заплакала, запричитала, поднялся шум, и птицы раскричались. Шаман прекратил камлание, привязанную мышь сразу отпустили.

И высшее и низшее начальство птиц разделилось в разные стороны, остроклювые и плоскоклювые разошлись в противоположные стороны, начались споры и ссоры, плач и жалобы. Лебедь и гусь — одно особое племя с плоскими клювами, дрозд с дятлом — другое особое племя остроклювых стали спорить.

Тут один сказал:

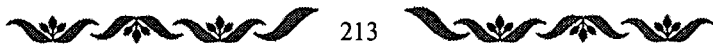
— У лебедя длинная шея, длинные ноги, он самый большой, мог бы встать позади и смотреть. Птичку, маленькую бедняжку, он обидел, считая ее остроклювой, обижая так, он разделался с нею.

Другие говорили:

— Эта птичка, будучи маленькой, дрянной, не должна была пройти перед должностным лицом с чином головы. Это она виновата.

Поспорив так долго и не согласившись с доводами друг друга, пожаловались они своему *тойону*-беркуту.

— Рассуди, почтенный господин, кто виноват в этом! Но беркут разве даст неправильный ответ, даже будучи осведомлен,

что он ведь лебедь, во всяком случае, родовитый, важный. Недавно его даже люди-якуты почитают божеством, поклоняются, закланяют его. Беркут сказал:

— Хоть ты и голова, ты, лебедь, виноват. Не должен был ты говорить об остром клюве. Птичье племя имеет одну природу. Поэтому ты не должен обижать птицу за то, что она маленькая, дурная. Душа у птиц одна. Пусть хоть и мала ростом и видом неказиста, она хотела посмотреть. Нужно было ей дать эту возможность. Кроме того, ты обидел, окровавив ее, — сказал он.

На это остроклювые сказали, опять зашумев:

«Действительно так, действительно так!»

Тогда сородичи лебеда не согласились с этим и пошли жаловаться царю птиц — орлу. Орел не дал жалобщикам произнести и пяти слов, сказать и одной речи. Обвинил их. Приговорил главарей плоскоклювых за их вину по одному месяцу ежегодно пребывать в тюремном заключении⁸.

С тех пор главари водоплавающих птиц по одному месяцу в год перестали летать, [линяли], говорят. А голова птички, говорят, в том месте, где клюнул лебедь, стала красной, как кровь.

III

Все это так прошло. Разве после такого события птицы могли собраться вновь? Опять, чтобы только не замерзнуть, забивались у корней трав и деревьев, ждали возвращения филина. Через три года филин возвратился. Он очень поправился, потолстел. Вид его стал прекрасным. Все решили, что путешествовал он отлично. И все птицы, собравшись, спросили у филина, в какой стране он побывал.

— Все три года, в продолжение которых я пропадал, вдоль и поперек испытывал я муки, холод и препятствия, только я, будучи филином, вернулся оттуда. Что наша страна-земля? Та земля в десять раз холоднее, в десять раз хуже, скуднее, оказывается. К тому же это очень далекая страна, — так начисто врал он.

— Ну, тогда нам суждено погибнуть, исчезнуть. Не остаться нам живым, значит, мы обреченные птицы, — сказали они.

На это некоторые спросили:

— Как же быть нам, друзья? Может быть, хоть где-нибудь есть земля, где дыхание наше продлится.

Разошлись. После того, как птицы разошлись, филин рассказывает:

— Старуха, ну я слетал в очень далекую страну, пролетел широкое море и под самым солнцем нашел я благодатную страну Кыдат⁹, с лучшей едой и одеждой, с травами и деревьями, без зимы, с теплым воздухом, с людьми, со скотом и птицами. И вернулся оттуда. Путь туда далек. Уж очень хорошая еда и одежда там, хотел набраться сил, чтобы лететь. Поэтому я так опоздал. Мы полетим сами, никому не сказав. Давай-ка собери одежду и обувь детей потихоньку, чтоб никто не знал. Хорошо?

— Ладно, не говори. Тише, услышат. Постой-ка, кто это? — старуха вышла посмотреть и зашла.

Оказывается, его рассказ подслушивал вальдшнеп, лежа у них под ногами. Внезапно вскрикнув «чаас!», он взлетел ввысь со свистом. Филин, с перепугу выпучив глаза, повалился на спину. Вальдшнеп с шумом, вскрикивая «чаас-чаас!», прилетел к своим соплеменникам и рассказал: «Филин, оказывается, нашел под солнцем благодатную страну, называемую Кыдат. А старухе своей он сказал: “Собери-уложи все, и мы незаметно исчезнем, прекрасная теплая страна”».

Птицы говорят:

— Мошенник филин. У бродяги бродяжничество перетянуло, вот он и обманул нас. Вызвали филина и допросили.

— Нет и нет! Вальдшнеп, наверно, с ума сходит. Он обманывает вас. О, как это ужасно! Я сам чуть не погиб, еле живой вернулся. Несмотря на это, меня [же] назвали обманщиком.

Так начисто он отпирался. Вальдшнеп не дает ему рта раскрыть. Птицы, обсудив, заперли филина. Затем двоих — черноголовую чайку и сокола — решили отправить в Кыдат. После этого сами сидели и ждали их.

Через месяц вернулась черноголовая чайка и рассказывает:

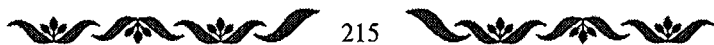
— Ну нашла я, есть, оказывается, прекрасная страна Кыдат. Там водятся разнообразные птицы, всякие люди, множество скота. Лучшие травы и деревья выросли в этой стране. Есть только одно широкое море. Если перелететь через него, достигнешь этой земли, прекрасной-изобильной страны.

— А где сокол? — спросили его.

— Э, сокол хоть и быстро летает, но отклоняется [от прямого пути], поэтому он и запоздал.

Через три дня и сокол прилетел и также рассказывает:

— Ну я запоздал. Есть, оказывается, прекрасная страна — земля Кыдат.

А птицы говорят:

— Этот филин нашел хорошую землю и обманул нас, не рассказал о ней, чтобы улететь самому.

Так, собравшись, птицы решили избить филина. Избивали его, кто имел клюв — тот клювом, кто имел когти — тот когтями. Голову его сплюснули, спину топтали так, что филин сидел и кричал «гуу!» Избили его так, что глаза вылезли навывкат, перья выщипали до того, что филин стал пестрым. После этого решили его самого оставить в этой стране на всю жизнь.

IV

Сидя там, на собрании, птицы вынесли решение о своих потомках. Они решали, у кого сколько должно быть детей.

При распределении они выделили вальдшнепу четырех детей, сказав:

— Вальдшнепу хватит и четырех детей, он уж очень мал, больше этого он не сможет.

Вальдшнеп вскричал:

— Несмотря на мои большие заслуги, вы мне только четырех детей назначаете?! Птичке меньше меня, дрозду, даете десять детей. Теперь я никогда по вашей просьбе не полечу, расстаюсь с вами. Лучше я брошусь на заржавленный меч человека-якута и погибну! — сказал он и остался с тех пор здесь и стал, взлетая, неожиданно падать с шумом на землю.

После этого куропатке определили много детей. Гусь сказал:

— Куропатка может улетать.

Куропатка ответила:

— Посмотрим, гусь, долетев до Кыдат, весной с каким желудком вернешься. Я не лечу, — и осталась.

Также было много птиц, оставшихся из-за того, что они не смогли бы перелететь через море. Рябчик и синичка, сказав: «Мы не сможем лететь», — остались.

Кукша сказала: «Овладев голосом многих птиц и пользуясь этими многими голосами, я смогу остаться и жить в этой стране», — и осталась.

Лесные птицы остались в лесу. Бедняжка синичка не переменила своего местожительства.

Остальные улетели в Кыдат и стали зимовать там.

Со слов Николая Алексеевича Винокурова, перенявшего рассказ Михаила Таркина Среднеколымского района. Записал С.И. Боло 29 июня 1940 г., г. Среднеколымск [ЯС, т. 1, с. 78—84].

2. Орел¹

Орел — глава всех птиц. Он, по мифам, — божество птиц, старший сын великого Улуу тойона². Орел — одна из самых хищных птиц. Он уносит и съедает не только ягнят, жеребят, телят и щенят, но и маленьких детей. Это весьма прожорливая птица, причиняющая огромный ущерб народному хозяйству. Он очень силен, имеет крючковатый клюв и длинные, острые когти. В старину одряхлевшие орлы, когда наступал предназначенный им судьбой срок, спускались на землю, теряли способность летать и умирали. В таких случаях заставляли камлать шамана, устраивали ритуальные угощения, затем, завернув останки орла в бересту, вешали в таком месте, где никто не будет ходить, топтать его перья. Это называлось «оказать ему почтение». Человека, носившего с собой кости орла, по поверьям, никто не мог обидеть.

Запись воспоминаний своего детства М.Г. Наумовским и П.Т. Степановым, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 13 об.

3. Орел в черных пятнах

Божество юсальцев — орел в черных пятнах. Его не убивают. Других орлов (пегого, пестрого) все же убивают.

Невестки людей из Юсальского наслега не едят мясо серого жеребца, имеющего черные пятна на лопатках. Серый жеребец с черными пятнами на лопатках, орел в черных пятнах и человек были созданы в древности от одного *айыы* в одной земле.

Со слов Михаила Горохова, 59 лет, Эльгесский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 18 января 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 130—131.

4. Элэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель *ысыаха*¹

Отъехав от тестя, Элэй построил себе *урасу*, скотный загон, завел дымокур с оградкой, впервые сделал разнообразную кумысную посуду, которая теперь в обиходе якутского хозяйства: *сири усит*, *симиир*, *чороон*, *халля*, *бисээйэх*² и пр. Затем, выдаивая кобыл, стал копить кумыс. По окончании всех приготовлений он

пригласил тестя и тещу ко дню держания вверх чаши с кумысом. Пришла одна старуха, сам Омогон отказался, говоря:

«Я не из таких, чтобы бегать за молоком его единственной паршивой кобылицы!»

Жена Омогона вернулась к мужу и говорит:

«Иди и посмотри, у него все устроено так чудно, хорошо!»

Наконец, старик согласился и пошел. Когда он входил в *урасу*, Элэй только что поднимал чашу. Вдруг у Омогона стянуло жилы, и он, перекошенный, упал. Элэй попросил на время вывести его из *урасы*, пока он не кончит обряд держания чаши. По окончании обряда снова ввели Омогона и, как только он вкусил освященного кумыса, болезнь тотчас же прошла. Тогда лишь Омогон понял свою ошибку и сказал:

«Перекосило меня за тот грех, что я много возомнил о себе. Воистину — ты человек, сопутствуемый (хранимый) богом и небожителями. Теперь даю тебе мое благословение, будь же человеком!»

После этого он определил дочери приданое и выделил ей часть своего скота.

От Элэя произошла большая часть якутов, в первую очередь кангаласцы. От Омогона, как рассказывают, происходят таттинцы и ботулинцы.

Из потомков Элэя известен Дойдууса-Дархан, про которого говорится: «Родился, найдя свою родину». Мать его была уведена тунгусами по избиении всей ее семьи, но ей как-то удалось бежать от них. Она, будучи на последних месяцах беременности, занемогла в пути от усталости и голода. Дело было весной, когда снег начинал слегка таять. Она, переходя через Лену, осталась лежать на пустынном острове и ждала смерти. Но вдруг прилетел темно-серый орел, держа в когтях черного глухаря, и уронил свою добычу как раз над женщиной. Она имела за поясом огниво и трут. Зажгла костер и, зажарив на вертеле глухаря, подкрепилась. Набравшись сил, она благополучно дошла до дому и родила сына, которому дед его на радостях дал упомянутое прозвище в ознаменование чудесного избавления от смерти плоти и крови своего дитяти (т.е. убитого тунгусами сына). С тех пор будто бы кангаласцы стали почитать орла как свое божество и покровителя.

Со слов Афанасия Федорова, 43 лет, Немюгинский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов летом 1921 г. [1977, с. 31—32].

5. Орел — божество кангаласцев¹

В старину предок кангаласцев бежал, оказывается, от битвы. В пути у него кончились припасы, и он лежал, помирая от голода. Это было в весеннюю пору. В тот момент, когда он лежал, умирая с голоду из-за того, что не смог добыть что-либо охотой и не нашел съедобных растений, на небе появились гуси. Вдруг неведомо откуда прилетел орел и сбил для этого человека одного гуся. Он взял того гуся, поел, набрался сил, смог охотой добывать себе пропитание. Поэтому считается, что орел стал божеством для предка кангаласцев, умиравшего от голода. В старину, когда я еще был ребенком, старухи, увидев орла, говорили: «Господин орел летает — наше божество». В связи с этим старые люди рассказывали про орла, что он стал для них божеством, добыв гуся для погибавшего их предка. Они запрещали убивать орла потому, что он-де будет мстить.

Давным-давно к моим соседям, очень богатым людям, принадлежавшим к родовитому семейству, прилетел пегий орел и около их дома, задрав жеребенка, стал его поедать. Тогда хозяин дома убил орла, разбив ему всю спину колом. Затем взял орла домой и, сказав: «Я скушаю тебя также, как ты сожрал моего жеребенка», съел вместе со своим семейством все орлиное мясо и внутренности. Вскоре этот человек заболел и попросил шамана совершить камлание. Тогда в ходе обряда шаман вселил в себя Хара Суоруна, который не удовлетворил просьбу больного и сказал: «В течение девяти веков буду взыскивать с твоих потомков, нашлаю болезни в грудную клетку, уничтожу твой материнский род, вскрою весь твой отцовский род!» После чего тот многочисленный материнский род исчез, все умерли от туберкулеза. Из них сейчас жив остался только один немой человек. Про этот род говорили, что он исчез из-за мести орла.

Орел преследует членов и других родов (например, хоринцев). Если вдруг кто-то нечаянно убьет орла, то обязан поднять его на руки и отнести в лес. Там он должен найти девять листовенниц, растущих довольно близко друг от друга, и, обойдя вокруг, выкопать яму около одной из них. Затем, обняв ее обеими руками, он должен ощипать перья орла в ту яму. После этого разрезать по суставам орлиные лапы и крылья, раздрать его клюв и зарыть всего орла в ту яму. После погребения человек уходил, пятясь назад. Он так проходил довольно значительное расстояние. На следующий

год эти девять лиственниц должны засохнуть. Это потому, что тот орел мстил лиственницам. Иногда хоронили так: сидя, обняв одну лиственницу, надевали на голову орлу глиняный горшок, закапывали в яму и сверху придавливали камнем. При погребении заклинали: «Во веки веков, пока жив народ якутский, не возвращайся, провались подобно камню!» Если делали так, то орел не мстил.

Со слов Гаврила Андреевича Ефимова, 78 лет, Кангаласский наслег Сунтарского района. Записал А.А. Саввин 29 мая 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 55—56 об.

6. Предок батылинцев¹

В современный Буустахский наслег в старину, до прихода русских в Якутск и наши места, прибыл человек по имени Батылы. Предком этого Батылы была, говорят, птица-орел. Батылинцы его не убивают и очень чтят.

Женщины рода Батылы, если увидят парящего орла, надевали, говорят, ровдужный кафтан, называемый *тангалай*, почитая его, как невестки своего свекра. Вот мы происходим от Батылы.

Со слов Ильи Никифоровича Горохова, 82 лет, Суордахский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 28 декабря 1939 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 64].

7. Погребение орла

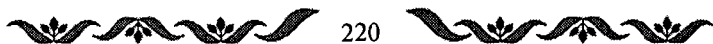
Орел прилетает и умирает около дома преднамеренно, требуя ритуального погребения.

После его смерти необходимо принести в жертву скотину. Кусочек ее сердца вкладывают в клюв орла, на его шею привязывают красный галстук (полоску красной материи. — *Н. А.*), затем его целиком связывают талиной и относят в лес. Там кладут орла на развилку дерева, направив его клюв в сторону юга. Если не совершить эти действия, то он преследует, разбиваются *ийэ кут*¹ тех жителей (т.е. они умирают. — *Н. А.*).

Со слов В.Н. Кривошапкина. Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 26.

8. Орлиное счастье

В старину, говорят, жил в Верхнем Вилюе человек по имени Ефрем. Он имел только одну корову и одну двухтравую телку, очень бедным человеком был, оказывается.

Култ орла

Однажды у него потерялась телка. Он искал-искал, а когда пришел в одно место, то увидел, что совсем рядом, на середине поляны свалил и разорвал эту телку пестрый орел. Он сидит на объедках телки и продолжает поедать.

Увидев это, Ефрем сразу схватил палку и подбежал, думая: «Ну, я убью его, размозжив ему голову за то, что он так жестоко обидел меня». Тут орел попытался убежать от него, но человек погнался за ним и догнал. Тогда орел повернулся к нему и поклонился так же, как кланяются люди. Увидев это, человек счел: «Погоди-ка, видимо, это хорошая птица, почему-то кланяется так, как будто просит», — поэтому вернулся назад, не убив его. После этого он на месте, где была растерзана телка, сделал лабаз и положил на него для орла остатки ее туши. Затем возвратился домой. Спустя три дня после возвращения, вечером, когда он стоял, справляя малую нужду, над его домом стал кружить орел. Во время этого облета вдруг что-то упало с шумом. Когда он поднял тот предмет и посмотрел, оказалось, что это блекло-белый камень, похожий на речную гальку.

Он его взял и показал людям, спрашивая: «Вот камень упал, когда вокруг кружил орел, что это за диво?» На это все из людей, кто умел предчувствовать и видеть вещие сны, отвечали: «Ну, это же камень счастья, данный специально орлом, храни его, не теряй, а называется он “Счастье орла”». Ефрем бережно хранил тот камень, завернув в тряпку. Получив камень «Счастье орла», Ефрем впоследствии очень разбогател, у него народилось потомство, удлинился век.

По якутским обычаям, если найдут умершего орла, то хоронят его в том же месте на лабазе.

Перья орла нельзя топтать. Кто убьет орла, тот умрет от различных гнойных болезней, и, как убил орла, так же будет мучиться сам при смерти.

Орел ловит и съедает молодых оленят (до года). Иногда он накидывается на маленьких ростом оленей и на бегу цепляется за дерево одной лапой. Тогда олень разрывает орла, и он умирает. В таких случаях говорят: «Умер на охоте». «Орел — господин птиц, царь птиц — двухглавый орел», — говорили раньше в сказках.

Со слов Бориса Алексева¹, 50 лет, местность Кюбэйиндя, Угулятский наслег Вилюйского района. Записано 24 марта 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 8—10.

9. Орел

Лет пятьдесят тому назад поздней осенью, в местности Таандыры, находящейся в Сыланском наслеге Чурапчинского района, на лиственницу, растущую на краю лесного мыса у поляны, недалеко от жилого дома, прилетел и сел орел. Он провел на ней несколько дней. Эта птица иногда ночью, оказывается, пыталась нападать на скот (на телят и т.п.), а также приземлялась совсем рядом с домом. Жители очень испугались, считая, что орел прибыл нарочно, что он намерен наслать болезни, нашли шаманов и попросили их совершить камлания. Вот три шамана отказались и уехали, сказав, что не смогли одолеть [орла]. Все это время орел не улетал. Тогда нашли и привезли одного слепого шамана, происшедшего от хоринцев и духа-хозяина огня. В том случае шаман спросил: «...ну, где он находится?» — попросил отвести его в то место, что и сделали. Придя к дереву, он обнял его и зычно заговорил по-хорински. В ответ и тот [орел] как будто бы отвечал, кланялся. После этого шаман сказал: «Ну, кажется, уладится, вернемся в дом». По возвращении шаман заставил забить одну мелкую скотину и положил для орла под лиственницу кровь, сердце и печень той скотины. Тут же совершил камлание под тем деревом. Закончив обряд, он произнес: «Ну, все уладится — если он улетит безвозвратно, то совершит облет по солнцу, а ежели должен возвратиться через какой-то промежуток времени, то облетит слева, с обратной стороны».

Орел улетел, совершив облет в левую обратную сторону. Вот тот назначенный шаманом срок исполнился в прошлом году, и орел снова прилетал, останавливался в местности Таандыры. Считают, что заклинание при последнем камлании помогло потому, что шаман имел хоринский корень.

Со слов Петра Макарова, 60 лет, Сыланский наслег Чурапчинского района. Записано 14 июня 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 25—25 об.

10. Умерщвление лебедя

Лебедь — самая большая птица, клик ее похож на голос ворона. Это — почитаемая нахарцами птица. В древности в местности Ыйбылас Наахара жил шаман по имени Лебедь-шаман, которого обманом убили в ходе раздора из-за главенства. До того он во

многим помогал нахарцам, был полезным человеком, оказывает-ся. Поэтому они лебедя, дикую небесную птицу, почитали божеством, поклонялись ей, никогда не стреляли в нее, а если кто-нибудь убивал, то устраивали обрядовое угощение и с почестями хоронили на лабазе ее кости (останки. — *Н. А.*). Поэтому, а также в связи с тем, что лебедь — редкая перелетная птица, останавливающаяся в тех местах изредка, нахарцы ни разу не убивали ее. Смерть такой большой птицы считается грехом, за который будет взыскано. Вот почему не убивают...

Из записей мифов, услышанных в детстве М.Г. Наумовским и П.Т. Степановым из I Нахарского наслега Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 9 об. — 10.

11. Лебедь

Лебедь (по шамански — плешивый), если его убить, преследует. Начинается смута, приводящая к смерти всех членов материнского рода. Например, старик Чубукаан убил одного лебедя, из-за этого, по рассказам, они все исчезли (умерли. — *Н. А.*).

Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 72.

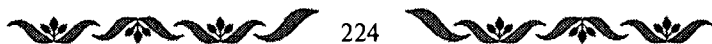
12. Предок лебедь

В старину в Сэсэн Бологуре был материнский род, считающий своим предком лебедя. Его члены лебедей не убивали. В древности их предки страдали от болезни, поражающей подрастающее поколение. В связи с этим они пригласили шамана совершить камлание. Он провел обряд, в котором заткнул лебединой головой с шеей (как, например, шкурой летяги) проход из Нижнего мира так, что перестали оттуда появляться злые духи, причиняющие смерть детям. Люди из того материнского рода говорили, что лебедь их предок.

Со слов Т. Константинова, 80 лет, Бологурский наслег Чурапчинского района. Записал А.А. Саввин в 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 43.

13. Божество Лебедь

Якуты Уоргалар, имевшие своим божеством Лебедя, жили на речке Оротук, в верховьях Куулу. От Сордоннооха их местожительство было на расстоянии сорока трех *кёс*¹. Род Уоргал состоял

только из четырех-пяти домов (семей) Сивцевых. Мои предки от него родились — сперва Агырыас, говорят, затем Басыргас. Они были людьми того времени, когда якуты еще не были крещены. От Басыргаса родились четыре сына: Иосиф Ханганай, Иван Абасы, Прокопий Чиэкэ, старик Богатырь (родился в Нере). Мой отец Егор родился от того Иосифа. Мой дедушка Иосиф Сивцев умер в возрасте 130 лет еще до моего рождения. Мои сородичи в старину, когда жили по якутскому обычаю, имея божеством Лебеда, соблюдали запреты². Говорят, что невестки при виде лебедя сразу надевали на себя одежду *тангалай*. Когда случалось увидеть их без *тангалая*, то они прятались, залезая под копну. Оберегая лебедя, называли, говорят, «белой птицей». Мой отец, бывало, рассказывал, что лебязье мясо стали употреблять только после крещения. Он умер, когда мне было около 40 лет. Дожил он до 120 лет. Рассказывали, что когда стала распространяться [христианская] вера, невестки будто, умирая с голоду, впервые попробовали мяса лебедя с его окорочка.

Со слов Николая Егоровича Сивцева (прозвище Ньылбаан), 95 лет, Сордоннохский наслег Оймяконского района. Записал С.И. Боло 19 января 1940 г., местность Орто Балаган [ИПРЯ, ч. 2, с. 55].

14. Прилет лебедя и ворона

В старину летом заклинали Айыы тойона. Тогда, если прилетал лебедь и кружился над людьми, то его называли своим божеством, а если прилетал и кружился ворон, то ворона. Вот после таких случаев этих птиц признали за божеств.

Со слов Афанасия Петровича Еремеева, 85 лет, Тогууский наслег Виллюйского района. Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 38.

15. Гагара и ворон

В глубокую старину гагара была черная-пречерная, как ворон. Завидуя пестроте других птиц, гагара и ворон решили раскрасить и разрисовать друг друга. Ворон постарался всячески украсить гагару разнообразными узорами. Гагара пошла посмотреть в реку. Осмотревшись, не захотела украшать ворона и нырнула в воду. Догадавшись о вероломстве гагары, ворон ударил ее клювом и разбил ей крестец.

Поэтому ворон по-прежнему остался черным, а гагара хотя и стала с пестрым оперением, но крестцовые кости срослись плоскими и ноги ее оказались вывороченными.

Со слов Прасковьи Ксенофоновны Ефремовой, Эргисский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в июне 1930 г., Хоптолох [ЯС, т. 1, с. 92].

16. Умерщвление ворона

Черный, как смоль, ворон является одной из птиц, выносящих суровые условия Якутии и зимующих здесь. Он очень прожорлив и приносит огромные убытки. Ворон — хищная птица, больше всего наносящая урон охотникам, а если изголодался, то выклеывает глаза у охудевшего скота; забивает клювом насмерть случайно завалившихся домашних животных; преднамеренно выслеживает места, где расставлены капканы, силки, ловушки (черканы), пасти, самострелы, и поедает добычу. Хотя ворон причинял вред, его не убивали и не ругали, боясь, что он как внук великого Улуу тойона доберется до места его жительства, пожалуется, и на виновных в том грехе ляжет наказание, которое не смог бы удержать даже четырехтравный бычок. Изредка ворон по жадности залезает под пасть, желая сожрать остатки съеденного им зайца, и погибает; или умирает, задев насторожку самострела. В таких случаях ему клали в клюв кусок заячьей шкурки, заворачивали в бересту и вешали на листовницу, растущую в месте, куда не ходят люди и скот. Так делали для того, чтобы никто не наступил на вороновы перья. Считалось, что этот обряд совершали из «почтения». После чего весьма остерегались, осторожничали, боясь, как бы он не начал преследовать.

Из записей воспоминаний своего детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова из I Нахарского наслега Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 10.

17. Божество Ворон

В Жабыльском наслеге Мегинского улуса был отцовский род хоринцев. В старину в ту землю решил переселиться человек из западного Хоро-Кангаласа. Для того чтобы осмотреть уголья, он переплыл реку¹ вплавь верхом на белом быке и, обойдя восточную сторону реки, вернулся домой. В ту поездку, будучи здесь на востоке в Таттинской земле, он сломал ногу и лежал, умирая от

голода и холода. Тогда ему один ворон сверху спустил трутницу с огнивом. Благодаря этому он развел себе костер и остался жив. С того случая тот ворон стал божеством для наших предков, а наши старики очень почитали ворона².

«Оставьте, не трогайте этого ворона, это наше божество, он в старину спас нашего предка, когда он лежал при смерти», — говорят коренные жабыльцы.

«У хоринцев ворон считается божеством!» — говоря, насмехались над нашими людьми, над хоринцами. А хоринцы же говорили им: «Бедняги жабыльцы обзываются, а ворон ведь наше божество, он наш дедушка».

В тех случаях, когда у людей появлялась сыпь, от имени духа-хозяина огня высекали огонь люди, предки которых были хоринцами. Они били огнивом по кремню над тем местом, где имелись болячки. Считалось, что лечебное свойство имели только огнива хоринцев. Основанием тому служило то, что ворон сверху спустил им трутницу с огнивом. Даже сейчас приглашают хоринцев высекать огонь над людьми, имеющими сыпь.

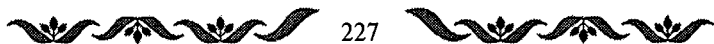
В этих случаях они, высекая, закликают:

От зари заря *дьюотту*³,
От хоринца хоро *дьюотту*,
Начинаю высекать я, являющийся внуком хоринцев,
Блеск — лучезарность,
Блеск — лучезарность,
(Вариант: Блесни лучезарно)
Солнечное высекание,
Лунное высекание,
Солнечное высекание,
Лунное высекание!

Должны высесть огонь так, чтобы искры сыпались на болячки. Только тогда сказываются лечебные свойства высекания. Когда совершают обряд высекания огня, приносят жертву через огонь.

Тот хоринский человек зимой переселился с реки со своими людьми, осмотревшись, он поселился на широкой поляне, на восточной стороне Чаачыкыйа. Прежде хоринцы жили, говорят, на том месте, где нынче стоит город⁴. Место, где построен город, раньше имело, оказывается, священное имя Кюёрээйи.

Со слов Иванова Федора Ивановича, 75 лет, Алагарский на-
слог Чурапчинского района. Записал А.А. Саввин 23 декабря
1936 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 68.

18. Тотем¹

Божество хоринцев — ворон. Ворон был сыном белобокого (пестрого, пегого) Суоруна господина². Он слишком жадничал, съедал все, что увидит. За это его наказали — спустили в здешнюю землю.

В старину осенью, ближе к зиме, ворон принес огниво с трутницей женщине, замерзавшей после внезапных родов в нежилой местности. Она при помощи огнива развела огонь, отогрелась и дошла до своего дома. Ребенок этой женщины стал предком хоринцев, от него произошли хоринцы. Они говорили: «Господин наш дедушка знает неведомое, видит невиданное». Когда кормили огонь, давали пищу и ворону. Его называли — «Наше божество», «Наш дедушка»!

Он предвидел, наверно, что «родится человек, предназначенный положить начало доброму скоту, хорошему роду людей», поэтому принес и спустил огниво с трутницей — сказывали.

Со слов Карамзина Егора Павловича, 80 лет, Хатасский наслег Пригородного района. Записал А.А. Саввин 31 октября 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 109—109 об.

19. Хоринцы, почитающие ворона божеством

Во II Моруке есть материнский род хоринцев. Во время войны один человек бежал с побережья реки и остановился, оказывается, на высоком кургане Кюндюл, находящемся у озера, близ речки Куоллара. Ему надо было развести огонь, но он забыл свое огниво с трутницей на том месте, где ночевал. Этот хоринец лежал без пищи и огня, умирая с голоду. В тот момент над ним стали пролетать два ворона. Он прокричал им просьбу:

«Господин мой дедушка, наступил день гибели, позабыл я в местности с таким-то названием свое огниво с трутницей, принеси-подай его мне!»

Вскоре ворон притащил то огниво с трутницей и спустил ему. Тем самым спасся он — хоринский человек по имени Кылаттар Бэрис Юрююнгович. От него произошел хоринский отцовский род. Они говорят про ворона: «Он наше божество: лишь потому что он есть, наш предок остался жив, иначе замерз бы или умер с голода, поэтому не трогайте его».

Один хоринец убил ворона и мазал его кровью свое ружье, чтобы утяжелить его дыхание¹. Из-за этого старики сильно сердились, ругали его, считая, что он убил их божество.

Со слов Евсея Окорочкова, II Морукский наслег Мегинского улуса. Записал А.А. Саввин 24 июля 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 49—49 об.

20. Божество Ворон

Мой родной наслег — Хоринский наслег Сунтарского улуса. В Хоринцах ворона называли своим предком и божеством. Его не трогали, не беспокоили, не убивали. Когда он пролетал поверху, надев лучшую одежду, выходила женщина, первой прибывшая невестой (невестка хоринцев), и кланялась ему. Это совершалось так: она складывала руки на груди, затем кланялась, преклонив колено. Если так не поступали, то считали их совершенно нерадивыми невестками.

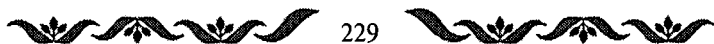
В древности предок хоринцев лежал в безлюдной местности, замерзая, умирая от голода. Ему ворон спустил сверху огниво с трутницей. Это позволило ему разжечь огонь, и он спасся благодаря тому, что ворон был его божеством. В былые времена в годы голода, в тяжкие дни находясь в пути, прародители хоринцев говаривали, когда над ними пролетал ворон: «Значит доберемся до жилого места» или: «Ожидает, видимо, нас охотничья удача, добудем пищу». Ворон мстит, если разрушить его гнездо. Хоринцы называют ворона своим предком, господином-дедушкой. Нехоринские наследи якутов презирают ворона. Если хотят разозлить хоринцев, то люди из других родов ругаются: «Негодники хоринцы, считающие божеством ворона!» Никому не разрешали топтать вороновы перья.

Со слов Натальи Михайловны Александровой, 79 лет, Кугдарский наслег Мегежекского района (ныне территория Нюрбинского улуса). Записал А.А. Саввин 2 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 50—50 об.

21. Хоринцы и ворон

В том случае, когда по небу пролетал ворон, рыбаки произносили:

— Господин дедушка, зачерпни слизи, зачерпни слизи!

Если тогда он внезапно накренится, то говорили:

— О-о, голова со слизью накренилась!

Если после этого добывали рыбу, то говорили друг другу, что удачу зачерпнул господин наш дедушка!

Записал А.А. Саввин от жителей Ситтинского наслега Кобяйского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, л. 69, л. 40.

22. Помощь ворона в охоте

Ворон — божество якутов Хоринского наслега Верхневилуйского района. Когда их предок умирал в пути от голода, то услышал голос ворона и пошел в ту сторону, там нашел [мертвого] лося и его мясом спасся от голода. Поэтому [ворон] стал их божеством.

Со слов Тимофеева Федора Николаевича, 78 лет, Оросунский наслег Вилюйского района. Записал А.А. Саввин 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, л. 69, л. 52.

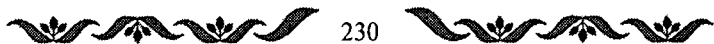
23. Сын божества, владеющего воронными конями¹

Ворон — младший сын божества, владеющего воронными конями, в разговорах его называют «малорослый младший парень»² и шаманы в заклинаниях называют так же. Он был отправлен [отцом] в Средний мир с предназначением вредить [людям].

Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, л. 69, л. 74 об.

24. Хищные птицы

В число хищных птиц, кроме упомянутых выше, входят ястреб (сокол), ястреб-перепелятник, филин, сова и другие ушастые, подобные тетеревику. Их беспричинно не убивают из-за того, что они хищные и у них острые когти. Точнее, считается, что из-за этого будут преследовать и уничтожат убивших какие-то сверхъестественные существа. Поэтому полагают, что добыча их наказуема, греховна, потому запрещают их убивать... По преданиям, от того человека, который носит с собой уши и лапы совы, зайцы совсем не убегают, ждут, совершенно не поднимаясь. Часть людей, носивших их, утверждают, что действительно зайцы ожи-

дают, и советуют, что если они убегают от вас, то убейте сову и носите при себе ее уши и лапы. Иногда берут с собой целиком ее голову.

Запись воспоминаний детства М.Г. Наумовским и П.Т. Степановым из I Нахарского наслега Мегино-Кангаласского района, 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 14.

25. Благодаря помощи ястреба

Ястреб — божество жителей Мэйикского наслега Сунтарского района. Его признали божеством за то, что он во время голодовки спас, добыв для них уток. Они спаслись, питаясь теми утками, которых брали, найдя его гнездо. Рассказы об этом помнят смутно, они предположительны.

Со слов Гаврила Андреевича Ефимова, 78 лет, Кангаласский наслег Сунтарского района. Записал А.А. Саввин 29 мая 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 56 об. — 57.

26. Божество Ястреб

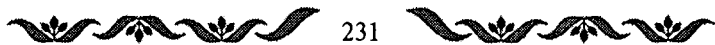
Его не убивают. Если он пролетит перед человеком, пересекая его дорогу, то выражают свое почтение глубокими поклонами. Невестки закрывают волосы, надевают шапки, если у них голова была ничем не покрыта. Они не должны пристально смотреть, разглядывать его. Это грешно, он (божество) насылает беду. В результате заболевают на якутский лад¹ и приглашают камлать шамана. Тогда шаман отмечает: «Это преследует ваше божество, настроилось враждебно ваше божество». Когда охотятся — стреляет в него кто-нибудь из молодежи, он даже в том случае, когда останется жив, преследует. Ястреб выше по происхождению, чем орел. Детям запрещают, не дают охотиться на него.

Записал А.А. Саввин в I Эгинском наслеге Абыйского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 62.

27. Божество Ястреб

В древности жил старик по имени Энгэ. У него были старуха и сын, который достиг возраста, когда дети играют лучком. Старик ничем не владел, пропитание добывал охотой.

Однажды у них случился большой голод. Охота была неудачной, и настало время, когда они могли умереть от голода. Вот

однажды старик сказал своей старухе: «Убей своего сына и свари к вечеру, вернусь ли я, неизвестно!» Старуха пожалела свое дитя и не убила. Старик, вернувшись вечером, не стал обращать внимания на то, что старуха не сварила мальчика. Назавтра он сказал: «Ну, свари его, приготовь, приду ли, неведомо», — и ушел.

В тот день, когда ребенок сидел в *голоме*¹, прилетела и села на верх *голомы* какая-то птица. Мальчик выстрелил в ту птицу из своего деревянного лука. Тогда птица обронила клоч шерсти и улетела. Тот клоч шерсти упал на пол *голомы*. Мать мальчика взяла его и посмотрела, оказалось, что это шерсть лося. Мальчик стал преследовать птицу, идя вслед за ее полетом. Она привела его в болото, в то место, куда провалился лось. Мальчик вернулся и сказал своей старушке-матери. Мать пошла с сыном и видит, действительно, лежит, оказывается, мертвый лось. Старуха вытащила лосиные потроха и сварила. Мальчик поел, вышел во двор и играет. Вдруг идет его отец. Увидев мальчика, он пронзительно воскликнул: «Опять не убила!» И, когда мальчик, испугавшись, юркнул в дом, он выстрелил в него из охотничьего лука. Стрела вонзилась в стену дома. Старуха, считая, что старик, войдя, немедленно убьет мальчика, вытащила из котла сваренные ею потроха и, держа их в руках, вышла навстречу своему старику и сказала: «Остановись, успокойся, вот какая еда у нас появилась». После того, как старик наелся, они пошли разделять лосиную тушу. Когда они пришли в то место и стали рубить тушу лося, птица сидела на лиственнице, стоящей рядом. Это оказался ястреб. Старуха обратилась к старику с вопросом:

— Как считаешь, можем ли мы назвать его *айыы*, ведь он спас наши души?

— Нельзя его называть *айыы*, все же сами *айыы* тоже существуют, давай назовем его божеством-покровителем за то, что он спас нас, выручил наши светлые дыхания, — ответил старик. После того они преклонили колени перед ястребом, прочли в честь него заклинание. Когда они кончили свою молитву, птица улетела. Затем от того мальчика произошел весь Эгинский наслег. Если бы они не нашли того лося, если бы ястреб не помог найти им того лося, то все они втроем умерли бы или съели мальчика. А он дал начало всему Эгинскому наслегу. Сейчас бы не было людей обоих Эгинских наслегов. Вот с той поры эгинцы стали называть ястреба своим божеством. Невестки эгинцев, если в пути встречались с ястребом и не были одеты в шубу с *тангалаем*, то прятая-

лись от него в овраге. Это они соблюдали обычай «кайииттии». Даже мужчины не смеют пугать ястреба, сидящего на дереве, громко не говорят, разговаривают шепотом, имени его не называют, не убивают. Если его убить, уничтожить, то он преследует, человек становится слепым, появляются незаживающие язвы на руках и ногах, умирают дети и другие родственники.

Когда он (ястреб) садился на лиственницу, эгинцы преклоняли колени, молились ему и заклинали оказать помощь.

Со слов Дмитрия Семеновича Бурцева, 78 лет, I Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 11 февраля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69. л. 121—123.

28. Ястреб и Аграфена

Якуты I Эгинского наслега Верхоянского района говорят, что ястреб — это их божество. Считая, что он способен мстить, не трогают его, не убивают. Есть, оказывается, большой *юёр* по имени Аграфена. Ее прародительница была эгинкой. Их было трое сестер, одна младше другой. Ястреба считают связанным с этой Аграфеной. Если ястреб прилетал и садился рядом с домом, то тревожились, предполагая, что приземлился, наверное, к несчастью.

Со слов Лаврентия Афанасьевича Новгородова, 64 лет, II Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 10 января 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 134.

29. О коршуне

По народным преданиям коршун в прошлом был женщиной. При отправлении свадебным поездом она имела собственную верховую лошадь и по обычаю должна была привезти новой родне в виде гостинца вареную конскую тушу с головой. Невеста все взяла с собой, но, когда прибыла к своему господину, обнаружила, что потеряла конскую голову. По традициям того времени это было большим позором, поступком, заслуживающим осуждения. Из-за этого позорного факта ее прокляли — «стань коршуном, постоянно ржущим по-конски». А по другим рассказам, коршуна называли младшим сыном «ржущего по-конски божества коней, великого Джесегея». В связи с этим старики пытаются запретить посягательство на жизнь коршуна...

Постоянное кружение коршуна в старину объясняли тем, что он безрезультатно ищет потерянную им конскую голову.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11 об.

30. Кусочек глины с перышками из гнезда скопы¹

В гнезде скопы, говорят, бывает кусочек глины с перышками. Размером с пятикопеечную монету, круглый и плоский. Его нельзя показывать посторонним.

Няма Николай с братом пригласили шамана (из Таттинского улуса) и попросили совершить камлание у гнезда скопы, находившегося на дереве в местности Дьяндакан. Затем дерево срубили и в гнезде нашли ту глину с перышками. Это были очень бедные люди. Они сильно разбогатели.

Этот кусочек глины с перьями бывает похож на комок, свалывшихся вместе перьев. Тот, кто находит его, должен стать очень богатым.

Из сборника материалов по верованиям А.А. Саввина. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 3, д. 301, л. 53.

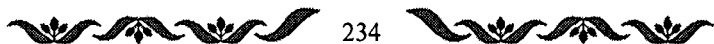
31. Божество Стерх

Древним божеством людей из Чыамайыкинского наслега Мегино-Кангаласского [района] является стерх. Поэтому они не стреляют в стерха, не убивают его.

Со слов Романа Заболоцкого, 64 лет, Хадарский наслег Чурапчинского района. Записал А.А. Саввин 24 февраля 1939 г.

32. Кукушка

По шаманским представлениям и потому, что она лишена гнезда, кукушка является птицей, предназначенной злым духам. В камланиях шаман подражает кукованию кукушки, призывая ее так же, как ворона и гагару. Они все имеют крючковатые когти, короче, относятся к разряду птиц, вредоносных существ. Когда весной кукушка кукует, сидя на заборе или дереве, засохшем или незасохшем, стоящим вблизи от дома, то полагают, что ее побудила какая-то беда, дыхание какой-либо нечисти. После этого живут в тревоге, думая, что пришел конец благополучной жизни.

А если весной кукушка закукует раньше обычного срока, то будет плохое лето, трава и хлеб не уродятся. Подобное же происходит, когда она продолжает куковать после Петрова дня¹. Тот год заранее считают худым. За свои грехи перед божеством кукушка лишена навеки права иметь свое гнездо. Народ придает большое значение указанным ее порокам, боясь, считает птицей, которую нельзя убивать... Однако, если обнаружат, что она, найдя гнездо трясогузки, выпила ее яйца и подложила свое, то тайком его выбрасывают из гнезда, разбивают... Также, когда она начинает куковать на заборе, застреливают ее, а в клюв вкладывают птичьи перья...

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 13—13 об.

33. Кукушка

Первый крик кукушки с радостью встречается якутами, и они с удовольствием передают друг другу, что вчера или сегодня, мол, кукушка куковала. По их поверьям, кукушке не нравится рост зеленой травы, тем не менее, чем больше она старается кричать, тем скорее растет трава.

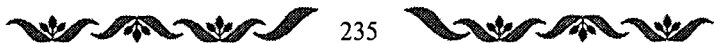
АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 213.

34. Почему кукушка перестала вить себе гнездо

Оказывается, по предписанию бога птички в нашем краю до дня Благовещенья¹ не должны вить себе гнездо и высиживать яйца. В старину кукушка вила себе гнездо, несла двенадцать яиц и пела все лето. Тогда она еще не нарушила предписание бога.

В один год кукушка прилетела очень рано. Когда стали появляться первые проталины, она свила себе гнездо и стала высиживать яйца. Тогда прибыло божество Благовещенья. Увидев, что кукушка уже снесла яички, Благовещенья бог вознесся на небо и доложил большому богу.

Боги устроили собрание и вынесли решение: «День Благовещенья должен быть днем, когда птички не должны вить себе гнезд. В день наступления этого праздника кукушка уже сделала себе гнездо и сидела на снесенных ею яйцах. За эту вину она впредь лишится своего гнезда, пусть сносит только два яичка в гнездо

других птичек, пусть она кукует только с Николина² до Петрова дня, а в другое время язык ее пусть стянется торчком кзади».

Торопливость кукушки привела к тому, что она лишилась гнезда и многих детей. Стала она носить яйца к трясогузкам, а с Петрова дня перестала куковать.

Со слов Гаврила Александровича Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевого района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г. [ЯС, т. 1, с. 97].

35. Как ворона стала черной

Давным-давно птица-ворона была, говорят, совсем белой. Она улетала осенью позднее любой птицы, а прилетала на юг, говорят, раньше всех. А весной она, отстав на юге от всех птиц, прилетала сюда до таяния снега, раньше всех птиц, оказывается.

Пролетая мимо разных птиц, она, будучи хвастливой, насмеялась над ними:

— Это вы только-то здесь летите? Как страшно вы медлительны! Меня называете жадной. Да сами вы, наверное из жадности, туда-сюда, вдоль и поперек летали, — говоря это, она летела дальше.

Прибыв так весною к прилету птиц, она, сидя на нижней ветви раскидистой лиственницы, говорит:

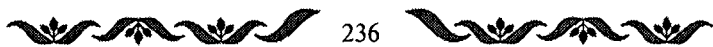
— Здравствуйте, племя летающих крылатых!! Почему вы так опоздали? Гостинцы двуногого съела я, а вам ничего не осталось. Милая моя родина встретила меня в этом году особенно хорошо. Я нагулялась-насытилась.

Ну, остальные птицы были очень сильно задеты этим. Они обещали ей любое вознаграждение, если она скажет причину быстроты своего полета, почему она вылетает позже всех, а прилетает раньше всех. Но она им ничего не сказала, даже отказалась отвечать. Тогда они собрались все вместе, обсудили и поймали ворону. Сказали:

— Ну, расскажи, почему ты так быстро прилетела? Если не расскажешь, то мы тебя накажем как нам угодно и все равно заставим говорить.

Ворона указала на свою шею и сказала:

— Не скажу ни за что. Лучше, не мучая меня, отрежьте мне голову.

Птицы бросили ворону в костер. Огонь опалил белые перья, они почернели. И снова спросили, но ворона совсем отказалась.

Так ничем птицы не смогли пронять ворону. Они ничего не слышали о том, почему она так быстро летает. Только у вороны изменилось оперение, почернела она. Ничто другое в ней не изменилось. Все равно она по-прежнему осенью улетает с опозданием, а весной прилетает рано и так же (как и раньше) продолжает стыдить других птиц.

Записал Михаил Григорьевич Наумовский, II Нахаринский наслег Мегино-Кангаласского района, 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 93—94].

36. Гагара

Однажды птицы устроили собрание. Начался втихомолку разговор о житье-бытье, о детях-родных.

Вожак птиц орел-птица¹ пришел и начал делить яйца собравшимся уткам, гусям, лебедям и другим птицам.

Самой первой в очереди стала самая большая из птиц — лебедь.

Орел-птица, встав, говорит:

— Этой лебеди будет достаточно два яйца, подойди, возьми!

Лебедь-бедняжка с недовольным видом, склонив голову, подошла и сказала:

— Столько-то?

— Твоя доля такая. Все! — ответил орел-птица.

Вторая очередь выпала гагаре.

— Этой гагаре за то, что она выдала Христа разбойникам, два яйца².

У гагары еще больше, чем у лебедя, прорвалась злость. Вскочив, она начала кричать.

— Столько-то? Столько-то? Я тогда умру!

— Твоя доля такая. Все! — ответил орел-птица.

Третья очередь выпала куропатке.

— Эта куропатка — самая лучшая моя птица. У нее холодная родина, поэтому ей даю двенадцать яиц. Подойди и возьми, — сказал. Куропатка обрадовалась, глаза загорелись, спотыкаясь и падая, она торопливо подошла и взяла яйца.

Оттого что куропатка взяла много яиц, гагара еще больше разозлилась, сильно возмутилась, вскочила, выдернула свой лук и стрелы, подняла крик и шум.

— Берегитесь, злодеи! Почему меня обижаете? Тогда уж пусть кто победит, берет много яиц, кто не победит, пусть мало возьмет! — сказала и выстрелила из лука в середину собравшихся птиц. Стрела пролетела со свистом и засела торчком между перьев крыла орел-птицы.

Орел-птица вскрикнул.

— Ай! Кто выстрелил, схватите его!

Собравшиеся птицы исполошились, поднялись. Гагара, шумно взлетев, торопливо собиралась выстрелить, но [чья-то] стрела пробила ей бедренную кость. Гагара-бедняжка, вскричав, упала на землю. Птицы повели гагару к орел-птице.

Орел-птица:

— С ума сошла, что-ли, чертовка! Теперь будешь так делать? — приговаривая, стала бить ее.

С тех пор гагара имеет два яйца, всю жизнь осталась на кривых ногах, по суше не ходит, стала водной птицей, говорят.

Со слов Марфы Степановны Григорьевой, Оленекский район. Записал Иннокентий Григорьев в 1943 г., пос. Оленек [ЯС, т. 1, с. 90—91].

37. Гагара ошейниковая

Гагара ошейниковая используется при камлании, когда шаман переправляется через воду смерти, находящуюся в Нижнем мире. Он превращается в гагару ошейниковую, ныряет и таким образом переправляется. Шаман при камлании призывает гагару ошейниковую вместе со своими духами-помощниками, поэтому приравнивают ее к злым духам, считают за грех употреблять ее в пищу. И сейчас молодые роженицы не едят мясо гагары. Табу наложено для того, чтобы дети не имели ступни, вывернутые, как у гагары; чтобы они в детстве не галдели бездумно, подобно гагаре. Ее причисляют к птицам злых духов из-за того, что у нее острый клюв, трудно ошипываемые перья...

Считая сородичами гагары ошейниковой, боясь подобно тому, как остерегались ее, не едят из птиц хохлушу и поганку ушастую из-за того, что у них схожи жесткость мяса, прочность пера, из-за отсутствия в лапках перепонок...

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 10 об.

38. Мартын (чайка-хохотунья), чайка (крачка)

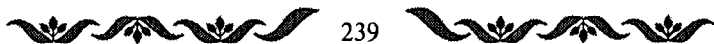
Мартын и чайка — птицы, которых шаман призывает, когда вселяет в себя духов-помощников и использует их в виде жертвы злым духам. Кроме того, про мартына существует нынче такая небылица. В глубокой древности мартын был девицей. Ее просватали за жителя Верхнего мира, и она отправилась к мужу. Каждая невестка обязательно должна была везти как гостинец *хаяк* (вид якутского масла. — Н. А.). Когда мартын-[девица] прибыла к своему господину, оказалось, что ее *хаяк* исчез. Это вызвало гнев новых родичей, они почли за стыд иметь такую невестку, прокляли ее и дали ей предназначенье стать духом, обитающим в Среднем мире и причиняющим глазные болезни. Сделали ее птицей белой, как *хаяк*, повелели всю жизнь искать свой *хаяк*, летать и кричать «хайааах». С той поры она превратилась в мартына и летает, крича «хайаах-хайаах». До сегодняшнего дня неизвестно, нашлось ли потерянное масло. Крачку признают родной сестрой указанного мартына. Считают ее птицей, которую шаманы используют в камланиях как жертву, верят, что трогать ее грешно, может быть взыскание, наказание.

Прежде всего их не должны кушать девушки и молодые женщины, чтобы дети не имели полые кости ног (без костного мозга. — Н. А.), голос резкий, как у чайки. Во-вторых, из-за того, что этими плохими птицами закрывают дорогу девяти смертей, в-третьих, потому, что они, являясь грешными, опасными, могут мстить человеку. Даже сейчас чуждаются этих птиц, не едят, весьма редки случаи добывания их и употребления. На самом деле не потому, что считают это грехом, как в старину, а, можно сказать, из-за отсутствия привычки. Ежели же кто-то и поел их, не слышно, чтобы с ним приключилось какое-нибудь несчастье, чтобы у него родились дети, говорящие, как чайки. Тем не менее среди старшего поколения этот миф распространен, рассказывается. В настоящее время верующих в это очень немного.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11—11 об.

39. Белая чайка — божество туматцев

Божество якутов Туматского наслега Усть-Янского района — белая чайка. В древности туматцы, по рассказам, плыли по морю и достигли берега потому, что поплыли вслед за чайками, просле-

див направление их миграции. В связи с этим сделали своим божеством белую чайку. Ее не убивают, мясо не едят, очень почитают.

Со слов Ивана Ивановича Томского, 47 лет, Туматский наслег Усть-Янского района. Записал А.А. Саввин 3 июля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 81.

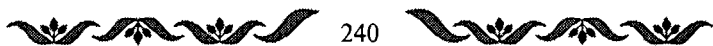
40. О журавле

Журавль — крупная птица. Она не садится на воду; гнездится на широких полянах, на моховых болотах, имеющих кочки; питается лягушками и ящерицами. Народ называет журавля проклинающей птицей. Когда убивают одного из пары журавлей, то он, по народному убеждению, улетает, прокляв убийцу на девять лет подряд. Несмотря на это, и в старину и нынче журавлей добывают и едят. Боязнь журавлиного проклятья исчезает и у старшего поколения, а молодому почти не известна.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12—12 об.

41. Болотная курочка

Болотная курочка такая же, как кулик, птичка. Она живет в трясины и имеет резкий, чирикающий голос. Она летает очень плохо, на весьма короткое расстояние. О болотной курочке в народе рассказывают: в древности, когда избирали господина над птицами, предложили избрать журавля. Болотная курочка высказалась против, к тому же попутно, как бы в дополнение, обругала его. Журавль оскорбился за это и сильно избил ее. Короче, едва жива осталась, поэтому она обратилась с жалобой к господину орлу — он присудил журавлю возить на себе с юга на север болотную курочку при весеннем и на юг при осеннем перелетах. С той поры по настоящее время, говорят, журавль при перелетах носит ее на спине. Если весной или осенью сбить журавля выстрелом налету, то вместе с ним падает, говорят, и болотная курочка. Еще есть обычай, запрещающий кушать мясо болотной курочки, так как при нарушении этого табу может заболеть верхняя часть бедренной кости. Некоторые брезгуют болотной курочкой из-за того, что она целиком состоит из скверного мяса, без твердых костей, и считают за это греховным употребление его в пищу. Те, кому приходилось убивать изредка болотную курочку, признаются, что у нее, действительно, нет костей. Хотя сейчас не считает-

ся за грех есть ее мясо, но не кушают, а если кто и кушал, то неизвестно, чтобы он страдал от болезни, разъедающей кости.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12.

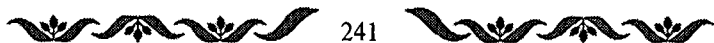
42. Черная лысуха

Имеется утка по имени *ураанай* (черная лысуха). Она совершенно черная, клюв ее похож на вороний, лапки не имеют перепонки, на ее лбу, в самом верху, имеется твердый нарост, похожий на сафьян. Эта утка любит гнездиться на широких полянах, где растет камыш. Свои яйца она откладывает на камышиной отаве. Человек, нашедший ее гнездо, может забирать яйца, оставляя каждый раз по одному. Все же берут только до сорокового яйца. Ежели не остановиться до указанного числа, то она сносит сорок первое яйцо без скорлупы, прокляв сгустком крови со своей спины. Не желая попасть под подобное заклятие, осторожничают, останавливались заранее. Такой промысел существовал лишь в прошлом. Нынче у народа и времени нет, и из-за засухи высохли озера, лысухи тоже поэтому не несутся, а если и сносят яйца, никто не занимается их сбором. В связи с этим только в преданиях рассказывается, что лысуха сносит столь много яиц, а если заставить снести сверх ее возможностей, то проклинает, оставив на яйце сгусток крови со своей спины. Это — исчезающее поверье.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12 об.

43. Происхождение кроншнепа

Кроншнеп — это птица, имеющая длинный клюв, сама совершенно желтого цвета, а ее крылья и хвост очень красивой расцветки. Она прилетает весной одновременно с турпанами. Эта птица, говорят, появилась в результате того, что исчезла беременность одной тунгуски, ее плод превратился в кроншнепа и улетел. Про это было предание: в старину дочь одного тунгуса, будучи беременной, отправилась в лес рубить дрова. Там отвалилась верхушка листвяшки и упала на голову женщины. Она вскрикнула: «Ух татат!» — и внезапно шлепнулась на зад. В результате у нее от испуга исчезла (улетучилась) беременность. А этот будущий мальчик превратился в кроншнепа и улетел. Он кричит: «Стрелочка

моя, копьё мое, собака моя-собака моя!» Про это говорили, что он так называет свое охотничье копьё, собаку и стрелу. Поэтому, считая, что у беременной женщины может «улететь плод», остерегались пугать ее внезапно.

Со слов И.Г. Игнатъева. Записал С.И. Боло. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, л. 19, л. 16—16 об.

44. Кроншнеп (дождевой кулик)

Весной прилетает очень поздно, осенью улетает рано, размером с голубя, голос у него очень резкий. Они усиленно перекликаются, если скоро пойдет дождь. Вот такая птица есть — кроншнеп (дождевой кулик). Этот кулик гнездится и сносит яйца здесь, на якутской земле. Он любит садиться, кормиться и ходить на парах. Эту птицу считают младшим братом духа-хозяина леса Бай Барылаха, подателя удачи. Имя его Кроншнеп-бегунец. В связи с этим, чтобы не обидеть, не оскорбить Барылаха, говорят: «Разве мы станем убивать его младшего родного брата!» Человек, который убил этого кроншнепа, на всю жизнь должен потерять добычу темного леса, поэтому, остерегаясь этого тяжкого, нерушимого проклятья, не убивают.

И сейчас и молодые, и старые охотники почитают его, не убивают. Только малые дети, совсем юная молодежь стреляют и убивают его. Так что и теперь верят в это и почитают его. Кроншнеп летает очень резво и быстро, всех зверей и птиц догоняет и обгоняет. Вот почему в заклинаниях Баай Барылаху говорят: «Дух-хозяин обгорелой, черной тайги, господин мой дедушка с конем, Кроншнеп-бегунец, преподнеси мне добычу». Поэтому кроншнеп является широко известной всем охотникам якутского народа птицей, духом-хозяином тайги.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, л. 652, л. 14 об.

45. Кулика не убивают

Вот, имеется птица, называемая черный кулик. Он кричит: «Ёбюс-чёчёёк, тоойуу-тёбю!»¹. По преданиям, в старину семилетняя девочка из-за беременности стала куликом и улетела.

Вот, давным-давно, семилетняя девочка стала беременной, и у нее это становилось все заметнее. В те времена полагали, что если девочка, ставшая беременной в таком раннем возрасте, оку-

нется в прорубь, то ее «плод улетит». Она, конечно, слышала про это. Девочка пошла к проруби, окунулась и, когда вынырнула, оказалось, что беременность исчезла. А девочка, говорят, превратилась в черного кулика и улетела. Поэтому он приговаривает: «Ёбюс-чѣчѣёк, тойуу-тѣбют!» В связи с этим его не убивали, считали грехом, оказывается. Девочка из-за того, что превратилась в кулика, лишилась возможности вступать в интимную связь, поэтому от огорчения плачет с такими словами.

Со слов С.Г. Игнатьева, 54 лет, II Кулятский наслег Виллойского района. Записано 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 15 об. — 16.

46. Рябчик

Говорят, в древности рябчик был громадной птицей. Он ничего не боялся, питался на каждом облюбованном им месте, а наевшись, с шумом улетал.

Однажды, когда старик бог¹ спал, раскинувшись в тенистом месте, рябчик, поевши около него, с шумом полетел. Испугавшись этого шума, старик бог проснулся с криком и трепетом. Вставши, разгневанный бог наказал рябчика, взял мясо с его груди и распределил его между другими птицами. С тех пор рябчик совсем уменьшился, а у других птиц в груди появились слои белого мяса.

Со слов А.И. Никифоровой, 56 лет, Качикатский наслег Орджоникидзевого района. Записал Г.У. Эргис в 1935 г., местность Курунг-Качикатцы [ЯС, т. 1, с. 95].

47. Куропатка

В глубокой древности куропатка¹, как и другие птицы, улетала зимовать в южные страны, говорят. При этом она летала плохо, поэтому то там, то тут садилась отдыхать. Этим она очень задерживала своих друзей, остальных птиц. Не влюбя ее за это, однажды осенью птицы не взяли ее с собой на юг. Куропатка осталась зимовать здесь.

Весной, когда вернулись птицы и посмотрели, оказывается, куропатка похорошела и видом, и опереньем, даже обулась в теплые камусы. Она настолько насытилась и ожирела, что у ней даже глаза покраснели. Встретив друзей, она сказала:

Хап, хап, хаап!
Хотя вы улетели,

Оставив меня одну здесь,
А я пополнила-ожирела!

С тех пор куропатка постоянно зимует здесь.

Со слов А.И. Никифоровой, 56 лет, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в ноябре 1935 г., местность Курунг [ЯС, т. 1, с. 96].

48. Тетерев и шука

Тетерев¹ и шука сражались, стреляя друг в друга из лука. Тетерев стрелял сверху и попадал стрелой в спину шуки. А та стреляла снизу и ее стрелы попадали в ноги тетерева.

Те стрелы до сих пор держатся у одного на спине, а у другого на ногах.

Со слов А.И. Никифоровой, 56 лет, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в ноябре 1935 г., местность Курунг [ЯС, т. 1, с. 96].

49. Дятел и богатырская трава¹

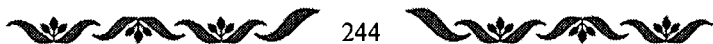
Весной, во время заморозков, найдя гнездо дятла с птенцами, в утреннюю пору забивают вход в него крепким клином. Затем кладут темную подстилку под деревом и прячутся неподалеку. Когда дятел прилетит, то попытается продолбить, но не сможет и улетит. Вскоре он вернется, быстро протолкнет затычку, а вниз обронит траву. Человек, лежащий в засаде, должен разжевать ту траву и проглотить. Тогда он станет очень сильным человеком. Если он не способен вместить мощь травы, разорвется вся его кожа.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

50. Эсэжээн

Старые охотники по пути к месту промысла в тайге убивали встретившихся им рыжую белку или кукушку (сойку-ронжу). Они становились для охотника *эсэжээн*¹.

Со слов Н.А. Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 4 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 54.

51. Табу на крупную дичь и зверей

Случайная встреча с большими зверями или птицами не дает права стрелять в них — *айы* (грех. — *Н. А.*). Нарушение наказывается смертью человека или скотины. Даже нечаянно попавший в петлю (силки. — *Н. А.*) журавль или аист считается несчастьем; последствие — то же.

АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 28.

52. Маяты

Названные маятами поселились на Оленеке. Эти люди мастерски охотились на диких оленей. Так, охотясь, они сделали лабаз¹, чтобы хранить излишки.

«Разве эту [речку] прославили Оленек, Оленек! Ни в одной из ее излучин не уместится даже одному человеку», — говорили они.

А песен и танцев было много у них, у сытых людей. Местность Этиэбин сделали они местом своих танцев. Видимо, это просторная, хорошая поляна. Местность, говорят, получила название от того, как они сказали: «Место, где мы любили распевать, пусть же называется Этиэбин! (досл. — Я скажу)».

Эти люди, значит, всегда вдоволь питались дикими оленями. Так, охотясь, они изловили одного оленя (живьем). Содрали с него всю шкуру вплоть до камусов, не разрезая кровеносных сосудов. Затем его отпустили оголенным и смотря на то, как он убежит, покатались, говорят, со смеху, падая то навзничь, то на спину. Потом опять поймали одного дикого оленя и, чтобы посмеяться, отпустили, выколов ему глаза. После этого дикие олени перестали попадаться им. Этим людям пришла участь испытывать недостаток в еде, стали они голодать. От голода решили они идти к своим лабазам. Когда они пришли к лабазам, то лабазы все уходят от них дальше², никак их не догнать. Выбиваясь из сил, они стали стрелять. И от выстрелов не умирают [лабазы], деревянные же они. Все они умерли от голода на одной излучине Оленека.

То ли остатки тех или других, то ли маяты, то ли русские прибыли сюда и истребили жителей этой местности. Упустили только одного человека. Этот человек и мысли не допускал, чтобы разлучиться с этим бабушкой-озером³. Он трижды пробежал вокруг этого озера (убегая от маятов). Дойдя до предела, он прыгнул через речку Бурдаах. Когда он, прыгнув, начинал падать, про-

стрелили ему толстое сухожилие ноги. «Оказывается, не нашлось того, кто называется духом-хозяином вселенной, не взял он их», — сказав так, умер этот человек.

После этого спустя столько-то времени⁴ маяты переходили на другой берег через мыс Очуоса⁵. Вдруг, когда они почти достигли противоположного берега, они наткнулись на бивень мамонта. «Вот как, нашелся ведь клад», — стали говорить. И начинают раскапывать, чтобы достать клад. Когда докопались до середины [льда], выступила кровь. И вот продолжают рубить [лед], спустившись в углубление. Затем, пытаясь выдернуть [бивень], все провалились под лед. И оттуда они не смогли выплыть.

Со слов М.И. Еспека, 64 лет, Илимпийский район Эвенкийского национального округа Красноярского края. Записал Н.В. Емельянов 6 апреля 1959 г., пос. Ессей [ИПРЯ, ч. 2, с. 78—79].

53. Предок медведь

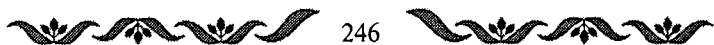
В древности в Юрюнгейском наслеге¹ Момского района одна семья имела двух дочерей. В то время люди съедали своих дочерей. После того как съели одну из девушек, другая подумала: «Все равно меня съедят», — испугалась и убежала в лес, неведомо куда. Ее поймал медведь, поселил в берлогу и сделал своей женой. Медведь зимой вместо пищи давал этой женщине лизать свою лапу. Летом же кормил ее тем, что добывал охотой.

Однажды младший брат девушки обнаружил ее следы и по ним нашел берлогу, в которой находились медведь и женщина. Он убил медведя, а сестру привел с собой. Сестра его, оказывается, вся обросла волосами. У нее родился ребенок, обросший волосами. С той поры люди из Юрюнгейского наслега поклоняются медведю. Люди Юрюнгейского наслега медвежатину не едят, на медвежьей шкуре не спят.

Со слов А.И. Слепцова, 50 лет, Абыйский наслег Абыйского района. Записал А.А. Саввин 30 марта 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 91—92 об.

54. Месть медведя

Божество людей из Юрюнгейского наслега, находящегося в Моме, медведь. Говорят, что их женщинам нельзя кушать медвежатину. Один путник, проезжая ночью, сварил медвежатину и поел. Часть супа он оставил в ведерке, в котором сварил свою

медвежатину. Затем повесил ведро на верхний угол печки и уехал. Утром хозяйка проснулась, поднялась и случайно засунула руку в то ведро. К руке прилип жир, и она его положила в рот — попробовала. Та женщина умерла, оказывается. Так рассказывал один старик с Момы.

Со слов Н.И. Николаева, 98 лет, Янский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 1 марта 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 120.

55. Медведь

В старину медведь был женщиной, ни разу не выходявшей замуж. Она имела нарядную, украшенную одежду. Однажды она сказала: «Что же будет, если начать бродяжничать, ходить без всякой цели? Пожалуй, я уйду бродяжничать». Произнесла и отправилась бродяжничать, надев свои украшения. Так, бродяжничая, она, обросши шерстью, превратилась в медведя. Она стала поедать людей, вела себя так же, как злые духи. За это ее убили.

Если женщина встретит в лесу медведя и испугается его, то должна оголить и показать ему грудь. Тогда медведь ее не задирает, уходит.

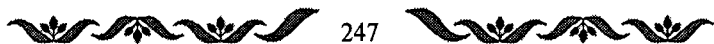
Медведь, если снять с него шкуру, совершенно схож с женщиной. Похожи груди и часть тела ниже талии.

Здесь на Яне женщины медведя называют «бабушка». Мужчины называют «дедушка», «лесной зверь». Янские женщины совсем не едят медвежатину. Часть старушек и женщин не разрешают в своем доме даже варить медвежатину. Нынче, если какая-нибудь женщина покушает медвежатину, то сильно осуждают ее, презирают и бранят. Мужчины перед тем, как кушать медвежатину, каркают по-вороньи.

Со слов А.С. Слепцовой, 92 лет, Суордахский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 27 декабря 1939 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 71.

56. Охотник и медведи

Моим предком был, оказывается, человек по имени Наахара. Этот человек имел рост всего один метр. Ему исполнилось двести лет. Старика никто не обижал в течение всей его жизни. Он сам был знаменитым охотником. В конце жизни у него выпали зубы, стал он ходить, согнувшись, опираясь на тросточку.

Однажды осенью, когда снег уже становился хрустким под ногами, на старика стремительно накинудись два медведя. Один из них — полосато-пегий, другой — красновато-белый.

Увидев это, старик сказал: «Я человек, добывший около двухсот медведей. Как жаль, что нет со мной моей пальмы! Неужто вы пытаетесь меня съесть?» После чего отбросил свою тросточку, схватил их за шиворот и убил, ударяя друг о друга.

Он перекинул обоих медведей на плечи и, опираясь на тросточку, принес домой. Тут он сказал: «Старуха, вот убил двух медведей. Их мяса я поем, наверно, только один раз. Видимо, это последний мой гостинец, поэтому я умру».

«Э-э, зачем же ты убивал, пожил бы еще долго», — ответила старуха. На следующий день старик умер.

Со слов Е.Г. Герасимова, около 80 лет, Магасский наслег Верхневелиюльского района. Записал Н.А. Алексеев 17 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 137—139.

57. Вода *самы*¹

Жидкость, называемая водой *самы*, образовывается в походе на оболочку желчи мешочке, находящемся между шкурой и тушей умершей скотины или медведя. Мешочек с той водой отрезают целиком и сохраняют. Когда нуждаются в прохладе, ту воду выпускают из мешочка. Тогда оттого, что уронили *саму*, наступает ветреная погода. Например: если к моменту возвращения таежников (в июне) установится очень жаркая погода, то напускают *саму* на 7—9 дней, в течение которых будет дуть сильный ветер. Местные жители про подобные факты говорили, что, видимо, идут охотники, наступила буря охотника. (Согласно обычаем, брызгают вокруг этой водой *самы*, заклиная ветром стать вместе с ветром, бурей быть вместе с бурей.)

Или еще *сата* бывает изредка в медвежьей шкуре. Зимой, когда надо веять лопатой зерно, а стоит совершенно тихая, безветренная погода, хлещут медвежьей шкуру пестрым прутом из тальника (снимают с него полоски коры. — Н. А.). При этом приговаривают: «Шкура черного медведя, стань обширной бурей, шкура белого медведя, стань продолжительной бурей, шкура светлого медведя, стань белым вихрем». В таком случае менялась погода.

Со слов Г.И. Ильина, 63 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45—45 об.

58. Божество Волк¹

В старину жителей Бетюнского наслега Намского района дразнили: «Бетюнцы-волки, имеющие божеством волка, семь раз обещавшего пустую яму». Он вот за что стал их божеством. Предки бетюнцев, когда застряли из-за ветра на речном острове, заголодали, стали помирать, но спаслись тем, что нашли волчьи запасы. Он заквасил рыбу в яме, натаскал коренья, пригодные для похлебки, вот этим бетюнцы прокормились в то время и остались в живых. Поэтому признали волка своим божеством, полагая, что он их спас.

Со слов П.Ф. Саввина, 49 лет, II Ситтинский наслег Кобяйского района. Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 46—46 об.

59. Лиса и огонь

Убитой лисице, прежде чем внести ее в дом, завязывают голову платком или укутывают шапкой и потом уже вносят, потому что она враждебна огню и, посмотревши на огонь, не станет попадаться на самострел. Если охотник не встретит на дворе никого, кто бы пошел и дал знать домашним о добыче, то он сам, подошедши к дверям своего жилища, несколько раз медленно стучит в дверь. Хозяйка дома обыкновенно догадывается, в чем дело, и бросает в огонь ложку масла. Потом устраивают пирушку, например, варят *саламат* или убивают мелкую скотину, а то и большую, смотря по ценности лисицы.

Некоторые охотники снимают шкуру с убитой лисицы ночью после того, как все уснут.

АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 213.

60. Лиса и налим

Лиса с налимом¹ жили по соседству. Одна — в лесу, другой — в воде.

Налим говорит:

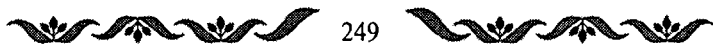
— Я с лисой побегу наперегонки.

Лиса:

— Ну, и я побегу наперегонки, — говорит.

Суд зверей решил:

— Бегите же.

Итак, побежали, один — водой, другая — лесом. Разбежавшись, обегая озеро, лиса кричит:

— Налим, где ты?

Перед ней на мысе налим:

— Ооп! — отвечает.

Лиса снова бежит. Пробежав, опять кричит:

— Налим, где ты?

Перед ней на мысе:

— Ооп! — отвечает.

Лиса устала, проголодалась, стала изнемогать. Едва не умирая, еле двигаясь, она присела на задние лапы, выпрямилась торчком:

— Налим, — говорит она.

Опять перед ней, на мысе:

— Ооп! — отвечает тот.

Тогда лиса, сказав: «Налим — обманщик», — пошла жаловаться в суд.

Когда она пожаловалась, суд сказал таймень-рыбе:

— Собери своих людей!

По кличу тайменя на мысе собралась уйма щук, налимов, окуней и прочих рыб.

Они сказали суду:

— Вот, мы собрались.

Посмотрели на лису: ни мяса, ни сала нет, к костям кожа прилипла (чего ради сама-то она бегала наперегонки до такого состояния).

Суд сказал:

— О, пожалуй, лиса права. — Затем добавили: — Из такого множества рыб хоть одна, наверное, знает.

Щука, встав, говорит:

— Позвольте мне сказать.

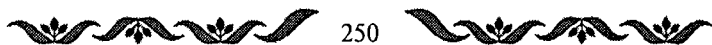
— Ну, говори же, — разрешили.

— Налим перед началом бегов других налимов поставил на мысы, а сам после этого лег.

— Тогда давайте его судить, — решили.

Все проголосовали судить налима. Стали его сечь изо всех сил. Когда его секли, хвост его сплющился, мяса не стало, оно сохранилось лишь у головы.

Налим говорит:

— В будущие века, когда появятся люди и скот, они нигде не найдут у меня съедобного мяса. Чем будут люди питаться, чем пользоваться?

Суд постановил-приговорил:

— Налим говорит правду, — сказал судья. — Таймень, у тебя есть мясо, твоя печень тоже хорошая, от нее жир и масло получают. Поэтому ты должен отдать свою печень налиму, а печень налима взять себе.

Раз суд постановил, что поделаешь — обменялись.

С тех пор у налима большая голова и большая печень.

Со слов М.И. Эспека, 64 лет, пос. Ессей Эвенкийского национального округа Красноярского края. Записал Н.В. Емельянов в марте 1959 г. [ЯС, т. 1, с. 51—52].

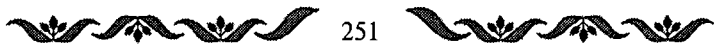
61. Как почернел кончик хвоста у горносталя

Это было время, когда все теперешние звери, гады и насекомые уже стали сами собою. Но по количеству их было мало, говорят. В то время теперешний горносталя был совершенно голубой с темно-рыжим оттенком.

Неожиданно наступила лютая, трескучая, холодная зима. Все звери знали, что посреди леса жил в деревянном доме старик Заячий Желудок. С шестка старика никогда не сходила кипяченая вода для питья.

Горносталя, умирающий от голода, поднялся на дымовую трубу и сидел, греясь. В тепле ему захотелось спать, он задремал. Старик, входя в дом, хлопнул дверью. Испугавшись этого шума, горносталя сорвался в трубу и шлепнулся в кипящую воду. Услышав вопли горносталя от сильного ожога, старик Заячий Желудок вытащил его; горносталя стал голеньким, еле душа держалась в теле. Одинокий старик, стараясь найти компаньона, стал за ним ухаживать, оберегать его. Горносталя, как и всякое животное, вскоре ожил, поправился. А темно-рыжий цвет исчез. Зато выросла белоснежная шерсть без единого пятнышка, и стал горносталя белым, как молоко.

Старик и горносталя прожили вместе довольно долго. Горносталя ел готовое из добычи старика. Однажды старик открыл ящик с маленьким запасом масла, который он очень берег, и увидел следы зубов, давно уже изгрызших почти все масло. Старик рассердился так сильно, словно в него вселился некто с кривыми рога-

ми¹, разум его помутился, словно каша. Подумав, он сделал вид, что уходит на охоту, а сам остался, спрятавшись за деревом. Горностай, вытянув шею, посмотрел в разные стороны, а потом залез в ящик и стал догрызать оставшийся маленький кусок масла.

Старик бесшумно схватил обугленную палку и пошел, чтоб прихлопнуть вора. Горностай, чуткий из чутких, почувал опасность и бросился бежать. Старик с криком ударил его палкой. Но горностай увернулся и удар пришелся только по кончику хвоста. Бедный старик остался ни с чем, говоря: «Погоди, погоди, черный разбойник! Все-таки я пометил твою чистую белизну».

Кончик хвоста у горностая, по которому ударил старик, покрылся черной шерстью или от того ранения, или от сажи, но не стирается до сих пор. С этого времени горностая зовут «зверек с отметиной».

Записал М.Г. Наумовский, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района в 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 66].

62. Как ласка осталась без хвоста

Ласка из рода горностая. Когда-то у нее был прекрасный пушистый хвост. Она была очень шустрым, пронырливым зверьком, как говорят: «На кончике кола девять раз повернется»¹, в своей норе не смогла спокойно усидеть.

Будучи вот такой, шутя-играя, она угодила в капкан охотника по самое основание хвоста. Подергала — было очень больно. Когда она сидела так, послышалось кряхтение охотника, шарканье его ног, и тут же возникла его фигура. Попробовала потянуть — стало больно, притворилась она мертвой.

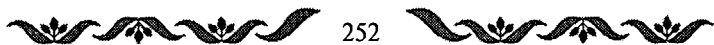
Охотник (всех хитростей ему не разгадать) разрядил капкан, отложил добычу и начал снова заряжать [ловушку], а ласка ускакала. Старик погнался и придавил ласку ногой. У нее оторвался хвост в том месте, где его защемил капкан и остался у старика.

С тех пор хвост у ласки стал коротким.

Записал М.Г. Наумовский, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района, октябрь 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 67].

63. Отплатить добром за добро

Давным-давно в восточной тайге жил один очень бедный тунгус, имевший жену и двоих детей. Тунгус, оставив свою семью в чуме, ушел на несколько дней охотиться в дальние места. Женщи-

на и ее двое малых детей съели крошечные остатки мяса, имевшиеся у них, и легли спать. Эту ночь они переночевали очень хорошо, ничего не увидели, ничего не почувствовали. На следующий день женщина затосковала, с нетерпением ждала конца зимнего дня, сидела, согнувшись, в чуме, держа детей на руках. А днем, когда солнце перевалило за полдень, она попыталась выйти из чума за дровами. Оказалось, что посреди двора лежит страшный зверь, имеющий очень большую гриву, спереди — густошерстый, сзади — гладкий, хвост его длинный с кисточкой на конце. Женщина, испугавшись, юркнула в чум. Когда она, через время, за которое можно сварить мерзлое мясо, приоткрыла дверь и поглядела, оказалось, что зверь лежит, еще больше приблизившись. Затем, спустя довольно много времени, она захотела приоткрыть дверь и взглянуть, оказалось, что зверь уже лег поперек выхода и придавил дверь. Женщина, страшно испугавшись, взяла под мышки обоих детей и сидела, не имея никакой пищи. Завечерело, наступила ночь. Вдруг тот зверь, мурлыча очень приветливо, приоткрыл дверь покрытого шкурами чума и просунул переднюю лапу. И вот когда женщина внимательно присмотрелась в неярком свете своего очага, то увидела, что на передней лапе зверя торчит вилообразный наконечник самострела. Женщина раздула поярче свой жалкий огонек, подошла и поглядела, действительно, в лапе находится вилообразный наконечник стрелы. Лапа опухла так, что вздулась. Женщина тут же осторожно выдернула наконечник и высосала из раны весь яд (видимо, гной. — *Н. А.*). Зверь же, как будто это ему понравилось, просунул лапу еще более во внутрь чума. Вот, закончив, женщина очень хорошо погладила лапу туда и обратно. Тут же зверь выдернул свою лапу и направился прямо на восток. Когда тот охотник после трехдневной охоты возвращался без какой-либо добычи, тот зверь, который лечился у женщины, поймал и отдал ему черную лисицу с солнцем (с белой отметкой) на груди. Охотник, обрадовавшись так, что его ноги не чували земли, прибежал домой и бросил лисицу своей жене. Затем оба успокоились, выяснили в разговоре, что черную лисицу специально им преподнес тот зверь, который лечился у женщины.

Это значит, согласно поверьям, что царь зверей, случайно попавшийся на орудие лова, отплатил черной лисицей за ту доброту, ласку, благодаря которой спасся.

Со слов И.И. Платонова, 74 лет, 1 Нахарский наслег Мегинно-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 23—24.

64. Летучая мышь

Находят и убивают бабочку злых духов¹ (кожаное крыло), имеющую золотистый узор, и, назвав ее своей диковинкой (предметом, обладающим магическим свойством. — *Н. А.*), пришивают к вороту шубы. Проигрывая в карты, они чмокают с резким свистом, тогда непременно выигрывают, оказывается. Все их карты обязательно ложатся удачно, они должны, оказывается, жульничеством приобрести беспредельную сумму денег.

Со слов М.Г. Наумовского, П Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

65. Рыбы, гады

Сотворив мир, Господь Бог создал человека, скот и других одушевленных животных.

Подражая ему, старик Сатана, передвигаясь под землей, тоже создал в воде рыб и пресмыкающихся гадов.

Увидев это, Бог благословил воду крестным знамением, отчего на голове рыб образовались кости в виде креста. С тех пор люди стали есть рыбу.

Старик Сатана пресмыкающихся гадов зарыл в землю, спрятал от Бога. Поэтому люди стали брезговать гадами.

Со слов Г.А. Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г., местность Хоптолоох [ЯС, т. 1, с. 102].

66. Волшебная кость лягушки

Очень редко встречаются, говорят, две лягушки, слипшиеся друг против друга. К ним нужно подойти, обойдя их с солнечной стороны, посадить на ладонь, принести и положить в берестяной кузовок. Его нужно накрыть крышкой, затем необходимо концом острого ножа повертеть дырочки так, чтобы он стал похож на сито. Вот, после этого кладут кузовок в огромную муравьиную кучу. Тогда по множеству дырочек в кузовок проникают муравьи и съедают лягушек. В тот момент лягушки должны страшно закричать. Для того чтобы не услышать тот вопль, человек, положивший кузовок, как можно крепче затыкает уши и убегает изо всех сил. Если во время бегства он услышит тот вопль лягушки, то умрет или сойдет с ума. Человек, сунувший в муравейник кузовок, при-

ходит к нему позже — через 7 или 9 дней. Когда он откроет кузовок, то обнаруживает две совершенно чистые кости: одну в виде крючка, другую — похожую на вилы (якутские вилы имеют два зубца — один длинный, другой короче. — *Н. А.*). Те кости берут, заворачивают в тряпицу и носят с собой. Если той костью, которая похожа на крюк, владелец притянет к себе что-нибудь, то приколдовывает его, а если оттолкнет костью, похожей на вилы, то чары рассыпаются. Есть рассказы, что такими волшебными костями лягушки пользовались изредка люди в старину.

По сообщению Г.И. Ильина, 63 лет, 1 Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45 об.

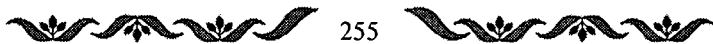
67. Волшебные кости лягушки

Подобное приобретают только картежники, которые хотят выиграть побольше у людей и разбогатеть. Ловят то ли двух-, то ли трехголовую лягушку, засовывают в муравейник и убегают. Нельзя слышать предсмертные вопли лягушки, если услышишь, то станешь совершенно глухим человеком. Позже, через несколько дней, когда решат, что муравьи съели лягушку, приходят и из найденных костей выбирают кость с крючком на одном конце, с развилкой, напоминающей вилы — на другом. Если концом кости, похожим на крючок, притянуть к себе женщину, богатство или карты, то женщину приворожишь к себе, и она будет сама гоняться за тобой; в карты станешь выигрывать, а богатство пристанет навеки. Если же их оттолкнуть в сторону от себя развилыстым концом, то женщина берет развод, богатство кончается, в карты проигрываешься. Говорят, что такую кость находит в верховьях речек только парень, которому предназначено полное счастье. Ту кость должны хранить в тайне от всех, на самом дне бумажника. Никто из двуногих об этом не должен ни знать, ни подозревать. Кость необходимо положить, полностью предохранив от порчи.

Со слов М.Г. Наумовского, 11 Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

68. Змея и золото

Как рассказывали люди, две змеи — самец и самка, обитали в нашем крае на острове озера Тысылык, находящегося на территории I Тылгынинского наслега. Их видели лет десять назад.

Люди из экспедиции, прибывшие в то время, сказали про змей: «Самец имеет длину восемь метров, лежит на глубине девять метров». Если бы туда докопаться, то можно спросить у змей, где имеется золото.

Они, наверно, и сейчас находятся там же.

Со слов П.Л. Львова, 77 лет, Магасский наслег Верхневилуйского района. Записал Н.А. Алексеев 16 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 23.

69. Собака и медведь

Бог создал сначала собаку, а потом медведя. Собаку он сделал слабой, но умной, а медведя — сильным, но слабоумным.

Как бы ни был медведь силен, было много такого, чего он не мог одолеть, чего он боялся. Мог бы он все вырвать и разодрать, но не мог этого делать, так как не имел большого пальца на лапе. Однажды он пришел к Богу и попросил сделать ему большой палец¹.

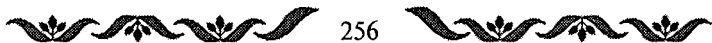
И тут же собака сказала: «Если ты дашь медведю большой палец, то мне дай ружье».

Бог, поразмыслив, сказал: «Если у медведя будет большой палец, то он разрушит весь мир; если у собаки будет ружье, то она перестреляет все живое» — и не дал медведю большого пальца, а собаке ружье.

Со слов Т.Е. Кириллина, 84 лет, I Нахаринский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в октябре 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 106].

70. Лютая собака и дух, причиняющий болезни детям

Семья, имеющая болезненного ребенка, приобретает громко лающую лютую собаку. Ее называют другом ребенка, приучают держаться около него, спать вблизи его кровати. К такому средству прибегают в тех случаях, когда наносит порчу мелкий злой дух, называемый «неотвязным малым», или предыдущее дитя умерло некрещеным, или в том случае, когда наслали какого-нибудь мелкого злого духа слабые шаман или шаманка. «Неотвязчивый малый» не может причинить болезнь взрослому, беспокоит, заставляет болеть только детей младше семи лет, он заставляет их

играть с собой, смеяться, безумствовать и т.п., и хотя он крепкого ребенка не убивает, но мучает его. С неотвязчивым злым духом могут справиться не только шаман, шаманка и *мэнэрик*, но и человек с грозным обликом, острым взглядом и языком.

Записал П.Т. Степанов. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4 об.

71. Доля собаки

В старину хлебный колос был очень длинным, от самой черной земли до верхушки стебля росли зерна, говорят. Все это испортила одна пресытившаяся женщина, она утирала зад своего ребенка хлебным колосом.

Бог увидел это и страшно разгневался, решил отнять обратно свой дар, данный людям. Тогда собака стала просить: «Хоть оставь мою долю», — плакала-голосила она. Бог, вняв просьбе собаки, оставил несколько семян на кончике стебля.

Таким образом, мы едим долю собаки.

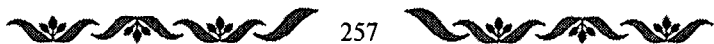
Со слов Г.А. Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевого района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г., местность Хопголоох [ЯС, т. 1, с. 106—107].

72. Сука, ставшая божеством

Божество рода Ыйылас, живущего в Оросунском наслеге, сука. Предок того рода Ыйылас, идя с реки Чара, остался без припасов. Когда он замерзал и близок был час смерти, собака, которая следовала за ним, принесла ему огниво с трутницей, ранее принадлежавшую человеку, погибшему при сражении (в этих местах. — *Н. А.*). Им предок Ыйыласа разжег огонь и спасся.

До сих пор люди бранятся — «Ыйыласцы, имеющие божеством собаку». Имя человека, для которого божеством стала собака, Нокоочук. Он завещал: «Когда я находился при смерти, божеством-покровителем стала собака, поэтому, если будете отправляться в дальний путь, берите с собой обязательно свою собаку». В старину ыйыласцы никуда не шли без собаки. И сейчас они к собакам относятся хорошо, содержат как членов семьи.

По сообщению Ф.Н. Тимофеева, 78 лет, Оросунский наслег Верхневилуйского района. Записал А.А. Саввин 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 2, д. 69, л. 52—52 об.

73. Жеребец и бык-пороз (Как зима стала длиннее, а лето короче)

Сотворив мир, Бог спросил человека: «Как мне сделать: зиму длинной или лето продолжительным?» На это человек ответил: «Спроси у моих друзей, жеребца и быка-пороза, пусть будет так, как они скажут».

Бог обратился с вопросом к жеребцу: «Ты как хочешь, чтоб зима была длинной, или желаешь, чтоб лето стало продолжительным?» На это жеребец ответил: «Я желаю, чтоб лето было длинным, зимой очень мерзнут мои ноги в копытах».

Потом бог спросил быка-пороза: «А что ты скажешь, зиму ли сделать длинной или лето сделать продолжительным?» Бык ответил: «Ты удлини зиму, у меня в летнюю жару мокнет нос».

Тогда Бог зиму сделал длинной, а лето коротким.

Рассердившись, жеребец лягнул быка в нос и выбил ему верхние зубы. Бык-пороз боднул жеребца в бок и проткнул ему желчь. И с тех пор у лошадей нет желчи, а у рогатого скота передних зубов.

Со слов Г.А. Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г., местность Хоптолоох [ЯС, т. 1, с. 107].

74. Конь Тыгына¹

Тыгын имел много войска, его воины были вооружены луками и мечами. Когда он был в силе, имел двести человек, держащих мечи. (Рассказчик употребил на этот раз слово «батыя» — большой охотничий нож на длинной ручке.) Он был повелителем якутов. Кто не повиновался ему, всех тех убивал. Местожителство его было над озером Сайсары. Его боевой конь кроваво-красной масти, когда чуял предстоящую битву, поднимался на вершину Чучур-Мураана (красивая сопка над озером Ытык-Кюел, недалеко от г. Якутска) и, стоя там, бил передними и задними ногами.

В то время в Намцах жил славный человек, который имел знаменитого коня. Тыгын приказал своим сыновьям, если он не изъявит покорности, убить его, если же подчинится, то привести и его людьми усилить войско. Сыновья с войском отправились в

Намцы. Завидев идущее войско, намец побежал на гору. Пущенная вдогонку стрела вонзилась ему в спину. Убили его.

Там же в Намцах жил другой человек, по имени Атарба-Ойун, богатырь и шаман. Он с досады и в гневе собрал сорок человек, вооруженных мечами и луками, и направился к Тыгыну, предварительно сказав своим людям:

«Я провидел своим шаманским взором, что дочь гибели и смертоубийства улетит от них (семьи Тыгына), если убить коня кроваво-красной масти, на котором они выезжают на войну. Этот конь только на лбу имеет маленькое уязвимое место, величиной с медный пятак, которое они закрывают железным забралом. Когда конь идет быстрой поступью, это забрало приподымается. В этот самый момент тот из вас, в ком есть мужская доблесть, пусть угодит стрелой в лобное место!»

Воины возразили шаману:

«Такая меткость нам не под силу. Если кто и может сделать это, то только ты сам!»

Вот Бечеке-Беге, сын Тыгына, сидя на этом коне, выступает впереди своего отряда, чтобы завязать бой перестрелкой.

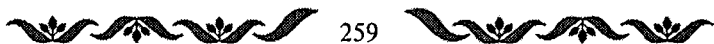
Шаман Атарба выстрелил в коня; стрела, угодив как раз в лобное пятно, вышла через задний проход. После смерти коня Тыгын попросил мира. В возмещение прежде убитых им людей выдал одну девицу в полном брачном наряде и сто лошадей...

Со слов В. Козлова, 34 лет, I Малтанский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в июле 1921 г. [1977, с. 7].

75. Тыгын-воитель и его боевые кони

Тыгын имел много войска. Однажды с большим отрядом ходил на Виллюй. Идя по нему, дошел он до верховьев и возвратился назад потому, что по реке пошла шуга. Ездил он искать народ, воевать. Затем отправился с отрядом далеко на восток; вернулся, будто бы услышав колокольный звон, приняв его за голос богатыря.

Имел он двух боевых коней, закованных в латы. Один, на котором ездил он сам, был гнедой масти и назывался Абытай-Арагас. Когда Тыгын-старик собирался на войну, конь чуял это за семь дней и, поднявшись на гору Чучур-Мураан, сам вывязывался (не кормился, тренируясь для бега). Рассказывают, что в этого

коня был вселен дух Илбис-Кыбыса¹, который и заставлял коня готовиться к бою. Другого коня, на котором выезжали его сын Чаллаайы, именовали Хара-Уол.

Каждый год, когда показывалась зеленая мурава, Тыгын устраивал *ысыахи*, а когда пожелтеет трава, выступал на войну. Пока природа стояла зеленой, он воздерживался от кровопролития, считая это греховным.

Стоило ему лишь услышать, что где-нибудь родился и живет известный человек, он тотчас же отправлялся туда и убивал его.

Со слов П.С. Семенова, II Мальжегарский наслег Кангаласского района. Записал Г.В. Ксенофонов в январе 1925 г. [1977, с. 93—94].

76. Божество юсальцев¹

По рассказам, божеством юсальцев являлся темно-сивый жеребец с крупом в яблоках. Невестки, встретив жеребца такой масти, не смели, говорят, перейти ему дорогу. В старину случилась большая голодовка. Весной, во время бескормицы, предок юсальцев остался жив потому, что пускал кровь из неба темно-сивого жеребца, имеющего яблоки на крупе, серые ляжки, и питался той кровью. После этого они стали поклоняться жеребцам такой масти.

Со слов Х. Горохова, 60 лет, местность Буугтаах Юсаль Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 8 марта 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 92.

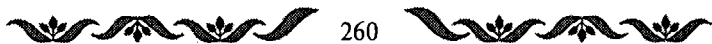
77. Конь покойника

[На похоронах] съедают коня, быка не едят. Может быть и конь, которого ни разу не ловили, и ездовая лошадь. Кобылу не забивают. На этом коне покойник ездит только при объезде мест¹, где бывал при жизни.

Данного коня до того, как забить, оседлывают и показывают ему покойника. Затем поворачивают головой к солнцу и разрывают ему аорту. Забивают его путем разрыва аорты.

После похорон родственники покойного ставят угощение. Разную пищу. Только от этой пищи не дают долю духу-хозяину очага.

Со слов Яковлева-Куруппы. Записано 2 февраля 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 536, л. 49.

МИФЫ О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ВЕРХНЕГО МИРА

78. Мальчик-сирота и луна

Якуты так говорят про пятна, которые видны на луне. В древности один сирота был рабом у одной богатой семьи. Госпожа сказала: «Сходи по воду». Тогда мальчик, взяв ведро и коромысло, отправился за водой. Возвращаясь с водой, он остановился у молодой лиственницы и, прислонясь к ней, заплакал, тоскуя из-за того, что он сирота. В это время к нему спустилась луна и взяла его к себе.

Обижать сироту грех. Если заставить плакать сироту, то его плач проходит насквозь через девять небес и становится слышен Айыы тойону. Тогда Айыы тойон накажет человека, обидевшего сироту.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 208.

79. Девочка на луне¹

В одной семье воспитывалась девочка-сиротка. Хозяйка дома отправила поздним осенним, холодным вечером ту девочку по воду. Лунный вечер был на исходе. Девочка замерзла и стала жаловаться на свою судьбу: «Лучше бы стать солнцем вместе с солнцем, луной вместе с луной, чем жить так, страдая».

Причитания девочки, произнесенные стоя на мостках в воде, услышали солнце, луна и земля.

Затем солнце сказало: «Земля, земля тебя обижает, поднимись и останься у меня».

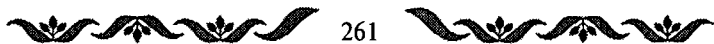
В ответ на это земля сказала: «На солнце, на солнце не поднимайся, умрешь, сварисься от жары. Останься у меня — на своей родине».

Луна сказала: «На земле, на земле не оставайся, все равно жизнь твоя будет голодной, поднимись и живи у меня».

Девочка подумала: «Если поднимусь на солнце, то сварюсь живьем, умру; а если останусь на земле — так же буду страдать; уж лучше, видимо, мне подняться на луну». После этого девочка обратилась к луне:

— Ну луна, луна, подними, хочю подняться к тебе.

Луна услышала ее и подняла девочку при помощи пурги.

С той поры, говорят, на луне стоит девочка, держа свои ведра на коромысле, и стала она там духом-хозяйкой.

Со слов Т.Г. Николаевой, 59 лет, II Бордонский наслег Сунтарского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 789, л. 30—30 об.

80. Чолбон (Венера) и Юргэл (Плеяды)

Чолбон производит ветер, снег и вьюгу, а Юргэл ему препятствует, вступает в борьбу и после долгой борьбы побеждает.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

81. Гром

Гром приписывается чудовищу, имеющему вид жеребенка, совершенно голого, т.е. без кожи с длинным хвостом; ударяя последним по облакам, чудовище производит гром.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

82. Топор грома

После того как гром ударил в лиственницу, следует пойти до восхода солнца к тому дереву, обойти кругом и найдете... камень (большой), воткнутый острием в землю.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

83. Топор грома

Люди рассказывали, что есть «топор грома». Он, говорили, похож на инструмент, называемый зубило. Или же говорили, что это маленький черный камень, по форме напоминающий топор, похожий на обломок инструмента, называемого оселок. Им точат косы. Тот топор, оказывается, находил счастливый человек, которому суждено жить благополучно. Топор грома в любых случаях мог служить, по рассказам, амулетом или лекарством.

Записали П.Т. Степанов и М.Г. Наумовский, Мегино-Кангаласский район, 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

84. Отпугивание злых духов

Шаман или простой человек, нащипав лучинки из куска дерева, разбитого молнией, делает из них пучок. Его поджигают и размахивают им, тогда имеющие худое дыхание (злые духи) пугаются и уходят. Им же окуривают человека и хлев, в которых спрятался дух, изгнанный из больного, невод и заболевшего теленка. При этом огонь на лучинках должен гореть беспрерывно. Остатки лучинок, которыми совершалось окуривание, кладут в такое место, где никто не ходит, никто не может топтать их. Чаще всего кладут на навес дома. Это *аччы* становится грозным сторожем, постоянно отпугивающим бродячих, путешествующих злых духов.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

85. *Сата*

Сата имеет способность вызвать по желанию его хозяина ветер, дождь и холод. Камень этот с одной стороны имеет вид человеческого лица с глазами, цвета черного. Узнают о его присутствии по треску, производимому им; растет он у верховьев реки на высоких скалах. Хозяин содержит его завернутым в бумагу или шерсть из конской гривы; обладание им тщательно скрывают, никому не показывают, а постоянно держат в кармане.

Төрөтөр озо уйатын билимиим,
Иитэр сүөһү күрүөтүн билимиим,
Хотун ойох баһын билимиим,
Оттоох орон түбүн билимиим,

Эйиигин эрэнним,
Эйиигин итэбэйдим,
Эн мин эппиппэр буолар
буоллаххына,
Мин эн диэки сананьям!

Пусть я лишусь новых детей,
Пусть не получу скот,
Пусть не будет у меня жены,
Пусть не узнаю радость мягкой
постели,

Я положился на тебя,
Я поверил в тебя,
Если ты сделаешь, как я
сказал,
Мои помыслы будут на твоей
стороне!

Клятва, которую произносит нашедший камень *сата*. Когда желают произвести дождь, например, то вынимают [его] из кармана при восходе или заходе солнца, поворачивают на ладони и

насвистывают при этом — по желанию могут таким образом произвести трех-, семи-, девятидневный дождь.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

86. *Сата*¹

Чаще всего «сата» камень бывает: в теле скота, коней, он размером в половину яйца, цветом — темно-синий. На вид камень похож на мячик, сам легонький, если внимательно взглядеться, то видно, что у него лицо и глаза, как у человека. Если его показать небу или солнцу, сунуть в воду, то погода, по рассказам, портилась — холодало, начинал дуть ветер, наступала пурга. Иногда *сата* бывал и в человеке. Если человек с *сатой* совал голову в воду (озера, речки и реки), то тоже, по рассказам, портилась погода. Якутские рассказчики не могли пояснить, и в прошлом, и нынче, из-за чего это происходило, просто вот так говорили, что погода портилась, становилось ветрено.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

87. Сношения с Тыгином

Однажды Тыгын вел войну с борогонским Бэрт-Хара. Последний стал теснить его. Тогда Тыгын отправил к Быркингаа-Боотуру человека с просьбой:

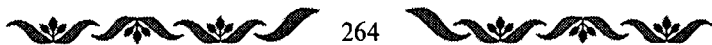
«Пусть прибудет ко мне и окажет поддержку!»

Быркингаа поехал. Рассказывают, что в древности якуты имели обыкновение перед самым сражением издавать крики ворона с восклицанием «ойдоо, ойдоо». Затем махали над головой великолепно отточенными пальмами. Тогда будто бы вспрыскивало с неба кровавым дождем. Быркингаа, прибыв, сделал то же самое. Бэрт-Хара, увидев это, сказал своим людям:

«Вот досада! Прибыл к нам старший брат, живущий на краю земли. Нам теперь с ними не справиться, прекратим войну!»

Тыгын одарил Быркингаа людьми, скотом и проводил его, дав ему в жены красивую девушку.

Со слов Н.И. Тимофеева, 70 лет, Нерюктейский наслег Сунтарского улуса. Записал Г.В. Ксенофонов в марте 1925 г. [1977, с. 206].

88. Песня горных вершин

По поверьям древних якутов, существовала песня горных вершин. Так называли хоровое пение, раздававшееся где-то наверху, в поднебесье. Его слышали, если предстояло несчастье или смерть кого-нибудь. Звук песни уходил в сторону того дома, где жила семья, на которую должен был напасть мор.

Со слов И.Н. Дьячковского, 68 лет, Ожуйинский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло в 1934 г. [1938, с. 146].

89. Ветры

Ветер божеств *айыы* приходит с восточной стороны. Он ничего худого не причиняет.

Плохой ветер и воздух — оба приходят с запада.

С севера изредка приходит плохой ветер. Он имеет рост два метра. Внешне похож на человека.

С запада является ветер ростом полтора метра. Он похож на человека. Увидеть можно только верхнюю часть его тела, начиная с колен.

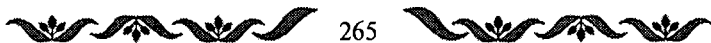
С юга крайне редко приходит очень сильный вредоносный ветер. Он вселяется только в деревья и травы. Ходит на высоте пяти-шести метров.

Через два с половиной или три года, в середине года или в конце, приходит с востока плохой ветер.

Со слов Н.А. Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 27.

90. Происхождение трех миров

В глубокой древности, когда предки нынешних людей и скота жили в Среднем мире, в «стране *айыы*», настала пора... изничтожения друг друга, бичуя огнем. Начался такой период, при котором стали биться огнем все живые существа, наступил миг, когда там могли быть уничтожены все люди и скот. Тогда все бросились в разные стороны. Часть поднялась в Верхний мир. Они стали «верхними *абаасы*» — людьми Верхнего мира. Часть спустилась в Нижний мир. Они стали «нижними *абаасы*» — людьми Нижнего мира. Часть осталась в Среднем мире и стала жить в нем, имея

Западный ветер, приносящий злых духов

своим господином Харах-Хаана, у которого была жена Сир-Са-быйа баай госпожа.

Со слов С.Г. Игнатьева, 54 лет, II Кулятский наслег Вилюйского района. Записано 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 14—14 об.

91. Проход в Верхний мир

Начало пути в Верхний мир одно. Затем дорога разветвляется и ведет в места, где живут божества, владеющие конями определенной масти.

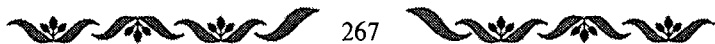
Духом-хозяйкой начала пути в Верхний мир является дух Вольного облака Почтенная Дугуйдаан. В прежние старинные времена она была то ли шаманкой, то ли сумасшедшей.

Абаасы (злым духом) становилась после смерти девушка, не вышедшая замуж из-за слишком капризного характера. В *абаасы* превращались также люди, трагически погибшие досрочно, не дожив до конца предназначенное им время жизни. Они исчезали, когда достигали возраста, предсказанного им духами. Если же их старинные шаманы присоединяли к числу злых духов, то они оставались.

Со слов Н.А. Парфенова, более 60 лет, Кюндяинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 31—32.

92. Небесные девицы

В старину, лет сто тому назад, в долине Тохой, находящейся на территории Нахарского наслега Амгинского района, на восходе солнца внезапно появились три девушки. Они были одеты в белые шелковые платья и платки, имели равный средний рост. Девушки остановились на ровной возвышенной местности, взяли за кончики пальцев и, распевая в такт своим прыжкам на носочках «осуокай-эсиэкэй», закружились-заиграли. Затем за макушкой скалы, стоящей напротив того места, наверху построили себе балаган и прожили лет десять. У них, оказывается, была одна рыжая бесхвостая корова. Ее водили на водопой, говорят, в заросшее жестким кустарником место, находящееся в двадцати верстах. Каждое утро одна из женщин отправлялась долбить прорубь, а следов ее, оказывается, не было видно. Также не было заметно следов коровы, ходившей на водопой и обратно. Ну, вот так они жили, не причиняя никому ни вреда, ни добра.

Однажды один охотник обошел гору по подножию и с тыльной ее стороны поднялся к балагану тех девушек. Над балаганом, оказывается, едва заметно вьются клубы дыма. Когда он ворвался в дом, то оказалось, что сидят три женщины и занимаются шитьем. Совершенно шелковыми нитками, вдетыми в серебряные иглы, шьют они тонкое рукоделье.

Человек, вошедший со двора, сказал:

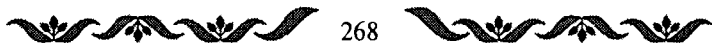
«Какие у вас новости?» Никто на это не повернулся, не взглянул на него. Лишь, спустя значительный промежуток времени, одна из женщин сказала: «Нет». Человек постоял довольно долго, затем вышел и ушел.

Да, вдруг, отправился он, думая добраться до своего дома, шел-шел, весь измучился, а пришел снова к тому же балагану, откуда начал свой путь. Ну очень он возмущился, да и стыдно стало показаться девушкам. Поэтому он не вошел в их балаган и снова направился домой. Брел он брел, а все же свою юрту не нашел, опять очутился у того же балагана. «Постой-ка, друг, что это за наказание такое, надо зайти и поговорить с ними», — подумал он и повторно ворвался в балаган.

Вошел и видит — женщина, что сказала давеча «нет», посмеивается и улыбается ему. Она сказала: «Что это ты вернулся?» В ответ охотник рассказал подробно, что с ним случилось. Выслушав его, женщина сказала: «Ну, ладно, дай одну из трех своих белок (рыжую). Тогда ты нормально дойдешь до дома». Охотник тут же выхватил белку и отдал ей. Затем, набив свою трубку табаком, он приблизился к очагу. Увидев это, женщина строго запретила: «Нельзя, не бери наш огонь, раскури своим огнем». Охотник не послушался, решил — погодите, вы навели на меня колдовские чары, так и я попробую сыграть с вами шутку. Поэтому взял обломок лучины и разжег его от их очага. Как только лучина зажглась, девушки воскликнули: «Не надо, в этой стране вы, очевидно, не дадите нам спокойно жить, придется нам покинуть ее!» Затем мгновенно исчезли, захватив с собой три стены балагана.

Охотник вернулся домой. На той горе долгое время стояла, говорят, одинокая стена балагана. Сейчас же остались лишь следы его столбов. Люди называли их «небесными девицами» из-за тех удивительных особенностей.

Со слов Г.А. Иванова, 49 лет, Чыамайыкинский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 26 июня 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 33—34.

93. Легенды о Быйаа, сыне небожителей

В древности в Мытахском наслеге нашего улуса (горный Мытаах расположен по притокам речки Сини на Вилюе-Ленском плоскогорье) жили старик и старуха; до 50-летнего возраста они не имели детей.

Однажды старик куда-то отлучился, старуха ночевала одна. Ночью вдруг она проснулась и заметила у себя на постели человека, лежащего вместе с ней; глаза и тело у него были белые, как соль, бедра и голени были подобны только что очищенным от коры обрубкам бревна, ощущение его тела было приятное.

Затем поднялся с постели и, сидя, стал обуваться. При этом он будто бы сказал:

«Я — сын Юрюнг-Айыы. Ты родишь от меня ребенка мужского пола с белыми, как соль, глазами и телом; он будет человеком, не знающим неудачи и случайной гибели, счастливым и богатым. Назовите его Быйангнаах-Быйаа (изобильно одаренный Быйаа)».

После этих слов он исчез. Старуха рассказала о ночном госте своему мужу. Старик сказал:

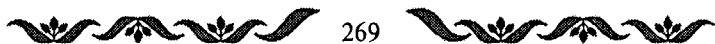
«Значит, от тебя родится ребенок, predeterminedный волей свыше, от Юрюнг-Айыы. Теперь наша жизнь повернется к лучшему, молчи и громко не говори». (У якутов существует поверье громко не говорить о какой-либо особой удаче, счастье, чтобы они не изменили.)

На будущий год в урочное время действительно родился ребенок с указанными признаками. Через три дня после родов отпраздновали проводы Айыысыт. При этом старик-отец по завету отца-небожителя дал сыну имя Быйангнаах-Быйаа.

Ребенок благополучно вырос, возмужал, стал во всех отношениях превосходным человеком и обладал замечательным умом. Позже он стал шаманом и одновременно был князем (главой своего наслега). Имел он будто бы семь жен.

Однажды он наткнулся на гнездо орла и там нашел «орлиное счастье» в виде светло-желтого прозрачного камня, похожего на утиное яйцо.

Когда Быйаа подошел к дереву, сам орел выпустил этот камень из своих когтей. Благодаря этому «орлиному счастью» род Быйаа был богат и счастлив в течение семи поколений. В продолжение четырех поколений потомки Быйаа были наследственными

князцами и шаманами. Сын Быйаа — Догой-Кинээс, сын последнего — Борчугунаан-Кинээс, от него происходит Ньюкуус-Кинээс. Известный мытахский шаман Боруочаан, кажется сын Догоя, тоже был из того же рода. Этот рассказ я слышал от ныне живого мытахского шамана Келлюенэ.

Со слов К. Амосова, 35 лет, 1 Малтанский наслег Кангаласского района. Записал Г.В. Ксенофонтов [1977, с. 104].

94. Идэлыги-Боотур

В древние, давно прошедшие годы на речке Сола, что на восточной стороне Лены, как гласит предание, проживал богатый и сильный богатырь. Звали его Идэлыги-Боотур. Многочисленной челяди, семьи и родни у него не было. Он имел одного брата по имени Джэгин-Удугуй и единственную дочь, девушку замечательной красоты. Дело было в ту пору, когда эта девушка созрела и стала уже женщиной. Сам же Идэлыги был уже на склоне лет. Народная молва слагала ему хвалу и славу еще со дней его ранней юности. Его грозное имя наводило страх на весь окружающий люд. Да и сам он думал про себя:

«На сей земле большой и великий — это я!»

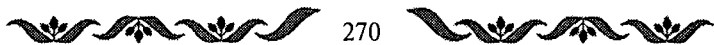
В народных сказках говорится о нем:

«Жил он точно пороз-бык, издающий пронзительный рев, точно молодой жеребец, остановившийся в гордой боевой позе, ибо он не имел равных соперников и ублажаем был славой в единственном числе».

Вот почему весь мелкий окрестный люд обходил его жильё сторонкой, как если бы оно было лиственничным деревом, на котором шаманы, водрузив перекрестный куочай (палка в сажень длиною в виде стрелы), подвесили шкуру скотины, заколотой в дар злокозненным *абаасыларам*. Когда кто-либо из именитых главварей, дальних заселенных речек присылал к нему сватов, Идэлыги-Боотур неизменно отвечал отказом, добавляя при этом:

«В чем и в каком отношении смеют они равняться с моей дочерью?»

У Идэлыги-Боотура был ближайший сосед, живший на землях теперешних мельжехсинцев, по имени Кюндю, человек богатый и в той же мере родовитый, хотя и не славен был он своей мощью. В один злополучный день этот-то Кюндю прибыл к Идэлыги-

Боотуру и наемкнул о своем желании породниться с ним. Такое поведение соседа Идэльги понял как явное и тяжелое оскорбление.

«Как ты дерзаешь просить руки моей дочери, не подумав прежде о том, в каком же отношении ты можешь равняться со мною?» — в сильном гневе воскликнул он и, всячески выругав, выгнал Кюндю из дому. Последний, не издав в ответ ни единого звука, вышел и пошел восвояси. Идэльги был человек крутого и дурного нрава. Оставшись один и продолжая гневаться, он рассуждал:

«Ах, этакий мерзавец этот Кюндю! Подумайте только, чем же он равен мне, что вдруг осмелился просить мою дочь? Может ли он равняться со мною по родовитости и происхождению? Да и по видимой наружности чета ли он моей дочери? По силе и удали также не мог бы он стать со мною рядом. Достойны удивления его собственные думы, когда он шел породниться со мною. Или вздумалось ему унижать мое достоинство в расчете на наступающую старость, слабеющую удаль, отсутствие потомства и челяди? Неужели все это уже умалило мою честь и создало такое стеснительное положение?»

Еще пуще вскипел он гневом. Тотчас же вскочив на оседланную кобылицу, поскакал следом за Кюндю. Однако Идэльги не удалось нагнать его в пути, приехал он к местожительству Кюндю. Была летняя пора, люди жили в берестяной *урасе*. Заглянул в шатер, но хозяина там не оказалось. Подумав про себя, что злодей успел спрятаться, вышел и, сев на лошадь, поехал было обратно. Кобылица под ним была с куцым хвостом. Едучи, он не переставал оборачиваться. Вдруг, когда Идэльги подъезжал к опушке ближайшего леса, в дымовое отверстие *урасы* высунулась чья то голова. У Идэльги лук был на изготовке. Прицелившись сквозь покрывку шатра, выпустил одну стрелу. Человек тотчас же исчез.

«Ага, попал-таки!» — подумал он про себя. Приехав обратно, видит уже мертвое тело, лежащее посередине шатра, опрокинутое на спину. Стрела угодила как раз в черную печень.

«Этакое ничтожество, получил-таки заслуженное, на что напросился сам!»

И был он рад. Этот случай еще больше нагнал страх на людей, и никто уже больше не решался свататься к дочери Идэльги.

Однажды утром, когда дочь, подоив кобылиц, грелась около шестка, Идэльги заметил, что она стала брюхатой. Вне себя от гнева он подозвал ее к себе. С палкой в руках стал допрашивать,

когда, как и от кого могла она забеременеть. Дочь перед отцом держала такую речь:

«Я не смею даже и сказать, от кого я сделалась беременной. Однажды утром, когда ходила за кобылицами, повстречался со мною всадник на лошади безукоризненно белой масти. Шапка на нем была из собольих шкур. Выглядел он весьма нарядным и знатным. Подъехав ко мне ближе, он поздоровался и спросил, не я ли буду именитая красавица, дочь Идэльги-Боотура. Я ответила утвердительно и в свою очередь справилась, с кем имею дело и как его зовут и величают.

«Для тебя я человек неведомый, из дальних краев. Приехал, имея одно на примете: уловил молву о твоей красоте, о твоём славимом имени. Согласна ли ты быть моею женою?»

«Стоя здесь посреди поля, что я могла бы ответить на такой вопрос? Спроси отца, породившего меня, побеседуй с ним. Если он даст согласие, тогда будет видно», — ответила я. Он вторично задал вопрос:

«А если отец изъявит согласие, ты сама что имеешь против того, чтобы выйти замуж за меня?»

«Если отец одобрит, то думаю, что не будет возражений и с моей стороны».

Услышав это, он добавил:

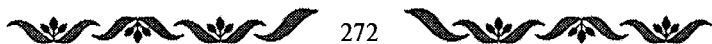
«Следовательно, очень скоро будем мы с тобой мужем и женой. Вот сейчас же я приеду к твоему отцу и сделаю предложение. Старец, услышав мое имя, наверное согласится».

С этими словами, подъехав ко мне вплотную, он притянул было меня к себе и, припоминая, поцеловал. И в этот самый миг у меня в ушах раздался шум и я потеряла сознание. Что произошло дальше со мной, не помню. Когда же я пришла в себя, заметила, что лежала на земле, утратив стыд. А он, достигнув того, чего хотел, уже вставал. Я говорю ему:

«Как это ты мог так бесчестно поступить со мною, за что так обидел? Ты должен теперь же видеться с моим отцом!»

Он на это возразил:

«У меня нет никакой надобности встречаться с твоим отцом. Цель, ради чего я прибыл, уже достигнута, а иных намерений у меня и не было. Наша встреча не будет без последствий. Ты уже забеременела. В грядущий год ты родишь мальчика, который, не ведая болезни и смерти, вырастет. Вот что дало тебе мое соприкосновение. Знамением моего ребенка будет родимое пятно темно-

го цвета величиной с лист березы на плоскости правой лопатки. Он станет человеком, имя которого все не произносят, и будет он предком и людей и скота. Дайте ему имя Аба Уос-Джоргоо».

«Содеянное тобою отец не может не узнать. А, узнав, он не оставит меня в живых. Увези с собой, пусть он возьмет меня там, где настигнет. Как говорится, пока топор падает, полено отдыхает!» — попробовала сказать я.

«Нет, дети здешних мест, возросшие на молоке и сливках, не в силах добраться до моей родины. Она для вас недосыгаемо далека».

«Что это за дальний край, недоступный для людей? Скажи тогда, кто ты таков?»

«Зачем тебе знать мое имя, это породит напрасные страхи».

«Мне теперь не житье, отец вытянет душу. Должна же я знать, от кого я так терплю. Хоть в этом сознании буду иметь малое утешение. Уезжай, сообщив мне свое имя!»

«Я — сын верхних (небесных) демонов, младший и любимый сын “Имеющего конный скот вороной масти”, имя мое — Одургаччылаах. По утрам и вечерам отроки-воины, подобные вольным журавлям, поднявшись в пору жгучих морозов на высокие светлые холмы, распевали песни о тебе. Эхо их голосов, похожее на звон меднозвучных бубенцов, донеслось до вершины небес и запало в мой мозг. Потому-то ради твоего громкого имени и славимой красоты спустился я на землю. Про мои деяния скрывать тебе не следует. Обо всем, что случилось, расскажи почтенному отцу-повелителю. Он не причинит тебе вреда. Я высокопочтимых людей потомок, сановитых людей отпрыск. Делаю визит зятя, тот, кто вправе был сделать. А теперь прощай!»

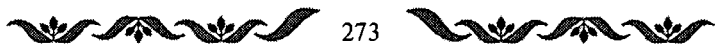
Сказав так, он стал садиться на коня и исчез в тот же миг.

Отцу показалось, что рассказ дочери был искренен и правдив.

«Да, все это могло и быть. И если, как говоришь ты, родится сын с родимым пятном на указанном месте, то я не трону тебя и пальцем. Но если в поисках мужчины ты соединилась с каким-нибудь охотником или рыбаком и родишь ребенка не описанных тобою примет, тогда бойся меня!»

И с тех пор, не коря и не порицая дочь, он стал выжидать времени ее родов.

В урочный момент она принесла мальчика с темным родимым пятном на правой лопатке, которое было похоже на прилепленный лист березы. Старик, говорят, был чрезвычайно рад.

«Разве кто из смертных мог бы прикоснуться к моей дочери! Значит, правда, что навестил ее тот самый, сын верхних...»

С любовью и заботой они воспитали ребенка. Согласно желанию его небесного отца, дали ему имя — Аба-Уос-Джоргоо. Рассказывают, вышел из него прекрасный муж.

Местожительство Идэльги-Боотура было в елани под названием Ньюоргаайы, в ее западной оконечности. Сам Идэльги уже постарел и потерял свежесть своих сил.

В эту пору он однажды пришел на поляну, которая была на южной стороне обитаемой им елани, и, желая проверить свою удаль, прошелся поперек той поляны прыжками *ыстанга*. Ширину поляны он покрыл девятнадцатью прыжками. Возвратившись домой, он подозвал к себе внука и брата Джегин-Удугуя и держал перед ними такую речь:

«Детушки мои! Оказывается, я уже постарел и потерял свою резвость. Отныне, по-видимому, предстоит мне жалкая участь — не справляться даже с делом естественной надобности. Бывало, в старину, в пору моей зрелости и полноты сил, южную, знаете, поляну нашей елани покрывал поперек девятью прыжками. А вот сегодня едва прошел девятнадцатью.

Подобно дрянным и жалким людям не желаю я умирать, дойдя до изнеможения и валяясь в своей собственной нечисти! Мое заветное желание, чтобы вы теперь же покончили мои счета с жизнью!»

Тогда же он созвал всю свою родню и устроил богатое угощение. Ели и пили вдоволь. Вели самые заветные и задушевные беседы. В заключение, высказав свои предсмертные слова и желания, он простился со всей родней, людьми и родною страной.

А могильная яма уже была готова. Говорят, Идэльги приказал оседлать своего коня и от дома до могилы проехал верхом с видом человека, отправляющегося в дальний путь. У самого края могильной ямы он стал на колени. Внук и брат развязали тетиву с его лука и, обернув ее вокруг его шеи, начали тянуть в обе стороны из всех сил. Рассказывают, Идэльги, падая на землю, успел лишь сказать:

«О, как прекрасны свет и сияние моего белого солнышка!»

Похоронили покойника, а коня его тут же закололи для угощения собравшегося на тризну народа.

Со слов Дмитрия Даниловича Таяхова, 71 года, наслег Чалга Мегинского улуса. Записал И.И. Сергеев в декабре 1923 г. [Ксе-нофонов, 1977, с. 11—15].

95. Ставшая злым духом, причиняющим глазные болезни

По рассказам, во II Бетюнском наслег Намского района в материнском роде Чаки родилась и жила безбровая, румяная женщина. Слава о ней разнеслась по всей земле, имя ее прогремело в каждом улусе. На родной стороне не встретился ей равный, в дальних странах не нашлось ей пары. Прославилась она безмерно, возвеличилась как неповторимая.

Это, по предположениям, случилось в то время, когда в Якутию впервые пришли русские, в самом начале распространения тройного гнета.

Согласно сказаниям, поверив в великую славу женщины, спустился на землю внук Улуу тойона, живущего в Верхнем мире, выследил ее по свежим следам и стал свататься к ней. Понравилось это госпоже Ирине, пришел мол достойный претендент. Молодой жених, оказывается, был не виден днем, лишь при затухании огня в очаге и наступлении сумерек в доме показывался черный поджарый человек, едва помещающийся, наклонившись. Вот наступил срок, когда полагалось ему возлечь на постель своей суженой. Это был девятый день января, в то время, когда месяц находился в ущербе. Он явился с Верхнего мира и три ночи провел с женой. Потом настал момент их отъезда. Они отправились в путь во время предутренних сумерек. Повез их конь о двух ногах. Он побежал, выбивая напрочь копытами огромные листовенницы, а затем его следы пропали, так как он вознесся вверх. Родители не дали приданного единственной своей дочери, не позвали шамана поднять в Верхний мир положенную ей долю. Духи Верхнего мира вознегодовали из-за этого, ослепили невесту и прогнали бродяжничать между небом и землей.

С той поры Ирина-госпожа стала злым духом глазных болезней — трахомы, дикого мяса, нарастающего на веках. Поэтому шаманы, когда совершали камлание для людей, страдающих глазными болезнями, вселяли в себя ее, считая грозной *юёр*. Кланялись ей в ноги, возвеличивали ее славное имя, затыкали ей рот жертвами-дарами, состоящими из скота различной масти. До ее превращения, говорят, у людей глаза не болели.

Записал М.Г. Наумовский, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района, 27 июля 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 32.

96. Состязание с парнем Верхнего мира

В старину в г. Жиганске был, оказывается, голова. В Мухтуе тоже имелся голова. Они были приятелями. Жиганский голова каждый год ездил в Мухтую торговать. Однажды он опять прибыл в Мухтую. Там спросил друга: «Что же, у тебя ведь было одно дитя, куда оно делось?»

Голова из Мухтуи ответил: «Он уже три месяца лежит, охладев ко всему земному из-за того, что нет богатыря, способного бороться с ним!»

Тогда жиганец сказал: «Что ж, насколько он сам силен? У меня тоже есть один плохонький парень. Давай попробуем им дать побороться».

«Ах, а как же, попробуем!»

После этого они заключили пари — на сто рублей, десять яловых кобыл, одну шкуру чернобурой лисицы. Мухтуец пообещал прибыть в Жиганск в конце марта, взяв с собой весь заклад.

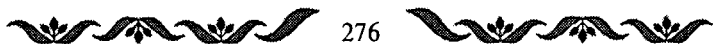
Жиганский голова, вернувшись домой, сказал: «Дитя мое, я попал в тяжкую, неотвратимую кабалу. Я побился об заклад с мухтуйским головой. Как же теперь быть?» Сын в ответ спросил: «Отец, он что ли железный человек, или обычный?»

«Э-э, о чем же ты спрашиваешь, конечно, обычный человек».

«Ну тогда правильно побился об заклад. Какова моя сила, никто не знает. Попробуем побороться».

Прибыли в Жиганск мухтуйский голова со своим закладом и около сотни человек, желающих посмотреть на борьбу. Жиганский голова был, оказывается, жадноватым человеком. Он сказал: «У меня есть жеребец, в течение девяти лет незнавший, что такое веревка. Давай его мясом угостим людей, а расходы поделим пополам. Дай 50 рублей». Мухтуец согласился. Но никто из присутствующих людей не смог поймать коня. Тогда жиганский голова поручил сыну: «Эй, парень, иди поймай!»

Ступив всего раз на середине дома, стремительно выскочил человек в волчьей дохе. Сын мухтуйского головы смотрел через окно, когда коня пригнали к этому человеку, он одним махом оторвал коню голову. Вот тогда-то ему стало тошно, будто бы охладевшему ко всему земному. Затем сын мухтуйского головы скрытым знаком вызвал отца во двор. Там сказал: «Я дома счи-

тал, что достаточно силен. Тем не менее меня поразила мощь местного человека. Я не могу оказать ему сопротивления, пожалей меня, откажись от борьбы».

Вечером старцы выпили один штоф водки. Мухтуйский голова сказал: «Эй, парень, выйди, выпей водку со своим товарищем». Жиганский парень выпил сам всю водку из штофа.

Да, подумали мухтуйцы, прибыли мы к страшному существу. Поэтому старик попросил: «Твой парень явно одолеет. Будь ты победителем без борьбы, возьми себе заклад». Жиганский голова согласился с этим: «Ну, пусть будет так!»

Вот кончилось то мясо жеребца. Мухтуйцы поднялись спозаранку и начали собираться в путь.

Тут-то сын мухтуйского головы направил своего коня на изгородь в четыре жерди. Люди стали глядеть на это с изумлением. Как же конь перескочит? Он и не пытался. Тогда парень произнес: «Что такое, у меня даже конь перестал ходить, что ли?» Сказав это, он перебрал коня над изгородью в четыре жерди.

Сын жиганского головы пас своего коня за тремя продолговатыми и огромными озерами. Отправляясь туда, он вчера несколько раз подряд прыгал в длину. Судя по следам, кто-то позже прыгнул дальше, чем он. Чрезвычайно удивился. Он пришел на то же место утром на второй день. Вдруг видит, что стоит черный, высокий, сутулый человек. Ух ты, какой огромный человек, он же больше меня.

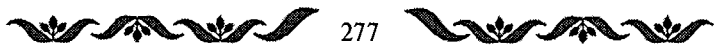
При этой встрече парень сказал: «Ты победил меня в прыжках в длину, поэтому приходи через три дня, когда начнет темнеть. Поборемся».

Парень [жиганский] отрешился от всего земного, вошел в дом и стал, продавив пол ногами. Родители удивились. «Ну, я нашел человека, с которым буду бороться в течение трех дней. Поэтому сшейте мне шубу и штаны из трех слоев ровдуги». Сказал и скрылся в своей комнате.

«Как это, как он сможет их надеть», — подумали, но сшили.

Парень не ел в течение трех дней. В начале четвертой ночи, на исходе зари, подходит он к родителям, поминая сына мухтуйского головы, и говорит: «Мать и отец, ни за что не открывайте ни дверей, ни окон, держите закрытыми все щели».

С момента его выхода во двор стал слышен шум, похожий на шум, издаваемый двумя бодающимися быками. Шум совсем не прекращался.

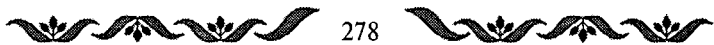
В середине ночи жена головы открыла дверь дома. Тут же шум прекратился, парень еле-еле вошел в дом и сказал: «Последней подвела меня ты — моя мать, а вначале принес меня в жертву мой отец из-за своей жадности. Из-за твоего заклада спустился сын верхних злых духов, и, благодаря тебе, он меня съел». Затем он на четвереньках уполз в свою комнату.

Со слов Е.Е. Герасимова, около 80 лет, Магасский наслег Верхневилуйского района. Записал Н.А. Алексеев 17 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, л. 572, л. 130—137.

97. Состязание с духами Верхнего мира Аба Уол Дьоххи, родившегося от брака *абаасы* Верхнего мира с земной женщиной

Предком морукского рода мегинцев являлся Аба Уол Дьоххо. Он родился от связи земной женщины с парнем *абаасы* Верхнего мира и состязался с парнями Верхнего [мира]. Он дрался с ними, боролся и состязался в беге. Устраивал скачки, где выступал на темно-сером, как журавль, коне. Он побеждал парней *абаасы* во всех этих состязаниях. Он имел девять жен, одна из которых была шаманкой. Жил в местности Киис Тиирбит, находившейся на речке Сола.

У него внезапно заболел и умер девятилетний сын. Он похоронил его на лесном мысу. Затем сказал: «Вот он, мой сын, умер, наверно, потому, что был здесь *абаасы*. Выйду, подкараулю, когда они будут его поедать, и сражусь с ними». После этого схватил свой извилистый боевой лук, отправился на мыс, где похоронил сына, и устроил засаду. Сидел он, широко натянув свой лук. Вдруг возникли девять человек, имеющие пегих коней и заполонили весь лесной мыс. Они, оказывается, уже развели костер и варили что-то в горшке. Посередине сидел, выпучив глаза, один степенный на вид, толстый человек. Похоже, что он был главным среди них. Узрев его, Аба Уол Дьоххо прицелился прямо в его черную печень и пустил стрелу в самую середину, тут же те люди исчезли с его глаз. Потом он там ничего не нашел, но, как провидела его жена-шаманка, ему удалось ранить стрелой главного из духов Верхнего мира. Это подтвердила его окровавленная стрела, вонзившаяся в лиственницу, росшую напротив того места, откуда он стрелял. Поэтому он вернулся домой, полагая, что одержал победу.

Затем, вечером, в темную пору, он увидел злого духа, который стоял, укрывшись за столбом навеса. Аба Уол Дьоххо вцепился обеими руками в волосы злого духа, поднялись крики-вопли, началась непомерная суতোлка, домочадцы разожгли берестяную лучину, оторвав полоску от большого берестяного ведра и вышли из юрты посмотреть, что случилось, а злой дух [тут же] уже исчез. Только Аба Уол Дьоххо вдруг обнаружил, что у него в руках остался весь скаल्प того духа. Вот эти волосы Аба Уол Дьоххо хранил у себя на окне до самой своей смерти.

Однажды Аба Уол Дьоххо ехал на своем темно-сером, как журавль, коне под крутой горой, стоящей вокруг елани, где находилась его юрта. Здесь он вдруг обнаружил, что за ним мчится след в след черный, как ворон, огромный человек, ростом в лиственницу без вершины, сидящий верхом на рыже-пегом коне. Аба Уол Дьоххо направился домой по кружной дороге, но тут же свернул с нее и помчался напрямик. Тот же, кто гнался за ним, так и ехал по кружной дороге, идущей по подошве горы, почему и проиграл состязание. Человек *айыы* (светлых духов) прибыл напрямик первым, вошел в дом и спрятался на постели, за спиной своей жены-шаманки¹.

Со слов П.К. Егоровой, 55 лет, Тарагайский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал С.И. Боло 19 июля 1933 г. [1938, с. 149].

98. Сюлэ Тархан¹

Сын Ырья Быркынгаа-Наалагай. От Наалагая родился Сюлэ Тархан. Источающий богатство Сюлэ Тархан² был знаменитым богачом, имел триста лошадей. Он был предком Сюльского наслег, жил на западной стороне Нюрбы. Сюлэ Тархан, хотя и был женатым, до шестидесяти лет не имел детей. И вот в своем упорстве получить ребенка он заставлял очень многих шаманов камлать *айыысытам*. Но *айыысыты*, оказывается, каждый раз отказывали ему, говоря им (шаманам): «К ним дети не идут, нет им предназначения идти». Однажды прибыли два больших шамана с северной стороны (северного улуса). Их [Сюлэ Тархан] попросил камлать, дойти до *айыысыт* и просить детей. Сперва эти шаманы отправились к духу-хозяйке вселенной, она им отказала, сказавши: «Нет предопределения дать им ребенка». Потом шаманы обратились к духу темного леса. Он тоже им отказал. Затем они обрати-

лись к духу воды — старику Уукаану. Он тоже отказал им. После этого они попросили у Кытай Махсыына, предка кузнецов, он тоже отказал и сказал: «Нет судьбы-предназначения давать им ребенка, уйдите!»

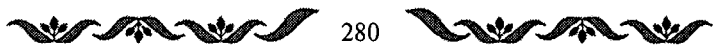
Шаманы, много раз покамлав, сказали: «Не дают тебе ребенка, не сумели мы взять его».

Сюлэ Тархан, схвативши пальму, вскочил на ноги и, рассердившись, сказал: «Вы, камлая два дня и две ночи, все впустую камлали, обманывая и плутуя; как это все добрые духи отказывают? Распорю вам животы, тело и кровь превращу в брызги луны, в пыль солнца»³. На это шаманы ответили: «Полно, тише, не говори так. Теперь еще раз попытаемся попросить, отправившись в одно место», — так они просили.

Шаманы, шумно камлая, дошли до предка грохочущего грома. К концу камлания спустились сверху огни, вроде молнии, и вселились в старика и старуху (в каждого по одному огню). При этом старик со старухой потеряли сознание, обильно выступил у них пот. Шаманы встали и сказали: «Мы принесли от начала разящего грома и плавающего облака души двух детей-мальчиков и вселили их в вас. Один из них должен стать надевающим узду и седлающим [коня] другому». Тогда старик спросил шамана: «Какое вознаграждение просите от меня?» На это те шаманы говорят: «Мы придем получать вознаграждение в тот год, когда исполнится этим мальчикам по пять-шесть лет, а сейчас мы ничего не просим».

Вот от этого родились у Сюлэ Тархана Унуку Боотур и еще один сын. Когда исполнилось им пять и шесть лет, тогда шаманы получили вознаграждение.

Однажды пришли кугдарцы⁴ и угнали всех лошадей. Унуку Боотур хотел преследовать их, но отец его не пустил, говоря: «Не надо, голубчик, у тебя еще губы мягкие, глаза кровяные, пуповина еще не засохла. Эти кугдарцы — страшный народ, они осият тебя. Не уподобляй свое дыхание дыханью лошадей». После того как они угнали лошадей, Унуку Боотур без разрешения отца самовольно поехал на землю кугдарцев и пригнал оттуда большое количество лошадей. Когда угнал, то приехал на сверкающем пегом коне и в сверкающей пестрой дохе (в своей обыденной одежде). И, отделив часть табуна, трижды крикнул бекасом. Тогда лошади побежали с топотом, подобным грому, и, отправившись таким образом, пригнал он намного больше лошадей, чем было угнано кугдарцами.

Сюлэ Тархан, находясь в городе Якутске, поднявши что-то тяжелое, надорвался и умер. Его сын Унуку Боотур на плечах перенес его тело на родину и сказал, говорят: «Отцовская кость, оказывается, тяжелее всего».

Унуку Боотур имел обыкновение сам доставлять *ясак* в город Якутск. В то время *ясак* доставляли только богатыри, говорят.

Со слов И. Николаева, 83 лет, Таркайинский наслег Нюрбинского района. Записал А.А. Саввин 16 апреля 1938 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 243—244].

99. Старик Яков

Старик Яков с несколькими родными братьями, с Чанкыла-ахом и другими, в молодости прибыл сюда, если сказать по сторонам света, то со стороны юга, в глухую чашу, где не водились ни люди, ни скот, нашли озеро Сутуруоха и поселились там. И сам он и другие его родные были шаманами, говорят. Он имел трех жен, которых взял одну за другой. Развел сверх всякой меры множество лошадей. Он бы их резал на пропитание, да в те времена рыбы и лесного зверя было чрезмерно много, поэтому его лошади, не поддаваясь присмотру, разбрелись по всей земле. А он желал еще больше развести их. Поэтому, камлая несколько дней и ночей подряд, выпросил у божества лошади себе сына-табунщика; выпрошенный сын родился от средней жены. В те времена не было попов, ЗАГСа и сам нарек ему имя Мыркы¹. Как только родился этот сын, лошади его очень сильно расплодились. Когда этот сын вырос, он определился на работу только с лошадьми. Признаком, отличающим его от людей, было то, что он имел по краям рта длинные зубы. Он кусал лошадей этими зубами и гнал их, как жеребец.

В один год настала бескормица. И когда его лошади стали погибать, тогда он камланьем низвел примерно в марте месяце небесный огонь (большое потепление²), от которого растаял снег, показалась черная земля, и этим возвратил урожайный год.

Затем старик Яков в ту пору благополучия, когда лошади плодились, богатство его росло, летом, когда вырастала зеленая трава, говорят, устраивал *ысыах*.

Тогда он, изготовив различную пищу, много кумыса, совершая обряд и произнося заклинания, делал кропление кумысом.

Созвав всех сородичей и ближних, устраивал игры и песни, весело и радостно проводил праздник.

Во времена старика Якова между Урасалаахом и Таасом находились три смежных озера. Три раза писал дух-хозяин моря, прося эти озера. Под предлогом, что в озерах этих рыбачат они — Яков, его братья Чанкылаах, Эбиит да еще Киирэ (всего четыре шамана), не давали ему их. Потом, когда еще не началась зима, дух-хозяин изначальной страны, проделав канаву через нагорный лес, начал спускать воду, Яков успел зачерпнуть шаманским ведром два ведра воды; от этого образовались два маленьких озера. Местность эта называется Аргаа Алаас, а канава, по которой ушла вода, называется Кэнгис Сиэн.

Однажды царю, царствовавшему в то время, старик Яков отправил посылку — одну черную лисицу, подостлав под нее одну сиводушку, сделав подушкой другую сиводушку и обернув ее одной красной лисицей. Тогда солнце-государь послал старику Якову одну шубу из красного сукна с беличьей подкладкой, шапку-шляпу, рукавицы с пальцами (перчатки), трость и сапоги³. Вместе с этим написал: «Ему разрешается убивать до трех человек, а если убьет четвертого человека, напишите мне и судите», — сказал в письме, говорят. Поэтому этот старик всю свою жизнь жил богато, в довольстве. Говорят, эти вещи сын его сына старик Текюнюк отдал купцам, будучи стесненным долгами. Остались лишь сапоги, в пятом поколении их взял Бережнов Егор Николаевич, член артели «Красный маяк».

От А.Г. Слепцовой, 106 лет, Абыйский наслег Абыйского района. Записал И.Н. Плошкин 4 марта 1945 г., местность Урасалаах [ИПРЯ, ч. 2, с. 61].

100. Потомство Омогоя

После смерти отца Аан-Тайбыыр, оставшись один, не мог справиться с хозяйством, лишился своего скота и впал в крайнюю бедность. Позже он переехал к своим племянникам по сестре (к детям Эр-Эллэя) и жил у них в качестве приживальщика.

Однажды он обратился к старшему из племянников, шаману светлых небожителей Лабынгха-Сююрюку, со следующими словами:

«Ты — человек, созданный истинными небожителями, я же наказан ими. Мои родители вначале отделили твоего отца и мать с

проклятиями, дав им скот небожителей — белого жеребца и кобылицу со срезанными гривами и хвостами, а быка и корову с укороченными рогами. Этот скот, нужно думать, создан Юрюнг-Айы, поэтому-то нас постигла кара судьбы. Мне приходится страдать безвинно, ибо я не говорил им поступать так. Ты создан этим небожителем, поднимись к нему и умоли его за меня. Мне на старости лет тяжело жить у чужих людей, предстоит еще жизнь, полная лишений и мучений».

Лабынгха-Сююрюк внял его просьбе и совершил обряд моления к Юрюнг-Айы. Поднялся к нему и, стоя на одном колене, молил, упрашивая так: «Вот я поднялся к тебе, нашему создателю, светлому небожителю-владыке. Наша родня по матери, сын Омогоя, Аан-Тайбыр, лишился своего имущества, остался будто один торчащий кол... Он наказан, будучи лично невинным... Я прошу, умоляю за него...»

Юрюнг-Айы в ответ на это сказал:

«Эр-Эллэй мы создали с предназначением устроить, создать порядок в средней земле, а он, Омогой, дал ему скот с проклятием, поэтому мы ему и его потомству преуказали наказание... Но мы не думаем отныне обращать на него дальнейшие беды ввиду нашего расположения к тебе... Спустись ты к духу вселенной-земли. Пусть он наделит его какой-либо живностью».

Лабынгха-Сююрюк от Юрюнг-Айы спустился к духу земли Аан-Чэлбэю и тоже стал молить за Аан-Тайбыра:

«Продли его дыхание чем-нибудь, дай возможность завести свое хозяйство... ибо так определили свыше...»

Дух земли спросил:

«А имеется ли у него какой-либо скот, что люди гонят перед собой?»

Лабынгха-Сююрюк ответил:

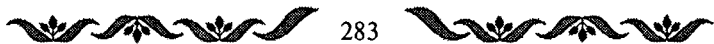
«Из скота ничего не осталось».

«Но нет ли у него кого-либо, обладающего бегающими ногами, что он считает своею собственностью?» — вопрошает дальше дух земли.

Лабынгха-Сююрюк сказал:

«Кроме единственной двухлетней собаки, которую он привязывает к ножкам охотничьего лабаза, у него ничего не осталось из живой собственности».

«Если так, — отвечает дух земли, — мы продлим его дыхание через эту собаку. Пусть она опережает все, что на земле обладает

бегающими ногами, пусть своим проворством предупреждает и обладающих крыльями летающих птиц. Если суждено ему в будущем стать человеком (т.е. продлит свое дыхание в лице потомства), пусть его потомство не поминает в своих молениях Юрюнг-Айыы, они не должны отпускать в свои табуны сплошь белого жеребца (белого вплоть до масти колен, глаза тоже белые). Также не должны держать в руках свитую из черных и белых волос веревку «сэлэ». Высшим покровителем его потомства должен стать Хотой-Айыы (предок-создатель орла). Все же его дальнейшее потомство должно получить наименование «Кэлтэгэй-Тобук ууса Баарагай-Баягантай» (потомки Кэлтэгэй-Тобука рослые Баягантайцы. Первое имя имеет нарицательное значение — «кривое колено»).

Шаман вернулся (т.е. после мистического полета на небо и под землю). Двухлетняя собака Аан-Тайбыыра стала замечательной охотничьей собакой, помощницей при добыче соболей и лисиц. С тех пор Аан-Тайбыыр разбогател, женился и размножил потомство. Теперешний Баягантайский улус — потомки Аан-Тайбыыра.

Про шамана Лабынгха-Сююрюка рассказывают, что он исчез живым. Полагают, что он вознесся на небеса.

Эти рассказы об Эллэе и его потомках я слышал от своего деда Михаила.

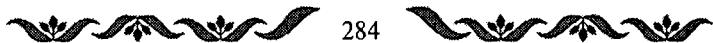
Со слов М.Ф. Говорова, 65 лет, Олтекский наслег Борогонского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в декабре 1924 г. [1977, с. 27—28].

101. Получение от Хомпорой айыы охотничьей собаки

Сын Омогой бая Дайбаахы Хара попросил у Хомпорой айыы прибавки к своему богатству. Там выразили свой гнев тем, что создали для него и спустили собаку, имеющую четыре белые лапы, белую полосу вокруг шеи и наполовину белый хвост.

Духи айыы предназначили сыну Омогоя добывать себе пропитание охотой. Поэтому он отправился к черным каменистым горам, стал заниматься охотой на дичь (на зверей и птиц, обитающих в лесах и водах), зажил благополучно и размножился его род. Таким образом, часть янских якутов произошла от Дайбааха Хара.

Со слов П.Ф. Слепцова, 72 лет, Бахсинский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло 19 июня 1934 г. [1938, с. 45].

102. Кутуйах Баай

I

Четыре или пять поколений назад жил, говорят, один хатылинский¹ богач по имени Кутуйах Баай².

Он, избивая шаманов розгами, вынуждал их спускать ему сверху сенокосчиков. Но ни один из шаманов не мог спустить их. Но потом все-таки нашелся шаман; одни говорят, что это был Мас Сирэй Галыыта, другие — шаман Хатырык. Кутуйах Баай заставил шамана камлать Верхнему миру. Побывав там, шаман спустился и сказал: «Парень, скосой Хоной, девушка Кынай с граблями согласились придти».

— Говорят, должен ты приготовить парню девять кадок кумыса и затем широкий луг для косьбы. Говорят, вслед за этим человеком через три дня девушка станет сгребать сено. Говорят, что ты должен заготовить кумыс из молока девяти первожеребых кобыл.

— Ладно, приготовлю в день, когда они спустятся, — сказал Кутуйах Баай.

После того как первые люди вышли на сенокос, человек громадного роста с косой за плечами, увидев этих людей, сказал им: «Пришел косить сено Кутуйах Бааю».

Придя, он сразу выпил девять приготовленных кадок кумыса и спросил: «Где же твой луг?» Когда ему указали на один широкий луг, человек прошел туда и стал косить, кружась подобно вихрю, поблескивая [косой], взлетающей вверх. Когда кончил косить траву ко времени четвертого удоя коров, только и стало доноситься, как он начал валить островки лиственниц на берегу Амга. Кутуйах Баай говорит: «Да что это за напасть, погубил деревья, останови своего человека». Шаман сказал: «Если ты меня заставляешь остановить его, находи же скорее веревку — *сэлэ*». Нашли ему *сэлэ*. Шаман заарканил того человека и сразу же веревку обвинил вокруг лиственницы. И вот тогда Хоной с перепугу начал биться так, что *сэлэ* врезалась в белый ствол лиственницы до красного слоя, и вскрикнул: «О маталах, маталах!» Вот почему в устье Амги и есть знаменитая широкая луговина, называемая Маталах Хочото (Долина Маталах). Пни от срезанных им елей-деревьев, говорят, стояли до недавнего времени. С той поры, как он косил, та луговина до такой степени лишилась травы, что не замахнешься и кривой косой.

Через трое суток спускается девушка Кынай с граблями. Спустилась она к восходу солнца. На *түсюлгэ* она выпила те девять кожаных кадок кумыса. Шаман указал ей на сено, которое она должна была сгрести, говоря: «Вот там находится». Девушка, покушав, пошла и все то, что накосил тот парень, и сено, и деревья, скрутила вихрем в одну кучу.

Поев это сено, скот Кутуйах Баайя отошал и пал, говорят.

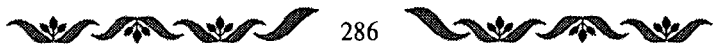
II

Кутуйах Баай имел, оказывается, обыкновение сечь розгами каждого кузнеца, говоря: «Сделай мне такой острый нож, который, если положить его на кровяную колбасу, то сам резал бы ее». Так как они не могли сделать, то и подвергались порке.

Тот самый шаман советует одному кузнецу: «Стачивая напильником все, какие есть, железки на моем костюме, возьми от них опилки». Кузнец, стачивая все разные причудливые железки шаманского костюма, собирает опилки в берестяной кузовок. Затем [шаман] говорит: «Отломи острые концы девяти копий и положи их к опилкам, затем положи [к опилкам] железо от острых концов девяти палым, и все это вместе расплавь. К этому тоже прибавь [частицы] от всех своих кузнечных принадлежностей! Сделав гвоздильню с девятью отверстиями, вылей в нее сплав. Затем, отточив напильником, закали в крови». Кузнец, придерживаясь всех этих советов, делает нож, закаливает в крови, остро натачивает бруском и относит.

Кутуйах Баай сварил толстую кишку откормленного быка толщиною в руку, вынув [из котла], положил в деревянную тарелку и сказал: «Ну-ка, дай твой хваленый нож, попробуем положить его». Когда кузнец передал нож, он положил его на колбасу. Нож, как только положили его на кровяную колбасу в тарелке, сразу разрезал ее. «Наконец-то, попался мне в руки саморезущий нож, вот это значит знаменитый кузнец», — сказал он.

О смерти Кутуйах Баайа рассказывают всяко. Одни говорят, что, когда нож сам перерезал колбасу, и горячая кровь из нее брызнула в лицо, тогда он той рукой, в которой находился нож, желая вытереть лицо, перерезал себе горло; другие говорят, будто нож, который он воткнул в верхнюю полку, упав, перерезал ему горло, или будто бы он отрезал себе голову, брея бороду.

Таким образом, причиной гибели Кугуйах Баайя послужил дух кровожадности ножа — так рассказывают.

Со слов И.С. Скрыбкина, Соморсунский наслег Амгинского района. Записал Е.И. Говоров в апреле 1940 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 151—153].

103. Бугуйас, Быгык Хантаха и Кутаахаан (Суд Дьылга-хана)

Говорят, что Бугуйас¹ был средним сыном старухи Кютюр. Бугуйас имел семь сыновей. Их звали: Оххон, Бюлтэс, Чолур, Чыппа, Хасха, Хаанньас², Кутаахаан. Бугуйас имел, говорят, много лошадей и коров. Из этого скота [некоторое количество] у них [не раз] насильно угонял к себе старик Бадьям со своим сыном Быгык Хантаха³.

По этой причине Бугуйас и Бадьям долгое время жили во вражде. К тому времени старик Бадьям начал дряхлеть, сын же его Быгык Хантаха не переставал воровать и грабить.

Тогда старик Бугуйас, чтобы помириться с родом Бадьяма (букв.: с Бадьямами), устроил *ысыах* и позвал туда Быгык Хантаха. *Ысыах* устроили на западной стороне местности Эрбэсин. Быгык Хантаха на *ысыах* приехал верхом на молочно-белом коне. В те времена, говорят, на таком коне ездили, когда мирились с врагами, а на войну ездили на коне кроваво-гнедой масти. *Ысыах* очень удачно начался в то время, когда земля покрылась зеленью, все живое, способное двигаться, стало размножаться. На этом *ысыахе* Бугуйас с Быгык Хантаха помирились. При этом примирении Бугуйас и Быгык Хантаха помазали кровью пальцев старый конский череп, подвешенный к деревянному столбу, стоявшему на середине поляны, и обменялись твердыми словами: «Если повернемся друг к другу — пусть вывихнутся наши вертлюги; если оглянемся друг на друга — пусть расколуются шейные позвонки».

Довольные заключенным миром, люди на радостях поели-попили, поиграли-повеселились и разошлись по домам. Быгык Хантаха по пути домой, увидев у старика Бугуйаса лошадей, привязанных к *сэлэ*⁴, схватил пальму и отрубил головы всем девяти кобылам с жеребятами, только старый жеребец, порвав свою веревку, перескочил через изгородь и с громким ржанием ускакал прочь. Затем Быгык Хантаха, опрокинув кожаные мехи с кумы-

сом, проткнул их дно, понадевал их на пни в перевернутом положении. Увидев это, родичи Бугуйаса (Бугуйасы) узнали, что Быгык Хантаха обманул их, притворно помирившись, и очень обиделись и рассердились.

Летом, под осень, старик Бугуйас, раздевшись до коротких штанов, призывал сыновей своих к битве. Говоря: «Ах, ты, горе-огорченье, досада моя!»⁵. Если это горе, пусть оно будет горем для Быгык Хантаха! Если это огорченье, пусть оно будет огорченьем для Быгык Хантаха!» — стал валяться на колючках шиповника. После этого сыновья Бугуйаса Кутаахаан и Чыппа порешили воевать с Быгык Хантаха.

Осенью, в пору замерзания озер, Кутаахаан однажды старательно наточил нож и со словами: «Если суждено мне разрезать на части печень и сердце Быгык Хантаха, выпусти стужок крови», — ударил ножом в средний столб дома, кровь не выступила; увидев это, он бросил свой нож. Затем он взял нож отца и, старательно наточив, сказал то же самое, что и в первый раз, и сильно ударил тот же столб, но кровь не выступила, поэтому он бросил прочь нож отца. После этого он выпросил нож у матери и, наточив его старательно, сказал опять то же самое, что и в первый раз, ударил столб, при этом из столба потек вниз стужок крови. Кутаахаан, сказав: «Да», — сунул за голенище нож матери. Увидев это, сидевший тут же старик Бугуйас сказал своей старухе: «Старуха, поди-ка принеси конину, что в амбаре, и свари. Видно, этот человек собирается в путь. Если удачно съездит, пусть это будет подкреплением, если умрет — пусть это будет ему предсмертной трапезой. Вот почему, оказывается, будучи двухлетним ребенком, когда я держал его на коленях, он больно ударялся о колени мои». Старуха внесла мясо и, сварив, подала сыну. Кутаахаан разрезал [мясо] на несколько кусков тем ножом, который он отточил, взял один кусок, сказал: «Дедушка, кушай», — и бросил в огонь. Кусок, отскочивший от полена, упал на шесток, издавая звук «пёлк». Тогда Кутаахаан, сказав: «Ну, тогда покушаешь сердце и печень Быгык Хантаха», — взял сам и съел его. Затем он один съел все сваренное мясо и лег спать. Поднявшись утром с рассветом, он взял ножик, грубо отесанное топорище, сушившееся на жердях, засунул в рукав левой руки и, как было заранее условлено, отправился к своему старшему брату Чыппа.

Чыппа, знавший, что этим утром рано приедет Кутаахаан, вечером привязал к коновязи своего коня кроваво-гнедой масти,

на котором он ездил на битву, приготовил вооружение и снаряжение и лег спать. Когда он спал, жена его встала и подумала: «Что же это муж мой захотел умереть в бою», — отпустила коня на волю, стянув недоуздок через голову, не развязав его.

Кутаахаан, приехав к Чыппе, чтобы его разбудить, постучал по столбу сеней. Тогда Чыппа проснулся с криком «Сук!», схватил лук и пальму и выскочил во двор. Он побежал к своему коню, но оказалось, что конь ушел, высвободив голову из недоуздка (он не знал, что коня выпустила жена). Так Чыппа остался дома.

Кутаахаан один пешком отправился по направлению к местности Оттуур Эбэ. Рано утром он вошел в дом работников Быгык Хантаха. Зачерпнув лопатой из камелька горячие угли, разбросал их на людей. Люди стали бегать с криком: «Ой, жжет! Ой, горе!» На это Кутаахаан сказал: «Если это жжет, то пусть также будет жечь Быгык Хантаха; если это горе, пусть это будет горем Быгык Хантаха!» Тем временем один старик вылез из дома через собачий лаз и сообщил о приходе Кутаахаана Быгык Хантаху, находившемуся в другом доме. Как только услышал об этом Быгык Хантаха, он вскочил с места, выхватил пальму и со словами: «Негодный Кутаахаан с его обликом, похожим на бабку передней ноги быка-пороза, кого же побеждать он пришел сюда!» — выскочил во двор. Тем временем Кутаахаан, подойдя к дому Быгык Хантаха, сидел, исступленно распевая, положив левую руку на темя, а правой посыпая себя землей. Быгык Хантаха ударил Кытахана пальмой так, чтобы рассечь ему голову. Пальма угодила в сухое топорище, вложенное Кутаахааном в рукав левой руки, и сломалась у рукоятки. Тогда Кутаахаан, спустив с рукава в правую руку отточенный нож матери, распорол им живот Быгык Хантаха. Быгык Хантаха, поддерживая внутренности, побежал задом наперед, перескочил через столбовую изгородь, даже не задев ее [верхнего прясла]. А Кутаахаан, не отрывая своего ножа от живота Быгык Хантаха, тоже прыгнул через изгородь. Быгык Хантаха продолжал бежать задом наперед, трижды обежал кругом одну лиственницу, стоящую на середине пригорка, Кутаахаан же все это время бежал вместе с ним, не отрывая ножа [от живота]. Обессилев от этого, Быгык Хантаха повалился на спину. Кутаахаан, усевшись верхом на Быгык Хантаха и распевая по-шамански, ножом разворачивал сердце и печень его. Когда он сидел так, люди Быгык Хантаха стали стрелять из луков, хотя они и попадали в Кутаахаана, но, говорят, не смогли его убить. Затем у них стрелы кончи-

лись. В продолжение всего этого времени Кутаахаан все сидел и разворачивал ножом сердце и печень, продолжая иступленно распевать. Уже отчаялись было справиться с ним, когда один человек принес от проруби мерзлую пешню и ударил Кутаахаана в середину спины. Кутаахаан упал мертвый на Быгык Хантаха. Говорят, Кутаахаан нарочно дал себя убить таким образом, чтобы судиться вместе с Быгык Хантаха у высшего Дьылга Тойона⁶.

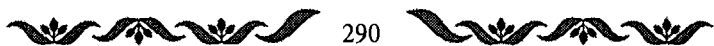
Старик Бугуйас, услышав о случившейся беде, поехал на быке, запряженном в сани, и привез тело сына. Перед этим люди Бадьяма увезли тело своего человека. Старик Бугуйас и его люди похоронили Кутаахаана на северном склоне местности Хоспохтоох на *арангасе*⁷ и заставили камлать белого шамана, чтобы [с его помощью] судились у Дьылга Тойона. По словам белого шамана, Дьылга Тойон велел положить по левую сторону камелька каменную глыбу величиною с лежащую корову, а по правую сторону — белый камень с отверстием и затем рассудил: «Тот, который виновен, подойдет с левой стороны камелька и на глыбу камня выблует сгустком крови, невиновный подойдет с правой стороны камелька и на камень с отверстием выблует белой пеной». Затем белый шаман после провидения сказал: «Быгык Хантаха подошел с левой стороны камелька и на глыбу камня выbleвал сгустком крови, Кутаахаан подошел с правой стороны камелька и на камень с отверстием выbleвал белой пеной». Итак, в этой битве виновным оказался Быгык Хантаха, Кутаахаан не оказался виновным. Сидевший там и услышавший это, ослепший на оба глаза старик Бадьям очень рассердился и, сказав: «Ничтожный, он хотя и шаман, в своем ясновидении представил моего сына виновным!» — побежал за белым шаманом вокруг камелька, размахивая посохом, чтобы ударить его. Белый шаман вошел в *хотон* и убежал. Старик Бугуйас, услышав, что сын его оказался невинным, обрадовался.

Немногим более ста лет назад, когда свалился *арангас* Кутаахаана, люди, прожившие вокруг этого летника Хоспохтоох, перенесли его в наземную могилу⁸, он там лежит и поныне.

Со слов С.В. Березкина, I Оспехский наслег Усть-Алданского района. Записал И.Г. Березкин 10 августа 1948 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 172—174].

104. Красивая дочь Омогона увлекается демоном

Любимая дочь Омогона, очень желавшая выйти за Элэя, была огорчена его выбором. Она сказала отцу:

«Построй для меня наверху дома другое помещение. Я не хочу жить в доме, оскверненном ими».

Омогон, конечно, не мог противоречить желанию любимого дитяти и приказал построить для нее особое жилище. Она поселилась там, туда же носили ей пищу. Осенью, когда ночи стали темнее, на ущербе луны заметили у коновязи коня пепельной масти с лысиной на лбу и черный силуэт человека, поднимающегося наверх, в помещение девы. Так продолжалось около трех месяцев. В девятую луну, в девятый день ущерба [луны] также появился конь у коновязи, а наутро дева исчезла. Старик отец предполагал, что *абаасылар* вознесли ее к себе. С тех пор якутская женщина в девятую луну, да и вообще на ее ущербе, не выезжает со свадебным поездом. Омогон излил свой гнев на Эллэя, считая его виновником исчезновения дочери, и прогнал вместе с женой.

Со слов А. Федорова, 43 лет, Немюгинский наслег Кангалаского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов летом 1921 г. [1977, с. 31].

105. Становление дочери Омогой бая злым духом юёр¹

Любимая дочь буряты Омогой бая Ньыкаа Даххан (иногда называемая Ньыкаа Харахсын) обиделась потому, что Эллэй пренебрег ею, предпочел взять в жены нелюбимую дочь Омогоя. Из ревности к своей старшей сестре Лэкэ Чангый надела на шею петлю из веревки, привязала ее к молодой белой кобыле, которая поволокла девицу, и она умерла. Тогда отец и мать попросили шамана вселить ее юёр в онгон и стали держать его в своем доме.

Та девица позже превратилась в сильного юёря, стала злым духом, причиняющим глазные болезни. Шаманы и шаманки камланием поднимали ее в Верхний мир, читая специальные заклинания.

В старину ее заставляли собирать в кучу всех других более слабых юёров. Лет 50—60 тому назад постоянно заклинали, прося помощи у дочери Омогой бая. Шаманы при вселении ее, подражая ей, плясали, по-разному извиваясь, подпрыгивали вверх, раскачивались из стороны в сторону. Когда плясали, время от времени от ее имени восклицали: «Бэтиэйэгим, усуйоагым! Алынкайым!»². Позже перестали ее призывать. Вместо нее стали обращаться к бурятской девице, превратившейся в юёря Тайахтаах госпожу, обитающую на севере. Ей поручали руководить другими

юёрами. В камланиях она приходила и жаловалась на свою судьбу: плакала-рыдала, кляла свою горькую участь, описывала свои несчастья и страдания. Таким образом, позже роль *юёря* дочери Омогой бая Ньыкаа Даххан передали *юёрю* бурятки Тайахтаах гос-поже.

Со слов Е.М. Егорова, 82 лет, Жулейский наслег Таттинского района. Записано 12 октября 1933 г. [Боло, 1938, с. 145].

106. Приобретение крыльев

На территории современного колхоза им. Куйбышева, в I Мельжахсинском наслеге, в местности, называемой «Чонгхох», долгие годы ухаживали, присматривали за женщиной, которая сошла с ума. Ее величали «Мельжахсинской госпожой». По рассказам, позже у этой женщины выросли крылья, и она улетела в Верхний мир. Ее настоящее имя, говорят, никогда не произносили вслух, боялись ее, да и почитали.

Это истолковывалось, согласно прежним верованиям, как ее отлет в неведомую даль. С той поры она стала дерзкой *юёр*, упоминаемой лишь в шаманских заклинаниях.

Записал М.Г. Наумовский 15 июля 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 35 об.

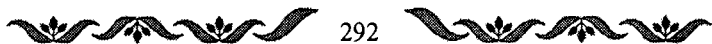
107. Кунньяас-Ойун

Кунньяас-Ойун — небесный дух, он имеет еще второе имя — Джагыл-Атыырдаах (имеющий жеребца с крыланом на оплечьях). Шаманы посвящают ему лошадей с указанными приметами в масти. Он якобы родился и жил в Мельжахсинском наслеге Мегинского улуса.

Мать, родив его, пропала без вести. Ребенок вырос, превратился в мужчину, не видя своей матери. Однажды он остановился на ночлег в юрте у незнакомых людей. Ночью он имел любовную связь с одной женщиной, которая оказалась его матерью. Когда это обстоятельство обнаружилось, он пошел в лес и повесился. Так рассказывают у нас о происхождении этого духа.

Он упоминается при очень серьезных, хронических заболеваниях.

Со слов Е.В. Васильева, 65 лет, Баппагайский наслег Средневилюйского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в феврале 1925 г. [1977, с. 234].

МИФЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВАХ, ОБИТАЮЩИХ В СРЕДНЕМ МИРЕ

108. Происхождение вселенной

В древности, когда вся земля была покрыта водой, когда вокруг разливалось море, имелось, оказывается, только солнце. Затем, остывая-остывая, высыхая-высыхая, появилась из воды глина. В конце концов та глина стала землей. Ко времени того остывания в воде возникли все виды живых существ. Однажды, когда таким образом уже образовалась земля, внезапно налетел «пестрый» вихрь, имеющий восемь «пут», оторвавший от земли кусок, который взлетел на небо и стал «Луной». То был такой сильный «пестрый вихрь», что разламывались у жеребят позвонки, выворачивались наизнанку омуты, шуки выскакивали из воды и попадались в петли, расставленные в лесу, зайцы попадали в верши для рыбы, Луук мас (священное дерево. — *Н. А.*) ломалась на куски [...]¹. Вот после этого появился, оказывается, человек, «земная кут» которого создана из земли; «воздушная кут» — из воздуха. Он имел еще «мать-душу», потому что рождался от матери. Так он произошел, говорят. Вот так рассказывали мои дедушка и бабушка в старину. Тогда все распевали, что это было в «Древнем веке».

Со слов С.Г. Игнатьева, 54 лет, II Кулятский наслег Вилюйского района. Записано 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 14 об. — 15.

109. Байанай и Иэйиэхсит

По рассказам древних предков, оказывается, Баай-Байанай и Эджэн Иэйиэхсит — родные братья. Байанай-Барыылаах являлся старшим. Иэйиэхсит имел больше изобилия и удачи и разнообразные богатства. Он признавался создателем всего скота с раздвоенными копытами, трав, деревьев и прекрасной зелени. Несмотря на это, он был очень скуп. Все время давал, отмеривая по малой горсти. А его старший брат Байанай, или Барыылаах, хотя и более беден, но очень щедр, не зажимал свое богатство, оделял порой несуразно (излишне. — *Н. А.*). Однако бывает, что Баай-Барыылаах становился крайне строгим, тогда, как бы ты ни мучился, ни тужился, ничто на твоём пути не встретится. В таком случае изговляешь из дерева или бересты изображение зверя. К тому зверю

осторожно подкрадываешься и стреляешь в него, затем подъезжаешь верхом на олене и навьючиваешь. Разводишь огонь, отрезаешь голову и, от него отщипнув или отрезав кусочек, бросаешь в тот огонь, даешь ему пищу и, делая вид, что радуешься-восторгаешься, читаешь заклинание:

Богато держащий,
Имеющий добротный жребий,
Дедушка наш
Баай Барылаах,
Из принадлежащей моему богатому лесу
Почитаемой дичи
Зачерпни же, подай мне,
Из имеющих длинные остроконечные рога
Подстрекни же, подай мне.
И в отдаленные будущие годы
Также
Направляй же,
Имеющих ветвистые рога.
Приветствуй же,
Имеющих прекрасный вид.
Выделяй в долю,
Уруй,
Уруй,
Уруй!

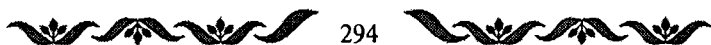
После этого с мыслью о том, что ну вот сейчас добудем дичи, отправляются в богатую тайгу.

Со слов Г.В. Антипина, местность Тегюля тёрдэ, Амгино-Нахаринский наслег Амгинского района. Записал П.Т. Степанов. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 27.

110. Духи-хозяева леса и воды

Дух-хозяин леса богатый Барылаах и дух-хозяйка воды Кюренг баай госпожа раз в три года подсчитывали свои богатства. В это время они играли в карты. Кто проигрывал — богатство того будто бы уменьшалось, оскудевало. А у того, кто выигрывал, — богатство, оказывается, увеличивалось.

Со слов Е.Ф. Кириллина, 65 лет, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 22.

111. Встретившийся с дочерью Байаная

В давно прошедшие века собрались вместе несколько якутов и совместно отправились к побережью восточного моря на одну зиму на пушную охоту, добывать соболей и лисиц. Вместе с теми людьми пошел один кангаласец¹ — очень бойкий, удалой молодой парень. Эти охотники, хотя отправились на охоту вместе, поселились в одной местности и в общем шалаше, но решили промышлять по отдельности. Они согласились с тем, что каждый будет забирать себе всю пушнину, которую он добыл². Вот так они стали охотиться. Тот кангаласский парень тоже охотился самостоятельно. Он был новичком, его раньше не обучали охоте. Поэтому охота у него не ладилась, и он просил своих друзей охотиться артельно, но они не соглашались. Из-за того, что его промысел был неудачным, он очень горевал, печалился.

Однажды утром, он сварил *саламат*³. Заправив *саламат* маслом, он частью его угостил огонь. Затем встал на колени перед огнем и произнес заклинание, с которым обращаются к Байаная. (Точные слова его заклинания сказитель не знает.) Совершив обряд, он поел свой *саламат* и, как обычно, отправился на охоту.

Придя в тайгу, он осмотрел свои самоловы, установил и новые. В это время вдруг он заметил, что по распадку одного ручья, навстречу ему идет прекрасная молодая девушка. Увидев ее, он опешил да и удивился. До сих пор неизвестно, чтобы где-нибудь здесь поблизости жили люди. Поэтому он подумал: «Откуда же пришла сюда, в самую середину безграничной тайги, такая женщина?» Вот они подошли вплотную друг к другу. Когда он разглядел ее вблизи, то оказалось, что она самая красивая из женщин, да и совсем молоденькая. Одета она была в удивительно прекрасную одежду, сшитую из разных дорогих мехов тайги. Встретившись они, как обычно водится у людей, поговорили доброжелательно друг с другом. Парень спросил у женщины, из какого она рода-племени, откуда прибыла сюда, но она не стала говорить ему об этом подробно. Только вскользь обронила, что она охотится в этом краю. Сказала: «Ты не пугайся и не изумляйся, я не злой дух».

А парень, будучи молодым юношей, почувствовал сильное влечение к этой женщине, сердце у него застучало-забилося, он вдруг разомлел. Он обнял крепко женщину, стал ее целовать, миловать, начал ее ласкать. И женщина тоже ответила ему взаимностью. Так они вдвоем спокойно помиловались. При расставании

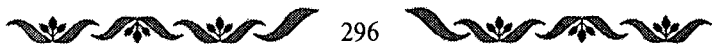
женщина сказала: «Про то, что встретился со мной, про наше знакомство, никому из людей не говори. Если скажешь, я все равно узнаю, услышу. Тогда на меня не обижайся, а себя кори». В ответ парень пообещал никому не говорить. Они договорились встречаться постоянно, даже каждый день, на том самом месте. Поговорив вот так, они расстались.

С той поры парень стал каждый день ходить на свидание с той женщиной и любиться с ней. Кроме того, в каждую его ловушку, на каждый его самострел, черкан, петлю — на все его орудия охоты стали попадаться разные звери. Ни одно орудие не простаивало впустую. За несколько дней он догнал других охотников. Появилось мнение, что человек, оказывается, очень быстро приобретает охотничью сноровку. «Ну, ты просил охотиться артельно, давай объединимся», — стали уговаривать его. Но он не согласился войти в артель.

Вот так он все зиму провел в любовных утехах с той женщиной. И охота у него была несказанно удачной, он добыл множество самых разных пушных зверей темной тайги. Весной наступила пора, когда нужно заканчивать промысел и возвращаться домой. Он думал взять навсегда в жены эту женщину и увезти ее с собой. Но она сказала: «Я не обычная женщина, я дочь Байаная темной тайги, поэтому услышала тебя и пожалела, когда ты, стоя на коленях, заклинал нас разными грустными речами, угостив через огонь саламатом, сдобренным маслом. Кроме того, я увидела, какой ты молодой и красивый, тем ты меня привлек, и я любила. Поэтому я одарила тебя ценной пушиной темного леса, дала мехов столько, сколько ты хотел. И еще я забеременела, и если рожу мальчика, то он станет байанам по имени Хангалас сиэнэ (внук кангаласца). Ты больше не надейся, что встретишь меня. Это наша последняя встреча. Но ты запомни накрепко: не смей говорить никому из людей о своем знакомстве со мной, если расскажешь, то на меня не обижайся, а вини себя». Вот так они поговорили и распрощались.

Вернувшись домой, парень продал много пушнины, поправил свои дела и повеселился. Как просила дочь Байаная, ничего никому не рассказал. Он заимел безмерно много денег и пищи. Но, несмотря на это, не женился, не обзавелся хозяйством, стал постоянно думать о дочери Байаная.

На следующий год он заранее подготовился и снова отправился на промысел. Он приобрел для этого хорошего коня, взял с собой много еды и водки, нашел несколько друзей в попутчики. В

тайге они остановились в том же месте, что и в прошлом году, снова начали охотиться каждый сам по себе. А парень, опять по привычке, неоднократно пытался заклинать, угощая огонь пищей. Он каждый день стал ходить на то место, где встретил в прошлом году девушку и, плача-рыдая, звал ее. Но безрезультатно, дочь Байаная так и не пришла.

Добыча у парня, как и раньше, была очень хорошей. Но это его не удовлетворяло. Он безмерно горевал, тосковал из-за того, что не встречался с самой дочерью Байаная. Он дошел до такой крайности, что перестал разговаривать с друзьями. И есть не ест, и спать по ночам перестал. Друзья спрашивали: «Заболел ты, что ли? Что с тобой стряслось, почему не ешь? Почему перестал разговаривать, дар речи потерял? Или тоскуешь из-за чего-нибудь?» Вот так дотошно друзья пытались выпросить его. Но он совсем не рассказывал, из-за чего стал таким.

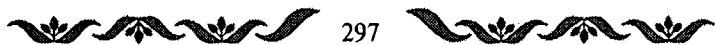
И вот однажды охотники устроили день отдыха. В этот день они приготовили много пищи, поели, выпили много вина. Все опьянели, и тут у них начались разговоры обо всем. Вот, беседуя, они снова по-разному стали выпытывать у парня его тайну. В этот раз парень, оказывается, опьянел. Он начисто забыл запреты дочери Байаная. Он рассказал друзьям все: как в прошлом году встретился с дочерью Байаная, как с ней миловался, как стал добывать много пушнины и то, о чем предупреждала его дочь Байаная при расставании. Когда кончил свой рассказ, он сказал, что она просила об этом никому не рассказывать, а он проговорился, мол, из-за того, что опьянел. Как только он кончил рассказывать, внезапно раздался резкий звук, издаваемый при быстром беге на охотничьих лыжах. Этот звук просвистел подобно пуле по тому месту, где сидели охотники, — и тут же проговорившийся парень повалился наземь так, как будто пальто, сброшенное с плеч, и сразу же умер.

С той поры, рассказывают, на востоке в верховьях речек, появился *байанай* Хангалас сиэнэ, родившийся от обычного человека.

Записал А.С. Порядин 20 декабря 1939 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, л. 376, л. 54—60.

112. Чаадай Боллох

Он — злой дух. Лежа на дороге, по которой ходит Байанай, или около орудий охоты, Чаадай Боллох имеет привычку прогонять промысловых зверей от охотника. У него дурные помыслы, он упрямый, несговорчивый, переменчивый. Если охотник решит

угостить пищей, то дает ему, упомянув его имя при жертвоприношении Байанаю. Об этом Чаадае есть такой рассказ. Они родились и выросли в одном краю. Двое их было, старший и младший брат. Кто были их мать и отец, то неизвестно. Старшего брата звали Дьаранаас, а младшего — Чаадай. Дьаранаас имел, оказывается, одного быка, Чаадай — одну собаку. Кличка его собаки была Хардас. Больше у них скота не было. Однажды ночью, когда они спали, пришли к ним воры и украли их собаку и быка. Эти люди не смогли догнать воров. Из-за своей потери они впали в нужду, очень оскудели. Поэтому они устроили заязок на речке Холомуку. Соорудив его, поссорились, дрались друг с другом, из-за этого рыба перестала ловиться. Оба они были, оказывается, шаманами. Каким шаманом был Дьаранаас, великим или слабым, никто не знает. Чаадай был слабым шаманом, способным подняться вверх на три ступени¹ и спуститься вниз на три ступени. У этих людей наступил день, когда они умирали от голода. Оба они слегли и уже не могли подняться. Лежа так, они поговорили.

Дьаранаас сказал:

«Если бы со мной был мой бык, я бы не умер. Я умер из-за того, что украли моего быка. Поэтому я стану *юёрем*, буду ходить, ведя за повод своего быка. Пищей мне станут рождающиеся дети, еще не достигшие трех лет».

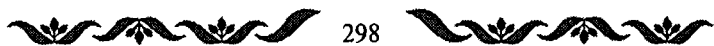
За ним сказал Чаадай:

«Я умираю из-за того, что человек украл мою собаку, после смерти буду водить за собой собаку и стану препятствовать на путях темной тайги, около самострелов и черканов (самоловов). Стану препятствием на водных потоках, где ставят сети и верши. Буду лежать поперек дороги духа-хозяина темного леса, буду лежать поперек дороги духа-хозяйки земли».

Затем оба умерли. С той поры они стали *юёрями*: Чаадай стал чинить препятствия в промысле, а Дьаранаас стал «соседкой», поедающей детей.

Иногда Чаадай Боллох проявляет враждебность к охотнику. Тогда он преследует его постоянно, и охотник ничего не добывает. В подобных случаях замечали: «О-о, ну, этот человек ничего не смог промыслить, добычу его забрал Харгьыс».

Чаадай проявляет враждебность в таких случаях: если не бросать в огонь пищу, упоминая его имя; если добром не поминаешь его при угощении Байаная; если его не чтишь, регулярно его оскорбляешь, ругаешь. Когда он решает долго преследовать охот-

ника, то ставит на пути Байаная самострел для того, чтобы помешать зверям встречаться с охотниками. Его самострел — «кривой самострел из молодой лиственницы с тетивой, связанной из семи кусков пестрого волосяного шнура».

На водных путях он ставит свою сеть для того, чтобы преградить дорогу рыбам. Та сеть называется «серая сеть из тополиного лыка, имеющая пять поплавков и пять каменных грузил».

Если он начинает преследовать, то приглашают шамана, и он совершает камлание. При этом ему дают в жертву «голубовато-серого пса, имеющего рыжие пятна у основания ушей, рыжеватые подпалины на коленях». Чаадай не может подняться выше трех ступеней пути в Верхний мир и не может спуститься ниже трех ступеней пути в Нижний мир. Он ходит по всему Среднему миру. Когда шаман во время камлания приводит Чаадаю, то берет собаку и, говоря: «Моя, моя, шу, шу», — делает вид, что ездит на ней верхом, распугивая кого-то. Затем говорит: «Свою собаку отдаю вам, не давайте ей дурную кличку, не бейте, не ругайте. Если у вас будет добыча, то привяжите ее в той стороне от шалаша, где восходит летнее солнце, и читайте заклинания в мою честь. Потом кормите ее лучшими кусками от своей добычи. Если будете о моей собаке отзываться дурно, то перестану пропускать дичь темного леса, лишу промысла в проточных водных глубинах».

Эту собаку содержат как можно лучше, сытно кормят, не ругают, не бьют.

Члены семьи эту собаку называют «наш самец», произносить ее кличку запрещено.

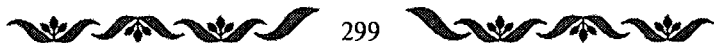
При удаче на промысле выполняют «наказ» Чаадаю. Собаку привязывают к той стороне шалаша, где летом появляется солнце, и угощают лучшими кусками дичи или рыбы.

Когда шаман вселял в себя Чаадаю, он все время ходил, махая руками и непрерывно крича «Шу! Шу! Шу!», как человек, пытающийся распугать кого-то.

Со слов жителей Абыйского района. Записал А.А. Саввин 22 апреля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 101—108.

113. Из-за греховных речей¹

На земле Тохтосут, на территории II Нахарского наслега, бывшего Восточно-Кангаласского улуса, ныне земля колхоза «Красная заря», I Нахарского наслега Мегино-Кангаласского района,

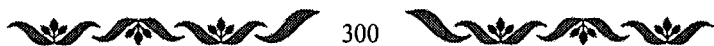

имеется огромное таежное озеро «Харыйалаах». У этого озера жил старик Хообдьоорон, имевший одну или двух коров. Озеро славилось своей рыбой. Однажды славным вечером, упомянутый выше старик вместе со своей старухой отправился проверять верши. Старик сел на носу лодки, старуха — на корме. Из нескольких вершей они взяли очень много рыбы. Пятая верша оказалась очень тяжелой. Старик с трудом вытащил ее в лодку. В ней оказался преогромный, необычный карась. Размером он походил на громадную речную рыбу, но чешуя была точь-в-точь карасиная. Возвращаясь домой, когда оставалось около десяти сажений до берега, старик сказал: «Да, дружок, ненаглядная наша бабушка особо раздобрилась, подарила лучшее дитя своей пучины». Старуха, как только услышала слова старика, сильно пристала к нему — «покажи» да «покажи».

Не устоял старик, не выдержал. Ухватил рыбу обеими руками, весь напрягся и поднял ее, но когда стал поворачиваться, она хлестнула хвостом и вырвалась. Сперва шлепнулась поперек лодки, а затем сиганула в глубь озера. Долго-долго рыдали старик со старухой на берегу. Спустя много времени, лишь поздним вечером они вернулись домой.

Про эту рыбу, так печально потерянную ими, они стали рассказывать каждому, с кем приходилось встретиться. Слух об этой рыбе рос не по дням, а по часам. Увеличившись чуть ли не вдвое, новость достигла города Якутска. Она проникла в голову спесивого богача Кычкина прямо через темя. Спустя несколько лет, он заранее начал подготовку. Но только по первому осеннему снежку отправился на озеро «Харыйаалах» целым поездом — запряг семь громадных быков в сани, положил на них невод и дорожные припасы, а сам ехал на тройке коней. Прибыли на место спустя три дня после праздника Покрова (Богородицы).

О том, что на «Харыйалаахе» состоится неводьба, услышали все, и ближние и дальние. Ради знаменитой рыбы собралась бесчисленная толпа. Вот начали пробивать проруби, подготовили все и запустили невод. Присутствующие ожидали, что хозяин невода вначале устроит обрядовое угощение. Тогда местные старики предложили: «Надо бы устроить угощение, покормить бабушку — духахозяйку озера». Но ретив был Кычкин, услышав это, весь напыжился так, что боялись, лопнет на нем кожа, покраснела рожа, как полная луна, запыхтел, как утопающий, только что вынутый

из воды, и с тяжкими вздохами произнес: «Еще называют бабушкой, вот досада, всякое озерцо стали величать бабушкой, неужто она может не отдать всякую дрянь, обитающую в ее водах. В какую свою тинную яму их засунет? Что бы она ни делала, я заставлю вывернуть наизнанку ее нутро, протащу невод от ее начала до конца, проведу несколько раз поперек него, не оставлю в нем ни одной лягушки, ни одного водолюба, весь ее лед велю перетаскать в лес и разбросать». Но и после этого не угомонился. Ходил, ругаясь словами, которые многие вслух не произносят. Речи его были не по душе всем, кто участвовал в рыбалке. Невод медленно стали вытягивать на лед, прославленный невод. Все присутствующие столпились у круглой проруби, через которую его вынимали. Хотели увидеть, как много рыбы будет поймано. Вот, начали тянуть очередную жердь, но вдруг огнем ожгло рыбакам руки, жердь сорвалась и весь невод мигом провалился вниз. В ту пору глубина озера была 3—7 сажений, а ширина его была такой, что линной турпан проплывал под водой ни разу не вынырнув в середине.

Старики тайком шептались: «Невод забрала хозяйка озера, мстя за его греховные речи». А богач Кычкин добавил: «Невод не иголка, а даже железную иголку находят в воде, найдем, конечно». Искали до тех пор, пока не съели все припасы, взятые с собой. Прошли дни святых Дмитрия, Михаила. Съели и мясо семи быков, на которых привезли свою поклажу. Остались только головы семи быков, а невод, «не являвшийся иголкой», все не обнаруживался. Головы быков господин сам варить стал. Для того чтобы дольше искали невод, он нарочно варил так, что вода в котле не кипела. Люди стали вялыми от голода, батраки отчаялись от долгих поисков, никак не могли дожидаться, когда кончатся бычьи головы. Вот когда появилась поговорка: «Неразваривающаяся, как голова быка Кычкина». Почти месяц искали, но невод найти не смогли. Такие случаи в прошлом объясняли тем, что дух-хозяин озера так, оскорбясь, наказывает слишком жадных, наглых богачей за их невоздержанные речи. Есть слова, которые произносить вслух грешно, говорили древние старики.

Через несколько лет, по рассказам рыбаков и охотников, куски невода появились на берегу в разных местах, в этом озере и сейчас ловят рыбу, но после того случая никому не попадалась слишком большая рыба.

А спесивый богач Мегинского улуса Кычкин был наказан за свои тяжкие оскорбительные слова. Он не поймал ни одного голяна, которого можно было бы положить в рот, потерял невод и семь своих быков. Еле живой вернулся домой. По якутским верованиям, нельзя болтать без толку, каждое слово имеет своего духа.

Со слов Егора Федоровича Кириллина, 65 лет, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал М.Г. Наумовский 10 октября 1945 г., местность Хочо юрэгэ. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 21—21 об.

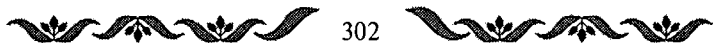
114. Дух-хозяин родины¹

В Бетюнском наслеге жил, оказывается, шаман Куоласын. В то же время в Няяхинском наслеге Дюпсинского улуса жил Илья Ньёлёк, довольно зажиточный человек. Тот шаман каждый год приезжал к Илье и забирал у него коней и скот, говоря, что собирает наследные подати. Он брал ежегодно по четыре упитанных яловых кобылицы на содержание наслега. Однажды, когда шаман снова приехал, Илья раздосадовался, разозлился и отказал ему. Тут шаман очень рассердился, грозился «съесть», нанести вред, к тому же остался ночевать. Они поссорились. Из-за этого Илья ночью переселил в другое место всех своих домочадцев (дело было летом), пока шаман спал.

Около жилища Ильи находилось одно громадное поле, называвшееся Кэнгиэрийэ. Илья утром пришел на один из мысов этого поля и, обращаясь к его духу-хозяину, пожаловался: «Вот таким-то путем шаман Куоласын довел меня до разорения, уничтожения, пожалей, защити!»

Тогда же утром шаман, проснувшись, произнес самые разные проклятья и уехал. Он, оказывается, ездил, имея спутника. Они стали въезжать на окраину местности Таргана. Шаман первым ехал верхом, за ним следовал его спутник. Внезапно сверху раздался какой-то шум, и моментально придавило к земле шамана вместе с его конем. Конь только приподнял свою переднюю часть и тут же сдох. Это значит, что шамана убил дух-хозяин Кэнгиэрийэ — родины Ильи, защищая его.

Со слов А. Ильиной, 73 лет, Тюбинский наслег Намского района. Записал А.А. Саввин 26 марта 1940 г., с. Абый. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 115.

115. Способ передвижения духов-хозяев земли

Весной, когда зеленеют деревья, появляется зеленая трава, в начале отела коров, духи-хозяева земли ходят, превратившись в вихрь. Во время появления вихря детей не выпускают во двор.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

116. Гнев водяного быка¹

Если водяной бык рассердится, то может мгновенно переместить воду озера в другое место.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 215.

117. Младшая дочь Улуу тойона

Духом-хозяйкой хлева является младшая дочь Улуу тойона Бу Богугай бабушка. Если где-то она начнет вредить, то сильно вредит (детей делает ленивыми, насылает болезни на скот).

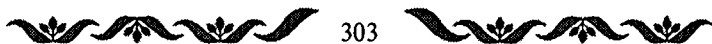
Она летом ходит по двору и в заслоне для скота прячется в тени любимой ею скотины. Иногда ходит, прячась в тени ребенка (если любит его). Дитя не болеет, она к нему не подпускает *абаасы*.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

118. Ынахсыт

С древних времен до совсем недавней поры якуты верили, что кое-где у некоторых семей поселялся дух, называвшийся Ынахсыт. Она хотя не показывалась людям, но несомненно существовала. Ее нельзя было отнести к настоящим *абаасы*, но и подлинной *айыы* тоже не считалась. Домочадцы относились к ней с большим почтением. Произносить вслух ее имя Ынахсыт остерегались, поэтому постоянно называли «живущая на левой стороне», более того, величали Ньяадьы Дархан (Достопочтенная воспитательница. — Н. А.). Даже их соседи, все кто жил неподалеку, не называли ее Ынахсыт, а говорили: у той семьи имеется живущая на левой стороне, или у них есть Ньяадьы.

Для Ынахсыт готовили специальную посуду, из которой она ела. Это было донышко глиняного горшка, вылепленного так, как это делалось в древности. На это донышко клали горячие угольки и на них наливали для нее масло или *саламат*. Такое

почетное угощение устраивали ей осенью, когда заводили в хлев первую скотину, и зимой около Нового года. Весной же при переезде с зимника на летник украшали летний хлев пестрым шнуром, увешанным лоскутками материи и кусочками бересты. Этот шнур натягивали под потолком хлева. После этого на доньшке глиняного горшка разводили огонь и на красные угольки наливали для нее масло. Его наливали не правой, а левой рукой и не во внутреннюю сторону, а наоборот. Тут произносили маленькое заклинание: «Ньяады Дархан госпожа, вот твое достойное благодарности угощение, вот твоя долгожданная мечта, ешь-вкушай».

Ынахсыт, говорят, очень обидчива. Например, она сердится и злится, если войдут в летний хлев женщина или мужчина из чужой семьи, если не угостить ее при кормлении огня, если не выделить духу-хозяйину огня или не положить ей на доньшко горшка долю от почетного гостинца, присланного откуда-нибудь от другой семьи. Она даже обижалась в тех случаях, когда в *хотон* высыпали золу с горящими угольками, или если люди ругались и громко говорили, находясь в хлеву. В результате ее возмущения на скот нападала внезапная болезнь или мор.

Она была полезна для своих хозяев только тем, что в место, где она поселилась, не приходили, даже не приближались духи, причиняющие болезни телятам. Поэтому увеличивалось количество скота, и та семья становилась богатой. Ынахсыт строила себе гнездо в углу хлева или в начале ясель, вырывая шерсть у скотины и даже волосы у хозяев. Свое гнездо она делала похожим на гнездо большой утки. Трогать его запрещалось, да никто и не осмеливался.

Иногда семье не нравилось появление у них Ынахсыт или она надоедала. Для того чтобы отделить Ынахсыт, приглашали хорошего шамана, славящегося умением произносить заклинания. Он камлал и переселял Ынахсыт в другую семью. Ей отдавалась в жертву абсолютно черная четырехлетняя корова, не имеющая никаких отметин. Корову шаман убивал и «отводил» так же, как и скотину, жертвуемую злым духам. В обоих случаях произносились одинаковые заклинания. *Кут* и *сюр* этой коровы получала Ынахсыт и в качестве своей доли богатства уводила с собой в новую семью, куда переселялась. А все мясо забирал с собой шаман так же, как и мясо скотины, принесенной в жертву злым духам.

Со слов Семена Ивановича Брызгалова, 85 лет, Чалгинский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал А.С. Порядин в 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 373, л. 6—7.

119. Дитя орука¹

Часть *орук*ов бывает пустой. А если в *орук*е есть *кут* ребенка, она, лежа в этом *орук*е, плачет потихоньку, приговаривая: «Никто за меня не беспокоится, никто не берет, я бы ребенком стала». Если бы *кут* скота могла быть в *орук*е, то шаманы бы ее забирали, да и в призываниях к Ынахсыт бы упоминали. Шаман Ласагар сказывал, говорят: «Вон в том *орук*е, который находится на западной оконечности Булгунняхтаха, есть, оказывается, *кут* девочки, если бы оттуда попросить, то бездетная женщина родила бы ребенка».

Женщина, у которой нет детей, должна постелить под деревом, на котором имеется *кут* ребенка, белую подстилку из конской шкуры, украшенную черной каемкой, поставить на нее три берестяных ведерка *суората*, сдобренного маслом, и затем просить кратким заклинанием ребенка. Если на тот *суорат* упадет сверху паук с рожками, то она зачерпывает его ложкой и съедает. В таком случае рождается ребенок, который не умирает в детстве. Потомство того ребенка, оказывается, при сильном ветре заикается, а сидя, покачивает головой.

Со слов В.Н. Кривошапкина. Записал А.А. Саввин 18 февраля 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 71—71 об.

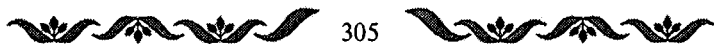
120. Орук Сыбаанны

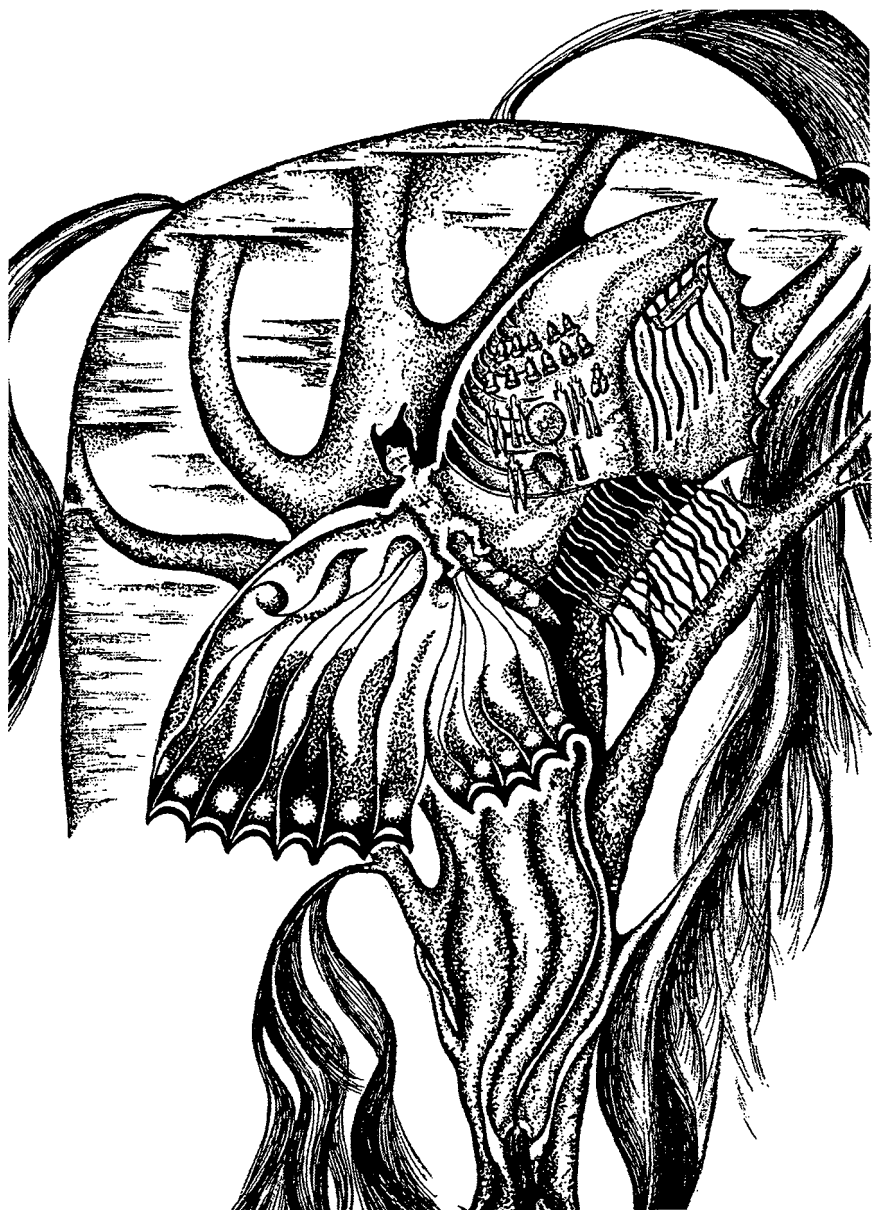
Она, умирая, сказала: «Около моей могилы появится на дереве *орук*. Если туда придет женщина, ни разу в жизни не рожавшая, постелит белую подстилку из конской шкуры, украшенную черной каемкой, установит на ней девять маленьких берестяных ведерок с *суоратом*, сдобренным маслом, и ляжет навзничь, то тогда сверху спустится паук. Если она его съест, то забеременет и родит ребенка. Если тот ребенок будет девочкой, то это будет мое второе рождение. Девочка та станет шаманкой».

Со слов Матрены Поповой, 80 лет. Записал А.А. Саввин 13 января 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 64.

121. Злой дух, причиняющий болезни детям

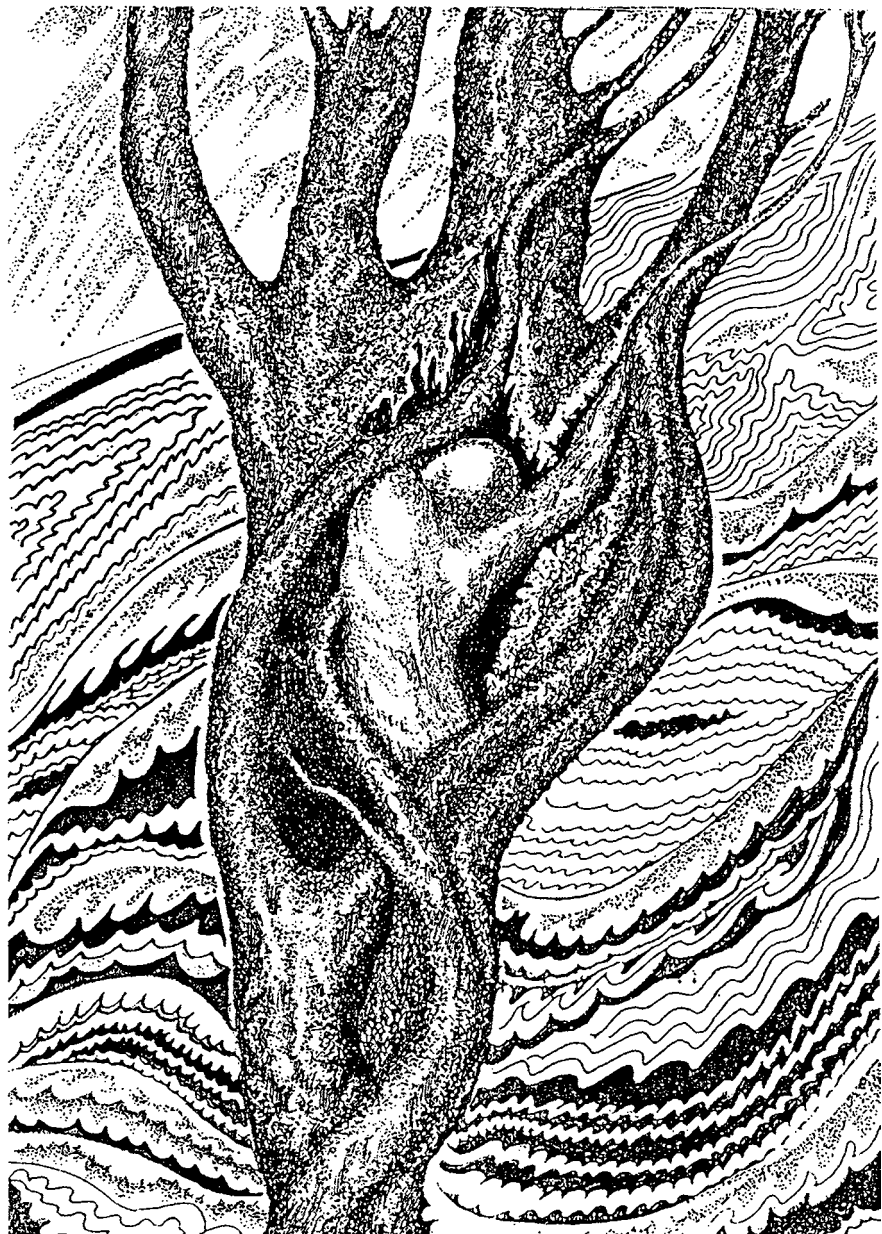
Злой дух, причиняющий болезни детям, имеет самое тяжкое дыхание из всех злых духов. Он показывается, как известно из снов и предчувствий, в образе огромного человека или собаки и

Дерево с помелом, в котором ждет своего часа *кут* (душа) шамана

Древо жизни

кошки. Поэтому считают, что он имеет множество уловов, обладает многообразным даром превращений, применяемых для бегства. Для того чтобы этот злой дух не подходил близко, совершают обряд разрезания веревки¹, «воруют» детей (так, чтобы никто не знал), мальчика одевают девочкой и наоборот, девочку — мальчиком, берут на воспитание еще одного ребенка, отдают на воспитание в семью, где много детей, используют как амулеты вещи, которых пугаются злые духи: нож, ожиг, топор, высушенный мочевого пузырь скотины, медвежьих лапы и др. Такие предметы вешают над детской люлькой те, у кого умирали младенцы. А те, у кого дети не умирали, не вешают их, не придают им значения.

По представлениям, злой дух, причиняющий болезни детям, пугается, когда натывается на эти вещи из-за своего огромного роста.

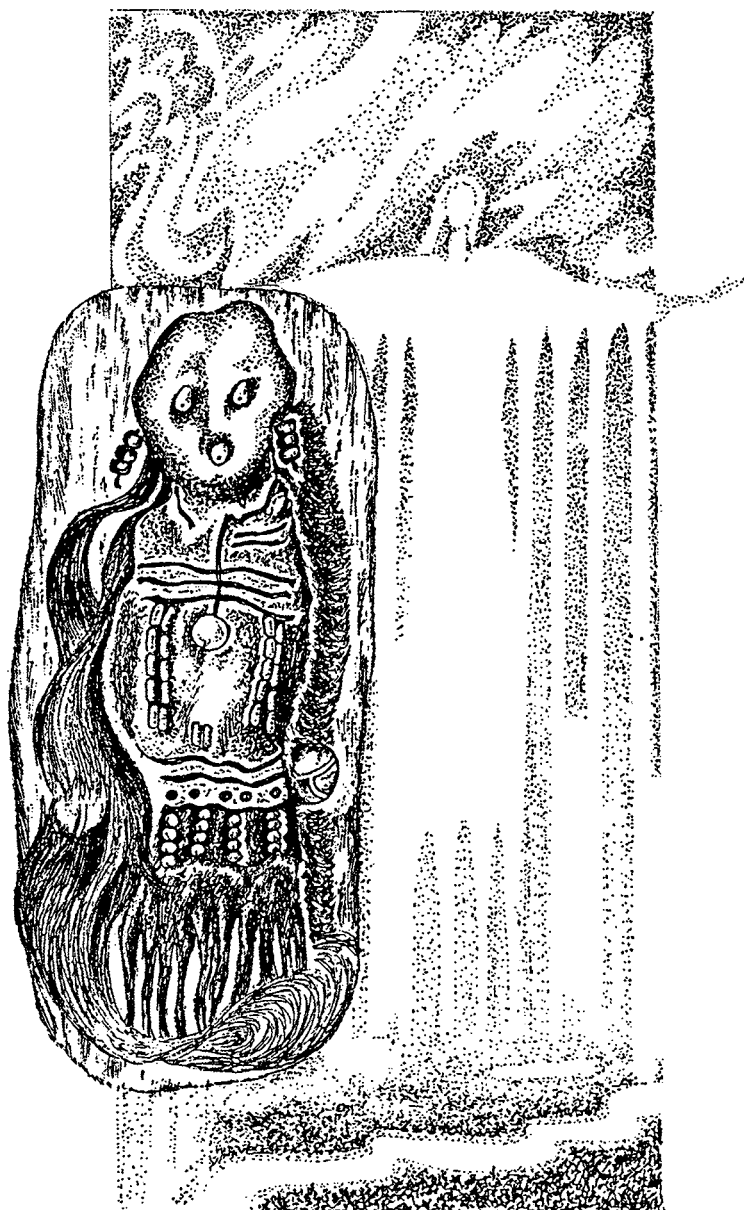
Со слов М.Г. Наумовского, II Нахаринский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 15.

122. Дева-божество

Не слышно, чтобы она имелась в наших краях. Таких божеств много в Олекминском районе. Если в дом, где имеется Дева-божество, приходят купцы или празднующиеся проезжие люди, то обязательно ей делают подарок. Дают пушнину и деньги — кто больше, кто меньше, по силе своих возможностей. Эта Дева-божество очень сильно привлекает посторонних к хозяевам дома. К ним становятся дружелюбны даже те, кто и не должен с ними дружить, дают даже те, кто не думал давать, любят те, кто не должен любить. Такие люди прямо-таки богатеют, становятся зажиточнее. Время от времени, в случае веселья или пирушки, Дева-божество угощают водкой. В таких случаях в конце пирушки хозяйка подносят водку к огню, отливают часть, а оставшееся выпивают. Когда они заболевают или случается какая-нибудь утрата, жалуются этой Деве-божеству, просят у нее помощи. Ее изображение делают в виде идола, заворачивают в мех лисицы или колонка.

В старину, говорят, в Акане случилось, что собака таскала в пасти кисть умершей женщины. Эту кисть отняли и из нее сделали Дева-божество.

В Олекминском районе Дева-божество имеется, по рассказам, у женщины, которую зовут Мария Васильевна, в старину имел богиню богач Сантайка. Когда умирал человек, у которого была

ОНГОН «Дева-божество»

Дева-божество, ее передавали кому-нибудь из его родственников, человеку, сильному духом.

Со слов Натальи Михайловны Александровой, 79 лет, Кугдарский наслег Мегежекского района. Записал А.А. Саввин 4 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 51—51 об.

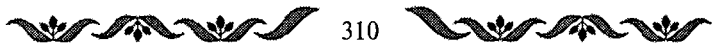
123. Рассказ о Бахсы айыыта

В Бахсытском наслеге жил человек по имени Дьэллэмэй. Он был князем и достиг среднего возраста. В то время однажды он ехал по большой проезжей дороге. Вдруг видит, навстречу ему бежит рыжая лисица. Увидев, он попытался забить ее своей плетью с камнем на конце. Но лиса увернулась. Он стал преследовать ее. В ходе преследования лиса превратилась в колонка. Он все равно продолжал погоню. Затем колонок превратился в огонь. Он продолжал преследование. Этот огонь превратился во всадника. Его тоже стал преследовать. Вот так он гонялся за ней в течение трех суток.

В это время его стали искать родственники и нашли по следам, оставленным им. Тут они обнаружили, что он сошел с ума, стал безумцем. С того года он в продолжении девяти лет оставался сумасшедшим, а затем исчез.

По словам некоторых, он, будучи князем, отнял покос у сына умершего шамана и устроил помочи¹. Когда начали косить, человек, у которого отобрали землю, прибежал к могиле своего отца и начал, вопя, рыдать. Затем он, стуча по могиле отца палкой, произнес следующие слова:

Отец мой дорогой!
Как только ты зажмурил свои очи,
На меня косо взглянул, имеющий дурной глаз,
Отругал, имеющий острый язык,
Ударил, имеющий крепкие руки,
Попинал, имеющий мощные ноги!
Прекрасный наш *алас*
Отнял князь Дьэллэмэй,
Пришел с тридцатью косарями,
Искосил, начал прокашивать его от начала до конца,
Стал его пластать по самой середине.
Как ты это не увидел,
Как огонь глаз твоих прекрасных
Направился в обратную сторону?
Как ты это не услышал,
Как твои прекрасные, чуткие уши
Заложило совсем?

Несмотря на то, что ты находишься так близко,
Разрывается моя толстая кожа,
Ломаются мои прозрачные трубчатые кости,
Проливается моя черная кровь,
Остались мы босыми на снегу
Из-за того, что отняли наш прекрасный *алас*,
Как же так, дорогой мой отец?

Как только он произнес это, с могильного холма, из-под крыши надмогильного сооружения, вдруг поднялся ввысь вихрь. В тот же момент прямо с запада задула буря, подняла и понесла страшную, черную грозовую тучу. Прилетела она к покосу и обрушила мощный ливень с градом на то место, где стояли участники помочи. Затем вихрь поднял в воздух все скошенное сено и разметал над лесом и над водой. Тех косарей он повалил лицом вниз.

Князь Дьэллэмэй сам находился в шалаше. Вихрь опрокинул тот шалаш, молния опалила всего Дьэллэмэя, обожгла всю его одежду и снаряжение. Нашли его там лежащим в бессознательном состоянии. Как только он очнулся от обморока, то стал грызть себя. Затем разбросал костер, схватил веревку и попытался удавиться. Стало ясно, что он сошел с ума, и его схватили. Вот так он буйствовал в течение полных девяти лет, не приходя в разум. В состоянии безумия он повесился.

После смерти он превратился в грозного *юёря*, неотвязно преследующего человека, увидевшего его. Показывался он людям в той одежде, в которой ходил, когда был здоров, верхом на том коне, на котором ездил в те годы. После того как человек слышал хлопки его плети или стук копыт его коня, он заболел или сходил с ума. Заболевший вел себя так же, как поступал Дьэллэмэй во время сумасшествия.

Ежели он вселялся в шамана или *мэнэрика*, то они разбрасывали огонь, примерялись к деревьям, поднимались на коновязь, убегали куда глаза глядят, прижигали себе кожу. Кроме того, они становились на то время заиками, так как Дьэллэмэй заикался. Отбивали его левой рукой².

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 9—14.

124. Князец Дьэллээни — тойон Бахсы¹

Бахсынский тойон имел родовитых и богатых деда и отца и сам был богатым человеком. Он человек, притеснявший Бахсынскую землю. Однажды он в неурожайный год отправился к аласно-

му озеру Дибилиттэ, еще в старину переданному в качестве приданого за девушку в Курбусахский наслег², заставил на нем выкосить камыш и, имея с собой десять человек, собрался самовольно увезти на десяти быках. Когда укладывали камыш на сани, пришел проживающий здесь человек Курбусахского наслега, сын шамана Мундулаах Угудуй и сказал: «Зачем потревожили мою землю? Не берите моего камыша, возвращайтесь». На это Бахсын-ский тойон, сказав: «Да ты еще пришел сюда и бросаешься сло-вами», — заставил схватить парня и тут же высечь. Парень, ока-завшись высеченным, плачет и рыдает, слезами умывается. На возвышенности этого *аласа* находились, оказывается, могилы двух шаманов Мундулаах Угудая и Ёксёкюлөх Баргыйа. Парень, усев-шись верхом на могилы, ударяя по ним, плачет-причитает: «Бах-сынский тойон притесняет, попирает, захватывает нашу родную землю, отнимает ее, послушайте-посмотрите, помогите-защити-те». При этом внезапно спустившийся вихрь закружил и поднял ввысь шапку Бахсынского тойона из чернобурой лисы с бобровы-ми наушниками, ветер не дает возможности нагрузить сено и камыш. Бахсынские люди и сами-то насилу убежали.

Бахсынский тойон слег, заболев в пути. С этого случая Дьэл-лээни, сойдя с ума, проболел целых девять лет. Его постоянно держали связанным и в колодке, садили, надев на него тяжелые доски. Его привязали веревкой между двумя деревьями и надели колодку, он там и умер. Летом похоронили там, где жил, на склоне горы Мелюгэр. Над могилой ему поставили деревянный намогильник.

Шаманы и шаманки тойона Бахсы ввели в сонм *юёр* и при заклинаниях называли его «*Айыы*», «Дьэллээни с вороном». [При обряде] подражали его мучительной смерти, кричали-выли, били по деревьям и травам.

Со слов Петра Филипповича Слепцова, 72 лет, Бахсытский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло 19 июля 1934 г., местность Кюнюк [ИПРЯ, ч. 2, с. 277—278].

125. Дух-хозяйка Алтана

В давние времена в Хаптагайском наслеге Восточно-Кангалас-ского улуса, за всю жизнь нажив «сюллюкинское» богатство, жил, говорят, улусный голова Федор Хаччылаах Хайааны. Этот человек даже сам не знал количества своего скота, говорят. Когда был

пьяным, он говорил: «Если положить в ряд мои серебряные монеты, то они дошли бы от одной священной горы Ытык Хайа до другой». Этот голова имел жену по имени Матрена Халлаан.

У них дети все время умирали, оказывается. Они все умирали, достигая восьми-девятилетнего возраста. Старики того времени говорили: «Вот, у вас умирают дети, вы воспитывайте их, спрятав где-нибудь на стороне». Послушав это, Федор Хаччылаах Хайааны двух умерших детей, девочку и мальчика, положил в погреб, думая: «Когда жена родит, я спрячу ребенка». Жена его оказалась беременной. Она, оказывается, не знала, что ее муж положил тех мертвых детей, только сам хозяин знал это, говорят. Три дня пролежала женщина в родовых муках. И вот наконец жена родила. Этого родившегося ребенка по левой стороне дома понесли в *хотон* и вынесли через окно, через которое выбрасывали навоз, и спрятали у соседей. Вместо этого ребенка, по подговору хозяина, повивальные бабки завернули мертвую девочку. После того как женщина пришла в себя, полегчала, на третий день родин этого ребенка похоронили¹. С тех пор жена больше не рожала.

Эта женщина не знала, что у нее есть ребенок, пока дочке не исполнилось семь лет. Да и население не знало этого, говорят. До семилетнего возраста этого ребенка воспитывали у других людей, не выводя на божий свет, держали в чулане. К семи годам Федор Хайааны, сам не вытерпев, поглядел [на ребенка], говорят. Он увидел такую прекрасную, румянолицую девочку, не виданную нигде в ближних окрестностях. Вернувшись оттуда, он рассказал жене, договорился с женой привезти свою дочку и воспитывать ее вместе с другими детьми. Они купили, не считаясь с ценой, несколько детей, ровесниц их ребенку, и [приведя свою дочь] воспитывали всех этих детей вместе, так жили они. Дочь их постепенно развивалась и росла. «Для нашего дитяти нигде нет поблизости подходящего жениха, потому если встретится подходящий, то придется отдавать ее в дальние наслега, в другие улусы», — думали они.

Живя так, старик приехал в город. Находясь в городе, он встретился с Лёкёй Модуном², знатным человеком Мегинского улуса. Разговаривали они очень долго. Тут он узнал, что у Лёкёй Модуна, оказывается, тоже есть единственный сын. Он сказал, что у него также единственная дочь. Тогда эти люди договорились устроить встречу своих детей друг с другом.

После того как прошло два года, когда девочке было девять лет, а мальчику десять, состоялся сговор. На этот сговор явилась

вся именитая знать восточных кангаласцев и мегинцев. Два *тойона* встретились, [в знак приветствия] поднимая вверх белые шесты с криком «ура!». Знатный мегинец Лёкёй Модун при встрече с хозяином и хозяйкой дома приветствовал, протянув хозяину правую руку с отборным соболем, хозяйке — левую руку с черным соболем. Таким образом, два улусных именитых человека три дня подряд сидели, заложив ногу на ногу, разговаривали словно связывали бересту. Тогда калыма деньгами не было, говорят, состоялся простой свадебный сговор. Здесь с обеих сторон пели певцы, сказывали *олонхосуты* [сказители эпоса], боролись силачи. Тут мегинцы, однако, не дали себя одолеть, с трудом восточнокангаласцы равнялись с ними, говорят. Поэтому богач кангаласцев Хаччылаах Хайааны сказал: «Я породнился с людьми, достойными быть в родстве со мной».

Когда девочке исполнилось десять лет, кангаласцы отправили ее в так называемый короткий выезд невесты, чтобы она посмотрела свое [будущее] местожительство. В ту поездку она имела, говорят, троих лошадей с украшениями и двух девушек-прислужниц, говорят. Если поглядеть на ее лошадей, привязанных по прибытии к *түсюлгэ* к трем соединенным коновязям, то лошади оказались такими прекрасными и такими нарядными, равных которым нет в Среднем мире, с такими украшениями-сбруями. Эти лошади были разной масти.

По прибытии устроили, говорят, трехдневный свадебный пир. Здесь и *олонхосуты* сказывали, и певцы тоже пели, и силачи боролись, здесь мегинцы победили своими певцами и *олонхосутами*, при глотании *харта*³ победили кангаласцы. Через три дня они увели обратно свою дочку. Лошади девочки и две девки-прислуги остались.

Потом, когда [ей] исполнилось пятнадцать лет, девушка совсем отправилась в дом жениха. Свадебный переезд в дом жениха состоялся на девятый день второй ущербной половины января. Девушка выехала на родину мужа с одним верховым конем, с одной вьючной лошадейю и с одним ездовым конем. Приданое было на семи лошадях, говорят. Кроме того, имела трех девушек в качестве снимательниц *торбозов* (якутская кожаная обувь без каблуков) и двух парней — приданных рабов: таким образом, ей отец и мать выделили всего семь человек вместе с теми первыми. Когда девушка переезжала к жениху, выехало с ней на лошадях 300 человек кангаласцев — родственников и родственниц и сватов, говорят. Во время их выезда была, оказывается, очень сильная пур-

га, говорят. Поэтому они прибыли с опозданием на три дня от дня назначенного срока.

Лёкёй Модун вместе со встречающими, выехав из дома за три версты, три дня подряд ожидал. Через три дня на четвертый, когда встречающие находились в доме, вдруг на улицу прибыли кони со звонким топотом копыт. Услышав это: «Сходите-ка, парни, посмотрите, приехали что ли, или что это?» — сказал их *тойон* Лёкёй Модун. Тогда парни вышли и поглядели, оказалось — никого не было. Пришли и сказали своему *тойону* на это: «Сегодня должны приехать, дух ее вернулся», — сказал, и все вышли, поднимая вверх белые шесты, прокричали «ура».

И действительно, немного погодя, с шумом-звоном приехали они. Юношу с девушкой спустили с саней и со всеми родственниками, прислужниками провели вокруг встречной коновязи по направлению солнца. Если посмотреть на нее, она оказалась, несмотря на свои пятнадцать лет, красивой молодой женщиной с богатыми украшениями. Когда ее так водили, она посинела, как синее сукно, говорят. С этого времени, счастье этой женщины изменилось, говорят.

И вот здесь, у встречной коновязи, повесив волосы конской гривы, поев пищи, прокричали «ура».

Отсюда девушка должна была ехать верхом на молочно-белом коне. Когда привели ее к коню и попытались посадить верхом, а девушка-то не может удержаться на седле. Итак, посадив ее на сани, прибыли к *тюсюлгэ* (здесь — место проведения свадьбы), а тот верховой конь шел без всадника. Семь лошадей с приданным привязали к коновязи с семью столбами, предназначенной для невесты. Затем трех коней женщины привязали к коновязи с тремя выпуклыми выступами. Женщину поставили рядом с мужем, поддерживая ее (до того ослабла). И здесь они стали обходить коновязи с солнечной стороны. Когда они обходили так, над *тюсюлгэ* пронесся звон колокольчика и вслед за тем прозвучала необычно звонкая песня, говорят. На это собравшиеся люди сказали: «У Айбысыта отнята, значит, удача». С тех пор эта женщина сошла с ума, говорят. Поэтому свадьба, которая должна была продолжаться девять дней, была только три дня. Через три дня кангаласцы вернулись.

Всю ту зиму родные мужа приглашали шаманов со всех концов и заставляли камлать. Серого, как белка, жеребца женщины принесли в жертву. Летом она, поправившись, стала как человек.

Затем, когда расцвели травы-цветы, около Петрова дня, их привезли в Бютейдахскую церковь и обвенчали. Во время венчания женщина, говорят, трижды теряла сознание. На следующий день в честь венчания устроили большое *түсөлгэ*. Тут же отец девушки говорил, плача: «Не держите, не ловите, не запирайте, не принуждайте, пусть мое дитя само ходит свободно, все расходы на это я сам заплачу. Дитя мое было как дитя, девушка как девушка, человек как человек, вот, приехав сюда, она стала такой несчастной». Поэтому хотя эта женщина и ходила свободно, но больших бед не наделала, оказывается.

Эта женщина 15 лет сходила с ума, говорят. Иногда она все же приходила в себя и [нормально] зимовала, проводила лето, говорят. И в состоянии сознания, и в состоянии сумасшествия никто даже из молодцов не перечил ей, говорят. Когда она сходила с ума зимой, она надевала всю одежду, в которой приехала впервые, и, принарядившись, уходила иногда в пустые дома, иногда на мыс, говорят.

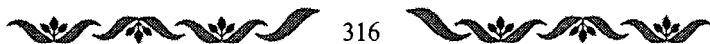
И тогда парни и девки, отданные ей в приданое, возили на подводе за нею еду, кормили и присматривали за нею, говорят. Теплую пищу она не ела, говорят, а все ела мерзлое мясо, откалывая пешней, не разрешая его рубить топором.

Тогда она как будто успокаивалась, говорят. В те дни, когда она приходила в себя и успокаивалась, мыли ей лицо, причесывали волосы, у нее усиливалась тогда болезнь, говорят. Поэтому ей ни разу не мыли лицо, не причесывали волосы. Несмотря на это, лицо у нее было чище, а волосы аккуратнее, чем у любого, говорят. Когда она ходила так, люди, издали кланяясь и моля: «Солнце-сестрица, золотая богиня, постой-остановись, грех-беда», — просили-заклинали, говорят.

Женщина все время распевала, говорят:

Будучи дочерью Федора Хаччылаах Хайааны,
Будучи дитем Матрены Халлаан,
Пользуясь почетом, как младшая невестка Лёкёй Модуна,
Прославшей знаменитой невесткой Сулуууда Мелбестюра,
Став беспокойной невесткой Константина Тюнюки,
Прослав достойной подругой Алексея Халаабыс,
С медью столько, сколько может увезти конь,
С серебром столько, сколько можно погрузить в сани...

А голос ее был пронзительным, звучным, говорят. Если же дело происходило летом, она, надев всю летнюю одежду из шелка

и гаруса, принарядившись, ходила, размахивая шелковым голубым платком. Эту одежду — платье она никогда не пачкала, ни в каком месте не рвала. Летом она исчезала на девять-десять дней, не показываясь на глаза человеку, говорят. Тогда ее искали по всему Алтану, но не находили. И когда летом она вела себя очень беспокойно в том месте, где ее находили, устраивали амбар и запирали ее туда. В таком заключении она самое большее находилась около десяти дней, говорят, разрушив свое место заключения, она уходила, оказывается.

И летом, и зимой по тому месту, по которому она думала идти, проходил, говорят, сильный вихрь.

Тогда люди того времени, говоря: «Госпожа наша, видимо, захотела пройти по этому месту», — боялись, оказывается.

Странствуя так, она побежала вверх по реке Тураахтаах. Там у себя на родине жил Хакыр шаман. Она пришла [к нему] и сказала: «В этом Среднем мире уже не прожить человеческой жизнью, рождая детей», — и вынудила его дать ей конский повод, и, взобравшись на высокий берег этой реки, она умерла, повесившись на сучок огромного толстого дерева со стороны солнца. Перед тем как повеситься, она трижды прокричала голосом ворона, говорят. Услышав это, шаман, подумав: «Она, наверное, умерла», — испугался и убежал в Тайгу⁴, говорят.

Потеряв свою госпожу, весь Алтан несколько дней искал ее. Реку Тураахтаах они обошли дважды и дважды не нашли ее, и только при третьих поисках ее нашли, госпожа сама заставила обнаружить себя, позвав голосом ворона, говорят. Здесь она повесилась не так, чтобы можно было убить себя, а только накинула повод на шею, и нигде тело ее не стало портиться, говорят. Когда увидели ее, то госпожа их, казалось, умерла, приняв свой девичий облик. Говорят, она казалась еще более похорошевшей, нарядной. Перед смертью ей было как будто бы тридцать один год.

Найдя госпожу, очень быстро похоронили на месте ее смерти. Над ней сделали срубную могилу. В какой одежде ее похоронили, неизвестно. Слышно было, что когда к этому срубку подступал лесной пожар, то не сжег его. Впоследствии, около десяти лет назад, случившийся лесной пожар сжег эту могилу. Несмотря на это, она и сейчас заметна, выступает в виде бугра. Если проходили мимо этой могилы, распевая песни, то пронесился вихрь, говорят, и тот человек болел или что-нибудь с ним происходило. Поэтому человек, который шел вдоль речки Тураахтаах, проходил тихо.

Эта женщина по-человечески дома рожала трижды, и все трое были девочками. Она была беременной всего шесть раз, при трех беременностях она зимой пропадала три дня, так что ее не могли найти. Предполагали, что она рожала тогда плохих детей. А те три ее дочери, выйдя замуж в трех улусах и не сходя с ума, удавились.

Эта госпожа имела, говорят, очень разукрашенный, снаряженный конский убор. Родные мужа этот убор продавали по частям тем людям, которые просили, чтобы сделать снаряжение своим дочерям, выходявшим замуж. Девушка, снаряженная этими предметами, не жила по-человечески, говорят. Большинство сходило с ума, оказывается. А шаманы и шаманки, камлая каждый раз над ними, говорили: «Взяли с собой снаряжение госпожи Алтана, вот и возмездие за это», — и заставляли все вернуть назад, говорят. Когда возвращали назад [снаряжение], если верить по-старому, то действительно они поправлялись, оказывается.

Сама же госпожа Алтана после смерти явно стала *абаасы*. Ее приближение слышалось по очень громкому звону колокольчика и погремушек. А зимой среди треска и шума звенел колокольчик, говорят. И затем, говорят, она всегда ходила с пением.

Еще до недавнего времени в Алтанском наслеге было принято невестку по имени Агафья, приехавшую в дом мужа, переименовывать в Акашу или Аалтыс. Да и сейчас, наверное, старое поколение не называет алтанского *Айыы* Агафьей, также не называют госпожой, а называют *Айыы*.

Со слов М.Н. Яковлева-Куруппы, Тарагайский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал Х.И. Константинов 1 марта 1941 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 285—289].

126. Болугурская *айыы*

I

В Болугурском наслеге жил местный богач Омуоруйа Нестор¹ с тремя женами, с девятью сыновьями, с одной дочерью, очень важный *баай*, говорят. Его местожительство — долина Сутуруолаах. Его жена — дочь чакырского князца Уогалааха Логлойо. От этой госпожи родилась девочка, которую вырастили в холе, в золоте-серебре, в рысых, бобровых шкурах².

Она с рождения, как рассказывают, проделывала разные чудеса. Обходя долину Болугура, собирая детей, она устраивала угощение и наряжалась, украшалась цветами, играла, пела-распевала.

Впоследствии, когда дочь выросла и стала взрослым человеком, Омуоруйа Баай отдал ее в жены Григорию Кусагаллаю, сыну Багырынньа Баайя, князца ближнего Аччагар-Хатылинского наслега. Она уехала к мужу с множеством людей, лошадей, с вереницей навьюченных коней, со скотом, с приданными участками земли. В то время она была очень юной девушкой.

Когда она приехала [в дом мужа], ей не понравился муж, пошли [у них] нелады, и она стала ходить, не показываясь людям на глаза. Когда свекор Багырынньа хотел посмотреть на нее, каждый раз только и видел одни ее нарядные *торбаза*, или же, стоя, она превращалась перед ним в молодую березку. Так она все время не показывалась. Когда муж ее, Кусагаллай, хотел ее поласкать, каждый раз она превращалась в различных зверей, в копые и меч. Не впадая в грех, она ходила девственницей. Говорят, что она постоянно находилась под наблюдением.

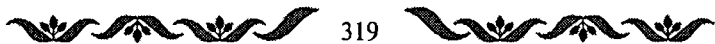
До этого дважды находили ее с веревкой [на шее] и спасали, развязывая веревку. Напоследок, когда она повесилась в третий раз, ее увидел старик-гость и заявил об этом людям, тогда вышел свекор Багырынньа и перерезал веревку, и она сразу повалилась мертвой. По якутским поверьям, перерезать веревку у повесившегося то же, что прервать его дыхание. От такой смерти произошло большое смятение.

Останки девушки отвезли на родину, похоронили на западном бугре родного аласа Дьагарыма, где она родилась. Старинные одежды, украшения, игрушки и серебряных идолов ее тут же положили в *туктуйэ*. В то время при похоронах забивали лошадь, устанавливали *кэрэх* и много пели-распевали. Когда она была жива, у нее были также одежды и наряды [шаманская одежда]. Несколько раз она спасала тогда заболевшего дядю кузнеца-шамана Кыпчытына. Замужем она была только три года.

II

После ее смерти ближайшие наслеги и даже улусы стали почитать ее, называя «Духом Болугура», «хозяйкой», «старшей сестрой», «теткой».

Шаманы и шаманки в заклинаниях, как будто действительно вселив ее в себя, воспевали, называя ее старым именем Сынгалабыт Лыгый. Превратив ее в духа *айыы*, заклинали, просили. Устами шаманов и *мэнэриков* она просила разную пушнину, шелк, монету талер, красную лисицу, рысь, кусочки бобрового меха,

веревку, колечко. Заставляли ее плакать-стенать, говорить: «Горькое — муки мои, досада моя — несчастье мое». Она распорядилась, вводила и приводила всех мелких злых духов. Представляли ее ездящей верхом на коне с погремушками, бубенцами, в шубе, обшитой по краям бобровым мехом, с нагрудным и спинным украшениями, с браслетами и в рогатой шапке с перьями наверху. Видевших ее наяву очень много. Было так, что однажды она с одним человеком послала своим родственникам [семье] Павла весть: «Могила моя обгорела, пусть обновят». Однако они не обновили³.

В прошлом старики-шаманы заклинали ее имя так:

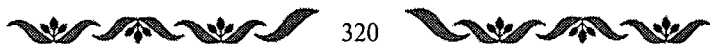
Из поколения Логлойо,
Из потомков Кыпчытына,
Дочь Омуоруйа Нестора,
Знаменитая невестка
Кудангса — Огненный рот,
Огромного роста Кюлюрчэ,
Хатырык Багырынна,
Жена-госпожа
Григория Кусаганныыр,
Сынгалаабыт Лыгый,
Стремительная и грозная,
Гордая, ненасытная,
Серебряный идол,
Госпожа-сестра наша...

Со слов Прокопия Моисеевича Оконешникова, 70 лет, Мугудайский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло 7 февраля 1935 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 280—281].

127. Сучунаа

Однажды старик со старухой перекочевали и остановились ночевать. Они были кочевыми. В одно утро старик пошел искать оленей. Оленей он нашел. Увидел, что одного бура¹ нет, и пошел искать его по следам. Он увидел следы существа с полуметровой ступней, уведшего его бура. Он с досады пошел по следам. Вдруг он увидел человека ростом с лиственницу², который ведет за собой его оленя.

Старик решил обойти этого человека и застрелить его. Он обошел и опередил его. Это существо узнало это и разрубило оленя пополам. Старик, припав за корягу, выстрелил. *Сучунаа*, резко закричав, прыгнул вверх к небу. С хрипом упал на землю и,

сядя, ножом указал старику на свое горло. Старик подбежал и перерезал ему горло. Кровь брызнула и залила пространство на несколько шагов и дошла до старика. Старик сказал: «Все же добыл хороший нож», — взял нож и пошел домой.

Возвратившись, обрадованный он сказал жене: «От *сучунаа* за оленя взял нож». В скором времени они оба сошли с ума, а через три дня после этого умерли.

Со слов Христины Николаевой, старше 70 лет, Оленекский наслег. Записал ее сын А.А. Николаев в 1944 г. Из материалов, собранных И.С. Гурвичем [ИПРЯ, ч. 1, с. 117].

128. Оспа

Болезнь, от которой очень страдали и гибли якуты, — это оспа¹. В самую последнюю губительную оспу в 1873—1874 годах якутское население значительно вымерло. Тогда гибли целыми домами, подродами (*ийэ ууса*) и родами (*ага ууса*).

Все жители, прячась от оспы, построили себе балаганы в дальних лесах. Собак своих поубивали, дрова рубили в доме, на дворе не разговаривали, сено и дрова возили ночью и даже мычаний скот не выпускали на двор. Все это делалось вот почему: оспа, превратившись в русскую женщину, называемую *хотун* («госпожа») или *эбэ* («бабушка»), все время прислушивается. Если услышит собачий лай, человеческий голос или мычание скота, стук топора, скрип саней, говорят узнав, что живут люди, она приходит туда. Из-за этого страха так прятались, оказывается.

В семье, где имеется заболевший оспой, не впускают в дом свет, закрывают окна. Больному не дают смотреть на огонь, не показывают материю (одежду) красного цвета и пищу. Говорили, если больной увидит свет или красное, то болезнь усиливается, и он умирает. На стол кладут карты, куклы и, если имеется, водку. Картами, куколкой, водкой развлекают *эбэ*, спрашивают ее. К жителям, где имеются больные, не ходят в гости, а к дому их даже близко не подходят. Хозяева далеко от своего дома в лесу втыкают в снег палки: самая длинная из них — хозяин дома, покороче этой — хозяйка, еще короче — дети. Если кто заболит, наклоняют соответствующую его возрасту палку, а если умрет, переламывают, наступая на нее. Соседи и родные (каждый) приходят сюда и смотрят эти палки, и потому знают, кто заболел или кто умер. Человек из семьи, где нет больных, не встречается лично с человеком той семьи, где болеют. А если встретится, он

воспринимает это так, как будто он встретился лицом к лицу с самой эбэ (оспой).

Когда умирает человек, люди соседней семьи, придя и увидев, что хозяева сломали поставленную в лесу палку, находят где-нибудь *киибэс* и приводят его сюда. *Киибэс* — так зовется человек, который всегда занимается похоронами умерших. Если умершему полагается посмертный конь (*холдьюга*), прибывший *киибэс* уводит предназначенного коня далеко, убивает и ест мясо и роет яму покойнику. Родные умершего сколачивают в самой могиле деревянный сруб. Когда закончатся приготовления, *киибэс* привязывает покойного без гроба к приспособлению, называемому *дьюлурга*, и сам волочет его в могилу. *Дьюлурга* — это две длинные жерди с перекладинами позади. *Киибэс* впрягается в переднюю перекладину, как в ярмо, и волочит, толкая грудью. Вывозит так в могилу, скатывает в яму, как бревно, и засыпает землей. Сколько человек умирает, всех хоронит *киибэс*. В вознаграждение *киибэсу* дают мелкий скот или корову.

Записал А.С.Порядин, Морукский наслег Мегино-Кангаласского района, июнь 1937 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 295—296].

129. На Оймяконе оспы не было

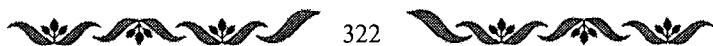
Когда здесь якутское население стало многочисленным, в Оймякон ехал злой дух болезни оспы из Якутска, подсев сзади всадника, доставлявшего вьюком грузы.

Переезжая через реку Тарын, он упал с коня в наледь, обморозил себе ногу и сказал: «Эта река чересчур холодна, пронзительно ее дуновение, оказывается, она по праву называется Чысхаан. Больше я не вернусь в эту страну». Так он, говорят, повернул обратно. Сколько ни приходилось слышать, в этих местах (ни в прошлом, ни в рассказах) не было болезни оспы¹.

Со слов Павла Владимировича Винокурова (по прозвищу Хаскар), 73 лет, Сордоннохский наслег Оймяконского района. Записал С.И.Боло 23 января 1940 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 296—297].

130. Хабинский князец

Недалеко от города¹, в трех *кёс*, жил, говорят, омукский князец по имени Хабинский князец. Когда этот человек ехал в город, показались ему духи повальной болезни, превратившись в

трех русских девушек. Они попросили, говорят, у него одну черную лисицу, которую он вез с собой. На это он сказал: «Я охотился на лисиц не для всяких русских девушек, а везу их в город». «Ты потому стал иметь черную лису, что путь твой будет черным», — сказали они и обманом попросили вести их до своего дома. Приблизившись к *урасе*, девушки исчезли.

После этого Хабинский князец со всей семьей за трое суток перестал существовать. Эта местность называется Хаба Унгуохтаах, т.е. Могила Хаба. В наш наслег оспа не заходила.

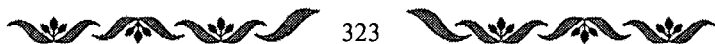
Со слов Евдокии Федоровны Слепцовой (по прозвищу Омукан), 87 лет, Крест-Майорский наслег Абыйского района. Записал Г.М. Васильев 7 августа 1944 г., с. Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 301].

131. Сожительство злого духа

Совсем недавно, перед самым установлением Советской власти, в доме Александрова Николая, стоящем в местности Айалаах Хаптагай в Восточно-Кангаласском улусе, довольно долго проживал злой дух. Эта семья состояла из трех человек — мужа с женой и их совершеннолетней дочери. Еще жила с ними одна женщина. Они были крестьянами среднего достатка. Жили они благополучно, во всем им была удача. Но однажды они посетили юрту хозяйина дома, предназначенную для кратковременного проживания в пору осенней неводьбы. После этого дня вроде плохого не случилось, однако у девушки, спящей за камельком, появилась плохая привычка — она всю ночь не спала, металась и хихикала.

За это девушку ругали и наказывали, но она ничего не говорила, отмалчивалась. Однажды женщина, проживавшая у них, обманом заставила ее проговориться. Девушка рассказала, что к ней приходит весь мохнатый мужчина, и она с ним разговаривает и забавляется. Женщина про все это рассказала родителям девушки.

Они подумали, что их дочь сошла с ума, и устроили ворожбу. Гадавший сказал, что «подмигнул» злой дух. После этого они устроили шаманское камлание, но злой дух не поддался. Напротив, злой дух, прижившийся у них, стал с того дня вредить самим хозяевам дома. Он то отвязывал коров в хлеву, то накрепко затягивал узлы тех веревок, которыми были привязаны коровы. Если девушка начинала чистить хлев от навоза, он приходил, показывался ей, помогал, разговаривал совсем как человек. Рассказывают, что не было известно, чем он питался, куда ходил.

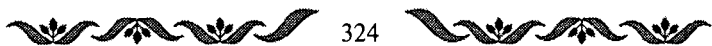

Когда приходил поп и устраивал молебен, то злой дух вторил ему из хлева и говорил: «Уходи прочь, уж тебя-то я не боюсь!»

Вот так он мучил их на протяжении пяти-шести лет. В течение этого времени дошли они до нищеты, совершая шаманские камлания и молебны священников. Злой дух сердился за это и в последние годы стал бросать всякий мусор в их пищу и в них самих. А соседку он совсем не трогал, оказывается. Все эти годы он не прекращал забавляться с их дочерью, целыми ночами они шумели, пыхтели и смеялись. Девушке он рассказывал: «Я пришел сюда из далекой земли потому, что стал сиротой. Когда достигну совершеннолетия, я вернусь назад на свое место без участия шамана или попа. Твои никак не могут дождаться этого, считая, что я их стеснил, не любят меня, ругают, бранятся, проклинают. Это мне не нравится. Я тоже умею злиться, буянить. Они довели меня до последней крайности, надоело мне их слушать. Поэтому я нарочно устраиваю им пакости. Если они прекратят преследование, то и я не буду трогать их. Тебя я хочу взять с собой, однако ты не выдержишь трудностей пути. Поэтому ты останешься здесь. Теперь, если и будут разыскивать меня, все равно никаких вестей обо мне не услышат».

Девушка совсем его не боялась, считала его ближайшим приятелем. Рассказывают, что он приходил и уходил из-под основания столба, держащего матицу балагана. Со временем и хозяева примирились со своей горькой долей, перестали его ругать и бранить. Соседи прожили с ними несколько лет и переехали от них. Александров, хозяин дома, говорят, держал на самом деле это в глубокой тайне от чужих. Но соседи узнали про все раньше него самого. Александровы пытались жить в своем доме еще пять-шесть лет, но не выдержали и переехали в другое место. Это случилось весной, когда снег еще не стаял. Злой дух тогда сказал девушке: «Ну, прощай. Больше мы с тобой не встретимся. Я знаю, что вы бежите от меня. Я бы мог, если захотел, поехать с вами. Но совсем приблизился срок моего возвращения, несколько дней я проживу и здесь. Я прибыл сюда из пустующего дома, последовав за твоим отцом. Благодаря этому, я все же остался жив. Вы живите благополучно». Сказав, он скрылся с ее глаз. Правда, он, говорят, исчез оттуда. Через три года та девушка умерла от болезни. Умерла и жена Александрова, он с той поры стал разоряться. После них в том доме, где присоседился злой дух, жить остерегались, никто не жил. Позже дом сожгли, говорят. С того дня, в который злой

дух обещал уйти, в северном углу хлева появилась дыра. Там на виду остались лежать перья разных птиц, кусочки заячьих шкурок. Короче, это было похоже на мышиную нору. Когда же он жил в том доме, такой кучи не было, и из-под того столба он, говорят, не появлялся.

В прошлом, отсталом веке, таких существ называли «дэриэт-ник» (исковерканное «еретик»). Где бы они не поселялись, это обычно старались сохранить в тайне. Но украдкой рассказывали об этом даже в дальних местах. Близкие соседи воздерживались упоминать про это. В случаях такого преследования шаманы и попы не могли помочь. Так рассказывали в то время, когда я был маленьким. Правда это или ложь, откуда мне знать. Однако невозможно, чтобы говорили без всяких на то оснований.

Со слов Еремея Максимовича Яковлева, 34 лет, II Тылыминский наслег Мегино-Кангаласского района, июнь 1944 г. Записал М.Г. Наумовский. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, л. 648, л. 31—31 об.

132. Приживательство

Перед самым переворотом¹ в семье Чороповых, жившей в Ыйбылас Нахаре, появилось и стало жить невидимое существо. Оно было в начале малолетней девочкой. По рассказам, у Чороповых росла девочка того же возраста. То существо не показывалось людям солнечного мира, только видела ее их девочка. Целый день они играли в самые разные игры, очень веселились вдвоем. По словам той девочки, невидимая девочка имела светло-рыжие волосы, совершенно белую кожу и стройный, как стебель осоки, стан. На первых порах эта невидимая девочка не проказничала, ничего плохого не делала. Но Чороповы сочли это за большое несчастье, полагая, что пристал злой дух (дэриэтник), стали часто приглашать шаманов и попов. Однако ничто не помогло, никто из них не смог что-либо сделать. Однажды, когда пришел один поп и читал молитву, ему показалось, что невидимая девочка стоит рядом с ним. Поп с криком схватил, было, ту девочку за волосы, да оказалось, что он таскает за волосы ревущую дочь хозяев. Вот так никто не одолел. Наоборот, она стала очень раздражительной. Теперь уже она портила пищу, запутывала узлы на веревках, которыми были привязаны коровы, а иногда, когда сердилась, бросала в людей всякую дрянь. Несмотря на это она

продолжала играть с хозяйской дочкой. Во время встреч она, оказываясь, говорила: «Почему меня ненавидят? Никак не пойму. Я им ничего плохого не делаю, все равно сейчас не уйду, отправлюсь, когда достигну совершеннолетия. А если же будут меня раздражать, то я сочтусь с ними, буду строить им козни».

Со слов Прокопия Иосифовича Романова, 59 лет, Чымайыкинский наслег Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 29—29 об.

133. Посещение страны *сюллюкюнов*¹

Однажды в глубокой древности, зимой, в пору выхода на землю *сюллюкюнов*, когда солнце уже клонилось к закату, одна пожилая повитуха справляла нужду за *хотоном* (хлебом). В тот момент с запада на санях вдруг приехал молодой человек небольшого роста. В его сани был запряжен сине-серый конь, масть которого подобна цвету волны. Он был одет в шубу, похожую по цвету на рыбу чешую. Молодой человек стремительно подъехал к женщине, бросил ее в свои сани и мгновенно исчез. Когда она очнулась, оказалось, что приехала в весьма сумрачный край. Господин, который привез ее, остановил сани около дома и сказал: «Я привез тебя потому, что ты, по рассказам, хорошая повитуха. Моя жена обычно рождает очень тяжело. Когда закончатся роды, я тебя подниму обратно». Женщина быстро вошла в дом. Там, на левой стороне, оказывается, бьется в постели в предродовых муках одна роженица. Опытная повитуха увидела, что рожаящая находится в критическом состоянии, и тут же начала хлопотать около нее. Роды прошли очень благополучно. Старуха-повитуха пробыла у них столько дней, сколько необходимо быть с роженицей. Угощение было очень щедрым. Как она заметила, у тех существ тоже имелся свой скот, собаки, птицы и звери. Все они имели одинаковую масть, были блестяще-синими, как цвет волны на воде.

Через шесть дней, когда мужчины не было, молодая мать дала совет повитухе. «Вот настал срок твоего отъезда. Мой муж даст тебе за услугу много денег. Но ты их не бери, а попроси взамен от него всякий мусор и мох. Это у вас станет деньгами», — сказала. На следующий день хозяин обратился к повитухе: «Ну, старушка, сегодня я подниму тебя на твою родину, мы же являемся духами-хозяевами воды, называемыми *сюллюкюнами*. Мы прибегли к твоей помощи по крайней нужде». Поэтому, сказал, что

дает целую грудку бумажных денег за беспокойство ее и за труд. Еще дал ей шубу, похожую на рыбью чешую. Но старуха не стала брать его деньги, а попросила: «Я — человек, выросший во всякой грязи, мне дайте разный мусор». Тогда *сюллюкюн* сказал: «Как только ты поднимешься вверх, все это станет деньгами. Их ты должна истратить за семь дней. Если не справишься за этот срок, то деньги снова превратятся в мусор».

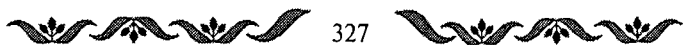
Старуха вышла во двор, только присела на сани, как вдруг очутилась на том же месте, где справляла нужду. Она вошла в свой дом, держа деньги в своем подоле. Они едва в нем вмещались. Помня совет *сюллюкюна*, семья пыталась истратить деньги за семь дней, но не справилась. Оставшаяся часть денег превратилась в мусор. Все же они использовали очень много денег. Вот так они разбогатели, славно зажили, благодаря богатству, данному *сюллюкюном*.

Через несколько лет, близкие ее соседи справляли свадьбу. Старуха пришла туда. Оглядывая гостей, она вдруг обнаружила, что знакомый ей господин находится среди них. Все, кто был там, совсем его не замечают, даже не думают, что он может присутствовать тут. Старуха неотрывно стала наблюдать за ним. Когда он вышел из дома, она пошла следом за ним. Там она сказала ему: «Ты меня узнаешь, я ведь тебя знаю?» Тот человек очень удивился и спросил: «Ты каким глазом увидела меня?» Затем он поспешил свой указательный палец и придавил ей веки на левом глазу. Старуха сразу ослепла на левый глаз. С той поры она совсем не видела *сюллюкюна*.

Со слов Гавриила Ивановича Ильина, 63 лет, 1 Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в ноябре 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 14—14 об.

134. *Сюллюкюны*

Вечером после выхода *сюллюкюнов* нельзя ходить за водой. По народным преданиям, в старину, где-то кто-то зачерпнул вместе с водой ребенка *сюллюкюнов* и принес домой. Никто из проживающих в этом доме ничего не заметил. Ночью, ложась спать, они услышали во дворе плач женщины. Она все время скрипела мерзлыми *торбасами* по снегу и продолжала плакать. Долго был слышен ее плач, наконец, люди не выдержали, вышли посмотреть. Оказалось, что пришла румяная, безбровая женщина и невыноси-

мо горько рыдала, прося отдать ее ребенка. Тогда посмотрели в то ведро, в котором вечером принесли воду. Там что-то краснело. Увидев это, вынесли ведро и вылили все его содержимое на очищенное от снега место перед жилищем. Женщина тут же перестала плакать. Подобные рассказы распространялись очень широко. В связи с этим случаем, говорят, установился обычай, запрещающий ходить за водой к проруби вечером, когда наступала темнота. Поэтому совсем перестали по вечерам ходить за водой.

Сюллюкюны — это несметно богатые люди, имеющие неисчислимо много денег. Живут они в подводном мире, сами румяные и безбровые. Они, по якутским верованиям, очень хорошо предсказывают судьбу, все знают и могут сказать, кто когда умрет, кто разбогатеет.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 7 об.

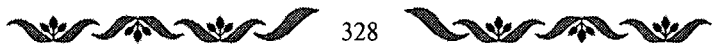
135. Узнавание судьбы от *сюллюкюна*

Для того чтобы узнать про свое будущее, в пору, когда выходят на землю *сюллюкюны*, у основания коновязи или около ворот во дворе рассыпают через сито снег. Это место осматривают ранним утром, на нем обязательно должны быть какие-либо следы. Например: если у тебя будет ребенок, то обнаружится детский след, если приобретешь коня — его след, корову — ее, если умрешь — то след спины человека без головы и т.д. По виду следов, по их особенностям должны определить, что же будет с гадавшим. Это называется узнаванием своей судьбы.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 8.

136. Подслушивание *сюллюкюнов*

По мнению якутов, почти все *сюллюкюны* — люди мудрые, умеющие предсказывать судьбу. Поэтому хотят услышать, что они скажут. Их можно подслушать ночью, сидя под коновязью, находясь в старом заброшенном балагане, где поселился какой-нибудь дух, на большой проезжей дороге, когда на ней нет путников; на мысах, которые имеют духов-хозяев; у ворот двора; у проруби.

Нужно сидеть в одном из этих мест, укрывшись одеялом. Отправляются подслушивать обычно группой в несколько человек.

Сюллюкюн, придя, сперва сильно ударял или толкал в бок. Подслушивающий узнает что-нибудь, если выдержит этот удар или толчок. Если не выдержит, то должен умереть. Такое подслушивание проводят разные люди, а затем об этом рассказывают всем. Молодежь часто проказничала во время гадания. Но много было и таких, кто верил в эти рассказы.

Настоящие ясновидцы и люди с «открытым»¹ телом заранее готовятся к подобному подслушиванию. В течение семи дней они не моются, ни с кем не разговаривают, не совершают никаких грехов, воздерживаются от интимной связи с женщинами, ведут праведный образ жизни. По истечению указанного срока они тайком отправляются ночью на самую шумную днем проезжую дорогу. Туда подходят пятясь, и садятся. У такого человека не должно быть никаких амулетов. Он обязан прийти также без ножа, огнива и палки, которой мешают огонь в очаге. Человек с амулетом не может ничего услышать, поэтому его не разрешали брать с собой. Все, что услышит, он может рассказать только тогда, когда кончится срок пребывания *сюллюкюнов* на земле.

Ясновидцы и люди с «открытым» телом обо всем узнают, даже находясь у себя дома.

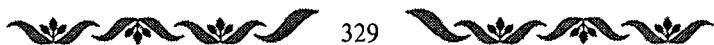
Сейчас они не подслушивают, устраиваются лишь групповые подслушивания. Только не слышно, чтобы они слышали что-либо путное.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 6, оп. 3, д. 648, л. 8—8 об.

МИФЫ О ДУХАХ НИЖНЕГО МИРА

137. Племена *абаасы* Нижнего мира

По данным древних шаманов, по тому, как думали старинные люди, под этой обитаемой страной имеется еще одна жилая страна. Только в той стране живут не люди, а двадцать семь племен *абаасы*. В каждом племени они тоже имели по одному господину и госпоже, у которых было по одному сыну и дочери. Каждое племя владело самостоятельной частью страны, имевшей собственное название.

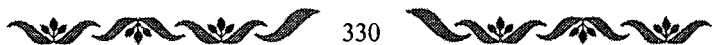
Из них самыми главными являлись живущие очень далеко Луога Хаан тойон, Луога Хаан госпожа, их сын Буор тэсююлэй (прах поднимающий рычагом? — *Н. А.*) и дочь Хаан мангалай (кровавое брюхо). Древние шаманы в своих заклинаниях описывали страну людей, представлявшую собой бездонную пропасть, имеющую три обода, сообщали, что с этой страны начинаются восемьдесят восемь вредоносных дорог, что в глубь данной страны проваливаются девяносто девять путей мучительной смерти.

Ближе той страны находится место обитания родоначальника мертвых.

Это край, куда рушатся самые именитые мужчины, это перевал, через который отправляются знатные женщины. Там высится серебряная гора, из которой родилось и улетело солнце, там стоит священная гора, из которой родилась и улетела луна. Это страна, где свет солнца и луны растягивается в лучи, подобные струе. Они сверкают так же, как порошок из золота или меди. В этой стране живут Кёмнэхтёх кюё хаан господин; ретивый черный парень, забирающий самых резвых коней из числа тех, что отдаются покойникам; Тысы тыгылай девица, стерегущая последнее дыхание человека, перетряхивающая погребальную одежду знатных женщин. Их упоминали древние шаманы, когда заболели именитые мужчины и знатные женщины. Им в жертву приносили рыже-полосатого быка, пестрого, как бахрома на костюме великого шамана. Его отводили в ту сторону, куда заходит летнее солнце. В ту страну добирались, пройдя трижды три шаманские остановки¹.

Кроме того, шаманы упоминали еще другого родоначальника умерших. Его страна находилась в восточной части Нижнего мира на расстоянии трижды девяти шаманских остановок. В путь в эту страну отправлялись с почетного угла дома, где велось камлание. В жертву отводили трех беломордых четырехлетних быков. При жертвоприношении в заклинаниях так описывали это место:

Страна, куда спускаются
Самые рослые из родившихся,
Место, где на волнах качаются господа,
Где в глыбы льда вмерзли госпожи,
Где в виде плавника плавают лучшие из юношей,
Где в виде шуги плавают девицы,
Где вечно бушует
Бурная вода смерти.
В данном месте центр земли умерших,

Где находится закрытая на три крышки преисподняя,
Где имеется прикрытая восемью крышками
Темная тюрьма,
В этой стране самых тяжких мучений
Обитает Бараа Хан господин,
Бараахы Хан госпожа,
Парень по имени Барыйа хара,
Не дающий приумножаться численности людей,
Тянущий назад потомков,
Имеющий восьмикопыльные, тяжелые черные сани,
Имеющий прямо на середине лба
Единственный, тупой рог,
Пользующийся в качестве упряжной скотины
Громадным, черным порозом смерти;
Девушка Хара Бараахы,
Размешивающая руками сгустки крови,
Захлебывающаяся свежей кровью...

Итак, в эти страны, по мнению древних людей и древних шаманов, отправлялись *кут-сюр* покойников.

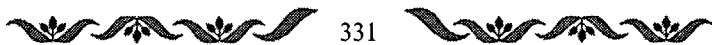
Из этих стран шаманы поднимали вверх *кут-сюр* больных, находящихся при смерти.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 2—4.

138. Страна, где живут духи, причиняющие смерть роженицам

В древности, когда женщина заболела при родах, камлали шаманы. Они начинали свое путешествие к злым духам, причинившим болезнь, от того места, где были забиты шести для роженицы¹. Направлялись шаманы в Нижний мир, в его северо-западную часть. В жертву они отвозили трех-четырёхлетнего сизо-пегого пороза, имеющего на лбу совершенно белое поперечное пятно, копыта, подобные гребню, и прозрачные рога. При этом заклинали так:

Страна, куда, накренившись, падает гнездо Иэйэхситэ²,
Перевал, через который проваливается гнездо Айыысыта,
Хребет, за который, расстраиваясь, падает
Кут-сюр пожилой женщины,
Край, в который в замешательстве приходит
Кут-сюр молодой женщины,
Страна, в которую проваливается с шумом

Имеющая семь разных ненастий
Дорога, именуемая Дибдийэ хаан.
Там обитают глуповатый Арсан дуолай,
Буор Мангалай господин,
И страдающая Буор бохсуула госпожа,
Живущие в большой, таинственной сквозной бездне;
Хаан Дапсыла парень,
Питающийся кровью пожилых женщин,
Купающийся в алой крови молодых женщин;
Тысы Кырдай девица,
Прислушивающаяся к человеческому дыханию,
Придавливающая людям кровеносные сосуды,
Питающаяся кровью из промежности пожилой женщины,
Имеющая соску из грудных сосцов молодой женщины.

Вот в какую страну уходят, по мнению старинных людей и шаманов, *кут-сюр* женщин, умерших при родах.

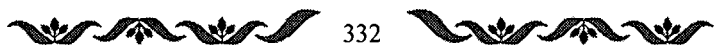
Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 4—5.

139. Страна, где живут духи, причиняющие смерть детям

В древности человек, у которого дети умирали в раннем возрасте, приглашал шамана, и он отправлялся прямо на север в Нижнюю страну. В тех случаях заклинали так:

Обитатели жилища, стоящего на черной излучине,
Люди улуса Бухар дьолоу,
Люди Бургуйа харса,
Стали вы судьбу нарождающихся детей
Опрокидывать навзничь.
Стали вы жребию грядущих потомков
Давать кривое направление.
Ставшие обитателями жилища, стоящего на черной излучине,
Хаан Бадалай господин,
Имеющий окровавленный рот,
Хаан Бадьлгах госпожа,
Харгыйа Хара парень,
Хаан Хадьыалама девка.

К этим духам добирались через девять шаманских остановок. Далее, через дважды девять остановок жили в улусе Бухара Дьолоу-Бургуйа харса господин, Бургуйа харса госпожа, их сын Буос

Бугайдаан, дочь Буос Бэсирик. По ту сторону этих духов жили имеющие широкие пути, подобные отверстию горшка-чугуна русского человека, живущие во вредно-гибельном болоте Дуолан Харса господин, Дуолаты Харса госпожа, расслабленный парень Бэсэрик, квелая девица Бэсирик с большим животом. К ним добирались еще через девять шаманских остановок. Дорогу насылаемой ими смерти затыкали летягой (летучей мышью).

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 6—7.

140. Харса

Харсой называли людей *абаасы*, поедающих гнезда детей¹, которые должны народиться в Среднем мире. Имеются три разных Харса: дальний Харса, по имени Кудулу Харса², средний — Юёсен Харса, [...] ³ ближний — Ылгын Харса. Проход в страну Харса шаман затыкал шкурой летучей мыши, совершив специальное камлание. Ее сын (или дочь) Харса боится, поэтому не посещает Средний мир в течение всей жизни. Тогда дети не умирают, увеличивается количество потомков.

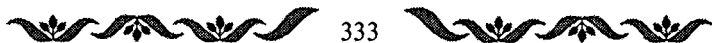
Сын Харса «поедал» мальчиков, дочь Харса — девочек. Духи Харса — это люди, бегающие, подобно мышам, только по своим тропкам.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 217.

141. Место, где живут духи, воспитывающие *отосутов*

Когда заболел знахарь, шаманы камлали в Нижний мир. Они отправлялись в том направлении, куда выходит среднее окно. На место добирались через дважды девять шаманских остановок. Отдавали в жертву трех-четырёхлетнего буро-рыжего быка, имеющего на лбу совершенно белое поперечное пятно, белобрюхого как белка, с пучком белых волос на конце хвоста, с белыми ногами, похожими на четыре березовых кола, со светлыми рогами и копытами. Вот что пели, когда шли в ту страну:

Место, где сочится вниз
Гной и кровь девяти смертей от ран,
Страна, куда спускается с тревожным гулом,
Подобный свисающему вниз
Дыхательному горлу четырехлетнего бычка,

Перевал Хаан дьолюо,
Живущие в этом кроваво-грязном крае,
Подобном брошенным друг против друга
Шкурам рыжих медведей,
Адагалаах Ала буурай господин,
Адагалаах Адылгы Буурай госпожа,
Хаан Анаатыкы парень,
Хаан Хадьыалана девка,
Намазавши кровью из девяти берестяных лукошек,
Положенного вами в кровавую черную зыбку
И раскачивая вниз головой,
Воспитанного вами же парня,
Почему пытаетесь утянуть обратно?
Я прибыл к вам,
Гоня перед собой гурт скота,
Ведя за собой предназначенный вам скот.
Взамен дыхания привел имеющего дыхание,
Вместо солнца привел имеющего солнце.

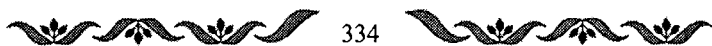
Такое заклинание, говорят, произносил шаман.

Записал В.М: Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 7—8.

142. Спуск к злым духам

В глубокой древности один охотник-эвенк, неся за спиной кремневую винтовку, поднялся на лыжах, подбитых оленьими камусами, на высокую гору, туда, где берут начало речки и ручьи. В том месте он собирался белковать. Это было зимой, в пору самых сильных морозов, когда все вокруг закрывается туманом.

Однажды меткий стрелок охотился с утра до вечера. К наступлению темноты он имел полную ношу добычи. В это время он вдруг увидел, что по одной высокой, накренившейся лиственнице, стремительно носится сверху вниз и обратно рыжая белка. Он выстрелил в нее и сбил. Сперва он постоял, огляделся, не зная, в какое место прибыл, не ведая, каким путем возвращаться домой, так как понял, что вроде заблудился. Затем решил взять свою добычу. Оказалось, что белка упала на крутой склон горы. Поэтому, когда он делал шаг, чтобы взять белку, снег скатывался ниже, и она тоже опускалась вниз. Охотник попробовал притянуть белку к себе палкой для лыж, но не смог. Так он безуспешно пытался догнать свою ускользающую добычу. В один момент он сорвался вниз, не сумев ни за что ухватиться, уронил свое ружье и ношу, и полетел так, что засвистело в ушах. Не успел он опомниться,

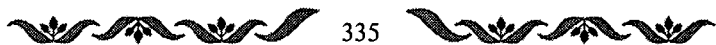
как очутился в темной мрачной стране. Небо в ней было по цвету похоже на несварившуюся уху, солнце там не появлялось, все растущее было скорезженным. В такую страну он шлепнулся с шумом, какой при падении издает рукавица из телячьей шкуры.

Много ли времени прошло, мало ли, он оправился от испуга и огляделся. Оказывается, лежит на покрытом белой плесенью, кишасщем разными белыми червями и гусеницами, стог сена. Он не мог решить, куда пойти, находился в полном недоумении. В это время прибыл одноглазый, однорукий, одноногий человек, имеющий рот в самой середине лица. Нос у него был длинный, подобный ступе, свисал вниз и раскачивался, когда он перепрыгивал с места на место. На его висках имелись рожки, длиной около одной пяди. Все его тело покрывала шерсть. Он приехал на снях, запряженных бесхвостым, пестрым четырехтравным быком. Одноглазый распряг своего быка, имевшего шерсть, подобную колючкам шиповника, глаза, походившие на медные бляхи. Бык был настолько худ, что выступали все восемь ребер. Он еле-еле переставлял ноги.

Затем однорукий начал перекладывать сено на сани. Хоть и смотрит он в разные стороны огромным, как прорубь для ловли рыбы сачком, гноящимся, красным, как сырое мясо, глазом, но не видит, что на стогу находится человек. Изо всех сил корячась, он стягивает крючком сено со стога, косясь в разные стороны, укладывает сено на сани. Каждый раз он едва не зацеплял крючком охотника, который с трудом уворачивался от него. Нагрузил он сани только наполовину. Затем с видом человека, завершившего дела, никуда не оглядываясь, не утруждая свои девять позвонков, не вертя ни одним из своих спинных суставов, он сел верхом на быка и, громко напевая, отправился обратно. Бык его плелся едва-едва.

Охотник понял, что попал в мир злых духов. Заплакал, запричитал, кто ему поможет, кто его спасет. На беду даже ружье потерял, пропали неведомо куда лыжи, все снаряжение и добыча. Огляделся, осмотрелся, оказалось, что на его счастье сохранился у него нож, который был привязан к его бедру. Он несказанно обрадовался. Подумал, что больше не вернется в мир добрых божеств *айыы*, что, видимо, должен стать злым духом. Поэтому взял, да погнался за парнем *абаасы*, догнал и влез на сани сзади. В это время он думал, что было бы лучше, если бы его съели поскорее.

Человек Нижнего мира подъехал к покосившемуся балагану, из которого время от времени вырывались редкие клубы дыма. Он

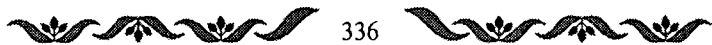

вошел в балаган и разделся. А бык так и остался во дворе нераспряженным. Вокруг балагана не было никаких изгородей и построек. Тут находились девять едва живых пестрых скотин. Они бродили, пошатываясь на каждом шагу. Около них ходили, припадая то и дело на колени, девять телят, обросших коростой. Охотник открыл дверь, которая оказалась похожей на занавеску из тряпки, и вошел в балаган. Хозяева не почувствовали его появления. Внутри дома находились девять одноглазых существ. Тут лежал и о чем-то сетовал старик, о чем-то стеная, ходила старуха, там-сям слонялись, пошатываясь из стороны в сторону, работники. Только в темном чулане, запираемом на ключ, сидит, оказывается, красавица дочь. Она понравилась охотнику. Он прожил здесь несколько дней. Обитатели балагана не замечали его присутствия. За это время хозяева ни разу не доваривали свою пищу. Все они пожирали, глотали полусырым, такие имелись у них дурные привычки. Охотник был вынужден тоже есть их недоваренную еду, не умирать же. Хозяева не чувствовали то, что он кушает с ними.

Охотник стал каждую ночь приставать к их дочери. Когда он, молча, пытался погладить ее, она поднимала переполох, начинала кричать и стонать. Тогда они пригласили шамана. Он камлал, но ничем не помог. Потом позвали свою великую шаманку. И она ничего не сделала. Наконец, третьим умолили прийти шамана главного в том крае. Это был поседевший до желтизны старик, проживший более восьмидесяти лет, имя которого все не поминали. Он камлал без перерыва в течение девяти дней и ночей. Охотник испугался, подумал, что вот сейчас узнают о его присутствии, поймают и съедят. Он попытался убежать через дверь или через *хотон*, но везде на его пути возникал шаман, который камлал здесь. Наконец, шаман вытащил охотника из-под первой лавки на женской половине. Заставил его признаться, что без спроса ласкал девушку. Затем шаман дунул куда-то вверх, и охотник вдруг оказался в том месте, где когда-то охотился, убил рыжую белку, но не смог ее поднять. Он решил, что родился во второй раз, собрал свои пожитки и пошел в ту сторону, где находилось его зимовье. В пути он не чувствовал голода, однако был весьма слаб, отощал так сильно, что живот подтянуло к позвонкам. Поэтому добрался к своему зимовью с большим трудом.

Все время, которое он пропадал, его товарищи не охотились, искали его повсюду. Охотник поведал им все — где находился, как туда попал, что там с ним случилось.

Поэтому, говорил он, когда попадете в Нижний мир, учиняйте его жителям всякие помехи, тогда они мгновенно возвратят вас обратно на землю.

Со слов Гермогена Давыдовича Григорьева, 67 лет, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал М.Г. Наумовский 14 августа 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 30—30 об.

МИФЫ О ПЕРВОПРЕДКАХ, ГЛАВАХ РОДОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ

143. Хаан Дьарылык и Эллэй

Говорят, в старину был царь Хаан Дьарылык, у которого Эллэй Боотур со своим отцом, стариком Татаар Тайма, находились в подданстве.

Хаан Дьарылык захотел взять в жены Мать Земли Святую Марию. По красоте ни одна девушка в мире не могла сравниться с ней. «Где она живет, — люди говорили, — [это] знает наверное только Эллэй Боотур».

В верховьях речки Юндюлюн было озеро Юллэр кюель. Там жил Татаар Тайма со своим сыном Эллэй Боотуром. Хаан Дьарылык вызвал к себе Эллэй Боотура, который в кожаной суме захватил своего отца. Хаан Дьарылык обращается к Эллэю и говорит: «Найди мне Мать Земли Святую Марию».

Эллэй берет с собой трехгодичный запас пищи, делает себе корабль для плавания по воде, забирает с собой отца в суме и отправляется вместе с Войсками Хаан Дьарылыка. Плывая по реке, доплыли до подножия горы, доходящей до неба. Посмотрели в воду и увидели отражение женщины, такой красивой, какую никто никогда не видывал. Хаан Дьарылык, говоря: «Это и есть моя суженая, идите и приведите ее скорее!» — приказал своим воинам одному за другим спуститься в воду. Люди как спустились в воду, так и не всплывали и не вытаскивают женщину. Эллэй спрашивает совета у отца, отец говорит ему: «Спуская в воду за отражением женщины, живущей на вершине горы высотой в два *кёс*¹, Хаан утопил почти всех своих людей. Тебе же я даю длинную веревку, ты сделай себе железный багор. Хаан скажет: “Спустись”, тогда скажи ему: “Ты истребил своих людей, спуская их в воду за отражением женщины, живущей наверху этой горы. Не спущусь”

Тогда он прикажет тебе подняться на гору. На это скажи: «Подняться-то поднимусь, но знай, что у меня тоже сердце бьется, а потому женщину, пожалуй, не спущу тебе. Если не хочешь, чтоб я отнял ее у тебя, то сделай себе снаряжение и поднимись сам»».

В это время от войска Хаан Дьарылыка никого не осталось. Обращается Хаан к Эллэю и говорит: «Спустись!» Эллэй отвечает ему, как надоумил отец и делает себе железный багор. Тогда Хаан Дьарылык сам поднимается на гору. Когда он поднялся, действительно, оказалась перед ним прекрасная женщина, она сидела и расчесывала свои волосы. Хаан прибежал к ней и стал обнимать ее. Вдруг зазвенели украшения женского натазника и все исчезло.

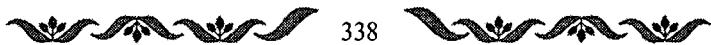
Татаар Тайма спрашивает у сына: «Исчезла ли [тьень]?» «Да, исчезла», — отвечает сын. «В этой суме есть еда, давай кушать. После еды убежим отсюда».

Достав еду из сумы, стали есть. Во время еды старик рассказывает: «Отсюда на север, в холодной стране, говорят, есть каменная гора, там должна быть река. Туда ты дойдешь, если пойдешь прямо на север, придерживаясь стороны крени (твердый нарост на нижней части ствола лиственницы с северной стороны. — *Н. А.*) деревьев».

Эллэй положил своего отца в суму, взвалил его на спину и отправился. Он нашел верховья реки Лены. По этой реке поплыл вниз. Плывая таким образом, он нашел остров, богатый промыслом. Построили они там балаган и стали жить. Отец советует сыну бросать в реку щепки от дров. И перед смертью Татаар Тайма завещает своему сыну: «Плывая отсюда вниз, найдешь богатого старика с тремя дочерьми. Женись на некрасивой дочери того старика. Меня похорони здесь».

Эллэй поплыл вниз по реке. Однажды он вышел на берег, лег и уснул. Его увидел табунщик Оногой Баая и рассказал об этом старику и старухе. Старик со старухой пошли туда и привели Эллэя к себе домой.

Эллэй работает у Оногой Баая табунщиком. Сила и мощь его необычайны, был он работником умелым и преуспевающим. Много лет работал он у них. Однажды Эллэй, рассердившись, хватая за ноги лошадей, стал бросать их поверх столбовой изгороди. Старуха Оногая испугалась и просит Эллэя: «Выбери себе из трех моих дочерей одну». Тогда Эллэй выбрал некрасивую дочь. Две дочери с досады не знают, что и делать. Старик со старухой, разочаровавшись в Эллэе, отдали зятю и дочери только одну корову с двухгодовалой телкой и одну кобылицу с жеребенком по второму году.

Эллэй стал жить отдельно. Летом у дома он разводил дымокуры, к которым скапливались кони и рогатый скот Оногая. Выдаивая тех коров, Эллэй с женой питались молоком. Жена его стала шить [берестяную] посуду и украшать ее волосом. Летом, выдаивая кобыл, собравшихся возле дымокуров, они устраивают большой *ысыах*. На месте *ысыаха* установили *чэциры* (молодые березки. — *Н. А.*), поставили коновязи, приготовили разные кушанья и заготовили кумыс. На этот *ысыах* пригласили старика со старухой и всех людей и соседей. Оногай Баай со старухой были этим очень обрадованы. И старик сказал: «Оказывается, бывает счастье и у плохого (человека), не обижайте и плохих». На радостях старик со старухой плясали на *ысыахе*. Тогда, говорят, на небе появилось облако, и оттуда упала всклокоченная конская шерсть длиной в три с половиной маховых сажени.

Со слов Данила Лукина, Хагынский наслег Вилюйского района. Записал Д.П. Афанасьев (Токосов) в 1944 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 85—86].

144. *Ысыах* Эллэя

Эллэй построил загоны для скота, хлев и развел дымокур. К его дымокуру стали собираться лошади и рогатый скот Омогона. Выдаивая кобылиц своего тестя, он накопил большой запас кумыса и устроил *ысыах*. К своему празднеству он пригласил Омогона с женой и при этом сказал:

«Настал день поминовения предков и Юрюнг-Айыы и подношения им жертвенной чаши».

Раньше Омогон и его люди не видели такого обряда. Омогон подумал про себя:

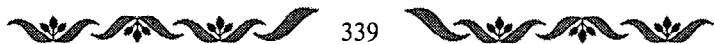
«Откуда у него такое обилие пищи, мы как будто не дали скотину, от которой можно было бы что-нибудь выдоить?»

Тем не менее ради любопытства решил пойти посмотреть. Придя на *ысыах*, Омогон увидел кумыс, напиток, раньше ему не знакомый, невиданные прежде сосуды, украшенные резьбой. Поверх кумыса плавало масло.

Эллэй поднял чашу с такой молитвой:

«Господь Юрюнг-Айыы, настал день твоего воспоминания! Я, созданный тобою человек, угощаю тебя через чистый огонь, почитаю тебя через огонь солнца!»

Говоря так, он капал кумыс на огонь. В заключение призывал божье благословение возгласами «Уруй», «Айхал». Тотчас же упало

сверху в его чашу желтое *илгэ*¹ величиной с утиное яйцо. После молитвы Эллэй приступил к распитию кумыса. Когда он вручил своей теще чашу с кумысом, у нее вдруг свело руки и ноги. Омогон с женой промеж себя говорят:

«Мы своим поступком обидели человека, который лучше нас знает истинного Бога, за этот-то грех мы и поплатились!»

Спрашивают они у самого Эллэя, почему случилось это несчастье. Тот им ответил:

«В моей родной стороне, когда поминают Белого Создателя, не должны присутствовать женщины, так как у них бывают дни, когда они нечистые».

Омогон с того момента вручил свое богатство зятю, стал уважать и почитать его. Так-то Эллэй стал человеком, обзавелся хозяйством и сделался отцом большого семейства. После он стал именоваться Эр-Соготох-Эллэй Одиноким муж Эллэй, так как прибыл в наш край один.

Со слов Михаила Тимофеевича Неустроева, 71 года, III Малтанский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в июне 1921 г. [1977, с. 36—37].

145. Ысыах Эллэя

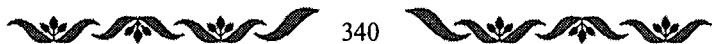
Эллэй поставил себе юрту, хлев для жеребят и загоны для лошадей. Развел у себя дымокур, который ранее был неизвестен Омогону. К дымокуру стали собираться все лошади Омогона.

Устроил кумысный праздник *ысыах*. Во время совершения этого обряда неожиданно выпал дождь из появившейся светлой тучи. В тот момент люди будто бы заметили на небесах или на той туче двух всадников в белоснежных одеждах, сидящих на конях беломолочной масти, которые на один миг, нагнувшись, взглянули на празднество. Тогда-то люди и поняли, что Эллэй — человек с высшими духами-покровителями, в своей жизни сопровождаем самими богами. С тех пор и стали жить-поживать.

Со слов Осипа Николаевича Рыкунова, 74 лет, I Мальжегарский улус. Записано Г.В. Ксенофонтовым в январе 1925 г. [1977, с. 4].

146. Тойон-Омогой и белый шаман Аан-Эрэсэр

На юге жили киргизы. Как рассказывают, от них-то и бежал первым в наш Якутский край Омогой. Он привел с собой 20 семей. Жену его звали Аан-Сабыйа. У подножия южной Ытык Хая

(Почтенная гора) он нашел пару годовалых жеребят, самца и самку. Это были дары лошадиного бога (*сылгы айыысыта*, точнее — размножающий, творящий лошадей), так как Омогой родился со счастливым уделом.

Он сам поселился в той местности, где ныне живут якуты Тулагинского наслега Мегинского улуса. Равнину, где теперь стоит город Якутск, он именовал Киэнг Кюбэгэй-Хотун (широкая Кюбэгэй-Госпожа).

Содрав кору с растущих елей, он построил себе жилище, стены снаружи обмазал глиной. Из свежесодранной бересты он сделал себе чашу для пищи. Он дал ей наименование *логурхаананьах*.

Отбрав из 20 семейств самых лучших и энергичных, он отправил на берег реки Лены промыслять рыбу. Они рыбачили, пользуясь плотами. Эти люди у мыса северной Ытык Хая нашли пару годовалых телят, бычка и корову. Это дары счастливому Омогою от Иэйэхсит. От этих двух пар скота у Омогоя расплодилось большое стадо.

От Омогоя родились две дочери. Старшую звали Лэкэ-Чангый, младшую Ньыкы-Харах. Первая, некрасивая лицом, воспитывалась в пренебрежении, а вторая, красивая, с любовью и в холе.

Среди соседей Омогоя родился *айыы ойууна* (белый шаман) Аан-Эрэсэр (изначальный Эрэсэр). Это был шаман, который при совершении священной пляски явно доходил до богов, покровительствующих размножению людей и скота.

Старинная рукопись, хранившаяся у якута V Мальжегарского наслега Ивана Петровича Шадрина. Предание записано по-якутски [Ксенофонтов, 1977, с. 53—54].

147. Орхон Болодой и Хара Тюмэн

В глубокую старину, когда якуты (урангхайцы) еще не дошли до Вилюя, с юга самым первым нашел [эту реку] человек по имени Хара Тюмэн. Хара Тюмэн [с товарищем] вдвоем прибыли вниз по реке Вилюй в поисках земли, чтобы присмотреть место для заселения. Прибывший с ним [человек] по имени Болодой Орхон был сновидец, имевший дар провидеть будущее посредством предчувствий и примет, почти как шаман. Они дошли до устья трехруслового Вилюя и остановились на ночевку. Утром, когда они встали, Орхон Болодой рассказал: «Со стороны речки

веет очень теплым воздухом, это означает, что на ней расцветет в будущем богатая и зажиточная жизнь. Здесь размножатся люди и скот и будут жить счастливо. Страна эта, как видно, замкнута и потому следует назвать ее Сыа Бюллюю (Жирный Виллой, Замкнутый Виллой)», — так сказал он и уехал, говорят.

С тех пор, как он тогда сказал, Виллой до сих пор называется Жирный Виллой, Замкнутый Виллой и под этим названием воспевается в песнопениях.

Со слов Василия Степановича Дмитриева, 69 лет, Оросунский наслег Верхневиллюйского района. Записал С.И. Боло 17 июня 1938 г., местность Куорамыкы [ИПРЯ, ч. 1, с. 87].

148. Волки-бётюнцы с волчьей удачей

В глубокую старину жили отдельным родом несколько родных братьев, которых называли Бёрё-Бётюнцы¹. Известны имена [следующих] из них: Масарах, Тиэтэйбит Боотур и его девятилетний сын Тиинг (киис) Сангыйах. Юнгэнэй Мэччиик, Бэрт Хара, сестра их Холлогос и шаманка Тыасааны. Старинное жильё их было в местности Соморсун Арыылаага. В соседстве с ними, на земле теперешних бётюнцев, в аласе Балаганнаах, жили около семидесяти человек, составляя один отдельный род под названием нахарцы².

Давно уже бётюнцы нахарцам выдали свою девушку замуж за одного из них. Был, говорят, один человек по имени Бёдёкё, их племянник, родившийся от той девушки. Потому бётюнцы считали нахарцев родственниками по женской линии.

Живя так, однажды нахарцы попросили бётюнцев отдать самую любимую ими (бётюнцами), хорошенькую видом, девушку Холлогос, а также самого любимого мальчика, девятилетнего Тиинг Сангыйаха, видом крепкого и могущего вырасти полным богатырем. Бётюнцы их не отдали. Из-за этого они поссорились и стали враждовать.

И вот однажды, когда самый лучший и сильный из них (бётюнцев) Тиэтэйбит Боотур отсутствовал, нахарцы, вооружившись как воины для боя, прибыли к бётюнцам. Бётюнцы узнали о приезде их и поджидали в одном месте. Впереди нахарцев, держа кверху копьё, ехал рысью человек на кроваво-гнедом коне с пятном на лбу, увидев которого, они выстрелили: стрела, пройдя через пятно на лбу коня, одним разом свалила человека, Нахарцы тотчас пошли напролом, бётюнцы не выдержали, побежали, ук-

рылись и заперлись в своем восьмиугольном бревенчатом доме³. Нахарцы потребовали: «Ну-те, хотите остаться живыми, то выйдите нам вашего мальчика Тиинг Сангыйаха».

Испуганная мать, думая, что не убьют ребенка, вытолкнула Тиинг Сангыйаха наружу. На него со всех сторон бросились с копьями, но мальчик подпрыгнул вверх, увернулся и, вырвавшись, побежал от них куда глаза глядят. Нахарцы стреляли в мальчика сзади, вонзили в него девять стрел, которые торчали как бахрома. Таким образом, убегая, мальчик-бедняжка трижды обожегал вокруг своего родного аласа и упал около своего амбара. Тут его и сделали пищей копьев и пальм⁴.

После этого нахарцы подожгли снаружи дом бётюнцев. Когда огонь стал охватывать дом до половины, они свалили на него большое дерево-лиственницу и придавили им. Бётюнцы, не вытерпев жары и задыхаясь от дыма, спрятались в подполье, бывшее внутри дома. Нахарцы заночевали. Они думали, что убили и загубили всех бётюнцев, и совсем не подозревали, что те спрятались в подполье.

На другой день утром нахарцы стали ходить по дереву, сваленному поперек обгорелого дома, и один из них, насмехаясь, злобствуя, стал распевать: «Ох, дорогие наши дяди по матери, что они так быстро умерли, подобно золе развеялись, подобно огню потухли». Один человек из бётюнцев, увидев [это] через щель крыши подполья, выстрелил вверх, и человек замертво свалился в золу. Нахарцы, пораженные этим, поговорив между собой: «Теперь после их смерти их злые духи⁵ бегают наяву и захотели похитить людей. Полноте, пусть останется при них волчья удача!» — все перепугались и вернулись.

Вскоре после их [ухода], когда люди выбрались из своего подполья, к ним пришел Тиэтэйбит Боотур. Узнав, что [здесь] были и воевали нахарцы, он огорчился и подосадовал. Тиэтэйбит Боотур собрал своих людей, они снарядились как воины для боя и погнались за нахарцами. Прибыв к месту жительства нахарцев, преследуя их по аласам Сынгаса и Балаганнаах, бились. Большая битва произошла в аласе Балаганнаах. Бётюнцы согнали жителей Сынгаса в алас Балаганнаах и перебили их почти до единого. Уцелевшие при этом, убежав, поднялись к верховьям речки Хотуйа.

Бётюнцы, остановившись на одном месте, заставили камлать свою шаманку, чтобы низвела [сверху] духа кровожадности. И тогда шаманка Тьасааны, заклиная, вселила духа кровожадности

в Тиэтэйбит Боотура. При этом Тиэтэйбит Боотур, ставши одержимым, заготовав, без всякого вооружения, с голыми руками побежал по дороге нахарцев. Бётюнцы пустились вдогонку, настигли его на конях, поймали, накинув аркан и прикрутили его к одной лиственнице. Разве будет путным человек, заставивший вселить в себя духа кровожадности; стал он сильно биться, подобно лошади-жеребцу табуна, и перестал только тогда, когда веревкой протер кору и заболонь лиственницы до самой красной древесины. И вот, много людей, крепко удерживая его стоймя, надели на него панцирь, дали в руки копьё и пальму и отпустили, освободив от веревок. Освобожденный Тиэтэйбит Боотур побежал вверх по реке и дошел до местности Харыйалаах, расположенной в верховьях реки, где застиг спавших на ночевке нахарцев, и начал всех с краю убивать и резать.

У нахарцев был, оказывается, один шаман: только он, провидев, сказал: «Здесь невозможно ночевать», — и вместе с детьми и домочадцами, отделившись в сторону от своих людей, ушел в лес, где ночевал, спрятавшись. Его люди посмеялись и остались. Только этого шамана бётюнцы не разыскали, не убили. Сородичи Тиэтэйбит Боотура прибыли к нему только тогда, когда он уже всех людей поубивал и уничтожил. Когда они прибыли, оказалось, их человек носится вокруг озера, разыскивая двух человек, бросившихся в озеро и нырнувших в воду. Кроме того, еще один человек спрятался в приречном кочкарнике. Прибывшие бётюнцы, желая настичь их, стали стрелять до тех пор, пока не выпустили все стрелы, все собрались вместе, разыскали три стрелы и заставили шаманку совершить над ними заклинание. Затем Тиэтэйбит Боотур выстрелил их (стрелы) вверх в середину неба. Стрелы при обратном падении попали в двух лежавших в воде людей и убили их, пробив им головы, лежавшему же в кочкарнике человеку [одна] стрела прорезала подколенные сухожилия, и тот, притаившись, там и остался лежать. Всех остальных дочиста перебив, победив-осилив, бётюнцы вернулись к себе.

От того скрывавшегося и убежавшего шамана размножившиеся люди впоследствии образовали шаманский род нахарцев, а от того человека, которому перерезали подколенные сухожилия, произошел Такырский⁶ род нахарцев.

Шаманка Тысааны, втянув в себя духа кровожадности из Тиэтэйбит Боотура, сделала его таким же человеком, каким он был и прежде.

Так жили в старину бётюнцы, называемые в преданиях «волки-бётюнцы с волчьей удачей». Они стали жить-оседать в местах старинных нахарцев, которые (места) называются теперь Хотуйа юрэгэ, Сынгаса, Балаганнаах, Чапчылган.

В старину бётюнцы составляли пять родов: Масарах, Кэнньэ, Ураанай, Кюеттэм и Чорду. Впоследствии, когда Батурусский улус разделился на три отдельных улуса — Татгинский, Батурусский и Амгинский, — все роды составили три наслега: Бётюн, Ураанай, Кэнньэ. С 1931 года эти три наслега снова объединились в Бётюнский наслег.

Еще приходилось мне видеть на том аласе Сынгаса старинную, покосившуюся коновязь битвы⁷ с двумя рожками, наподобие сережек: теперь она, подгнивши, свалилась. Кроме того, в местности, где Тизтэйбит Боотур учинил побоище в Харыйалахе, что в верховьях Хотуя, после находили много человеческих костей — черепов и берцовых костей, а также стрелы. До недавнего времени находили выше аласа Балаганнаах, вдоль по берегу Амги, сплошь человеческие останки. Старики поминали и сказывали, что именно здесь, в аласе Балаганнаах, некогда было пролито много крови.

Со слов Анны Николаевны Нестеровой-Сутовой, 74 лет, Бётюнский наслег Амгинского района. Записал С.И. Боло 20 августа 1933 г., местность Балаганнаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 201—203].

149. Потомки Масары¹ — правнуки Тыгына

По возвращении Масары на родину у него от жены-калмычки родился сын Ырья-Тэнийэ. Вторично он женился на якутке, от нее родились два сына: Баай-Баабыкай и Кюннэт-Кинээс.

Кюннэт-Кинээс имел двух жен, но они долгое время были бездетны. Поэтому он пригласил из Вилюя *айы ойуна*, не причастного ни к чему нечистому, чтобы совершить моление о даровании детей. Из Намцев пригласили другого шамана небожителей, чтобы при совершении *айысыт тартарар* (обряда испрошения женских родов) исполнять обязанности *кутуруксуа* (помощника главного шамана).

Моление совершали летом до Петрова дня, устроив предварительно праздник кропления кумыса в честь Юрюнг-Айыы. Совершая священнодействие, оба шамана вознеслись к Юрюнг-Айыы.

Вот они добрались до Юрюнг-Айыы. Говорят, ему поют: «Кюннэт-Кинээс, ниспосланный по твоей воле на Среднюю землю, не

имеет детей. Его две жены лишились способности рожать. Он послал нас с просьбой к тебе даровать ему детей».

На это Юрюнг-Айыы ответил (рассказчик добавляет — «шаман говорит за него»):

«Его именитый дед (т.е. Тыгын) мешал размножению хорошего скота, дочиста истребляя его, не давал размножаться родовитым людям, постоянно уничтожая их. Поэтому я живу, не чувствуя к нему (к потомкам его) расположение».

Шаман стал неотступно умолять божество. Наконец оно ответило:

«Ну, пусть будет так: дарую ему сына по имени Айанньыт-Ыстарыан, вторым — именитого Айгаан-Кюрююкю, который родится с назначением благоустроить землю» (дословно — поставить изгороди и построить жеребьячи хлева. Это выражение употребляется в разговоре в смысле управлять, привести в порядок).

Шаманы, обернувшись назад, стали спускаться. В это время задний шаман-намец, чуть приостановившись (как будто к чему-то прислушиваясь), бросил беглый взгляд куда-то в сторону.

Старший, вернувшись на землю:

«Я принес вам души двух детей, имена их должны быть такие-то».

И с этими словами он вдохнул их в темя старшей жены.

Старик Кюннэт Кинээс вопрошает младшего шамана:

«Не узнал ли какие-либо добрые вести, что нам скажешь?»

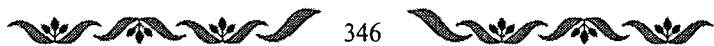
Тот ответил:

«Я слышал голос живущей внизу Айыысыт, она говорит:

«И я когда-то даровала им избранный, рослый скот, и я давала им плодовитое и знатное потомство. Почему вы ныне обходите меня сзади, как будто я увешана жертвенными шкурами для злых духов. Почему проходите мимо меня спереди, как будто сопку, населенную страшными духами? И теперь ведь не оскудела моя дающая рука!»

На следующий день попросили младшего шамана совершить моление к Айыысыт. Он пришел к богине, умоляет и просит. Айыысыт сказала:

«Я дарую им сына по имени Могой-Сыраан, вслед за ним крепкого и упрямого нравом, наподобие листовничной крени, Кииллэйи-Сабарча, еще сына по имени Хара-Бытык Кётююнэп (Черная Борода Кётююнэп) и, наконец, четвертого по имени Тасыччы-Бэрт (свыше меры лучший, совершенный). Затем, чтобы

он не огорчался тем, что лишился удовольствия прибыть к коновязи иноплеменников (*омук* — иное племя, но обычно это слово употребляется и для обозначения людей иных улусов и дальних наслегов) свадебным гостем, я дам ему двух дочерей. Дарованные мною дети все будут счастливы».

С этими словами богиня дала шаману два камня *сата* (особые камни, якобы находимые во внутренностях разных животных, которые, по понятиям древних якутов, влияют на погоду) с особыми именами — «Кютэрчин» и «Тагыалай» — для прикрытия дороги детей. (Смысл последней фразы не удалось выяснить.) При этом просила положить эти камни на полке боковой матицы юрты и обещала после убрать их сама.

Когда шаман вернулся от богини, на следующий же день выпал снег, образовавший покров толщиной на целую четверть («харыс» — расстояние между концами растянутых большого и среднего пальцев). Под тяжестью этого снега ветви всех деревьев поникли к земле. Через день весь снег растаял.

Как сказано было шаманами, родились шесть сыновей и две дочери. Сына Айгаан-Кюрюкю, Кюннэт-Кинээс дал своему старшему брату Баай-Баабыккю для усыновления.

Кииллээйи-Сабарча был любимым сыном отца. Когда он, плача, потягивался, будучи двухлетним, его колыбель, сделанная из листовенничных досок, давала трещины. Кормили его молоком семи коров-стародоек, но и такое количество молока было для него недостаточно. Когда он вырос, из него вышел необычайно сильный человек.

Со слов Василия Козлова, 34 лет, I Малтанский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в июле 1921 г. [1977, с. 74, 76—78].

150. Род, считающий предком дерево с *оруком*

Предок кангаласцев — дерево с *оруком*. Такое дерево считали священным, огораживали и не ломали его.

В старину полагали, что ежели постелить под дерево с *оруком* белую подстилку из конской шкуры, украшенную черной каймой, поставить на ней семь берестяных чаш с *суоратом* (кисло-молочный продукт, похожий на кефир. — Н. А.), сдобренным маслом, то на *суорат* упадет паук. Когда такого паука скушает женщина, не имевшая детей, тогда у нее родится ребенок, который не умрет в детстве.

В том случае, если в *суорат* не падал паук, говорили, что данная женщина, очевидно, никогда не будет иметь ребенка. У нас в хадарцах не почитают *орука*.

Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 74 об.

151. Таас Уллунгах

Говорят, был проживавший на западной реке Дыгын Тойон. Он имел много войск и богатства и у тогдашних якутов был главой вроде царя. У Дыгына было очень много воинов. У него был сын, прозванный Таас Уллунгах (досл. Каменная ступня. — *Н. А.*), у которого ступни были из гладкого камня, а бока были сплошь покрыты роговой кожей, из него мог выйти воин-богатырь. «Собирается вырасти человек-воин сильнее меня, не полагается быть человеку сильнее меня»¹, — сказал Дыгын; созвав со всех мест² богатырей, он тщетно просит их убить [сына], но ни один не попадаете ему, который мог бы убить его сына Таас Уллунгаха. Тогда сам Дыгын ночью, когда сын спал, подкравшись, убил его копьем. Такого нрава был Дыгын Тойон.

Со слов 102-летнего колхозника Бетюнского наслега Амгинского района. Записал С.И. Боло 16 августа 1938 г., местность Молуода [ИПРЯ, ч. 1, с. 127].

152. Парень, покрытый рогом¹

У Тыгына, кроме сына богатыря Чаллаайы, был еще сын Муос Уол (досл. Роговой парень. — *Н. А.*), весь покрытый роговой оболочкой. У него только под левой под мышкой было непокрытое место величиной в пятак. Тыгын опасался, оказывается, своего сына, думая, что он, когда вырастет, то станет богатырем сильнее его. Однажды спрашивает у своей старухи: «Знаешь ли непокрытое [рогом] место на теле своего сына?» Старуха, не зная, что задумал старик, рассказала ему.

Однажды Тыгын сидел на краю аласа, заставляя сына Муос Уола искать вшей в своих волосах. Сын, ничего не подозревая, продолжал искать вшей. Называемый отцом ударил пальмой под левую подмышку сына. Несчастный парень переломил древко пальмы и, пробежав три *кёс* от этого места, упал мертвым.

Со слов Данилы Лукина, Хагынский наслег Вилюйского района. Записал Д.П. Афанасьев в 1944 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 126].

153. Смерть быстрогого Каптагай Баатыра

Был, оказывается, у *омуков* (другого народа. — Н. А.) лучший из мужей Арбагас Эччэкэй. Чтобы узнать свое превосходство, Каптагай Баатыр с ним состязался в беге, прыжках и стрельбе по цели. Во всем этом они оказывались равными. Пospорив, они спустились на лыжах с переднего голого склона высокой горы Ат Кайа, что находится во II Энгинском наслеге. Тут Каптагай Баатыр, скатившись с горы и перелетев через реку Олдьоо, остановился на вершине противоположной горы. Тунгус же, когда перепрыгнул Олдьоо, на противоположной горе сломал свою лыжу. Тогда якут сказал: «Я победил. Тебе не равняться со мной, оказывается».

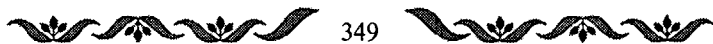
Каптагай Баатыр был быстроходным лыжником, не отставал от любого оленя, лося. Однажды он погнался за лосем, которого поднял у Ат Кайа. Он лося никак не смог догнать. Гнался от дневной дойки коров до следующей дойки и, опомнившись, увидел: это был небесный зверь *мэк* с тремя рядами ног на брюхе. Увидев это, он остановился. Он внимательно посмотрел, оказывается, дошел до местности Дулага Алыы по речке Моой Юрэх, что в верховьях Дулгалааха. Расстояние между Ат Кайа и Дулага Алыы пять-шесть *кёс*. И вот возвращается он к себе на родину. Вот каким быстроходим человеком был Каптагай Баатыр.

Говорят, когда Каптагай Баатыр постарел и стал передвигаться с тростью, забавлялся, обучал возле дома маленьких детей стрелять тальниковой стрелой. Стрелы у них были из пестровырезанного тальника. Так забавляясь, один девятилетний мальчик попал ему стрелой в коленную чашечку. От этого он умер. И вот тогда, лежа перед смертью, он сказал, говорят: «Мое смертное дыхание находилось там. Поскольку подошло мое время, этот ребенок, попав туда, убил [меня]. Этот ребенок меня нарочно не убивал».

Со слов Михаила Егоровича Рожина, 65 лет, I Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 12 февраля 1940 г., местность Асар [ИПРЯ, ч. 2, с. 73—74].

154. Предназначение¹

Как-то у одной семьи заночевал гость. В семье была женщина, родившая три дня тому назад. Гость не знал, кто у нее родился — мальчик или девочка. Он шел на золотые прииски. На ночь гость устроился на лавку, находящуюся около входа. Когда он еще не спал, около полуночи в дом вошли дети, одетые во все зеленое².

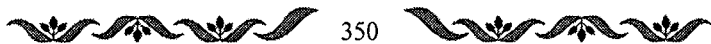
Как только вошли, сели за стол и расстелили какие-то бумаги. Тут они заговорили: «Ну давайте запишем девочку, что будем писать? Ну пусть живет она долго, пусть имеет длинный век, пусть она не сможет удавиться, пусть ее не берет и нож. Пусть будет бездетной, но очень похотливой. Тем не менее, пусть на ней женится вот этот человек, что лежит около входа». Записали и ушли. Гость все это услышал и возмутился: «Почему должен я, почти двадцатилетний человек, взять в жены девочку, которой всего три дня. Как это может быть, чтобы ее не брал нож, не одолела веревка? Ну это я проверю», — подумал, и пока спали отец и мать, он вспорол ножом живот ребенка. Затем он ушел из того дома. Вот утром родители обнаружили, что у их ребенка распорот живот, но кишки целы. Они вправили их на место и живот зашили.

Спустя, однако, лет двадцать после того случая, бывший гость возвратился в тот же дом. Он к тому моменту стал очень богатым. Та семья тоже была состоятельной. Здесь он увидел, что у хозяев есть очень красивая, крепкая телом дочь. Она ему понравилась. Хозяева его не узнали, да и он их не признал. Ему очень захотелось сблизиться с девушкой. Он прожил около трех дней. После чего поставил хозяевам вина и обратился к главе семьи: «Вот, старик, если ваша дочь никому не просватана, то хочу попросить ее в жены». Старик сказал: «Э-э, пусть решает она сама, нравишься ли ты ей». Спросили у девушки, она согласилась. Обвенчались. Затем муж ночью начал ласкать свою жену и, когда гладил, обнаружил, что у нее на животе какой-то бугорчатый шрам. Тут он спросил: «Что это такое, дружок, селезенка, что ли выступает?» Она ответила: «Давным-давно, когда мне было три дня, у нас заночевал гость. Вот он-то и распорол мне живот и ушел. Тогда мой живот зашили, и все зажило».

Тот человек очень удивился. Подумал про себя: «Вот, значит, каково предопределение Чынгис Хаана, предназначение Одун Хаана»³. Все же он женился на той девушке. Она была очень распутной. Муж же, считая это предназначенным от божеств, никогда не сердился и не ревновал.

Таким образом, того, кто имеет крепкое предназначение, ничто не может одолеть. Раньше считали, что судьба человека предопределяется сразу же, как только он рождается. Судьбу переменить нельзя.

Со слов шамана Яковлева-Куруппы, Мегино-Кангаласский район. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 536, л. 3—6.

155. Как мастера стали бедными

Жил-был плотник. У него были сын, дочь и жена. Каждый день он плотничал, мучился, говорят, да все равно ему не хватало — постоянно терпел нужду, говорят.

Однажды, когда плотник мастерил, пришел Бог. Он спросил: «Плотник, для чего ты работаешь изо всех сил?»

Плотник ответил:

«Я четверть своего пота выливаю в воду, другую четверть отдаю в долг. Лишь половину мы с женой сами съедаем. Поэтому я живу, еле-еле сводя концы с концами».

Это надо понимать так: «Лью в воду» — значит: съев четвертую часть заработка отца, дочь выходила замуж». «Отдаю в долг» — это вторую четверть ел сын, позже он должен был кормить отца.

Услышав это, Бог сказал:

«Ты, плотник, всю свою жизнь работай только на себя», — и благословил его.

С тех пор плотники перестали богатеть.

Записал Петр Терентьевич Степанов, II Нахарский наслег Кангаласского района, декабрь 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 284—285].

156. Причина долговечности

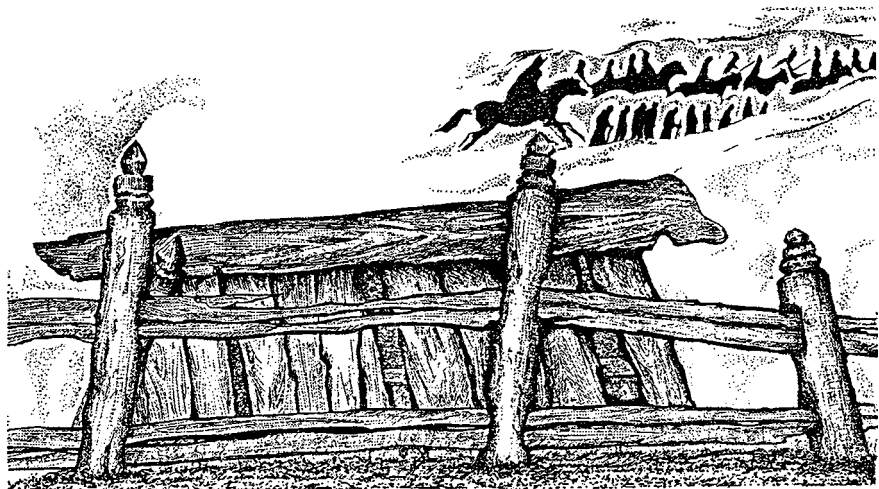
Старуха, уже выжившая из ума, долго жила при дочери на Отохтуу и наконец уехала к сыновьям на Алдан. Ее долговечность якуты объясняли тем, что ее ждет «своя земля» (*буора тардар*), и при ее отъезде решили, что она скоро умрет.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 1—2, л. 67.

157. Посмертная поездка покойника¹

В древности один охотник отправился на промысел в восточную тайгу. Он весьма удачно провел сезон и возвращался домой. Находясь в пути, он замешкался и припоздал. Стемнело. Поэтому охотник ехал, присматривая место, где бы могли попасться его олени. Едучи так, он вдруг увидел, что к коновязи у заброшенной людьми юрты привязаны десять верховых коней. Окна юрты светились так, что, видимо, внутри был разожжен яркий огонь. В окне

Посмертная поездка души умершего

то и дело мелькали силуэты людей. Путник обрадовался, решил: «Вот здесь переночую», — и остановил своих оленей во дворе юрты. Затем он, повертываясь туда-сюда, оглядел коней и вдруг обнаружил, что среди них спокойненько стоит весь украшенный самой лучшей сбруей конь Юрдюк сизэр, принадлежащий князю его наслегу. Охотник подумал, что же это такое, может князь прибыл сюда, провозжая купцов? Потом он довольно поспешно влетел в жилище. В нем находились около десятка людей. Они прислонили дрова на обе боковые стороны камелька и разожгли их, на огонь поставили очень большое ведро. Охотник поочередно оглядел присутствующих. Когда он посмотрел в сторону правой лежанки, оказалось, что за столом, на почетном месте, сидит вся принаряженная жена его князя. Путник подошел к ней, произнес: «Здравствуйте», — но она промолчала, даже не повернулась в его сторону.

«Что за нелепица?» — подумал он, присмотрелся к другим людям, находящимся в юрте, оказалось, что и они почти все какие-то тоскливые и расстроенные. Между собой они вели какую-то бестолковую беседу. Слышался только бессмысленный лепет.

Путник стал в тупик. Но в это время вдруг громко, дробно застучали копыта коней, огонь внезапно погас, наступила кро-

мешная мгла, хоть играй в жмурки. Охотник удивился, заволновался, в какое, мол, колдовство он попал. Затем пришел в себя, сам разжег огонь в камельке и переночевал в той юрте. На следующий день он прибыл на место, где жил. Там он узнал, что в ту ночь, когда он был в заброшенной юрте, умерла жена князя. Коня Юрдюк сизер съели на тризне.

Вот это значит, что живой человек встретился с покойницей: ее духи водили по тем местам, которые она посещала при жизни на земле.

Со слов Г.И. Ильина, 63 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в ноябре 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 13—13 об.

МИФЫ ШАМАНИЗМА

158. Дерево, на котором рождается шаман

Гнезда, в которых вырастают шаманы, находятся на дереве, стоящем на «Эрбиэн чэгий облаке». Говорят, там имеется очень много гнезд. Говорят, гнезда шаманов, происходящих от божеств *айыы*, расположены в самой верхней части. Это дальний край, находящийся на расстоянии семи трижды девяти остановок¹. Гнездо шамана от *айыы* располагалось на восточной стороне того облака, гнездо шамана от *абаасы* — на западной. Там взращивают *кут* и *сюр* человека, который должен стать шаманом. На воспитание берут после достижения девяти лет. Гнездо более слабого шамана бывает в нижней части дерева. Его высиживают так же, как яйца, духи *абаасы*, имеющие облик, похожий на птиц: ястреба, орла, сокола, кукушки. Человек имеет три *кут*: мать-кут, воздушную *кут*, земляную *кут*. В том же гнезде воспитывается его *сюр-кэб*². Мать-душа находится в теле, в крови человека, она не уходит в место сотворения шаманов. Это гнездо — единственное место, где воспитываются, вырастают шаманы. Его тело рассекают в погильной воде, текущей в том краю. На воспитание человека отводит дух умершего шамана, который причинил ему сумасшествие.

Гнездо шаманки также находится на том облаке, но поднимается она туда по проходу, идущему через другое облако.

Со слов Дмитрия Софроновича Слепцова, 71 года, II Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 11 февраля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 224—227.

159. Сотворение шамана айыы

Он появился от Элэгий Иэйиэхситэ и Оногой баайа. Он не болеет так долго, как шаман злых духов. Он видит вещие сны, немножко болеет, и у него бывают предчувствия. Летом в месте его обитания должно раздаваться ржание коня. Даже на месте промысла, где нет лошадей, перед рассветом должно раздаваться ржание коня. Это слышат его друзья, охотники.

В один из дней будущий шаман чувствовал себя подавленным, ходил с расстроенным видом. Тогда друг спрашивал: «Что с тобой случилось?» Он отвечал: «Сверху беспокоит звон колокольчиков и бряцание железных привесок к шаманскому костюму, их звуки раздаются в моих ушах. А помыслы мои и разум находятся на семиглавой лиственнице, с девятью ветками».

Вот в то время ему и становится понятно, что значит он предназначен быть шаманом в изначальном Среднем мире. С этого места он отправляется, превратившись в сокола, на поиски своих будущих матери и отца. Вселяется он в темя. Затем рождается в образе ребенка.

Записал А.А. Саввин в Уолбутском наслеге Абыйского района 4 апреля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 100.

160. Жарение и поедание тела шамана бесами

Шаманское *эттэнии* (рассекание тела) продолжается три дня. Он в это время лежит, лишенный речи. Видит только он сам, как отделяют друг от друга его главные кости (*мюсэ мюсэтин*).

Я слышала рассказ одной шаманки Кюёгэйэр Мотуруона (Матрена). Она рассказывала так: «Сначала отрезали мне голову и положили ее на полку юрты, потом разъединили по костям тело на части. Все изрезанное мясо (рассказчица вместо *эт* употребляет *биорчатын*, по-видимому, воздерживаясь называть вещи своими именами, старозаветные якуты часто прибегают к такому эзоповскому языку в особо важных случаях. — Г. К.) нанизали на девять рожнов (то же, что и шампуры. — Н. А.) (вслед за этим надо понимать, что мясо на рожнах изжарили, иначе незачем было бы и готовить рожны, но эти вещи рассказчица не договаривает. — Г. К.). Затем, собравшись, все съели».

Дальше, по рассказам шаманки, из-под столба коровьего хлева вылез бесенок, который причиняет болезни телятам. Он собрал

все кости шаманки (остатки от трапезы духов) и разложил их на свежую, только что содранную бересту. После этого [снова вернули жизнь телу] и подняли ее.

Кровь (на ложе и одежде) убрала будто бы ее свекровь. При этом она (шаманка) добавила: «Если бы я сама через три дня высушила [окровавленную одежду], то имела бы дар чудодействия (*хомусун* — шаманские фокусы).

Самый лучший шаман должен подвергнуться *эттэнии* три раза. Эта шаманка с семи лет была одержима истерическим пением, а с девяти уже стала шаманить.

Со слов Матрены Егоровой, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.В. Ксенофонтов 10 января 1925 г. [1928, с. 23].

161. Шаман Тулуурдаах (Терпеливый)

Когда-то в старину жил шаман Тулуурдаах. Он стал шаманом после того, как его *кут*, или дух-помощник, спустился и прошел воспитание в качестве ребенка в одной семье, обитавшей в Нижнем мире. Та семья взлелеяла, воспитала, вырастила его. Они укрепили его тело, обучили шаманству, затем сказали, ты стал знаменитым шаманом, поднимись в Средний мир, соединишься там со своим хозяином, и выпустили наверх. Тот дух-помощник, или же *кут*, поднялся и проник в него, в результате этого Тулуурдаах стал знаменитым шаманом.

Та семья, где он воспитывался, состояла из одной старухи, одной молодой девушки и одного преогромного пороза. Считая этого быка, в семью входили трое, и с духом Тулуурдааха — четверо. Старуха являлась матерью всех знаменитых шаманов земли. Она их всех пестовала, воспитывала, обучала шаманству, вырастила, сделала великими шаманами. Девушка — дочь старухи, была у ней на посылках, во всем помогала, а также добывала пищу. Бык постоянно лежал около дома. Слюной этого быка смазывали, лечили воспитываемых *кут* и *сюр*, или иначе духов-помощников шамана. Шерсть этого быка использовали как подстилку в железной колыбели, в которой лежала *кут* будущего шамана. Из шерсти быка в колыбели делали что-то вроде птичьего гнезда. Воспитывалась в таком гнезде *кут* шамана, который должен был впоследствии стать шаманом, имеющим большую мощь (владеющим духом-помощником в образе быка). Вот в том месте лежала и возвращалась *кут* будущего шамана Тулуурдааха. Она должна была,

когда закончится срок ее воспитания, подняться из этой железной колыбели, прибыть в Средний мир в подсолнечную страну и соединиться с телом Тулуурдааха. Вот тогда он превратится в знаменитого шамана, и путь его с солнечной стороны никто из двуногих не сможет пересечь безнаказанно. Когда он еще лежал на воспитании, уже все видел и понимал. Так, однажды старуха дала поручение девушке: «Эй, девка! Я очень давно ничего не пробовала из имеющего сладкий вкус. Ты отправляйся в Средний мир, найди что-нибудь, имеющее сладкий вкус, и принеси сюда. Уж очень мы изголодались, истощали, надо снова нам подкрепиться!»

«Ну, очень правильно сказала, я тоже очень хочу сладкого попробовать. Пойду сейчас же», — ответила она.

Так девушка ушла, отсутствовала она недолго, вскоре появилась и радостно сказала: «Вот, мамочка! Я поднялась в солнечный мир. Там я зашла к одной богатой, знатной семье. Они, оказывается, имеют дочь, хорошую, необыкновенную женщину. Я ее напугала, от страха у нее отлетела *кут*, которую я тут же поймала одной рукой. По пути мне очень хотелось испробовать ее, но не стала, боясь, что ты будешь меня бранить».

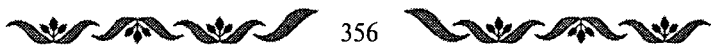
«Ну, дитяtko, — сказала старуха, — ты удачно сходила, быстрее давай сюда, сперва я попробую».

Тогда девушка покопалась за пазухой, вытащила какой-то круглый предмет, который был похож на дивный, совершенно прозрачный кусок хрусталя, и отдала старухе. Та взяла тот предмет и облизнула его вокруг. То место, которое она облизывала, где она коснулась языком, сразу почернело. Затем предмет взяла и полизала девушка. Тут то же место, которого она коснулась языком, почернело. Вот так они стали время от времени передавать друг другу тот предмет и лизать его. При каждом их облизывании, предмет становился все чернее.

«Как приятно я насытилась после столь долгой голодовки, как сильно я поправилась от того, что нашлась сладкая пища. Вот это жизнь, мы теперь долго будем питаться этой едой».

Только она начала так благодарить за угощение, как вдруг затряслись восемь столбов их балагана, чуть не рассыпался в разные стороны их потолок, зашатались стены их жилища. Затем послышались три рыка великого шамана. Услышав это, старуха воскликнула:

«О-о! Послышался рык молодца — старшего парня. Ну, девка, видать пришло время кончить нашу трапезу, наше пиршество. Скорей возьми, спрячь эту вкусную еду».

«Мамочка моя! Вот беда, вот погибель! Куда бы спрятать? Скажи быстрее», — отвечала девушка.

«Сунь в ноздри этому быку».

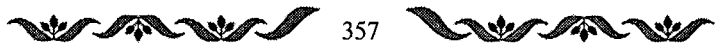
Девушка тут же быстренько засунула в ноздрю быка ту круглую штуку, которая уже больше, чем на половину, стала черной. После этого они расселись с вполне невинным видом.

Тем временем все ближе и ближе слышался гул бубна великого шамана, звон подвесок на его костюме. Он камлал прямо к балагану, открыл дверь и, стоя за нею, стал различными заклинаниями умолять старуху отдать *кут* женщины, которую давеча принесла девушка. Старуха начисто все отрицала, утверждала, что мол мы совсем не забирали *кут* женщины. Тогда шаман стал на колени, прочел заклинание, стал просить: отдай, да отдай. Но старуха снова отперлась начисто. Мы совсем не забирали к себе *кут* той женщины. «Ты нас не трогай, возвращайся туда, откуда явился», — сказала она.

После этого шаман стал просить, заклинать, лежа лицом вниз:

«Матушка моя, светлая, как солнце, важная госпожа, я, превратившись в железного желтоватого пса, проторил старые ее следы, вытропил свежие ее следы, прошел по теплым ее следам. Обнаружив, старуха, что *кут* женщины провалилась вниз по этому вот твоему проходу, я прибыл по имеющей семь примет твоей дороге, имеющей семь разных видов ненастья, прибыл, раскрыв проход твой, закрытый на восемь запоров, проникнув через твой шумный, имеющий девять излучин переход. Я спустился, приняв внушительный вид, оборотившись порозом, прошел всю дорогу к тебе, славно обо всем я упомянул, все грозные слова я произнес, степенно я прошествовал, смягчись, подобно меху отборного соболя; сделайся нежной, как печень налима; осмелюсь выронить то, что схватила; попробуй вернуть то, что захватила. Редко ведь я тебя умоляю, мои просьбы тебе ведь приходится ждать подолгу. Не заставляй меня обманывать людей, не принуждай впустую скакать по росе, бесцельно ходить по снегу, пересыпать песок в ладонях, зря мутить воду, не делай так, что будто бы я пришел по ошибке. Не заставляй меня стыдиться перед якутами, не делай так, чтобы люди солнечного мира издевались надо мной, не сделай меня объектом насмешек тех, кто поднимается рано; не делай меня предметом разговоров тех, кто поздно ложится спать, мать моя, светлая, как солнце».

«Нет, — сказала старуха, — у меня одно слово: чистая правда, что я не брала; истина то, что ничего не знаю; поди быстрее

прочь, шаман, являющийся братом духам айыы. Я перебью твою тонкую, как волосяная нить, аорту трехконечной, четырехгранной пикой! Не показывайся перед моими двумя очами, пусть не слышат тебя оба моих уха, не заклинай над моим теменем, не кланяйся низко перед моей ямкой на шее, уйди прочь немедленно!» — сказала старуха. Шаман вскочил на ноги, впрыгнул во внутрь балагана и потребовал: «Ты не уважила мою просьбу, ты не поддавалась на мои уговоры, ты не прислушалась к моим словам, ты пренебрегла моими заветными речами. Если так, то дашь — возьму, не дашь — тоже возьму; я тебе исполокую спину, заставлю тебя саму умолять о пощаде; разожгу огонь на твоём же очаге; переверну твоё светлое солнце; свалю на тебя твои же высокие матицы; если даже засунула в воду, то всё равно заставлю вытащить; если даже спустила в свой желудок, подобный каменной глыбе, заставлю отрыгнуть. Отдай безо всякого, верни без промедления!»

Как только он это произнес, тут же накрутил на свои руки жесткие, как кустарник, железные волосы старухи, наклонил её и начал сильно сечь треххвостой нагайкой из железного прута. А старухино тело, оказывается, всё же чувствовало боль, она учинила отчаянный крик и вопли. Но всё же пыталась отпереться, мол: «Мы не брали, ты нас оклеветал, нам безгрешным приписал грех, нас невинных обвинил, остановись, не секи меня». Шаман не то, чтоб остановиться, а сек её ещё сильнее.

«Ну, стой, внемли! Может вон та девушка знает, спроси у неё», — сказала старуха.

Тогда шаман выпустил из рук старуху, схватил девушку и начал её сечь. Девушка тоже попыталась отпереться. Шаман, не слушая её, продолжал сечь, как сек. Девушка тоже не выдержала: «Стой же, погоди! Может знает этот парень, что лежит в колыбели», — сказала.

Шаман подошел к парню, пощупал его, желая высечь, но парень превратился в булыжник. Шаман понял, что не сможет этот камень высечь, да и поговорить с ним не сумеет. Поэтому шаман повторно стал сечь девушку. Спустя какое-то время, девушка не выдержала, сказала:

«Хватит! Не секи меня, вон тот бык, наверное, знает, спроси у него».

Шаман подошел к быку и стал сечь его, но бык не обратил на это даже внимания, продолжал лежать так, будто ничего не происходило. Тогда шаман втолкнул в ноздрю быка свою нагайку

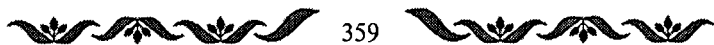

из железного прута. Тут бык громко фыркнул и из его ноздри вылетел крупный, наполовину почерневший предмет (*кут* женщины). Шаман поймал его на лету.

«Погляди-ка вот на это! Ай-да старуха, из дьявольского рода, из племени лукавых, одетая в ровдужное платье, имеющая двуличное лицо, нападающая, жадно облизывающая! Как она обидела род солнечной земли, связанный с Верхним миром поводьями, прикрепленными к заплечью! Смотри-ка, как она загрязнила воздух *кут* женщины, как расстроила ее материнскую *кут*, как удовольствовалась ее прозрачным салом, как присосалась к ее нежному мясу, как наглоталась ее свежей крови! Утолили они свою жажду, притушили жадность своей глотки, накормили свой желудок, похожий на булыжник, напитали свое все поглощающее бездонное чрево, поели-попили, вдоволь натешили свой язык. А сами пытаются обмануть, не сходя места, отрицать прямо на глазах. Не видят ведь, как это досадно, эх горе мое! Ну же, если впредь, в грядущем будущем, в веках, сменяющих друг друга, вы будете снова отвлекать людей солнечного мира, снова станете похищать родственников существ *айыы*, связанных с ними поводьями, закрепленными за плечами, если будете доводить до такого же состояния, так же будете их мучить, то тогда обижайтесь на себя, а не на меня! Я тогда вас буду расшатывать вместе с вашим домом; заставлю стенать и вас, и ваш очаг; расправлюсь так, что потеряете свой разум; раскидаю, разрушу до глыб; превращу в туман и развею», — произнеся эти слова, шаман откамлал обратно. Гул его бубна исчез вдали.

После ухода шамана старуха раздосадовалась и злобно ропща, стала проклинать свою судьбу:

«Вот, посмотри, по указу Дьылга-хаана, по предназначению Улуу тойона, с самых древних времен установлено, что должны появляться знаменитые, великие шаманы, из числа родственных Джесегею айыы племен, имеющих поводья за спиной, из людей, обитающих в разноцветном Среднем мире, имеющем, усыхая, исчезающие воды; упав кончающиеся деревья; травянистый дерн, на котором образуются тропы. Вот почему я забираю после рождения их, обладающие тридцатью разветвлениями, *кут-сюр*. Кладу я их в железную колыбель, которая имеет дужку для раскачивания, выгнутую в обратную сторону, сшита веревками с обратной стороны, сколочена она по велению Одун-хана в тридцати местах горбатой, желобок на дне, предназначенный для стока мочи, сле-

лан кое-как. К этой колыбели привязываю я их волшебной веревкой, сплетенной из волос, состриженных с голов семидесяти диких привидений. А затем, криво-косо раскачивая, вскармливая и растирая слюной быка-дракона смерти, я сотворяла же из них самых могучих, кудлатых шаманов, обладающих бессмертной сутью, с непрерывающимся дыханием, железным телом, непоколебимым скелетом; владеющих семидесятью удивительными уловками, восьмидесятью доводящими до сонного состояния волшебными чарами, девятью десятками видов мгновенного оборотничества. Хотя бы один из них подумал в пору, когда сходятся годы войны, когда находится в ущербе буйный месяц, что вот, наверно, бедная наша матушка, воспитывавшая нас в юные годы, сделавшая нас самостоятельными людьми, изголодалась совсем, истощилась от голодовки, и преподнес бы мне по крайней мере какого-нибудь старика или старуху, у которых приблизился конец их жизни, прожиты уже лучшие годы, утолил бы той самой приманкой страдания, причиняемые моей прожорливостью. Где уж там! Вместо этого, когда только раз в конце года мы нашли имеющее теплое дыхание и мягкое тело и сидели, надеясь испробовать его, прибыл, вынюхав свежие наши следы, разыскав старые наши следы, негодный мой старший сын, которого я воспитывала с большим почетом. Он разодрал мою толстую кожу, пролил мою черную кровь, исполосовал мне спину, растянул безмерно мои уши. Раз так, то пусть в будущие времена, в нарождающиеся дни, пусть прекратится навсегда мой долг воспитывать великих шаманов для имеющих поводья за спиной людей подсолнечного мира; пусть кончится навеки моя обязанность снаряжать шаманов, обладающих духами-помощниками. Пусть будет так, что я зареклась благополучием своего дома, пусть будет так, что я поклялась огнем в своем очаге!»

Она поклялась таким образом, развязала веревку, которой *кут-сюр* шамана Тулуурдааха была привязана к колыбели, взяла его и выдула наверх, в Средний мир. При этом девушка сказала:

«Гляди-ка, этот парень здорово вытерпел было, превратившись в камень. Жаль, отняли у нас вкусную пищу потому, что не дали ее на сохранение этому парню. Ты поднимись к своему хозяину в солнечную страну, проникни в его тело и, когда настанет срок, стань великим шаманом по имени Тулуурдаах (Терпеливый), пусть возвеличится твое почтенное имя, пусть широко разнесется твоя слава!»

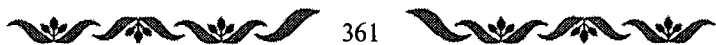
Шаман Тулуурдаах после того, как все это поведал, добавил: «Как я рассказал, та старуха сдержала свою клятву и перестала воспитывать великих шаманов, она их больше не выращивает. Поэтому с этой поры в будущем в Среднем мире не будет таких великих шаманов, обладающих столь значительными волшебными чарами. Будут появляться слабые шаманы, изгоняющие мелких бесов, а также будут ложные шаманы, камлающие из-за желания найти пропитание. Я являюсь последним по-настоящему великим шаманом, воспитанным в том изначальном месте рождения шаманов. После меня не будет могучих шаманов».

Со слов Ивана Федорова, 60 лет, Тулагинский наслег Якутского района. Записал А.С. Порядин в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 13—28.

162. Становление шаманом сына Сабаатты Ньогоруллы, имя которого не упоминалось всеу

Сын Сабаатты Ньогорулла с девяти лет стал совершенно неистовым *мэнэриком*¹. В то время отец Ньогоруллы был очень почтенным, состоятельным человеком. Также почтенным, известным всем человеком, был его дядя по отцу. Поэтому отец и дядя Ньогоруллы совсем не хотели, чтобы он становился шаманом, запрещали ему так, что он не смел возразить. И он страдал мэнэряченьем в течение полных двух лет. Иногда из-за того, что не нравилось родственникам, он уходил в темный лес и стонал там громким голосом.

Однажды Ньогорулла прибежал в дом, где жили их скотники. Тут у него начался сильный приступ болезни. Он внезапно упал на пол и стал биться в припадке, то забираясь под лавку у стены, то вылезая. В один миг он превратился в противную и во сне не виданную луо-рыбу² смерти, имеющую обратно направленные чешую и плавники, загнивший единственный выпученный глаз размером с чайную чашку, расположенный по середине затылка, смердящий, прогнивший рот. И в этом ужасном виде он продолжал отчаянно биться на полу, но как человек вопил в состоянии мэнэряченья. Он, продолжая биться, сказал скотникам: «Сходите, позовите моих отца и дядю, пусть посмотрят, в каком прекрасном состоянии я лежу и как я мучаюсь». Скотники пришли к хозяевам и сказали: «Что-то случилось с нашим парнем, на него страшно взглянуть. Он зовет вас, просит, чтобы вы посмотрели на него».

Отец и дядя удивились: «Ой, что с ним случилось?» И оба, друг за другом, поспешно вошли в дом скотников. Глянув в сторону своего парня, они стали пятиться назад. Рыба же, продолжая шумно биться о пол, сказала: «Важные мои отец и дядя, посмотрите на мой прекрасный вид, в котором я мучаюсь, лежу. Я переносу страдания, неведомые в солнечном мире. Кровь мою сосут злые духи. Попал я в безмерную беду с мучениями, не слыханными на родной стороне, получил я наказание, не встречающееся в солнечном мире». Произнося это, он стал плакать кровавыми слезами.

«Ох ты, надо же! Это уж слишком, чтобы вот в такие несусветные страдания попадал человек, имеющий мягкое тело, стоящий на двух ногах, только из-за того, что суждено стать шаманом. Ну, бедняжка, мы не знали, что с тобой творятся подобные ужасы. Ну, золотко наше, можешь ли как-нибудь вернуться в свой прежний образ, сможешь ли снова стать якутом-урянхайцем? Если есть возможность стать человеком, попытайся сделаться им. Будь ты шаманом иль кем угодно, только не оставайся в виде такого поганого существа», — сказали отец и дядя.

Парень перестал плакать кровавыми слезами, вопли его стали реже. Увидев это и сказав, что поверили и видно суждено ему действительно стать шаманом, отец и дядя вышли из дома.

С той поры парень стал камлать при небольших болезнях, если приглашали близкие соседи. Несмотря на это, родители пытались скрыть от посторонних то, что их сын стал шаманом, считая, что это опорочит его имя.

Со слов Иннокентия Ивановича Бурнашева, местность Хаар-балаган Мегино-Кангаласского района. Записал П.П. Захаров 18 декабря 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 22—23 об.

163. Старинное повествование о шамане Сабырыкы

Жил, говорят, богач Петр Дагдарыйа, имевший триста голов скота. Жилище его находилось на косогоре, где нынче стоит с. Майя Мегино-Кангаласского района. Дагдарыйа имел много работников, поэтому его скотники жили в отдельной юрте. Вместе с ними жил, говорят, мальчик Федот, которому исполнилось двенадцать лет и шел тринадцатый год. У него каждую ночь случались припадки истерии, он за ночь ни разу не смыкал глаз и никому не давал спокойно выспаться. Замучил он всех, и скотники регулярно жало-

вались на него господину. Рассердился из-за этого Дагдарыйа, сильно избил мальчика. Пригрозил ему — попробуй только еще впасть в истерический припадок. С того дня Федот в течение трех суток бился без перерыва в истерическом припадке. Рассердились тогда еще пуще скотники, стали его избивать, ругать, обижать. Иногда осенью, когда ночи уже холодали, в период межлуния, наступала непроглядная темень, выталкивали его из юрты, заставляя ночевать под открытым небом. Не останавливало это Федота, он всю ночь без перерыва кричал резким, звонким голосом.

Однажды ночью, когда была пора межлуния и в юрте стояла кромешная тьма, все обитатели ее уснули, не спала только одна старушка коровница, так как ее очень беспокоили клопы. Вдруг она услышала, что откуда-то из-под земли доносится гул шаманского бубна. Звук бубна приближался, делался все отчетливее. Старушка перепугалась, ее конечности похолодели, она вся задрожала от страха, никак не могла побороть свой испуг, вскочила с постели и разбудила всех. Те, кто проснулись, стали прислушиваться. Им показалось, что откуда-то из глубин земли, прямо под их домом, поднимается вверх гул бубна. Один из работников побежал донести своим господам. Дагдарыйа испугался, не пришел, только посоветовал положить в очаг побольше дров и разжечь поярче огонь. Сказал, если в доме работников будет совсем светло, то ничто не появится. Парень вернулся назад бегом и, как ему посоветовали, заставил полностью камелек дровами, развел в нем огонь. После этого все забились за печку. На правой стороне остался только мальчик Сабырыкы (прозвище мальчика Федота. — *Н. А.*), продолжавший там спать. Гул бубна стал раздаваться прямо под полом их дома. Все присутствовавшие перепугались так, что ничего не понимали, только неотрывно смотрели в сторону правой половины дома. Когда они находились в таком состоянии, внезапно раздался грохот, похожий на звук выстрела из ружья, по дому расстелился голубой дымок, распространился отвратительный запах, который не мог вытерпеть ничей нос.

Все глянули в сторону огня. Там вертелся вихрем медный *эмэгэт*¹, ростом с большой палец человека. Он держал в руке половину бубна и бил по нему половинкой колотушки. При этом он камлал так, что было слышно и понятно людям. Вот, что он, оказывается, говорил: «Вот я прикамлал вверх, пропутешествовал из земли шамана Кюб Хара, источника смерти и несчастий, куда лунный свет добирается в виде свечения опилок из меди, где

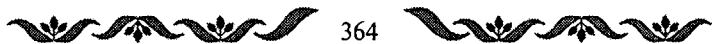

солнце видно тусклой бляшкой, равной дырочке серебряного колечка. Прибыл я в качестве верного гонца, надежного вестника, к могучему своему сыну — шаману Сабырыкы, имеющему хвост, подобный убийственной остроге божеств айыы. Ну парень, через три дня на основание главной коновязи богача Дагдарыйа упадет кроваво-поющая рукоятка твоего бубна, имеющая семь изображений духов-покровителей, девять волшебных, неистово бряцающих бубенчиков. Ее ты должен принять, поднеся большой калым, пожертвовав имеющего алюю, свежую кровь, подарив весомую взятку, оставив стол обильным угощением. Обслуживать стол должны слуги, помогающие ходить, кладущие в рот. Ты обязан произнести при этом соответствующее заклинание, спеть достойный, складный напев. Такой наказ передал тебе ставший твоим главным покровителем шаман земли Елю Кюб, которому ты должен молиться, как божеству».

Затем раздался грохот, подобный выстрелу из ружья. Тут же шаман исчез (*эмэгэт*, который прибыл гонцом. — Н. А.). Гул его бубна стал уходить туда, откуда он поднялся.

Про этот случай скотники рассказали утром своему хозяину. Богач Дагдарыйа сказал: «Что за такое безобразие, наверное, обманываете. Не может быть, чтобы по моему уютному, широкому двору, имеющему свою богиню-защитницу, по моему изначальному, древнему пригону, имеющему свою богиню Айбысыт, разгуливали бы те негодяи, не может быть, чтобы высовывались вшивые существа. Невозможно это. Видимо, вам все привиделось. Пойдите все прочь! Проваливайте домой!»

Скотникам стало стыдно, они почувствовали себя неловко и вернулись домой. А Сабырыкы все еще спал. Никто не посмел разбудить его. Он так проспал три дня и три ночи, и проснулся к концу третьих суток в то время, когда только начался рассвет. Он дважды или трижды зевнул, набил камелек полностью дровами и развел огонь. После этого он сел спиной к огню и сидел, сопя громко, как взбешенный бык. Все скотники, когда проснулись, не посмели пройти между мальчиком и очагом². Они все, подобно утке с выводком утят, прошли вереницей за печкой для того, чтобы сходить во двор по нужде. Когда они вернулись, оказалось, что Сабырыкы повернулся лицом к огню. Тут взглянули на него, оказалось, что на самой середине его лба появилось черное родимое пятно размером с пятикопеечную монету, на левой щеке появилось синее родимое пятно размером с пятикопеечную монету. На правой щеке тоже появилось красное родимое пятно разме-

ром с пятикопеечную монету. Вид его стал так ужасен, что было страшно на него взглянуть. Выражение лица стало крайне жестоким, он сидел молча, приоткрыв рот. Увидев это, самые шустрые побежали доносить обо всем господину. Хозяин в это время, оказывается, только поднялся с постели. Они рассказали Петру Дагдарыйа. Он сказал: «Ну, посмотрим, правду ли вы говорили или обманывали. Та вещь, о которой вы рассказывали, должна ведь упасть сегодня утром. Если тот предмет не упадет, берегитесь! Я прекращу ваши ложные рассказы!»

Дагдарыйа поел, вышел на свой двор, стал прохаживаться вокруг него и исподтишка выслеживать, что же будет. Вот в это время с севера подул ветром, несущим воздух с невыносимым запахом, вызывающим у человека тошноту. Он подумал: «Что за отвратительный запах», посмотрел в сторону севера. И увидел, что летит черный ворон с наполовину белой головой. Подлетел, едва-едва размахивая крыльями, трижды-четырежды облетел вокруг, потом несколько раз очень противно прокаркал. Дагдарыйу бросало то в жар, то в холод, его била противная мелкая дрожь, весь он содрогнулся, его трясло, как осиновый лист, и он стоял, топчась на одном месте. Ворон повернул назад и с шумом полетел обратно. Дагдарыйа направился к себе в дом. В это время загрохотало, подобно тому как в летнюю грозу. И сверху донесся звон рукоятки бубна, неистово бряцающей колокольчиками, затем она упала, гремя, у основания главной коновязи. Увидев это, Дагдарыйа взглянул осторожно издалека. Оказалось, что лежит очень большая рукоятка для бубна. В верхней ее части сделано изображение гагары. На рукоятке имелись несколько новеньких, только что изготовленных, бубенчиков и лика духа-покровителя³. Увидев это, Дагдарыйа пошел к мальчику Федоту и посмотрел на него. Оказалось, что глаза мальчика сильно сверкают, он весь побледнел. Тут мальчик сказал: «Грозный богач Дагдарыйа! Уступи мне какогонибудь запаршивевшего теленка для того, чтобы я смог окропить кровью свои руки, смыть с себя яд, прочитать соответствующее заклинание, притушить свою кровожадность».

Дагдарыйа ответил: «Что ты! Дитяtko мое! Разве я пожалею и не дам тебе. Если есть скотина, подходящая по масти, то используй для своего обряда. Кроме того, дитяtko мое, к основанию моей главной коновязи упали, видимо, твои принадлежности. Какое будет, если ты пойдешь и поднимешь их?»

Мальчик возразил: «Сам решу, брать их или не брать».

Старик вышел, вид у него был испуганный.

Мальчик, не спеша, отправился во двор. Там он трижды обошел коновязь, преклонил колени, пропел шаманское заклинание и взял рукоятку бубна.

В тот же вечер старик Дагдарыйа натянул на обечайку бубна кожу, выделанную из шкуры скотины, имевшей подходящую масть. Он сделал бубен очень звонким. Мальчик заставил забить в жертву скотину соответствующей масти и «камлал» на север в течение трех дней и ночей и отвел жертву к предку шаманов — шаману Ёлюю Кюб.

В это время заболела жена Дагдарыйи. Он хотел пригласить своего мальчика, но из-за того, что у него еще нет шаманского костюма, привез знаменитого шамана с верховьев Амги. Этот шаман только сел за стол и начал кушать, как в дом бегом ворвался Сабырыкы и спросил: «Это ты, знаменитый шаман с верховьев Амги?» Тот немного пристально поглядел на него и ответил: «Дитяtko, где уж там мне прославиться, я просто случайный прохожий». Мальчик ушел в свой дом. Вечером приезжий шаман начал камлание. Мальчик снова влетел в дом бегом, тут же прошел между сидящим шаманом и очагом и подошел к левому углу печки. Здесь он встал, раскинув обе руки, поставив одну ногу на шесток. Шаман, как только увидел это, начал поспешно заклинать мальчика. Но мальчик стал закатывать глаза, взгляд его сделался безумным, потом он начал икать, заскрежетал зубами и, резко взвизгнув, стукнул пятками о пол. Тут же шаман весь резко выпрямился, из его рта полилась кровь, и он скоростижно скончался. Хозяин дома испугался и ничем не упрекнул своего мальчика. Сабырыкы выпросил у него шаманский костюм умершего. Дагдарыйа приказал покойника отвезти домой, послав его родственникам разные подарки.

После этого, по истечении двух лет, шаман Сабырыкы навьючил на верхового коня свой бубен и костюм для камлания и поехал в верховья Амги искать сильных шаманов для того, чтобы посостязаться с ними. Ездил он в том краю, изредка камлал в некоторых семьях. Вот так он прибыл в одно место и остановился на ночевку у тех, кто там жил. Семья эта оказалась достаточно многочисленной, но никто не узнал Федота. Они спросили: «Дитяtko, с какой целью ты едешь?» Он ответил: «Езжу, чтобы прокормиться своим трудом». Перед входом в дом он снял с вьюка свой бубен и костюм и припрятал. После того как все поужинали, женщины, дети и мужчины начали надевать верхнюю одежду. Федот спросил: «Куда это вы идете?» Они ответили:

«Ээ, недалеко отсюда будет камлать наша бабушка, имя которой нельзя упоминать всеу. Туда собрались». Федот: «Не оставляйте меня одного, надо пойти посмотреть на эту знаменитую шаманку». Хозяева дома сказали: «Не говори безрассудно, дитяtko». Федот сказал: «Вы больно много преувеличиваете, может ли быть, чтобы она услышала из такой дали. А если и услышит, то пусть, что она сделает мне, совсем одинокому человеку». «Оставь, оставь, дитяtko, не говори столь безрассудно». После этого те, кто оделся, ушли.

Они пришли и вошли в очень огромный бревенчатый дом, где жила одна богатая семья. Дом полностью был забит людьми. Федот пришел в дом и встал около входа. Все, кто пришел, сели за стол и начала кушать. Его знакомые тоже. Никто его не стал приглашать, он так и остался стоять у двери. Там он увидел, что на почетном месте сидит, угощаясь, выпивая водку, одна совершенно седая старуха, имеющая горящие огнем глаза.

Люди все закончили есть, стали выходить во двор и возвращаться. Федот тоже сходил во двор. Шаманка медленно стала готовиться к камланию. Федот, будучи во дворе, повернул в обратную сторону изображения духов-помощников шаманки⁴, представлявшие собой деревянные силуэты разных птиц и зверей. Шаманка, как только села камлать, сразу сказала: «Посмотри-ка, какой это бестолковый повернул в обратную сторону моих зверей и птиц. Выйдите быстрее и поправьте их», — и заставила повернуть птиц в нужную сторону.

Только шаманка начала произносить заклинания, как Федот вскочил и попытался пройти перед шаманкой к огню. Но люди поймали его и сильно отругали, мол, какой негодник, что посмел пройти перед самой старухой. Мальчик вернулся назад, ворча: «Ну и ну, из-за того, что у вас есть старуха, мне нельзя, оказывается, даже покурить».

Как только он сел, шаманка провела ворожбу, узнала мальчика, начала причитать, досадовать, злобно роптать. «Ну ничтожная тварь, оказывается, шаман. Начну искать твои свежие следы, тропить твои стылые следы». Она стала подниматься со своей подстилки, а мальчик Федот схватил свою шапку и рукавицы, выскочил во двор и помчался к дому, где остановился на ночлег. Придя к этому дому, он внес свою переметную суму в дом, достал из нее шаманский костюм, бубен и начал его сушить. Хозяева, старик и старуха, очень удивились: «Ой, что с тобой случилось, что ты натворил, дитяtko?» — спросили они.

Мальчик Федот: «Совсем замолчите, даже не пискните, поскорее закройте окна и двери, все имеющиеся в доме щели. Настало время, когда будут слетать с крепи солнце и луна⁵, когда будут срываться с привязи колокольчики шаманского костюма. Если оставите хоть одно отверстие, равное игольному ушку, то берегитесь, так как по своей вине попадете в беду».

Несчастные хозяева поспешно заткнули все щели. Немного погодя, с шумом примчался самый громадный черный вихрь, несколько раз прозвучал резко медвежий рык⁶. Услышав это, мальчик быстро надел свой шаманский костюм и начал бить в бубен. Тем, кто находился внутри дома, слышалось, что два медведя, страшно ревя, резко визжа, стали удаляться в северную сторону. Там началась ужасная пурга. Из двух домов никто не смел выходить, все сидели взаперти. Только через три дня, когда почти полностью рассвело, перед самым восходом солнца, шаманка Хаас атах (Гусиная лапа) резко вскрикнула, упала лицом вниз. У нее пошла через рот и нос кровь, и она скончалась. Мальчик Федот остановился только после того, как умерла старуха. Он успокоился, отдохнул одну ночь в том доме и поехал дальше вверх по реке. Он там собрал за разные камлания много денег и продуктов. Затем вернулся домой.

Позже, по рассказам людей, когда Федот состарился, он мог прогнать облака, если не вовремя собирался дождь. Он брал красную талину и бил накрест по облаку, тогда оно, разделившись на четыре части, разлеталось в разные стороны, и дождь не шел. Если наступала слишком сильная засуха, то он, крича, как гагара, совал голову до шеи в воду, а затем тряс ею в разные стороны. Тогда на небе стремительно появлялось отдельное облако и дождь лил, как из ведра⁷, так рассказывали.

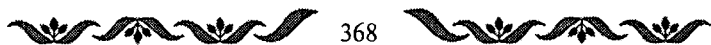
С той поры он жил, слывя знаменитым шаманом, чье имя нельзя упоминать всуе.

Записал со слов стариков П.П. Захаров, Догдонский наслег Мегино-Кангаласского района, 7—12 декабря 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 13—19 об.

164. Шаман Аадья

I

Лет семьдесят тому назад жил, говорят, знаменитый шаман и кузнец Аадья. Он был шаманом весьма преклонного возраста, но за всю свою жизнь камлал десять раз.

В ту пору жил богач Павел Мордовской. Аадья в юности воспитывался у него. Тогда он мэнэрячил, подражал шаманским напевам. За это Павел велел его высечь, приговаривая: «Будешь ли еще мэнэрячить, будешь ли снова камлать?» Когда секли, парень плакал кровавыми слезами. Но все же не соглашался с ним, а на пол рассыпалась блестящая рыба чешуя. Тут-то Павел остановил наказание, считая, что Аадья, оказывается, — злой дух.

Вечером следующего дня оказалось, что на поле лежат мертвыми жеребец и его пятнадцать кобыл, принадлежавшие Мордовскому. С того времени перестали трогать парня. Принимали его за злого духа.

II

Вон в той восточной деревне, за Куочаем, жил Николай Михайлович Габышев (его звали Ньюкууска). У него сошли с ума, стали мэнэрячить все члены его семьи и работники. Поэтому вызвали шамана Аадья. Попросили его прочесть шаманское заклинание.

«Ну, детки, прибыл к вам человек с чужой стороны, поселился у вас и причиняет вред. Его удастся спровадить, если поднести ему угощение».

После камлания Аадья сказал: «Сюда прибыла, став привидением, удавившаяся в прошлом старшая сестра Алексея из Иттиканского наслега Хочинского улуса. Она удовлетворила мою просьбу, через столько-то дней поправитесь».

По его просьбе все поправились¹.

Записал со слов жителей Сюльского наслега Нюрбинского района Н.А. Алексеев 28 октября 1962 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 571, л. 29—29 об.

165. Шаман Дойомпо

У шамана Дойомпо [крещенное] имя было Гаврил, в детские годы имел прозвище Быккы. Он родился в этом Олбинском наслеге в бедной, захудалой семье. Когда ему было около десяти лет, он каждый вечер заходил в *хотон* и исчезал там. Тогда родители искали своего сына, зажигая лучинку, но не находили его, говорят. Он чудил в этом духе в течение нескольких лет. Потом, когда вырос и стал шаманом, получил призвание с Верхнего мира, поэтому имел назначенные ему сверху две собаки — *абаасы*¹. Когда он после своего камлания — шаманства — считал полученное вознаграждение недостаточным, то, выходя из дома, падал и са-

дился на пол, тогда, говорят, в тот же день умирал один из лучших людей (этой семьи. — Н. А.) или пропадала лучшая скотина.

Говорят, каждый год Дойомпо рожал вечером девятого дня января месяца². Когда выходил рожать, то брал с собой свою шубу из шкуры жеребенка и бубен, а на ноги надевал только теплые чулки (*кээнчэ*). Место, где рожал, — это в Олбинском наслеге, на северном летнике расположен холм. Этот холм на самой вершине имеет маленькое озерцо: шаман, поднявшись туда, там и рожал. Он рожал через пуп, говорят. Рожал он через пуп рыбу-щуку. Когда она рождалась, то выпускал ее в озеро, что на вершине холма, говорят. Во что превращалась рыба, выпущенная в озеро, неизвестно. После родов, длившихся всю ночь, утром к рассвету приходил домой, говорят.

Шаман Дойомпо имел трех детей: одну девочку по имени Варвара и двух сыновей, говорят, одного из них звали Андреем, второго звали Матвеем. Имел он одного парня *кутуруксута*³ по имени Кирилла, которого все время возил с собой. Каждый раз, когда он ехал камлать, этот парень следовал за ним.

Когда жители его кормили плохо, опять же он губил-пожирал [людей]. Если он, подговорив своего парня Кириллу, заставлял сказать его: «Сырое мясо поедим», — то у этих хозяев пропадала одна лучшая скотина, говорят. Хозяев, которые его угощали досыта хорошей пищей, перед уходом Дойомпо всячески благословлял, говорят. Иногда просто заходил к людям в дом и говорил: «Ну, отдайте то, что предназначили для меня». Тогда женщины и старухи давали ему по целому ведру сливок и по две меры масла, говорят. Тогда он уходил обрадованный. Он обязательно приходил к человеку, приехавшему из города. Он радовался, когда его хорошо угощали вином, а человеку, который поил его мало водкой, он строил свои козни.

Вот однажды старик Иннокентий приехал из города. Когда пришел к нему Дойомпо, он подал ему одну чашку водки. Когда выпив это, шаман попросил опять, Иннокентий сказал: «Водки у меня нет». За это на другой день прибыл он, оборотившись в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери. От этого ребенок заболел, [болезнь] зашла в нее через голову. Иннокентий отправился к Дойомпо. Дойомпо отказался, сказав: «Не справлюсь». Тогда Иннокентий пошел к приемному отцу своей дочери Матвею и сказал: «Дитя мое сильно заболело, сходил к Дойомпо и попросил помочь, он отказался». Тогда Матвей прямо ночью

пошел к Дойомпо. Постучался, зашел туда и говорит: «Старик, ребенок сильно заболел: иди попытайся совершить заклинание». На это шаман, сказав: «Мне не справиться», — опять отказался. Тогда Матвей сказал: «Хочешь или не хочешь, все равно поведу тебя с собой. Или я растопчу и брошу в огонь твою шаманскую одежду и бубен, или поедем со мной». Испугавшись этого, Дойомпо пошел с ним. Когда они пришли, больная девочка громко вскрикнула: «На глаза мои не показывайте Дойомпо!» Поэтому его повели в другой, соседний дом и заставили камлать там. Начав камлать, шаман сказав: «Дух не поддался мне», — перестал и вернулся домой. В ту же ночь ребенок умер.

Однажды он отчего-то поссорился с богачом Гаврилом. Этот Гаврил, повалив шамана, стал его, лежащего, бить по лицу, чтобы из носа потекла кровь, но из этого ничего не вышло. Шаман с угрозами ушел восвояси. После этого в течение трех лет он пытался погубить (съесть) этого богача, но не смог. Говорят, *кут* богача убегал от него в дом солнца. Когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз. Тогда Дойомпо сказал, говорят: «Этот богач Гаврила, оказывается, человек с совершенной судьбою, с прочным предопределением». Но все-таки единственную дочь богача Гаврила, говорят, съел шаман, преследуя ее три года.

После этого священник Мальцев привел шамана в церковь и, говоря: «Отныне перестань шаманить!» — заставлял класть поклоны. Рассердившись, Дойомпо долго искал *кут* священника, чтобы съесть, но не нашел. Позже, увидев большую ель, растущую у начала большой дороги, шаман сказал: «Вдруг в этой ели окажется его *кут*?» И, превратившись в гром, разбил эту ель вдребезги. От этого священник, говорят, мгновенно упал мертвый.

После этого один богатый человек по имени Яков Баттаайа жил на Ытык Келе в *урасе*. Говорят, что этот Баттаайа не особенно-то считался с шаманами, не кормил, не угощал их, не давал им важничать у себя. Озлобленный Дойомпо захотел погубить этого богача, но никак не мог подступить к нему. Однажды спустился молочно-белый, густой туман. Все люди находились возле *урасы* на дворе и занимались кто чем. Они услышали, что с западной стороны сквозь туман с ревом пробирается бык. *Абаасы* Дойомпо пришел, оборотившись в быка, поднял *урасу* одним рогом и опрокинул ее. После этого, сразу же превратившись в вихрь, поднял *урасу* в воздух и унес с собой. На месте остались лишь три медных

иконы и семь ведер сливок, висевшие над очагом. Всю остальную домашнюю утварь и добро богача раскидало на левом берегу Татты то там, то тут. Так он выместил свою злобу на богаче Баттааи, говорят.

Позже, когда Дойомпо состарился и одряхлел, люди наслега решили перевести его из Олбы на север и поселить около местности Аччай Унгуога. Пришли к нему и сказали: «Князец твой Амос Слепцов велел передать, что тебе следует переехать на север и там оставить свои кости. Мы пришли все равно увезти тебя туда, хочешь ты этого или не хочешь. Итак, скажи свое слово!» На это Дойомпо отвечал: «А что же мне остается делать, разве я ровня, чтобы перечить ему, поеду. Когда-нибудь и князец Амос Слепцов состарится и одряхлеет, как я. Да пусть тогда он терпит муки, как я терплю» — так проклял его и поехал.

Дойомпо, переехав туда, лежал при смерти, близка была его кончина. У него была очень толстая трость, с которой он не расставался всю свою жизнь. На конце трости было изображение *ёксёкю*⁴, пониже которого были повязки из красной тряпки и конских волос. Однажды вечером он приставил эту трость к своей постели со стороны огня. А в ту ночь раздался гром-треск раскаляемого камня. Когда люди встали и посмотрели: та самая трость разломалась по самой середине, а сам Дойомпо уже умер. Его похоронили в местности Аччай Унгуога.

Дойомпо умер 80—90 лет от роду. Это было примерно 70 лет тому назад.

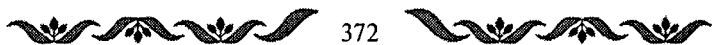
Со слов Гаврилы Иннокентьевича Егорова, 90 лет, Олбинский наслег Таттинского района. Записал В.Н. Дмитриев 4 апреля 1941 г., с. Олба [ИПРЯ, ч. 2, с. 260—262].

166. Дерево для бубна

Бубен шамана делается из дерева, которое было предназначено ему. Оно имело несколько ветвей. Только сам шаман знает, которая из них предназначена для бубна.

Это дерево не должно засохнуть до конца жизни шамана. Поэтому на ветви, которая предназначена шаману, делали в двух местах зарубки, потом осторожно отщепляли клином кусок, достаточный для изготовления обечайки бубна.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндийинский район. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 45.

167. Омогой Баай и Эллэй Боотур¹

На юге, в стране бурят, жил человек по имени Омогой Баай. Один местный шаман, камлавший у Омогой Баая, оборотился в птицу-лебедя, полетел вниз по трехрусловой² Лене-реке до устья Вилюя, потом, провидев³, рассказал: «Там, где расширяется Лена-река, находятся две горы Ытык Хая⁴. Южная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения лошадей, а Северная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения рогатого скота. Немного ниже Ытык Хая выросли три прекрасные ели. Там стоят старик со старухой и приветствуют [всех] словами: “Мы — духи-*ийэxситы*⁵ этой страны, мы кормим и одариваем каждого проходящего” Если поедешь ты в эту страну, видимую мною [говорит шаман Омогою], то найдешь там счастье и благополучие, и впоследствии размножится и распространится твое потомство».

Приняв этот совет, Омогой Баай со своей женой, с двумя дочерьми и десятком парней-домочадцев⁶ снялся со своего местожительства и пустился в далекий путь. Каким-то образом, попав по ошибке к верховьям Вилюя, спустился по нему на плоту вниз по течению. Приплыв к устью Вилюя, сделал остановку. Омогой Баай затем один, верхом на бревне, переправился через Лену и, поднявшись на высокую гору, сопку, говорят, пригляделся к очертаниям [раскинувшейся перед ним] страны и сказал: «Почему-то с северной стороны заметно веют холодные ветры, по-видимому, здесь страна, лишенная счастья, в которой люди и скот не могут размножаться. Только с Юга отдает горячим, теплым воздухом, наверно, там находится благодатная страна». Поэтому они потянули свой плот бечевой вверх по Лене и пришли на нынешнюю Кильдемскую равнину.

Действительно, как было сказано бурятским шаманом, наяву и взаправду *ийэxситы* и *айыыситы*⁷ в образе старика со старухой стояли и приветствовали [их] у трех елей. Омогой и его люди остановились здесь и установили берестяную урасу⁸. На другой день отправились к Северной Ытык Хая и нашли там пеструю, как шмель, трехлетнюю стельную корову и привели ее. На следующий день пришли к Южной Ытык Хая, разыскали три ели и оттуда, с левого склона горы, привели четырехлетнюю темногривую, темнохвостую жеребую кобылу. Здесь они и остановились на постоянное жительство, стали заниматься охотой, добывали диких оленей, лисиц, развели скот и зажили как постоянные жители.

Через три года, в период наибольшего изобилия молочных продуктов⁹, парни Омогоя однажды заметили, что с водой второго [летнего] половодья с верховьев реки проплывают мимо птичьи перья, звериная шерсть и щепки¹⁰. Об этом сообщили Омогою. Он приказал: «Проследите!» Тогда двое парней, Ниргитэр и Доргутар, пошли до самой Южной Ытык Хая. Когда они пришли туда, там сидел совершенно голый человек. Увидев его, парни стали подкрадываться, но тот заметил их и стал разговаривать с ними, как знакомый:

«Вы — парни Омогоя? Спустя полгода после того, как вы отправились, я последовал за вами и прибыл [сюда] через два с половиной года». Еще он назвал себя: «Эллэй Боотур». Они разговорились, познакомились и все вместе пришли к Омогою. Эллэй поселился у Омогоя, в течение трех лет жил у него парнем-работником (домочадцем). Он был могучего телосложения, сильный, выполнял работу за трех человек и заслужил похвалу от Омогоя.

У Омогоя были две взрослые незамужние дочери: старшая Дэкэй Дэпсэ¹¹, младшая Ньыкы Даххан¹². У обеих все больше росло желание стать женой Эллэя.

Однажды утром жена Омогоя, поднося Эллэю кумыс в *чороне*¹³, обратилась к нему с просьбой: «Одну, лучшую из наших дочерей бери себе в жены, положи начало роду, размножай скот. Мы для тебя предназначаем Ньыкы Даххан».

Эллэй выпил кумыс, поданный ему старухой, но ничего не ответил, только молча выслушал. Он промышляет-охотится, и добыча его отменно велика, и в работе он хорош. Обе девушки ходили по своим надобностям обычно на запад. Во время работы Эллэй тайком, спрятавшись, наблюдал за ними и заметил, что у нелюбимой дочери Дэкэй Дэпси моча белой пеной вспучивалась наподобие горшка, а у младшей избалованной дочери Ньыкы Даххан впитывалась в землю быстро, без пены, как вода. Заметив это, Эллэй рассудил: «Старшая дочь будет иметь детей, оставит потомство, а у младшей не будет потомства и недолго она проживет»¹⁴.

Однажды Омогой Баай позвал Эллэя к себе и спросил: «Ну, как ты надумал, кого из наших детей возьмешь себе в жены и станешь основателем рода, потомства?» Эллэй ответил: «Возьму вашу нелюбимую, худшую вашу дочь Дэкэй Дэпсэ». Не понравилось Омогою Бааю, что Эллэй берет нелюбимую дочь, и он в отместку за это выделил им из своего богатства лишь одну безрогую, бесхвостую рыжую корову¹⁵, сказав при этом: «Уходите поскорее, не показывайтесь на глаза, устраивайтесь там, где вы

задумаете, как отдельно растущий лес»¹⁶. С этими словами и проклятиями прогнал их.

Эллэй с женой поселились на широкой Иэнэйской равнине у нынешнего озера Сахсары¹⁷, поставили *урасу*, натянули веревку для жеребят — *сэлэ*, развели дымокур и стали жить самостоятельно. Изготовили посуду для кобыльего молока, стали доить кобыл и приготавливать кумыс.

Спустя много лет стали они жить в богатстве-довольстве, обзавелись детьми-потомством. В одно лето, накопив кумыса, устроили *ысыах*, называемый «жеребятчий кумыс»¹⁸, пригласили своих родственников, омогойских. На приглашение явились только старуха с парнями-домочадцами. Омогой со своей избалованной дочерью не пришел.

На *ысыахе* Эллэй, высоко подняв украшенный конской гривой *чорон*, встал на одно колено и произнес заклинание. Он заклинал вышние божества — *айыы* и духа-хозяйку земли поименно, вознося им *чорон* с кумысом, потчевал-угощал их. [В ответ] на это из глубины восточного неба выплыл пучок волос из конского хвоста и пролетел по направлению движения солнца. Вдруг в середине *ысыаха* прибежала работница Омогоя и сообщила: «Любимая дочь Ньыкы Даххан волочится по земле, привязавшись недоуздом жеребенка к хвосту кобылы. Пойдемте скорее!» Все собравшиеся пошли и увидели, что Ньыкы Даххан умерла, привязавшись недоуздом к кобыле и заставив волочить себя. Когда пришли люди, она была уже мертва.

С тех пор Эллэй разбогател, потомство его размножилось, он стал предком людей, прародителем якутов. Говорят, что нынешние пять якутских улусов: Кангаласский, Мегинский, Ботурусский, Борогонский и Намский произошли от потомков Эллэй Боотура.

Со слов Николая Саввича Оконешникова, 40 лет, I Нерюктейский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал С.И. Боло 15 июля 1933 г., местность Улуу-Сысыы [ИПРЯ, ч. 1, с. 57—59].

168. Оногой Баай и Хара Тюмэн

В глубокой древности в эту страну якутов, ранее населенную тунгусами, прибыл, убежав с юга из племени монголов, Оногой Баай с двумя сыновьями, двумя дочерьми, женой и челядью своей и остановился жить в местности Саргылаах Сахсары. Его богатство состояло из табунов лошадей и рогатого скота. В те времена, когда он жил, посуда была только деревянная и из бересты,

одежда из лосиной и оленьей ровдуги, из конской и коровьей шкуры, лук с изгибами, стрелы с костяными и железными наконечниками. Люди тогда не знали, что такое косить сено, строить изгороди и стойла для лошадей, разводить дымокур, устраивать *ысмах*, ставить священный *багах*, делать *тюсюлгэ*. В ту пору питались исключительно кобыльим и коровьим молоком, дичью и рыбой.

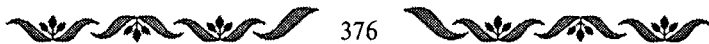
Когда Оногой, прибывши на Лену, жил в богатстве и довольстве, с юга из земли племени бурят прибыл человек по имени Хара Тюмэн с двумя людьми осматривать земли в поисках страны, где можно было бы поселиться. Он прибыл напрямик на верховья Вилюя и, приюхиваясь к лесам и болотам Вилюя, назвал реку «Бесценный, пахнущий жиром, Жирный Вилюй, Глухой Вилюй». Он поплыл вниз и через тройное устье Вилюя попал на Лену, там он, плывя вверх по ней, приюхиваясь, остановился и подумал, что в такой прекрасной приречной долине кто-нибудь да должен жить, и нашел у госпожи бабушки Саргылаах Сахсары Оногой Баая. Они заехали к нему и воспользовались его гостеприимством. Хара Тюмэн у Оногой Баая угощается, отдыхает. При этом за едой Хара Тюмэн испустил [неприличный] звук. От этого он сильно застыдился. Когда они поехали дальше, приблизились к своей стране, два спутника Хара Тюмэна подумали: «Наш *тойон*, должно быть, устыдился, испустив [неприличный] звук, со стыда он нас убьет» — и, посоветовавшись, убили его. После того как они, убив его, приехали в свою страну, великие шаманы племени бурят провидением своим узнали, что они преднамеренно убили Хара Тюмэна, пожаловались своему великому *тойону* и добились того, чтобы он наказал этих двух человек.

Та местность, где убили Хара Тюмэна, находится на Лене, на два яма выше нынешнего города Олекминска. Рассказывали, бывало, в преданиях, что тот ям называется Хара Тюмэн.

Со слов Федора Николаевича Тимофеева, 78 лет, Оросунский наслег Верхневилюйского района. Записал С.И. Боло 10 июля 1938 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 88—89].

169. Шаманка Бордуолаах

В глубокой древности, когда люди жили по-якутски, оставив свои места, прибыла в эти места шаманка по имени Бордуолаах¹. Рассказывали, что шаманка, живя на родине, шаманским виде-

нием увидела утесы и горы речки Тарынг Юрэх и, сказав, что мне подходяще будет жить там, приехала сюда. Говорят, она имела старого мужа. Имя его неизвестно.

Когда в пути старик от голода отошал и ослаб, шаманка Бордуолаах ухитрялась кормить его *кебюер*², приготовленной из снега, и, таща его на салазках, продолжала путь. Прибыв сюда, она осталась жить в местности, ныне называемой Терют. Живя там, дала потомство, от которого образовался нынешний Тарынг-Юряхский наслег. Насколько известно, от нее произошли нынешние Кривошапкины. По рассказам, от шаманки Бордуолаах родился Онтойор, от Онтойора — Иосиф, от него — известный богач Николай Кривошапкин, который умер, дожив до ста лет. Их было три брата, одного звали Иваном, а другого — Афанасием. От Ивана родился Николай, от Николая — Максим, от него ныне есть маленький ребенок. Таким образом, от шаманки Бордуолаах пошло седьмое поколение.

Шаманка, когда сердилась на мужа, выходила, говорят, ложилась около коновязи, превратившись в медведя, и рычала. И только тогда принимала человеческий вид, когда старик выходил, гладил ее по затылку и, уговаривая, вводил ее в дом.

Говорили-судачили [люди]: «Э, да вы страдаете потому, что имеете такую страшную прародительницу (досл.: подвержены ее грызению)»³. Все ее потомки умирали и умирают от расслабленности (ревматизма) и язв.

Говорят, перед смертью шаманка Бордуолаах оставила завещание: «При выходе [из тела] моей души в течение трех суток над моей нарой на полке будет сидеть моя птица — железный кулик⁴. Его вы не бойтесь». Говорят, что действительно в течение трех дней она (птица) показывалась.

Могилы шаманки Бордуолаах находятся на холме у усадьбы богача Николая Кривошапкина. Говорили, что если из ее потомков кто-нибудь да умирал, то утрами и вечерами был слышен гудящий звук ее бубна.

В старину людей Тарынг Юрэха ругали, обзывали: «Вы со времен Харахаана и Бордуолаах были такими-сякими». Выходит как будто, что у них был еще предок Харахаан. Тарынг-юрэхцев при старом режиме звали бордуолаахцы.

Со слов Льва Семеновича Белолобского, 65 лет, 1 Борогонский наслег Оймьяконского района. Записал С.И. Боло 4 января 1940 г., местность Кулун Кюрюэтэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 48—49].

170. Племя *хара сагыл*

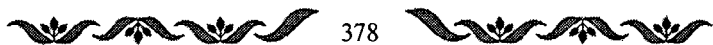
Когда еще предки якутов не дошли до реки Лены, в этой стране жило чужекровное племя *хара сагыл*¹. Рассказывают, будто [люди этого племени] совсем не разводили скот, а добывали себе пропитание тем, что охотились и рыбачили. Оно было малочисленное и особенно не увеличивалось, не размножалось.

Ко времени прибытия предков якутов — Омогой Баая и Эллэй Боотура — *хара сагыл* были здесь коренными жителями. Они не имели сил стойко сопротивляться и противостоять пришлым якутам.

Они соединились и смешались с якутскими родами, и потомки их, очень немногочисленные люди, до недавнего времени вели кочевую жизнь, занимались охотой. Тогдашние якуты называли эти поколения «ставшие ветром», или «развеянные ветром»². Слышно было, что развалины жилья «ставших ветром» изредка попадались в улусах и наслегах. Потомки их обитали в Борогонском и Мегинском улусах. Якуты их не любили, боялись их трогать, обычно отмахивались, говорили: «Это — коренные жители, ой, они потомки *хара сагыл*, “ставших ветром”».

У «ставших ветром» были колдуны, шаманы и шаманки, способные на разные волшебства и [вредные] проделки. Якутские шаманы и шаманки не очень противодействовали им, считая их местным коренным народом-племенем.

В старину во времена [междоусобиц] войн в I Ольтекском наслеге у озера Балыктаах Эбэ жила одна старуха — шаманка из [племени] «ставших ветром» с девятью сыновьями. Эта шаманка тем жила и питалась, что силою волшебства у проезжающих путников похищала на расстоянии вьюки и еду. Это было во время доставки грузов «по наряду»³. В то время город Якутск уже окончательно обосновался. В порядке повинности в то время муку из Якутска вьюками доставляли в восточные окраины, когда мимо них проезжали с вьюками, дети шаманки вбегали в дом и неожиданно толкали свою мать в бок. И вот, когда мать, испугавшись, вскрикивала: «Уо, татат!» — от вьюка какого-нибудь проезжающего путника сразу же падала на ее балаган кожаная сума с мукой. Так она, живя на большой дороге, разоряла проезжающих. Говорят, что она творила еще много других вредных проделок. Однако путники всегда боялись ее и никогда не останавливались и не заходили к ней взыскивать похищенное, говоря: «Она важного происхождения — потомок старинных *хара сагыл*».

Сама шаманка имела обыкновение летом ловить рыбу сетями на озере Балыктаах Эбэ и этим кормилась. И вот однажды, закидывая сети, она уронила свой игольник в озеро, поэтому то место (букв.: прорубь) и получило теперь название «Озеро упавшего игольника». На том месте (где упал игольник. — Н. А.) вода зимой не замерзает.

Когда шаманка так жила со своими девятью сыновьями, однажды пришли из Татты воины⁴ и без малейшего промедления стали обстреливать [ее жилище]. Когда они вошли в балаган, то там никого не оказалось. Тогда сказав: «Это они волшебством своим должно быть превратились в деревья, травы и разные вещи, об этих их способностях ходили слухи», — изрубили пальмой все начисто, что было в балагане: закраины нар⁵, веники, лопаты, рожны и пр. Затем с возгласом: «Победили, изрубили и уничтожили!» — сожгли до тла ее жилище и все, что было, а пепел развеяли.

Только самому младшему из сыновей удалось убежать на восток в страну Лаамы⁶. С тех пор разорение путников той шаманкой совсем прекратилось. Так воины начали преследовать и истреблять племя «ставших ветром».

Спустя некоторое время бежавший в Лаамы сын вернулся опять в Ольтекский наслег, поселился там, народил детей. От него произошло потомство. Одного из его потомков, престарелого старика Леонтия Бехсюлойэ, видела я примерно лет пятьдесят тому назад. Тогда все говорили о нем: «Этот старик родовитый, потомок *хара сагыл* из старинного рода “ставших ветром”; он страшный шаман-губитель. С худыми, тяжкими словами, с огненными глазами, как только начнет камлать, так и виднеются огни его глаз; он не шаманил без вреда [людям и скоту]», — и все боялись его.

Возненавидев этого старика, мой дядя (старший брат отца) шаман Хагыстай⁷, выплеснул на него «воду болезни и смерти»⁸, после чего тот ослаб, изнемог и, наконец, умер. Бехсюлойэ не имел ни детей, ни родственников. После его смерти от потомков «ставших ветром» в наших местах никого не осталось (букв.: и запаха не стало).

Местность, где жила шаманка, сейчас называют Тогус Ётөх. Я видела эту местность, там были следы очень многих жилищ, неясные признаки ям и балаганов; полагали, что действительно они жили в девяти балаганах.

Подробные рассказы о *хара сагыл* «ставших ветром» и потомках их мне доводилось слышать от родного дедушки Говоро-

ва-Богомольца. Я тогда была девочкой тринадцати-четырнадцати лет.

Со слов Софии Николаевны Татариновой, 61 года, II Ольтекский наслег, Усть-Алданского района. Записал С.И. Боло в 1936 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 1, с. 92—94].

171. О том, как якуты заняли местожителство тунгусов

В устье Вилюя на земле Кобяйского наслега¹ очень давно, когда в этой стране не было еще людей, называвшихся якутами, жили в девяти *урасах* тунгусы. Оказывается, они имели своего шамана по имени Батакан. Эти тунгусы жили в ровдужных чумах (*тордох*)², носили одежды из шкур, разводили оленей и добывали себе пропитание охотой. Когда они так жили, однажды с Вилюя приплыло несметное множество якутов, которые вырезали две *урасы* тунгусов. Из остальных семи *урас* тунгусы с шаманом Батаканом убежали, остановились в лесу около местности Сарана и заставили камлать своего шамана, чтобы он предсказал будущее³. Шаман, камлав, прозревая будущее, сказал: «Спротивление наше не даст победы, удача не предвидится, лучше совсем уйти из этих мест, наступило невозможное [для житья] время». Тогда тунгусы все ушли в Янские горы и стали там жить.

Якуты расселились на отбитых у тунгусов новых местах Кобяи и Тыайа. Потомками их в Кобяйском наслеге являются якуты рода Кыргызтаах. Я сам из рода Кыргызтаах.

Со слов Анисима Никитича Кобякова, 22 лет, Кобяйский наслег Намского района. Записал С.И. Боло 3 апреля 1925 г., местность Куон-Крест [ИПРЯ, ч. 1, с. 96—97].

172. Шаман Семен

В роду Маймага появился великий шаман по имени Семен. У него три передних зуба выдавались вперед. Из-за того, что малые дети стали насмехаться-подшучивать над ним, он вырвал их при помощи петли из ниток, свитых из жил. В результате он утратил свой дар излечивать болезни.

Однажды он во время поездки по северу Якутии посетил семьи Хааньаталар и Тююкээты (северные маймагинцы). В тот раз как-то на одной лошади с ним ехал будущий шаман Сиэл-

лээх (Маймагинский шаман), который тогда был еще ребенком. Ему Семен предсказал судьбу, предупредив: «Расскажешь об этом людям лишь когда станешь стариком. Я должен был стать шаманом айыы, но не смог. У тебя родится один плохой ребенок. Он будет зловредным шаманом, поедающим людей. Его ты убей заране.

Вот с этой западной скалы до горы Джонкума на восточной стороне реки, на земле рода Кёбёкён протянута симка шаманского самострела¹. Я после своей смерти через три года разрушу пинком свое надмогильное сооружение. Если его при этом перенесу вон на ту речку, текущую по западной возвышенности, мой кут (мой дух-покровитель) отправится на небо. В этом случае маймагинцы будут процветать, размножаться. А если надмогильное сооружение рассыплется на том же месте, где стояло, то стану здесь духом и буду причинять вред живущим здесь, исчезнут люди и скот маймагинцев.

На том месте, где меня похоронят, в изголовье, через два года вырастет лиственница. Если на ней вновь появятся зеленые ветки после того, как она обгорит при луговом пале, то размножатся и люди, и скот».

Действительно, его предсказание сбылось. У шамана Сизэллээх родился плохой мальчик. Отец его убил.

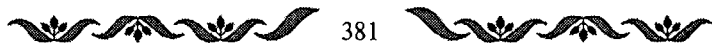
На третий год после смерти шамана Семена надмогильное сооружение, поставленное на месте погребения, разрушилось и перенеслось на западную речку.

Как он предсказал, через два года в изголовье его могилы выросла лиственница. Она обгорела при пале, пущенном Дорофеем Шестаковым перед раскорчевкой земли. Но на следующий год ее ветки вновь зазеленели.

Со слов П. Кутукова, 57 лет, Намский район. Записал С.И. Охлопков 2 августа 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 1—3.

173. Пути-дороги шаманов

Шаман обладает даром колдовства, если он задумал прибыть издали в невидимом облике, то входит сквозь стену у двери или под матицей в ее начале. Шаман, когда хочет причинить какой-либо вред, входит из-под шестка. В таком случае, если в том доме живут хорошие люди, со счастливым предназначением, то с очага

на шамана прыгнет уголек. Если уголек попадает в шамана, он умирает.

Шамана, проникшего через начало матицы, нельзя одолеть. Он перетягивает на свою сторону духа в образе кулика, которого хозяева обычно сажают на матицу в ее начале.

Под изголовьем матицы может пройти только сильный шаман, много раз совершивший камлание в Верхний мир.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 29.

174. Образ шаманских бесов (ворон и собаки)

По ее словам (Матрены. — Г. К.), когда она не шаманит в течение 20 дней, то у ней начинает погибать скот (уничтожают недовольные духи)... Духи ее через трубу юрты издают крики воронов.

Духи этой шаманки были очень кровожадные. Они съели двух детей ее младшего брата. Она говорила сама: «Лишь только найдет на меня печаль, как мои проклятые черти приходят уже с окровавленными когтями и мордами». Опечаленная смертью своих племянников, она камланием снизошла к духу земли и заставила там наложить намордники на своих собак. С тех пор кровожадность духов уменьшилась.

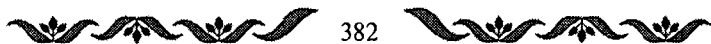
Она говорила: «Если кто огорчит и заставит меня дурно мыслить о себе, то, наверное, у него на пепелище будет расти сорная трава» (т.е. духи помимо ее собственного желания доведут обидчика до разорения). «Поэтому, — говорила она, — со мной не следует вступать в пререкания, а говорить обо всем [нужно] в просительном тоне». Она имела жалостливое сердце (досл.: «солнцеподобные мысли»), при камланиях никогда не просила вознаграждения.

У здешних шаманов на колотушке бубна [иногда] бывает изображение собачьей морды. Бесы шамана будто бы этим обнюхивают [и узнают].

Записал Г.В. Ксенофонтов [1928, с. 23].

175. Шаманский бес-собака

В старину у хоринцев, по рассказам, жил шаман по имени Тиитэп, у него, говорят, был *абаасы* (бес, злой дух), имеющий вид собаки. Этот бес-собака был нужен, когда шаман совершал

камлание для отыскания пропажи; собака шамана указывала, где находится пропажа.

Про этого шамана также рассказывают: когда он с громким криком бросался в воду, то будто бы выпадал дождь.

Со слов Федора Шепелева, Багарахский наслег. Записал Г.В. Ксе-
нофонов 7 января 1925 г. [1928, с. 27].

176. Наведение миража

В прошлом жил шаман Дьэргэлгэннээх — предок якутов Кобяйского наслега, один из первых жителей на Вилюе. На его землю пришел войной Тыгын Баай из Кангаласа, собравший большое войско. Но когда он прибыл, шаман напустил такой густой мираж, что нельзя было разглядеть, где противник, и вести по нему стрельбу из лука. Поэтому Тыгын возвратился ни с чем, так как не смог воевать с неприятелем, которого не видно.

Со слов Анисима Никифоровича Кобякова, 22 лет, Кобяйский наслег Намского района. Записал С.И. Боло [1938, с. 157].

177. Увеличение веса шамана

Шаман становится тяжелее, когда несет *кут* человека. Тогда его не могут приподнять ни два, ни три человека. Я тоже весил самое большее 64 килограмма. Пусть к этому прибавлялся вес шаманской одежды. Ну может стать около ста килограммов. А сдвинуть с места в указанном случае не могли.

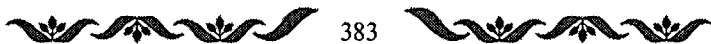
Поднять шамана можно, если немного разорвать где-то шаманский костюм. Например, нижний край штанины или обшлаг рукава.

Те, кто знал про это, тут же начинали разрывать на шамане его костюм.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 5 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 56.

178. Самострел шамана

Большой шаман, имеющий предка, пожирающего людей, обладает самострелом. Шаман его ставил между лесными, горными мысами, на излучинах речек или между двумя горами.

По рассказам, его самострел имел все детали, которые есть на самостреле охотника: симку, палочку для удержания ее, острую стрелу и остов. Шаманский самострел находился обычно высоко над землей. Например, самострел срабатывал в том случае, если на его настоорожку натыкался шаман, путешествующий по-над землей, или шаман и шаманка, преследующие по воздуху другого шамана.

При этом самострел мог разрядить только шаман, который был сильнее, имел более высокое предназначение, чем шаман, поставивший самострел. Шаман, разрядивший самострел, или умирал от полученной раны, или уворачивался от стрелы. Если ему удавалось увернуться, то он наводил большой страх на хозяина самострела.

Сейчас рассказывают, что во многих якутских улусах есть лесные мысы, где стоят настоороженные шаманские самострелы.

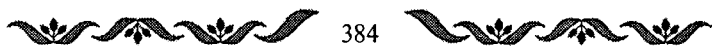
Они стоят заряженными потому, что теперь нет шаманов более сильных, воспитанных на более высоких гнездах, чем великие шаманы старины, владевшие древними злыми духами.

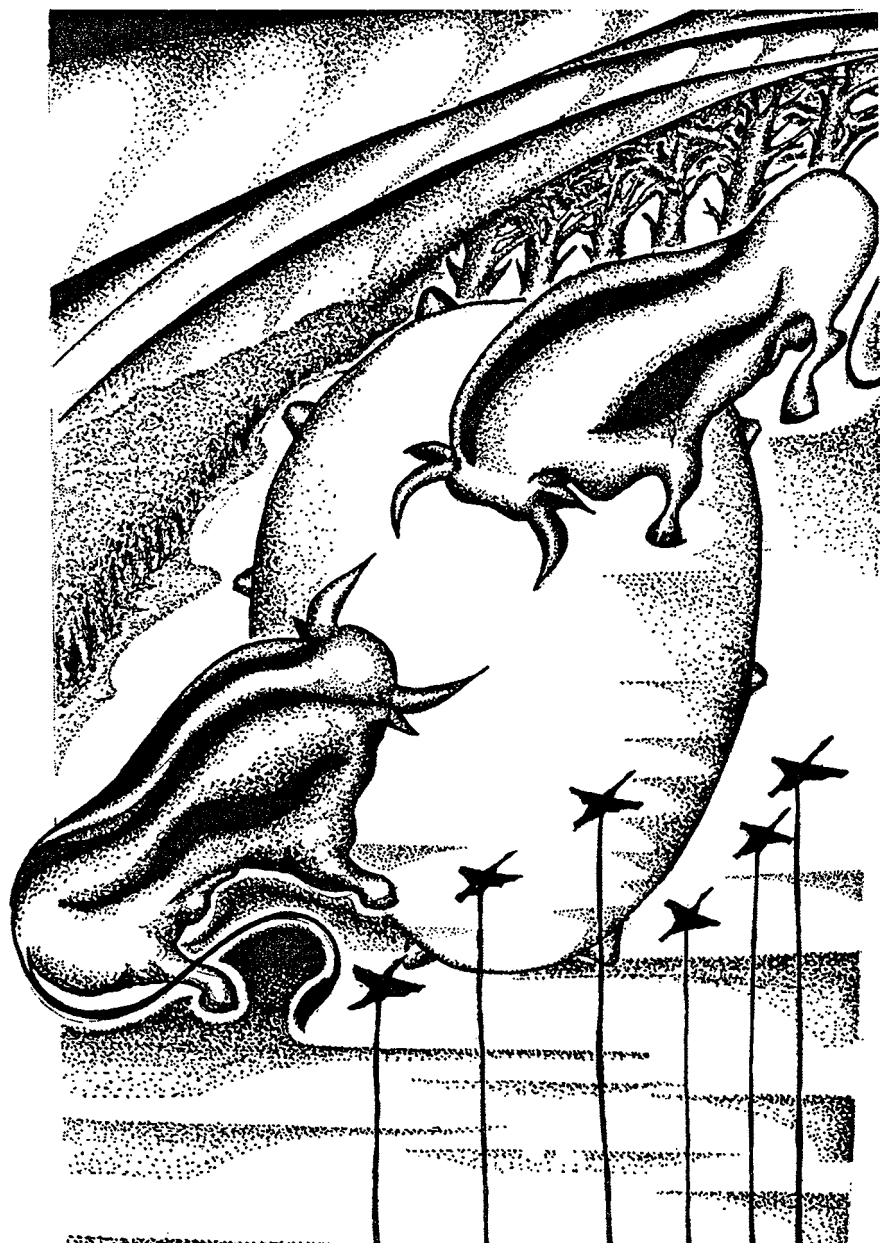
Например, настоороженный шаманский самострел стоит между двумя мысами в средней части елани Тумустаах по речке Таатта, на территории Сэсэн Бологурского наслега; еще в этом же наслеге поперек над речкой Амга от местности, называемой Глиняная гора Мындагаайы, до горы Хардааччылаах, на восточной стороне, тоже стоит настоороженный шаманский самострел. Выстрел шаманского самострела приводит к гибели многих. Шаман, разрядивший его, умирал не один. Стрела попадала не только в него, но и в близких его родственников.

Со слов Ивана Никитовича Дьячковского, 58 лет, I Бологурский наслег Амгинского улуса. Записал С.И. Боло 19 апреля 1926 г. [1938, с. 160].

179. Суор Уола

Сто пятьдесят лет тому назад в Мастахском улусе жил сильнейший из шаманов Суор Уола. В те времена проживал, прославляясь, как единственный, получив широкую известность, как человек, спасающий умирающих. Говорят, когда он камлал при болезнях людей, то получал лошадь или быка. Говорят, его родной отец Суор тоже был таким шаманом, имя которого не произносилось всеуе.

Борьба шаманов, которые сражаются, обернувшись быками

Если Суор Уола собирался погубить (досл.: съесть человека), то говорят, что он не ел человеческую пищу в течение пятнадцати суток и на трое пропадал с глаз людей. Когда он боролся с шаманами, говорят, они ломали леса и травы вселенной, а небо заставляли низвергать черные бури. Говорят, что он боролся так, соперничая с сильнейшими тунгусскими шаманами.

Он сам говорил: «Я предназначенный землей и небом, происходящий от господина Хара Суоруна, созданный айыы — боже-ством, направляемый призрачной страной, зародившись и создавшись, прибыл один в Средний мир. У населения, среди которого я живу, при мне совсем не должно быть того, что называется болезнью. Ну а если она (болезнь) окажется, тогда я — такой человек — посмотрю таким косым, пронзительным взглядом, что уж всякую-то мелкоту разгоню, да и больших (*абаасы*) тоже напугаю».

Когда он жил с такой своей известностью, пришла страшная болезнь, называемая оспой. Их (духов-оспы), говорят, было семь сестер. Прибыв, они собрались в Мастахском улусе и, взявшись за руки, стали кружиться в пляске посередине озера Мастах. Это услышал Суор Уола. Как только услышал, лицо у него стало, что черная запекающаяся кровь, очень быстро вскочил на ноги и, перекрестившись перед иконами, превратился в дым и улетел в небо. Поднявшись таким образом и оборотившись в русскую иголку, притаился в щели дерева. Находясь там, он увидел, что семь девушек-стерхов, взявшись за руки поют и плавно танцуют. Так они очень долго распевали тонкими голосами, и пришло время им расстаться. Суор Уола услышал, что они потихоньку разговаривают. Смысл этих разговоров был таков: распределить между собой кому куда идти. Кто назначался в Верхневилуйск, кто — в Нюрбу, кто — Оленек, кто — Жиганск, только в Мастахском улусе никого не осталось. Все стараются отказаться, говоря: «Ты оставайся, нет ты оставайся!» Некоторые из них говорили: «Здесь есть знаменитый шаман Суор Уола, происходящий от господина Суорун тойнона, сотворенный изначально страной, направленный призрачной страной, имя которого не произносится на священной земле. Наверняка он нас не оставит в покое, если останемся мы здесь. Поэтому оставим одну из нас, самую дошлую в колдовстве. Только погубив его хитростью, можно свободно расправиться с Мастахским улусом. Давайте теперь, выбрав самую сильнейшую из нас, оставим!» — сказала младшая сестра так громко, что

верхушка леса зашевелилась. После этого, посоветовавшись, они решили оставить самую старшую сестру. Затем поговорили о том, как обмануть и убить Суора Уола. В этом разговоре сказали: «Суор Уола обязательно покушает кашу или *саламат*. Ты тогда, оборотившись в огонь, упави в кашу. Люди, вкусившие от этой каши, должны умереть. Суор Уола непременно вкусит от этой каши, тогда он умрет, даже не дрыгнув ногой. После этого никого не будет, кто бы запрещал-препятствовал тебе, тогда можешь свободно разгуливать по Мастахскому улусу». Сказав это, понюхавшись-поцеловавшись, превратившись в туман, промелькнули и исчезли.

Суор Уола от слова до слова слышал, как они посоветовались. И про себя сильно грозился на них: «Погоди, девка, сделаю тебя с утиными глазами и утиными костями!» Сказав так, бывший до того в образе иголки, принял облик человека ростом до нижних сучьев дерева, трижды ударил в бубен, издавая гулкий звук, и очень быстро промелькнул в сторону дома. Прибыл домой и говорит домочадцам: «В самом большом котле до краев наварите *саламату*, сильно захотел поесть-покушать». Домочадцы, как велел их отец, наварили *саламат* в самом большом котле до краев, затем сверху налили на него масла толщиной с кулак. Лишь только, желая приступить к еде, собрались снять котел, на *саламат* упал уголь величиной с глаз человеческий. Тогда Суор Уола быстро вскочил, схватил этот уголь и опустил в бутылку. Заткнув бутылку очень крепкой пробкой, положил ее в железную бочку с тройными стенами и, вырубив прорубь, утопил в воде. Бочку обмотал веревкой и конец привязал к палке на краю проруби. И говорит: «Хотя ты собиралась меня погубить, однако же я тебя утопил, заперев в темную темницу. О себе слишком высоко не думай!» После этого Суор Уола отправился домой, довольный, как человек, победивший своего врага.

Оспенная болезнь сплошь распространилась по всей земле, лишь только в Мастахском улусе не оказалось никакой болезни. Люди Мастахского улуса догадывались, говорят, что оспу (духа оспы), наверное, поймал Суор Уола.

Потом Суор Уола опять услышал их песни и танцы, которые они затевали раньше. Услышав это, он побежал к той проруби, которую тогда прорубил. Разбив тройную железную бочку, достал бутылку и прибежал к берегу озера. Как только он открыл пробку бутылки, находившийся в ней огонь, превратившись в синее пла-

мя, улетучился. Суор Уола разбивает бутылку, бросив оземь, и в мгновение ока превратился в русскую иголку и как прежде притаился в щели дерева на берегу озера Мастах. Таким образом он услышал, как те втихомолку разговаривают: «Самую старшую нашу сестру таких людей, как мы, поймал, наверное, Суор Уола, поэтому, видимо, она не пришла», — говорят они. В это время приходит их старшая сестра, у которой от худобы кости выступали, как у утки, глаза запали, как у вяленой рыбы. Они узнали, спросив у сестры, что с ней сделал Суор Уола. Протанцевав, они разошлись. Суор Уола, три раза страшно гулко ударив в бубен, низвел с неба темную тучу и отправился домой. Прибыв домой, он рассказал всему своему народу о том, как он победил оспу.

Суор Уола занемог в предсмертной болезни. Перед смертью он сказал такое завещание: «Я такой человек, что имею кровное родство с Хара Суорун тойоном, предназначение от вселенной, направление от призрачной страны. Поэтому нельзя меня похоронить как простого человека. Снарядите меня так: выройте яму глубиной в печатную сажень. При этом, однако, голова и руки мои должны находиться над землей. Так сделайте гроб мой. Вложите в руки бубен и колотушку так, как будто я сидя ударяю в бубен. Если не так похороните, то неладно будет вам. Жалея меня, должны будете оплакивать трое суток», — сказал он. После этого он, изменившись в лице, побледнев, вдруг глубоко вздохнул и стал безжизненным. После смерти его похоронили как он завещал¹.

Со слов Егора Васильева, 80 лет. Записал ученик Угулятской школы С.Е. Васильев 22 марта 1939 г., Тылгынинский наслег Вилуйского района [ИПРЯ, ч. 2, с. 299—301].

180. Шаман Саргыл

В глубокой древности, еще до строительства Зашиверска, появилась оспа. Тогда шаман Саргыл всю родню целиком спрятал своими шаманскими чарами. Сам готовился бодаться с быком оспы в местности Ойуусардаах.

Духа оспы он встретил около Ойуусардааха. Когда, встретившись, стали бодаться, сначала оказались равными.

Дух оспы не стал вторично бодаться. Вернулся обратно.

Затем шаман Саргыл на горе Кэлээдин на духа оспы насторожил самострел¹, у которого колышек для силка находится на горе Ынгыр Таас. Шаман Саргыл сказал: «Если кто и мог бы разря-

дить этот самострел, то только дух оспы, да он заробееет. А лучше меня шамана не родится, пока земля и небо не изменятся».

Шаман Турангныыр видел, говорят, этот самострел.

Со слов Григория Солдатова. Записал Г.М. Васильев 9 августа 1944 г., с. Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 302].

181. Уничтожение шаманками хоринцев

Рассказывают, что в далекую старину жило племя хоро. Их было бесчисленное множество. Другие племена язык хоринцев не могли понимать.

В ту пору жил один шаман Уолчааны с тремя дочерьми. Однажды к нему прибыли хоринцы и посватались к одной из его дочерей. Старик был согласен на брак, но дочь ни за что не хотела выходить замуж.

Однажды этот шаман пошел погостить к соседям и принес в качестве гостинца для домочадцев два ребра конины. Дочь сварила мясо. Сам старик, сидя перед камельком, грелся и задремал. Объятый дремотой, он стал было падать, но вовремя проснулся и сказал:

«Во сне я провидел, что все мы, не успевши вкусить сваренное мясо, погибнем и улечучимся с этим пламенем».

Едва он успел высказать это, как вдруг через трубу юрты какие-то люди стали бросать горящее сено. Старик тотчас же вскочил и, схватив лук и стрелы, выбежал в сени. Он хотел отворить наружные двери сеней, но они уже были придавлены. В окне сеней он заметил глаза людей. Он выпустил в них несколько стрел и вышиб глаза трем из них. Затем сам, обернувшись быком, навалился на дверь и разбил ее. Дом был окружен хоринцами. Как только старик показался наружу, хоринцы, подстерегавшие его у дверей, одним ударом снесли ему голову. Голова старика, опираясь на две заплетенные косы, покатилаь через озеро, тогда как его туловище, стоя на одном месте, с шумом скакало по-шамански.

Хоринцы хотели было забрать с собой всех трех девиц. Старшая из них говорит им:

«У меня много хлопот по хозяйству, надо управиться с рогатым скотом и лошадьми. Окончив эти дела, я поеду с вами». Хоринцы согласились оставить их на время. После ухода хоринцев старшая сестра спрашивает у младших:

«Ну, какие у вас колдовские способности, чтобы нам выпутаться из беды?»

Одна сестра ответила:

«Я обладаю способностью, сев верхом на пестрого оленя, возноситься на небо».

Другая говорит:

«Держа в руках ведро со сливками, я могу углубиться в землю».

Все девы были оказывается шаманками. Одна из них стала заклинать небесных духов, другая — нижних. Вот они низвели сверху болезнь на хоринцев и таким образом заставили духов пожрать всех хоринцев.

Вскоре после этого в район реки Яны прибыл какой-то русский начальник и, женившись на старшей сестре, увез ее на Лену. Поэтому относительно старшей сестры говорится — «она направилась на север». Так рассказывают в Верхоянском крае.

Со слов Павла Стручкова, 80 лет, Эгинский наслег Верхоянского улуса. Записал Н. Стручков зимой 1924 г. [Ксенофонтов, 1977, с. 158—159].

182. Кээрэкээн

I

В старину, перед самым приходом русских, живший на западном берегу Лены шаман Мунгхалаах Кээрэкээн¹ [однажды] сказал: «Приблизилось время, когда этому месту изменит счастье-удача, что-то мой *сюр-кут*² не расположен к нему» — и угнал с восточной горы в сторону леса своего жеребца с кобылами. Со словами: «Я остановлюсь и стану жить там, где остановится моя лошадь», — последовал за ними и, остановившись на реке Татта, сказал: «Пусть эта местность будет Тохтобул (Стоянка)» — и поселился там. Названный им Тохтобул находится в Шаманском роде Жехсогонского наслега — это обширная, заселенная многими жителями, центральная, прекрасная местность.

Шаман Кээрэкээн стал жить по тем местам, где сейчас находятся Жехсогонский и Амгинский наслеги. Проживая таким образом, однажды шаман Кээрэкээн послал гонца с извещением к старику Бахсыгыру³: «Говорят, что вы являетесь исконным здешним народом. Богач Бахсыгыр или пусть придет ко мне и станет мять мои торбаза, или пусть выставит против меня сильных, вольных местных богатырей. Я готов ко всему этому, не пятаюсь назад, стою лицом вперед». Отправив такое извещение, шаман Кээрэкээн подготовил передовой отряд из трех самых сильных богатырей: мегинского Бэрт Бээчэна, Ыттаах Кюэртэ, сына Курбусах-

ского шамана и сасылского Ондюэс-Бёгё. Кроме них, из ближайших сородичей терасинских людей отобрал он Иргизэлэ и Ингэрчэ, своего парня богатыря Кэнгис Боотур также призвал и подготовил других людей, лучших силачей и воинов.

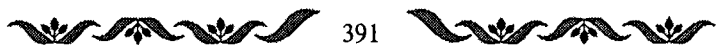
Так, послав такое извещение, сами они, собравшись все вместе, назначили себе определенный срок, точное время и отметили затесиной на дереве; четверо воинов воспели моление о своем предстоящем жребии, и весною по руслу реки Татты, на кургане широкого аласа Тохтобул, шаман Кээрэкээн со всем своим войском засел в ожидании врагов.

Сын шамана Кээрэкээна, носивший шлем Кэнгис Боотур, находился в дозоре (в ожидании). Кэнгис Боотур, надев свой панцирный шлем на пень в качестве мишени, пробовал стрелять в него, попадая в любое место, куда целился. Затем он испытывал свою силу и мощь, закалявая копьем разных лошадей и перебрасывая их через деревья. Несмотря на это, все же на панцирном шлеме оказались приметы, что он будет побежден. Старший их глава и *тойон*, шаман Кээрэкээн уснул беспробудно на девять суток и ждал врагов. И вот, уснувши таким образом, шаман Кээрэкээн внезапно проснулся с испугом и стал шуметь и говорить недовольным голосом: «О-о! Наступает время победы баягантайцев⁴. Ты, Кэнгис Боотур, стреляя в цель в панцирный шлем, *кутсюр* свой низвергнул, шлем твой кровью заплакал. Люди богача Бахсыгыра нашли одного знаменитого шамана, и затем они завтра утром к восходу солнца вступят кровавыми ступнями на эту землю!» Так шаман Кээрэкээн, ожидая со всеми людьми, сторожил появление воинов баягантайцев.

II

В это время прибыли из Оймакона⁵ баягантайцы, сыновья Кэдирги Кээдэя, сородичи шамана Аан Чаачая — Модьукаан Бёгё и Типикян Бёгё, под предводительством своего старшего брата Дэлгэсэ.

Проезжая по нынешней речке Буойа, они вдруг встретились с ехавшим навстречу сородичем — баягантайцем — стариком Бахсыгыром и со всеми его людьми — с силачами, батырами, затем с его младшим братом Сасыл Бытыком, с его сыновьями — Мадьыгы Тёрёнёем, Бахчыгыр Баатыром и Кюэрэнг атахом. При этой встрече, сначала не узнав друг друга, в первоначальной запальчивости Мадьыгы Тёрёнёй, схватив Дэлгэсэ за полу одежды из шкуры лося, ударил одной рукой и отрезал полу: Дэлгэсэ,

вырвавшись от него, на двухтравой своей лошади разом перескочил через реку Татту. Тогда Мадьгы Тёрёнёй на своей лошади Суонда Арангаса попытался перескочить через реку, но не смог и остался. Все-таки Дэлгэсэ не убежал дальше полета стрелы. И люди его тоже стояли на месте. Мадьгы Тёрёнёй, пока тот стоял в нерешительности, с досады зычно закричал: «Надо этого дерзкого пристрелить здесь и поехать дальше, окровавив панцирь» — и широко растянул лук свой с изгибами на концах, приложив оперенную стрелу с вырезом на пяте, предназначенную для пробивания панциря. Тем временем предводитель и их *тойон* старик Бахсыгыр, закричав: «Настало тебе время лишиться светлого солнца, с кем ты связан пуповиной, чей по крови ты человек, воспой свою [печальную] судьбу!» — остановил его. Дэлгэсэ, повернув своего двухтравого коня, стал петь подробно о своей [печальной] судьбе и сказал: «Предком и родоначальником моим был баягантаец Сасыл Бытык. У сына, родившегося от его жены, женщины Сасыл Мэндюкээн и Оймяконского шамана Аан Чаачая, есть сын по имени Кэдэрги Кээдэй. Мы являемся его сыновьями, все трое, отец наш жив, нашим родичем, ближайшим родственником должен быть старик Бахсыгыр!» Когда люди старика Бахсыгыра внимательно выслушали это, оказалось, что они свои люди; поэтому, говоря: «Ой, оказывается, вы наши родственники, наши родичи, мы тоже баягантайцы, люди Бахсыгыра!» Узнали друг друга, познакомились. Сказав: «Пусть будет мир!» — отпустили Дэлгэсэ со многими благопожеланиями: «Размножайся, широко распространяйся, образуй род Дэлгэсэ».

Люди Дэлгэсэ подробно рассказали, как шаман Кээрэкээн с шестью богатырями, собравшись все вместе, ждут встречи с ними и что ожидают их уже восемь суток.

Затем Дэлгэсэ со своими людьми, эти люди Оймяконского рода, опасаясь сражения, посторонившись от этого, уехали по речке Баяга в местность Тулаайах алаас, где, скрываясь, заночевали.

Люди же старика Бахсыгыра, приехав к этому времени на алас Мойуона, спешили у стоявшей там большой, видной листовенницы Ытык Тиит и заночевали у ее подножия. Вставши рано утром, чтобы низвести на Мадьгы Тёрёнёй духа кровожадности, привязали его и прикрутили веревками к семи листовенницам. И, надев на него панцирный шлем и полагающуюся одежду, дав ему в руки все вооружение, отпустили, и их человек побежал в ту сторону, где предполагалась битва. Вскоре вслед за своим человеком к восходу солнца на холм аласа Тохтобула, где росли три

темные лиственницы, к шаману Кээрэкээн прибыли они. С обеих сторон началось сражение, кровопролитие. На эту сторону надвинулся день назначенного времени, определенного срока пролития крови, приподнятия преисподней, растопыривания нечисти, падения шаманской подвески, называемой солнце, отрывания повязки круглой шаманской подвески⁶.

Лучший богатырь шамана Кээрэкээнэ, его сын Кэнгис Боотур, надевающий шлем, ожидавший воинов, увидел идущего на него Мадьгы Тёрёнёя и, высоко держа свое копьё с обмоткой, бросился навстречу ему. И в то время, когда у него под панцирем снизу открылось голое тело, Мадьгы Тёрёнёй вонзил копьё в него и одним ударом лишил Кэнгис Боотура светлого дыхания. Кэнгис Боотур, не выдержав одного удара, тут же умер. Увидев внезапную смерть [сына], считая себя побежденным, покинутым удачей, Кээрэкээн спустил на шею шапку с наушниками и, ставши впереди, преклонив колена, умоляя и кланяясь, слово молвил: «Победили [вы], остановитесь, возьмите выкуп⁷, прекратите, успокойтесь!» Согласившись с этим, баягантайцы — люди старика Бахсыгыра успокоились, взяв себе в качестве победителей вознаграждение за труды своих ног, в виде выкупа двенадцать голов круглого скота.

Таким путем победив-осилив, умерив свою кровожадность, баягантайцы все возвращаются, направляясь в свою сторону.

И вот, возвращаясь, Мадьгы Тёрёнёй, когда поднялись вверх по реке Бэппэй, доехали до места Кэйгэс юэс, сожалея о своем поступке, зычно завопил: «Экое ничтожество я, не попробовав побороться с лучшим богатырем шамана Кээрэкээнэ, зря возвращаюсь обратно, экая досада!» Услышав это, глава их, старик Бахсыгыр, унимает его: «Что с тобой? Не раскаивайся, с достоинством взяли мы у них имя и славу». Тогда Мадьгы Тёрёнёй, ударив себя, вытянув лук с изогнутыми концами и держа его против себя, широко натянув тетиву, выстрелил в старика Бахсыгыра. Стрела, угодив в зад лошади старика, вылетела через левый глаз ее, и лошадь тут же пала, ударившись головой о землю.

Тогда Мадьгы Тёрёнёй, упредив, замахнулся копьем, и старик, зашатавшись, повалился. Когда посмотрели, то увидели, что сломанный наконечник копья остался в бедренной кости старика Бахсыгыра. Тогда люди остановили, успокоили Мадьгы Тёрёнёя. Расширив рану старика оружием, имеющим лезвие, вытащили железку. Завязав рану поясом из сыромятной кожи, остановили кровотечение.

И тогда, когда таким образом из Мадьыгы Тёрёнёя вышел дух кровожадности, все воины, говоря: «Вот и наш паренек исправился, вот и дух кровожадности вышел из него», — наконец-то отправились в свою местность.

С этого места старик Бахсыгыр, вволю наговорившись со своими родичами, отделился от них и отправился на свое местожительство Дьяарбанг Суут, в местность нынешнего Баягантайского наслега. Когда все оймаконцы, потомки Сасыл Бытыка, переправились через Алдан и доехали до речки Томпо, у лошади Суонда Арагаса, на которой ехал верхом Мадьыгы Тёрёнёй, вдруг передом и задом хлынула кровь, и она тут же посреди дороги, так стоя, пала. Там же, как бы совершая захоронение, череп ее повесили, перевернув верхом вниз, на одну прекрасную лиственницу. Это место сейчас называется Суонда Бастаах (Голова Суонды). Череп этой лошади был там до недавнего времени, и когда однажды человек по имени Николай Кюйгес из II Игидейского наслега взял и примерил его к себе, то он оказался до верхнего конца его бедра.

III

После того путешествия, сыновья Сасыл Бытыка — Бахсыгыр Баатыр, Кюдэнг атах, Мадьыгы Тёрёнёй — все вернулись на родину в Оймакон, где продолжали жить на горе Сэтгэ Сирэй (Семь личин). Очевидно, они от старика Бахсыгыра за то, что помогли ему, за труды ног своих, видимо, получили какую-то часть от 12 коней, отданных победителям в качестве выкупа...

Итак, погиб удалой сын шамана Кээрэкээнэ Кэнгис Боотур, который мог носить полное боевое снаряжение, состоящее из самого крупного шлема и панциря. Сам Кээрэкээн совсем опозорился, выплатил выкуп победителям, обесславилось его достойное имя, утратил свое счастье-удачу. Понадеялся он на своего сына, не собрал необходимого войска, думал, и сами справятся с нашествием чужеземцев, однако замыслы его провалились. Причиной тому стало то, что его сын Кэнгис Боотур, способный носить шлем, во время вселения в себя духа кровожадности в бою все защитные доспехи надел на деревянное изображение человека, затем произнес необходимое в таких случаях горестное заклинание и выстрелом сбил с них железный кружок, называемый солнцем, попал в железную пластину, прикрывающую середину позвоночника. В результате этого защитные доспехи заплакали кровавыми слезами, оторвалась от него его душа (*кут-сюр*). Потому что

первой же схватке баягантайцы и оймяконский род одолели соперников и возвратились домой с победой.

Прошло лето, когда отлетело солнце с панциря, когда на нем порвалась крепь, державшая железную пластину на спине⁸, когда покинуло Кээрэкээна счастье. Было начало осени. Гнев шамана Кээрэкээна усилился, он вторично собрал войска, нашел богатырей по имени Иргиэлэ и Ингэрсэ, свел воедино все свои силы. Они покинули место Тохтобул, где имели жительство, и направились войной в сторону Оймякона для того, чтобы свести счеты со своими врагами, решили вновь сойтись с ними лицом к лицу, схватиться в кровавой битве.

Во время похода ровно на середине пути в Оймяконе устроились на ночевку. Была осень. Там, где остановились, они провели три дня. Все это время шаман Кээрэкээн спал. По истечении трех суток вдруг он проснулся с радостным смехом и стал произносить благодарственные заклинания. Взял три отборные стрелы и, держа их над огнем острием вверх, произнес: «Уук-суук!» При каждом его восклицании на одну из стрел падало сверху окровавленное сердце размером с сердце теленка. Так случилось трижды. Кээрэкээн помахал над огнем этими тремя стрелами с пронзенными ими сердцами. Опалив над огнем эти три сердца, сказал: «Ну, мы победили, давайте возвращаться!» Все войска повернули назад, отправились домой, так и не добравшись до Оймякона.

В то самое время в местности Сэтгэ Сирэй в Оймяконе, где жили Мадьыгы и Тёрёнёй с братьями, появилась дочь Илбиса, приняв облик молодой женщины с бельмом на глазу, одетой в ровдужное платье, подпоясанное куском веревки, которой привязывают коров. Она стала сновать от одного сына Сасыл Бытыка к другому, рассказывая им ложные слухи: «На тебя идет войной тот твой брат, приготовься». Все три брата всполошились, испугались и перебили друг друга. Вот таким образом погибли жившие в Оймяконе сыновья выходца из Баягантая Сасыл Бытыка — Бахсыгыр Баатыр, Кюдэнг атах, Мадьыгы Тёрёнёй. Это значит, исчез целый род из-за того, что шаман Кээрэкээн призвал себе на помощь духа кровожадности, который, приняв облик той женщины в ровдужном платье, добрался к ним, распространил ложные наветы и вызвал кровавую сечу.

Со слов Егора Миновича Егорова, 82 лет, Жулейский наслег Таттинского района. Записал С.И. Боло, 12 октября 1933 г., местность Таалалаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 214—217]; якутский текст III части см. [Боло, 1938, с. 88].

183. Род Дьохсогон (Жексогон)

Шаман Кээрэкээн воевал с людьми из Баягантая, Игидея¹ и Оймякона, одолев-победив их, стал жить по рекам Таатте и Амге. Он был богат конями и рогатым скотом. Имел у себя близких людей. Были у него два богатыря из терасинцев Иргизэлэ и Ингэрчэ², отцом которых был Кюскэс Бетенкес, а матерью Тысагас Кюскэс. Имел он еще силачей: Бэрт Бээчээна из Мегинского улуса, Кюэртэ сына Ыттаах Ойууна из Курбусахского рода, Сасыл Беге и Кэнгис Боотура.

У шамана Кээрэкээна был единственный сын, по имени Дьохсогон³. Дьохсогон, как и отец, жил по рекам Амге и Татте. У него была жена по имени Былаах.

Однажды отец их, шаман Кээрэкээн, в местности Арыы Бысыт, на берегу реки Амги, держась за кол (изгороди. — Н. А.), сказал свое завещание: «Я умру в воде, таково мое предопределение. Отсюда, уплыв вверх против течения на три *кёс*, превратившись в гагару, приплыву к берегу, и на том месте, подняв [меня] на гору Такыма, похороните в земле и сделайте могильный памятник. Спустя долгое время на этом месте вырастут три лиственницы с вершинами в виде помела. Если под ними постелят белый ковер из шкуры с черными каемками и на нем поставят кушанья и станут есть *суорат*⁴, тогда с этих деревьев спустится паутина. И если бы ее, смешав с *суоратом*, съела еще не рожавшая девушка-сирота, я вторично вернулся бы в свой род. Родился бы такой же человек, как и я. Родился я у каменистой речки. По предопределению свыше и кости мои должны остаться у каменистой речки», — и от кола, за который держался, мигом он спрыгнул в воду реки Амги. Затем, превратившись в гагару, поплыл вверх против течения, выплыл мертвым на расстоянии трех *кёс* против горы Такыма. Сородичи нашли его там и похоронили на середине горы Такыма.

На этой его могиле раньше выросли две лиственницы с вершинами в виде помела и высохли, а сейчас, говорят, выросла третья лиственница с вершиной в виде помела. Рассказывали, что из его могилы часто поднимается вихрь.

Прошло много времени с тех пор, как умер и похоронен шаман Кээрэкээн. Живет его сын Дьохсогон, продолжая его род. В свое время от него родились четыре сына, ставшие известными людьми. Однажды старик Дьохсогон и старуха Былаах перекочева-

ли с речки Амги к речке Татте, впереди бежал девятилетний их сын. Остановившись, он сказал: «Я проголодался, накормите же, накормите, если меня не накормите, то я очень отощаю». Тогда старик со старухой остановились и дали ему пососать корову. Так они от Амги до Татты, на расстоянии семи *кёс*, семь раз останавливались, чтобы дать пососать мальчику коров. За то, что он хитрил и обманывал, чтобы поесть, дали ему имя Тюэкэй Тюекюн Уохчай (Плут, обманщик Уохчай). Второй их сын имел длинные волосы, как лошадиная грива, росшие до хвостового позвоночника, а потому его называли Сиэллээх уол (Гривастый парень). Третий сын с четырехлетнего возраста совсем потерял слух, потому его прозвали Дьүлэй уол (Глухой парень). Четвертый сын любил выставлять себя шаманом и сновидцем, потому прозвали его Ойуун уол (Парень шаман).

Так от четырех сыновей старика Дьохсогона произошли Тюэкэйский род, Сиэллэхский род, Дьүляйский (Жулейский) род и Ойуунский род Дьохсогонского (Жехсогонского) наслега, и эти роды размножились и расселились по рекам Амге и Татте.

Впоследствии умер сын Кээрэкээнна, старик Дьохсогон; и когда жена его, старуха Былаах, жила осиротевши со своими детьми, сошелся с ней человек по имени Сонтой Багаччак. От него родила сына Быкыйян Сюэсюяна. От этого сына происходит Тютюлинский род Сивцевых.

Со слов Егора Миновича Егорова, 82 лет, Жулейский наслег Таттинского района. Записал С.И. Боло 10—11 октября 1933 г., местность Таалалаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 218—219].

184. Сын шамана Адагалаах

Адагалаах, говорят, был Намским шаманом. Этот шаман, как это было в старину, имел обыкновение состязаться с другими шаманами¹.

Однажды с дальней речки прилетел шаман Кисинчэ, превратившись в огромную птицу, и спустился на гору Ытык Хайа. Спустившись, шаман Кисинчэ стал есть траву с другого берега, такая, оказывается, была у него длинная шея. Увидев это, шаман Адагалаах бросил в него железную острогу. Тот увидел летящую к нему острогу и взлетел ввысь, поэтому острогой срезало только одно перо с крыла. Шаман Кисинчэ исчез. Через девять суток шаман Адагалаах выехал на быке на гору, над рекой, за дровами, тогда

прямо с запада поднялась жестокая пурга. Когда шаман Адагалаах снимал ярмо с быка, другой шаман бросил в него железную пику (острогу) и срезал спинной мозг, убил его вместе с быком. Старик с быком пропадали трое суток. Трое суток длилась пурга. Старика искали всем наслегом, нашли, привезли и похоронили.

Был у старика сын, еще не достигший законного возраста, имевший склонность стать шаманом, говорят, отец обучал его. Этот парень так сильно злится, и так ему хочется покамлать.

Однажды вечером он камлает. Он не может дойти до трижды девятого *олоха*. Превратившись в серого сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на Средний мир. Ясновидением он провидит правильно: оказывается, когда отец выехал по дрова, его убил шаман Кисинчэ, бросив в него железную острогу. А перед этим отец его бросил острогу в того шамана и срезал с него перо. Это тоже провидит. Досадует. «Еще не наступило совершеннолетие. Нынче, как исполнится, отправлюсь преследовать», — думает он. В месяц привязывания жеребят, когда он достиг совершеннолетия, он, превратившись в ястреба, прилетел на местожительство Кисинчэ. Кисинчэ дома не оказалось. Прибыв таким образом, он, превратившись в кошку, лежал у подножия трехветвистой березы по левой стороне его дома.

Лежит и смотрит: в загоне кормятся, оказывается, два стада коров. Туда он бросил железную острогу. Как только он бросил, вдруг появились люди в белых одеждах с длинными палками в руках. Это, оказывается, были духи-покровители рогатого скота. Они сказали: «Наши судьбы разные, мы тебе не причиняли никаких потерь, твоя судьба иная, не трогай нас. Мы собираемся очень плодиться и размножаться. Преследуй своего врага».

Порядочно времени прошло, но ничего не показывалось. Вот только из дома вышла с лаем черная собака. Ее убивает, кинув острогу. В доме жена шамана — старуха шаманка, она узнала присутствие шамана, дверь закрыла на крючок и никого не выпускала. Вышел ребенок, который от жалости к щенку бросился обнимать его, шаман тоже умертвил его, кинув острогу. Потом убил вышедшую из дома беременную женщину. После этого из дома совсем перестали показываться люди. Вечером, когда наступили сумерки, с северной стороны выплывает что-то черное, большое. Когда приблизилось, то увидел в нем старика, везущего воз мяса. Его он тоже убивает, быка также умертвляет, бросив острогу.

После этого, когда вечерняя заря уже начала исчезать, подъезжает сам шаман на огромном огненно-рыжем коне. Когда он, заехав на свою поляну, оглядел ее огненным взором своих глаз, подобных круглой луне, то узнал о присутствии шамана. Когда подъехал к коновязи и стал слезать с коня, парень кинул в него острогу: он ее отбросил в сторону левой рукой. Кинул острогу, когда он стал привязывать коня к коновязи: он ее тоже отбросил в сторону. Потом бросил острогу, когда тот, чтобы зайти в дом, схватился за веревочную ручку двери. Ее опять он отбросил в сторону.

Заходя в избу, сказал: «Старуха, жива ты или нет? Скорей отлей в огонь верхний слой супа из конины, ведь шаман извел наших людей». Старуха подошла с левой части балагана и полила в огонь жир от супа из конины. Вместе с вспыхнувшим при этом пламенем вылетает ястреб. Парень убегает. Ястреб гоняется за ним в течение девяти лет, парень все убегал от него. За это время проходили по разным местам: между мизинцем и кольцом человека, а также через трубчатый стебель травы.

За это время Баабыр достиг совершеннолетия. Он прячется, спустившись к предкам девяти шаманов. Кисинчэ появляется следом за ним. Там они жалуются. Парень рассказывает, что Кисинчэ убил его отца и быка. Их взвешивают, чтобы узнать, который из них бóльший шаман. Оба они оказываются равными. Им говорят: «Вы, оказывается, равные шаманы». Затем сказали: «Еще ниже есть страна Таам Тараты. Это горящее огненное море, над которым проходит узкий железный мост. Вы на нем бодайтесь, превратившись в двух пауков. Кто из вас виновен, тот упадет в огненное море и погибнет».

Шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту, превратившись в пауков. Бодаются целых три года, никто из них не падает. Равны. Потом оба вместе срываются, причем Баабыр, оказался выше Кисинчэ. В старину, оказывается, Баабыр воспитывался немного у Вилюйской шаманки Алысардаах², поэтому стал просить ее: «Настал день смерти, начинаю вариться в огненном море вместе с шаманом Кисинчэ. Пожалей, защити-спаси». Шаманка Алысардаах, превратившись в небесного голубя, плавно прилетела и схватила когтями шамана Баабыра, унесла его и опустила на его земле.

Со слов Спиридона Яковлевича Стручкова, 84 лет, II Легейский наслег Усть-Алданского района. Записал С.О. Онопров 1 июля 1945 г., с. Мюрю [ИПРЯ, ч. 2, с. 266—267].

185. Алексей Сабарта и шаман Болчуона

Алексей Сабарта — потомок Нэлэгэр баайя, очень, очень и очень богатый человек. Он жил, построив себе в местности Эбэ прекрасный рубленый дом из десяти комнат. В то время пилы не было, говорят, плотники построили его, стесывая топором. Углы [дома] рублены в лапу. Этот дом заставил построить людям, которых вывез из центра (Якутии. — Н. А.), т.е. из Якутска.

Этот Сабарта Баай имел семь жен. Семь его жен жили на семи излучинах реки. Богатство его было чрезмерное. Его коровницы были расселены по всему Сартану и Дулгалааху. Он, так же как Нэлэгэр, разбогател до того, что угонял [лошадей в жертву]. Рассказывают, что он заставлял семерых слуг угонять лошадей в жертву. Он заставлял, оказывается, угонять только светло-серых лошадей. Этих лошадей никто не должен был брать себе.

Сабарта женил трех сыновей на трех женщинах из центра. Эти женщины привезли с собою в приданое очень много богатства. Сабарта опозорил трех невесток и выгнал их.

Когда так жил этот человек, прославившись таким образом, вот что случилось с ним.

Здесь жил шаман, не называемый [тогда из страха] по имени, которого теперь вынуждены называть Кэриир Киситэ (досл.: Человек посмертной поездки. — Н. А.). Говорят, настоящее имя шамана было, кажется, Николай Болчуона. Когда старуха этого шамана приехала к Сабарте погостить, тот отобрал [у нее] беломордого вороного коня, сказав, что это за долг. Старуха вернулась к себе, опираясь на палку. Когда она пришла домой, ее муж, опершись спиной к коновязи и подняв голову к небу, стоял, оказывается, и горько плакал кровавыми слезами. Так он простоял, весь заиндевав, на протяжении семи дней и ночей.

У шамана было двое детей. Эти дети испугались и просили отца зайти [в дом]. Разве отец их послушается.

После этого на местожительстве Сабарта была гололедица, что доска. Погибло девять жеребых кобыл.

Напуганный этим, Сабарта преподнес шаману дары на двух навьюченных лошадях и стал умолять, беломордого вороного коня [также] вернул ему обратно.

Шаман дары отправил обратно. «Взятое пусть берет», — сказал он, даже коня не оставил. Этот шаман уничтожил Сабарту Баайя. Его родные, дети, он сам — все умерли.

Жена Сабарта Баайя в местности Куранах Юрэйэ (досл.: Высохший ручей. — Н. А.) закапывала золото и серебро, говорят. Она закопала семь *кебюеров* золота, восемь *кебюеров* серебра. *Кебюер* — [мешочек], который выделяется из коровьего пищевода.

Эта женщина повторяла при смерти: «Семь *кебюеров* моего золота, восемь *кебюеров* моего серебра», — лежала и, разгребая [пальцами] землю, умерла.

Эту женщину похоронили в рысьей шубе, с золотыми гривнами, со всеми разными украшениями. Говоря: «Пусть это будет ее ездовым конем», — закопали коня с серебряным седлом, с богатым снаряжением.

Ее могила была, говорят, на возвышенности в Куранах Юрэйэ.

Со слов Дмитрия Николаевича Другина, 80 лет, Верхоянский район. Записал Н.В. Емельянов 9 апреля 1956 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 154—155].

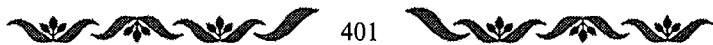
186. Джаарын (Князец-шаман)

Джаарын был знаменитый шаман. От него произошел род, живущий около озера Мэгэджэк и носящий его имя. Ныне они образовали один наслег — 1-й Бордонский. В Нюрбинском улусе есть тоже джааринцы — в составе Накасского наслега. Джаарын имел семь сыновей.

У него был богатый сосед Нэлэкэй-Кылаа, который имел знаменитого жеребца по кличке Мюллью-Босхонг. По всему его хребту от челки до хвоста росла грива, от хвоста до копыт тоже росла длинная шерсть. Джаарын в течение всей жизни не переставал просить этого жеребца, но хозяин не хотел расстаться с ним.

Однажды Нэлэкэй-Кылаа устроил *ысах* и пригласил шамана Джаарына благословить начаток кумыса. Джаарын пришел. Упомянутого жеребца, надев на него двойной недоуздок, двумя поводьями привязали к лиственнице. Джаарын в самую пору восхода солнца освятил кумыс. Наверное, произносил и молитвы. Начался праздник, пили, плясали... Вечером народ разошелся, Джаарын снова стал упрашивать хозяина уступить ему жеребца. Тот ответил неизменным отказом.

Тогда шаман взял таловый прут, снял с него кору так, что белые и темные полосы шли, перемежаясь по спирали, и произнес заклинание, призывая своих духов:

«Подвластные мне духи, приведите ко мне жеребца Мюльлю-Босхонга! Ньэлэкэй-Кылыы обещал мне дать его, а теперь отказывается...»

Затеялась ссора... Шаман в гневе проговорил:

«Хочешь дать — возьму его, не хочешь — тоже возьму!»

С этими словами он сел на коня и уехал. Он жил на противоположном берегу озера Нюрбы, на мысу под названием Бере-Тумула. Как только ушел шаман, привязанный жеребец стал биться и оборвал свои привязи. Семь человек, вооружившись палками, пытались остановить его, но он бросился в озеро и поплыл к противоположному мысу, местожительству Джаарына. Так он ушел за шаманом, как жеребенок за кобылицей.

Со слов Ивана Алексеевича Алексева, 42 лет, Суюльский наслег Нюрбинского улуса. Записал Г.В. Ксенфонтов в марте 1925 г. [1977, с. 198].

187. Джаарын Ойун

Внук Тююлээх Тюнгюрдээх — Тюлюен Ойун имел семь сыновей, одним из этих семи братьев был шаман Джаарын. Этот шаман был очень кровожаден, причинял вред людям и скоту. Он, хваля какого-нибудь коня, говорил:

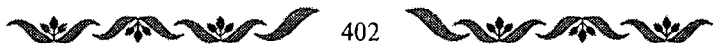
«О, этот конь совершенно похож на самого Уордаах Джесегея, как если бы он сам воочию в собственном облике ходил, спустившись на землю!»

Этот конь обязательно погибал. Затем он таловым прутом с узором ударял поперек морды привязанных к *сэлэ* жеребят. Эти жеребята тоже погибали.

Однажды Джаарын Ойун сражался с Оноку, сыном Сююлэ-Багдарына, состязаясь в первенстве. При этом Джаарын был князцом, а Оноку — старшиной. Бой оказался безрезультатным.

В те времена в Суюльском наслеге жил один богатый человек по имени Хамыйях. Джаарын Ойун совсем разорил этого богача. Он приезжал к нему с навьюченными на коня двумя кожаными посудинами с кумысом и беседовал с ним в продолжение целого летнего дня, говоря при этом:

«Вот уже несколько лет живу на свете и ни разу не удалось полакомиться до отказа утятинной — линным крохалем-самцом. Разве вот дети моего приятеля угостят пищей? Пусть они поохотятся за ними, а мы тем временем заведем со стариком беседу!»

Сыновья уходили охотиться, забросив сенокос. Приступили косить только тогда, когда трава уже начала желтеть. От поблекшей травы постепенно погиб у них весь скот. Шаман бил таловым прутом с узором поперек морды их жеребят, отчего они потом умирали. Когда спрашивали шамана, почему он бьет жеребят, он отвечал:

«Хочу узнать, хорошие ли кони выйдут из них!»

Хамыйбах совсем обеднел и умер в нищете.

Тогда же в Мэгэжэке жил предок тамошних якутов, богатый и известный человек по имени Хатыы. Однажды захворала его дочь от черной смерти. Отец просил Джаарына совершить камлание над дочерью. У Хатыы был знаменитый конь, известный под кличкой Мэнгий-Мээчик. Джаарын долго и убедительно просил дать ему коня этого, но хозяин не давал. На этот раз Хатыы обещал уступить коня, если он вылечит и ту болезнь совершенно изгонит из нашего края. Шаман согласился и совершил камлание в течение трех дней и ночей. Болезнь, черную смерть, заключил в железный ящик и полетел с ним на север. В пути над озером Ниджили болезнь превратилась в рыбу, вырвалась из рук шамана и упала в озеро. Тогда шаман от озера Ниджили на три *кёса* (мера для измерения расстояний, около 10 верст) ближе протянул поперек железную преграду, чтобы та болезнь не приходила в наш край. Единственное доброе дело, сделанное шаманом Джаарыном, заключается только в этом. Просимого коня он получил.

У Джаарына было семь сыновей, из них известны имена следующих: Джалагай Киилээн, Джэрэнээк Ойун, Няхчахаан, Энгэрдээх...

Джалагай Киилээн — знаменитый богач.

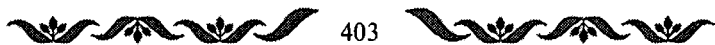
Джаарын, будучи князцом, носил кафтан из красного сукна. Когда он надевал его, люди говорили:

«Старик надел свой кафтан, видимо, собирается созывать сход!»

Со слов Ивана Николаевича Попова, 30 лет I Бордонский наслег Нюрбинского улуса. Записал Г.В. Ксенофонов в марте 1925 г. [1977, с. 204—205].

188. Оноху и Норгуо (Борьба с оргетцами)

Сююлэ-Багдарыын имел двух сыновей, старшего звали Оноху, а младшего — Норгуо. Оноху был силач и шаман, но никогда не шаманил. Только раз пришлось ему шаманить. Когда он кричал,

его голос был слышен на расстоянии тридцати верст. Он был громадного роста и так тяжел, что редкая лошадь могла выдержать его. Был один конь черной масти с белой мордой и его мать такой же масти. Только на них он ездил верхом. Лишившись их, ходил пешком. Он служил старшиной при князце Джаарыне. Для взноса податей ходил в Якутск пешком и путь туда и обратно совершал в семь дней (1400 верст туда и обратно).

Однажды пришлось ему сражаться с людьми Джаарына. Его младший брат Норгуо тайком высмотрел верши у людей Джаарына. Последний стал укорять Оноху за брата. Это послужило поводом для столкновения. Условились через три дня сразиться.

Придя домой, Оноху стал ругать брата. Тот говорит:

«О чем горевать, от многих падает много, а от малочисленных умрет немного!»

Чтобы испытать ловкость и увертливость брата, Оноху стал стрелять в него из лука. Но тот все летящие стрелы захватывал между пальцев и при этом приговаривал:

«Вот летит стрела, оперенная перьями орла, вот стрела с перьями пегого орла, вот стрела с перьями сарыча!..»

Заготовили стрелы, навьючили их на двух коней и поехали в условленное место сражаться с есехтерами. Остановились для привала. Вдруг Оноху крикнул маленькому брату:

«Эй, берегись, уже пришли есехтеры!»

Прилетела стрела и впилась в морду коня, которого держал под уздцы Норгуо. Конь рванулся и опрокинул последнего. Оноху поймал коня, пока успокаивал его, посыпались в него стрелы, сгибая во все стороны шерсть его дохи. Вслед за тем открыл стрельбу Оноху. Выпустил все стрелы, за исключением одной, и все мимо. У Джаарына был витязь по имени Есех-Ергюджэй, заменявший ему летящего сокола. Оноху, выражая досаду, стал кричать и звать к Илбис-Кыбыса... После этого свою последнюю стрелу направил в этого витязя Джаарына. Стрела угодила ему в колено, и он упал. Есех-ергюджэйцы взяли упавшего воина на руки и унесли. Оноху, видя это, издал громкие ликующие крики. Обернувшись назад, он увидел целую кучу стрел. Их наловил и принес его семилетний брат. Ободрился Оноху и начал новую перестрелку. Враги скоро бежали.

Жена Джаарына говорила мужу:

«Почему ты позволяешь этому сыну верхних [духов] свободно разгуливать? Давно бы следовало покончить с ним!»

Муж на это ответил:

«Ведь и ты — шаманка, попробуй-ка сама погубить этого сына верхних!»

Однажды шаман Джаарын совершил камлание к тем верхним духам, от которых происходил он сам, с жалобой на Оноху. Но духи-прародители прогнали его со словами: «Ты хотя и старше годами, но Оноху зародился в гнезде на один сучок выше, чем ты. Он шаман с более крепким назначением, чем ты».

Так он спустился ни с чем. И позже не удавалось ему погубить Оноху.

Со слов Ивана Алексеевича Алексеева, 42 лет, Суюльский наслег Нюрбинского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в марте 1925 г. [1977, с. 202—203].

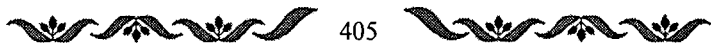
189. Злые проделки шамана Добун

В год большого *джута* шаман Добун со своим помощником (во время камлания. — Н. А.) Андреем Саганьнях отправился в Борогонский улус купить муки. Поздним вечером они прибыли в Дюпсинский улус. Здесь зашли переночевать в дом, где жила одна старушка со своими мальчиком и девочкой. Когда они вошли в дом, старуха попыталась их прогнать: «Мы не пускаем ночевщиков, год очень трудный. Поищите другое место для ночевки». В ответ шаман Добун произнес: «Мы переночуем, поев свою пищу. Разрешите только завести нашего быка на ночь в твой *хотон*». «Ну, если вы имеете свою провизию, то ночуйте, а быка разрешаю завести в *хотон*», — ответила старуха.

Добун сказал: «Андрей, заведи и привяжи быка, занеси наши постели». Андрей завел быка в *хотон*, привязал его там, затем попутно принес их постели. Когда он вошел, Добун вдруг сказал:

— Ну, Андрей, не повезло нам, придется переночевать, поужинав мясом со своих икр, поев мяса с мякоти своих рук. Принеси-ка вон то полено для рубки мяса. Андрей Саганьнях принес топор и полено, предназначенные для рубки мяса, положил на середину дома. Положив их, Саганьнях Андрей сказал: «Хозяйка, одолжи посудину для варки мяса». Старуха огляделась вокруг, подумала, что вроде бы у них и мяса не видно, но принесла и подала им ведро.

Шаман Добун не спеша разул одну ногу. Затем снял с себя коричневые наколенники, подошел и сел на полено для рубки

мяса. Он сел так, что на полене оказалась лишь его заголенная нога, провел по бедру черту и сказал: «Андрей, вот так отруби-ка».

Андрей схватил топор и начал рубить очень сноровисто. Тут начали отскакивать в разные стороны кусочки мерзлого мяса. Видя это, старуха запечалилась: «Напрасно я пыталась их прогнать, это ведь пришли ночевать настоящие злые духи». Шаман закутал себе ногу одеждой, тяжелой поступью добрался до правой лавки и без всяких разговоров улегся там. Андрей Саганньях сварил мясо. Они поели и легли спать. Уехали они, как только перевалило за полночь. Старуха даже не успела узнать, кто такие у нее переночевали. Они же на следующий день добрались до ее дальних соседей и остановились на ночлег. Когда они ночевали там, к ним глубокой ночью прибыл верхом человек. Он сказал, что в том доме, где вы перед этим ночевали, одновременно умирают двое детей. Попросил его поехать обратно и вылечить их. Но он отказался: «Ну, нет, не умею спасать, не поеду». Позже оказалось, что они взяли коровье стегно, находившееся в амбаре старухи, разрубили его и съели.

Со слов Егора Яковлевича Бытасытова, Октябрьский наслег Таттинского района. Записал И.С. Прохоров 3 апреля 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 50—51.

190. Нанесение вреда шаману

Если хочешь навредить шаману, то надо принести лоскуток материи из одежды недавно родившей женщины или беременной и привязать к шаманскому плащу, подойдя к нему сзади во время камлания. Тогда внезапно может сорваться с его плаща круглая железная привеска (*кюсэнэ*). У шамана же могло тут же начаться сильное кровотечение из носа и через рот, приводящее к смерти.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 4 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 54.

191. О вражде Биэстээх Бочооха с шаманом Сынгаага Суох

Во времена Биэстээх Бочооха¹ в Хачикате в устье реки Ботама проживал один знаменитый шаман, имя которого не произносилось всуе. Где он родился, вырос, как стал шаманом, никто не знал, и откуда он прибыл в это место и поселился, тоже неизвестно. Даже если посмотреть на его внешность, он чудовище был,

говорят, не похожий на всех людей. Он был с выпяченной грудью, вздутым животом, раскоряченными кривыми ногами, с горбом, что поклажа на спине, с покатыми плечами, низким лбом, черными густыми бровями, длинными поседевшими волосами, широкоскулым лицом, выдающимся вперед подбородком, неровными кривыми зубами, толстыми мясистыми губами, безбородым, как старуха. У него были раскосые черные глаза с быстрым, пронизывающим человека взглядом. Когда он зевал перед камланием, то рот его раскрывался, говорят, до самых оснований ушей. Когда он, камлая и распевая, вселял в себя своих сильных божеств и начинал прыгать и плясать, то про него можно было сказать, что это действительно человек-*абаасы*. Высоко запрокинув голову, поводя белками обоих глаз, начинал беспрерывно заклинать и иступленно распевать, угрожая показать настоящих живых медведей и волков, а у людей пробегала дрожь по телу, волосы становились дыбом, таким страшным был, оказывается, этот шаман.

Почему же Биэстээх Бочоох стал враждовать с этим шаманом? Биэстээх Бочоох, будучи человеком бедным, занимался тем, что зимой ставил на зайцев петли и самострелы. Попавших в петли и самострелы зайцев стал обходить и расклеивать ворон. Он думал, что, видимо, шаман намеренно посылает ворона на его добычу. Хотя Биэстээх Бочоох сердился на это, но не было в его мыслях тогда, чтобы побить или убить шамана.

Однажды Биэстээх Бочоох пошел осматривать свои петли и самострелы, к нему в дом приехал шаман. Невестка Биэстээх Бочооха ничем не угостила шамана. Когда шаман ушел от них, посетил одних жителей и рассказал, что семья Биэстээх Бочооха его ничем не угостила, и погрозился за это всех их посадить на середину лужи из свежей крови, и это стало известно Биэстээх Бочооху. Вскоре после этого, внезапно заболев, умер трехлетний внук Биэстээх Бочооха. Биэстээх Бочоох, раньше питавший вражду к шаману, теперь, подумав, что это шаман съел его внука, повел открытую борьбу с ним.

Однажды Биэстээх Бочоох случайно зашел к одним жителям, где сидел шаман, приглашенный камлать, и вырвал у шамана нижнюю его челюсть. На место вырванной челюсти шаман вставил себе телячью челюсть. С тех пор шамана стали называть Торбос Сынгаахтаах (С телячьей Челюстью). Он только иногда во время камлания стал вдруг ни с того ни с сего мычать подобно теленку.

Однажды Биэстээх Бочоох, встретив шамана, вырвал у него левый глаз. Шаман вместо потерянного глаза вставил себе собачий

глаз. С этого времени у шамана стали глаза разными: правый — черный, а левый — карий; в отличие от людей, когда он бывал в гостях, то его левый глаз косился на обрезки от подошвы, если в это время женщина шила *торбосы*. Каждый раз, когда шаман камлал у жителей, он стал проклинать Биэстээх Бочооха, грозиться съесть его, причитать, плакать. Но так как он ничего не мог поделаться с ним (Биэстээх Бочоохом), он стал проклинать его потомство.

Ну а Биэстээх Бочоох-удалец и внимания не обращал на всю возню и проклятия шамана: «Телячий бесенок, что со мной сделают его *абаасы*. Разве сильного *абаасы* одолеет. Если придет его *абаасы*, я раздавлю его голыми руками», — говорил он. Однажды Биэстээх Бочоох встретил шамана на острове и убил, оторвав ему голову, затем его труп сжег и пепел его костей бросил в воду и размешал деревом с корневищем. Но этот шаман имел, оказывается, предопределение воскреснуть один раз, поэтому, воскреснув, снова стал камлать².

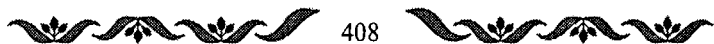
Но все же он, подумав: «Если Биэстээх Бочоох убьет меня второй раз, то потом напоследок, в грядущем будущем, не смогу опять возродиться-воплотиться», — спрятался у озера Усун и умер от болезни, как обыкновенный человек. Опасаясь все же Биэстээх Бочооха, он оставил своему сыну такое завещание: «Похорони меня у самого озера Усун, для могилы выройте отвесную, как для столба яму, заройте меня в ней стоймя, а насыпь могилы сравняйте с землей». И сын его похоронил так, как завещал отец, поэтому никто не знает, где он похоронен.

С тех пор жители Ботама перестали подражательным мычанием подзывать коров, а подзывали их, говоря: «Кэл-кэл» («иди-иди»), а также телят перестали называть «Торбос», а стали называть «тамыйах», «ньирэй». Имя шамана С телячьей Челюстью не произносят вслух. Когда о нем вспоминают, то называют его просто «Дух местности».

Из записей С.Ф. Ксенофонтова из Качикатского наслега Орджоникидзевого района, 1954 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 269—270].

192. Тюмятинская шаманка

Говорят, в старину в Тюмятинском наслеге, в долине реки Лены, у залива озера Дэлгэрэ, на лугу Халлай Кумахтаага жила-была старуха — тюмятинская шаманка. Ее настоящего имени сейчас никто не помнит. В этом местечке люди ее построили ей

маленький балаган. В этом маленьком балагане она жила совершенно одна.

Однажды весной уроженец Тыыллыма Краснощекий Хамалга с двенадцатью всадниками приехал к ней и поджег эту шаманку. Запертая в балагане шаманка, взяв свой бубен, поднялась вверх по отверстию дымохода, но один из людей Хамалги, закрыв доскою дымоход, сидел на нем. Тогда она пыталась провалиться сквозь землю, но застряла, зацепившись за корни дерева. Она должна была спастись в своем настоящем виде, но это не удалось. Люди ее, когда строили ей отдельный балаган, столбом оставили срезанную растущую ель с корнями. Поэтому тело ее сгорело, только *кут-сюр* ее улетел.

Когда тюмятинцы узнали о прибытии Краснощекого Хамалги, собрались и во главе с силачом Дьегюдэл Беге поехали сражаться. В перестрелке из луков тыллыминцы смертельно поранили стрелой Дьегюдэл Беге, и тогда тюмятинцы отступили.

Прошло сколько-то много лет...

В Тюмяти участились сумасшествие и исступленное распевание.

Устами женщин-мэнэричек и сошедших с ума от имени той старухи-шаманки (которую стали звать Кыньяхаммыт — Опаленная) говорилось так: «Из-за плохого отношения ко мне моих людей оказалась я со злополучной судьбой, с несчастным уделом. Если бы они, как люди, поставили бы в моем доме обрубленный столб, я, такая удалая, убежала бы от Краснощекого Хамалги в своем настоящем виде и преследовала бы его по горячим следам, разыскала бы его по остывшим следам, всех его родных и потомков выдергивала-вытягивала бы».

Вот так тюмятинские люди мучились в продолжение многих лет. Тогда старейшины — главы наслеха, посоветовавшись, призвали девять шаманов, которые, прокамлав, поймали ставшую *юёр* шаманку¹, вселили ее *кут-сюр* в берестяной идол, окутали клубком шерсти и запрятали в дупло дерева, растущего на северной стороне аласа, снаружи заделали корой так, что ничего не было заметно.

После этого сумасшествие и исступленное распевание людей прекратились. Опять пронеслись многие годы, люди позабыли, где, в каком дупле запрятан тот *юёр*.

Однажды весной человек из материнского рода Талгы, старик Дьабады, поехал на быке в лес по дрова. Там он увидел одну большую сухую лиственницу, срубил ее, начал перерубать на чур-

баны соответственно длине саней. Найдя внутри одного чурбана клубок шерсти, сказал он: «Что это такое?» — ударил обухом по клубку, из клубка выпал берестяной идол. От испуга старик тронулся умом, и он, больной, вернулся домой.

С этого времени люди из Тюмяти стал помрачаться рассудком, сходить с ума. Их устами выражалось, оказывается, следующее:

«Вот такую важную особу, как я, сорок лет держали в мрачной темнице, но бедняга Дьбадьды-старик выпустил меня, и я опять узрела солнечную страну. Теперь уж я так безропотно не уйду отсюда, на этот раз, поддавшись обману, снова не пойду в темную темницу».

Прошло сколько-то лет, после этого старейшины — главы наслег — снова призвали девять шаманов, купили амбар у старика Федота Тилигириир и этот амбар перенесли на восточный конец аласа Киэнг Еннюес и поставили там. *Сюр-кут* той превратившейся в *юёр* шаманки вселили в берестяной идол величиной с настоящую женщину, снабдили всей посудой для приготовления продуктов из кобыльего и коровьего молока, домашней утварью и необходимой для женщины зимней и летней одеждой. Говоря: «Вот мы тебе, старшей сестре своей, выделили отдельное хозяйство, твой дом и очаг вот здесь, впредь ты нас не мучай, не чини несчастья, не тронь нас, оставь в покое», — со многими заклинаниями эту *юёр* поселили в этот перенесенный амбар.

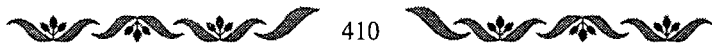
После этого снова люди стали меньше сходить с ума.

Местные люди этого *юёр* никогда не называют «Опаленная», а называют вообще «Амбарная» или просто «Старуха». Когда выезжаешь из [Ленской] долины на взгорье, там идут две дороги, одна из них называется «Подъемом Амбарной». Старик Федот Тилигириир жил лет шестьдесят тому назад.

Записал С.Ф. Ксенофонтов в Качикатском наслеге Орджоникидзевского района, 1954 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 290—291].

193. Стихийные явления, сопровождаящие смерть шамана

Перед смертью она (Матрена) будто бы сказала: «Если моя смерть будет сопровождаться ветром и бурей (досл.: “если я отправлюсь с ветром и бурей”), то в этот край не возвращусь больше, и мои люди будут жить счастливо». И действительно, когда она умерла, случился страшный ветер, который повалил мно-

го деревьев и побил в домах окна. Кроме того, в ночь ее смерти подохла одна корова, а в день похорон от вихря погиб один конь.

Умерла она десять лет тому назад.

Перед смертью она сама выбрала место, где ее нужно похоронить. Ее люди там выкопали могилу, но живущие около того места хозяева не разрешили хоронить. Поэтому в этой яме зарыли собаку, а шаманку похоронили в другом месте.

После смерти этой шаманки в местности Кейюгюэ, где она имела постоянное местожительство, люди на льду озера видели лежащих трех медведей. Говорили, что это будто бы бесы той шаманки. По слухам, ее бесы были тунгусского происхождения (досл.: «ее схватили, снизили на нее тунгусские бесы»).

Со слов Петра Иванова, о. Тоев-Ары. Записал Г.В. Ксенофонов 13 января 1925 г. [1928, с. 24].

194. Шаман Эргис

I

Наш предок по имени Эргис был белым шаманом (досл.: шаманом *айыы*)¹. Он совершал камлания только на *ысыахе* и духохозяйке земли. У него шаманской одежды не было, имел только круглый бубен. Он к больным шаманить не ходил, чтобы не прикасаться к нечистому. Летом на *ысыахе*, когда он, находясь в помещении, произносил заклинание с упоминанием девяти светлых духов *айыы*, с молением Дьесегей тойону и совершал возливание кумыса на огонь, то Дьесегей, говорят, появлялся воочию, зримо. На середину неба всплывало светлое белое облако величиною со шкуру белого медведя, снятую вместе с головой и лапами, и останавливалось поперек прямо над *урасой* Эргиса. С середины облака показывался до груди бело-молочный жеребец и звонко ржал, а потом исчезал, говорят. Там выпадал, говорят, снег толщиной в два пальца. Тогда год бывал урожайным, говорят.

Шаман Эргис для верховой езды имел двух чисто белых коней. Тогдашние люди все боялись его. Никто не смел пройти перед ним.

Говорят, старик Эргис имел девять сыновей. Старшего сына звали Саабырыкы, следующего Нерюнгниан, за ним был Тюекэй (Обманщик), затем Кюэрэгэй (Жаворонок). Самого младшего звали Ангыр Беппелех (Слабая Выпь). Зимнее местожительство Эр-

гиса находилось в Ой, а летнее — в Хараанайе, покосы же он имел на острове Ынах Арыыта (букв.: на Коровьем острове).

Однажды шаман Эргис во время косьбы сена на острове Ынах Арыыта неводил на озере Титтях. Он там наловил девять коробов рыбы. Говорят, увидев это, шаман произнес: «О, значит, ныне год моей смерти. Бабушка дала мне предсмертную мою еду». И правда, и в старину и теперь на озере Титтях обычно много рыбы не попадает в невод.

После окончания этих работ [на покосе] старик Эргис, живя в своем балагане в Хараанайе, сказал: «Ныне осенью я умру, поэтому устрою будущую жизнь моих детей», — и стал камлать вышним духам. Он камлал три дня и три ночи подряд до того, что борода и волосы его покрылись инеем. Прокамлав таким образом, сверху спустился с тремя пучками белых конских хвостовых волос. Это он отдал своему пятилетнему сыну, говоря: «Это предназначено моему младшему дитяте Ангыр Беппелеху». Старшие сыновья позавидовали ему: «Это значит, что отец нас ни во что не ставит. Он первым позаботился о наследстве для своего маленького и глупого сына» — и, уговорив маленькое дитя, выманили пучки волос и по одному разделили между собой. Отец их, узнав про это, сильно рассердился и проклял своих сыновей. «Не допущу, чтобы выстроили изгороди с правой стороны (своего жилища)». И правда, поэтому эргисцы до самого позднего времени не имели лошадей, говорят.

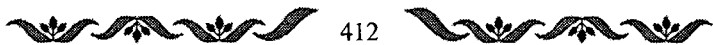
Шаман Эргис своих сыновей расселил каждого в отдельной местности. Саабырыкы поселил в Кытыле (на берегу Лены), Нерюнгияна — в Аларе, Тюекая — в Саадах Ыйаабыте, некоторых — на Сынгасалаахе, Бэс Кюеле и т.д.

Завещал, говорят, похоронить себя в верховьях речки Хатынг Юрэх (Березовой речки) на бугре в лесу Хара Атыыр.

Той осенью, когда земля стала примерзать, он умер. Как его похоронили, неизвестно, уже забыто. Существует рассказ, будто бы он оставил завещание: «Когда я умру, мои останки (досл.: мои кости) перехороните трижды, только тогда мои *кут-сюр* отделят в небытие (*дыабын*)²».

II

Прошло несколько поколений (букв.: человеческих веков), а сколько, не знаю. В урочище Лох, где ныне летник, зимовал один бедный человек из эргисцев. Весной, когда снег стал пористым,

когда дорога стала мягкой и топкой, пришли и постучали в коновязь того человека. В те времена, если почетный человек приезжал к бедному, то стучал в коновязь или столб у входа, тогда выходили из дома, чтоб принять повод коня, пока гость спускался с седла, отворяли дверь, вводили его в дом и усаживали, положив для него подстилку. Потому и этот человек, подумав: «Кто бы это такой важный приехал?» — выскочил во двор. И смотрит: остановив лошадь у коновязи, сидит верхом старый человек с совершенно седыми волосами, в волчьей дохе, с большими глазами, подобными витым кольцам нарядной узды. Этот старик, не слезая с лошади, громким голосом сказал: «Парень, внимательно выслушай мои слова. Были у меня потомки, которых звали эргисцами. Эти люди, если имеют видящие глаза, пусть посмотрят, если имеют чуткие уши, пусть услышат. Меня размывает дождевая вода, заливают весной талая вода. Пусть они позаботятся обо мне. Иди и передай это эргисцам». Так сказав, старик повернул коня и по северной стороне аласа поехал шагом в сторону речки Хатынг Юрэх. Человек так и не узнал, кто был у него. Зашел в дом и стал соображать, оказалось, что такого старика поблизости не было. «Еще он эргисцев называет своими потомками, что за диво?» — так подумал. Когда он, выйдя, последовал по следам, следы коня старика спустились по дороге на речку Хатынг Юрэх, там старик повернул коня на запад, конь ступил пять-шесть раз по снегу, и следы его исчезли. Того человека осенила мысль: «Значит, был наш дедушка Эргис. И правда, говорили, что его могильный лабаз от ветхости покосился». Назавтра он пошел и заявил [о происшедшем] эргисскому князю Никифору Чохооной³.

III

Эргисцы собрались во второй раз перезахоронить останки (букв.: кости) своего дедушки. Это должно было быть сделано таким образом: сделать намогильные сооружения и поднять останки старика должны девять юношей, еще не гулявшие с носящими одежду в талию, не имевшие интимную связь с носящими шубу с фалдами (с женщинами. — *Н. А.*). Одежду должны шить семь невинных девушек, еще не вкушавших сырого, не ступавших по росе. При поднятии останков для угощения участников [перезахоронения] должны были зарезать девять молодых кобыл бело-молочной масти и приготовить девять *симиров* кумыса. Здесь белый шаман должен был совершить моления и заклинания.

Эргисцы нашли восемь молочно-белых молодых кобыл, а вместо девятой присоединили одну белоногую серую кобылу. То ли они в том году не нашли соответствующую лошадь, то ли поспешили. Хотя и были девять юношей, но старшина Ефрем, как должностное лицо, будучи женатым, дерзнул участвовать из бахвальства в поднятии останков своего деда.

Семь невинных девиц нашлись. Останки белого шамана должен был поднимать белый шаман. Но в то время белые шаманы уже вывелись, их не было, поэтому отыскивали внука Эргиса Солколооха, считая, что он хотя и был черным шаманом, но не был пожирателем и на его совести не было грязи и нечисти. Когда травы и деревья достаточно зазеленели, ну, вот эргисцы приготовились и выехали.

Когда, приблизившись к могиле старика, остановились у бугра, на котором стоял могильный лабаз, облачили в шаманский костюм своего Солколооха и заставили произносить заклинания, тогда с могильного лабаза старика вылетели белые куропатки. Увидев это, шаман сильно испугался, язык его стянуло торчком, ноги его поджались, и, растопырив руки, он упал в обморок. Эргисцы сильно испугались, подумав: «Что-то сделали, видать, мы, эргисцы, не так в приготовлениях для перезахоронения останков *тойона*-дедушки».

Тогда оказавшийся тут речистый и бойкий молодой человек по имени Петр Гермогенов, сняв шапку и подвесив ее на шею, став на одно колено, стал заклинать:

Дедушка-*тойон*,
Что с тобою?
Если обойдя кругом, присмотришься к нам,
То мы с тобой окажемся родственниками по плоти,
Если оглянувшись, посмотришь на нас,
То мы окажемся твоими кровными родственниками,
Прекрати свой гнев,
Разгони свою злость,
Смягчи свою ярость!
Мы пришли, чтобы положить в могильный лабаз
Твои медные кости.
Мы прибыли для того, чтобы поднять
Твои серебряные кости.
Нашу просьбу
Выслушай с одобрением,
Наши заклинания
Прими и помилуй нас!

Старик принял заклинание, шаман пришел в чувство и продолжал заклинать. Когда шаман с заклинаниями поднялся на бугор, за ним последовали эргисцы и сделали новый могильный лабаз. Поставили шесть столбов, на поперечных перекладах которых сделали настил, на которых устроили маленький амбарчик вроде сруба для лисят. Внутри амбара [поставили] гроб из долбленной вроде корыта колоды, туда положили останки старика. Подстелили рысью шкуру, под голову подложили соболя, накрыли волчьим одеялом. Когда увидели, говорят, старик лежал совсем целый, весь желтый. Гроб закрыли крышкой из досок и заколотили гвоздями, кругом обмазали черной серой. Внутри гроба положили его нож. Снаружи гроба, внутри амбарчика в головах положили его бубен, справа лук, колчан со стрелами, слева пальму. В ногах положили его седло и в котелок с дырявым дном положили семь серебряных талеров. Когда амбар покрыли, то сверху сделали двускатную крышу. Так, подняв и схоронив останки старика, зарезав и съев девять лошадей, распив кумыс в девяти *симирах*, устроили *ысыах*. Шаман же душу старика поднял в Верхний мир.

IV

Промахи и ошибки эргисцев при поднятии останков своего предка имели, говорят, плохие последствия; а может быть это случайность.

В следующем году случился падеж лошадей. Это за то, что при перезахоронении останков старика девятой кобылой присоединили белоногую сивую, у эргисцев пропали все лошади. Так говорили.

Через год после этого пришла эпидемия кровавого поноса. Тогда умер тот старшина Ефрем, который в предыдущем году, будучи женатым, дерзнул участвовать в поднятии останков старика.

Петр Гермогенов за то, что будучи острым на язык, укротил гнев духов старика, стал, говорят, понимать язык всех тварей, бегающих и летающих. Этого дара он потом лишился по своей глупости. После женитьбы он ехал к своему тестю в Одунинский наслег и на берегу речки Суон Юрэх услышал, как ворон заговорил по-человечески. Про это он рассказал своему тестю. После того он стал совершенно глухим, человеком тупым и слабым. Говорят, если кто понимает речь тварей, летающих и бегающих, тот это никому не должен рассказывать. Только перед смертью

должен рассказать самому младшему из своих детей о том, что ему приходилось слышать.

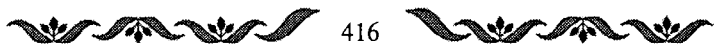
Позднейшим людям Эргис не чинил неприятностей. Ылаар⁴, прибывший с приисков разорившимся, однажды в пьяном виде сказал: «Возьму лук старика-дедушки и буду жить охотой». Он-то негодник, что сказал, то и выполнил. Однажды он пошел на могилу старика, забрался в амбар лабаза, взял лук и, рассматривая его, стал рассуждать: «Взять мне или не взять? Если я возьму, будет ли это иметь плохие последствия?» — рассуждая так, сидя, он уснул. Когда проснулся, как сел, так и сидит, оказывается. День вечерел, тени стали длинными. Дрожь пробежала по телу. Тогда он положил лук, спустился с лабаза и пришел в свое летнее урочище Алар. Там люди спросили: «Петр, где ты пропадал в течение двух суток?»

Затем тоже было другое происшествие. В Немюгюнцах был, говорят, человек по имени Илья Сумасбродный, живущий на речке Суон Юрэх, человек неважный, волынец. Этот человек, промотав все состояние в карты, подумал: «Передают, что у старика Эргиса есть семь серебряных талеров. Если бы взять их и поставить на кон, то ни одному двурукому не проиграл бы в карты. Однажды весной, когда снег стал садиться от тепла, Илья Сумасбродный пошел на могильный лабаз шамана Эргиса, поднялся, подтянувшись на руках, с дырявого котелка старика сгреб в ладонь монеты и, спустившись, пошел с бугра на речку Хатынг Юрэгэ. Когда он шел, сзади раздался шум. Он оглянулся: на уровне средних ветвей деревьев, не касаясь земли ногами, летит наяву сам старик. Увидев это, Илья крикнул: «Если жалко тебе, бери!» — деньги кинул назад и побежал. Это так и осталось. С Ильей Сумасбродным ничего не случилось.

V

Останки старика Эргиса должны были перезахоронить [потомки] на девятом поколении от него. При третьем перезахоронении останки старика должны были закопать в землю. Тогда должны, говорят, заставить шамана камлать, на поминки забить двух чисто-белых лошадей и одного четырехтравого черно-бурого быка-пороза. Так рассказывали старинные люди.

Со слов Ивана Гаврильевича Петрова, 64 лет, Эргисский наслег Западно-Кангаласского (ныне Орджоникидзевского) района. Записал Г.У. Гермогенов (Эргис), июль 1930 г., местность Кытыл [ИПРЯ, ч. 2, с. 255—258].

195. Ойун Уол

Предком якутов Хоптогинского наслега Амгинского района был Ойун Уол. Он имел шаманский костюм с серебряными привесками.

Тот шаман узнал, что близок час его смерти. Перед смертью он заранее выкопал себе могилу, попросил разжечь костер и продежурить всю ночь. Те, кто дежурил, осмотрели утром место, где они ночью жгли костер, оказалось, что на золе остался след четырех копыт коня, улетевшего на небо в южную сторону.

А Ойун Уол, лежавший при смерти, бесследно исчез живым. В то время считали: «Отправился в Верхний мир, в свой шаманский загробный мир».

Со слов Николая Николаевича Ефремова, 70 лет, Хоптогинский наслег Амгинского района. Записал С.И. Боло 25 августа 1933 г. [1938, с. 159].

196. Гроб

Когда-то в давние времена в Мегинском улусе жил один богач. Он имел много коней, коров и нескольких работников. Среди них был молодой, шустрый малый по имени Иван. Он пас коней. Однажды осенью, когда земля еще была черна, но озера и реки уже стали замерзать, хозяин дал этому человеку поручение:

— Ты, Иван, разыщи всех коней и загни их в одно огороженное место. Настала пора, когда лошади нечаянно проваливаются под лед и тонут. Да и желая утолить жажду, они могут погибнуть в воде.

— Ну, ладно, — ответил Иван, — сегодня поймаю своего коня, подготовлю его к поездке и завтра утром поеду на поиски.

Иван поднялся рано утром, оседлал коня, оделся сам и поехал искать коней. Он не взял с собой ничего из еды, не стал брать и своей постели. Решил, что обязательно вернется днем или в крайнем случае вечером.

Вот едет он с одной елани к другой, с одной речки к другой, но нигде коней не нашел. Иван ездил на достаточно резвом коне. Поэтому, проезжая от одной речки к другой, он добрался до очень далекого участка. Стало вечереть, а коней он все не находил.

Он проголодался и после захода солнца замерз от холода осеннего вечера. Иван понял, что сегодня никак не доберется до места, где жил, и ему нужно здесь найти дом ближайших жите-

лей, переночевать у них, а с утра обследовать притоки этих речек и найти лошадей. Он подумал, что люди должны жить на еланиях, находящихся недалеко от речки, около которой он находился. Иван повернул в сторону и поехал по лесной тропке. Между тем настала самая темная осенняя ночь, какая бывает в пору межлуния. Иван был одет легко. Так что он страшно замерз, да к тому же и проголодался. Он совсем не знал, где здесь близко жили люди, и, редко бывая в этих местах, не имел понятия, где находились елани. Вот почему он ехал туда, куда направлялся его конь. Прошло много времени, но жилое место все не встречалось. Он начал беспокоиться.

Вдруг неожиданно он выехал на начало елани, где стояли остатки старинных развалин. Посредине этого места показалось жильё, где обитали какие-то люди. Ярко светилось, оказывается, каждое окно их балагана, из трубы валил, сверкая искрами, дым, за окнами мелькали силуэты людей. Иван, увидев это, безмерно обрадовался. «Ну, — подумал он, — здесь я переночую, а завтра объезжу все окрестные места, если кони где-то тут, то найду их, а если нет, то узнаю, что их здесь нет». Затем он привязал коня к коновязи, стоявшей перед балаганом, и вошел в него. Там он увидел, что на лавке, находящейся напротив двери, сидит одна приятная, почтенная хозяйка, одетая в платье довольно зажиточных людей. Кроме нее на левой стороне юрты находилась одна очень красивая, прекрасная, юная девушка. Иван, войдя, снял свою верхнюю одежду и оставил ее на одной из лавок, находящихся в правой части балагана, как это положено делать человеку, собирающемуся здесь переночевать. После этого, оставшись в одной рубашке, подошел погреться к огню.

— Что слышал, Иван? — обратилась старуха.

— Нет, ничего не слышал. А ты что слышала? — в ответ произнес Иван. Однако Иван застыдился: «Смотри-ка, они меня, значит, знают, а я их не знаю. Какая же это старуха, может быть, она безмужная вдова, а это ее дочь или невестка?» — думал он про себя, но все же не нашел сил спросить, кто они такие.

— Откуда так поздно едешь? — спросила старуха.

— Я в поисках коней объезжал речки, но не отыскал их, наступил вечер, меня застигла темнота, заблудился было, но вот, к счастью, вас нашел и спасся, — ответил Иван.

— Ну и ну! Как же ты заблудился, Иван, в собственном наслеге?

— Заблудился я большей частью из-за темноты, а так знаю близкую мне округу.

Вот так старуха поговорила с ним, спрашивая о том, о сем.

— Ну, дитя мое, к нам же гость пришел, мы уже поужинали, поэтому для него поставь быстренько самовар, — сказала старуха своей девушке. Девушка тут же начала кипятить самовар. Старуха взяла ключи и деревянную миску, вышла и принесла из амбара вареную жирную конину. Между тем девушка поставила на стол самовар, принесла чашки и налила ему чаю, дала в тарелке ту отварную конину. Иван поел с большим удовольствием. Он съел все данное ему мясо и чаю попил много. Иван наелся, насытился, разогрелся-вспотел. Затем спросил у старухи:

— Где бы мне покормить немного моего коня?

— За амбаром есть загон для лошадей, огороженный изгородью со столбами. Там есть сено. Запусти своего коня туда, пусть пожует сена, сколько сможет, — сказала старуха.

Иван вышел, снял с коня седло и бросил на землю. Затем отвел коня за амбар, снял с него узду, которую забросил на столб, и запустил его в загон. Сам вошел в дом.

— Иван, кажется, у тебя нет с собой постели? — спросила старуха.

— Постели нет, — сказал Иван. Тогда старуха принесла из амбара подстилку из медвежьей шкуры, одеяло из заячьих шкур и подушку. Все это постелила на правой лавке. Старуха сама легла спать на лавку, стоящую напротив входа. Девушка же пошла ночевать в чулан, находившийся в левой части балагана.

Иван лег на мягкую теплую постель, стал размышлять о разном. «Смотри-ка, в итоге того, что меня застала темнота и я заблудился, нашлись такие хорошие люди, и я так удачно устроился на ночлег. Эти дорогуши угостили жирной кониной и уложили спать на такой роскошной постели. Да, хорошая хозяйка. Она меня знает, а я ее нет. Очень удивительно, как могло случиться, что я даже не слышал о них? Вот какая у нее хорошая бедняжка-дочь, оказывается. Как хорошо было бы на ней жениться». Так он помечтал немного, потом крепко уснул.

Утром, когда Иван проснулся, небо на востоке уже побелело.

Он же, оказывается, замерз, стал похож на колоду. Он вдруг вспомнил, что вчера вечером ложился в теплую постель, состоящую из подстилки из медвежьей шкуры и одеяла из заячьих шкур. Пошарил вокруг, как бы надеясь найти их, но ничего не было: ни

подстилки, ни одеяла, ни подушки. Лежит, оказывается, на голой земле.

Потом он вспомнил, что лег спать внутри дома, что были старуха и ее дочь. Огляделся кругом, увидел, что лежит на краю того места, где в древности стояла юрта, но от нее остались лишь почти полностью заросшие остатки развалин. На краю старинного заброшенного становища виднелись лиственницы, с которых уже опала вся хвоя. «Что это такое? С ума, что ли, я сошел или все еще вижу какие-то сны? Нет, я, кажется, не сошел с ума, все понимаю и вовсе не сплю. На какие же греховные уловки я попался?» Он захотел вскочить, но окоченел так, что не подняться. Он размял свои руки и ноги, потянулся несколько раз, покатался по земле и встал. Он вспомнил все: что вчера вечером у коновязи, сняв с коня седло, узду и повод, повесил их на столб изгороди, а коня запустил в загон, находящийся за амбаром. Оказалось, что седло валяется на земле; нет ни амбара, ни загона; узду и повод тоже подобрал с земли, а его конь стоит на другом краю становища и грызет землю. Он пошел, поймал коня и привел к тому месту, где лежало седло. Оседывая коня, он внимательно оглядел все вокруг и вдруг обнаружил, что около того места, где он спал, высится огромная, толстая сосна. На ней, на верхней ее половине, висел берестяной короб, похожий на гроб взрослого человека. Увидев это, Иван сильно испугался. «Ух ты! В нем, наверное, был заключен злой дух. Я, видимо, придя сюда вчера, сошел с ума», — подумал он. Тут же он вскочил на своего коня и поехал по едва заметному следу, оставшемуся от древней дороги. Жилье настоящих людей он нашел примерно в пяти километрах от места, где ночевал. Посетил их, обогрелся, поел. Он рассказал тем людям все: где ночевал, что с ним там случилось. Тогда находившийся в юрте старик преклонных лет спросил его:

— Друг! Ты не видел на елани большой сосны?

— А-а, видел, в том месте стоит большая толстая сосна, — сказал он.

— То, что ты рассказал, очевидно, все случилось на самом деле. В той елани в древности жила знаменитая шаманка, подобная настоящему злomu духу. Та шаманка имела очень красивую дочь. Как-то случилось так, что шаманка скоропостижно скончалась. Ее положили в берестяной гроб и похоронили, повесив на ту толстую сосну. Вскоре после смерти матери девушка тоже умерла. Ее похоронили на краю их становища. Вот они, мать с дочерью, с

той поры появляются, когда один год сменяется другим¹, и живут так же, как настоящие люди. Если в то время кто-нибудь, как ты, приходил к ним поздно ночью, то он тоже встречался с ними и гостевал у них. В прошлом рассказывали о подобных случаях, — сказал старик.

Со слов Якова Федоровича Зыкова, 66 лет, Морукский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал А.С. Порядин в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 2—12.

ПРИМЕЧАНИЯ

МИФЫ О ПТИЦАХ, ЖИВОТНЫХ, РЫБАХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

1. Собрание птиц

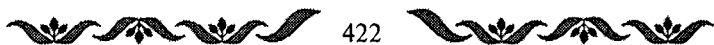
1. *Көтөр аймах* — птичье племя. Пережиток очеловечивания птиц и животных. По верованиям якутов, птицы, как и люди, делились на отдельные роды. Подобные представления имелись и у других тюркоязычных народов Сибири. См. [Алексеев, 1975].
2. «*Саха* — особенность происхождения северных якутов, вместо принятого в литературе — *саха*» [ЯС, т. 1, с. 205].
3. В произведении птицы показаны как члены наслег — «административной единицы, составляющей одно земельное общество».
4. «*Өлөхпунэ мабылаах этин сизхпит* — если умрем (пропадем), то [не] съедем давешнее мясо. Это, видимо, поговорка колымских якутов, смысл которой переводчику не ясен, и перевод сделан дословно» [Там же, с. 295].
5. «Здесь собрание птиц изображено в виде улусного собрания. Улус — административная единица дореволюционной Якутии, соответствующая примерно волости в России» [Там же].
6. *Үөр (юёр)* — по верованиям якутов, злое сверхъестественное существо, в которое превращалась часть покойников [Алексеев, 1980, с. 164—168].
7. «По поверьям старинных якутов, некоторые шаманы обладали даром провидения» [ЯС, т. 1, с. 296].
8. «В Якутии есть большие озера, на этих озерах летом, в период высиживания яиц, крупные водоплавающие птицы линяют, т.е. сбрасывают маховые перья» [Там же].
9. *Кыдат* — в фольклоре северных якутов южная страна, куда улетают на зиму перелетные птицы. *Кыдат көтөрө* — перелетные птицы [Там же].

2. Орел

1. *Тойон кыыл* — досл. «Господин диких птиц», иносказательное название орла. Якуты в прошлом зверей и птиц в разговоре не называли их собственными обозначениями, а пользовались иносказательными.
2. *Улуу тойон* — досл. «Великий господин», глава верхних *абаасы*, сверхъестественных существ, якобы обитающих в Верхнем мире. См. [Алексеев, 1984, с. 26—29].

4. Элэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель *ысыаха*

1. *Ысыах* — досл. «кропление». Традиционный якутский праздник, на котором обращались с молением к светлым божествам *айыы* — покровителям

рода и племени. От их благосклонности зависело будто бы благополучие якутов. Праздник устраивался в конце июня. К этому празднику якуты готовили кумыс — напиток из кобыльего молока.

2. *Сири иһит* (*сири исит*) — большая кадка для кумыса, изготовленная из выделанной бычьей шкуры; *симиир* — кожаный мех для приготовления кумыса; *чороон* — резной деревянный кубок для кумыса; *хаальба* — кадка из бересты для хранения кумыса; *бисээйэх* — видимо, посуда из бересты.

5. Орел — божество кангаласцев

1. *Кангаластар* (кангаласцы) — одна из пяти больших центральных групп якутов [Долгих, 1960, с. 377].

6. Предок батылинцев

1. «Батулинские волости с 60-х годов в XVII в. были в Жиганском, Верхоянском и Усть-Янском зимовьях» [ИПРЯ, ч. 2, с. 311].

7. Погребение орла

1. *Ийэ кут* (досл. «материнская душа») — по верованиям якутов, у человека три кут (души): *ийэ кут* (материнская душа), *салгын кут* (воздушная душа), *буор кут* (земная душа). (Подробнее см. [Алексеев, 1975, с. 120—123].)

8. Орлиное счастье

1. Б. Алексеев слышал миф от старухи Марии Афанасьевой, умершей около 1918 г.

13. Божество Лебедь

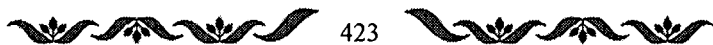
1. *Көс* (*кёс*) — якутская мера длины, равная примерно 10 км.
2. «*Кийииттии* — обычай, определяющий отношения между невесткой и старшими родственниками мужа вообще и свекра в особенности. В силу этого обычая в старину невестка должна была избегать показываться свекру, позднее показывать лицо, волосы и босые ноги» [ИПРЯ, ч. 2, с. 310].

17. Божество Ворон

1. Имеется в виду р. Лена, варианты см. [Ксенофонтов, 1977, с. 84—85] (АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69).
2. *Ытыктыыллар* — досл. «почитают ворона» — ворон был их тотемом.
3. *Дьуотту* — не якутское слово, по смыслу «отойди, отделись», возможно, новое от русского «к черту».
4. Имеется в виду г. Якутск.

18. Тотем

1. Заголовок А.А. Саввина.
2. *Ала суорун тойон* — по якутской мифологии глава одного из родов верхних *абаасы*.

19. Хоринцы, почитающие ворона божеством

1. *Саа тынынын ыаратымы* — досл. «утяжелить дыхание ружья», магическое поверье, согласно которому усиливалась убойная мощь оружия.

23. Сын божества, владеющего вороними конями

1. *Хара сьлгылаах* — досл. «имеющий вороных коней», по якутской мифологии глава одного из родов *абаасы* Верхнего мира.
2. *Ылгын эрбийэ* — младший малыш, имя одного из семи братьев — духов-хозяев огня.

26. Божество Ястреб

1. *Сахалы ыары* — досл. «болезнь по-якутски», в прошлом якуты ряд болезней считали исконно якутскими, их якобы могли лечить только шаманы.

27. Божество Ястреб

1. *Голомо* — зимнее жилище, полуземлянка, верхняя часть представляла собой конусообразный шатер, напоминающий собой чум, покрытый кусками дерна.

30. Кусочек глины с перышками из гнезда скопы

1. В прошлом якуты верили, что эти птицы обладали способностью проклинать. Они «могли» проклятьями засушить верхушку дерева, стоящего у их гнезда. Поэтому заклинали их предков путем шаманского камлания (прим. А.А. Саввина. — *Н. А.*).

32. Кукушка

1. Петров день (29 июня по старому стилю) — христианский праздник.

34. Почему кукушка перестала вить себе гнездо

1. Благовещение (25 марта по старому стилю) — христианский праздник.
2. Николин день (9 мая по старому стилю) — христианский праздник.

35. Как ворона стала черной

1. «*Көтөр кынаттаах биистэрэ* — племя летающих крылатых. Образное название птиц в фольклоре» [ЯС, т. 1, с. 296].

36. Гагара

1. См. сноску 1 к тексту № 2.
2. Миф «намекает на какую-то легенду христианского содержания» [ЯС, т. 1, с. 296].

45. Кулика не убивают

1. *Өбус-чөчөөк, тоойуу-төбүт* (досл. «репіс вздулся, трахает шалун») — жалоба девочки, лишившейся возможности вступать в интимную связь.

46. Рябчик

1. «В сказке имеется в виду христианский Бог, представление о котором у неграмотных якутов было неясным. В вариантах этой сказки рассказывается, что рябчик напугал Богородицу или Бога-отца» [ЯС, т. 1, с. 296].

47. Куропатка

1. Куропатка в разных районах по-якутски называется по-разному: *хабды*, *хабыйахаан*, *ыалыкы* и т.д.

48. Тетерев и щука

1. В вариантах «вместо тетерева выступает глухарь или другая лесная птица» [ЯС, т. 1, с. 297].

49. Дятел и богатырская трава

1. Понятие, близкое к русской «разрыв-траве».

50. Эсэкээн

1. *Эсэкээн* — амулет, приносящий удачу в охоте.

52. Маяты

1. *Ньөөкү*, в современном литературном языке *лаабыс* (от русского слова «лабаз» — «помост на ножках для хранения мяса забитых диких оленей») [ИПРЯ, ч. 2, с. 312].
2. *Ынтах*, в современном литературном языке *антах* — в данном случае в значении «дальше» [Там же].
3. Имеется в виду оз. Ессей в Красноярском крае.
4. *Төһө буолан баран*, в литературном языке *сотору буолан баран* — досл. «спустя некоторое время» [Там же].
5. *Очуоһа* — северный мыс оз. Ессей. По преданию ессейцев, происходит от русского слова «утес» [Там же].

53. Предок медведь

1. Ныне пос. Юрюней Абыйского района.

57. Вода саты

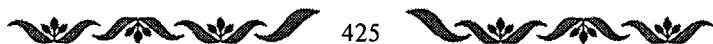
1. *Сата* — камень, жидкость и другие предметы, якобы обладающие сверхъестественным свойством влиять на погоду. О *сате* см. [Кулаковский, 1923, с. 59; Алексеев, 1980, с. 40—58].

58. Божество Волк

1. См. примеч. к тексту № 148.

60. Лиса и налим

1. «*Сыаҥаан* — название налима у северных якутов. В центральных районах Якутии налим по-якутски *сыалыһар*» [ЯС, т. 1, с. 294].

61. Как почернел кончик хвоста у горностая

1. *Инигэр туора муостаах киирбит* — вселился в него с кривыми рогами (т.е. нечистый) — поговорка, основанная на поверии старинных якутов [ЯС, т. 1, с. 295].

62. Как ласка осталась без хвоста

1. *Тохобо төбөтүгэр тобуста дугуйбут* — на кончике кола девять раз повернется — поговорка о ловких, проворных людях.

64. Летучая мышь

1. *Абааны урумэччитэ* — досл. «бабочка злых духов»; *тирии кынат* — досл. «кожаное крыло» — иносказательные названия летучей мыши. Произносить вслух подлинное ее название якуты считали опасным, так как она может откликнуться и нанести вред.

69. Собака и медведь

1. Имеется в виду, что большой палец у медведя расположен не так, как на руке у человека.

74. Конь Тыгына

1. Г.В. Ксенофонов назвал миф «Борьба Тыгына с намцами».

75. Тыгын-воитель и его боевые кони

1. *Илбис кыыса* — досл. «дочь Илбиса». Илбис — бог войны, кровожадности и раздора.

76. Божество юсальцев

1. Вариант мифа см.: АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 83.

77. Конь покойника

1. *Кэритии* — досл. «заставить объездить». По верованиям якутов, человека в первые дни смерти духи принуждали посетить все места, где он бывал при жизни, и собрать все свои срезанные волосы и ногти.

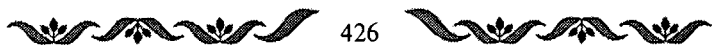
МИФЫ О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ВЕРХНЕГО МИРА

79. Девочка на луне

1. Миф скомпонован составителем. Запись состоит из краткого изложения сути произведения и дополнения, в котором более полно дан конец мифа.

86. *Сата*

1. Аналогичную запись сделали М.Г. Наумовский и П.Т. Степанов в Мегино-Кангаласском районе (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19).

97. Состязание с духами Верхнего мира Аба Уол Дьоххи...

1. Далее С.И. Боло приводит краткое изложение борьбы батурусца Кеччех Кетютэр с духами Верхнего мира [Боло, 1938, с. 150].

98. Сюлэ Тархан

1. См. [Ксенофонов, 1977, с. 202; Попов, 1936, с. 20].
2. «Сюлэ Тархан — почти во всех вариантах предания он рождается после сильного камлания шамана, выпросившего его душу от духа-хозяина грома. Имя Сюлэ сходно с эпитетом или одним из названий божества грома Сүллэр-Этин» [ИПРЯ, ч. 1, с. 298]. О божестве см. [Алексеев, 1975, с. 97].
3. «*Бий ыһыаба, кун күдэнэ* — досл. «брызги луны, пыль солнца». В старину на весенне-летнем празднестве в честь божеств и духов-покровителей разбрызгивали кумыс, отсюда и название празднества *ысыах...*» [ИПРЯ, ч. 1, с. 298].
4. *Кугдарцы* — жители Кугдарского наслега, ныне входит в Ленинский район.

99. Старик Яков

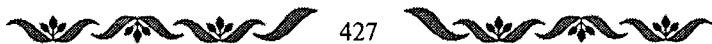
1. По верованиям якутов, шаманы «выпрашивали» души детей у разных *айыы*, в том числе у Джэсёгёя *айыысыта* коней.
2. *Сылам уота* — небесный огонь.
3. «Подарок царя старику Якову — в этом эпизоде отразился, по-видимому, факт награждения якутских князцов в XVIII в.» «цветным сукном и добрым табаком» в случае исправного и бездоимочного взноса *ясака* своего рода. Подарки цветными кафтанами давались и в XIX в. якутам по представлению областной администрации за различные пожертвования [ИПРЯ, ч. 2, с. 311].

102. Кутуйах Баай

1. *Хатылы* — Хатылинский наслег Батурусского улуса ныне входит в состав Чурапчинского района.
2. «Прототипом образа Кутуйах Баая послужил богач, живший в XVIII в. В исторических актах за 1752 г. упоминается “Хатылинской волости князец Кутуях Китчиев”, который по его челобитной Иркутской провинциальной канцелярией был наделен большими судебными правами над своими сородичами» [Стрелов, 1916, с. 195].

103. Бугуйас, Быгык Хантаха и Кутаахаан

1. *Бугуйас* — «В исторических документах XVII в. известен якут Успетской волости Бугуяс Багазаров» [ИПРЯ, ч. 1, с. 292].
2. «*Хаанньас* — сын старухи Кютюр Эмээхсин. По историческим документам известен случай нападения Кайнаса (Успетской волости) в 1696 г. на князца Бадона Амурова» [Там же].
3. Угон коней чужого рода у якутов в старину не считался воровством, а был показателем удали, молодечества.
4. *Сэлэ* — натянута между столбами толстая волосая или ременная веревка, имеющая деревянные застёжки или чекушки. К этим застёжкам за петлю привязывают жеребят, чтобы они не могли сосать кобылу до удоя.

5. *Аамай-туомай* — парное слово, выражающее скорбь, горе, употребляется как междометие.
6. *Дьылба Тойон* — божество *айы*, распоряжающееся судьбами людей. О нем см. [Алексеев, 1975, с. 97—98].
7. *Арагас* — погребальный лабаз, древнее «воздушное» погребение якутов.
8. *Чардаат* — якутская срубная могила.

105. Становление дочери Омогой бая злым духом юёр

1. Еще один вариант мифа см. [Боло, 1938, с. 144—145].
2. *Бэтиэйбум! уһуойабым! аалынкайым!* — по мнению С.И. Боло, напоминает припевания пляшущей женщины, одетой в платье из алого шелка [Боло, 1938, с. 223].

МИФЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВАХ, ОБИТАЮЩИХ В СРЕДНЕМ МИРЕ

108. Происхождение вселенной

1. Пропущено одно слово, записанное неразборчиво.

111. Встретившийся с дочерью Байаная

1. *Хангалас кихитэ* — кангаласец. См. сноску к тексту № 5.
2. По якутским обычаям при групповой охоте каждый участник получил равную долю общей добычи.
3. *Саламаат* — якутское блюдо, приготовленное из мяса, муки, молока (иногда воды) и соли, в виде густой каши.

112. Чаадай Боллох

1. *Кэрдии* — мифическая мера расстояния до Верхнего и Нижнего миров. Шаманы без остановки «преодолевали» по одному *кэрдии*. Слабый шаман «проходил» три *кэрдии*, средний — шесть, «великий» — девять. То же, что и *олох* (см. сноску к тексту № 137).

113. Из-за греховных речей

1. Более краткий вариант, записанный от И.И. Платонова, см. [ИПРЯ, ч. 2, с. 155—157].

114. Дух-хозяин родины

1. От А. Ильиной А.А. Саввиным был записан близкий по содержанию миф о наказании эвенкийского шамана духом-хозяином озера, находящегося в Намском районе. Дух поражает провинившегося шамана мифическим оружием — «острой *айы*» (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 116—118).

116. Гнев водяного быка

1. *Уу обуһа* — водяной мифический бык, «обитающий» в озерах. В прошлом кости мамонтов якуты считали костями водяного быка.

119. Дитя *орука*

1. Сросшаяся в виде копны крона лиственницы и сосны, то же, что у русских «ведьмино помело»...

121. Злой дух, причиняющий болезни детям

1. *Ситии быһар* — обряд разрезания веревки, совершался шаманом. Носил магический характер — женщину обвязывали веревкой и резали эту веревку на куски, тем самым «устраняли» причину, по которой она не имела детей.

123. Рассказ о Бахсы айыта

1. *Куулэй* — помочи, устраивались богачами во время сенокоса.
2. По верованиям якутов, злых духов, в том числе *юёрев*, можно отпугивать ударами левой руки (АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 15).

124. Князец Дьэллээни — тойон Бахсы

1. *Дьэллээни* — Дьэллэмэй, см. предыдущий миф.
2. С возникновением у якутов раннеклассового общества в XVIII в. родоначальники стали захватывать общинные покосы и распоряжаться ими по своему усмотрению. В преданиях отмечаются случаи отдачи покосных угодий в качестве приданого за девушку, вышедшую замуж в другой род, что вызывало протесты родовичей [ИПРЯ, ч. 2, с. 326].

125. Дух-хозяйка Алтана

1. «В старину у людей, у которых умирали дети, был обычай отдавать новорожденных детей тайком от матери чужим людям на воспитание. Вместо ребенка подкладывали щенка или куклу из пряжи. Этим самым люди думали обмануть злого духа, пожиравшего детей» [ИПРЯ, ч. 2, с. 326], см. также [Алексеев, 1980, с. 137—146].
2. Лёкэй Модун и другие герои мифа жили в первой половине XIX в. [ИПРЯ, ч. 2, с. 326].
3. *Харта хапсыта* — досл. «глотание толстой кишки». В старину у якутов были разные виды соревнований по поеданию пищи: питье кумыса, питье топленого масла, глотание сваренной жирной толстой кишки.
4. *Тайбаба* — досл. «в Тайгу» — якутское название Ленских золотых приисков.

126. Болугурская айыы

1. «*Омуоруя Нестор* — по преданиям, Омуоруя Тумарча. Имя князца Нестора Пугарчина в исторических актах встречается в середине XVIII в. Логлойо, Багырынна, Кынчытын и Кюлюрчэ — также исторические лица, жившие в XVIII в. [ИПРЯ, ч. 2, с. 326].
2. Женщина, которая после смерти известна как Болугурская айыы, Мария Дьячковская, умерла в 1815 г. [Там же].
3. По обычаям якутов в прошлом родственники должны были трижды обновлять поврежденные погребения.

127. Сучунаа

1. «Буур — крупный холощенный самец оленя» [ИПРЯ, ч. 1, с. 326].
2. О мифическом существе *сучунаа* см. [Гурвич, 1975].

128. Оспа

1. Эпидемия оспы в связи с отсутствием медицинской помощи значительно сокращала численность народов дореволюционной Якутии.

129. На Оймяконе оспы не было

1. В мифах дух оспы представлялся «босоногой рыжей девушкой в красном сарафане». Мотив отмораживания ее ног встречался во многих мифах о ней [ИПРЯ, ч. 2, с. 327].

130. Хабинский князец

1. «Имеется в виду город Зашиверск на р. Индигирке, население которого сильно пострадало от эпидемии оспы во второй половине XVIII в.» [ИПРЯ, ч. 2, с. 327].

132. Приживательство

1. Имеется в виду Великая Октябрьская революция 1917 г.

133. Посещение страны *сюллюкюнов*

1. *Суллүүкүүн* (сюллюкюн) — мифическое существо, обитающее в озерах и реках, вид водяных.

136. Подслушивание *сюллюкюнов*

1. Человек с «открытым» телом — якуты так называли людей, способных чувствовать присутствие духов.

МИФЫ О ДУХАХ НИЖНЕГО МИРА

137. Племена *абаасы* Нижнего мира

1. *Олох* — мифическое расстояние, которое шаман может пройти в процессе камлания без «отдыха», место на пути шамана в мифические страны, где он делает остановку, на этом месте обитают сверхъестественные существа.

138. Страна, где живут духи, причиняющие смерть роженицам

1. В прошлом якутки рожали, держась за перекладину из кольев, вбитых в земляной пол.
2. Гнездо Иэйэхситэ, гнездо Айыысыта — по верованиям якутов, *кут* ребенка до рождения находился в гнездах, охраняемых указанными богами.

140. Харса

1. См. сноску 2 текстов № 2 и 138.
2. Пропущено примечание В.М. Ионова о том, что это самый дальний Харса.
3. Пропущено слово «или», написанное В.М. Ионовым.

МИФЫ О ПЕРВОПРЕДКАХ, ГЛАВАХ РОДОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ

143. Хаан Дьарылык и Эллэй

1. *Көс* — кёс, якуткая мера длины, равная приблизительно 10 км. В старину различались *сатымы көс* — кёс пешей ходьбы, равный 7—8 км, и *ат көс* — кёс конный, равный 10 км [ИПРЯ, ч. 1, с. 281].

144. Ысыах Эллэй

1. *Илгэ* — волшебный дар богов, дающий счастье.

148. Волки-бётюнцы с волчьей удачей

1. *Бөтүг* — название наслегов (Бётюнских) в Амгинском и Намском районах. В Вилкойском районе во II Чочунском наслеге был род Бөтүн. В старину амгинские бётюнцы имели прозвище «Бөрө Бөтүгнэр» — волки-бётюнцы. В Намском районе Бётюнский и Кобеконский наслеги раньше назывались Бөрөлөөхтөр — «имеющие волков». Имена героев этого предания — Масарах, Чокунай Боотур, Мас Кюнжүэ или Енюкюй — соответствуют историческим документам за 1642—1645 гг., в транскрипции «Базарах», «Чегунай» [Токарев, 1940, с. 57; ИПРЯ, ч. 1, с. 295].
2. *Наахара* — нахарцы, название рода. В конце XIX в. в Восточно-Кангаласком улусе было четыре Нахарских наслега и один Чемакаинский, отделившийся от I Нахарского наслега [ИПРЯ, ч. 1, с. 295].
3. *Абыс муннуктаах дьыэ* — восьмиугольный дом, традиционное якутское жилище. Якуты иногда сооружали восьмиугольный амбар с бойницами [Ионова, 1948, с. 95—106; Зыков, 1975, с. 185—196].
4. Во времена межродовых и межплеменных столкновений был обычай — оружие перед боем мазать человеческой кровью и призывать духа кровожадности и воинственности [ИПРЯ, ч. 1, с. 295].
5. *Абааһылара* — см. сноску 6 к тексту № 1.
6. Такрынский род. Такры — досл. «кривоногий».
7. *Кыргыз сэргэтэ* — коновязь времен межродовых столкновений (*кыргыз үйтэ*). Такие коновязи имели по два или четыре выступа в виде рожков, на которые закидывались поводья лошадей. Это избавляло воинов от затраты времени на привязывание и отвязывание лошадей [Там же; Зыков, 1975, с. 192—194].

149. Потомки Масары — правнуки Тыгына

1. *Масары* — по преданиям внук Тыгына, ездивший на прием к русскому царю [Ксенофонтов, 1977, с. 74—76].

Гнездо души ребенка

151. Таас Уллунгах

1. В ряде мифов и преданий Тыгын выступает как детоубийца, губящий своего сына, чтобы тот впоследствии не затмил его славу своей силой и доблестями [ИПРЯ, ч. 1, с. 288].
2. *Ус аан дойду* — досл. «три изначальные страны или места» в значении «все известные места» [Там же].

152. Парень, покрытый рогом

1. Вариант этого мифа был записан Г.В. Ксенофонтовым в 1921 г. в том же наслеге, см. [Ксенофонтов, 1977, с. 83]. См. также сноску 1 к тексту № 15.

154. Предназначение

1. Существуют два варианта этого мифа, но в виде рассказа об исполнении увиденного во сне опубликован Г.У. Эргисом, см. [ЯС, т. 1, с. 280—284].
2. *Күөх өгнөөх тагастаах оҕолор* — досл. «дети, одетые в одежду зеленого цвета». Это, по верованиям якутов, «эрэкэ-дьэрэкэ» — духи-хозяева трав и зелени, дети богини Айыысыт. Они определяли судьбы новорожденных.
3. *Чынгыс Хаан, Одуун Хаан* — божества айыы, которые предопределяли судьбу счастливых людей.

157. Посмертная поездка покойника

1. *Кэритии* — см. примечание к тексту № 77.

МИФЫ ШАМАНИЗМА

158. Дерево, на котором рождается шаман

1. *Ус тобус сэттэ олох* — 189 олохов, см. сноски к текстам № 112 и 137.
2. *Сүр-кэб* — психика человека.

162. Становление шаманом сына Сабаатты Ньогоруллы...

1. *Мэнэрик* — большой арктической истерией — северным видом психической болезни.
2. *Өлүү луо балыга!* — «Елюю луо балыга», досл. «луо рыба смерти». Слово *луо*, возможно, означает «дракон» — мифологическое животное южного происхождения. См. [Алексеев, 1975, с. 114—115].

163. Старинное повествование о шамане Сабырыкы

1. *Эмэгэт* — дух-покровитель шамана, в данном случае дух какого-то умершего шамана. См. [Алексеев, 1975, с. 125—126].
2. Во время заклинания человек, по верованиям якутов, «соединялся» незримой нитью с огнем и солнцем. Разрыв этой «нити» приводил к смерти исполнителя обряда. Поэтому запрещалось проходить между человеком и очагом, или человеком и солнцем.

Дух-помощник шамана в образе совы

3. Здесь «имеющий изображение духа-покровителя».
4. *Удабан кыыллара* — досл. «птицы шаманки», это деревянные изображения духов-помощников шаманки, установленные во дворе на шестах. Обычно якуты делали изображения различных птиц (гагары, ворона, двуглавого орла и т.д.), см. [Алексеев, 1975, с. 152—155].
5. *Кун-ый быата туллара, күһэнэ быата быстара буолла* — досл. «настало время падения солнца и луны, разрыва крепления *кюсэңги*». Образное выражение — «настал час смерти». Солнце, луна, *кюсэңэ* — названия привесок на шаманском костюме. Их падение во время камлания, по верованиям якутов, приводило к смерти шамана.
6. По верованиям якутов, шаманы дрались, приняв облик различных зверей, в данном случае шаман и шаманка «стали» медведями.
7. См. текст № 86.

164. Шаман Аадья

1. Про шамана Аадья существует еще один вариант мифа. Он схож в основном с данным мифом. Разница в том, что дух, причинивший болезнь, после камлания Аадья вошел в состав духов-покровителей семьи, члены которой болели (АЯФ АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 571, л. 29 об. — 30).

165. Шаман Дойомпо

1. Шаманы, по верованиям якутов, имели сверхъестественных помощников, которые принимали различный облик: антропоморфный, зооморфный. См. [Алексеев, 1984, с. 79—81].
2. «По поверьям якутов, шаманы и шаманки рожают птиц, рыб, по-видимому, от интимной связи с духами» [ИПРЯ, ч. 2, с. 325].
3. *Кутуруксута* — досл. «рулевой, кормчий». Человек, помогающий шаману при камлании.
4. *Өксөкү (ёксёкю)* — мифический двуглавый орел.

167. Омогой Баай и Элэй Боотур

1. *Омобой, Элэй* — имена легендарных прародителей якутов, переселившихся на Север. В вариантах они могут звучать различно: Омогой, Онохой, Номогон Баай, Оконом; Элэй, Элдэй, Эт уос, Мясогубый Эльдэй. [ИПРЯ, ч. 1, с. 277].
2. *Ус үөстээх* — трехрусловая, или трехпроточная, так именовали в якутской народной поэзии р. Лену.
3. *Көрүү көрөр* — иметь видение, см. сноску 7 к тексту № 1.
4. «*Собуруу Ытык Хайа* — Южная почтенная гора, высокий горный мыс на р. Лене в 28 км к югу от Якутска, местное русское название: Табагинский мыс. Хотугу Ытык Хайа — Северная почтенная гора, 25 км севернее Якутска, местное название: Кангаласский камень, в старину его называли Сургуев камень» [Там же].
5. «*Иэйэхсит* — общее название божеств женского пола, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту» [Там же].
6. *Кэргэн* — здесь в старинном значении «домочадец, работник», близком к значению слова *чабар — чабырдар* — «рабы» [Там же].
7. *Айыһыт* — по старинным якутским представлениям, богиня-покровительница рожениц.
8. *Туос ураһа* — берестяная ураса, старинное летнее жилище якутов.
9. «*Улуу тунах сабана* — период наибольшего изобилия молочных продуктов в начале лета» [Там же, с. 278].
10. «...в легендах и преданиях признак того, что выше по реке появились незнакомые люди» [Там же].
11. *Дэкэй Дэпсэ* — имя одной из дочерей Омогоя.
12. *Ньыкы-Даххан* — см. тексты № 104, 105.
13. *Чороон* — якутский деревянный кубок для кумыса. См. [Потапов, 1972, с. 46—87].
14. «Этот фольклорный мотив встречается во всех преданиях об Элэе. По народным приметам пенящаяся моча девушки свидетельствует о ее плодovitости» [ИПРЯ, ч. 1, с. 278].
15. «*Безрогая, бесхвостая, рыжая корова* — такую корову не давали в приданое невесте, ее в старину приносили в жертву при болезнях, для умиловления злых духов» [Там же].
16. *Араан тыа буолун* — досл. «будьте как отдельно растущий лес», в значении «живите отдельно, обособленно и размножайтесь» [Там же].

17. *Сахсары-Сайсары* — озеро на территории г. Якутска.
18. «*Кулун кымыһа* — жеребячий кумыс», праздник пробного питья раннего кумыса [ИПРЯ, ч. 1, с. 278].

169. Шаманка Бордуолаах

1. *Бордуолаах* — одна «из наиболее популярных предков Оймяконских якутов» [ИПРЯ, ч. 2, с. 309].
2. «*Көбүүр* — род кушания. Приготавливается следующим образом: сливочное масло сразу после пахания разводится с помощью мутовки молоком или кипяченой водой, получается рыхлая пенистая масса, очень приятная на вкус» [Там же].
3. По поверьям, Бордуолаах после смерти стала *юёрем* и причиняла «болезни своим потомкам» [Там же].
4. «*Чёкчёнгё эмээт* — дух-покровитель шамана, придающий ему якобы чудодейственную силу и способность общаться с духами» [Там же]. (*Чёкчёнгё* — кулик. — Н. А.)

170. Племя хара сагыл

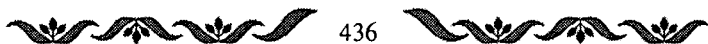
1. *Хара сагыл* — досл. «черные сагылы» — название племени, по преданиям, обитавшего в Якутии еще до прибытия туда предков якутов Омогоя и Эллэя.
2. *Тыал буолбуттар* — досл. «ставшие ветром, т.е. рассеявшиеся по дуновению ветра; прозвище данное якутами потомкам хара сагылов» [ИПРЯ, ч. 1, с. 282].
3. *Нэрээт ырдьыта* — повинность по перевозке грузов. Начиная с первой половины XVIII в. якуты доставляли вьюками на лошадях казенные грузы — муку, свинец, масло, соль, пушнину и др. из Якутска в Охотск, Удской острог, на Яну и Колыму [Там же].
4. «*Кыргыз дьоно* — люди кыргыса, т.е. воины, участвующие в межродовых и межплеменных столкновениях» [Там же, с. 278].
5. «*Орон сынаһата* — закраина (закрай) у широкой лавки вдоль стены балагана (юрты)» [Там же, с. 283].
6. «*Лаамы* — название г. Охотска и всего Охотского побережья» [Там же].
7. «Шаман Хабыстай жил в середине XIX в. во II Ольтекском наслеге Борогонского улуса, ныне Усть-Алданского района» [Там же].
8. *Өлүү уута* — досл. «вода смерти», по верованиям якутов, шаманы брали ее из источника, находящегося в Нижнем мире.

171. О том, как якуты заняли местожительство тунгусов

1. «Переселение кобьяйских тунгусов на север подтверждается историческими документами XVIII в.» [ИПРЯ, ч. 1, с. 283].
2. *Тордох* — чум.
3. *Көрүүлэни* — см. сноску 7 к тексту № 1.

172. Шаман Семен

1. *Ойуун кылыыта* — *кылыы*, насторожка самострела. См. тексты № 178, 179.

179. Суор Уола

1. Шаманы, по мифам, иногда «бодались» с духом оспы, приняв облик быков.

180. Шаман Саргыл

1. См. текст № 178.

182. Кээрэкээн

1. «Кээрэкээн — один из предков Жексогонского наслега <...> В 1641 г. в Батурусской волости значились якуты Тимка, Одурой Карекановы дети», т.е. Кээрэкээнновы дети [Ионин, 1895, с. 187; ИПРЯ, ч. 1, с. 283].
2. *Сюр-кут* — жизненное начало человека.
3. *Старик Бахсыгыр* — по преданиям, является родоначальником Баягантайского улуса [ИПРЯ, ч. 1, с. 286].
4. *Баягантай* — Баягантайский улус был расположен по нижнему течению р. Алдан и по впадающей в него р. Татте, также по р. Оймякон, притоку Индигирки. В 1930 г. при районировании Баягантайский улус был упразднен, часть его наслегов отошла в Усть-Алданский район, часть — в Таттинский, остальные — во вновь образованный Оймяконский район [Там же].
5. «Оймяконцы, по преданиям, являются выходцами из Татты, Алдана и Амги» [Там же].
6. «Так говорят о критическом моменте» [Там же].
7. *Эр сулуута* — выкуп за убитого мужа-воина, по русской терминологии XVII в. «головщина» [Там же].
8. Образное выражение, означающее наступление несчастья, смерти.

183. Род Дьохсогон (Жексогон)

1. «Игидэй — название родовой группы; в XIX — начале XX в. были I и II Игидейский наслеги в Баягантайском и Таттинском улусах; кроме того, отдельные игидейские роды были в Западно-Кангаласском и Борогонском улусах» [ИПРЯ, ч. 1, с. 296].
2. «*Тыраһа* — Терасинский наслег Таттинского района, где рассказываются предания об Иргизэ и Ингэрчэ и где сохранились следы построек, принадлежавших им» [Там же].
3. «*Дьохсогон* — по преданиям, имя предка якутов Жексогонских наслегов в бол. Ботурусском улусе» [Там же, с. 283].
4. *Суорат* — *сорат*; якутское молочное блюдо, заквашенное кипяченое молоко [Там же].

184. Сын шамана Адагалаах

1. В мифах в борьбе шаманов состязались не сами шаманы, а их *ийэ кыыл* — мать-звери, сверхъестественные существа в образах птиц, зверей и быков-порозов.

2. «*Алысардаах* — шаманка, жившая в Мукучинском наслеге Кобяйского района, достигнув глубокой старости, умерла в 20-х годах XX в.» [ИПРЯ, ч. 2, с. 325]. (Она славилась своим колдовством. — Н. А.)

191. О вражде Биэстээх Бочооха с шаманом Сынгаага Суох

1. *Биэстээх Бочоох* — историческая личность, жил во второй половине XVIII в., участвовал в 1778 г. в постройке церкви в с. Покровском [ИПРЯ, ч. 2, с. 325]. Неполный вариант мифа о Биэстээх Бочоохе и Сынгаага Суох был опубликован Г.В. Ксенофонтовым [1928, с. 25—27].
2. «Мотивы восстановления утраченных частей тела и воскресения после насильственной смерти встречаются во многих легендах и рассказах о шаманах» [ИПРЯ, ч. 2, с. 325].

192. Тюмятинская шаманка

1. См. тексты № 105, 122.

194. Шаман Эргис

1. «*Шаман Эргис* — прародитель Эргисского наслега Орджоникидзевого района» [ИПРЯ, ч. 2, с. 324]. Айыы ойууна, так называемый «белый шаман», жрец культа-духов покровителей племени.
2. «*Дьабын* — загробный мир, небытие, куда отправляются души умерших шаманов после исполнения соответствующих обрядов» [Там же].
3. «*Никифор Гермогенов*, по прозвищу Чохооной, жил в первой половине XIX в.» [Там же].
4. «*Ылаар* — искаженное православное имя Илар или Иларий, Петр — имя сына Илара» [Там же].

196. Гроб

1. По одному из старинных якутских календарей Новый год начинался в сентябре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.А.* Культ айыы — племенных божеств-покровителей якутов // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1969. — Вып. 5.
- Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. — Новосибирск, 1975.
- Алексеев Н.А.* Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978а.
- Алексеев Н.А.* Мифологические рассказы хакасов о птицах и животных // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1978б. — С. 146—150.
- Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980.
- Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1984.
- Алексеев Е.А.* Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976.
- Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. МАЭ АН СССР. — 1924. — Т. 4, вып. 2.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену // Сб. тр. НИИ якут. языка и культуры при СНК ЯАССР. — М.; Якутск, 1938. — Вып. 4.
- Василевич Г.М.* Эвенки. — Л., 1969.
- Гурвич И.С.* Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). — М., 1975.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.
- Зеленин Д.Н.* Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. — М., 1936.
- Золотарев А.Н.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. — Л., 1934.
- Зыков Ф.М.* К вопросу о происхождении многоугольных построек якутов // Якутия и ее соседи в древности. — Якутск, 1975. — С. 185—196.
- Ионин А.М.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVIII в. // ИВСОРО. — 1895. — Т. 26, № 1—3.
- Ионов В.М.* Дух-хозяин леса у якутов // Сб. МАЭ АН СССР. — 1916. — Т. 4, вып. 1.
- Ионова О.В.* Многоугольные постройки якутов // Сб. материалов по этнографии якутов. — Якутск, 1948. — С. 95—106.
- Исторические предания и рассказы якутов* / Изд. подготовил Г.У. Эргис. — М.; Л., 1960. — Ч. 1, 2.
- Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 году // Зап. ИРГО отд. этнографии. — 1891. — Т. 17, вып. 2.

- Катанов Н.Ф.* Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагазов. — СПб., 1907. — Ч. 9.
- Ксенофонтов Г.В.* Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. — Иркутск, 1928.
- Ксенофонтов Г.В.* Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — М., 1977.
- Кулаковский А.Е.* Материалы для изучения верований якутов // Зап. Якутского краеведческого геогр. об-ва. — Якутск, 1923. — Кн. 1.
- Кулаковский А.Е.* Научные труды. — Якутск, 1979.
- Максимов А.Н.* К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Учен. зап. РАНИИОН. — М., 1922. — Т. 6.
- Малов С.Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. — 1947. — № 1.
- Мифы народов мира.* — М.: Сов. энцикл., 1980. — Т. 1.
- Попов А.А.* Якутский фольклор. — Л., 1936.
- Попов А.А.* Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа // Сб. МАЭ АН СССР. — 1949. — Вып. 21.
- Потапов И.А.* Якутская народная резьба по дереву. — Якутск, 1972. — 144 с.
- Приклонский В.Л.* Похороны у якутов в северной части Якутской области // Сибирский сборник. — Иркутск, 1890. — Вып. 1.
- Пригузов Н.П.* Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа // ИВСОРГО. — 1884. — Т. 15, № 3—4.
- Семенов Ю.И.* Как возникло человечество. — М., 1966.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. — СПб., 1896. — Т. 1.
- Стрелов Е.Д.* Акты архивов Якутской области с 1650 г. до 1800 г. — Якутск, 1916. — Т. 1.
- Токарев С.А.* Очерки истории якутского народа. — Якутск, 1940.
- Хлопина И.Д.* Из мифологии и традиционных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978.
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936.
- Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. — М., 1974.
- Якутские сказки* / Изд. подготовил Г.У. Эргис. — Якутск, 1964. — Т. 1.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АИВ АН СССР (ЛО) — Архив Института востоковедения АН СССР (ЛО)
АЯФ СО АН СССР — Архив Якутского филиала СО АН СССР
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения РГО
ИПРЯ — Исторические предания и рассказы якутов
ЛО — Ленинградское отделение
РАНИИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
ЯС — Якутские сказки

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЯ	6

САХА ӨС-НОМОХТОРО

ХАМСЫЫР-ХАРАМАЙ ТУЪУНАН

1. Көтөрдөр мунньахтара	41
2. Тойон кыыл	48
3. Дьабыл тойон	49
5. Тойон кыыл хаҥаластар таңгаралара	49
6. Баатылы төрдө	50
7. Хотойго уңуох тутуу	51
8. Тойон дьоло	51
9. Хотой кыыл	52
10. Кубаны өлөрүү	53
11. Куба	53
12. Куба төрүт	53
13. Куба таңгара	54
14. Куба уонна суор кэлиитэ	54
15. Куоҕас суор икки	54
16. Суору өлөрүү	55
17. Суор таңгара	55
18. Тотем	56
19. Суор таңгаралаах хоролор	57
20. Суор таңгара	57
21. Хоролор уонна суор	58
22. Суор бултка көмөтө	58
23. Хара сылгылаах уола	58
24. Тынгырахтаах көтөрдөр	59
25. Кырбый көмөтүнэн	59
26. Кырбый таңгара	59
27. Кырбый таңгара	60
28. Кырбый уонна Арыпыана	61
29. Элиэни	61

30. Балыктыма түүлээх буора	62
31. Кыталык тангара	62
32. Кэбэ	62
34. Кэбэ уйа туттубат буолбута	63
35. Тураах хара дьүһүннэммитэ	63
36. Куоҕас	64
37. Далланг куоҕас	66
38. Хопто, тыыраахы	66
39. Туматтар тангаралара манган тыыраахы	67
40. Туруйа туһунан	67
41. Боборгоно	68
42. Ураанайынан	68
43. Кураҕаччы төрдө	69
44. Кураҕаччы (ардах барааҕа)	69
45. Чөкчөнөнү өлөрбөттөр	70
46. Бочугурас	70
47. Хабыйакаан	71
48. Куртуйахтаах сордонг	71
49. Тонсоҕой уонна күүстээх от	71
50. Эһэкээн	72
52. Майааттар	72
53. Эһэ төрүт	73
54. Эһэ буулааһына	73
55. Эһэ	74
56. Булчут уонна эһэлэр	74
57. Сата уута	75
58. Бөрө тангара	75
60. Саһылы кытта сыһаан	76
61. Кырынаас кутуругун төбөтө хара буолбута	77
62. Мунур кутуруга суох буолта	78
63. Үтүөнү үтүөнэн боруостааһын	79
64. Кынаттаах кутуйах	80
65. Бальк, үөн	80
66. Аптаах баҕа уңуоҕа	80
67. Баҕа аптаах уңуохтара	81
68. Эриэн үөн уонна кыһыл көмүс	82
69. Ыт уонна эһэ	82
70. Суостаах ыт уонна оҕо абааһыта	82
71. Ыт өлүүтэ	83
72. Тангара буолбут тыһы ыт	83
73. Атыыр уонна атыыр оҕус (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта)	84
76. Дьуһаал тангарата	84
77. Хоолдьуга	84

**ХАЛЛААН ЭТТИКТЭРИН УОННА
ҮӨХЭЭ ДОЙДУ ОЛОХТООХТОРУН ТУҢУНАН**

78. Тулаахайх уол обо уонна ый	85
79. Ый кыһа	85
83. Этинг сүгэтэ	86
84. Аччы	86
86. Сага	86
88. Дьяангы ырыата	87
89. Тыаллар	87
90. Үс дойду үөскээбитэ	87
91. Үөһээ тахсар аартык	88
92. Халлаан кыргыттара	88
95. Харах абааһыта буолбута	89
96. Үөһээ дойду уолун кытта сымсыалаһыы	90
97. Үөһээ абааһыттан төрөөбүт Аба Уол Дьоххо үөһээ абааһылары кытта сымсыалаһыылары	92
98. Сүлэ Тархан	93
99. Яков оҕонньор	95
101. Хомпорой айыыттан бултка туһанар ыты ылыы	96
102. Кутуйах Баай	97
103. Бугуйас, Быгык Хантаха, Кутаахаан (Дьылжа хаан суута)	98
105. Омоҕой баай кыһа үөр абааһы буолуута	102
106. Куорсун үүнүү	103

**ОРТО ДОЙДУГА «ОЛОХТООХ» ИЧЧИЛЭР,
ҮӨРДЭР УОННА АБААҢЫЛАР ТУСТАРЫНАН**

108. Аан дойду үөскээбитэ	103
109. Байанай уонна Иэйиэхсит	104
110. Тьа уонна уу иччилэрэ	105
111. Байанай кыһын кэссүбүт	105
112. Чаадай Боллох	108
113. Тылын сэтэтигэр	110
114. Аан дойду иччитэ	112
115. Дойду иччилэрин сырыыта	112
116. Уу оҕунун кыһырыыта	112
117. Улуу тойон ылгын кыһа	113
118. Ынахсыт	113
119. Орук оҕото	114
120. Сыбааннай оруга	115
121. Оҕо абааһыта	115
122. Кыыс таңгара	115
123. Бахсы айыытын кэпсээнэ	116
124. Бахсы тойоно Дьэллээни кинээс	118
125. Алтан хотуна	118

126. Болугур айыыта	124
127. Сучунаа	126
128. Буоспа	126
129. Өймөкөөнгө буоспа сылдыбатаба	127
130. Хаба кинээһэ	128
131. Абааһы чуккаахтаспыта	128
132. Дьуккаахтаһыы	130
133. Сүллүүкүнгэ кирири	131
134. Сүллүүкүттэр	132
135. Сүллүүкүнтэн дьылҕаны быһааттары	133
136. Сүллүүкүнү иһиллээһин	133

АЛЛАРААННЫ ДОЙДУ АБААҢЫЛАРЫН ТУҢУНАН

137. Аллараангы абааһы биһин ууһа	134
138. Төрүүр дьахтар өлүүтүн төрдө	136
139. Оҕо өлүүтүн төрдө	137
140. Харса	137
141. Отоһут төрдө	138
142. Абааһыга кирири	139

ТӨРҮТ ӨБҮГЭЛЭР УОННА КИҢИ ДЬЫЛҔАТЫН ТУҢУНАН

143. Хаан Дьарылык уонна Эллэй	141
147. Орхон Болодой, Хара Түмэн	143
148. Бөрө саҕа соргулаах Бөрө Бөтүгнэр	143
150. Орук мас төрүттээх	147
151. Таас Үллүгүһ	147
152. Муос уол	147
153. Кытыгырас Хаптаҕай Баатыр өлүүтэ	148
154. Онгоһуу	149
155. Уустар дьаданҕы буолтара	150
156. Өлбүт киһини кэритири	150

ОЙУУННАР ТУСТАРЫНАН

158. Ойуун төрүүр маһа	151
159. Айыы ойууна айдарыыта	152
161. Тулуурдаах ойуун	152
162. Аар Саарга ааттамматах Сабаатта уола Ньоборулла ойуун буолуута	158
163. Сабырыкы ойуун туһунан сэхэн	159
164. Аадья ойуун	164
165. Дойомпо ойуун	165
166. Дүнгүр маһа	168
167. Омоҕой Баай, Эллэй Боотур	168

168. Оноҕой Баай, Хара Түмэн	171
169. Бордуолаах удаҕан	172
170. Хара саҕыл омуртар	173
171. Тонус олоҕун саха кэлэн ылбыта	175
172. Сэмэн ойуун	175
173. Ойууттар сырыылара	176
176. Дьэргэлгэн түһэри	177
177. Ойуун ыйааһынын ыаратыты	177
178. Ойуун айата	177
179. Суор Уола	178
180. Саргыл ойуун	181
182. Кээрэкээн	181
183. Дьохсоҕон ууһа	186
184. Адаҕалаах ойуун уола	188
185. Сабарта Өлөксөй уонна Болчуона ойуун	190
189. Добун ойуун кубулҕата	191
190. Ойууну муокастааһын	192
191. Биэстээх Бочоох Сынгааҕа суох ойууну кытта өстөһүүтэ	193
192. Түмэти удаҕана	195
194. Эргис ойуун	197
195. Ойуун Уол	202
196. Холбо	202

ЯКУТСКИЕ МИФЫ

МИФЫ О ПТИЦАХ, ЖИВОТНЫХ, РЫБАХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

1. Собрание птиц	209
2. Орел	217
3. Орел в черных пятнах	217
4. Эллэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель <i>ысыаха</i>	217
5. Орел — божество кангаласцев	219
6. Предок батылинцев	220
7. Погребение орла	220
8. Орлиное счастье	220
9. Орел	223
10. Умерщвление лебедя	223
11. Лебедь	224
12. Предок лебедь	224
13. Божество Лебедь	224
14. Прилет лебедя и ворона	225
15. Гагара и ворон	225
16. Умерщвление ворона	226
17. Божество Ворон	226
18. Тотем	228

19. Хоринцы, почитающие ворона божеством	228
20. Божество Ворон	229
21. Хоринцы и ворон	229
22. Помощь ворона в охоте	230
23. Сын божества, владеющего воронными конями	230
24. Хищные птицы	230
25. Благодаря помощи ястреба	231
26. Божество Ястреб	231
27. Божество Ястреб	231
28. Ястреб и Аграфена	233
29. О коршуне	233
30. Кусочек глины с перышками из гнезда скопы	234
31. Божество Стерх	234
32. Кукушка	234
33. Кукушка	235
34. Почему кукушка перестала вить себе гнездо	235
35. Как ворона стала черной	236
36. Гагара	237
37. Гагара ошейниковая	238
38. Мартын (чайка-хохотунья), чайка (крачка)	239
39. Белая чайка — божество туматцев	239
40. О журавле	240
41. Болотная курочка	240
42. Черная лысуха	241
43. Происхождение кроншнепа	241
44. Кроншнеп (дождевой кулик)	242
45. Кулика не убивают	242
46. Рябчик	243
47. Куропатка	243
48. Тетерев и щука	244
49. Дятел и богатырская трава	244
50. <i>Эсэжээн</i>	244
51. Табу на крупную дичь и зверей	245
52. Маяты	245
53. Предок медведь	246
54. Месть медведя	246
55. Медведь	247
56. Охотник и медведи	247
57. Вода <i>самы</i>	248
58. Божество Волк	249
59. Лиса и огонь	249
60. Лиса и налим	249
61. Как почернел кончик хвоста у горноста	251
62. Как ласка осталась без хвоста	252

63. Отплатить добром за добро	252
64. Летучая мышь	254
65. Рыбы, гады	254
66. Волшебная кость лягушки	254
67. Волшебные кости лягушки	255
68. Змея и золото	255
69. Собака и медведь	256
70. Лютая собака и дух, причиняющий болезни детям	256
71. Доля собаки	257
72. Сука, ставшая божеством	257
73. Жеребец и бык-пороз (Как зима стала длиннее, а лето короче)	258
74. Конь Тыгына	258
75. Тыгын-воитель и его боевые кони	259
76. Божество юсальцев	260
77. Конь покойника	260

МИФЫ О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ВЕРХНЕГО МИРА

78. Мальчик-сирота и луна	261
79. Девочка на луне	261
80. Чолбон (Венера) и Юргэл (Плеяды)	262
81. Гром	262
82. Топор грома	262
83. Топор грома	262
84. Отпугивание злых духов	263
85. <i>Сата</i>	263
86. <i>Сата</i>	264
87. Сношения с Тыгыном	264
88. Песня горных вершин	265
89. Ветры	265
90. Происхождение трех миров	265
91. Проход в Верхний мир	267
92. Небесные девицы	267
93. Легенды о Быйаа, сыне небожителей	269
94. Идэльги-Боотур	270
95. Ставшая злым духом, причиняющим глазные болезни	275
96. Состязание с парнем Верхнего мира	276
97. Состязание с духами Верхнего мира Аба Уол Дьоххи, родившегося от брака <i>абаасы</i> Верхнего мира с земной женщиной	278
98. Сюлэ Тархан	279
99. Старик Яков	281
100. Потомство Омогоя	282
101. Получение от Хомпорой айыы охотничьей собаки	284

102. Кутуйах Баай	285
103. Бугуйас, Быгык Хантаха и Кутаахаан (Суд Дьылга-хана)	287
104. Красивая дочь Омогона увлекается демоном	290
105. Становление дочери Омогой бая злым духом <i>юёр</i>	291
106. Приобретение крыльев	292
107. Куньяас-Ойун	292

МИФЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВАХ, ОБИТАЮЩИХ В СРЕДНЕМ МИРЕ

108. Происхождение вселенной	293
109. Байанай и Иэйиэхсит	293
110. Духи-хозяева леса и воды	294
111. Встретившийся с дочерью Байаная	295
112. Чаадай Боллох	297
113. Из-за греховных речей	299
114. Дух-хозяин родины	302
115. Способ передвижения духов-хозяев земли	303
116. Гнев водяного быка	303
117. Младшая дочь Улуу тойона	303
118. Ынахсыт	303
119. Дитя <i>орука</i>	305
120. <i>Орук Сыбаанньи</i>	305
121. Злой дух, причиняющий болезни детям	305
122. Дева-божество	308
123. Рассказ о Бахсы айыыта	310
124. Князец Дьэллээни — тойон Бахсы	311
125. Дух-хозяйка Алтана	312
126. Болугурская <i>айыы</i>	318
127. <i>Сучунаа</i>	320
128. Оспа	321
129. На Оймяконе оспы не было	322
130. Хабинский князец	322
131. Сожительство злого духа	323
132. Приживательство	325
133. Посещение страны <i>сюллюкюнов</i>	326
134. <i>Сюллюкюны</i>	327
135. Узнавание судьбы от <i>сюллюкюна</i>	328
136. Подслушивание <i>сюллюкюнов</i>	328

МИФЫ О ДУХАХ НИЖНЕГО МИРА

137. Племена <i>абаасы</i> Нижнего мира	329
138. Страна, где живут духи, причиняющие смерть роженицам	331
139. Страна, где живут духи, причиняющие смерть детям	332
140. Харса	333

141. Место, где живут духи, воспитывающие *отосутов* 333
142. Спуск к злым духам 334

МИФЫ О ПЕРВОПРЕДКАХ, ГЛАВАХ РОДОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ

143. Хаан Дьарылык и Элэй 337
144. *Ысыах* Элэй 339
145. *Ысыах* Элэй 340
146. Тойон-Омогой и белый шаман Аан-Эрэсэр 340
147. Орхон Болодой и Хара Тюмэн 341
148. Волки-бётюнцы с волчьей удачей 342
149. Потомки Масары — правнуки Тыгына 345
150. Род, считающий предком дерево с *оруком* 347
151. Таас Уллунгах 348
152. Парень, покрытый рогом 348
153. Смерть быстроногого Каптагая Баатыра 349
154. Предназначение 349
155. Как мастера стали бедными 351
156. Причина долговечности 351
157. Посмертная поездка покойника 351

МИФЫ ШАМАНИЗМА

158. Дерево, на котором рождается шаман 353
159. Сотворение шамана *айыы* 354
160. Жарение и поедание тела шамана бесами 354
161. Шаман Тулуурдаах (Терпеливый) 355
162. Становление шаманом сына Сабаатты Ньогоруллы, имя которого не упоминалось всеу 361
163. Старинное повествование о шамане Сабырыкы 362
164. Шаман Аадья 368
165. Шаман Дойомпо 369
166. Дерево для бубна 372
167. Омогой Баай и Элэй Боотур 373
168. Оногой Баай и Хара Тюмэн 375
169. Шаманка Бордуолаах 376
170. Племя *хара сагыл* 378
171. О том, как якуты заняли местожительство тунгусов 380
172. Шаман Семен 380
173. Пути-дороги шаманов 381
174. Образ шаманских бесов (ворон и собаки) 382
175. Шаманский бес-собака 382
176. Наведение миража 383
177. Увеличение веса шамана 383
178. Самострел шамана 383

179. Суор Уола	384
180. Шаман Саргыл	388
181. Уничтожение шаманками хоринцев	389
182. Кээрэкээн	390
183. Род Дьохсогон (Жексогон)	396
184. Сын шамана Адагалаах	397
185. Алексей Сабарта и шаман Болчуона	400
186. Джаарын (Князец-шаман)	401
187. Джаарын Ойун	402
188. Оноху и Норгуо (Борьба с орветцами)	403
189. Злые проделки шамана Добун	405
190. Нанесение вреда шаману	406
191. О вражде Биэстээх Бочооха с шаманом Сынгаага Суох	406
192. Тюмятинская шаманка	408
193. Стихийные явления, сопровождающие смерть шамана	410
194. Шаман Эргис	411
195. Ойун Уол	417
196. Гроб	417
ПРИМЕЧАНИЯ	422
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	439
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	440

Научное издание

ЯКУТСКИЕ МИФЫ
•
САХА ӨС-НОМОХТОРО

Составитель *Н.А. Алексеев*

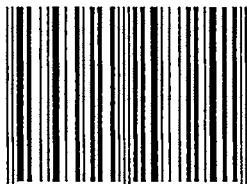
Редактор *Ю.В. Печенкина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, С.М. Погудина*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 08.04.04. Подписано в печать 25.06.04.
Бумага ВХИ. Формат 60×90¹/₁₆. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 28,25. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 1000 экз. Заказ № 215.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

СП «Наука» РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ISBN 5-02-029724-0

9 785020 297241

**Сибирская издательская фирма «Наука» РАН
предоставляет индивидуальным
и коллективным заказчикам
широкий диапазон услуг:**

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, ботанике, зоологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку;
помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий выполняет

компьютерный набор и верстку, сканирование и цветоделение, техническую и художественную ретушь, оригинал-макеты любой сложности.

Отдел маркетинга и рекламы

заключает договоры на поставку научной литературы и литературы для широкого круга читателей;
размещает рекламу на страницах книг и журналов Сибирского отделения РАН;
проводит маркетинговые исследования научно-популярной литературы; ищет партнеров для совместного издания книг.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Приглашаем российских и иностранных партнеров к сотрудничеству в области книгоиздания.

Об условиях размещения заказов и оплате можно узнать по адресу:

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Звоните по телефонам: (383-2) 22-51-81 (приемная);

(383-2) 22-68-82 (зам. директора);

(383-2) 22-35-02 (отдел маркетинга);

(383-2) 22-33-23 (редакция естественно-научной и технической литературы),

e-mail: tech@spc.nsc.ru;

(383-2) 22-02-47 (редакция литературы по гуманитарным наукам),

e-mail: gum@spc.nsc.ru.

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"